

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

СБОРНИКЪ
СВѢДѢНІЙ
о
КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ.

ИЗДАНІЕ
КАВКАЗСКАГО ГОРСКАГО УПРАВЛЕНИЯ.

ВЫПУСКЪ IX.

ТИФЛИСЪ.

4876.

СБОРНИКЪ

СВѢДѢНІЙ

0

КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦАХЪ.

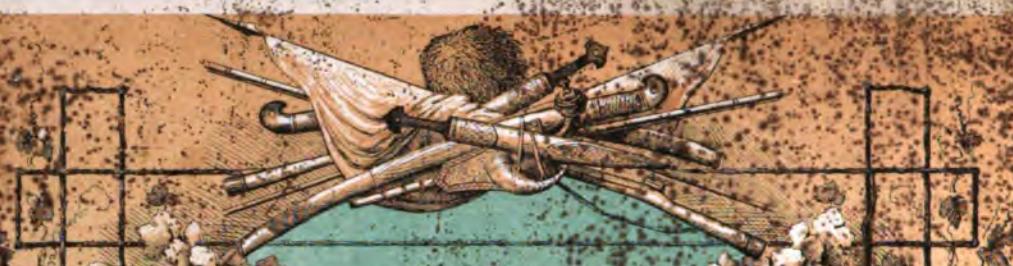
ИЗДАНІЕ •

КАВКАЗСКАГО ГОРСКАГО УПРАВЛЕНИЯ.

ВЫПУСКЪ IX.

ТИФЛИСЪ.

4876.

СБОРНИКЪ

СОВѢЩАНИЙ О КАВКАЗСКИХъ ГОРДАХъ.

ИЗДАНІЕ

Кавказскаго Торговаго Управления

Выпукъ IX.

ТИФЛИСЪ. 1876.

Digitized by Google

СБОРНИКЪ

СВѢДЕНИЙ О КАВКАЗСКИХЪ ГОРДАХЪ

издаваемый

съ сенатскими

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА

Главнокомандующаго Кавказской Армию

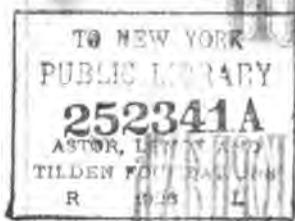
ПРИ

КАВКАЗСКОМЪ ГОРСКОМЪ УПРАВЛЕНИИ.

ВЫПУСКЪ IX.

ТИФЛИСЪ.

—
1876.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНИЯ НАМІСНИКА КАВКАЗСКОГО.

Содержание.

I. Изслѣдованія и материалы:

1) Характеристическія особенности кавказскихъ языковъ.

Изъ посмертныхъ сочиненій *П. К. Услара*.

2) Ингушки (ихъ жизнь и обычай), *Н. Ф. Грабовскаго*.

3) Присоединеніе къ Россіи Кабарды и борьба ея за независимость, *его-же*.

II. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ:

Изъ осетинскихъ сказаний о Нартахъ: 1) Сказаніе о нартѣ Хамыцѣ, бѣломъ зайцѣ и сынѣ Хамыца—Батрагѣ; 2) О нартѣ Урызмагѣ и Уарп-Алдарѣ; 2) О сынѣ знаменитаго богатыря—борца Аслана—Каурбекѣ, *Гаччера Шанаева*.

III. Этнографические очерки:

1) Суевѣрія и предразсудки у осетинъ, *Б. Гаміева*.

2) Горцы-переселенцы, *Инала Канукова*.

IV. Горская лѣтопись:

1) Статистическія свѣдѣнія о населенныхъ мѣстахъ Западнаго Дагестана.

2) Поездки г. Беккера по Южному Дагестану, *Л. З.*

3) Свѣдѣнія о количествѣ народонаселенія въ Закатальскомъ округѣ.

4) Численность и племенной составъ горского населения Терской области.

MARCH 1944

- 1 -

and the first part of the second section of the third chapter of the *Book of Common Prayer* is as follows:

THE LORD'S PRAYER
Our Father which art in heaven,
Hallowed be thy name.
Thy kingdom come.
Thy will be done in earth,
As it is in heaven.
Give us this day our daily bread,
And forgive us our trespasses,
As we forgive them that trespass against us.
And lead us not into temptation,
But deliver us from evil.

ИЗСЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ.

ИЗСЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ.

**THE HISTORY OF THE
MATERIAL WORLD**

ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКИЯ ОСОВЕННОСТИ КАВКАЗСКИХЪ ЯЗЫКОВЪ.

Изъ посмертныхъ сочиненій П. К. Услара.

I.

Если изслѣдованія послѣднихъ годовъ и пролили вѣкото-
рый свѣтъ на языки Кавказскаго перешейка, которые до-сихъ-
поръ извѣстны были замъ только по названіямъ, всего чаще
ошибочнымъ, — болѣею-же частію даже вовсе не были извѣст-
ны, — то, во всякомъ случаѣ, нельзя не сознаться, что обобще-
ніе, объединеніе пріобрѣтенныхъ отрывочныхъ свѣдѣній еще
преждевременно. Дѣйствительно-ли существуетъ *самостоятельное*
кавказское семейство языковъ, — столь-же самостоятельное, какъ
индо-европейское, симитское *), алтайское? Вопросъ этотъ не
своро еще будетъ разрѣшены. Для разрѣшения, необходимо раз-
слѣдованіе *всѣхъ кавказскихъ языковъ* и *всѣхъ многочисленныхъ*
варѣчій каждого изъ нихъ, потому-что обѣ органической дѣятель-
ности какого-бы то ни было языка можно пріобрѣсти отчетливое
понятіе не иначе, какъ разслѣдовавъ или его нарѣчія или его
письменные памятники, относящіеся къ различнымъ эпохамъ.
Послѣднее условіе не примѣнимо къ кавказскимъ языкамъ, но
первое представляетъ почти неистощимое поле для изслѣдований.
Потомъ предстоитъ еще взаимное сравненіе кавказскихъ языковъ
за-тѣмъ, чтобы открыть, какія родственные черты связываютъ ихъ
въ одно семейство и какимъ путемъ образовались различія, ихъ
разъединившія. Вопросъ весьма сложный, который можетъ подать
поворотъ къ большинству разногласіямъ. Такъ, напр., даже тогда, когда
уже извѣстнымъ сдѣлался санскритскій языкъ, и родство его

*) Мы пишемъ *симитское*, а не *семитское*, потому-что по-русски стар-
ший сынъ Нояъ называется Симонъ, а не Семонъ (Sem); еврейское назва-
ние есть Шемъ.

съ эллино-латинскимъ, готескимъ, литовско-славянскимъ и древнимъ персидскимъ явно обнаружилось, армянскій почитался еще не имѣющимъ связи ни съ какимъ языкомъ въ мірѣ, что даже льстило самолюбію нѣкоторыхъ армянъ, выставлявшихъ свой языкъ въ видѣ ускользнувшаго отъ вавилонского смѣщенія. Подобная честь можетъ принадлежать развѣ однѣмъ баскамъ, которыхъ языкъ, не смотря на всѣ ученыя натяжки, остается до сего дня безъ роду, безъ племени. Самозачатія мы не въ состояніи предположить ни для людей, ни для языковъ: и тѣ и другіе могутъ гордиться своимъ происхожденіемъ, теряющимся во мракѣ временъ. Армянскій языкъ занялъ весьма почетное мѣсто въ индоевропейскомъ семействѣ, какъ единственный дожившій до нашего времени представитель вѣтви уже исчезнувшихъ языковъ, къ числу которыхъ принадлежалъ фригійскій *). Если, вопреки туждѣніямъ армянскимъ легендамъ, и можно сомнѣваться въ томъ, что Ной говорилъ по-армянски, — зато родственныи армянскому фригійскому языкъ признается быть египетанами за древнѣйшій въ мірѣ, на основаніи опыта, сдѣланного египетскимъ царемъ Псамметихомъ, о чёмъ подробно разсказывается Геродотъ **). Мы привели армянскій языкъ въ примѣръ того, что весьма-знакомыя даже фамильные черты съ теченіемъ вѣковъ измѣняются такъ, что не сразу могутъ быть раскрыты: требуется время на то, чтобы взглянуть въ нихъ. Наконецъ, должно сознаться, что и семейства языковъ, признанныя за самостоятельные, по временамъ сильно задѣваютъ и даже прорѣзываютъ одно другое, что подаетъ поводъ ко многимъ недоумѣніямъ. Семейство индоевропейское и семейство симитское, наиболѣе доступныя для изученія и наиболѣе изслѣдованныя, заключаютъ въ себѣ большое число общихъ корней, между-тѣмъ какъ грамматическая строенія ихъ весьма различны. Чтобы объяснить это явленіе, прибегаютъ къ гипотезѣ единства обоихъ семействъ въ дogrammatickую эпоху, т. е. въ ту безвѣстную эпоху, когда арійцы (индоевропейцы) и симиты объяснялись помошью однихъ лишь корней словъ, не успѣвъ выростить изъ нихъ грамматическихъ системъ. Таковой періодъ не миновалъ еще для нѣкоторыхъ языковъ, какъ, напр., для китайскаго. Если подобная недоумѣнія возникаютъ даже на отлично-воздѣланной лингвистической почвѣ, то легко предста-

*) Gosche, de ariana lingua, gentisque Armeniacae indole.

**) II, 2.

иеть себѣ, сколько работы предстоитъ въ кавказской лингвистической глупши, въ которую пробраться можно лишь по неномрѣ, на днѣхъ проложенныхъ тропинкамъ!

Такимъ образомъ, «кавказское семейство языковъ» допускается въ видѣ временнаго выражения, которому, быть-можетъ, суждено исчезнуть при дальнѣйшемъ разясненіи вопроса. Быть-можетъ, особаго семейства не окажется. Всѣ принятыя въ лингвистикѣ наименованія подверглись поправкамъ или порицаніямъ. Индо-германское семейство перенималось въ индо-европейское, индо-иранское, арийское. Название симитическое придумано Елхорномъ въ память библейскихъ сказаний. Симъ почтается праотцемъ евреевъ, а еврейскій языкъ привадлежитъ къ семейству, названному симитскимъ,—не изъ числа пяти библейскихъ сыновей (народовъ) Сима, только одинъ говорилъ симитскимъ языкомъ. Название, придуманное Елхорномъ, вводить въ безпрестанныя заблужденія, на которыхъ горько жалуются лингвисты *), но оно удержалось по привычкѣ. Название «кавказское семейство языковъ» можетъ также подать поводъ къ недоумѣнію. На основаніи одностороннихъ толкованій библейской допотопной и обще-потопной географіи, Кавказскому перешейку приписывалась двувратная слава быть колыбелью рода человѣческаго. Такъ, напр., Издѣдѣлъ истратилъ много громадной учности на то, чтобы доказать всѣрѹющимъ, что *рой* находился въ Армении и что всевчегъ остановился на горѣ Масисѣ. Само-собою разумѣется, что онъ и не肯улся бы подобныкъ вопросовъ, если-бы родился полуѣскомъ позже. Во всевомъ случаѣ, кавказское семейство языковъ не имѣть ничего общаго съ таковыми повѣріями о Кавказѣ. Въ антропологическомъ отношеніи къ кавказской расѣ причисляются индо-европейцы, симиты, но лингвистически нельзя гъ тѣй-же расѣ причислить, напр., вырѣнныхъ венгерцевъ, которые языками своимъ обвраживаютъ происхожденіе чуждос, нахъ индо-европейцамъ, такъ и симитамъ. Между кавказскими туземцами встречаются прекрасные представители этой расы, но это родство антропологическое, а не лингвистическое.

Подъ названіемъ «кавказские языки», мы условно будемъ подразумѣвать не всѣ тѣ языки, которыми говорятъ на Кавказскомъ перешейкѣ, но только тѣ, которыхъ родство съ какими-бы то ни было языками симѣкавказскими покуда еще не обнаружено. По-

*) Renan, histoire des langues sŽmitiques, I, 40.

сему, мы не коснемся языка армянского, который уже приведен
за индо-европейской; таковы иже признаны и языки осетинской,
на которомъ, впрочемъ, отразилось вѣковое сходство кавказ-
скихъ языковъ. Къ иранскимъ нарѣчіямъ, а следовательно, къ
индо-европейскому семейству принадлежать татский языкъ въ Да-
гестанѣ и Бакинской губерніи, талышинскій въ Ленкоранскомъ
уѣздахъ, персидскій въ Эриванской губерніи. Точно также мы не кос-
немся и тюркскихъ нарѣчій, которыхъ почти безпрерывной чер-
той опоясываютъ нагорный Кавказъ съ сѣвера, востока и юга,
а со стороны Кабарды врѣзываются даже въ самую глубь горъ.
Изъ числа иверской *) группы языковъ наименѣе изслѣдованные до-
сихъ поръ сванетскій. За то грузинскій известенъ весьма хорошо
и обладаетъ множествомъ литературныхъ памятниковъ, относи-
щихся къ длинному ряду вѣковъ. Сколько мы знаемъ, иверская
группа языковъ слична была исключительно съ языками индо-
европейского семейства. Знаменитый Бопцъ призналъ принадлеж-
ность этой группы къ послѣднему **), но его выводы подверглись
сильнымъ опроверженіямъ. Г. Броссе,—величайшій изъ современ-
ныхъ авторитетовъ въ отношеніи къ грузинской исторіи,—так-
же доказывалъ родство грузинского языка съ индо-европейскимъ
семействомъ **), но самъ оцѣ съ недовѣрчивостью смотрѣтъ на
свои доказательства. Быть-можетъ, неожиданный свѣтъ прольется
на кавказские языки, когда разобраны будутъ ихъ отношенія къ
иверской группѣ. Но теперь этотъ трудъ еще не возможенъ,
потому что кавказско-горскіе языки не достаточно известны. Меж-
ду сванетскимъ языкомъ и состоящимъ съ нимъ абхазскимъ не
отыскалось покуда значительныхъ соотношеній, кроме нѣсколь-
кихъ корней, которые, впрочемъ, весьма мало способствуютъ
разъясненію вопроса.

Но, и за всѣми этими исключеніями, остается много пред-
ставителей такъ называемаго нами семейства кавказскихъ язы-
ковъ. Изъ числа ихъ разслѣданы: тушскій, удскій, абхазскій,
неченскій, аварскій, хюридиансій, лакскій, кюринскій. Много со-
брано неразработанныхъ материаловъ для языка адыгскаго. Из-

*) Инѣ кажется, что это название можетъ удержаться въ языковѣдѣїи. По-русски, конечно, должно писать иверскій, а не иберскій, такъ-какъ на-
звание Иверія заимствовано мы у грековъ, Ἰβηρία, и греческое Β произно-
сится у насъ постоянно какъ в, а не какъ б.

**) Die Kaukasischen Glieder des Indoeuropäischen Sprachstamms. 1817.

***) Nouveau journal asiatique, почетнѣе 1834.

вѣтно все-что съ языкахъ убыхскомъ, ауджекомъ, дидойскомъ, арчиескомъ, табасаранскомъ, агульскомъ. Кроме названий, виче-го неизвѣстно о некоторыхъ языкахъ Кубинскаго уѣзда, какъ напр. о хималугскомъ, будухскомъ и др. Нельзя поручиться и за то, что вѣтъ гдѣ-нибудь на Кавказѣ языкъ, который даже и по имени намъ до-сихъ-перь неизвѣстенъ. Рассказы туземцевъ о сходствѣ или несходствѣ языковъ большою частю ничего не объясняютъ. Если почему-нибудь желаютъ они доказать сходство двухъ языковъ, то въ доказательство приводятъ, что название, напр., какой-нибудь птицы одинаково въ обоихъ. Если почему-нибудь желаютъ доказать несходство двухъ языковъ, то приводятъ въ доказательство, что название этой птицы въ сравнива-емыхъ языкахъ не сходно. Само-собою разумѣется, что взглядъ туземцевъ, хотя и весьма-немногихъ, теперь уже въ этомъ от-ношениѣ измѣняется.

Изъ всего сказанного очевидно, что предлагаемая статья не можетъ имѣть ни малѣшаго притязанія на полноту и запол-ченность. Но и въ настоящемъ видѣ, какъ я надѣюсь, она не лишена будетъ занимательности, если не для присяжныхъ лите-ристовъ, то, по-крайней-мѣрѣ, для тѣхъ читателей, которые же-лаютъ пріобрѣсти хотя бѣглое понятіе о кавказскихъ языкахъ. Гёте весьма-справедливо сказалъ: «кто не знаетъ иностранныхъ языковъ, тотъ ничего не смыслить и въ родномъ языкѣ». Пона-гаю, что многие изъ моихъ читателей изучили который-либо изъ новыхъ европейскихъ языковъ или даже нѣсколько таковыхъ. Быть-можетъ, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, занимались они и классическими языками. Присоединимъ даже къ этому столь-рѣдкое знаніе зандскаго и санскритскаго языковъ. Во всякомъ слу-чаѣ, таковыми читателями ни разу не удалось выйти изъ не-объятной области индо-европейского семейства. Въ грамматикѣ каждого новаго языка находили они отраженіе грамматики род-ного; категорией одной могли почти цѣлкомъ служить для другой. Подобнымъ образомъ, путешественникъ не естествоиспытатель можетъ проѣхать отъ устьевъ Ельбы до Китайской границы, сиришкомъ 10 тыс. верстъ, не отыскавъ для себя въ придорож-ной мѣстности ничего новаго, ничего доселѣ имъ нѣвиданнаго. Чтобы увидѣть новое, доселѣ невиданное, должно своротить въ сторону,—должно изъ родного индо-европейского семейства шаг-нуть въ чужое. Тутъ totчасъ представляется *дига* въ родѣ допо-топныхъ плезіосауровъ и птеродактилей или звѣздообразныхъ ин-фузорий.

Дозволю себѣ предположеніе, что искоримъ изъ читателей не случилось до сихъ-поръ ознакомиться съ системой распределенія языковъ, принятой въ сравнительномъ языкознаніи. Конечно, будутъ они мнѣ очень благодарны, если мнѣ удастся на нѣсколькихъ страницахъ познакомить ихъ сколько-нибудь съ этимъ предметомъ. Не знаю только, успѣю ли въ этомъ.

II.

И былъ вся земля оустинъ единъ, и гласъ единъ всъмъ.

Библейское сказаніе о единствѣ человѣческаго языка въ первые вѣка послѣ потопа прямо проистекаетъ изъ сказанія о томъ, что весь родъ человѣческій произошелъ отъ немногочисленного семейства, уцѣлѣвшаго отъ катастрофы, постигшей землю. Легко можетъ показаться, что наука въ состояніи объяснить и доказать библейскія сказанія. Въ наше время нельзѧ считать совершенно-невѣроятнымъ предположеніе, что отъ одной расы людей произошли всѣ нынѣ существующія. Приверженцы Дарвинизма въ своихъ предположеніяхъ идутъ гораздо далѣ. Во всякомъ случаѣ, для подобныхъ превращеній требуется длинный рядъ тысячелѣтій. Подовина нижней челюсти, найденная въ Аббевильѣ *), принадлежала человѣкѣ, котораго теперь въ видѣ людѣда можно было бы показывать за деньги въ ярмарочныхъ балаганахъ. Когда жилъ такой чудовищный человѣкъ во Франції? Мы не знаемъ,—но во всякомъ случаѣ жилъ онъ весьма-давно. Людскія изображенія, сохранившіяся на пирамидахъ египетскихъ, также въ видѣ сфинксовъ и царей ассирийскихъ,—свидѣтельствуютъ о томъ, что типъ лица человѣческаго едва-ли сколько-нибудь измѣнился въ-течениіи периода времени шести или пяти тысячъ лѣтъ. Произведенія греческаго искусства, которымъ минуло уже слишкомъ 2000 лѣтъ, и въ наше время служатъ олицетвореніемъ рѣдко-досягаемой красоты. Но дѣло тутъ идетъ о пяти, шести тысячахъ лѣтъ. Если измѣненія и не замѣтны въ-продолженіи этого периода времени, то это нисколько не доказываетъ, чтобы они могли остатъ-

*) Верстакъ въ 120 къ сѣверу отъ Парижа.

ся незамѣтными въ продолженіи пяти, шести десятковъ тысячъ лѣтъ. Происходили они медленно, лишь въ-сравненіи съ некоторыми другими измѣненіями.

Другое дало съ языками. Каждый языкъ,—каковы-бы даже ни были обстоятельства, посреди которыхъ онъ поставленъ, — подвергается безпрерывнымъ измѣненіямъ, ходъ которыхъ частію подведенъ уже подъ опредѣленные законы, подобно тому, какъ организмъ человѣческій подвергается сѣдѣнію, морщинамъ, выпаденію зубовъ и проч. и проч. Если-бы въ наше время жилъ москвичъ, современникъ царя Алексія Михайловича, то въ языгъ его мы замѣтили-бы что-то странное. Новгородца, современника Ярослава, мы-бы уже не поняли безъ особаго изученія его языка. Всякій говорящій участвуетъ въ преобразованіяхъ языка и невольно вводить въ него оттѣнокъ своей личности. И въ небольшой семье, оть которой, согласно біблейскому сказанию, произошелъ весь родъ человѣческій,—даже мужъ и жена, весьма вѣроятно, говорили не совсѣмъ одинаково, — откуда произошли различныя окончанія мужескаго и женскаго рода. Строго придерживаясь біблейскаго преданія, мы заключаемъ, что въ то неизмѣримо-отдаленное время не было другого предѣла личному произволу при созданіи особаго языка, кроме опасенія сдѣлаться непонятнымъ. Но тогда, каждый проводилъ вѣкъ свой въ тѣсномъ кругу родныхъ или близкихъ сосѣдей; при таковыхъ условіяхъ жизни, другъ друга понимать было немудрено. Произволу оттѣнковъ говора представлялся широкій просторъ. И теперь, въ говорѣ мужа, жены, дѣтей, дѣда, бабки какой-либо безграмотной семьи, живущей въ захалустѣ, найдется, если только внимательно прислушаться, — болѣе разнообразія, чѣмъ въ говорѣ сотенъ тысячъ грамотныхъ людей, раскинутыхъ на необъятное пространство. Послѣдніе боятся отстать отъ знамени грамотности, не додѣгдаваясь о томъ, что знамя это постоянно отстаетъ отъ нихъ. Въ единомъ гласѣ первой послѣпотопной семьи скрывались уже зародыши нынѣшняго великаго разнообразія человѣческихъ языковъ. Принявъ за факторы, во-1-хъ, неизмѣримо длинный рядъ языковъ, — потому-что, во всякомъ случаѣ, къ біблейской хронологіи наша историческая иѣрка не примѣнна,—и во-2-хъ, относительную быстроту, съ которой каждый языкъ измѣняется,—мы, по-видимому, легко можемъ допустить, что всѣ языки произошли отъ одного и того-же,—того самаго, которымъ говорила первая послѣпотопная чета.

При внимательномъ разсмотрѣніи становится гораздо-больше вѣроятнымъ противоположное мнѣніе.

Существуетъ-ли обще-человѣческій языкъ, т. е. языкъ врожденный и который, посему, понятенъ всѣмъ людямъ? Конечно, существуетъ, но въ такомъ видѣ, въ какомъ существуетъ осо-бый языкъ для каждой породы птицъ и млекопитающихъ. Звуки, издаваемые птицами и млекопитающими, представляются невнимательному слушателю однообразными, неченораздѣльными. Немного, впрочемъ, стоять труда прислушаться, чтобы убѣдиться въ томъ, что каждое животное издаетъ свойственные ему звуки весьма-разнообразно, что въ нихъ отражается разнообразіе ощущаемыхъ имъ впечатлѣній: боль, удовольствіе, гнѣвъ, испугъ, любовь, нетерпѣніе и пр. и пр. Эти звуки вовсе не тѣ, которые слышимъ мы въ неодушевленной природѣ; какъ-то: въ шелестѣ, журчаніи, звонѣ и пр. И людямъ природа дала общій языкъ точно также, какъ птицамъ и млекопитающимъ. Этотъ языкъ выучивается самъ собою: новорожденный младенецъ выражаетъ страданіе крикомъ, которого ни у кого не перенять. Этотъ языкъ обще-понятенъ: мы по слуху сумѣемъ отличить, когда смеется и когда плачетъ готтентотъ. Этотъ языкъ неизмѣненъ: какими звуками люди выражали веселость или печаль за нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ, такими же выражаютъ и теперь.

Свойства врожденности, всеобщности, непамѣнности, діаметрально противоположны тѣмъ, которыхъ присущи человѣческому слову. Посему, и млекопитающихъ и птицъ и новорожденныхъ младенцевъ мы называемъ безсловесными. Только слово человѣческое можетъ быть названо языкомъ; это название не идетъ ни къ крику животныхъ, ни къ пѣнію птицъ, ни къ хохоту, ни къ плачу человѣка. Одному лишь человѣку дарована способность создавать языкъ, но нѣтъ надобности языку человѣческому придавать небесное происхожденіе, т. е. создавать въ воображеніи свое новый актъ творенія, дополнительный къ сотворенію человѣка безсловеснаго. Въ наше время языки не создаются по той весьма-простой причинѣ, что они уже созданы. Но, если-бы и въ наше время повторить опытъ царя египетскаго Псамметиха, о которомъ мы упомянули выше, т. е. воспитать нѣсколько дѣтей вмѣстѣ такъ, чтобы имъ никогда не случилось услышать языка человѣческаго,—то эти дѣти непремѣнно создали-бы для себя осо-бый языкъ, на которомъ объяснялись-бы другъ съ другомъ. Пред-положимъ, что подобные чудовищные опыты произведены были-

бы надъ нѣсколькими отдельными группами дѣтей: каждая группа создала бы для себя особый языкъ, не похожій на языкъ, созданный другою. Первые люди создали первые языки, — языки прародители всѣхъ нынѣшнихъ, — совершенно безсознательно, точно также, какъ новорожденный младенецъ безсознательно тягнется къ груди матери. Но, достигнувъ известной степени духовнаго развитія, человѣкъ ощущаетъ необходимость сознать разумомъ то, что онъ совершилъ или теперь совершаетъ безсознательно. Очевидно, что изученіе врожденной въ человѣкѣ способности создавать языки представляетъ величайшій интересъ, потому что именно эта способность и ставитъ его поодаль отъ всѣхъ животныхъ. Съ нѣкоторыми натяжками, можно допустить, что заднія руки гориллы, въ-течениіи тысячелѣтій, превратились въ плоскія ступни негровъ и, потомъ, въ выемистыя ступни бывшихъ людей. Но могла ли въ гориллѣ развиться способность создавать языки? Предположить это весьма-трудно. Постараемся теперь, — если не разрѣшить, — то, по-крайней-мѣрѣ, отчасти пояснить совокупно два вопроса: 1) какимъ законамъ слѣдуетъ эта врожденная человѣкѣ способность создавать языки, 2) можно-ли допустить, что способность эта проявилась только единожды и что все нынѣшніе языки суть не болѣе, какъ безконечно-разнообразныя развѣтвленія единаго первоначального типа.

III.

Языкосоздающую способность можемъ мы изучать не иначе, какъ въ ея произведеніяхъ, то есть въ самыхъ языкахъ. Каждый языкъ имѣетъ цѣлую выразить 1-е) полученное впечатлѣніе посредствомъ звука, 2-е) разнообразныя случайности этого впечатлѣнія, отношения его къ другимъ. Такъ, напр., известнаго рода впечатлѣніе выражается посредствомъ корня *люб* (*lieben*, *libet*); отъ этого корня происходитъ множество словъ, выражаютъ разнообразныя случайности впечатлѣнія, какъ-то: *любовь*, *любовникъ*, *любезный*, *любить*, *любо* и пр. и пр. Сверхъ того, слова эти подвергаются тѣмъ или другимъ измѣненіямъ, выражаютъ отношенія ихъ къ другимъ, какъ-то: *любен*, *люблю*, *любилъ* и пр. и пр. Словообразованіе и словосо-

чинение находятся въ тѣсной связи между собою и даже не могутъ быть другъ отъ друга оторваны. Изслѣдоватъ какой-либо языкъ значитъ изслѣдоватъ, какъ выражаются въ немъ *впечатлѣніе и отношеніе*, т. е. отыскать *корни*, которые представляютъ собою одинъ лишь мертвый звуковой материалъ,— и изслѣдоватъ *грамматику*, которая превращаетъ этотъ мертвый звуковой материалъ въ живую рѣчь.

Созданіе человѣкомъ корней языка могло предшествовать созданію имъ грамматики. Позволительно допустить для языковъ эпоху дограмматическую (*antégrammaticale*). Творческую дѣятельность человѣка въ эту недосягаемо-отдаленную эпоху можно объяснить слѣдующимъ образомъ. Онъ начинай ощущать потребность объектировать впечатлѣнія, получаемыя имъ изъ вѣйшняго міра, т. е. распредѣлять ихъ, удерживать въ памяти. Ощутилась необходимость *отмѣтить* ихъ. Можно было бы отмѣтить и посредствомъ тѣлодвиженій,—но голосъ имѣеть надъ тѣлодвиженіями неоспоримое преимущество. Впечатлѣнія только распредѣлились, но не анализировались; каждое изъ нихъ получалось въ видѣ неудѣлимаго; посему и первоначальные корни во всѣхъ языкахъ суть односложныe. Въ ребенкѣ, прежде чѣмъ онъ начнетъ говорить, проявляется болѣе или менѣе наклонность создать свой собственный языкъ, односложный и чуждый всякихъ грамматическихъ формъ; въ-продолженіи нѣкотораго времени ребенку это легче, чѣмъ усвоить языкъ окружающихъ его взрослыхъ людей. Таковыя языки дѣти создаютъ весьма разообразно. Причины разообразія кроются во множествѣ мелочныхъ обстоятельствъ, до которыхъ доискиваться хотя трудно, но было-бы желательно. Оставляя въ сторонѣ дѣтскіе языки, которые гибнутъ въ самыхъ всходахъ, — мы скажемъ, что языки, широко распространенные и хорошо изслѣдованные, представляютъ также величайшее разнообразіе въ-отношеніи къ своимъ корнямъ. Есть-ли возможность подвести эти языки къ одному первобытному? Не далѣе еще, какъ лѣтъ 40 тому назадъ, известный лингвистъ Клапротъ вполнѣ соглашался съ мнѣніемъ Гроція о первобытномъ языѣ: *«nullibi ritum existare, sed reliquias ejus esse in linguis omnibus»*, т. е. нигдѣ не сохранился онъ чистымъ, но остатки его во всѣхъ языкахъ. Въ противоположность мнѣнію Клапрота, мы приведемъ разсчетъ, сдѣланный Пѣттомъ. Онъ полагаетъ, что теперь различныхъ языковъ на землѣ существуетъ около 1000. На каждый языкъ можно положить до 1000 корней. Если вынѣ существую-

щие языки суть обломки одного первобытного общечеловъческаго, то въ такомъ языке было до миллиона корней, что совершенно невозможно. Если же на-оборотъ мы предположимъ, что этотъ первобытный языкъ не былъ богаче вынѣшнихъ, что онъ также заключалъ въ себѣ не более 1000 корней, то наследство его, раздѣленное между 1000 вынѣшнихъ языковъ, безъ замѣтнаго скѣда поглотилось позднѣйшимъ языкоразвитиемъ. Быть-можеть, цифры, приводимыя Поттомъ, и преувеличены, но, если даже уменьшимъ ихъ вдвое, то все-таки соотношеніе между ними не измѣнится. Съ другой стороны, замѣтимъ и тотъ фактъ, что, если для сравненія взять русский корнесловный словарь и корнесловный словарь хотя-бы какихъ-либо краснокожихъ индіанцевъ, то отыщется кое-что общее. Это общее легко объясняется случайностю, преимущественно-же звукоподражаніемъ, потому-что присутствіе этого дѣятеля при составленіи корней нельзя оспорить, хотя и не должно придавать ему излишней важности. Такъ напр., звукъ *л* удобно выражаетъ льющееся, тихое движение, рѣшунное, прерывистое. Во всякомъ случаѣ, нѣть возможности объяснить удовлетворительно, почему тотъ, а не другой звукъ, люди избрали для обозначенія того или другого впечатлѣнія. Еще труднѣе объяснить, почему для обозначенія одинакаго впечатлѣнія приваты въ различныхъ языкахъ совершенно-различные звуки. По всей вѣроятности, приписать это должно обстоятельствамъ, которыя теперь уже недоступны для нашихъ изслѣдований. Чѣмъ большее число языковъ подвергнемъ мы сравненію въ-отношеніи къ ихъ корнямъ, тѣмъ сомнительнѣе сдѣлается предположеніе, будто-бы все языки происходить отъ единаго первобытнаго. Если два языка представляютъ сходство корней столь обширное, что оно не можетъ быть приписано ни звукоподражанію, ни случайности, то, конечно, это составляетъ убѣдительное доказательство единоплеменности народовъ,—быть-можеть, даже *дограмматической*. Но сличать должно *корни*, а не *слова*. Чтобы добраться отъ словъ до корней, должно принять на себя трудъ изслѣдовать грамматическое строеніе языка. Безъ этой относительно-трудной работы, одно сличеніе словъ неминуемо приводить къ самымъ нелѣпымъ выводамъ. Вообще, при сличеніи однихъ лишь корней, никакого превосходства одного языка надъ другимъ нельзя вывести. Тѣ, которые пишутъ о существующемъ будто-бы естественномъ соотношеніи между звуками и впечатлѣніями, обыкновенно впадаютъ въ мистицизмъ,

Болѣе выводовъ доставляетъ сравнительное изученіе грамматическихъ системъ. Каждый языкъ есть произведеніе врожденной въ человѣкѣ способности языкосозданія, и каждый языкъ совершилъ въ томъ отношеніи, что вполнѣ удовлетворяетъ требованиямъ, возбудившимъ дѣятельность таковой способности. Но люди, создавшіе первые языки, предположили для себя различные требованія, повинуясь вліянію внутренняго инстинктивнаго влечения. Духовный бытъ каждого человѣка развивается и обраzuется подъ вліяніемъ вышнихъ обстоятельствъ. Позволительно ли однако допустить, что одно-лиже вліяніе вышнихъ обстоятельствъ обусловливаетъ характеръ человѣка? Можно-ли сравнить его съ листомъ блой бумаги, которая выражаетъ только-то, что на ней написано? На этотъ вопросъ едва-ли кто рѣшился не отвѣтить отрицательно. Эти самыя разсужденія могутъ-ли быть приложены и къ цѣлымъ народамъ, принимая каждый народъ за особый недѣлимый? Существуетъ-ли природное настроеніе умственныхъ силъ народа, или таковое настроеніе обусловливается исключительно вышними вліяніями, въ числѣ которыхъ физическія свойства страны играютъ важнѣйшую роль? Исторія представляетъ намъ самыя убѣдительныя доказательства первого мнѣнія, но мы не станемъ приводить историческихъ примѣровъ, потому-что они слишкомъ отвлекли бы насъ отъ предмета, насызывающаго. Само-собою разумѣется, что проявленія врожденной умственной индивидуальности народа должно, прежде всего, изучать въ созданномъ имъ языкѣ, какъ въ самомъ первоначальномъ произведеніи его умственныхъ силъ: пока неѣть особаго языка, неѣть и особаго народа. Это сравнительное изученіе, конечно, должно имѣть цѣлую распределеніе народовъ не по степени, а по роду ихъ даровитости. Таковое распределеніе представляетъ затрудненія. Какие языки избрать за отдельные центры, вокругъ которыхъ группировать всѣ остальные?

IV.

Вильгельмъ Гумбольдтъ, въ знаменитомъ введеніи къ сочиненію: «О языке Кави», положилъ основаніе сравнительному языко-

изученію. Онъ принялъ за два взаимно противоположные полюса китайскій и санскритскій, которые, притомъ, и прослѣдить можно въ литературныхъ памятникахъ въ-продолженіи весьма дли-наго ряда вѣковъ. Между этими двумя противоположными полюсами, по мнѣнію его, могутъ размѣститься всѣ остальные языки.

Нельзя не согласиться съ предположеніемъ, что, если на какой-нибудь планетѣ живутъ разумныя существа, объясняющія-ся между собою посредствомъ звуковъ, то языкъ ихъ не болѣе отличается отъ санскритскаго, чѣмъ китайскій. По нашимъ понятіямъ, неотъемлемую принадлежность каждого языка составляютъ *части рѣчи*; мы не можемъ представить себѣ слова, кото-ро-бы не принадлежало ни къ одной изъ нихъ, точно также, какъ не можемъ представить себѣ тѣла, которое-бы не имѣло *протяженія*. У китайцевъ нѣтъ *частей рѣчи*, нѣтъ даже словъ въ томъ видѣ, какъ мы ихъ понимаемъ, а существуютъ одни лишь однословные звуки, которые на нашъ взглядъ суть *корни*, но не слова. *Отношеніе* въ китайскомъ языке отражает-ся относительнымъ расположениемъ корней въ рѣчи; каждый изъ нихъ стойть самъ по себѣ, не сливаясь ни съ предыдущимъ, ни съ послѣдующимъ. Это относительное положеніе должно быть также строго наблюдаемо, какъ у насъ положеніе цифръ, которыя, смотря по мѣсту своему, обозначаютъ единицы, десятки и т. д. Знатоки китайскаго языка съ восторгомъ отзываются о необыкно-венней *точности* его конструкціи. Это должно быть что-то въ родѣ условнаго, весьма-точнаго языка, которымъ пишутся у насъ рецепты. Отъ таковой точности такъ и пашеть меркvenный хо-лодомъ. Она подавляетъ воображеніе, стремленіе къ идеальному, неизвѣстному, къ прогрессу; она обрекаетъ на неподвижность. Въ этой точности исчезаетъ обобщеніе, духъ, идея. У китайцевъ *точнія* хроники объясняются 40 вѣковъ, но у нихъ нѣтъ исто-рии; *точнія* топографическія описанія распространяются на обши-рную территорію ихъ, но у нихъ нѣтъ географіи; вся жизнь ихъ опутана *точно-исполняемыми* церемоніями, но у нихъ нѣтъ ре-лигіи, нѣтъ даже названія для божества. Китайцы изобрѣли вни-гопечатаніе, порохъ и многое другое, но, говоря по правдѣ, ниче-го не изобрѣли они, а только наткнулись случайно на то или другое, копаясь, какъ кроты, во мракѣ. Всѣ эти изобрѣтенія, сдѣланныя ими уже цѣлыхъ тысячелѣтія тому назадъ, не пошли у нихъ впередъ. Существуетъ взаимодѣйствіе человѣка и язы-ка; человѣкъ выляетъ на свой языкъ и языкъ вліяетъ на чело-

въка. Одна лишь китайская срожденная умственная индивидуальность могла создать китайский языкъ, и одинъ лишь китайский языкъ могъ принародиться къ складу китайской окаменлой цивилизаци. Этотъ языкъ въ сравнительномъ языкоизвани называется *односложнымъ, обособляющимъ* (*langue monosyllabique, isolante*). Подобные-же языки встречаются въ дальней Индіи и въ Тибетѣ, но уже съ большими или меньшими отклоненіями отъ первоначального образца. Отклоненіямъ подвергся даже и современный вамъ китайский языкъ, въ-особенности-же разговорный простонародный.

Шлейхеръ весьма-справедливо уподобляетъ конструкцію обособляющихъ языковъ самому первоначальному проявленію творческой силы природы — кристаллизаци. Процессъ созданія ограничивается здѣсь расположениемъ частицъ въ строго опредѣленномъ порядкѣ. Если съ одной стороны возьмемъ самый правильный изъ кристалловъ, — съ другой-же, самый совершенный изъ животныхъ организмовъ, человѣческій организмъ, — то разстояніе отъ одного до другого окажется немѣримо-великимъ, хотя и нельзя сказать, чтобы между ними невозможно было отыскать постепенного перехода. Если конструкцію китайского языка уподобить самой правильной кристаллизаци, то конструкцію санскритскаго языка слѣдуетъ уподобить человѣческому организму, — самому совершенному изъ всѣхъ животныхъ организмовъ.

Какъ мы сказали выше, корни представляютъ лишь мертвый звуковой матеріалъ, но каждый языкъ есть живое органическое цѣлое. Лексиконъ корней заключаетъ въ себѣ описание органовъ этого цѣлаго; въ лексиконѣ не проявляется понятія о жизни, какъ не проявляется оно и въ анатомическомъ описаніи органовъ тѣла человѣческаго. Грамматика есть физіология языка; она изображаетъ, какъ органы его дѣйствуютъ подъ влияніемъ жизненной силы. Въ каждомъ живомъ органическомъ цѣломъ жизненная сила дѣйствуетъ не извѣтъ на мертвый организмъ; это не есть вѣтеръ, приводящій въ движение мельницу; каждый органъ представляется проникнутымъ жизнью, оживленнымъ, самодѣятельнымъ. Мы можемъ разсматривать отдельно эти элементы только такъ, какъ можемъ разсматривать вѣсъ тѣла и его протяженіе; въ сущности эти два свойства нераздѣльны. Такимъ образомъ, чтобы языкъ представлялъ собою не механизмъ, болѣе или менѣе замысловатый, а дѣйствительно живое цѣлое, необходимо, чтобы его органы могли сами собою, безъ вѣшней помо-

щи, воспроизводить всю явленія жизни, обусловливаемыя жизненною силою, духомъ языка; чтобы оба элемента, *значеніе* и *отношеніе*, выражались звуками, но звуками, которые не нарушили бы единства слова. Такъ, напр., возьмемъ формы: *люблю*; *любишь*, *любилъ*, *любила* и т. п. *Значеніе* выражается здѣсь посредствомъ корня *люб*; *отношеніе* (настоящее 1-е лицо, настоящее 2-е лицо, прошедшее мужеское, прошедшее женское) выражается посредствомъ видоизмѣнений слова, но каждая форма *представляется* намъ *неразлагаемою* *). Это не то, что крылья мельницы и вѣтеръ, приводящій ихъ въ движение. Мертвый корень здѣсь оживляется, видоизмѣняется, становится настоящимъ Протеемъ для выражения всевозможныхъ отношений.

Изъ числа приведенныхъ нами для примѣра формъ: *люблю*, *любишь*, *любилъ*, *любила*, — въ первыхъ двухъ выражается лицо, но не выражается родъ; въ послѣднихъ двухъ выражается родъ, но не выражается лицо. Подобныя аномалии очевидно указываютъ на то, что эти современные грамматическія формы суть не болѣе, какъ обломки нѣкогда существовавшаго разумнаго и роскошнаго грамматического строенія. Наиболѣе полное осуществленіе этого грамматического идеала находимъ мы въ санскритскомъ языке, который жилъ въ безвѣстную для насъ эпоху. Театромъ дѣятельности его былъ Индустанъ, хотя очевидно, что и въ этой странѣ онъ пришелецъ и частію подавилъ собою языки аборигеновъ, которые тоже, по всей вѣроятности, нѣкогда разыграли подобную роль въ-отношеніи къ языкамъ своихъ предшественниковъ. Много доказательствъ на то, что во время похода Александра Македонскаго въ Индію, т. е. за 22 вѣка тому назадъ, санскритскій языкъ былъ уже языкъ мертвый и замѣнился *пракратомъ*, который тоже въ свою очередь смѣнился нынѣшнимъ индустанскимъ языкомъ. Всѣ вообще языки бѣднѣютъ формами съ теченіемъ времени, и тѣмъ быстрѣе, чѣмъ быстрѣе ходъ исторической жизни народовъ, ими говорящихъ. У таковыхъ

* Конечно, собственно говоря, каждый животный организмъ есть мертвая машина, возбуждаемая къ дѣятельности вѣнчими влияніями. Путемъ сравнительного языкоизученія, можно также разложить на элементы *значенія* и *отношенія*, приведенные нами въ видѣ примѣровъ формы: *люблю*, *любишь* и пр. Но, не вдаваясь въ разсужденія, отвлекающія настѣнъ отъ предмета, замѣтимъ, что для каждого понятно, хотя-бы даже и безотчетно,—различие, существующее между механизмомъ мельницы и животнымъ организмомъ. Поэтому, приведенное нами уподобленіе для языковъ понятно безъ дальнѣйшихъ объясненій.

народовъ проявляется безотчетное стремление къ тому, чтобы упростить языкъ, освободить его отъ излишней роскоши. Такимъ образомъ, название языковъ *изгибающихся, флексирныхъ* (*langues fléchissantes*) свойственно не столько имъ, сколько ихъ пра-отцамъ, которые уже теперь всѣ языки мертвые. Санскритскому языку по-преимуществу приличествуетъ название языка *флексирнаго*, точно также, какъ китайскому по-преимуществу приличествуетъ название языка *обособляющаго*. Это суть два полюса, на которые мы указали выше.

Способность мертваго корня оживляться, видоизмѣняться, для выражения всевозможныхъ отношений, составляетъ характеристическую особенность *самого языка* во всемирной исторіи числа языковъ. Языками, язычами, можемъ мы здѣсь назвать сами народы. Это суть именно тѣ народы, которымъ суждено, то тѣмъ, то другимъ, вести человѣчество къ совершенствованію; народы симитскіе и индо-европейскіе: финикиане, евреи, арабы,—индусы, греко-латины, германцы; современные европейцы съ своими затлантическими собратьями, подчинившіе въ наше время своему вліянію почти весь шаръ земной. Ни одинъ народъ не въ состояніи закрыть за собою на-вѣки это первенство, но, во всякомъ случаѣ, оно, до-сихъ-поръ, сколько можемъ мы только заглянуть вглубь исторіи, не выходило изъ семейства симитскаго и индо-европейскаго. Цивилизационная роль симитовъ уже прекратилась, сдавали не на-всегда, но ихъ наслѣдство усвоили себѣ индо-европейцы и повели дѣло впередъ съ того мѣста, гдѣ остановились симиты. Тоже самое происходитъ и между индо-европейцами: одинъ народъ смыкаетъ другой, но каждый усваиваетъ себѣ наслѣдство покойника или одряхлѣвшаго, и приступаетъ къ труду съ болѣе и болѣе разросшимся капиталомъ. Право на значеніе историческаго народа приобрѣтается, конечно, не тѣмъ, что о какомъ-нибудь народѣ болѣе или менѣе часто упоминается въ исторіи; не тѣмъ даже, если какой-нибудь народъ, какъ, напр., монголы, временно покорилъ себѣ несчетное число другихъ. Подобное-же историческое значеніе приобрѣтаютъ по временамъ всплескъ, моровая язвы, хорошие или дурные урожаи. Все это не болѣе, какъ камень, брошенный въ Волгу и на иѣсколько мгновеній въ точкѣ паденія своего произведшій беспорядокъ въ теченіи. Несомнѣнныемъ выводомъ остается тотъ, что историческими коноводами постоянно были народы, въ языкахъ которыхъ значение и отношеніе выражались нераздельно.

Легко догадаться, что разстояние между языками обособленными, въ которыхъ отношение не выражается особыми звуками, и языками *флексионными*, въ которыхъ значение и отношение выражаются нераздѣльно, — должно быть наполнено языками, въ которыхъ значение и отношение не сливаются между собою; взаимное соединеніе иль обнаруживается наглядно, въ видѣ явственной спайки. Звуки, выражаютіе отношеніе, суть какъ-бы алгебраические знаки +, —, × и т. п., которые сами по себѣ выражаютъ не величины, а отношенія, существующія между величинами. Таковые языки въ сравнительномъ языкоанализѣ называются *сочетающими, смѣллюющими* (*langues combinantes, agglutinantes*). Въ недавнее время, некоторые лингвисты окрестили ихъ общимъ названіемъ *туранныхъ языковъ*, *langues touquantes*, но такое название можетъ подать поводъ ко множеству недоумѣній.

Общее свойство всѣхъ *сочетающихъ* языковъ заключается въ томъ, что они, въ-противоположность китайскому, выражаютъ отношение звуками, выказываютъ стремленіе къ флексіи, но, какъ говорить Вильгельмъ Гумбольдтъ, остававшіеся на полудорогѣ, не достигнувъ цѣли. Эти остановки происходятъ, впрочемъ, у однихъ ближе къ цѣли, у другихъ далѣе отъ нея. Такъ, напр., языки финновъ (суоми) и венгерцевъ усвоили себѣ въ значительной степени флексіи, между-тѣмъ-какъ языки манджуровъ (китайскихъ тунгузовъ) почти не дошли еще до грамматического дѣленія на части рѣчи, но, вѣдь съ тѣмъ, чуждъ и вѣдь грамматической точности китайского языка. Наиболѣе прекрасное осуществление сочетающей системы находимъ мы въ турецкомъ языке. Здѣсь *отложеніе* выражается совершенно посѣдовательно и не смѣшивается съ *значеніемъ*. Изученіе турецкой грамматики составляетъ большое наслажденіе даже и при отсутствіи желанія усвоить себѣ этотъ языкъ практическіи. Справедливо сравнивать ее съ стечіеннымъ ульемъ, въ которомъ многосложная пчелиная деятельность можетъ быть наблюдана насквозь. Впрочемъ, мы еще охотѣе сравнивъ бы эту грамматику съ весьма-просто и остру-умно придуманнымъ механизмомъ, который производить самую многосложную работу. Уразумѣть механизмъ не мудрено, и легко удовлетворенное любопытство доставляетъ иѣкотораго рода наслажденіе. Это не то, что трудный изысканія живого организма.

Весьма-оригинальное строеніе представляютъ языки амери-

канскихъ туземцевъ, такъ-называемые языки полисинтетические, многосокупляющіе. Въ нихъ мысль, которую мы выражаемъ цѣлымъ предложеніемъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ словъ, выражается одною нераздѣльною формою, составленной изъ множества словъ, болѣе или менѣе усъченныхъ, которымъ располагаются въ строго-определенномъ порядкѣ. Нитью для этого называнія служить обыкновено глаголъ, но, благодаря приставкамъ и вставкамъ, глагольная форма выражаетъ и подлежащее и сказуемое, можетъ выражать и множество другихъ постороннихъ обстоятельствъ. Такъ образуются формы-чудовища, формы-левіаеаны! Такъ, напр., въ греко-персидской грамматикѣ Клейшмита находимъ недѣлимую, хотя и разлагаемую форму: ὁγκικυμιανγιτδιωναραινакане. Въ переводѣ это полярное грамматическое чудовище значитъ: «я по-правдѣ вовсе не имѣю желанія прийти къ вамъ».

Какъ мы сказали, въ этой системѣ, слова, болѣе или менѣе обрубленно, должны располагаться въ столь-же неизмѣнномъ порядкѣ, какъ единицы, десятки, въ нашемъ арифметическомъ письмѣ. Въ этомъ отношеніи языки полисинтетические, конечно, приближаются къ языку китайскому, но существенное различие въ томъ, что въ нихъ развились уже кое-какія флексіи, особенно въ глаголѣ. Въ китайскомъ языке предложение состоитъ изъ корней, стоящихъ отдалѣно другъ отъ друга въ определенномъ порядкѣ; здѣсь-же предложение превращается въ одно слово, составленное изъ обрубковъ множества другихъ. Во всякомъ случаѣ нельзя не согласиться въ томъ, что языки эти ближе стоять къ китайскому, чѣмъ къ санскритскому. Настоящая родина ихъ есть краснокожая Америка, начиная эскимосами и кончая пешерами, обитателями Огненной земли, къ югу отъ Магелланова пролива. На этомъ необъятномъ протяженіи встрѣчается необъятное число языковъ, которые большую частью не имѣютъ между собою ничего общаго въ лексическомъ отношеніи, но грамматики ихъ составлены по одному образцу, конечно, съ различной степенью разности выраженія фамильного типа. Подобнымъ образомъ, какъ мы видѣли, и въ фиктивныхъ языкахъ флексіи не во всѣхъ одинаково развиты. Столь-же загадочное, сколь и интересное явление представляеть то обстоятельство, что языки басковъ, живущихъ около Пиринеевъ, имѣть чисто-американскую, полисинтетическую систему *). Многое заставляетъ думать, что баски суть

*) Экипажъ корабля, на которомъ поплылъ Христофоръ Колумбъ для

единственные оставшиеся представители п'ялого семейства народовъ, которые жили въ Западной Европѣ въ незапамятное время, прежде еще, чмъ появились въ ней арійскіи (индо-европейскіи) племена. Эти народы съ полисинтетическими языками, обитавшіе извѣдь въ Европѣ, быть-можеть, никогда не поднимались выше той ступени цивилизациі, на которой застали мы красавецъ американскихъ туземцевъ. Высшую степень развитія посѣгшихъ находимъ мы въ развалинахъ ярко-позлащенныхъ царствъ Монтезумы и Атакуальпы. Но и эти развалины внушаютъ въ насъ лишь отвращеніе къ свирѣпому изувѣрству ацтековъ и къ моральному ничтожеству инковъ. О древнійшихъ обитателяхъ Европы знаемъ мы, между прочимъ, что они были людоѣды.

Если положить, что все число людей, живущихъ на земномъ шарѣ, простирается до 1000 мил., то слѣдуетъ допустить, что изъ числа ихъ 400 мил. говорятъ языками моносиллабическими, обособляющими, — 500 мил. языками флистирными, и, наконецъ, 100 мил. языками сочетающими, сплюющимися. Само-собою разумѣется, что цифры эти, основаныя на самыхъ общихъ исчисленіяхъ, не могутъ имѣть никакого притязанія на точность; послѣдняя цифра сомнительна уже потому, что о населеніи внутренней Африки мы можемъ судить только гадательно. Языки моносиллабические, для 350 мил. людей, составляютъ лишь наречія одного и того-же языка китайскаго; языки дальней Индіи, на жителей которой полагаемъ мы цифру до 50 мил., представляютъ также великое сродство съ языкомъ китайскимъ. Языки флистирные для 500 мил. людей дѣлятся только на два семейства: индоевропейское и синитское. Въ каждомъ семействѣ языки носить явные признаки одноплеменности; оба даже семейства, по-видимому, нѣсколько сродны между собою. Языки сочетающіе, которыми говорятъ только 100 мил. людей, составляютъ несчетное число семействъ.

открытия Америки, какъ известно, состояло преимущественно изъ басковъ. Отныне безграмотными людьми мало труда стѣдило-бы усвоить себѣ любой американский языкъ, который, конечно, привелъ бы въ отчаяніе тогдашнихъ онологовъ, взросшихъ на изученіи латинскаго, греческаго и, даже, еврейскаго языковъ.

Отъ Редакции. Напечатанная выше статья П. К. Услара, предназначавшаяся покойным авторомъ ея для нашего «Сборника», — въ сожалѣнію, осталась неоконченной. Еще въ 1870 г. П. К. Усларъ писалъ намъ: «У меня уже слишкомъ годъ, какъ лежитъ статья, начатая для «Сборника», но до сихъ-поръ не оконченная, — Характеристическая особенность какаевъ языковъ. Въ ней я старался совмѣстить, быть-можетъ, несомнѣмые элементы, а именно, икотораго рода степень ученаго значенія и вмѣстѣ съ тѣмъ икоторую степень занимательности для массы читателей. Очень можетъ быть, что статья эта въ двоякомъ смыслѣ окажется неудачною. У меня естьшировъ для горскихъ языковъ. Что за камическая роль въ наукѣ играла бы статья, гдѣ-бы я писалъ: комакъ су порте су? Но на подобное обреченье я въ отношеніи къ кавказскимъ языкамъ. Съ другой стороны соизвѣаюсь, могу-ли, не смотря на всѣ мои старанія, сдѣлать лингвистическія изслѣдованія сколько-нибудь занимательными для массы читателей». — Поадѣїе Петра Карловичъ извѣщаѣть наст., что окончаніе этой статьи должно быть отложено на неопределеннное время, «то случаю исчезновенія Чиркеевскаго» (родомъ — аварецъ, бывалъ въ Турцію), «такъ-какъ вмѣстѣ съ Чиркеевскимъ пропало и много необходимыхъ для статьи записокъ». Такимъ образомъ она лежала неоконченной въ портфеле автора до его смерти. Нельзя особенно-глубоко не сожалѣть объ этомъ, таъ-какъ мы лишились возможности услышать отъ самого лингвиста собственныйный его взглядъ на разработанное имъ поле кавказской лингвистики. Но и въ настоящемъ неоконченномъ видѣ, статья эта должна имѣть свое значеніе, какъ убѣдительный урокъ достославнаго покойника тѣмъ изслѣдователямъ кавказской этнографіи и этнологии, которые не всегда идутъ по пути строгого-научного отноженія къ предмету своихъ изслѣдований.

Н. В.

ИНГУШИ.

(ихъ жизнь и обычай).

I.

Если кому случалось жить на сѣверномъ Кавказѣ, въ Терской области, тогдѣ, вѣроятно, слышалъ, что близъ г.^г Владикавказа, въ верхней части бассейна р. Сунжи, обитаетъ небольшое племя подъ именемъ *ингушъ*^{*)}; они-же извѣстны и подъ именемъ *настравовщевъ*.

Нерѣдко, даже проѣхавши одинъ разъ по территории, занимаемой ингушами, приходится долго помнить ихъ: отчаянно-вороватая натура ихъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, даетъ себя знать, и этимъ-то ингушки особенно и составили о себѣ печальную извѣстность. Самое слово «ингушъ», въ средѣ окрестныхъ жителей, привило значение отрицательного имени, выражавшаго собою всю сумму отрицательныхъ нравственныхъ качествъ человѣка.

Прежде-чѣмъ прослѣдить, до возможной степени, условія и причины развитія въ ингушахъ, богато-одаренныхъ природою, отрицательныхъ качествъ и изобразить современный характеръ проявленія этихъ отрицательныхъ качествъ и бытовую жизнь ингушъ, нелишнимъ будетъ обратиться къ ихъ прошлому, насколько это извѣстно изъ тѣхъ официальныхъ и историческихъ данныхъ, которыя оказалось возможнымъ собрать подъ рукою.

^{*)} Находящаяся на юго-востокѣ отъ г. Владикавказа и вблизи за него Терская долина извѣстна между ингушами подъ именемъ «Ангушть». Такъ какъ, по своему географическому положенію, Терская долина, или *ангушишъ*, служила единственнымъ удобнымъ плоскостнымъ мѣстомъ для переселенцевъ изъ горъ, то несомнѣнно, что эти переселенцы, предки настоящихъ ингушъ, получили название отъ имени сказанной долинки.

Ингушки или, какъ они себя называютъ, газы, есть потомки выселившихся изъ горъ джераховцевъ, кистинцевъ, галгаевцевъ и другихъ жителей сосѣднихъ съ ними горскихъ обществъ. Многія изъ ингушскихъ фамилій и до настоящаго времени имѣютъ свои башни въ горахъ и весьма близкія родственныя связи съ горцами.

Еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія ингушки подъ этимъ именемъ уже были известны русскимъ; ихъ также называли кистами или киштычами.

Въ 1769 году, ингушки, какъ народъ *трудолюбивый и честный*, желая избавиться отъ аксайскихъ кумыковъ и кабардинцевъ, въ зависимости отъ которыхъ они находились тогда, вошли съ просьбою о принятіи ихъ въ подданство Россіи. Въ томъ же году они были приняты въ подданство Россіи и выдали отъ себя аманатовъ. Для обеспеченія же ихъ отъ обидъ и притесненій со стороны кумыковъ и кабардинцевъ, бывшій тогда кизлярскій коменданть опредѣлилъ въ нихъ одного кизлярскаго служилаго дворянину и 10 человѣкъ казаковъ, подъ видомъ обращенія ихъ въ христіанство, такъ-какъ въ то время ингушки были еще язычниками *).

Кромѣ того, еще въ 1744 году, россійское правительство обратило вниманіе на ингушъ съ цѣлью возстановленія между ними падшаго христіанства, а въ 1747 году послѣдовало распоряженіе принимать ихъ въ подданство Россіи **).

Когда именно началось переселеніе ингушъ изъ горъ на плоскость, опредѣлить достовѣрно не возможно, но, судя по тому, что ингушки подъ этимъ именемъ уже были известны русскимъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, нужно предположить, что переселеніе это совершилось еще задолго до нашего знакомства съ ними. Во второй половинѣ того-же столѣтія ингушки уже несомнѣнно обитали на плоскости, такъ-какъ въ 1784 году, при ингушской деревнѣ Зауръ, была основана крѣпость Владикавказъ ***).

Что побудило горцевъ предпринять выселеніе на плоскость, рѣшительно невозможно опредѣлить, по отсутствію сколько нибудь достовѣрныхъ свѣдѣній, не только письменныхъ, но даже и

*) См. Матер. для Нов. Исторіи Кавказа съ 1722 по 1803 г. П. Буткова. С.-Пб. 1869 г. ч. I, стр. 300.

**) Тамъ-же, стр. 515.

***) Тамъ-же, ч. II, стр. 165.

устыхъ; однако же несомнѣнно, что главною причиною выселенія части ингушъ на плоскость было, какъ числовое разноможеніе ихъ, такъ, вѣроятно, и недостатокъ земли, пастбищъ и другихъ угодій въ горахъ для поддержанія хозяйства. Вообще мѣстность, занимаемая джераховцами, чистинцами, галгаевцами и другими горскими обществами, откуда выселились ингуши, представляеть весьма скучные средства не только для веденія какого-бы то ни было хозяйства, но и для самой жизни: вся территорія, занимаемая этими обществами, находясь у подошвы сѣверной стороны главного хребта Кавказскихъ горъ, представляетъ изъ себя рядъ загроможденныхъ камнями ущелій и скалистыхъ гребней, съ отсутствіемъ въ некоторыхъ мѣстахъ даже признаковъ растительности.

Высказанное сейчасъ предположеніе о причинѣ переселенія ингушъ изъ горъ получитъ еще большую степень достовѣрности, если мы примемъ въ соображеніе современное экономическое положеніе горцевъ, очерченное мною въ статьѣ «Экономический и домашний бытъ жителей Горского участка Ингушевского округа», въ III выпускѣ «Сборника сѣдѣній о кавказскихъ горцахъ», — положенія, развившагося при болѣе благопріятныхъ политическихъ условіяхъ жизни горцевъ, нежели условия прошлой ихъ жизни.

Выселившіяся изъ горъ ингуши занимали сначала верховья рр. Сунжи и Камбилиевки (Терскую долину), а также и правый берегъ р. Терека, при выходѣ этой рѣки изъ горъ на плоскость. По мѣрѣ увеличенія числа выселявшихся изъ горъ, ингуши постепенно спускались ниже по Сунжѣ и Камбилиевкѣ и, наконецъ, при заселеніи въ 1860 г. Тарской долины (ст. Тарская) и верховья р. Сунжи (ст. Сунженская и поселокъ Ахки-Юртовский) казаками, ингуши окончательно были скучены на настоящемъ мѣстѣ ихъ жительства.

Какъ племя немногочисленное и условіями жизни въ горахъ пріученное къ тяжелому труду, путемъ которого только и представлялась возможность къ существованію, а слѣдовательно и не воинственное,—ингуши, при выселеніи на плоскость, весьма естественно должны были подпасть подъ власть наиболѣе сильныхъ племенъ, храбрѣчавшихъ на той мѣстности, куда они высыгались. Такимъ образомъ, за право пользованія удобствами плоскостной жизни, ингуши обязаны были платить дань то кабардинцамъ, то кумыкамъ и даже шамхалу тарковскому. Слабость и невозможность силою отражать притязанія охотниковъ до дани ставили

ингушъ нерѣдко въ необходимости платить дань многимъ хазе-
вамъ за разъ. — Это положеніе, какъ сказано выше, подтверж-
дается прошеюю ингушъ въ 1769 году о принятіи ихъ въ под-
данство Россіи и такимъ образомъ обѣ избавленіи ихъ изъ-подъ
зависимости кумыкамъ и кабардинцамъ.

Хотя ингуши въ томъ-же 1769 году и были прияты въ под-
данство Россіи, но, тѣмъ не менѣе, фактическая зависимость ихъ
отъ кабардинцевъ все-таки продолжала тяготѣть надъ ними и
ингуши по-прежнему платили дань кабардинцамъ, въ годъ по
одному барану со двора, а у кого не было барановъ, то жалъ-
зомъ на одну косу.

Наконецъ, въ 1773 году, ингуши, сильно прѣтѣсняемые и
раззоряемые кабардинцами, отказались платиноваться ихъ требова-
ніемъ и обратились къ бывшему тогда корпусному командиру ге-
нералу де-Медему съ прошеюю о защитѣ и покровительствѣ,
утверждая, что хотя они временно и платили дань кабардинцамъ,
но подвластными имъ себя не считали, а тѣмъ менѣе послѣ вступ-
ленія своего въ подданство Россіи. Кабардинцы-же, въ свою оче-
редь, доказывали, что ингуши древніе ихъ подданные и даники.
Когда пререканіе это дошло до свѣдѣнія вышаго правительства,
то россійскій дворъ, въ томъ-же 1773 году, предписалъ генералу
де-Медему, «чтобы не отклонять ингушъ отъ кабардинцевъ, дабы
не раздражать ихъ болѣе, таѣ-какъ ингуши сами сознались, что
были ихъ даники» *). Такого рода недчиненность ингушъ кабар-
динцамъ продолжалась до 1779 года, когда кабардинцы возстали
противъ россійского правительства.

При усмиреніи Кабарды и при приводѣ ихъ 9 декабря то-
го-же года вновь къ вѣроисповѣднической присягѣ, между про-
чимъ, было поставлено и слѣдующее условіе:

«Осетинцамъ поколѣній дугорскаго, каражавскаго, куртат-
скаго, олагирскаго, тагаурскаго; также ингушамъ и всѣмъ про-
чимъ состоящимъ въ россійскомъ подданствѣ, пріеюющимъ св.
крещеніе и переселяющимся въ Моздокъ и въ другія мѣста линіи,
не только въ томъ не препятствовать, но отнюдь ихъ ни коимъ
образомъ не прѣтѣснять, ибо кабардинцы всѣ притязанія на нихъ
имѣли по одному праву сильнѣйшихъ. Въ случаѣ какихъ-либо обидъ
отъ нихъ кабардинцамъ, приносить жалобу россійскимъ началь-
ствамъ, а самимъ не управляться» **).

*) Тамъ-же, ч. I, стр. 303, примѣч. 1-е.

**) Тамъ-же, ч. I, стр. 60.

Хотя этимъ постановлениемъ ингушки казь будто и избавились отъ необходимости платить кабардинцамъ дань, то, на самомъ дѣлѣ, они все-таки вѣтъ-вѣтъ да и подвергались притязаниямъ то однихъ, то другихъ своихъ сосѣдей, бывшихъ властителей ихъ. Такъ, въ январѣ 1784 года, шамхаль тарковскій Муртазалій прислалъ прошеніе на Высочайшее имя о принятіи его въ подданство Россіи, при чемъ просилъ оставить въ подчиненіи его ингушскій народъ на прежнемъ основаніи, утверждая, что на этомъ народѣ остались еще его подати *).

Малочисленность ингушского племени, съ одной стороны и съ другой — невозможность русскимъ войскамъ, занятымъ въ то время болѣе серьезными дѣлами на всемъ протяженіи Кавказа, вѣ-время являться на помощь къ ингушамъ для огражденія ихъ материальнаго благосостоянія, еще долго фактически оставляли ихъ на произволъ сильныхъ и притязательныхъ сосѣдей. Такъ, въ постановлении о сословіяхъ въ Кабардѣ, составленномъ кабардинцами въ началѣ нынѣшняго столѣтія, 25-й пунктъ гласитъ:

«Кабардинскіе князья имѣютъ въ подданостѣ разныхъ сословій горцевъ, а именно: карабулаковъ, назраненцевъ, ингушъ, осетинъ и абазинцевъ, кои платять дань, по нижеиздѣ-дующему порядку: ингушки, назраны и карабулаки ежегодно платятъ по очереди кабардинскимъ князьямъ по рублю серебромъ съ дома и тотъ князь, который получитъ тѣ деньги, долженъ весь годъ отъ обиды ихъ защищать и даетъ для того человѣка, который состоитъ на всемъ довольствіи отъ нихъ съ лошадью; притомъ ему даютъ вѣсомъ платья за охраненіе: **).

Когда именно ингушки перестали окончательно платить дань своимъ сосѣдямъ — кабардинцамъ и другимъ, вѣтъ достовѣрныхъ съѣдѣній; но, по заявлению старожилъ, время это настало въ первой половинѣ настоящаго столѣтія. Это заявленіе старожиловъ, впрочемъ, подтверждается и тѣмъ договоромъ, который былъ заключенъ бывшимъ комендантомъ крѣпости Владикавказской, генераль-маіоромъ Дельпоцо, съ представителями тогдашнихъ ингушскихъ фамилій, 22 августа 1810 года.

Договоръ этотъ, опредѣляя отвѣщенія и обязательства ингушъ къ нашему правительству, представляетъ весьма интересны

*) Тамъ-же, ч. II, стр. 134.

**) «Исторія Адыгейскаго народа Шора-Бекиурианъ-Ногмова, стр. 160. Камк. налend. на 1862 годъ.

ный исторический документъ, который, въ видѣ соображенія его считаю нелишнимъ привести здесь цѣлымъ *).

По взаимному и обоюдовому Его Императорскаго Величества Всероссийскаго Государя Императора генерал-майора крѣпости Владикавказской коменданта Дельпоцо и всего ингушевскаго народа соглашенію, мы, нынѣ поименованные шесть фамилій ингушевскаго вольного и никому неподвластнаго народа, лучшіе и почетнѣйшиe люди, съ каждой фамиліи по десяти человѣкъ,—съ доброей нашей воли и общаго согласія между собою, условились и согласились Его Императорскому Величеству Всероссийскому Государю Императору вступить въчино на вѣрность подданства и обладаніе наше на условіяхъ и обязательствахъ слѣдующихъ:

1.

Отъ нынѣ впередъ ва вѣчныя времена, мы, ингушевскій вольный и ни отъ кого независимый народъ, считающійся въ родахъ шести фамилій: Торгемова, Цецме-Бохова, Агіева, Картугова, Яулурьева и Хамхоева и потомство наше Его Императорскому Величеству Всероссийскому Государю Императору Александру Павловичу и его Наслѣднику, кто назначенъ будеть, вступаемъ добровольно въ совершенное вѣрно-подданническое состояніе, а притомъ обязуемся:

2.

, Всѣхъ враговъ Россійскому престолу Его Императорскаго Величества, почитая за таковыхъ здѣшнихъ окружающихъ насть магометанскаго закона народовъ, мы должны считать равнымъ образомъ своими врагами и безъ вѣдома и позволенія здѣшняго начальства Россійскаго миръ заключать со оними отнюдь мы не должны; въ противномъ случаѣ, если мы сами собою съ оними миръ заключимъ, тогда должны мы сами почитаться врагами Россіи, и за то подвергаемъ себя справедливому наказанію отъ россійскаго начальства.

3.

Во всякое время, когда россійскому начальству востребуется надобность противъ здѣшнихъ народовъ съ россійскимъ войскомъ дѣйствовать непріятельскою рукою, тогда обязаны мы давать оному отъ себя изъ общества нашего тысячу человѣкъ во-

*) Документъ этотъ, не представляющій сомнѣнія, какъ по видѣнію своему виду, такъ и по подлинной подписи генерала Дельпоцо, обязательно сообщить изъ подчиненнѣй подполковникомъ Сергеемъ Федоровичемъ Базориннымъ, однимъ изъ почетнѣйшихъ представителей ингушского народа.

оруженного помощного войска, съ такимъ условиемъ: чтобы оное до окончанія дѣйствія было довольствовано провіантомъ на основавіи россійскаго солдата, взятая же отъ общаго вепріателя на-
шего нами всякаго рода добыча представлена была бы въ нашу
пользу неотъемлемо.

4.

Всѣ тѣ народы здѣшняго края, которые съ Россіею въ друж-
бѣ, согласіи и подданствѣ оной находятся, мы должны признать
за нашихъ друзей и пріятелей, и отвѣдь съ оными не мѣтъ ни-
какихъ враждебныхъ поступковъ, исключая частныхъ вѣкоторыхъ
наименачашій осоры, о коихъ удовольствія должны имѣть не са-
ми собою, но черезъ здѣшняго россійскаго начальника. Въ про-
тивномъ-же случаѣ, кто будетъ управляться самъ собою, тотъ
долженъ быть наказанъ по россійскимъ законамъ.

5.

Если чеченцы, карабудаки и прочіе вепріязненные Россіи
народы, гдѣ ни есть будуть прокрадываться воровскими партіями
съ намѣреніемъ учинить на россійские обозы и команды, проходящіе
по грузинской дорогѣ, нападенія и сдѣлаютъ грабежи и разборы и
мы о томъ получимъ свѣдѣнія, тогда должны мы тотчасъ давать
знать находящемуся у насъ россійскому начальнику въ ближайше-
му посту. А буде при нападеніи оными на русскихъ услышаны
пушечные выстрѣлы, тогда, равнымъ образомъ, дать знать на-
ходящемуся у насъ начальнику. Самы обязаны тотчасъ скакать
къ тому мѣсту на встрѣчу сихъ разбойниковъ и, старанія не щадя,
своей крови и жизни, поражать оныхъ, отнимать отбитую
има у русскихъ добычу и доставлять оную къ ближайшему отъ
того мѣста россійскому начальнику.

6.

Ежели случится, что кто ни есть изъ нашихъ, съ тѣми раз-
бойниками согласясь для содѣланія злаго ихъ намѣренія вообще,
пропустить умышленно черезъ нашу землю и потомъ по слѣд-
ствію откроется правда, тогда виновниковъ сего проступка обя-
заны мы выдать начальнику россійскому въ прѣности Владикав-
казской безпрекословно.

7.

Ежели изъ нашего общества кто ни есть осмѣлитъ убить
россійскаго солдата, купца или другого какого званія россійскаго
кѣронподданнаго, тогда обязаны мы виновниковъ всемѣрно ста-
раться отыскать, поймать и отдать въ руки россійскаго началь-

ства въ крѣпость Владикавказскую. Ежели оные въ скоромъ времени куда-либо уйдутъ, тогда отдать все ихъ семейство и имущество.

8.

Если кто ни есть изъ нашего общества всячаго званія российскихъ людей ограбить и ранить, или не ограбить, а ранить, съ оными поступить на темъ-же основаніи, какъ и за убатаго.

9.

Если кто изъ нашего общества будетъ передерживать у себя чеченцевъ и прочихъ непріязненныхъ Россіи народовъ людей, умышляющихъ противъ Россіи зло, а самъ на то будетъ съ ними согласенъ и отъ того сдѣлается вредъ, потомъ будетъ открыто, тогда того передержателя и соучастника въ злоумышленіи отдать въ руки российскаго начальства, а если онъ убѣжитъ — все его семейство и имущество.

10.

Отъ нынѣ впередь навсегда, мы и потомство наше обязуемся: кабардинцамъ, чеченцамъ и прочимъ здѣшнимъ магометанскаго закона народамъ податей отнюдь никакихъ не платить (какъ было до сего), а ежели противъ сего преступимъ и будемъ давать подати онымъ, тогда российское начальство имѣть съ нами поступить яко съ врагами своими.

11.

Со временемъ заключенія нами сего обязательства и на вѣчныя времена, мы и потомство наше обязуемся: къ проповѣданію и введенію у насъ магометанскаго закона феодіевъ, мулловъ и прочихъ особъ духовныхъ магометанскихъ отнюдь не принимать, не допускать и мечетей не строить, а ежели противъ сего преступимъ, тогда российское начальство имѣть поступить съ нами яко съ врагами своими.

12.

Всѣхъ родовъ здѣшнихъ окружающихъ нась народовъ людей, пріѣзжающихъ къ намъ съ подиущеніемъ, чтобы мы стъ подданства и вѣриости российскому государю отстушили, сдѣлались съ ними союзниками и притомъ Россіи врагами, или съ примищениемъ противъ русскихъ на воровство и разбой, таковыхъ мы обязаны тотчасъ переловить и доставить въ руки российскаго начальства; а ежели сего не исполнится и причинится вредъ Россіи, тогда должны мы всемѣрно стараться отыскать соучастниковъ нашихъ въ семъ злоумышленіи и выдать оныхъ въ руки россий-

— 9 —

сваго начальства; ежели же и сего не исполнимъ, тогда подвергнемъ себя всѣ безъ изъятія наказанію—яко изменники и нарушители общаго спокойствія.

13.

Съ теперешняго нашего жительства, находящагося при уро-
чищѣ, именуемомъ Наерахъ, безъ позволенія россійскаго началь-
ства, мы отнюдь не должны никуда переходить и переселяться,
не только всѣ, но даже и малымъ количествомъ семействъ, а
если противъ сего явимъ себя ослушившими и преступниками, то
подвергнемся за то строжайшему наказанію.

14.

Если-бы случилось, что мы по легкомыслію своему всѣ во-
обще нарушили сдѣланную нами въ вѣрноподданнической обязан-
ности Государю Императору клятву и сдѣлались透过那面墙 to измен-
никами и бунтовщиками, тогда начальство россійское имѣть спра-
ведливость поступить съ нами точно такъ, какъ съ своими непрія-
телями.

15.

Для защитыя нашего отъ вѣнчихъ враговъ нашихъ, по
милости главнаго начальства здѣшняго, мы принимаемъ въ селе-
ніе свое честь россійскаго войска, какая намъ будетъ поставле-
на, на которую проізаѣтъ возить изъ крѣпости Владикавказской,
древа доставлять въ ихъ жилища, больныхъ солдатъ отвозить въ
крѣпость Владикавказскую, мы обязуемся сами собою, на своихъ
подводахъ, безъ платы.

16.

Коль скоро будетъ поставлено къ намъ россійское войско
для защитыя нашего отъ вѣнчихъ нашихъ непріятелей съ
тѣмъ, чтобы оное осталось у насъ днесь, то вѣсть съ тѣмъ
тогда-же должны мы сами для построенія жилищъ оному войску
доставить потребный на оное строевой яѣсь и прочія надобности
на собственныхъ нашихъ подводахъ безъ всякой за то платы.

17.

Россійскому войску, у часъ находящемуся, отнюдь не дол-
женъ никто изъ насъ причинять никакихъ обидъ, притѣсненій и
заблудленій, равно и оное намъ такимъ-же образомъ; въ против-
номъ-же случаѣ какъ той, такъ и другой стороны виновные долж-
ны быть наказаны смотря по винѣ безъ поморочки.

18.

Если-бы случилось противъ чаянія, что команда сего войска

изъявляли мы какую непріятность общую, похожую на заговоръ нашего возмущенія, и причинится чрезъ то вредъ, тогда со вѣми нами поступить яко съ непріятелеми Россіи.

19.

Чтобы сохранить намъ всю силу сего акта и соблюсти вѣрность Его Императорскому Величеству, Всемилостивѣшенному Государю нашему Россійскому Императору, Наслѣднику Его Императорскаго Величества, кто назначенъ будетъ, интересамъ пользѣ Его Императорскаго Величества принадлежащимъ, къ общему спокойствію и благополучію нашему поставленнымъ, мы, ниже поименованные лучшіе и почетнѣйшіе люди, съ каждой фамиліи по 10 человѣкъ, по обычаю нашему, по особому присяжному листу, предъ всемогущимъ Богомъ небеснымъ и почитаемымъ нами за святость сумиромъ находящимся въ горахъ, именуемыемъ Гальердъ, утверждаемся клятвою; и начонецъ

20.

Въ залогъ твердѣйшей нашей вѣриности къ россійскому престолу, мы отаемъ еще изъ оныхъ нашихъ шести фамилій, по выбору россійского начальства, въ крѣпости Владикавказской находящагося, лучшихъ и почетнѣйшихъ и сильнейшихъ семействъ шесть человѣкъ аманатовъ, на казенное содержаніе, которыхъ перемѣнять черезъ каждые четыре мѣсяца, а при случавъ болѣзни оныхъ и прежде. Сей обязательный актъ заключили мы съ россійскимъ генералъ-майоромъ Дельпоцо и приложили перстныи свои печати въ крѣпости Владикавказской. Августа 22-го дня 1810 года.

На подлинномъ приложены перстныи печати представителей фамиліи Торгемова: Хобре, Цогалъ, Карцахъ, Махомедъ, Тамыръ, Али, Ахпотъ, Бузурка, Мурзабекъ и Камыра.

Фамилія Цецме-Бохова: Саналъ, Тебо, Оздемиръ, Чочь, Дубре, Мена, Эльнуруза, Зоуръ, Кайвыръ и Коте.

Фамилія Агіева: Чимурза, Хауца, Довъ, Кайтуо, Жебаръ, Чора, Урцханъ, Багецъ, Хуса и Ареби.

Фамилія Картугова: Аты, Шомакъ, Петрушка, Наурузъ, Кулбышъ, Умаръ, Тачь, Хуса, Епецъ и Педи.

Камилія Яулурьевы: Обета, Долтуко, Нагай, Довъ, Туханкъ, Кой, Темботъ, Абать, Сраль и Музуръ.

Фамилія Хамхоева: Умахай, Ахтозъ, Али, Мусалъ, Чора, Койсынъ, Дулакъ, Моростъ, Бока и Орханъ.

II.

Покончивъ съ необходимостию, при подданствѣ Россіи, быть вассалами кабардинскихъ князей, ингушки, съ установлениемъ въ союзной Чечнѣ власти Шамиля, нерѣдко подвергались опасности подчиниться нравственному вліянію этого имама и служить орудіемъ его честолюбивыхъ замысловъ. Искрення-ли прежняя преданность ингушъ къ русскому правительству или ихъ слишкомъ близкое сосѣдство съ русскими крѣпостями, всю губительную силу которыхъ имъ пришлось бы испытывать прежде другихъ, на себѣ, не приводили попытку Шамиля къ жаланному успѣху.

За все столѣтнее подданство Россіи, ингушки только одинъ разъ, и то при участіи чеченцевъ—атагинцевъ, открыто и всею силою восстали-было противъ нашего правительства, въ 1782 г.; но по прибытии въ нихъ отряда, состоявшаго изъ одного батальона пѣхоты, одного эскадрона драгунъ и сотни казаковъ, безъ сопротивленія покорились, дали присягу и въ заложники восемь человѣкъ *).

Еще съ этого отдаленного времени появились попытки, и даже принималось за правило, для упроченія нашей власти на Кавказѣ, ссорить между собою кавказскія племена, «дабы они, ослабляя свои силы, оставили больше насть въ покой». Въ виду достижения этой цѣли, различными способами ингушки и чеченцы были поссорены между собою и въ іюнѣ 1783 году сразились, имѣя съ каждой стороны до 1000 человѣкъ; результатомъ битвы этой было пораженіе ингушъ и отбитіе у нихъ до двухъ тысячъ штукъ баранты **).

Насколько необходимо было прибѣгать къ такого рода политицѣ между кавказскими горцами и отдавать интересы одного племени на жертву другимъ, мы не беремся разбирать, но всю пагубность этого рода дѣйствій между полуциклическими людьми, всю непригодность системы подкуповъ вліятельныхъ туземцевъ и разныхъ проходицевъ, нерѣдко практиковавшуюся во время кавказской войны, приходится уразумѣть лишь въ настоящее время. Только теперь ясно сознается, какими ненадежными проводниками цивилизациіи были эти средства и какую ненадежную почву

*) Мат. для нов. ист. Кавказа П. Буткова, ч. II, 110 и 111.

**) Тамъ-же, стр. 111.

подготовили онъ для замѣты иска такими гуманными учрежденіями, какъ созданный «Судебный Устав» 20 ноября 1864 года, при попыткахъ ввести самоуправлѣніе и другія нововведенія, знаменующія собою известную степень развитія народа, къ которому примѣняются эти нововведенія.

Конечно, если бы мы, подобно американцамъ, стремились лишь къ той цѣли, чтобы стереть съ лица Кавказа туземные племена, то о пригодности для этой цѣли вышеприведенныхъ средствъ и говорить нечего: онъ были избираемы удачно; но если, при покореніи Кавказа, имѣлось въ виду (одѣлать обитателей его равноправными членами государства, какъ это теперь и есть на самомъ дѣлѣ, — то намъ остается пожалѣть о прошлыхъ ошибкахъ.

Все это говорится, само-собою разумѣется, не съ цѣлью бросить упрекъ бывшимъ дѣятелямъ на Кавказѣ, которые, собственно говоря, тутъ ни въ чемъ и не повинны, ибо самая война, какъ явленіе ненормальное, не только допускаетъ, но и требуетъ отступленія отъ установленныхъ, вѣдь этого явленія, понятій о нравственныхъ и международныхъ отношеніяхъ, мотивируясь известнымъ правиломъ: *inter arma silent leges*; — но констатируемъ вышеприведенные факты лишь для того, чтобы оправдывая себя, не возводить отвѣтственности на однихъ туземцевъ за тѣихъ вѣкоторыхъ моральные черты, которыхъ такъ непріятно поражаютъ насъ теперь.

Не станемъ говорить, какихъ трудовъ и усилий стоитъ измѣнить укоренившіяся десятиками, а можетъ-быть и сотнями лѣтъ, повѣтія ингушъ, предоставимъ самимъ читателямъ вывести объ этомъ заключеніе изъ послѣдующаго изложенія нравственныхъ качествъ этого народа и бытовой ихъ жизни, выработавшейся подъ давлениемъ упомянутыхъ условій военного времени.

Всѣ старанія о томъ, чтобы ослаблять есорами кавказскихъ туземцевъ, принося известную долю выгодъ, въ то-же время причиняли и вредъ, ибо такое, напримѣръ, слабое племя, какъ ингушское, не имѣя возможности стать открыто въ враждебныя отношенія съ сильнейшими соседями безъ посторонней поддержки, должно было лицемѣрить, чтобы не попасть между двухъ огней. Ингушъ, и вслѣдствіе географического положенія занимаемой ими территории, боязне нежели другіе кавказские туземцы, были поставлены въ необходимость придерживаться правила «и нашимъ и вашимъ». Соприкасаясь съ одной сто-

ровы съ довольно-сильнымъ русскимъ центромъ—Владикавказомъ и съ другой — имъ не менѣе сильныхъ въ былое время сосѣдей кабардинцевъ и чеченцевъ, ингуша должны были, примѣняясь къ обстоятельствамъ, угождать тому, кто представлялъ въ данное время болѣе гарантій для ихъ существованія. Только со времени прочного заселенія Сунженской линіи, ингушки, какъ люди съ довольно-сильно развитой въ нихъ практической смѣткой, поняли, что всѣ шансы на сторонѣ русскихъ и окончательно прикинули къ намъ. Собственно говоря, ингушки и до настоящаго времени не могутъ похвальиться искреннею преданностью намъ, такъ-какъ и по сю пору они въ отдельныхъ единицахъ не перевариваются господства русскихъ—гауровъ, но о прошломъ ихъ союзѣ съ русскими мы говоримъ въ смыслѣ цѣлаго племени.

Шамиль, господствуя въ Чечнѣ и хорошо созиная, какую сильную и выгодную въ стратегическомъ отношеніи представляеть мѣстность, занимаемая ингушами и замыкающая доступъ отъ Владикавказа на долину р. Сунжи за Назраноиъ,—трижды порывался привлечь на свою сторону ингушъ и всякий разъ терпѣлъ неудачи. Особенно чувствительное пораженіе было нанесено ему, и почти исключительно силами однихъ ингушъ, въ апрѣль мѣсяцѣ 1840 года. Ни сорока-тысячная армія Шамиля, съ которой онъ, по уѣзреву ингушъ, подступилъ къ Назрану, ни прокламаціи, ни различныя объщанія земныхъ и райскихъ благъ, не сломили ингушъ. За блистательное отраженіе скопищъ Шамиля и за вѣрность ингушки удостоились получить звания и вѣкоторыя привилегіи, которыми и пользовались до 1858 года *).

Историческая вражда и наконецъ помесенное Шамилемъ и его чеченскою арміею въ 1840 году пораженіе, естественно возбудили между ингушами и чеченцами сильное неудовольствіе и всегда положили предѣль всякимъ попыткамъ къ сближенію этихъ народовъ. Въ силу этихъ обстоятельствъ, и послѣдующія попытки Шамиля въ 1846 году, при вторженіи въ Кабарду, и въ 1858 г., при возстаніи вѣкоторой части ингушъ, не послужили на пользу ему. Въ 1858 г., не смотря на существовавшіе беспорядки между ингушскимъ народомъ и неудовольствіе противу мѣстныхъ властей, ингушки не поддались льстивымъ обѣщаніямъ Шамиля, не приняли

*) Главные привилегіи, данные ингушамъ, заключались въ томъ, что они были избавлены отъ несенія подводной повинности и за ними было утверждено право владѣнія землею на всей территории, занимаемой ими въ 1840 году...

его помощи, съ которою онъ поспѣшилъ къ нимъ, и такимъ образомъ ему, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, и въ послѣдній разъ не удалось сближеніе съ ингушами.

III.

Если въ цѣломъ своемъ племенномъ составѣ ингуша считаются преданными нашему правительству, то этого никакъ нельзя было сказать въ отношеніи отдельныхъ единицъ. Въ этихъ отдельныхъ случаяхъ ингуши были самыми отчаянными врагами нашими и тѣмъ больше злыми врагами, что, дѣйствуя въ одиночку и тайно и имѣя по соѣдству непокорную Чечню, имѣли возможность все совершаляемыя ими злодѣянія сваливать на непокорныхъ и такимъ образомъ лишали нашу власть средствъ къ преслѣдованію и наказанію виновныхъ.

Жилища ингушъ, въ видѣ хуторовъ, разбросанныя до 1858 года чуть не въ одиночку по всему занимаемому ими пространству и обыкновенно у лѣсныхъ опушекъ и въ другихъ глухихъ мѣстахъ, представили надежный убѣжище разныи хищническии партии и абрекамъ, совершившимъ всевозможныи возвѣтительныи преступленія на мѣстности между Назраномъ и Владикавказомъ. До чего трудно и опасно было сообщеніе между этими двумя пунктами еще въ относительно недавнее время, можно судить по тому, что до 1859 года, т. е. до времени окончательного покоренія Чечни, сообщеніе это производилось не иначе какъ съ озѣй, для сопровожденія которой назначались пѣхота и казаки. Бѣда въ одиночку не допускалась, а когда это необходимо было, то для сопровожденія проѣзжающаго назначался отдельный конвой изъ казаковъ. Еще до сихъ-поръ такъ называемая воровская балка, находящаяся въ 7 верстахъ отъ Назрана и представляющая старое ложе р. Камбилиевки, сохранила за собою, по воспоминанію, репутацію очень не безопаснаго пункта на дорогѣ къ Владикавказу. И дѣйствительно, извилистая балка эта, по положенію своему, представляла очень удобное скрытое мѣсто для жаждавшихъ добычи.

Не говоря уже объ опасностяхъ прошлаго, но и настоящее для проѣзжающаго по ингушской территории нерадостно и за-

ставляет нерѣдко учащать биеніе сердца проѣзжаго, особенно если кому приходится проѣзжать ночью, на что впрочемъ рѣшаются немногіе изъ людей, знающихъ ингушскую сторонку. Не смотря на всѣ предохранительныя мѣры, какъ учрежденіе по дорогѣ постовъ и ночныхъ разѣздовъ, — чего уже давно не существуетъ во многихъ мѣстахъ Кавказа,— случаи убийствъ, разбоевъ и грабежей здѣсь довольно часты, и при этомъ нужно замѣтить, что иногда случаются убийства безъ всякой корыстной цѣли—pour passer le temps, какъ говорятъ французы,— для одного лишь удовольствія подстрѣлить русскаго; въ этихъ случаяхъ почти всегда преступники остаются необнаруженными, по отсутствію какихъ-бы то ни было слѣдовъ ихъ.

Если таково настоящее, то можемъ-же себѣ вообразить, что было прежде, въ лучшія времена для ингушъ. До чего небезопасны были сосѣдство ингушъ и ихъ несомнѣнная дерзость для русскихъ населеній, можно судить по тому количеству разнородныхъ преступленій, которыхъ совершились, такъ сказать, подъ самыми стѣнами Владикавказа, крѣпостной ванъ котораго зайдь жерла-ма грозныхъ пушекъ. Теперь трудно, конечно, собрать точную цифру этихъ преступленій; но достаточно сказать, что владикавказскихъ старожиловъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и пишущій эти строки, ни сколько въ бытое время не изумляли эти случаи, — дотого нерѣдки и можно сказать повседневны бывали они.

Не ограничиваясь убийствами и разбоями, совершившимися на дорогахъ и въ поляхъ, ингушки, очень часто, среди бѣлаго дня и въ виду жителей Владикавказа, похищали дѣтей, неосторожно выходившихъ за крѣпостной валъ. Удачство и отчаянность ингушъ наконецъ доходили до того, что они совершали свои преступныя дѣянія даже въ самомъ Владикавказѣ и исчезали совершенно безнаказанно. Такъ, десятия два съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ, во Владикавказѣ было два интересныхъ случая, въ которыхъ своею удачью фигурировали ингушки; въ одномъ случай съ базара, находившагося въ срединѣ форштата, былъ угнанъ въ пѣнѣ мальчикъ, а въ другой разъ на улицѣ, также въ присутствіи житеleй, было совершено убийство, и въ обоихъ случаяхъ ингушки безнаказанно и лихо исчезали съ форштата, не смотря даже на то, что имъ приходилось скакать мимо множества часовыхъ.

Правда, что для обузданія слишкомъ бушевавшей натуры ингушъ принимались мѣры въ видѣ высылки вредныхъ людей

изъ края, наложенія на селенія денежныхъ взысканій и даже нерѣдко прибѣгали къ посредству висѣлицы; но всѣ эти мѣры только казались хорошими, ибо ссыльные очень часто, уѣгая съ изѣста ссылки, возвращались на родину и, еще болѣе озлобленные, видались на все и не щадили ничего, что называлось русскимъ; денежная взысканія также не приводили къ желавшой цѣли, такъ-какъ все заплатченное селеніями возвращалось имъ по обычаямъ самими виновными, совершившими преступленіе, за которое было наложено взысканіе, если эти вынужденные были извѣстны,—а они бывали извѣстны въ большинствѣ случаевъ; въ противномъ-же разѣ сами поплатившіеся изыскивали средства возмѣстить свои потери и, конечно, это возмѣщеніе шло на счетъ русскихъ. Висѣлица еще менѣе представляла гарантіи для порядка и спокойствія: вмѣсто одного повѣшеннаго разбойника, мы, въ лицѣ оставшихся его родственниковъ, по обыкновенію многочисленныхъ и разжигаемыхъ жаждою мести, пріобрѣтали цѣлый легіонъ ихъ. Говоримъ безъ преувеличенія, что за каждого повѣшеннаго и вообще убитаго нами мы платились жизнью десятка людей.

На ряду съ такими ненадежными средствами къ обузданію ингушъ, намъ приходилось, для достиженія какой-нибудь цѣли, прибѣгать къ разнымъ хитростямъ, уловкамъ и обѣщаніямъ. Такъ, нерѣдко давалось прощеніе и денежное поощрение одному изъ участниковъ какого-нибудь преступленія за обнаружение или выдачу начальству своихъ товарищъ. Само-собою разумѣется, что охотниковъ поживиться русской щедростью являемось даже больше, чѣмъ требовалось. Пользовались этимъ способомъ наживы, конечно, преимущественно люди сомнительной честности и потому нерѣдко платились деньги за ложныхъ свѣдѣнія или мнимыя услуги; такой порядокъ вещей создалъ между ингушами особенный видъ промышленныхъ людей — доказчиковъ и лазутчиковъ, или, какъ сами ингушки называли послѣднихъ, «лазурчики». Эти «лазурчики», помимо ловкаго извлечения изъ кармановъ начальствующихъ привлекательныхъ полуниперіаловъ, умѣли таcъ хорошо поставить себя, что у бывшихъ высшихъ властей они считались наиболѣе довѣренными, близкими людьми. Какъ люди приближенные къ начальству и въ высшей степени корыстолюбивые и безнравственные, они много дѣлали зла какъ своимъ, такъ и намъ.

При всей своей умственной малоразвитости, ингушки очень

хорошо понимали такую систему действий по отношению къ нимъ, и ясно сознавая, что мы главнымъ образомъ приближаемъ къ себѣ людей, пользующихся въ ихъ средѣ общимъ презрѣніемъ,— естественно не могли симпатизировать и довѣрять намъ.

Недовольные или обиженные, а также и всѣ, совершившие какое-либо преступление и боявшіеся за это возмездія, спѣшили бѣжать къ непокорнымъ и составляли тотъ видъ нашихъ непріятелей, которые были известны подъ именемъ абре́ковъ. Эти абре́ки, состоявши изъ себя въ былое военное время нѣчто въ родѣ политической партіи недовольныхъ русскимъ правительствомъ, послѣ окончанія войны на Кавказѣ превратились въ простыхъ разбойниковъ. Еще и въ настоящее время между ингушами существуютъ абре́ки; но теперь это уже люди исключительно совершившие какое-нибудь преступление и бѣжавшіе, чтобы избавиться отъ заслуженного наказанія. Обыкновенно, этихъ людей поймать невозможно, хотя они едва-ли не живутъ у себя дома; охраняемые бдительными родственниками; но ихъ нерѣдко истребляетъ само время и различная случайности; такъ, довольно часто ингушки-абре́ки оказываются убитыми при совершенніи какого-нибудь нового преступленія. Когда-же случай не приходитъ на помощь, а между-тѣмъ партія абре́ковъ уже начинаетъ слишкомъ сильно давать себя знать, то, по старой памяти, открываютъ съ вами дипломатические переговоры, и абре́ки, подъ условіемъ смягченія наказанія за совершенныя ими преступленія, а иногда и полагаго прощенія, добровольно отдаются въ руки властей.

По поводу изложенныхъ выше причинъ нерасположенія къ намъ ингушъ могутъ замѣтить, что главнымъ основаніемъ къ этому нерасположенію служили и служатъ также религіозныя причины, которые отдаляютъ отъ насъ чеченцевъ, кумыкъ и другихъ мусульманъ-фанатиковъ изъ числа обитателей Кавказа. Смѣю утверждать, что, по отношенію къ ингушамъ, религія, по-крайней-мѣрѣ въ прошломъ, не играла никакой роли на пути сближенія нашего съ этимъ народомъ. Можно сказать, что только теперь, послѣ покоренія Чечни, ингушки начинаютъ становиться истыми мусульманами, имѣя въ каждомъ селеніи муллъ чеченцевъ, учениковъ Дагестана, которые съ особыніемъ рвениемъ набросились наставлять ингушъ на путь мусульманства. До этого-же ингушки, какъ ировые враги съ Шамилемъ, главнымъ руководителемъ исlamизма въ восточной части Кавказа, были очень плохими мусульманами, въ чёмъ мы можемъ убѣдиться какъ изъ прошлыхъ,

такъ и изъ современныхъ ихъ взглядовъ на религію, о чёмъ и скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

IV.

Отсутствіе возможности строго преслѣдовать своеизвѣстства и преступная стремленія ингушъ и отсутствіе почти вскихъ средствъ къ нравственному воспитанію ихъ, конечно, какъ нельзя болѣе способствовали развитію въ нихъ преступныхъ и кровожадныхъ инстинктовъ.

За исключеніемъ двухъ-трехъ мальчиковъ изъ наиболѣе почетныхъ фамилій ингушъ, которыхъ посыпали въ кадетскіе корпуса, гдѣ давалось имъ образованіе лишь для виду, съ выпускскомъ ихъ въ офицеры нерѣдко изъ 3-го и даже 2-го класса, — главнымъ нравственно-образовательнымъ заведеніемъ было устроенное во Владикавказѣ домъ, подъ названіемъ «Аманатъ». Аманатъ этотъ былъ ничто иное, какъ гауптвахта, тѣсное и грязное помѣщеніе, куда заключали малолѣтникъ ингушъ — заложниковъ. Половина этого зданія вмѣщала въ себѣ заправленыхъ арестантовъ. Живые и энергичные по природѣ, ингушки изъ такого жалкаго способа воспитанія и сближенія съ нами выносили начество совершенно противоположная тѣмъ, какія быть можетъ ожидались отъ нихъ.

Достигались ли нами какіе-либо благіе результаты отъ взятія изъ ингушевскихъ фамилій мальчиковъ — заложниковъ, не знаемъ, но что эти заложники, разлученные надолго съ родными очагомъ и лишенные свободы, голодные, оборванные и нравственно-развращенные, становились по выходѣ изъ фланата нашими злѣйшими врагами — это можно сказать съ достовѣрностью. Нѣкоторое знакомство даже съ русскимъ языкомъ — и то обращалось ингушами во вредъ намъ: это знаніе предоставило имъ еще болѣе обширное поприще для ихъ преступной дѣятельности, ябо, владѣя русскимъ языкомъ, они вторгались въ таіи сферы, гдѣ незнакомымъ съ нимъ врагамъ нашимъ не представлялось возможности вредить намъ.

Помимо воспитательныхъ способовъ, шедшихъ кань разъ

въ той цѣлѣ, къ которой, по-видимому, должно было-бы стремиться, ненависть и враждебность слишкомъ рѣзко проявлялись и искусственно поддерживались даже между подраставшимъ поколѣніемъ ингушъ и русскихъ.

Мы очень хорошо помнимъ, какъ десятка два-три лѣта тому назадъ, ради потѣхи бывшихъ во Владикавказѣ влиятельныхъ лицъ, устраивались кулачные побоища между дѣтьми жившихъ по себѣ отцу съ Владикавказомъ ингушъ и русского населенія и съ какимъ отвѣсточеніемъ происходили эти дѣтскія свалки, имѣвшія иногда и кровавыя послѣдствія. Наиболѣе храбрые и отличавшіеся въ этихъ свалкахъ удостаиваемы были наградъ оловянными крестами, конфектами и орѣхами.

Даже теперь, проѣзжая по ингушскимъ селеніямъ, зачастую можно паткнуться на кучку едва поднявшихся отъ земли мальчишекъ и девочекъ, которые, посыпая проѣзжему русскому въ сѣдль плевки, сопровождаютъ это самою отборною русской бранью. Естественно, что такое направленіе съ дѣтства, поддерживаемое потомъ всевозможными способами и въ болѣе зрѣлый возрастъ, не могло ингушамъ дать скоро залоговъ дружелюбного отношенія къ намъ—русскимъ.

Къ исчисленныи причинаиъ, неблагопріятно вліявшии на ингушъ, въ заключеніе прибавимъ еще нѣсколько словъ о томъ видѣ, какое оказывало на нихъ окружающее ихъ казачье населеніе.

Заселеніе Сунженской и Ассинской линій, какъ известно, производилось путемъ вызова охотниковъ заселять новые станицы на передовой линіи, съ назначениемъ денежнаго пособія отъ казны на первоначальное обзаведеніе и съ дарованіемъ выкоторыхъ льготъ. На этотъ каѳчъ шли жители изъ старыхъ надтеречныхъ станицъ, крестьяне внутреннихъ губерній, малороссы, донские и другіе казаки, словомъ преимущественно тѣ, которымъ нечего было терять на родинѣ. Эти люди, лозунгомъ которыхъ было слово «не плошай», дали намъ превосходныхъ бойцовъ, составившихъ славу сунженскихъ казаковъ, оказавшихъ громадную услугу въ дѣлѣ покоренія Чечни; но—съ другой стороны—отсутствіе въ нихъ многихъ нравственныхъ качествъ не могло благопріятно вліять на ингушъ.

Всѣ исчисленныя условия, въ совокупности взятые, создали тотъ типъ людей, которые известны намъ подъ именемъ ингушъ; въ официальную характеристику ихъ, считаю не лишнимъ при-

вести здесь высказанное о нихъ мнѣніе въ 1864 году, т. е. вскорѣ послѣ окончанія войны на восточномъ Кавказѣ, въ донесеніи бывшаго начальника Ингушскаго округа къ начальнику Терской области. Въ этомъ донесеніи, между прочимъ, о нравственномъ и умственномъ развитіи ингушъ было выражено слѣдующее:

«Въ Россіи общее мнѣніе о горцахъ довольно лестное: ихъ привыкли воображать какими-то рыцарями. Но чѣмъ больше знакомишься съ ними, чѣмъ чаще приходишь съ ними въ столкновеніе, тѣмъ рѣзче выясняется ошибочность такого мнѣнія. Въ действительности туземцы скорѣе дикие звѣри, нежели рыцари. Грязные душой и тѣломъ, чуждые благородства, неизвестные съ великодушиемъ, корыстолюбивые и вѣроломные, они въ высшей степени исполнены себялюбія и самосохраненія. Самая ихъ пресловутая храбрость есть кровожадность или разварѣнность дикаго звѣра. Насасть на безоружнаго, убить слабаго, зарѣзать соннаго — дѣло не только обыкновенное, но и обычное. Гостепріимство, первобытная добродѣтель всѣхъ народовъ, установило обычай, которые придаютъ горцамъ вѣкоторыя стороны благородства; но и гостепріимство горцевъ ниже того, какъ привыкли воображать его: безъ расчета туземецъ не испечетъ гостю чурека, не зарѣжетъ барана. Было не мало примѣровъ, что гости обкрадывали хозяина и хозяинъ — гостей. Вообще они лживы, изворотливы, коварны и хищны. Искаженіе нравственности туземцевъ, нужно полагать, произошло въ кровавыхъ переворотахъ отъ начала ихъ переселенія въ горы и лѣса; поддержано новыми нашествіями, всевозможными лишеніями и дикою грязною природою. Хотя они прожили вѣкъ религіозный (минувшая война), но это поэтическое настроеніе не очистило ихъ душу. Умственное развитіе далеко опередило нравственное. Они очень искусные дипломаты, какъ между собою, такъ и съ русскимъ правительствомъ, чрезвычайно тонки, остроумны и дальновидны въ своихъ дѣйствіяхъ. Эти качества развиты въ нихъ прошлыми насилиями и войной, а нынѣ способствуетъ имъ враждебная ихъ недовѣрчивость и подозрительность. Но вѣ смотря на ихъ здоровыя и дальновидныя соображенія, они весьма ограничены въ самыхъ простыхъ понятіяхъ объ общественномъ, семейномъ и житейскомъ бытѣ, а еще болѣе въ отношеніи души и сердца. Ихъ необузданность во многихъ случаяхъ равнается дѣтской. Самый ничтожный предлогъ, какая-нибудь скора двухъ лицъ за барана, абаза, возь сѣна и т. п., подымаетъ цѣлья партіи, готовыя ваяться за оружіе и перестрѣ-

живаться до тѣкъ-поръ, пока не разгонятъ ихъ силою. Пуговица, гвоздь, обрѣзокъ сукна, ремень, веревка, составляютъ желанія одного и веcбуждаютъ зависть другого... .

V.

Ингушки, судя по сходству нарѣчія ихъ съ чеченскимъ языкомъ, несомнѣнно единого племени съ чеченцами! Это предположеніе находитъ себѣ подтвержденіе и въ некоторыхъ общихъ обычаяхъ, которыхъ придерживаются чеченцы и ингушки, и въ ихъ бывшемъ сосѣдствѣ по мѣсту первоначального ихъ жительства.

Религія ингушъ въ настоящее время мухаммаданская. Упроченіе этой религіи началось главнымъ образомъ, какъ упомянуто выше, со времени покоренія Чечни и Дагестана, т. е. когда мұллы изъ этихъ мѣстностей Кавказа получили свободный доступъ во всѣ части края. До этого-же времени религія ингушъ представляла что-то смѣшное: на ряду съ намазомъ, праздновался день воскресенія и соблюдались языческіе обряды.

Судя по сохранившимся въ Галгаевскихъ горахъ, обитателями которыхъ были ингуши, памятникамъ христіанства: церкви на р. Ассѣ, часовенъ въ различныхъ мѣстахъ горъ и изображеній крестовъ, высѣченныхъ изъ камня, нужно заключить, что еще въ недавнее относительно время и приблизительно около XVII—XVIII столѣтій ингушки исповѣдовывали христіанскую религію.

Если принять въ соображеніе, что населеніе ингушъ привыкало къ правому берегу р. Терека, т. е. къ нынѣшней военно-грузинской дорогѣ, которая издавна существовала для сообщенія Кавказа съ Закавказьемъ, то вѣтъ ничего удивительного, что распространеніе христіанства шло и поддерживалось изъ сосѣдней Грузіи. Не менѣе достовѣрно и то, что Грузія, обессиленная въ прошломъ столѣтіи вѣтшими и внутренними войнами и беспорядками, утратила свое влияніе на горцевъ, которые, какъ весьма неразвитые люди, не могли собственными силами поддерживать христіанскъ вѣрованій и перешли къ болѣе простой и доступной религіозной формѣ—язычеству.

Какъ уже сказано выше, еще въ 1744 году наше правительство обратило вниманіе на ингушъ, съ цѣлью возстановленія между-

ду иции национального христианства. Съ этой целью, не имѣя возможности непосредственно поддерживать распространение между осетинами и ингушами христианства, правительство наше поощряло къ этому грузинскихъ духовныхъ лицъ, занимавшихся обращеніемъ въ христианство ингушъ и осетинъ. Въ этомъ дѣлѣ поощренія принялъ участіе и Святейшій Синодъ «по воспріятой надеждѣ къ ихъ (ингушъ и осетинъ) обращенію, въ разсужденіи всегда оказыванной имъ въ тому склонности, и въ разсужденіи еще и того, что по оставшимся въ ихъ жилищахъ слѣдамъ старыхъ церковныхъ строений, предки ихъ были христиане, почему подлинно многіе изъ нихъ и крестятся съ великою охотою и желаніемъ» *).

Для большаго примечанія охотниковъ къ принятию христианства изъ числа прибывающихъ въ Кизляръ, где было устроено такъ называемое осетинское подворье, принявшимъ христианство и желавшимъ возвратиться въ свои жилища выдавалось въ награжденіе: знатнымъ по 20 рублей, а прочимъ кормовые деньги; кроме того лица эти принимались въ подданство Россіи, а находившимся въ Осетіи духовнымъ лицамъ производилось жалованье, причемъ для раздачи въ Осетіи холста и проч. отпускалось 500 руб.

Въ 1752 году, для божіе успѣшнаго обращенія осетинцевъ и ингушевцевъ въ христианство, была учреждена осетинская комиссія, начальникомъ которой былъ назначенъ грузинскій архимандритъ Пахомій, который съ причетниками въ томъ-же году и прибылъ въ Осетію изъ С.-Петербурга.

Для поощренія новообращенныхъ и въ видѣ начисленія имъ Высочайшей милости, въ 1756 году повелѣно было: «присылаемыи отъ нихъ въ Кизляръ и Астрахань для дѣлъ ихъ давать иѣзъ казны кормовыи деньги: старшинамъ по 10, а рядовымъ каждому по 3 копѣйки на день; а которые будутъ прѣзвѣтъ для продажи скота и прочаго купечества, и тѣхъ отъ обычненій попытать увольнять, а вмѣсто ихъ брать пошлины съ россійскихъ купцовъ, вупившихъ у нихъ товары»; отъ нихъ-же въ замѣну того требовалось возвращать россійскихъ плѣнныхъ, когда они въ нихъ попадутся. По указу въ 1758 году повелѣно было не взимать пошлины «съ вещей для употребленія къ церковному строенію и для расхода при церквяхъ сѣйстныхъ и прочихъ присловъ» **).

*) Матер. для Новой Исторіи Кавказа П. Буткова, ч. I, стр. 266.

**) Тамъ-же, стр. 267.

Словомъ сказать, наше правительство употребляю всѣ доступныя по тому времени средства, чтобы поддержать христианство между ингушами и осетинами; но противодействіе въ этомъ со стороны кабардинцевъ и невѣжество грузинскихъ духовныхъ лицъ не привели этого дѣла въ успѣшному результату. Вотъ, какъ было обрисовано тогдашнее положеніе дѣлъ по введенію на Кавказъ христианства:

«Устройство осетинской комиссіи по обращенію осетинцевъ и ингушцевъ въ христианство, бывъ въ рукахъ грузинскихъ духовныхъ, мало приносило пользы.

«Хотя съ землого времени подъ распоряженіемъ Святейшаго Синода происходитъ проповѣдь христианскаго закона въ осетинскомъ и ингушскомъ народахъ, но сіе худой усѣѣть имѣло отъ грузинскихъ духовныхъ. Почти всѣ бывши въ кизлярской сторонѣ начальники единогласно предъявляли, что не имѣютъ въ томъ ни малѣйшей пользы и прочности, по причинѣ грубаго и дикаго сихъ людей состоянія, и всесообщности ихъ понимать христианскіе истины и приступать къ онамъ со внутреннимъ удовольствіемъ. Они крестились по большей части изъ корыстолюбія, для опредѣленнаго на такой случай снабденія и оставались потомъ въ прежнемъ своемъ нечестіи и своеувольствіи, какъ не подручные къ здѣшнему за ними всегда смотрѣнію. Временные же къ имъ здѣшнихъ священниковъ пріѣзы, иногда съ опасностію соединенные, не могутъ къ тому достаточны быть, чтобы утвердить ихъ въ общемъ благоустройствѣ; а всѣ другія иѣры означали-бы уже къ нашей сторонѣ непосредственное присвоеніе; но тѣль кабардинские владѣльцы, коя ихъ своими подчиненными называютъ, были-бы напрасно огорчены, и можетъ-быть еще и большие напаечъ изобрѣли-бы затруднительность въ теченіи промоѣди, и произвели-бы нужду совѣтъ отъ оныхъ людей отступить-ся, же стоя они въ настоящемъ своемъ состояніи употреблелія великихъ усилій.

«Такимъ образомъ, видимъ изъ сего, что вѣтъ лучшаго спасѣнія по обетоательствамъ осетинцевъ и ингушцевъ и прочихъ горцевъ, учинить ихъ прямымъ христианамъ и къ здѣшней сторонѣ приверженными, какъ просвѣщеніемъ изъ нихъ молодыхъ людей. *).

Въ этихъ видахъ, 27 сентября 1764 года была учреждена

* Тамъ-же, ч. I, стр. 268 и 269.

въ Моздокѣ школа, гдѣ новокрещенымъ дѣтямъ преподавались христіанскій законъ и россійская грамота. Но и эта мѣра ни въ чёмъ не привела, создавъ лишь для родителей обучавшихся особыній видъ наживы: родители прѣѣзжали въ Моздокъ и обирали у дѣтей даваемое имъ содержаніе и оставляли ихъ въ крайней бѣдности, безъ рубахъ, безъ обуви.

Въ 1771 году самъ Святѣйшій Сѵнодъ усмотрѣлъ по дѣланію, сколь въ худомъ поведеніи до нынѣ находилось обращеніе новоvertsевъ въ христіанскую вѣру въ осетинскомъ народѣ; а сїе самое произошло ни отъ чего иначе, какъ отъ худого самихъ проповѣдниковъ поведенія, а именно: проповѣдніи онѣ, оставляя близкіе къ городамъ здѣшней Имперіи мѣста безъ проповѣди, отѣзываютъ въ отдаленные и дикия, проповѣдуютъ на русскомъ и грузинскомъ языкахъ тѣмъ, которые ихъ не знаютъ; крещеныхъ оставляютъ безъ всяаго наставленія, возвращаясь же потомъ къ нимъ, дѣлаютъ подъ разными видами привязки, и чрезъ то смыкаютъ случай себя обогащать насилиствомъ; дѣлаютъ всякия прятанія, не стараясь при томъ ни мало привести ихъ въ познаніе вѣры и закона; а слѣдовательно тѣ иновѣрные вѣсто чистаго вѣры и закона понятія единственно только извѣрютъ, а отъ проповѣдниковъ происходить соблазны. *).

Для устраненія этихъ недостатковъ, осетинская комиссія, по отданію къ проповѣдникамъ, была подчинена свѣтской власти—казакскому коменданту, безъ вѣдома котораго проповѣдники невѣрѣ были отправлять своихъ обязанностей. Кроме того, въ осетинскую комиссию были назначены и русскія духовныя лица и начальникомъ опредѣленъ протопопъ Аѳанасій Лебедевъ. Этому послѣднему изъ Святѣйшаго Сѵнода было дано тайное наставленіе, какимъ образомъ поступать въ обращеніи осетинъ и ингушъ въ греко-рussкую вѣру **).

Однако-же всѣ эти и позднѣйшія старанія правительства къ обращенію собственно ингушъ въ христіанство остались безъ усѣихъ. Неудача также была и попытка двухъ католическихъ патеровъ, проникшихъ къ ингушамъ въ 1765 году; впрочемъ, эти незваные проповѣдники сошли за лучшее убраться по добру

*) Тамъ-же, ч. I, стр. 306 и 271.

**) Желающіе ознакомиться съ этимъ интереснымъ документомъ могутъ найти его въ прилож. подъ літ. Р. въ I части Матер. для Нов. Ист. Кавк. П. Буткова.

по здорову, таъ-какъ коллегия иностранныхъ дѣлъ предписала захватить ихъ и впредь подобныхъ патеровъ не допускать въ проповѣди въ этомъ народѣ.

Такимъ образомъ, при неуспѣхѣ нашей духовной миссіи, въ началѣ настоящаго столѣтія, какъ это видно изъ вышеупомянутаго документа—договора между ингушами и владикавказскимъ комендантомъ отъ 22 августа 1810 года, — ингуши снова впали въ язычество и поклонялись кумирамъ.

Между ингушами встречаются еще старики, которые помнить обращеніе ихъ въ христіанѣ и которые сами крестились. Побужденіемъ въ обращенію въ христіанство, какъ разсказываютъ они, служило главнымъ образомъ желаніе получить 50 коп., рубаху и крестикъ (крестики раздавались медные, но ингуши сначала полагали, что они золотые), которыми снабжали каждого ново-обращенного. Одинъ изъ стариковъ разсказывалъ мнѣ, что онъ, подобно другимъ, несколько разъ крестился, чтобы получить деньги, рубаху и крестикъ.

Само-собою разумѣется, что такой взглядъ обращаемыхъ въ христіанство, неумѣлость и злоупотребленія духовныхъ лицъ, руководившихъ этимъ обращеніемъ, и, наконецъ, совершенно чуждый ингушамъ русскій языкъ, которымъ проповѣдувалось слово Божіе,—не могли упрочить между ними христіанства.

Гораздо податливѣе ингуши оказались къ принятію религіозныхъ началь магометанства. Религіозное движеніе, возбужденное Шамилемъ и его предшественниками и имѣвшее многочисленныхъ агентовъ въ Чечнѣ, не могло пройти безслѣдно и для ингушъ, жившихъ въ сосѣдствѣ съ чеченцами и говорящихъ съ ними однимъ языкомъ.

Если Шамилю и чеченцамъ не удалось, при неоднократныхъ попыткахъ, сдѣлать изъ ингушъ сторонниковъ ихъ политическихъ возврѣній, враждебныхъ для Россіи, зато магометанство успѣло прутить глубокіе корни въ средѣ плоскостныхъ ингушъ.

Не смотря на хлопотливую заботливость чеченскихъ мульѣ о полномъ водвореніи магометанства, ингуши еще продолжаютъ почитать воскресный день почти наравнѣ съ пятницей и признаютъ за праздникъ Свѣто-Христово Воскресеніе, хотя уже начинать не чествуютъ этого праздника. Главнымъ-же праздникомъ ингушъ бываетъ все-таки общій магометанскій праздникъ байрамъ, по-ингушски — мархъ. Этотъ праздникъ, въ бѣдной каки-бы то ни было явленіями жизни нагушъ, бываетъ все-таки

выдающимся изъ ряда обыкновенныхъ событий. Ингушъ напрягаетъ всѣ свои силы, все свое умѣніе пользоваться длинною и темною ночью, чтобы приготовить къ празднику барана, теленка или быка, бузы, араки, или пива, такъ-какъ, по понятію ингушъ, праздникъ только и воплощается въ обилии пищи и питья.

Съ наступлениемъ праздника особеннаго оживленія въ аулахъ не проявляется: идти на плясокъ, ви пѣсень. Толпы пожилыхъ людей переходятъ съ одного двора на другой и, расположившись на срединѣ двора, предаются истребленію предложенного хозяиномъ дома угощенія. Женщины въ это время отправляются на кладбище и подымаютъ тамъ неистовый вой и плачъ по умершимъ своимъ родственникамъ; особенно неистово начинаютъ орать женщины, если въ это время мимо кладбища, гдѣ они расположились, проходитъ или проѣзжаетъ кто-нибудь изъ мужчинъ. Затѣмъ идутъ сплетки и опять вытье. Въ этихъ одвообразныхъ препровожденіяхъ времени и проходятъ всѣ три дня праздника.

Нѣсколько живѣе и разнообразнѣе проводить праздникъ молодежь. Кто имѣеть лошадь, тотъ заранѣе приготавляетъ ее къ скачкѣ, и въ дни праздника молодежь выѣзжаетъ за селеніе и тамъ производится джигитовка и скачка; но все это имѣеть въ настоящее время какой-то вѣлый характеръ, такъ-какъ самая душа оживленія—стрѣльба—запрещена ингушами, а это для нихъ все равно что балъ безъ музыки.

Нѣсколько больше оживленія пробуждается, когда кто-нибудь жертвуетъ призъ для скачки. Призы эти у ингушъ теперь обыкновенно состоятъ изъ подобія бурки, рубахи, башлыка, папахи, треноги, плети и тому подобныхъ вещей, сдѣланныхъ изъ грецкихъ орѣховъ, яблоковъ и конфектъ, нанизанныхъ на стѣнѣ изъ нитокъ, изображающую какую-либо изъ названныхъ вещей. Призы эти дѣлаются и жертвуютъ въ память умершихъ родственниками ихъ. Самая большая вещь, какъ, напримѣръ, бурка, назначается на первый призъ и такъ далѣе. Желающіе скакать на призъ уѣзжаютъ верстъ за 10—15 и оттуда начинаютъ скачку. Въ недавнее же прошлое время на подобнаго рода призы ингуши жертвовали лошадей, полное платье и оружіе; но обычай этотъ, какъ довольно разорительный, вышелся и призы воплотились въ форму игрушекъ.

На такого рода скачкахъ, обыкновенно, присутствуютъ всѣ мужчины селенія отъ мала до велика. Для присужденія приза избирается нѣсколько человѣкъ почетныхъ стариковъ, въ качествѣ

судей. Бѣда, если заразъ придутъ двѣ лошади. Въ этихъ случаяхъ цѣлкомъ проявляется своеевольная и необузданная натура ингуша: и родственники, и фамильные братья, и пріятели хозяевъ лошадей стараются всѣми силами доказать, которая изъ лошадей была на вершокъ впереди. Никакіе уговоры и просьбы со стороны выбранныхъ судей, никакія увѣщанія хозяевъ лошадей и согласіе ихъ отдать спорный вопросъ на разрѣшеніе судей не помогаютъ и не могутъ остановить расходившейся толпы: все это кричить, бранится, машетъ руками и выходитъ изъ себя, пока нѣсколько человѣкъ конныхъ не ворвутся въ толпу и не разгонятъ ее силою. Дѣло доходитъ нерѣдко и до драки, а когда ингушки носили оружіе, то доходило и до кровавыхъ послѣдствій.

Первый призъ, обыкновенно съ торжествомъ, въ сопровожденіи конныхъ всадниковъ, отвозится въ подарокъ самому начальнику.

Кромѣ скачки, ингушки, на праздникъ байрама, устраиваютъ еще для испытанія ловкости и силы молодежи слѣдующее состязаніе: кто-нибудь, на память-же объ умершемъ родственнику, жертвуетъ большого барана; для этого барана вырываютъ въ землѣ яму, въ которой онъ можетъ-быть поставленъ только стоя и спиной въ уровень съ поверхностью земли. Сверху накрываютъ барана доскою или плетнемъ, съ отверстиемъ для головы которая такимъ образомъ одна и находится на поверхности; затѣмъ на все четыре угла доски или плетня накладываютъ по, одному тяжелому камню. Послѣ этого, желающіе воспользоваться бараномъ, начинаютъ скачку, съ тѣмъ, чтобы на всемъ скаку лошади выхватить барана изъ ямы за рога. Весьма немногимъ и рѣдко удается съ успѣхомъ воспроизвести этотъ маневръ; въ большинствѣ же случаевъ попытки состязающихся не приводятъ къ желанной цѣли и они принуждены бываютъ сознаться въ своемъ безсиліи въ совершеннію этого по истинѣ тяжелаго подвига. Наконецъ, когда все усилия для извлечения барана изъ ямы истощены и присутствующіе, а равно и жертвователь, убѣдились въ невозможности выполненія этой задачи мѣстными геркулесами, то баранъ обращается въ призъ за простую скачку. Выскакавшій первымъ всадникъ получаетъ злополучнаго барана. Всѣ родственники и знакомые взявшаго этотъ призъ отправляются въ неизу въ домъ, и тамъ, общими силами, сокрушаютъ призового барана, поминая тѣмъ того умершаго, на имя которого былъ названъ этотъ баранъ.

Помимо этого, одинъ разъ въ годъ совершающагося религіознаго торжества, ингушки развлекаются праздничныи маневромъ только на свадьбахъ.

Празднованіе мусульманскаго дня отдохновенія—пятницы не строго соблюдаются ингушами, особенно въ рабочую пору. *Намазъ* (ежедневныя молитвы) также не въ большомъ ходу и совершаются эти намазы аккуратно лишь люди пожилые.

По пятничныи дніямъ, свободные отъ работъ ингушки собираются въ сельскія мечети и послѣ молитвы остаются тамъ для обсужденія своихъ общественныхъ дѣлъ и нуждъ, а чаше—просто поболтать отъ скучи.

Между ингушами можно встрѣтить двухъ-трехъ человѣкъ, исповѣдующихъ православную вѣру; но и эти люди, по весьма понятной причинѣ, не особенно стараются о томъ, чтобы знали о ихъ религіи, которую они приняли подъ вліяніемъ какихъ-либо особыхъ, исключительныхъ обстоятельствъ.

VI.

Условія прошлой жизни ингушъ и ихъ вѣковое зависимое положеніе отъ болѣе сплѣнныхъ сосѣдей, развивая въ нихъ дурные стороны характера, въ тоже время выили и на расширение ихъ умственнаго кругозора. Въ настоящее время ингушки, изъ среды окружающихъ ихъ кавказскихъ племенъ, представляютъ изъ себя элементъ, наиболѣе податливый и чуткій къ воспріятію прогрессивныхъ и цивилизующихъ началъ.

Въ то время, когда наиболѣе сильныя и богатыя материально племена, населяющія Терскую область, упорствуютъ въ своемъ законоѣломъ невѣжествѣ и строго слѣдуютъ своимъ исконнымъ обычаямъ, запрещающимъ занимствоваться чѣмъ-либо отъ ненавистныхъ гауровъ,—ингушки даютъ изъ себя совершенно обратное явленіе. Народъ этотъ, находясь втеченіи многихъ лѣтъ въ постоянномъ и близакомъ общеніи съ русскими и главнымъ образомъ въ сосѣдствѣ съ самыми интеллигентными пунктами области—г. Владикавказомъ, усвоилъ себѣ потребности, отрадныя для будущаго.

Ингушки, какъ люди практические, бойкіе и смѣтливые, всѣ-

ми доступными для нихъ средствами, стремятся завоевать себѣ и образованіе, и мѣсто въ торговлѣ и промышленности, хотя посѣтднее, надо сознаться, при ихъ полнѣйшей неумѣлости, весьма плохо дается имъ.

Нельзя одѣять ингушу большаго удовольствія и одолженія, такъ согласиться взять къ себѣ въ домъ, даже для прислуги, сына, брата или родственника его. Отъ подобнаго рода просьбъ не отбѣшься, и гдѣ только представляется возможность приткнуть между русскими людьми маленькаго ингуша, тамъ этой возможності не упускаютъ ихъ родственники; поэтому-то всюду, начиная отъ передней и кончая аудиторіею университета, можно встрѣтить ингуша. И все это творить жажды знанія русскаго языка и грамоты.

На стремленіе ингушъ иъ образованію было обращено вниманіе еще въ началѣ 60-хъ годовъ, а въ 1868 году, въ центрѣ ингушевскаго населенія — въ укр. Назрановскомъ — учреждена двухъ-классная горская начальная школа. Постройка зданія школы и при ней помѣщенія для смотрителя и одного учителя, при небольшой субсидіи отъ правительства въ 3000 руб., произведена средствами ингушъ. Школа эта, содержимая на счетъ правительства, существует пока только для однихъ приходящихъ и этимъ представляетъ величайшій тормазъ на пути стремленія ингушъ къ образованію, такъ-какъ только дѣти изъ ближайшихъ 3—4-хъ селеній могутъ пользоваться ею. Несмотря на это неудобство, школа буквально набита дѣтьми и претендентовъ на обученіе въ ней всегда болѣе, нежели можетъ вместить въ себѣ зданіе школы. Большинству посѣщающихъ школу дѣтей необходимо ежедневно приходить въ Назранъ изъ селеній, отстоящихъ отъ этого мѣста на 2—4 версты, и мальчуганы, насколько возможно замѣтить, преодолѣваютъ это затрудненіе. Къ развитію жажды познаній въ ингушахъ и ихъ охотному посѣщенію школы не мало способствуютъ, какъ весьма рациональные пріемы въ обученіи, такъ и гуманное обращеніе преподавателей, не запугивающіе маленькихъ дикарей.

Со дnia открытия назрановской школы, въ ней ежегодно обучалось дѣтей ингушъ:

Число дѣтей.

Въ 1868 году.....	74.
— 1869 —	63.
— 1870 —	62.

Въ 1871 году.....	45.
— 1872 —	55.
— 1873 —	55.
— 1874 —	71.

Наиболѣе лучшіе ученики этой школы поступаютъ на вакансіи во Владикавказское реальное училище и другія учебныя заведенія.

Мнѣ могутъ замѣтить, что учрежденіе школы для кавказъ-нибудь 70 мальчиковъ еще недостаточно даетъ данныхъ для того, чтобы обольщаться какими-нибудь утѣшительными надеждами и предвидѣть хорошие результаты въ будущемъ. Не спорю, можетъ-быть, какъ это уже случалось нерѣдко, обстоятельства подавлять въ ингушахъ проблемы стремленія къ образованію; но тѣмъ не менѣе повторяю, что развитіе назрановской школы въ настоящее время представляетъ знаменательный фактъ, особенно если мы примемъ на видъ слѣдующія относительныя соображенія.

Назрановскую школою, какъ я уже сказаъ выше, пользуются дѣти ингушъ лишь изъ ближайшихъ селеній: Бурсука, Гамурзіева, Альты и Насыръ-вортъ, заключающихъ въ себѣ мужскаго населенія 2904 души. Если принять за среднюю ежегодную цифру учащихся въ назрановской школѣ изъ этихъ селеній въ 50 человѣкъ дѣтей, то увидимъ, что одинъ учащійся приходится на 58 человѣкъ. Положимъ, что этотъ выводъ, какъ частный, не можетъ быть примѣняемъ къ общему числу всего мужскаго населенія ингушъ, состоящаго въ 14 селеніяхъ изъ 11,023 душъ; но, принявши за среднее число 100 человѣкъ учащихся изъ всего этого населенія, мы все-таки получимъ весьма почтенный процентъ: одинъ учащійся на 110 человѣкъ *). Такимъ процентнымъ содержаніемъ едва-ли многія мѣстности въ Россіи могутъ похвастаться.

Кромѣ того, замѣтнымъ и нелишеннымъ значенія учрежденіе назрановской школы можно еще считать и потому, что, напримѣръ, въ Кабардѣ, въ нальчинской горской школѣ, полагается на туземцевъ всего 35 вакансій, при населеніи Кабарды до 30 тысячъ душъ мужскаго пола, причемъ число учащихся въ школѣ почти никогда не достигаетъ до положенной штатомъ

*) Точная цифра учащихся неизвѣстна, но опредѣленіе этой цифры въ 100 приблизительно вѣрно, такъ-какъ, кромѣ назрановской школы, около 20 дѣтей обучаются во владикавказскомъ реальному училищѣ, нѣсколько человѣкъ въ ставропольской гимназіи и много въ другихъ учебныхъ высшихъ и низшихъ заведеніяхъ, за исключеніемъ дѣтей, обучающихся у частныхъ лицъ.

цифры; для обученія въ этой школѣ, еще нѣсколько ять тому назадъ, приходилось вербовать дѣтей кабардинцевъ почти силою и охотно шли на обученіе только дѣти бывшихъ кабардинскихъ холоповъ; въ Чечнѣ (вмѣстѣ съ Веденскимъ и Аргунскимъ округами), при мужскомъ населеніи около 60 тысячъ душъ, тоже существуетъ для дѣтей чеченцевъ 25 вакансій въ грозненской начальной школѣ; наконецъ у кумыковъ, этихъ богатѣйшихъ и промышленныхъ людей съверного Кавказа, насчитывающихъ въ средѣ своей 37 тысячъ душъ мужского пола, и до сихъ-поръ еще не имѣется ни одной школы для обученія русской грамотѣ. Все это, кажется, даетъ основаніе желать назрановской школѣ большого развитія и надѣяться на благопріятные результаты въ будущемъ; но для достиженія этого необходимо слѣдовало бы назрановскую школу подчинить какому-нибудь одному вѣдомству: или мѣстной администраціи или учебному начальству, такъ-какъ подчиненіе школы заразъ этимъ двумъ вѣдомствамъ, что существуетъ теперь, иногда вредить дѣлу образованія.

Извѣстно, что такого рода учрежденія, какъ школы, главнымъ образомъ создаются естественной потребностью въ нихъ. Что назрановская школа создалась именно подъ условiemъ потребности въ ней, лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что ингушки въ настоящее время для уравновѣшеннія правъ всѣхъ ингушъ относительно возможности обученія дѣтей въ этой школѣ, сильно хлопочать объ устройствѣ при ней пансиона и, сколько мнѣ известно, вопросъ этотъ стоитъ на очереди.

Вообще стремленіе ингушъ къ образованію до того сильно, что между ними, не смотря на ихъ убогое экономическое положеніе, очень распространено желаніе завести женскія школы, а въ одномъ изъ селеній — Сурхоя — даже и заведено все необходимое для школы: зданіе, различныя принадлежности и учебныя пособія; но остановка за пріисканіемъ учителя. Какъ извѣстно, мы вообще страдаемъ этимъ недостаткомъ, а для ингушъ отысканіе учителя представляетъ еще больше затрудненій, такъ-какъ не много охотниковъ находится посвятить себя жизни въ глухомъ селеніи.

Существуетъ предположеніе совмѣстить должность учителя въ лицѣ сельского писаря; но, по нашему мнѣнію и принявъ во вниманіе тѣ нравственные качества, коими въ большинствѣ обладаютъ сельские писаря, по преимуществу казаки,—это значитъ въ зародыши погубить стремленіе ингушъ къ развитію. И въ самомъ

дѣлъ, какіе задатки можетъ дать дѣтямъ такой сельскій писарь, который всѣми законными и незаконными путями стремится лишь къ одной цѣли: обеспечить себѣ возможность имѣть ежедневно полкварты водки?... Растильвающее вліяніе такого рода учителей и въ настоящее время уже дало свои плоды: нѣсколько молодыхъ людей ингушъ, едва выучившихся кое-какъ русской грамотѣ, подъ вліяніемъ писарей, изошлялись въ писаніи подложныхъ билетовъ и удостовѣреній на краденый скотъ, за что нѣкоторые уже и привлечены съ своими учителями къ законной отвѣтственности. Эти болѣзnenныя явленія указываютъ на необходимость какъ возможно внимательнѣе и осторожнѣе отнестись къ стремленію ингушъ учиться. Нѣтъ ничего легче, какъ оступиться въ этомъ дѣлѣ и, вместо пользы, сбить ингушъ съ пути добрыхъ ихъ начинаній.

Хотя въ ингушахъ и проявляется склонность къ промышленности и торговлѣ, но эта склонность пока выражается въ самыхъ простыхъ и несложныхъ operaціяхъ, какъ подряды на поставку дровъ, сѣна, кукурузы и тому подобныхъ предметовъ. Нѣкоторые изъ ингушъ накинулись было на подряды при постройкѣ Ростово-Владикавказской желѣзной дороги, но, съ одной стороны, совершенная новизна для нихъ этого дѣла и неумѣлость, а съ другой — разныя прижимки строителей дороги, — не привнесли ингушамъ выгодъ и глубоко разочаровали ихъ надежды на хорошіе заработки.

Главнымъ торговымъ пунктомъ для ингушъ служитъ г. Владикавказъ; туда ингушъ сбываетъ всѣ свои скучные остатки отъ неменѣе скучныхъ произведеній той земли, которую онъ обрабатываетъ. — Ингушъ по преимуществу земледѣлецъ; но весьма плохая по своему составу и въ незначительномъ количествѣ земля ихъ омазывается удобною только для посѣва кукурузы, да и эта послѣдняя, по качеству своему, не выдерживаетъ сравненія съ кукурузою, произрастающею въ Чечнѣ, и на рынкѣ не можетъ конкурировать съ нею.

Ингушки производятъ опыты посѣва озимой пшеницы; но неудача нѣсколькихъ неурожайныхъ лѣтъ сряду, плохое по качеству зерно и незначительный сборъ, едва покрывающій расходы, отбиваются у нихъ дальнѣйшую охоту къ посѣву этого рода хлѣба. Нѣкоторыя селенія, по удобству почвы, начинаютъ разводить

картофель. Такимъ образомъ, при скучности почвы, обрабатываемой ингушами, единственными продуктами для продажи можно назвать только съено да кукурузу. Если мы къ этому прибавимъ десятокъ птицъ въ видѣ куръ, гусей, индѣекъ и утокъ, сотню яицъ, да фунтовъ десять коровьяго масла, которые втечениіе года продаются на базарѣ жена ингуша, то этимъ мы исчерпаемъ весь реестръ предметовъ, которыми торгуютъ ингуши.

Пріятное и утѣшительное зрѣлище является стремленіе ингушъ къ садоводству и огородничеству. Уже и теперь въ лѣтнее время ингушскій селенія представляютъ почти сплошную массу зелени и въ этомъ отношеніи составляютъ пріятный контрастъ съ селеніями другихъ туземцевъ.

Жилища ингушъ также начинаютъ измѣнять свою выѣшность: вместо жалкихъ турлучныхъ дацугъ, называемыхъ саклии, въ селеніяхъ уже не въ диковинку можно увидѣть рубленые изъ дерева или сложенные изъ саманного карпича дома, съ чеснокичными крышами, окнами и дверьми на русскій манеръ.

Изъ числа горскихъ племенъ, населяющихъ Терскую область, только одни осетины въ дѣлѣ образованія и цивилизациіи являются наиболѣе сильными соперниками ингушъ.

VII.

Ингушки въ настоящее время обитаютъ за сѣверъ отъ г. Владикавказа, по рр. Камбилиевкѣ, Сунжѣ, Назрановкѣ и Ачалукѣ. Всего ингушскихъ селеній на плоскости 14, известныхъ подъ слѣдующими названіями: Базоркинское, Сурхони, Экажево, Насыръ-Кортъ, Гамурзіево, Альты, Бурсуковское, Шліево, Явдирское, Кантышево, Даляково, Верхній Ачалукъ, Средній Ачалукъ и Нижній Ачалукъ. Ингушское населеніе входитъ въ составъ Владикавказского округа и первыи 10 селеній состоять въ 4-мъ, а послѣднія четыре въ 5-мъ участкѣ этого округа.

До 1858 года ингуши жили хуторами, по вѣскольку дворовъ одной какой-нибудь фамиліи; но, какъ упомянуто было выше, въ виду того, что эти хутора представляли удобное, надежное и ускользающее отъ надзора убѣжаше для разныхъ хищни-

ческихъ партий и абрековъ, то признано было полезнымъ сгруппировать ихъ въ большія селенія. Ингушки сначала было отказано исполнить это распоряженіе начальства и часть ихъ оказалась явное сопротивленіе съ оружиемъ въ рукахъ, такъ что необходимо было прибѣгнуть къ военной силѣ. Послѣ произведенного погрома и довольно строгаго наказанія зачинщиковъ и участниковъ восстания, изъ коихъ четверо были повѣшены, а многихъ наказаны шпицрутевами и сосланы въ Сибирь, — ингушки заняли назначенные имъ мѣста и образовали существующія въ настоящее время селенія. Кроме того, послѣдствіемъ этого восстания было отображеніе пожалованнаго имъ въ 1840 году землемѣрии и лишеніе дарованныхъ привилегій *).

Все населеніе ингушъ сгруппировано на весьма небольшомъ пространствѣ, вблизи укр. Назрановскаго.

По статистическимъ свѣдѣніямъ за 1873 годъ, населеніе ингушъ состоитъ изъ 11,023 душъ мужскаго и 10,587 душъ женскаго пола.

При довольно скучномъ земельномъ надѣлѣ, достигающемъ всего до $17\frac{1}{2}$ десятинъ на душу удобной, неудобной и занятой яѣсомъ земли, ингушки привуждены испытывать весьма большія неудобства отъ недостатка земли, тѣмъ болѣе, что въ числѣ надѣла очень большое количество неудобной земли, почти негодной подъ выгонъ. Вся земля, пмѣющаяся въ распоряженіи ингушъ, находится въ такъ называемыхъ Сунженскихъ горахъ и состоитъ изъ возвышенностей и балокъ. По низовымъ балкамъ ингушки сѣютъ хлѣба, а вершины служатъ покосными мѣстами; части же горъ, обращенная на югъ, пропадаютъ безплодно, ибо тамъ ни-что не можетъ произрастать и самая трава на этихъ мѣстахъ появляется лишь въ началѣ весны, а въ маѣ мѣсяцѣ эти склоны представляютъ глазамъ обожженный солнцемъ и совершенно голый видъ. Отсутствіе достаточнаго количества земли, а равно и неблагопріятныя климатическія условія — безпрерывные дожди втечениія лѣта или засуха — окончательно лишаютъ ингушъ возможностей вести сколько нибудь порядочно свое земельное хозяйство — единственный пока источникъ ихъ существованія.

Незначительный надѣль и скучность земли не даютъ ингушамъ также возможности заниматься скотоводствомъ. Если же

*) Въ 1863 году, по ходатайству Е. И. В. Великаго Князя Николая Караваевскаго, земля ингушамъ вновь возвращено, но уже безъ привилегій.

которые изъ наиболѣе зажиточныхъ людей имѣютъ стада барановъ, то для содержанія ихъ арендуютъ землю у сосѣднихъ казачихъ станицъ или у мѣстныхъ землевладѣльцевъ; рогатый же скотъ ингушки имѣютъ единственно только для домашнихъ потребностей.

Для большей наглядности и въ подтвержденіе высказавшаго мною, представлю картину экономического благосостоянія ингушъ, скопированную мною съ статистическихъ таблицъ за 1873 годъ.

Все благосостояніе ингушъ заключалось въ слѣдующемъ:

лошадей	3572 штуки.
разнаго рогатаго скота . .	16439 —
барановъ	58447 —

разнаго рода хлѣба было собрано въ томъ-же году:

кукурузы	48278 четв.
пшеницы	12017 —
проса	917 —
ячменя	196 —

Кромѣ того собрано картофеля около 1000 —

Вотъ все незатѣйливое хозяйство ингушъ, которое должно удовлетворять жизненнымъ потребностямъ 21,610 душъ обоего пола.

Если мы развернемъ вышеприведенные цифры, такъ сказать, по душамъ, то получимъ еще болѣе плачевный результатъ. Оказывается, что одна лошадь приходится на 6 человѣкъ, рогатаго скота менѣе цѣлой штуки на одного человѣка и только около 3-хъ барановъ на одну душу. Хлѣба на долю ингушъ также выпадаетъ не особенно много: около $2\frac{1}{2}$ четвертей кукурузы и вѣсомъ болѣе получетверти пшеницы на душу. О просѣ, ячменѣ и картофель, по незначительности сбора, не стоитъ и говорить.

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ туземцевъ Терской области, едва-ли кто менѣе надѣленъ землею и вообще удобствами жизни, чѣмъ ингушки, а между тѣмъ жизненная обстановка ингушъ требуетъ расходовъ болѣе, пожалуй, нежели это необходимо другимъ, такъ-какъ у ингушъ существуютъ статьи расхода, совсѣмъ неизвестныя другимъ туземцамъ. Такъ, напримѣръ, кромѣ заботы о поддержаніи своего существованія и ежегоднаго внесенія 3-хъ рублей государственной подати, ингушу еще необходимо добыть средства, чтобы нести тягчайшую изъ всѣхъ—натуральную подводную повинность, содергать сельское правленіе (съ писаремъ),

что обходится въ годъ каждому селенію не менѣе 200 руб., на-
нимать полевыхъ сторожей, съ платою по 50 коп. со двора, пла-
тить сельскому муллѣ по рублю со двора и наконецъ содержать
сельскую стражу, такъ называемыхъ аульныхъ конноразъезд-
ныхъ, число которыхъ, при усиленіи количества преступлений въ
селеніяхъ, доходитъ иногда до 180 человѣкъ, а постоянная цифра
составляетъ не менѣе 100 человѣкъ, съ платою каждому разъезд-
ному по 100 руб. въ годъ; одинъ этотъ посѣдѣй расходъ дохо-
дитъ въ 14 селеніяхъ отъ 10 до 18 тысячъ рублей.—Гдѣ же взять
столько денегъ?—Обработка земли, какъ мы видѣли выше, даетъ
лишь на столько, чтобы не умереть съ голоду, при самыхъ
скромныхъ требованіяхъ ингуша въ отношеніи пищи. Понятно
поэтому, что ингушки, при малѣйшей возможности, стремятся за-
работать себѣ пропитаніе на сторонѣ или прибѣгать къ не-
благовиднымъ способамъ для пополненія своего ежѣгодного дефи-
цита.

Когда ко всему этому близко присмотришься и вѣрѣшишь
всѣ стороны тяжелаго не существованія, а прозябанія такихъ
полудикихъ людей, какъ ингушки, то, право, не подымается рука
бросить въ нихъ комомъ грязи. При всей стѣсненности ингушъ
обстоятельствами, нужно еще удивляться той энергіи и стремле-
нію къ лучшему, какая проявляютъ они на своемъ житейскомъ
поприщѣ.

Я убѣжденъ, путемъ личнаго опыта, что никто изъ оби-
тателей Кавказа или, по-крайней-мѣрѣ, изъ числа жителей Тер-
ской области такъ дорого не искупаетъ своей дурной репутациіи,
какъ ингушки, хотя, по совѣсти говоря, всѣ чеченцы, кумыки,
кабардинцы и другіе горцы едва-ли стоятъ въ нравственномъ отно-
шеніи выше ингушъ и причиняютъ намъ менѣе хлопотъ, нежели
они. Все несчастье ингушъ заключается въ томъ, что они, такъ
сказать, сидятъ передъ самыми глазами начальства и всякая ма-
лѣйшая продѣлка ихъ становится извѣстною почти непосредствен-
но послѣ того, какъ совершена она. Украдено, напримѣръ, изъ
сосѣдней станицы пара быковъ,—подымается суматоха: шлются
строгія предписанія, мечется изъ угла въ уголъ ингушскій при-
ставъ, увеличивается сельская стража, которой платить селеніе,
взыскивается съ ближайшаго ингушскаго селенія стоимость укра-
денныхъ быковъ — и все это потому, что о кражѣ быковъ по-
лучено свѣдѣніе въ тотъ-же день. Въ тоже время гдѣ-нибудь вда-

и совершаются кражи, разбой, убийство, угноять цѣлые стада скота и т. д. — и это не вызывает никакой особенной суетни. Правда, явление непріятное и все старания прилагаются, чтобы обнаружить виновныхъ, но ближайшія къ мѣсту происшествія селенія не подвергаются ни взысканіямъ убытковъ, причиненныхъ преступленіемъ, ни учрежденію или усиленію особой сельской стражи и тому подобнымъ неожиданнымъ распоряженіямъ.

Конечно, никто не возьметъ смѣлости отрицать совершение ингушами иногда возмутительныхъ и гнусныхъ преступлений, но позволимъ спросить: гдѣ же тѣ аркадскія страны, которыхъ не знаютъ преступлений?

Помимо тяжелой отвѣтственности, которая бываетъ слѣдствиемъ совершения ингушами преступлений, во многихъ случаяхъ ингушъ оплачиваетъ штрафомъ свою старую дурную репутацию. Такъ — надѣль оружіе, которое, за исключеніемъ ингушъ, всемъ туземцамъ позволено носить, — плати, сдѣлалъ выстрѣлъ на свадьбу или ва луну *) — плати, уѣхалъ безъ билета — плати, купилъ лошадь безъ удостовѣреія — плати, не объявилъ о прѣѣхавшемъ гостѣ — плати или отправляйся въ яму (сельская гауптвахта).

Неудивительно поэтому, что экономическое положеніе ингушъ представляется далеко неутѣшительнымъ, а затѣмъ и житейская обстановка ихъ до крайности ограничена. Поговорка «по одежки» протягивай ножки: какъ нельзя болѣе известна ингушамъ.

Жилища ингушъ непрасны ни углами, ни пирогами. Обызвавевно, ингушская сакля — это темное и тѣсное, продолговатое и узкое помѣщеніе, въ которомъ иногда бываетъ семья изъ 8 душъ, съ прибавкой въ зимнее время новорожденного телка. При каждой сакль имѣется маленькое отдѣленіе, вѣчто въ родѣ кладовой, въ $1\frac{1}{2}$ аршина шириной, где помѣщаются кадки съ хлѣбомъ и другой незатѣшившийся скарбъ ингуша. Полки въ сакль не поражаютъ пышными тюфяками, подушками и шелковыми одѣялами,

*) Ингушки народъ очень суевѣрный и потому всякое небесное явленіе производить на нихъ безотчетный страхъ. Особенно непріятно действуютъ на нихъ солнечный и лунный затмѣнія. Въ этихъ случаяхъ, посѣгъ произнесши въ слухъ молитву, ингушки начинаютъ стрѣлять вверхъ, полагая, что затмѣнія производить нечистая сила, которую можно испугать и разогнать выстрелами.

наложенным до потолка, какъ, напримѣръ, въ сакляхъ кабардинцевъ, громадными мѣдными тазами и кувшинами, симметрично развѣшенными на стѣнахъ, и глазъ вошедшаго останавливается на двухъ-трехъ загрязненныхъ до невѣроюности тюфякахъ, да столькихъ-же одѣялахъ и подушкахъ, едва хватающихъ для обихода семьи; близъ дверей виситъ намазыкъ—бычачья или оленя шкура, на которой ингушъ совершаеть намазъ, а около камина стоять небольшой кумганъ и тазикъ, и этимъ исчерпывается весь инвентарь домашнихъ привадлежностей ингушской сакли.

Дворъ ингуша тоже не изобилуетъ надворными постройками и хотя обнесенъ плетнемъ, но безъ воротъ. Хотя ингушки и не сторонники чистоплотности вообще, но чистота въ сакль и вовругъ вея очень поражаетъ зрителя: полъ и стѣны въ сакль тщательно обмазаны, а дворъ подметенъ.

При малкой обстановкѣ въ сакль, и одежда ингушъ не представляетъ роскоши: мужчина обыкновенно носить ситцевую рубаху и бешметъ, нанковые штаны, черкеску изъ грубаго самодѣльного сукна, кожаныя или суконныя ноговицы и чевяки и овчинную папаху, а женщина одѣта въ ситцевые рубаху и бешметъ, по преимуществу яркихъ цвѣтовъ, ситцевые или бумажные красные штавы, кожаные чевяки, съ бумажнымъ платкомъ на головѣ; зимою мужчины и женщины прибавляютъ къ своему костюму нагольный овчинный полушубокъ, но носить полушубокъ дѣвушкамъ не въ обычай — стыдно. Дѣти одѣваются какъ и большіе, но лѣтъ до 3 — 5, особенно въ лѣтнюю пору, они предпочтительно находятся въ костюмѣ прародителей, что удобно для дѣтей и неудобно для родителей. Сверхъ описанного костюма, ингушки, въ ненастную погоду, вместо бурокъ, надѣваютъ на себя кусокъ старого сукна, въ родѣ шали или пледа; по преимуществу этотъ пледъ — нарядъ пастуховъ. Однъ разъ надѣтое платье ингушки не снимаютъ до тѣхъ-поръ, пока оно не свалится съ плечь. Поэтому, кроме питанія миріадъ насѣкомыхъ, ингушки весьма часто и особенно въ дѣствѣ подвергаются накожнымъ болѣзнямъ. Вообще отсутствіе гигиеническихъ условій весьма вредно вліяетъ на здоровье ингушъ; особенно одолѣваетъ ингушъ лихорадка. Вслѣдствіе такихъ болѣзнейныхъ явлений, ингушки не могутъ пользоваться здоровьемъ и красивымъ типомъ; женщины также некрасивы, особенно послѣ 20-ти-лѣтнаго возраста, когда они совершенно старѣютъ на видъ.

При описанной ингушской обстановкѣ, и пища ихъ весьма

скусна, какъ по качеству, такъ и въ количественномъ отношеніи. Ежедневная и постоянная пища ингушъ состоитъ изъ кукурузного чурека въ видѣ прѣсной запеченной лепешки и перекипченной сыворотки, оставшейся послѣ сбитаго масла; это по-вседневное меню ингушскаго стола весьма рѣдко разнообразится яичницей или поджареннымъ на маслѣ творогомъ. Даже зажиточныя семьи ингушъ не всегда питаются болѣе разнообразной пищей и чурекъ изъ пшеницы появляется лишь какъ лакомство. Шашлыкъ, курицу, индѣйку и варенаго барава приготовляютъ только когда въ домѣ есть гость; большинство же ингушъ лишены даже этого, хотя и убыточнаго случая поѣсть хорошо, такъ-какъ гости есть достояніе болѣе зажиточныхъ людей, а не того, у кого всюду пусто. Богатые люди заготовляютъ себѣ на зиму копченое мясо. Эта благодать выпадаетъ иногда на долю и бѣдныхъ, но случается такое счастливое время только тогда, если у ближайшихъ родственниковъ заболѣваетъ скотъ и его прирѣзутъ, или когда удается урвать что-нибудь отъ зарѣзанной краденой скотины. Ингуши не брезгаютъ и завѣдомо дохлой скотиной и только для очистки своей собственной совѣсти перерѣзутъ ей горло.

Не смотря на жалкую обстановку, ингуши, какъ и вообще все горцы, гостепріимны. Для пріема гостей, мало-мальски зажиточный человѣкъ имѣть особое помѣщеніе — кунацкую. Рѣдкій ингушъ, имѣя возможность, не угостить пріѣзжаго къ нему. Если-же заѣтъ къ ингушу какое-нибудь почетное лицо или начальство, то о желаніи ингуша угостить такихъ посѣтителей и говорить нечего: онъ выбѣтъ изъ силъ, а добудетъ барава, чтобы подать его гостю. Въ этомъ случаѣ съ приведенной выше официальной характеристикой о гостепріимствѣ ингушъ нельзя вполнѣ согласиться, такъ-какъ расчетъ угостить какого-нибудь необходимаго и полезнаго человѣка составляетъ стремленіе не однихъ ингушъ, а и болѣе цивилизованныхъ людей; у послѣднихъ расчетъ извлечь пользу изъ гостепріимства, пожалуй, еще болѣе развитъ, нежели у ингушъ. Между-тѣмъ ингуши, кроме желанія извлечь пользу изъ гостепріимства, руководятся еще и другимъ побужденіемъ, можетъ-быть на нашъ взглядъ и дѣствіемъ, — это удовлетворить своему желанію выдаться изъ общей среды хоть чѣмъ-нибудь и похвастаться тѣмъ, что вотъ, дескать, какие люди заѣжаютъ въ нашу кунацкую — не чета вамъ! По моему — это главное руководящее побужденіе въ ингушскомъ

гостепріимствѣ. Иначе впрочемъ и объяснить нельзя того радушия, съ которымъ ингушъ весьма охотно принимаетъ и угощаетъ, безъ всякой платы, какого-нибудь заѣзжаго и незнакомаго человѣка. Чѣмъ больше къ ингушу заѣзжаетъ гостей, тѣмъ почетнѣе становятся онъ и тѣмъ больше гордится этимъ почетомъ.

Для обыкновенного, ежедневнаго потребленія, пища у ингушъ приготавляется вечеромъ, а днемъ они ёдятъ чурекъ, сыръ и вообще сухую пищу.

VIII.

При скучныхъ средствахъ для жизни, и самая жизнь ингушъ представляется крайне однообразною и монотонною. Единственнымъ общественнымъ развлечениемъ для ингушъ служать пятничные собрания въ мечети.

Послѣ окончанія молитвы въ мечети, вся бывшая тамъ публика разбивается на кружки и усаживается близь мечети. Если вѣтъ какого-нибудь экстраординарного случая, въ родѣ назначения новаго начальства или какого-нибудь крупнаго событія въ селеніи или по сосѣдству, разговоры вертятся на воспоминаніяхъ о прошломъ, на сплетняхъ, до которыхъ ингуши большие охотники, и вообще на разныхъ мелочныхъ предметахъ. Несколько болѣе оживленными ингуши становятся, когда предстоитъ обсужденіе какихъ-либо общественныхъ вопросовъ; но и это оживленіе проявляется не ради интереса самого дѣла, а въ виду лишь представляющейся возможности наговориться и накричаться вдоволь.

Вообще ингуши весьма плохо сознаютъ всю важность и значеніе своихъ общественныхъ интересовъ, а потому къ этой сторонѣ дѣла относятся совершенно хладнокровно. Ингушъ только чутокъ тогда, когда вопросъ касается слишкомъ близко и непосредственно его кармана; въ остальныхъ-же случаяхъ рѣшеніе вопроса предоставляетъ старикамъ или руководящимъ въ селеніи личностямъ, а зачастую, по старой памяти, и просто начальству, разсуждан, что этому послѣднему гораздо лучше известно, что нужно имъ. Впрочемъ, между ингушами и общества въ томъ смыслѣ, какъ мы его понимаемъ, еще не сложилось и не существуетъ. Всѣ жители ингушскихъ селеній дробятся на отдель-

ныя группы по числу фамилій и сообща преслѣдуютъ только свои, такъ сказать, фамильные интересы. Вся сила, такимъ образомъ, заключается въ количественномъ преобладаніи одной фамиліи передъ другой и это количественное преобладаніе какой-нибудь фамиліи въ селеніи становится наиболѣе вліятельнымъ и сильнымъ. Это обстоятельство, со стороны слабѣйшихъ фамилій, вызываетъ разныя тайныя интриги и коалицію противъ сильныхъ; но, въ концѣ концовъ, являются все-таки результаты, благопріятные для болѣе многочисленной фамиліи, ибо открыто никто не рискуетъ вступать съ нею въ препирательство.

Фамилія у ингушъ, въ смыслѣ отдельного рода, хотя и не даетъ какихъ-либо особыхъ личныхъ преимуществъ, но играетъ въ средѣ ихъ значительную роль, особенно когда фамилія многочисленна. Всякій, менѣе сильный, не рискуетъ становиться въ непріязненные отношенія съ такими фамиліями и потому-то всякий членъ такой фамиліи наиболѣе гарантированъ, какъ въ отношеніи покушеній на свою собственность, такъ и личность. Украсть что-нибудь у члена сильной фамиліи, убить или ранить его—значить нажить себѣ неминуемую гибель или, по меньшей мѣрѣ, непріятность и беспокойство на очень продолжительное время, такъ какъ потерпѣвшіе всегда стремятся отомстить обидчику всѣми своими совокупными силами. Такое вліяніе сильныхъ фамилій создало между ингушами особый типъ родства—фамильное братство. Фамильные братья не связаны узами кровнаго родства, но, соединившись нѣкогда для защиты своихъ общихъ интересовъ, они продолжили этотъ союзъ до настоящаго времени. Слабые по количеству члены примыкали къ сильнымъ и, увеличивая собою численность послѣднихъ, пользовались покровительствомъ ихъ.

Хотя фамильное братство ингушъ, при настоящемъ ихъ положеніи, утратило первоначальный смыслъ свой—совокупную защиту общихъ интересовъ отъ враговъ своихъ; но, тѣмъ не менѣе, это братство продолжаетъ пользоваться еще большимъ уваженіемъ между ингушами и все-таки составляетъ, при извѣстной степени ихъ дикихъ возврѣній, силу, сдерживающую иногда порывистую натуру ихъ. Нѣтъ, нѣтъ, а иногда смотришь и подумаетъ ингушъ онѣ удобствахъ возбужденія непріязненныхъ отношеній съ сильною фамиліею.

Такимъ образомъ /все ингушское племя дѣлится на нѣсколько фамилій, представляющихъ изъ себя нечто въ родѣ клановъ шотландскихъ горцевъ. Въ настоящее время изъ всѣхъ ин-

тушскихъ фамилій наиболѣе сильною почитается фамилія Мальсаговыхъ, какъ по количеству членовъ ея, такъ и потому, что эта фамилія насчитываетъ въ средѣ своей много чиновныхъ людей, выслужившихся у правительства.

Хотя ингушки народъ вполнѣ равноправный между собою и не имѣющій никакихъ сословныхъ подраздѣленій, но тѣмъ не менѣе къ заслуженнымъ лицамъ изъ среды своей они относятся съ большимъ почтеніемъ, нежели къ обыкновенному смертному. Достаточно быть ингушу на самой послѣдней ступени служебной іерархіи—приставскимъ милиционеромъ, напримѣръ, а и тутъ ему уже, какъ близкому человѣку начальства, оказывается почетъ: при угощеніи, его посадятъ за болѣе почетный столикъ, т. е. съ людьми не заурядными въ селеніи, дадутъ лучшую постель при воочлѣгѣ и т. д. Не слѣдуетъ однако-же думать, что весь этотъ почетъ оказывается только изъ одногоуваженія къ известному лицу,—далеко нѣтъ. Все это производится съ известнымъ расчѣтомъ и только именно потому, что ублажаемое лицо стоитъ близко къ начальству, а слѣдовательно и имѣетъ возможность сказать послѣднему хорошее словцо на случай надобности.

При всей своей податливой натурѣ къ занискиванію у всякаго «власть имущаго», ингушки весьма цѣнятъ свое свободное и равноправное происхожденіе. Привожу анекдотъ, лучше всего характеризующій ихъ горделивую кичливость своимъ свободнымъ происхожденiemъ.

Къ одному ингушу заѣхалъ переночевать путникъ, оказавшійся жителемъ какого-то ханства въ Дагестанѣ. Послѣ обычныхъ пріемовъ гостепріимства, хозяинъ дома вступилъ въ разговоры съ гостемъ и, услышавъ часто повторяемое слово «бекъ», спросилъ его о значеніи этого слова. Гость объяснилъ, что слово это означаетъ у нихъ большого господина и въ свою очередь полюбопытствовалъ узнать, есть-ли у ингушъ беки. Послѣ отрицательного отвѣта и послѣдовавшаго затѣмъ удивленія гостя, послѣдній воскликнулъ:

— Ну кто-же вы такие и какъ можете жить, когда не имѣете бека?

- Мы?... а есть у васъ еще старше бековъ?
- Какъ-же, есть.
- Кто?
- У, большой есть человѣкъ—ханъ!
- Ну, а выше хана есть еще?

— Есть, но далеко только.... самый большой человѣкъ — падишахъ!

— Хорошо. А еще старше падишаха есть?

— Старше? Да кто же можетъ быть старше падишаха!??... одинъ только аллахъ и пророкъ его Мухаммедъ!

— Ну, вотъ падишахъ намъ равный человѣкъ. У насъ, какъ и у него, кроме Бога, никого нѣтъ старше.

При отсутствії общественной жизни, весь интересъ ингушъ сводится на жизнь частную и семейную. Только события, совершающіяся въ этомъ тѣсномъ кругу, близко касаются ингуша, радуютъ или волнуютъ его, смотря по свойству событий.

Наиболѣе выдающимися события въ жизни ингушъ можно назвать только два явленія: свадьба да смерть. Въ первомъ случаѣ, ингушъ, но не солидный и пожилой, веселится, пьетъ, танцуетъ и поетъ; во второмъ — неособенно огорчается, если смерть близкаго послѣдовала естественнымъ путемъ, и становится дикимъ звѣремъ, когда этотъ близкій палъ отъ руки врага. Ко всѣмъ остальнымъ, болѣе мелкимъ явленіямъ въ жизни, ингуши относятся спокойно, если это явленіе при томъ не касается еще и материальной ихъ стороны.

Казалось-бы, что при живой и энергичной натурѣ ингушъ, когда онъ предается веселью, долженъ-бы предаваться этому веселью съ увлечениемъ; но на самомъ дѣлѣ мы видимъ не то: танцуетъ-ли ингушъ, поетъ-ли онъ, а все видно, что это онъ дѣлаетъ лишь потому, что на свадьбѣ необходимо плясать и пить. Всякое его движеніе, дѣлаемое нехотя и лѣзиво, такъ и говорить, что веселье — не сфера ингушъ. Точно также и огорчается ингушъ и дико озлобляется не потому, что ему жаль было потерять близкаго человѣка, такъ-какъ родственные чувства весьма мало развиты въ ингушахъ, а озлобляться они способны при самыхъ пустыхъ причинахъ, — при спорѣ, напримѣръ, о томъ, кто дальше плюнетъ или бросить камнемъ; — но возмущается ингушъ лишь потому, что смысли ванести его фамиліи безчестье, оскорбили его самолюбие. Вѣдь онъ не женщина, чтобы молча снести безчестье! Если ингушъ не вскипятится, то его могутъ обозвать женщиной, а болѣе оскорбительного эпитета для ингуша не существуетъ.

IX.

Ингушки обыкновенно вступаютъ въ бракъ послѣ 20-ти лѣт-
ниаго возраста; дѣвушки также выходятъ замужъ около этого воз-
раста и не моложе 14 лѣтъ. На разницу въ лѣтахъ между жени-
хомъ и невѣстою не обращается никакого вниманія и весьма часто
молодой человѣкъ женится на старшой его лѣтами женщинѣ, а
иногда и на старухѣ. Это явленіе вытекаетъ прямо изъ того,
что въ большинствѣ случаевъ ингушки, вступая въ бракъ, имѣютъ
въ виду не наслажденіе семейною жизнью, а лишь практическую
потребность имѣть здоровую, работящую и опытную женщину,
на рукахъ которой лежитъ обыкновенно вся хозяйственная часть.
Жена ингуша и въ домѣ хозяйка и въ полѣ работница: дома она
обшиваетъ семью, готовить пищу, носить воду, ухаживаетъ за
скотомъ и птицею; въ полѣ же помогаетъ мужу пахать, сѣять,
жать и косить.

Въ то время, когда ингушъ, окончивъ свои полевые рабо-
ты, предается азіатской лѣни, развались гдѣ-нибудь на солнеч-
номъ припекѣ и отъ бездѣлія строгая ножичкомъ палку — люби-
мое занятіе ингушъ во времія кейфа,— жена его продолжаетъ без-
устанно трудиться, чтобы держать въ порядкѣ хозяйство и извле-
вать изъ него какую-нибудь материальную пользу.

Не смотри на такое, повидимому, главенство женщины въ
ингушской семье, она все-таки не пользуется заслуженнымъ
уваженіемъ со стороны мужчинъ и въ глазахъ послѣднихъ пред-
ставляется не болѣе, какъ вещью, рабочею скотиною. Впрочемъ,
это не должно казаться страннымъ, такъ-какъ ингушъ еще недавно
покупалъ себѣ жену за довольно дорогую цѣну — 18 коровъ (ка-
лымъ) и по этой старой памяти продолжаетъ смотрѣть на жену,
какъ на вещь, и третируетъ ее, какъ скотину. Вследствіе такой
обстановки, ингушская женщина является въ полномъ смыслѣ
рабою. Помимо того, что женщина не имѣетъ никакого права
голоса въ семье, она и во вѣнчанихъ своихъ отношеніяхъ обя-
зана оказывать мужчинѣ чисто рабское почтение. Если, напри-
мѣръ, женщина сидѣть и въ это времія проходить или проѣзжа-
етъ мимо мужчины, то женщина обязана встать на ноги и, въ
силу азіатского этикета, повернуться къ нему задомъ, наклонивъ
голову нѣсколько къ землѣ и закрывши лицо платкомъ, т. е.
изобразить изъ себѣ фигуру смиренія.

Лѣтъ 15 тому назадъ ингушская женщина находилась еще

въ большемъ унижени и зависимости отъ мужчинъ; она рѣши-
тельно не имѣла собственной воли и отецъ, мужъ или братъ бы-
ли полновластными господами ея. Родственники дѣвушки, часто
просватавъ ее еще въ колыбели, выдавали потомъ замужъ, не
только не спрашивая ея согласія, но даже и не думая объ этомъ.
И по смерти мужа женщина не пріобрѣтала права на свободное
распоряженіе своею судьбою: она обязана была выйти замужъ
за брата умершаго мужа или за близайшаго его родственника, если
заявлялось на то требование этихъ лицъ; въ противномъ-же слу-
чай она снова поступала въ полное распоряженіе своихъ род-
ныхъ. И какъ вдова, не взятая въ замужество кѣмъ-либо изъ род-
ственниковъ умершаго мужа, она не имѣла права выйти замужъ,
по своему исключительному выбору.

Этотъ варварскій обычай, еще въ началѣ 60-хъ годовъ,
обратилъ на себя вниманіе начальства, и по инициативѣ послѣдняго,
въ 1863 году, съ согласія ингушъ, первымъ и непремѣннымъ
условіемъ брака постановлено было допустить свободную волю и
непринужденное согласіе не одного лишь мужчины, но и женщи-
ны, выходящей въ замужество. Съ этого-же времени и калымъ,
какъ покунаная плата за женщину, уничтоженъ и въ замѣнъ это-
го калыма мужчина, сватая дѣвушку или вдову, обязана запла-
тить родственникамъ невѣсты: 1) 25 рублей въ задатокъ, коими
невѣста можетъ располагать по своему усмотрѣнію,—употребить
на изготовлѣніе своего приданаго или отдать часть ихъ и даже
всѣ деньги родственникамъ своимъ за воспитаніе и присмотръ за
нею, и 2) 80 руб., въ обеспеченіе на случай своей смерти или
развода съ женою.

Обеспеченіе — 80 руб., по желанію невѣсты, вносится или
до брака, или остается какъ неизмѣненный долгъ, который она мо-
жетъ требовать отъ мужа во всяко время и, по выходѣ въ за-
мужество, располагать этою собственностью по своему усмотрѣ-
нію. Истраченный такимъ образомъ изъ обеспеченія деньги, же-
на, по смерти мужа, такъ и въ случаѣ развода съ нимъ, не
имѣтъ права требовать.

Засватанной дѣвушкѣ или вдовѣ дается свобода отказаться
отъ своего жениха; въ этомъ случаѣ, задатокъ 25 руб. и обеспе-
ченіе 80 руб., если оно было отдано, возвращаются жениху. Ког-
да-же «накахъ» — религіозный обрядъ — совершенъ муллою, а раз-
нымъ образомъ невѣста уже вышла замужъ, — она на разводѣ, безъ

согласія мужа, права не имѣть; мужу-же дозволяется разводъ во всякое время, не спрашивая согласія жены.

По смерти мужа или развода съ нимъ, женщій дается полная свобода выйти замужъ за кого пожелаетъ и вообще распорядиться своею судьбою по личному усмотрѣнію.

При свободной и незамкнутой жизни ингушскихъ женщинъ, мужчины и женщины имѣютъ полную возможность знакомиться между собою, и потому, въ большинствѣ случаевъ, вопросъ о бракѣ решается по предварительному обоюдному соглашенію мужчины и женщины. Когда такимъ образомъ соглашеніе состоялось, то женщинъ о желаніи своемъ вступить въ бракъ съ известной вдовой или девушкой долженъ объявить старшии селенія, сельскому муллѣ и родителямъ или родственникамъ невѣсты. Затѣмъ женихъ приглашаетъ двухъ почетныхъ свидѣтелей и муллу, съ которыми идетъ въ домъ невѣсты и тамъ, въ присутствіи означенныхъ свидѣтелей, мулла спрашиваетъ невѣсту о ея согласіи вступить въ бракъ «съ такимъ-то». Если спрашиваемая изъявитъ требуемое согласіе, то сватъ или одинъ изъ родственниковъ жениха тамъ-же, въ присутствіи муллы и невѣсты, объявляетъ, что онъ за жениха уплачиваетъ полный калымъ; тогда-же вручается невѣстѣ и установленная, задаточная часть калыма, 25 рублей. Послѣ всего этого мулла произносить «амина». Съ этого момента бракъ признается законно совершиеннымъ и тутъ-же дѣлается условіе о томъ, когда невѣста или, вѣрѣ, уже жена должна быть взята въ домъ мужа.

Казалось-бы, что при такомъ довольно опредѣленномъ и публичномъ способѣ сватовства никакимъ злоупотребленіемъ со стороны родственниковъ невѣсты, желающихъ во что бы-то ни стало выдать ее замужъ, не можетъ быть мѣста, а между тѣмъ нерѣдко при такихъ обстоятельствахъ совершаются ингушами подлогъ въ невѣстахъ. При такомъ щекотливомъ предложеніи, какъ замужество, девушка, по обычаю, не можетъ быть прямо на лицо, а находится во время означенной процедуры въ особой комнатѣ и вопросы ей предлагаются черезъ двери или окно. Поэтому, если сватаемая девушка не хочетъ выйти за предлагаемаго жениха, а родственники ея этого желаютъ, то въ комнату запираютъ какое-нибудь подставное лицо, которое и отвѣтчаетъ согласіемъ на вопросъ муилы. Потомъ девушку-невѣсту уговариваютъ выйти замужъ и не дѣлать скандала обнаружениемъ подлога. Въ большинствѣ случаевъ девушка всегда покоряется ожидающей

ея участи, чтобы избавиться отъ всевозможныхъ гонений и со стороны мужа, и со стороны своихъ родственниковъ; но встречаются и такія дѣвушки, которая не поддаются на описанную уловку и прямо заявляютъ, кому слѣдуетъ, о подлогѣ.

По совершенніи означенаго обряда—«навиха», какъ сказано выше, дѣвушка уже не имѣтъ права отказаться отъ жениха; равнымъ образомъ и никто другой не вправѣ отбить ее отъ этого жениха. Но если, вслѣдствіе упорнаго нежеланія дѣвушки или женщины сочетаться бракомъ, женихъ будетъ поставленъ въ необходимость отказаться отъ невѣсты и дать ей свободу, то она лишается права выйти замужъ за другого ранѣе шести мѣсяцевъ послѣ этого отказа. Въ случаѣ же нарушенія этого правила и выхода въ замужество ранѣе установленного срока, родители или родственники такой женщины подвергаются взысканію въ пользу первого жениха: полной платы калыма въ 105 р. и всѣхъ убытковъ, понесенныхъ этимъ женихомъ при сватовствѣ, а женившійся на такой женщинѣ обязанъ уплатить ему 300 руб. и подвергается штрафу въ 50 руб., какъ за отбитіе невѣсты.

За нарушение означеныхъ правилъ, относительно размѣра платы калыма, съ жениха, съ родственниковъ невѣсты и старшины аула, допустившаго нарушеніе этихъ правилъ, взыскивается штрафъ—по 50 руб. съ каждого виновнаго. Если невѣста отдается въ замужество въ другое общество, гдѣ означенаго постановленія о бракѣ не существуетъ, и родственники невѣсты возьмутъ съ жениха болѣе опредѣленной платы, виновные подвергаются штрафу въ 100 руб., а старшина—50 руб.

Когда процедура считается конченной, невѣстѣ изготовлено надлежащее преданое и женихъ успѣлъ запастись достаточнымъ количествомъ угощенія для предстоящаго празднества, то отправляется поѣздъ за невѣстою, состоящей изъ молодыхъ людей—родственниковъ и пріятелей жениха. Въ сопровожденіи этихъ молодыхъ людей и дѣвушекъ—подругъ невѣсты, эта послѣдняя въ арбѣ, по обыкновенію запряженной парою воловъ, перевозится въ домъ жениха. Невѣста всегда бываетъ закрыта шалью отъ любопытныхъ взоровъ и поимѣется въ арбѣ въ срединѣ своихъ подругъ; молодые люди слѣдуютъ тутъ-же верхами. При этомъ свадебномъ поѣздѣ непремѣнно состоить музыкантъ—зурначъ, который во всю дорогу, подъ аккомпанементъ барабана, извлекаетъ изъ своего нехитраго инструмента—какого-то первообраза klarнета—убийственно однообразные и пискливые звуки, напоми-

нающіе кракъ кошки, которой сжимаютъ хвостъ. Какъ въ этомъ поѣздѣ, такъ и вообще въ свадебномъ пиршествѣ, женихъ участія не принимаетъ и все это время гдѣ-нибудь скрывается у родственниковъ, или въ домѣ друга.

Въ былое время, когда ингушъ носилъ оружіе и могъ стрѣлять, не опасаясь денежнаго взысканія, свадебные поѣзда представляли болѣе оживленный видъ, нежели теперь: тутъ ингушъ могъ щеголнуть и своимъ лихимъ конемъ, оружіемъ, и своею удалью. Джигитовка и стрѣльба продолжались во все время дороги свадебного поѣзда, развлекая прекрасный полъ.

По доставленіи невѣсты въ домъ жениха открывается веселье, продолжающееся три дня, а у болѣе зажиточныхъ и дольше. Во все это время идетъ угощеніе, которое главнымъ образомъ состоитъ изъ араки. Почтенные люди сидятъ кружкомъ и угощаясь болтаютъ о разныхъ разностахъ, а молодежь въ это время плашетъ и поетъ. Танецъ ингушъ напоминаетъ лезгинку и обыкновенно этотъ танецъ исполняется двумя особами: мужчиною и дѣвушкою. Присутствующіе составляютъ кругъ и въ тантъ зурѣхъ хлопаютъ въ ладоши и въ болѣе оживленныхъ па танца гикаютъ. Когда одна пара окончить танецъ, то въ кружокъ выходитъ следующій молодой человѣкъ, который слегка начинаетъ приплясывать, ожидая выхода въ кругъ дѣвушки. Эти послѣднія, прежде чѣмъ которая-либо изъ нихъ выйдетъ въ кругъ, начинаютъ ломаться. Если уже прекрасный полъ заставляетъ вышедшаго въ кругъ мужчину слишкомъ долго ожидать себя, то кто-нибудь изъ присутствующихъ насилино выталкиваетъ къ нему первую попавшуюся дѣвушку; иногда такого рода приглашеніе сопровождается ударомъ плети. На свадѣбѣ присутствуютъ и замужнія женщины, но участія въ танцахъ не принимаютъ — это не въ обычай ингушъ.

Одинъ разъ навсегда сложившихся пѣсенъ у ингушъ нѣть или по-крайней-мѣрѣ ихъ никто не знаетъ; но поются ими обыкновенно импровизированные пѣсни. Содержаніе этихъ пѣсень всегда однозначно: ими воспѣваются добродѣтели, удалство и храбрость какого-нибудь джигита. Тема импровизаций поется какою-нибудь дѣвушкою соло, а въ концѣ фразы начинаетъ пѣсть и хоръ, но одни лишь звуками, безъ словъ.

На третій день свадебного празднества, лицо, у котораго гостили женихъ въ это время, посыпаетъ отъ себя на свадьбу барана и въ ту же ночь ведеть жениха домой къ невѣстѣ. За

оказанное гостеприимство женихъ даритъ этому лицу какую-нибудь вещь: черкеску, башлыкъ или ноговицы.

Послѣ этого кратковременаго свадебнаго празднества, въ которомъ сама невѣста и участія не принимаетъ, а сидитъ въ сакѣ за зававѣскою и подъ бѣлымъ покрываломъ, начинается страдалья эпопея жизни ингушской женщины.

X.

Многоженство у ингушъ, какъ вообще у магометанъ, допускается; но этимъ правомъ имѣть вѣсколько женъ пользуются весьма немногіе, какъ вслѣдствіе неимѣнія средствъ заплатить калымъ за вѣсколько женъ, такъ и для сохраненія въ домѣ спокойствія, которое неизбѣжно нарушается и влечетъ массу непріятностей для мужа, когда онъ имѣть неосторожность завестись двуми даже женами. Неудобство имѣть двухъ женъ вошло у ингушъ даже въ поговорку: ши сесымъ ёл чунъ коо джале дэзыцъ, т. е. у кого есть двѣ жены — тому собаки не нужно. Эта поговорка употребляется въ смыслѣ постоянной грызни и браніи двухъ женъ между собою и съ мужемъ.

Такъ-какъ въ большинствѣ случаевъ браки между ингушами совершаются не вслѣдствіе сердечнаго влеченія, а изъ одной необходимости имѣть въ домѣ лишнюю рабочую силу, то поэтому чувство уваженія и привязанности между супругами весьма незначительно развиты, да и не могутъ получить большаго развитія, пока ингуши будутъ продолжать относиться къ своимъ женамъ чисто по-скотски. Даже такое звѣнo, какъ дѣти, никогда тѣсно связуетъ супруговъ и самая привязанность ихъ къ дѣтямъ есть чисто животное чувство, а сердце въ этой привязанности почти совсѣмъ не принимаетъ участія. Родители и особенно отецъ относятся къ дѣтямъ совершенно равнодушно; да и самый обычай порицаеть въ ингушахъ проявленіе родительскаго чувства: ингушъ не только считаетъ непріличнымъ взять на руки или приласкать своего ребенка, но даже, въ присутствіи другихъ, называть его по имени. Точно также считается непозволительнымъ называть свою жену по имени или вообще говорить о ней или о дѣтяхъ что-нибудь. Естественно, что равнодушіе со стороны

родителей влечетъ за собою тоже чувство со стороны дѣтей. Мы всегда ужасаемся, когда намъ приходится слышать о разныхъ случаяхъ отцеубийства или наоборотъ, но между ингушами совершение такого преступленія бываетъ довольно частымъ явленіемъ: раздраженный ингушъ не соображаетъ того, кто противникъ его, и равно убиваетъ какъ цѣсторонняго, такъ и кровнаго родного своего.

Въ то время, когда ингушская женщина, до установлениія за нею права свободнаго выбора мужа, была лишена всякихъ человѣческихъ правъ и не смотря ни на слезы, ни на мольбы, ни на сопротивленіе, ее, какъ барана, продавали за калымъ, получаемый родными, и сваливали на арбу, чтобы отвезти въ домъ жениха, — она и физически обрекалась на страданія: мужъ билъ, истязалъ, морилъ голодомъ и холодомъ свою непокорную рабу-жену. Не смотря на совершение такихъ жестокостей, обычай стоялъ на сторонѣ мужа и не принималъ страданій женщины за достаточный поводъ въ разводу; во всякомъ случаѣ жена могла развестись съ тираномъ-мужемъ лишь по согласію послѣдняго. Само-собою разумѣется, что озлобленный мужъ не легко и охотно выпускалъ изъ рукъ свою несчастную жертву.

При такомъ положеніи порабощенной женщины, единственнымъ протестомъ противъ насилия ея человѣческой воли, принужденія родственниковъ и дурного обращенія мужа былъ побѣгъ отъ послѣдняго; но родственники бѣжавшей женщины, сколько по отсутствію родственныхъ чувствъ, столько-же и вслѣдствіе требованія неумолимаго обычая, опять возвращали несчастную жену, какъ уже проданную вещь. Она снова бѣжала, но снова возвращалась, чтобы терпѣть еще большія гоненія и страданія, и такимъ образомъ дѣло тянулось до-тѣхъ-поръ, пока мужъ, наскучивъ частыми побѣгами жены, являлся съ жалобою въ горскій судъ. Судъ этотъ, не имѣя права дать разводъ женщинѣ, безъ согласія дескота-мужа, рѣшалъ дѣло слѣдующимъ обычнымъ образомъ: отъ родственниковъ женщины и отъ жалующагося мужа судъ бралъ поручителей изъ честныхъ и почетныхъ людей въ томъ, что жена въ назначенный срокъ будетъ возвращена мужу и останется у него въ домѣ, а мужъ будетъ доставлять женѣ все необходимое въ жизни и хорошо обращаться съ нею. Иногда подобное рѣшеніе, подъ бдительнымъ надзоромъ хорошихъ и умныхъ поручителей, достигало цѣли: жена оставалась въ домѣ мужа и семейное спокойствіе возстановлялось; но въ большинствѣ

случаевъ, бѣгство жены возобновлялось, не смотря ни на какихъ поручителей.

Наконецъ мужъ, потерявъ свое упрямое терпѣніе, вынуждалъ бывать и печальнымъ положеніемъ дѣла, и увѣщаніями судей и родственниковъ дать женѣ разводъ. Когда разводъ совершился такимъ путемъ, то мужу возвращался уплаченній имъ за жену калымъ и мужъ оставлялъ у себя въ домѣ все принесенное женой имущество.

Въ виду такого отчаянаго положенія женщины, при измѣнѣніи обычая о бракѣ въ 1863 году, постановлено также, что варварское обращеніе мужа съ женой: побои, обжоры, пораненіе, пытка голодомъ и холодомъ и вообще насилия и истязанія должны служить причиной развода жены съ мужемъ, безъ согласія на то послѣдняго. Въ этихъ случаяхъ жена, требующая развода, обязана заявить о томъ горскому словесному суду; судь, убѣдившись путемъ дознанія въ истинѣ и справедливости жалобы, назначаетъ одного посредника—человѣка незѣстнаго своимъ хорошимъ поведеніемъ и добросокѣтностю, для наблюденія за поведеніемъ и отношеніями мужа и жены. Если послѣ этого вновь поступитъ язомба жены и посредникъ заявить суду о дѣйствительности жестокаго обращенія съ нею мужа и вообще о дурномъ содержаніи ея, то судъ, давъ посреднику присягу съ двумя присяжными для подтвержденія данныхъ имъ показаній, раздастъ разводъ и жена получаетъ полную свободу. При такомъ разводѣ жена получаетъ отъ мужа съдѣдаемое ей и недоказанное обеспеченіе въ 80 руб. и все привадлежащее ей имущество, при чёмъ можетъ выйти замужъ во всякое время.

Если же жена, безъ всякихъ видимыхъ причинъ, послѣ неоднократныхъ побѣговъ отъ мужа и возвращенія въ нему, вновь уйдетъ отъ своего мужа, то она обязана возвратить мужу полученный ею калымъ и оставить мужу все принесенное ею въ домѣ его имущество, а родственники жены, сверхъ того, подвергаются взысканію въ пользу обиженнаго мужа двойного калыма, т. е. 210 руб. Кроме того, разведенная такимъ образомъ жена лишается права втечениіи шести мѣсяцевъ выйти замужъ за другого, а если кто-нибудь женится на ней до истечения этого срока, то онъ подвергается взысканію въ пользу первого мужа двойного калыма—210 руб., за безчестіе 300 руб. и сверхъ того подвергается штрафу въ 50 руб.

Мужъ, какъ мы видѣли выше, во всякое время, по своему

желанию, имѣть неограниченное право дать разводъ своей женѣ; хотя бы послѣдня и не была согласна на это. Въ настоящее время, мужъ, прогнавши по своему желанію жену, не имѣть права требовать возвращенія калыма, а напротивъ, обязанъ доплатить недоданную сумму обезпеченія въ 80 руб. Въ прежнее же время, т. е. до 1863 года, весь калымъ, всѣ издержки по свадѣбѣ и даже всѣ мельчайшіе подарки, сдѣланные при сватовствѣ, возвращались мужу сполна, за исключеніемъ расходовъ, сдѣланныхъ родственниками жены на ея приданое и свадѣбу. Расчетъ при разводѣ не забывалъ даже тѣхъ мелочныхъ расходовъ на поминки, которые туземный похоронный обрядъ налагаетъ на породившіяся бракомъ фамилии.

По прежнему обычаю, женщина, получившая разводъ, до тѣхъ-поръ не могла выйти замужъ, пока весь калымъ, уплаченный ея мужемъ, не былъ возвращенъ ей сполна. Женщина, получившая разводъ, за которой оставался какой-либо долгъ по первому браку, вышедшая замужъ за другого, считалась отбитой женой, что возбуждало кровную вражду и месть со стороны первого мужа.

Молодая женщина, получившая разводъ, всѣми часто обречена было вести безбрачную жизнь, или потому, что родственники ея не имѣли средствъ возвратить какой-нибудьничтожной долги калыма мужу ея, или чаще потому, что самъ мужъ уклонялся отъ принятія калыма единствено съ тою цѣлью, чтобы разведенная жена была «ни ему, ни другому». Злой нравъ ингуша въ этихъ случаяхъ можно было переломить только насильтственными мѣрами. Такъ, родственники женщины, получившей разводъ, доставляли обыкновенно калымъ въ участковое управление, депутаты одѣживали и возвращали его мужу; но управство некоторыхъ ингушъ доходило до того, что они бросали на произволъ судьбы врученный имъ въ счетъ калыма скотъ, который нерѣдко пропадалъ безъ вѣсти. При скрывательствѣ-же и неявкѣ мужа за получениемъ калыма, женщина выдавалось отъ участковаго пристава свидѣтельство на свободное вступленіе въ бракъ, съ обязательствомъ ея родственниковъ возвратить калымъ прежнему мужу, по его требованію.

Если родственники разведенной съ мужемъ жены были не въ состояніи въ опредѣленное время возвратить калымъ ея мужу, они выдавали корову съ телкомъ, которая, при окончательномъ расчетѣ, въ плату калыма не шла, но считалась фактическимъ

выражениемъ согласія мужа на разводъ. Если мужъ, давшій женѣ разводъ, отказывался впослѣдствіи отъ исполненія своего обѣщанія, корова съ теломъ служила обычной уликою и доказательствомъ въ судѣ, что женщина дѣйствительно данъ разводъ.

Въ томъ случаѣ, когда мужъ фактически докажетъ, что онъ даетъ женѣ разводъ вслѣдствіе развратнаго ея поведенія, жена обязана возвратить ему весь или часть полученнаго ею калыма.

При разводѣ мужа съ женой, примиты въ супружествѣ дѣти, сыновья и дочери, остаются въ домѣ отца, на его попеченіи; мать не имѣеть никакого права требовать ихъ отъ мужа къ себѣ или въ домѣ своихъ родственниковъ.

Чисто скотскія отношенія между собою супруговъ и отсутствіе сердечнаго влеченія другъ къ другу побуждаютъ, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, прибѣгать къ удовлетворенію чувственныхъ потребностей своей пылкой и страстной натуры на сторонѣ, винѣ брачнаго сожительства. Поэтому разврѣтъ и разныя эротическія похожденія въ ингушскихъ селеніяхъ развиты до послѣдней степени, хотя вся безобразія проституціи прикрываются самой строгой тайной, которую стерегутъ убийство и кровная месть свирѣпаго ингуша. Тѣмъ не менѣе нравственная распущенность ингушъ до такой степени сильна, что, напримѣръ, оставаясь наединѣ съ женщиной или встрѣтившись съ нею въ полѣ или въ лѣсу, ингушъ вся свои разговоры сводить на то, чтобы склонить женщину удовлетворить его чувственнымъ побужденіямъ и употреблять все свое умѣніе льстить и обѣщать, чтобы только достигнуть своей цѣли, и въ концѣ концовъ почти всегда достигаетъ этой цѣли, таکъ-какъ ингушская женщина, легковѣрная, безстыдная и сладострастная, безъ особенной борьбы отдается соблазнительнымъ обѣщаніямъ развратной молодежи.

Нетолько замужняя женщина, но и почти всякая девушки у ингушъ доступна для сладострастныхъ увлеченій.

Обнаружение прелюбодѣянія и особенно на мѣстѣ преступленія, за весьма рѣдкими исключеніями, влечетъ за собою убийство любовника; въ прежнее время за это преступленіе обрѣзывали женщинѣ носъ.

Въ то время, когда за обольщеніе женщины обычай представлялъ право мужу, брату или отцу ея иститѣ обольстителю и прослѣдоватъ самою женщину, мужчина свободно могъ сколькоугодно нарушать супружескую вѣрность и не подвергаться за это никакому взысканію.

Женщина и въ настоящее время не имеетъ права на разводъ за измену мужа, но за нарушение ею супружеской вѣрности мужъ можетъ дать ей разводъ, съ тѣми обычными послѣдствіями, которыхъ влечетъ за собою разводъ съ разирателю женой. Кромѣ того наперстникъ невѣрной супруги обязанъ уплатить оскорблѣнному мужу три барча *), а также три барча платить и родственники провинившейся жены, что составляетъ 48 коровъ, изъ коихъ половина должна быть тельныхъ и половина яловыхъ.

Для доказательства невѣрности жены для горскаго словеснаго суда достаточно заявленія о томъ одного мужа. Тайну о своей любовной связи женщина выдаетъ лишь подъ видѣніемъ дикихъ угрозъ мужа, изъ болезни пытки и насильственной смерти, но раскаяніе, стыдъ и совѣсть не играютъ въ этомъ признаніи никакой роли.

XI.

Страстная натура ингушъ, не удовлетвораясь добровольнымъ соглашеніемъ женщинъ на любовныя удовольствія, зачастую вызываетъ ихъ на совершение насильственныхъ дѣйствий противъ женщинъ; поэтому похищеніе и изнасилованіе женщинъ было и есть явленіемъ очень обыкновеннымъ въ средѣ ингушъ.

Также въ большомъ ходу и похищеніе дѣвушекъ—невѣсть, какъ по согласію, такъ и безъ согласія ихъ. Руководящимъ побужденіемъ у ингушъ къ похищенію дѣвицъ можно назвать два желанія: первое — во что бы то ни стало добыть себѣ женщину, которая нравится ему и добровольно не соглашается удовлетворить его страстнымъ требованіямъ и другое — великодушно завладѣть дѣвушкой, когда ее насильно желаютъ выдать замужъ за немилаго ей человека. Въ первомъ случаѣ ингушъ прибѣгааетъ къ насилию и для этого выискиваетъ удобное время заполастъ гдѣ-нибудь наединѣ предметъ своей страсти и увлечь его къ себѣ,

^{*)} Барчъ — это плата за безчестье, оскорблѣніе, такъ называемая почетная плата. Первый барчъ составляетъ десять коровъ, второй — восемь и третій—шесть, всего три барча составляютъ 24 коровы, изъ коихъ половина тельныхъ и половина яловыхъ.

а въ другомъ—сама дѣвушка добровольно отдается въ руки его, чтобы этимъ путемъ избавиться отъ предстоящаго ей брака и неволи. Ни одинъ ингушъ, считающій себѣ мужчиной и геромъ смыслъ, не откажется, когда представляется возможность, похитить насильственно или добровольнымъ путемъ привлекающую его женщину, несмотря на то, что похищеніе женщины у ингуша сопряжено съ величайшими опасностями, не только для жизни самого похитителя, но и родственниковъ его, которымъ, если самому похитителю удастся благополучно ускользнуть, родственники увезенной женщины немедленно начинаютъ истину, и кроме того влечеть за собою при обычномъ разборѣ дѣла довольно значительны по средствамъ ингушъ материальными потерями.

Зная эти тяжкія послѣдствія уезда женщины, ингушъ въ этихъ случаяхъ прежде всего старается завести похищенную имъ въ домъ къ какому-нибудь сильному своемъ влиятельному и почтенному человѣку и только подъ покровительствомъ такого человѣка можетъ на первое время считать свою жизнь вѣнчаны опасности. Если такой счастливый исходъ удастся получить похитителю, то либо, къ которому она прибѣгнула подъ покровительство, принаимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы примирить похитителя съ обижденными родственниками похищенной женщины и этимъ положить предѣлъ стремлению послѣднихъ кровавымъ путемъ отомстить похитителю. Затѣмъ уже дѣло поступаетъ, если не состоялось окончательного домашняго примиренія между сторонами, для обычнаго разбора въ горскій словесный судъ, а въ настоящее время, по желанію потерпѣвшей стороны, можетъ быть рассматриваемо и во Владикавказскомъ окружномъ судѣ.

При разборѣ дѣла о похищении женщины въ горскому словесномъ судѣ, обычай налагаетъ сѣдующія высыканія:

За похищеніе дѣвицы, по согласію ея, но безъ вѣдома родителей или родственниковъ ея, виновный подвергается денежному высыканію въ 50 руб. въ пользу родственниковъ похищенной и 50-ти рублей штрафу.

Если похищеніе произошло по наущенію или съ согласіемъ родителей или родственниковъ, но безъ желанія на то самой похищенной, хотя бы она послѣдствіи и согласилась остатися живою увезшаго ее, то родители или родственники, а также похититель подвергаются высыканію денежнаго штрафа, первые въ размѣрѣ 50, а послѣдній—100 рублей.

Если похищеніе произошло безъ согласія похищенной и безъ

въдома родителей или родственниковъ и притомъ дѣвушка не была обезчещена, то послѣдня немедленно возвращается въ домъ свой, а виновный подвергается взысканію въ пользу родственниковъ похищенной полнаго калыма—105 руб. и штрафа въ 150 р.

За похищеніе просватанной уже невѣсты полагается взысканіе какъ за отбитіе невѣсты, т. е. родственники похищенной невѣсты платить обиженному жениху полный калымъ 105 руб. и вѣс убытки, невѣста возвращаетъ полученную часть калыма, а похититель обязанъ заплатить потерпѣвшему двойной калымъ—210 руб., за бевчестье 300 руб., и подвергается наложению штрафа въ 50 руб.

За похищеніе или отбитіе чужой жены полагается тоже взысканіе, какъ за прелюбодѣяніе съ чужой женой.

При обычномъ разборѣ дѣла, главный виновный почти никогда не отрицаєтъ своей виновности, такъ-какъ самый фактъ похищенія достаточно изобличаетъ вину его, но онъ весьма рѣдко выдаетъ своихъ товарищъ — соучастниковъ, безъ содѣйствія которыхъ не обходится ни одно похищеніе. Указаніе самой похищенной на участниковъ ея похитителя принимается обычаеъмъ безъ всякихъ другихъ доказательствъ; но этого рода заявленіе очень рѣдко можно слышать на судѣ отъ потерпѣвшей: увезенная женщина, подъ давленіемъ смущенія и страха, испытавшаго єю при похищеніи, обыкновенно совсѣма можетъ замѣтить сподвижниковъ своего похитителя, а если иногда замѣтаетъ ихъ, то не обнаруживаетъ изъ боязни навлечь вражду ихъ на своихъ родственниковъ.

Если-же сами родственники увезенной дѣвушки или женщины указываютъ на соучастниковъ главного виноваго, но положительныхъ и ясныхъ уликъ не представляютъ, то судъ каждому обличаемому въ способничествѣ назначаетъ присягу съ двумя приложниками изъ сосѣдей; людей благонадежныхъ, въ томъ, что они не участвовали въ похищеніи и не знаютъ участниковъ этого дѣла. Такая-же присяга назначается и главному обвиняемому: онъ долженъ заявить подъ присягою, что указаные соучастники не содѣйствовали совершенному имъ похищенію и что самое похищеніе сдѣлано имъ однимъ, безъ помощи другихъ.

Изнасилованіе дѣвушки или женщины обыкновенно и чаще всего разрѣшается убийствомъ, но послѣднее преступленіе по обычаю не искупалось первымъ: каждое изъ нихъ было самостоятельное и ответственное.

До 1872 года дѣла о изнасилованіи и растѣснѣніи между тѣзами вѣдались по обычаямъ горскими словесными судами; но въ настоящее время дѣла этого рода изыскиваются изъ вѣдомства горскихъ судовъ и подсудны общимъ судебному учрежденію и назначение опредѣляется по общиинѣ же законамъ.

При разборѣ дѣлъ по изнасилованію въ горскомъ судѣ упомянутъ существовали слѣдующіе обычай:

За изнасилованіе дѣвушки, вслѣдствіе чего она невольно должна была заявить желаніе сдѣлаться женой насилователя, иначе, кромѣ уплаты дѣвушки обычаго нальма — 105 руб., подвергаласьзысканию въ пользу родителей или родственниковъ изнасилованной дѣвушки двойного нальма — 210 руб. и штрафу 50 руб.

Если-же изнасилованная дѣвушка и послѣ такого безчестія не соглашалась сдѣлаться женой обвиняемаго и если она при томъ была похищена насилователемъ, то она немедленно возвращалась въ домъ родителей или родственниковъ ея, а обвиняемый подвергалсязысканию въ пользу обиженней дѣвушки двойного нальма, въ пользу родителей или родственниковъ ея 105 руб. и подвергался ссылкѣ на срокъ административныиъ перидомъ.

За изнасилованіе замужней женщины виновный обязанъ быть заплатить мужу потерпѣвшей три барча, т. е. 24 коровы. Изнасилованная жена, по желанію мужа, или остается при мужѣ, что случается весьма рѣдко, или, обыкновенно, отправляется къ своимъ родственникамъ, т. е. получаетъ отъ мужа разводъ.

За изнасилованіе просватанной дѣвушки или идовы, кромѣ платы какъ за изнасилованіе дѣвушки, которая послѣ этого не соглашается быть женой насилователя, послѣдній обязанъ быть еще заплатить женщину изнасилованной хорошую лошадь, стоимостью не менѣе 80 руб., и на угощеніе большого барана и четыре котла арави. Женщина изнасилованной неѣсты имѣть право отказаться отъ нея и получить обратно внесенный ей налогъ или часть его.

Кромѣ сказанной ответственности, виновный въ изнасилованіи обязанъ бкъ замѣнить всю порванную при этомъ одежду дѣвушки или женщины новою.

Повиненъ за изнасилованіе женщиной или дѣвушки влече ту-же ответственность, какъ и за совершиное изнасилованіе.

Чаще всего виновный въ изнасилованіи дѣвушки или идовы, для избѣженія кровной вражды со стороны оскорблевшихъ род-

родственниковъ ея и когда дѣло не доходитъ до суда, женится на изнасилованной, но подобный бракъ не обавателенъ.

Городской словесный судъ, при разборѣ дѣлъ по изнасилованію, признавалъ фактъ совершившися и не требовалъ въ подтверждение доказательствъ, если объ этомъ заявляла мѣщанка, братъ или отецъ, принявъ такимъ образомъ на себя позоръ обнаруженнія передъ обществомъ сдѣланнаго ему безчестія, или когда это заявляла суду сама потерпѣвшая. Это единственная въ обычаяхъ ингушъ жалоба, предъявленіе которой служило въ тоже время и самымъ доказательствомъ, не требовавшимъ присяжныхъ удостовѣреній. Судъ приступалъ къ разслѣдованію только тѣхъ обстоятельствъ дѣла, которыхъ могли иногда стать въ разрѣзъ физической возможности совершеннія преступленія. Въ этихъ случаяхъ обвиняемому назначалась очистительная присяга съ пятью присяжными, въ числѣ коихъ должны были находиться двое родственниковъ обвиняемаго.

Трудно доискаться истинной причины, почему ингушскій обычай въ дѣлѣ изнасилованія женщинъ принималъ бездоказательное заявленіе о томъ самой потерпѣвшей, мужа или близкихъ родственниковъ ея; но вѣроятнѣй истолкованіемъ этого обычая, дававшаго такое широкое право потерпѣвшему, какъ изрѣченіе обвинительного приговора, нужно привѣтъ весьма щѣкотливое отношеніе ингушъ во всѣмъ случаѣмъ, где обнаруживается безчестіе ихъ обстоятельства, ваниль естественно вужно признать и оскорблѣніе чести имъ близкихъ женщинъ.

Всякое позорное обстоятельство, которое ставится достояніемъ гласности и тоды, вызываетъ въ средѣ ингушъ безконечные насмѣшки и остроты, доходящія вновь разъ до того, что предмету этихъ насмѣшекъ нельзя никуда скрываться, а иногда, при ссорѣ, и серьезно упрекаютъ неповиннаго человѣка этимъ безчестіемъ; такого рода насмѣшки и упреки, всегда стремящіеся къ тому, чтобы унизить достоинство мужчинъ, такъ высоко чтимое ими, составляютъ самую ъдкую обиду для самолюбія ингуша, обиду большую, нежели та, которая послужила основаніемъ къ ней. Поэтому ингушъ скорѣе подавить въ себѣ выступающее наружу проявленіе оскорблѣнаго чувства, если онъ не имѣть возможности немедленно отомстить убийствомъ оскорблѣтелю, и прибегнуть въ средствамъ тайной мести, нежели сдѣлать свое безчестіе предметомъ шутокъ и насмѣшекъ. Ингушъ признаетъ достойнымъ и почтеннымъ дѣломъ самоуправную расправу съ

своимъ врагомъ, а жалобу считаетъ слабостью и отсутствиемъ достаточной храбрости, чтобы лично раздѣлаться съ нимъ. Зная эту щекотливую сторону ингушъ, составители приведенного обычая могли полагаться, что къ посредству этого обычая прибѣгнуть только въ действительно крайнемъ случаѣ и даромъ не станутъ злоупотреблять имъ.

Если ингушъ успѣваетъ скрыть отъ огласки какое либо постыдное обстоятельство, то далеко нельзя сказать, чтобы на этомъ и успокоивался онъ. Всѣ попытки его послѣ этого обращаются къ тому, чтобы достойнымъ образомъ отомстить человѣку, ставшему причиной его безчестья. И правда, нѣть средства, передъ которыми; въ этомъ случаѣ, могъ остановиться ингушъ: злая месть настигаетъ ненавистного человѣка въ то время, когда онъ менѣе всего могъ ожидать ея. Для достижени¤ этой коварной цѣли ингушъ иногда тѣсно сблизается съ своею жертвою, заключающаѧ присяжное братство и затѣмъ, при удобномъ случаѣ, поражаетъ своего врага. Неудивительно поэтому, что между ингушами, какъ увидимъ ниже, весьма часто случаются неизвѣстно комъ совершаемые убийства, безъ всякой видимой причины, но, безошибочно можно сказать, что эта причина — всегда затаеннаѧ жадна месть за оскорбленное самолюбие.

XII.

Смерть и похороны у ингушъ, какъ замѣтилъ я выше, составляютъ одно изъ событий, выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ.

Человѣкъ, покончивши съ своею земною юдолю, даетъ возможность своимъ родственникамъ, сосѣдямъ и постороннимъ лишній разъ развлечься въ своей бѣдной разнообразіями жизни и всласть удовлетворить всегда готовому въ такихъ случаяхъ аппетиту.

Какъ только въ селеніи стало извѣстно о кончинѣ какого-нибудь человѣка, всѣ родственники и односельцы, мужчины и женщины, стремятся во дворъ покойнаго, чтобы отдать послѣднюю честь усопшему и совершить заупокойную молитву — *дуа*.

Вѣсть о смерти быстро облетаетъсосѣдин селенія, изъ ко-

торыхъ всѣ близкіе и дальніе родственники, друзья и пріятели также спѣшать въ домъ умершаго.

Всякій родственникъ и другъ умершаго, по обычаю, долженъ сдѣлать приношеніе семьи покойного, смотря по состоянію камдаго. Кто можетъ, тотъ жертвуетъ быка, корову, телка, барана, вообще что-нибудь изъ съѣстныхъ припасовъ, или-же деньгами, но не менѣе какъ на сумму одного рубля. Женщины-родственницы привозятъ или привозятъ кусокъ ситцу, нуничку или другой матеріи, стоимостью также не менѣе одного рубля. Когда эти женщиныѣ ѣдутъ изъ другого селенія, то куски этихъ матерій привязываются на палки, которыя втыкаются въ арбу, тамъ-что всегда издали, по этимъ импровизированнымъ флагамъ, можно узнать путешествующихъ на похороны женщинъ; мужчины въ этихъ поѣздахъ не участвуютъ, а отправляются отдельно.

Всѣ обначенныя приношенія родственниковъ и близкихъ друзей умершаго имѣютъ большое практическое значеніе, такъ-какъ идутъ на угощеніе посѣтителей, безъ чего ни одинъ самый за jakiочный ингушъ не въ состояніи былъ бы, не разворившись до послѣдней степени, соблюсти похоронный обычай; требующій, въ видѣ поминокъ по умершему, предлагать угощеніе каждому посѣтителю, которые въ подобныхъ случаяхъ собираются во десятками, а сотнями. Только при этой посторонней помощи ингушки могутъ задавать похоронный пиръ въ истинно-гомеровскихъ размѣрахъ. Несоблюденіе этого обычая считается за отказъ поддерживать на будущее время родственныя или пріятельскія отношенія.

Умершаго или умершую естественною смертью ингушки придаютъ погребенію, если успѣютъ приготовить могилу, въ тотъ же день и никакъ не позже другого дня. Собственно погребеніе не сопровождается у ингушъ никакими особыми церемоніями; обыкновенно, завернувъ покойного или покойную въ бѣлый саванъ—кусокъ бязи, везутъ его за арбъ въ послѣднее жилище—могилу, и тамъ, по мусульманскому обряду, кладутъ на правый бокъ, головою на западъ и лицомъ на югъ. Послѣ погребенія мула читаетъ молитву, а люди состоятельные нанимаютъ одного мулу читать молитвы на могилѣ покойного, а другого—въ домѣ его, втечениіи трехъ сутокъ. Втечениі-же этихъ трехъ сутокъ продолжается и посѣщеніе родственниками и знакомыми дома умершаго и угощеніе посѣтителей; посѣщенія и поминки продолжаются и дольше, если умершій былъ человѣкъ почетный и богатый.

Всякій неизвестный человѣкъ, проѣзжающій мимо двора, гдѣ есть умершій, обязанъ по обычаямъ войти во дверь и совершить молитву, или же, по-крайней-мѣрѣ, сѣсть съ лошади и пройти пѣшкомъ мимо такого двора.

Въ погребальной процессіи, т. е. въ шествіи на кладбище, женщины совсѣмъ не принимаютъ участія, и втеченіе трехъ дней, оставаясь въ домѣ умершаго или умершей, выражаютъ свою скорбь плачами, причитаніями о всѣхъ добродѣтеляхъ усопшаго, и близкія родственницы умершаго предаютъ истязанію лицо и грудь свои, нанося удары, царапая себя и вырывая волосы на головѣ.

Угощеніе посѣтителей въ первые три дня послѣ смерти служитъ первыми поминками по умершему. Богатые люди, спустя некоторое время послѣ смерти родственника, рѣжутъ еще быка, корову или барановъ и мясо въ сыромъ видѣ раздаютъ своимъ односельцамъ.

Затѣмъ слѣдующія поминки, и только уже по одному умершимъ мужчинамъ, производятся въ праздникъ байрама. Кромѣ похороненія различныхъ вещей изъ орѣдовъ, яблокъ и конфектъ на призы для сначки, родственники умершихъ режутъ скотъ и приготавливаютъ араку, чай и угощаютъ посѣщающихъ ихъ, на праздникъ гостей. Женщины-же, какъ мы видѣли уже выше, въ праздникъ байрама отправляются на кладбище, куда наиболѣе состоятельный изъ нихъ несутъ съ собою отваренного барана. Когда всѣ скорбящія по умершему и всѣ голодныя, алкающія пищи собрались на кладбищѣ, то привесшія барановъ считаютъ находящихся на лицо женщинъ и дѣтей и по этому числу дѣлать на порціи принесенныхъ ими барановъ. Этотъ родъ милостыни производится въ бѣдныхъ людяхъ стремленіе къ пріобрѣтенію наибольшаго количества порцій баранины и для этого они обыкновенно забираются на кладбище всѣхъ женщинъ и дѣтей своей семьи, чтобы на долю каждого досталось по порціи. Такого рода поминки богатые люди совершаютъ по своимъ умершимъ родственникамъ — мужчинамъ подъ рядъ втеченіи трехъ праздниковъ байрама и затѣмъ уже совѣсть живущаго ингуша по отношенію къ умершему спокойна.

Кромѣ, такъ сказать, материальнаго поминовенія умершихъ, у ингушъ въ большей употребленіи увѣковѣчивать память о нихъ постановкою на могилѣ умершаго или гдѣ-нибудь на видномъ мѣстѣ въ чащѣ всего надъ дорогу каменныхъ памятниковъ. Въ прежнее время памятники эти представляли изъ себя нуки плотнаго

памят въ $1\frac{1}{2}$ — 2 аршина длиною и до $\frac{3}{4}$ аршина въ ширину, съ закругленнымъ верхомъ, или круглый обрубокъ дерева, съ гриво-образною верхушкою, или же сложенную изъ камня вокругъ могилы четырехъ-угольную стѣну, вышину отъ одного до трехъ аршинъ; въ настоящее время развилось у ингушъ стремление создавать памятники болѣе изящной формы. Такъ, эти новѣйшіе памятники дѣлаются изъ плоскаго цѣльнаго камня той-же высоты и ширины, какъ прежде, но на наружной сторонѣ теперешнихъ памятниковъ высѣкается и раскрашивается самимъ причудливымъ манеромъ фигура человѣка или вѣнкѣ черкескиа отъ плечъ до колѣнъ съ газырями, на которыхъ изображены всѣ регалии — кресты и медали, какие имѣлъ умершій, и неизбѣжно часы съ цѣпочкою; тамъ-же вокругъ изображены и раскрашены ружье, пистолетъ, кивиаль, шашка, натруска, отвертка, поясъ и наконецъ кумганъ съ тазомъ. Все это завершается убѣйственно-безграмотною русскою надписью, гласящую о томъ, какому достойному мужу воздвигнутъ «сей памятникъ». Если человѣкъ, которому поставленъ такой памятникъ, былъ убитъ, и оружіемъ при томъ, то съ боку у памятника водружаются высокій шестъ, съ пускомъ матеріи на верху, въ видѣ значка.

Помимо этого монументальнаго способа увѣковѣчиванія памяти умершаго, существуетъ у ингушъ и еще одинъ: близкіе родственники умершаго, желая обезсмертить память о немъ, приглашаютъ дальнихъ родственниковъ и, зарѣзавъ для угощенія барана, съ помощью ихъ расчищаются какой-нибудь источникъ воды и, устроивъ вокругъ деревянный срубъ, называютъ источникъ по имени умершаго.

Нужно сказать, что всѣ эти памятники достигаютъ у ингушъ своего назначенія и очень крѣпло засѣдаются въ памяти живущихъ. Исторія происхожденія памятника передается изъ поколѣнія въ поколѣніе и тѣмъ болѣе запоминается, что всѣ памятники служатъ ингушамъ географическимъ пособіемъ для опредѣленія всѣхъ пунктовъ ихъ территории. Если, напримѣръ, ингушъ желаетъ назвать какую-либо мѣстность, то онъ для этого непремѣнно указываетъ находящійся вблизи памятникъ, мѣсто убийства кого-нибудь или вообще какую-нибудь подобную этому примѣту, указывающую на произошедшее тамъ событие.

Всѣхъ подробностей ингушскихъ похоронъ и поминокъ я не исчисляю здѣсь, такъ-какъ всѣ мелкія обрядности въ этиѣ

случаихъ у простыхъ и горемихъ ингушъ почти одниаковы и были уже описаны г. Ахриевымъ *).

Хотя и не особенно важны, но все-таки выдающимся событиемъ, кроме праздника байрама, свадьбы и похоронъ, въ семьи ингуша бываетъ появление на свѣтъ ребенка мужского пола. Ради такого события, ингушъ окотно рѣжетъ барана и угожаетъ своихъ родственниковъ и знакомыхъ, пришедшихъ поздравить его; эти посыпдае, на радостяхъ, въ честь появления на свѣтъ мальчика, и въ свою очередь также дарятъ счастливому отцу, кто можетъ, барана, быка, корову, которыхъ тогда-же обрекаютъ на заклание для угоженія, а другіе покупаютъ при этомъ араку. Женщины приносятъ роженицѣ въ даръ какую-нибудь изготовленную пищу, куръ, яйца, масло и т. д. Когда молодежь разнесется, насытивъ желудки, то приглашается музыкантъ и устраивается пляска. Ничего подобнаго не происходитъ, когда имѣть несчастье появиться на свѣтъ ребенокъ — девочка. Самъ отецъ имѣть видъ сконфуженного человѣка, всякий встрѣчный избѣгаеть ему напомнить о совершившемся событии у него въ семье и только женщины, родственницы и соседки, придутъ провѣдать роженицу — и тѣмъ оканчивается все вниманіе по отношенію къ девочкѣ — новорожденной.

У ингушъ вѣтъ одинъ разъ навсегда установленныхъ именъ для нарѣченія новорожденныхъ. Чаще всего въ этихъ случаяхъ даются магометанскія имена, но иногда ингушъ любить называть своего ребенка какимъ-нибудь предметомъ, какъ, напримѣръ: Борцъ (волкъ), Гамышъ (бульволъ), Цоголь (лисица), Алхазыръ (птица), Ночь (дубъ), Вочь (колотушка), Топчи (пистолетъ) и т. д. Затѣмъ ингуши охотно даютъ имена въ честь какихъ-нибудь уважаемыхъ людей, не исключая даже русскихъ; такъ, весьма много у ингушъ встрѣчается имена: Воронцовъ, Салтыковъ, Козловъ, Кемвертъ (Кемпфортъ), Баронъ, Генераль, Полковникъ, Человѣкъ; наконецъ употребляютъ и русскія имена: Иванъ, Ванька, Вася, Машка, Саша, Настия, Люба и т. д.

Хотя у каждого ингуша есть общая родовая фамилія, но обыкновенно они не называются по фамиліи и эту послѣднюю замѣняетъ кличка по отцу, по матери, по дѣду, по дядѣ и т. д.,

* См. «Сборникъ свѣд. о кавказск. горцахъ», вып. III.

такъ что ингушъ можетъ называться заразъ именами про-
званием по отчеству, что, для незнакомыхъ съ этимъ фокусомъ,
весьма затрудняетъ отысканіе какого-нибудь необходимаго ингуша.

XIII.

Покончивъ съ изложениемъ прошлой, экономической и бы-
товой, жизни ингушъ, постараюсь ввести читателя въ сферу уг-
оловныхъ и вообще судебныхъ дѣлъ ихъ и ознакомить съ тѣми
юридическими пріемами, которые выработала ингушская уголов-
ная практика, какъ въ области уголовнаго, такъ и скуднаго ихъ
гражданскаго права.

Считаю это необходимымъ сдѣлать тѣмъ болѣе, что обы-
чай—адаты—ингушъ отживаютъ свое время и имъ суждено не въ
далекомъ будущемъ окончательно исчезнуть изъ практики, оста-
вивъ лишь воспоминаніе о себѣ. Уже въ настоящее время кругъ
дѣйствія этихъ обычаевъ значительно суженъ и вѣдѣнію ихъ
подлежать весьма немногія дѣла. По Высочайшему указу 30 де-
кабря 1869 года о преобразованіи судебнай части въ Кубанской
и Терской областяхъ и согласно временныхъ правилъ для гор-
скихъ словесныхъ судовъ, утвержденныхъ Намѣстникомъ Кавказ-
скимъ 18 декабря 1870 года, вѣдѣнію этихъ судовъ, производя-
щихъ разбирательство дѣлъ по обычаяу, подлежать слѣдующія
уголовныя дѣла:

- 1) Нанесеніе ранъ, увѣчья и смерти въ есопѣ или дранѣ,
начавшейся безъ намѣренія совершить убийство или при-
чинить увѣчье и рану;
- 2) случайное, безъ намѣренія и безъ неосторожности, на-
несеніе смерти, увѣчья, ранъ или иного поврежденія здоровью;
- 3) нарушеніе предѣловъ необходимой личной обороны;
- 4) кража со взломомъ, а также кражи при оружії, если цѣна
похищенаго не превышаетъ трехъ сотъ рублей и если кража со-
вершена въ первый или во-второй разъ;
- 5) похищеніе, растѣлѣніе и изнасилованіе живущихъ *), и
- 6) дѣла по предупрежденію и прекращенію, на основаніи

*) Растѣлѣніе и изнасилованіе женщинъ, какъ было упомянуто выше, въ
1872 году изъятъ не вѣдѣнія горскихъ судовъ.

мѣстныхъ обычаевъ, вражды и кровомщенія, могущихъ возникнуть вслѣдствіе необнаруженія виновныхъ въ убийствѣ.

При отнесеніи этихъ дѣлъ къ вѣдомству горскихъ словесныхъ судовъ, главнымъ образомъ были приняты, какъ это видно изъ пояснительной записи къ проекту временныхъ правилъ для этихъ судовъ въ Терской области, слѣдующія соображенія:

1) Относительно дѣлъ по предупрежденію и прекращенію, на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, вражды и кровомщенія, могущихъ возникнуть вслѣдствіе необнаруженія виновныхъ въ убийствѣ:

«Въ случаѣ тайного убийства горца, родственники его, даже при полномъ отсутствіи уликъ, обвиняющіхъ кого-бы то ни было въ совершеніи этого преступленія, указываютъ предполагаемаго ими убійцу, основываясь на молвѣ или на словахъ всегда скрываемаго ими доказщика или доказщицы, и требуютъ, чтобы обвиняемый очистилъ себя представленіемъ определенного числа лицъ, которые, подъ присягою, публично, въ судѣ, удостовѣрили бы, что обвиняемый невиненъ въ приписываемомъ ему преступленіи. Въ удовлетвореніи такого требования окружной судъ откажетъ. А между тѣмъ по народному обычаю только такимъ способомъ обвиняемый горецъ можетъ очистить себя отъ возведеннаго на него обвиненія. Такой способъ оправданія безусловно необходимъ для полнаго примиренія родственниковъ убитаго съ обвиняемымъ. Только послѣ представленія такого доказательства первые свободны отъ обязанности мстить послѣднему, не рискуя навлечь на себя упрекъ своихъ односельцевъ въ трусости, въ недостаткѣ чести и участь въ ихъ мнѣніи. Судебный приговоръ, оправдывающій обвиняемаго не на основаніи присяжного удостовѣренія постороннихъ лицъ въ невинности его, а по недостатку уликъ въ его обвиненію, горецъ сочтетъ отказомъ въ правосудії, вызывающимъ на личную расправу въ формѣ мести; подвергающійся ей сочтетъ себя обязаннымъ отплатить тѣмъ-же — а въ результатѣ окажется цѣлыій рядъ преступныхъ дѣйствій».

2) По дѣламъ случайнаго, безъ намѣренія и безъ неосторожности, нацесенія смерти, увѣчья, ранъ или иного поврежденія здоровью:

«Случайное, безъ намѣренія и безъ неосторожности, нацесеніе смерти, увѣчья, ранъ или иного поврежденія здоровью не наказывается по нашимъ законамъ; самое церковное покаяніе, въ случаѣ нацесенія смерти, можетъ быть наложено на невольнаго убійцу не иначе, какъ по собственному его желанію (Улож. ст.

1470, 1495). Справедливость такого правила непонятна горцу. Тяжесть вины горецъ измѣряетъ не степенью злой воли или умысла лица имъ обвиняемаго, но количествомъ причиненного материального убытка. Онъ ищетъ не личной уголовной ответственности обвиняемаго, а возможно щадраго материального вознаграждения своихъ убытоковъ. Хотя по нашимъ законамъ, всякий причинившій кому либо вредъ или убытки, даже и не преступнымъ дѣйствиемъ, обязанъ вознаградить оные (Улож. ст. 59, т. X ч. I, ст. 684); но допускаемое нашими законами вознаграждение действительныхъ убытоковъ не удовлетворить горца. Освобожденіе виноваго въ невольномъ убийствѣ или пораненіи отъ взысканія обычныхъ, вѣками освященныхъ платежей разнаго рода, горецъ сочтеть отказомъ въ правосудіи, а слѣдовательно вполнѣ достаточнымъ поводомъ къ самосуду, къ личной расправѣ въ формѣ мести».

3) По нарушению предѣловъ необходимой личной обороны:

«Нарушение предѣловъ необходимой личной обороны, т. е. нанесеніе нападавшему ранъ, увѣчья или смерти, послѣ отвращенія грозившей отъ него опасности, наказуется по вашимъ законамъ болѣе или менѣе строго, смотря по мѣрѣ нанесенія вреда, по роду побужденій, комъ слѣдовалъ нанесшій вредъ, и по другимъ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ это нарушение (Улож. ст. 101, 1467 и 1493). Подобного рода преступки наказывались въ Терской области по мѣстнымъ условіямъ этого края. Мало того, тѣ жители, которые встрѣчали съ оружиемъ въ рукахъ всегда вооруженнаго вора, грабителя, разбойника и, не довольствуясь обращениемъ въ бѣгство нападавшаго, преслѣдовали его, были поощряемы къ подобнымъ дѣйствіямъ и даже награждались за совершение оныхъ. Уверенность, что, отправляясь на кражу, грабежъ, разбой, преступникъ рискуетъ своею жизнью, служила узду для хищническихъ наклонностей горскаго населенія. При такихъ условіяхъ, въ случаѣ необходимой обороны, не могло быть и рѣчи о томъ, послѣ ли отвращенія грозившей опасности или до того нанесены нападавшему раны, увѣчья и даже смерть. Съ изытиемъ этого рода дѣлъ изъ вѣдѣнія горскаго суда и съ передачею ихъ въ судъ, образованный по уставамъ 20 ноября 1864 года, станутъ наказываться такія дѣйствія, за которыя наканунѣ награждали. При настоящемъ положеніи края и невозбраяніемъ еще правительствомъ вооруженному состоянію всего гор-

сваго населенія области, такой рѣзкій переходъ можетъ оказаться вреднымъ для общественнаго спокойствія».

4) По дѣламъ о растѣніи и изнасилованіи женщинъ:

«Съ подчиненіемъ окружному суду дѣль о растѣніи становится необходимымъ освидѣтельствованіе растѣнной посредствомъ врача. На такое освидѣтельствованіе, въ вышней степени безчестное въ глазахъ горцевъ, она не рѣшился и въ тому не допустить родственники ея. Поэтому, съ отнесеніемъ этого рода дѣль къ вѣдомству окружного суда, становится невозможнымъ преслѣдованіе виновнаго въ растѣніи. Желая избѣгнуть освидѣтельствованія, растѣнная предпочтетъ отказаться отъ судебнаго преслѣдованія, а родственники ея станутъ искать удовлетворенія инымъ путемъ, путемъ самовольной расправы. *).

5) Относительно кражъ со взломомъ и при оружіи и

6) нанесенія ранъ, увѣчья и даже смерти въ ссорѣ и дракѣ, начавшейся безъ наимѣнія нанести смерть, увѣчье или раны:

•Кража со взломомъ и кража при оружіи хотя бы вѣщи, стоящей нѣсколькоихъ копѣекъ, наказывается по вашимъ законамъ (Улож. ст. 1647, 1653, уст. о наказ. налаг. мировыми судьями 169) несравненно строже, чѣмъ простая кража предметовъ, стоящихъ сотни рублей и составляющихъ все имущество горца. Запачканіе взлoma и оружія, какъ обстоятельство, увеличивающихъ въ такой степени вину подсудимаго, для горца непонятно. Способъ постройки жилищъ горцевъ (преимущественно плетневыхъ) дѣлаетъ взломъ весьма не затруднительнымъ и совершение его, не требуя усилий, не вполнѣ доказывается въ совершившемъ высокую степень злой воли. Оружіе, въ особенности кинжалъ, составляетъ необходимую принадлежность костюма горскаго. Идучи за кражу, онъ надѣваетъ кинжалъ по тому-же побужденію, по которому надѣваетъ черкеску, папаху: онъ одѣвается, находя неудобными идти на кражу не одѣтымъ. Кражъ безъ оружія у горцевъ не бываетъ. Кражи со взломомъ и кражи при оружіи, равно какъ и нанесеніе ранъ, увѣчья и даже смерти въ ссорѣ или

*) Съ изъятіемъ этихъ дѣль изъ вѣдѣнія горскаго словеснаго суда, взглянь на освидѣтельствованіе женщинъ нѣсколько же измѣнился и лучшимъ доказательствомъ тому можетъ служить то обетолтельство, что со времени подчиненія дѣль о растѣніи окружному суду, ни одной жалобы на совершение этого преступленія не поступало, хотя было нѣсколько дѣль въ производствѣ обѣ убийствъ и пораненіяхъ, причиною которыхъ было обезечение женщинъ такого рода.

въ дракѣ, случайно начавшейся, встречаются весьма часто въ средѣ горскаго населенія и составляютъ болѣе $\frac{3}{4}$ всѣхъ преступныхъ дѣйствій этого населенія. При свойственной горцамъ пылкости характера и наклонности прибѣгать къ оружию при всякомъ случаѣ, дозволеніе носить оружіе невольно вовлекаетъ горца въ это преступленіе. Драки съ оружиемъ въ рукахъ составляютъ обыденное явленіе въ жизни горцевъ; поэтому и слышатъ у нихъ обычай, весьма точно, до мелочей, опредѣляющій отвѣтственность, какъ за нанесеніе смертельныхъ ранъ, такъ и за лишеніе и поврежденіе каждого члена въ цѣломъ или части его. По обычаю, виновный отвѣтствуетъ главныи образомъ имуществоомъ своимъ. Удовлетвореніе потерпѣвшаго имущественнымъ вознагражденіемъ стоитъ всегда на первомъ планѣ; личная же уголовная отвѣтственность, которой подвергается сверкъ того виновный, имѣть въ глазахъ горца второстепенное значеніе. Опредѣляемое же нашими законами взысканіе, подвергая виновнаго личной, по преимуществу уголовной, отвѣтственности, не имѣть въ виду примирить его, цѣною материальныхъ пожертвованій, съ потерпѣвшимъ и потому не удовлетворить посльдняго.

Хотя всѣ эти дѣла и подлежать вѣдѣнію горскихъ словесныхъ судовъ, но не безусловно, и лицу потерпѣвшему отъ преступленія предоставлено право, до назначенія дѣла къ разбору въ горскомъ судѣ, просить, чтобы дѣло его было разсмотрѣно въ окружномъ судѣ. Этимъ правомъ ингушки пользуются весьма часто и, какъ кажется, всѣдствіе того, что, во-первыхъ, всѣ существовавшіе у нихъ обычай значительно урѣзаны въ разиѣрѣ денежныхъ вознагражденій, — напримѣръ, всѣ вторыя платы, за безчестье и на угощеніе, въ послѣднее время почти не назначаются, — а во-вторыхъ, горскій судъ налагаетъ тѣ-же наказанія, какъ и окружной судъ.

Ингушки, какъ народъ смѣшанный, изъ новаго и смѣшанного порнка судопроизводства по этимъ дѣламъ, хорошо уразумѣли, что горскій судъ, утративъ значеніе суда по обычай, — по личному составу своему, не даетъ гарантій къ правильному решенію ихъ дѣлъ по закону и потому, естественно, они стремятся перенести свои дѣла въ окружной судъ. При этомъ послѣдній судъ вытѣднѣ для ингушъ еще и потому, что при разборѣ дѣла принимаетъ въ основаніе не голый фактъ совершившагося преступленія, а и причины, вызвавшія это преступленіе, смягчающія и увеличивающія вину обстоятельства.

Съ глубокимъ убѣждениемъ, основаннымъ на опыте, могу съюко увѣрять, что ингушки съ чрезвычайнымъ уваженiemъ и довѣрiemъ относятся, какъ къ окружному, такъ и къ мировому суду, гдѣ они весьма часто ведутъ свои дѣла; установлению такого отношенія къ русскому суду способствуетъ главнымъ образомъ прочно установленншееся между ингушами убѣженіе, что этотъ судъ дѣйствуетъ вполнѣ беспристрастно. Какъ-бы ни былъ ингушъ увѣренъ въ честности своихъ выборныхъ судей, какъ-бы онъ ни уважалъ этихъ людей, но въ недовѣрчивой душѣ его всегда найдется мѣсто для сомнѣнія, такъ-какъ въ рѣдкихъ случаяхъ эти суды не являются родственниками, familialными или пріяжными братьями, свойственниками или пріятелями одной или даже обѣихъ таждущихъ сторонъ. Безъ всякихъ другихъ поводовъ, этого слишкомъ достаточно, чтобы заподозрить дѣйствія своихъ судей.

Вследствіе всего этого въ ингушахъ весьма замѣтно проявляется стремленіе поскорѣе кончить съ переходнымъ состояніемъ своей судебной части и подчиниться дѣйствію общаго закона.

Невыгода горскаго словеснаго суда для ингушъ заключается еще и въ томъ, что подсудимый, въ иныхъ случаяхъ, долженъ подвергаться заразъ двумъ взысканіямъ: обычай налагаетъ денежное, а общій законъ, который обязательенъ для горскаго суда независимо отъ обычая, личное наказаніе. Привожу самый простой примѣръ такой двойственной ответственности: ингушъ похищаетъ дѣвушку, при самыхъ наименьшихъ отягчающихъ обстоятельствахъ, т. е. съ согласія самой похищенной, не причинивъ этимъ никакихъ материальныхъ потерпъ для потерпѣвшей стороны, и при поступлениі этого дѣла въ горскій судъ подвергается денежному взысканію въ пользу родственниковъ похищенной 50 руб., 50-ти же рублевому штрафу—по обычай и затѣмъ приговаривается къ тюремному заключенію отъ 4-хъ до 8 мѣсяцевъ—по общему закону, тогда-какъ при разборѣ этого дѣла въ окружномъ судѣ обвиняемый подвергся бы только послѣднему наказанію, т. е. заключенію въ тюрьму.

Такого рода дѣль въ горской судебной практикѣ встречается очень много и горскій судъ не вправѣ игнорировать обычай или общій законъ, такъ-какъ § 52 означенныхъ временныхъ правилъ ясно указываетъ, что, при решеніи дѣль уголовныхъ, судъ (горскій) опредѣляетъ по совѣсти—степень виновности обвиняе-

маго, по обычаю — количество вознаграждения (замѣтте — не убытокъ), слѣдующаго потерпѣвшему отъ преступленія, и по закону — слѣдующее виновному наказаніе.

Такимъ порядкомъ, учрежденіе горскаго суда, кажущееся на первый взглядъ уступкою малоразвитому и небѣжественному народу, является не снисхожденіемъ, а напротивъ, болѣе строгимъ преслѣдователемъ всяаго преступленія.

Кромѣ упомянутыхъ выше 6-ти видовъ уголовныхъ преступлений, къ вѣдомству горскаго словеснаго суда отнесены всѣ уголовные проступки, означенные въ Уст. о наказ., налагаемыхъ мировыми судьями, всѣ гражданскіе иски, отнесенные по 29 ст. уст. гражд. судопроизв. къ вѣдомству мирового судьи, за исключеніемъ исковъ, подвѣдомыхъ аульнымъ судамъ, на основаніи положенія обѣ этихъ судахъ, и, наконецъ, иски, превышающіе власть мирового судьи и отнесенные уставомъ гражд. судопроизв. 20 ноября 1864 года къ вѣдомству окружного суда, на сумму не свыше двухъ тысячъ рублей: 1) по долговымъ обязательствамъ, по обязательствамъ, обеспеченнымъ залогомъ недвижимаго имущества, и о правѣ собственности на недвижимыя имущества, когда иски не основаны на формальномъ актѣ, и 2) о наследствѣ, о раздѣлѣ наследства и спорахъ наследниковъ, какъ между собою, такъ и противъ дѣйствительности духовныхъ завѣщаній, составленныхъ по горскимъ обычаямъ.

Эти послѣдняго рода иски, превышающіе власть мирового судьи, отнесены къ вѣдѣнію горскаго словеснаго суда, въ виду слѣдующихъ соображеній: 1) что долговые обязательства, даже обеспеченные залогомъ недвижимаго имущества, совершаются у горцевъ или письменно, на дому, съ приложеніемъ, вѣсто подписи, *мухура* (печати) или чернильного знака пальца лица, дающаго обязательство, или словесно, въ присутствіи свидѣтелей; а такого рода обязательства, въ случаѣ отрицанія ихъ должникомъ, были-бы признаваемы окружнымъ судомъ недѣйствительными и отказъ во изысканіи по нимъ могъ имѣть послѣдствіемъ банкротства и упадокъ частнаго кредита, вызывая ропотъ и неудовольствія; 2) что у горцевъ, за исключеніемъ немногихъ, владѣющихъ болѣе или менѣе значительными участками земли, поземельная собственность состоить изъ небольшого клочка земли, на которую у нихъ, большую частью, не имѣется никакихъ документовъ и потому веденіе этихъ дѣлъ въ окружномъ судѣ было-бы

почти невозможнымъ и неизбѣжныя на веденіе иска издержки могли бы превышать сумму иска; 3) что дѣла о наслѣдствѣ вообще решаются у магометанъ на основаніи шариатскихъ постановлений и этотъ порядокъ отчасти допускается и нашимъ законодательствомъ, такъ-какъ ст. 1338 т. X ч. I допускаетъ раздѣль имущества, оставшагося послѣ магометанъ, производить по ихъ закону.

Подсудность исчисленныхъ дѣлъ, какъ уголовныхъ, такъ и гражданскихъ, предоставлена горскому суду лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда тяжущіяся стороны принадлежатъ къ горскому населенію; но коль скоро въ дѣлѣ замѣшаны лица, не принадлежащія къ этому населенію, или нарушены права этихъ лицъ, то дѣла въ этихъ случаяхъ изъемлются изъ вѣдѣнія горскаго суда.

XIV.

Вся житейская обстановка ингушъ, по преимуществу нерадостная и жалкая, ихъ прошлое, развивавшее лишь кровавые инстинкты, и вообще жизнь, не имѣвшая большого значенія въ глазахъ ихъ, заставила не особенно дорожить этимъ высшимъ даромъ природы. Поэтому убийства и пораненія между ингушами даже теперь, когда имъ воспрещается ношение оружія, случаются весьма часто, а въ прежнее и недавнее время это явленіе было положительно повседневнымъ.

Ингушки, какъ люди страстнаго и горячаго темперамента, до такой степени раздражительны, самолюбивы и мстительны, что не только какая-нибудь крупная обида, какъ убийство или пораненіе родственника, отбитіе жены или невѣсты, но и самая мелочная насыпка, название какимъ-нибудь смѣшнымъ именемъ или предметомъ, отказъ дать табаку ва папироску и всякий пустой споръ весьма легко вызываютъ ингуша на убийство или пораненіе обидчика или противника. Если ингушу, въ пылу раздраженія, не удалось сдѣлать вреда противнику, то онъ затаетъ злобу и непремѣнно отомстить рано или поздно: подкрадется къ саамъ обидчика и выстрѣлитъ къ нему въ окно, подожгетъ сарай, хлѣбъ или сѣно, подрѣжетъ у скота жилы, обрѣжетъ у лошади хвостъ

или украдетъ лошадь, быка, корову. Противу действительныхъ, кровныхъ враговъ, ингушъ становится еще ожесточеннѣе и тутъ уже прибѣгаеть ко всевозможнымъ уловкамъ и хитростямъ, чтобы заманить куда-нибудь своего врага, подкараулить его и самымъ коварнымъ и безопаснымъ для себя способомъ убить его; для этого онъ готовъ прибѣгнуть къ подкупу и даже, какъ видѣли мы выше, сдѣлаться на время другомъ и присаженнымъ братомъ. Ингушъ, чуждый благородства и незнакомый съ величествиемъ, не считаетъ за бесчестье и низость напасть на безоружнаго, убить слабаго и даже зарѣзать соннаго.

При всей своей злопамятности и жаждѣ къ мести, въ ингушахъ тѣмъ не менѣе замѣтно просвѣчивается жалкая, низкая и подлая трусивость. Несколько гордъ и храбръ, цовидимому, ингушъ, когда ему удается убить или ранить своего врага, безъ опасности для самого себя, настолько-же унизителенъ, малодушенъ и гадокъ, когда онъ попадеть въ свои собственные сѣти и помѣняется съ врагомъ ролями. Малѣйшая царапина, сдѣланная врагомъ, или только выраженіе попытки къ этому со стороны послѣдняго, заставляетъ попавшаго въпросакъ снимать шапку, низко кланяться и молить врага о пощадѣ или, при малѣйшей возможности, убѣгать отъ него самымъ позорнымъ образомъ. И совершивъ даже удачно задуманное преступленіе, онъ торопится скопрѣе укрыться подъ покровительство какого-нибудь влиятельного человѣка или спѣшитъ явиться съ повинною къ начальству и просить послѣднее засадить его подъ арестъ. Чаше-же, совершивъ преступленіе въ засадѣ, коварнымъ образомъ и наединѣ, ингушъ, несмотря ни на какія доказательства и улики, съ самыми поразительными и непонятными упрямствомъ отрицаеть свою виновность. Наглость, лживость, изворотливость и желаніе во что бы то ни стало выгородить себя отъ ответственности, доводитъ ингуша до того иногда, что онъ, пойманый при совершении преступленія, съ оружиемъ въ рукахъ, какъ ни въ чемъ не бывало отрицаеть и совершенный имъ фактъ преступленія и даже то, что у него было въ рукахъ то оружіе, которое отобрано отъ него.

Собственное сознаніе ингушъ въ совершеніи какого-либо преступленія бываетъ феноменально рѣдкимъ явленіемъ, да и въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ онъ направляетъ все свое умѣнье лгать, чтобы изобразить дѣло въ самомъ невѣроятномъ видѣ и сдѣлать изъ себя не обвиняемаго, а потерпѣвшаго человѣка.

Не смотря на хвастовство ингушъ свою превозмущую храбрость, на прославление этой храбрости и ингушскихъ доблестей въ пѣсняхъ ихъ дѣвицемъ, на одинъ изъ нихъ не стакетъ открытою грудью передъ опасностью, никогда не нападать на другого при одинаковыхъ щенсахъ опасности, ограничиваясь въ этомъ случаѣ лишь тѣмъ, что, важно подбоченившись, проѣдетъ мимо врага, и если неизбѣжно долженъ столкнуться съ ними, то всегда торопится предупредить противника выстрѣломъ или ударомъ кинжала, — словомъ, шагуши, какъ и вообще горцы, далеко не такие отважные рыцари и герои, какими ихъ изображали въ когда-романы.

Частые случаи убийствъ и перебоевъ у ингушъ выработали въ этомъ отношеніи довольно точные и подробные обычаи и очень общирную квалификацію этого рода преступленій, особенно въ дѣлахъ пораненія.

Всѣ дѣла ингушъ раздѣляются по обычая: на кровамя, къ которымъ относятся убийство, нанесеніе ранъ, изнасилованіе; нарушение женой супружеской вѣрности и увозъ жены и невѣсты, искося, къ разряду которыхъ принадлежать дѣла по разнымъ обязательствамъ и заемамъ, вражда и другіе виды тайного и открытаго похищенія или порчи и истребленія чужой собственности, и брачныя, т. е. о заключеніи и растрорженіи брака, о личныхъ и имущественныхъ правахъ, изъ брака вытекающихъ, о законности рожденія и о наследствѣ.

Дѣла первыхъ двухъ рубрикъ решаются общимъ присутствіемъ горскаго человеснаго суда по адату, а по сдѣлкамъ, т. е. дѣла брачныя — по шаріату и изъ нихъ бракоразводныя решаются единолично кадемъ, на основаніи шаріатскихъ постановленій.

Всѣ обычай ингушъ направлены на материальное вознагражденіе потерпѣвшихъ и, за исключениемъ дѣлъ кровныхъ, т. е. по убийствамъ, на обвиняемаго не возлагаютъ никакихъ личныхъ карательныхъ взысканій. Только въ дѣлахъ по убийствамъ, какъ увидимъ сейчасъ, обычай даетъ право роднымъ убитаго лишить жизни обвиняемаго. Въ настоящее время безнаказанное примиѳненіе этого обычая не допускается и виновный въ этомъ подвергается наказанію по общимъ законамъ, какъ за предумышленное убийство.

За убийство полная кровная плата полагается въ 130 копровъ за мужчину и 120 за женщину; но, по ингушскому обычай, убийство не искупаются этою платою: она служить только какъ таихити нормы при определеніи вознагражденія за нанесеніе

речь. Съ-тѣхъ-поръ какъ виновные въ убийствѣ стали и лично за это ответственные, эта плата назначается горожанъ судомъ. За всякое же убийство, какъ нечаянное, такъ и намѣренное, убийца въ ингушскомъ обществѣ обязанъ заплатить двѣнадцать похоронныхъ коровъ — *хѣламъ*^{*)} и затѣмъ преслѣдуется кровною местью, распространяемою на его родныхъ братьевъ, дѣлъ и племянниковъ съ мужской линіи.

Если убийца, по совершеніи преступленія, преслѣдуемый родственниками убитаго, спасется у кого-либо въ сакль,—гостепріимство, подъ страхомъ потери общественнаго уваженія и непримиримой вражды спасающагося и его родственниковъ, налагаетъ на хозяина сакли священную и непремѣнную обязанность оказать убийцѣ, какъ гостю, ищущему покровительства, защиту и благополучно доставить виновнаго къ его родственникамъ. За оказаніе такого гостепріимства обычай налагаетъ на покровителя, принявшаго подъ свою защиту гостя—убийцу, уплатить родственникамъ убитаго двѣнадцать «покровительствующихъ» коровъ—*мегри кал-шарваккаръ*, т. е., врага спасшихъ — немедленно или представить надежныхъ поручителей въ томъ, что эта плата будетъ внесена въ назначенный срокъ. Тогда только родственники убитаго, осаждающіе гостепріимную саклю и требующіе отъ хозяина ея выдачи скрывшагося кровника, расходятся по домамъ.

Обычай покровительства спасающимся кровникамъ до такой степени былъ высоко читъ ингушами, что нерѣдко бывали приныры, что хозяинъ, принявший убийцу, жертвовалъ своею собственной жизнью для защиты принятаго имъ человѣка.

Преслѣдованіе кровника и спасеніе его въ какой-нибудь сакль представляетъ очень своеобразное и характерное зрелище, отличающееся общимъ говоромъ, безтолковымъ шумомъ, дикими и грозными криками мужчинъ, воплями женщинъ и дѣтей, отчаянно бранью, угрозами и частыми выстрѣлами въ саклю, гдѣ укрылся преслѣдуемый. Самое дѣятельное и едва ли не большее участіе въ защитѣ спасшагося кровника принимаютъ женщины и особенно родственницы осаждаемаго, если онъ успѣютъ къ нему на помощь. Вооружившись палками, ножами и длинными хворостинами, женщины занимаютъ позиціи у дверей и оконъ сакли, гдѣ скрылся преслѣдуемый, и съ ожесточенными,

^{*)} Похоронные коровы полагаются по обычаю всѣ тельные, каждая въ дѣвъ отъ 12 до 13 руб.

оглушительными криками и воплями съюло отражаютъ написки осаждавшихъ, награждая ихъ при этомъ куда ни попало ударами палокъ и самою отборною, цинической бранью. Въ этихъ случаяхъ женщины неприкосновенны и вполнѣ гарантированы отъ такого-же нападенія на нихъ со стороны мужчинъ, такъ-какъ не обычай считается болѣшимъ стыдомъ для мужчинъ ударить чѣмъ-нибудь женщину и въ особенности камнемъ-или будь оружиемъ.

12-ть похоронствующихъ коровъ убійца, въ свою очерь, обязаныъ возвратить привнесшему его подъ свою защиту.

Если въ убійствѣ участвовало иѣсколько человѣкъ, то похоронная плата въ 12 коровъ разлагается по ровнымъ частямъ на всѣхъ виновныхъ и каждый изъ нихъ считается кровникомъ по годичной очереди, назначаемой жребіемъ. Отомщеніе, сдѣланное одному изъ кровниковъ, участвовавшихъ въ одномъ убійствѣ, освобождаетъ всѣхъ остальныхъ отъ дальнѣйшаго кровнаго преслѣдованія. Если кто-либо изъ участниковъ такого общаго преступленія, подъ какимъ-нибудь предлогомъ, не признаетъ себя виновнымъ въ убійствѣ, то обычай предоставляетъ право остальнымъ виновнымъ или отвести отъ ответственности этого отказывающагося отъ участія въ убійствѣ своего товарища, или уличить его въ этомъ присягой съ 18-ю присяжными.

Убійца—кровникъ, или кто-либо изъ его родныхъ братьевъ, яцей и племянниковъ, которые также считаются кровниками, можетъ подвергнуться убійству во всякий моментъ, но съ тѣмъ только условіемъ, что если это отомщеніе воспослѣдуется раньше года содня совершенного убійства, то 12 похоронныхъ коровъ возвращаются родственникамъ отомщенаго кровника. Изъ этого видно, что ингушскій обычай предоставлялъ кровнику купить право на годъ жизни за двѣнадцать коровъ; покупка эта была обязательна, а неустойка съ противной стороны возвращала только взысканную плату.

Похоронная плата, т. е. 12 похоронныхъ коровъ, за убійство кровника не взыскивается.

За подводъ словомъ или дѣломъ къ убійству, съ виновнаго въ этомъ взыскивается плата въ двѣнадцать «подводныхъ» коровъ — мота барна, т. е. указывающихъ; но кровникомъ втотъ пособникъ убійства не считается.

Если кто-либо убить въ своемъ собственномъ домѣ или у себя во дворѣ, то не виновнаго, кроме похоронной платы, обы-

чай налагаетъ еще плату въ двѣнадцать коровъ за безчестье дво-
ра—*коу даккара*.

Если убийца, во время совершения имъ кроваваго преступ-
ленія, ранить свою жертвою или впослѣдствіи будетъ ранить
родственниками убитаго, то за эти раны никакой платы кровнику
не полагается; но если, въ отомщеніе этому кровнику, будетъ
убить кто-либо изъ родственниковъ его, тогда убийца, т. е. кров-
никъ, освобождается отъ кровной мести и по обычаямъ должень
получить плату за раны, нанесенные ему при упомянутыхъ об-
стоятельствахъ.

Этотъ послѣдній обычай, направляя месть на самого убий-
цу, имѣть въ виду предохранить его неповинныхъ родствен-
никовъ отъ мести, которая, не смотря на свое кипучее наступ-
ление и дикие порывы, не мало сдерживается этимъ обычаемъ, въ-
лекущимъ за собою материальная потери. Съ послѣднимъ обстоя-
тельствомъ неразрывно связанъ еще и тотъ обычай, который,
при разборѣ кровныхъ дѣлъ, оставляетъ безъ взысканія всѣ дол-
ги и денежная обязательства по отношенію къ убийцѣ впредь до
воспослѣдованія отмщенія за кровь. Такимъ образомъ обычай,
предоставляя право мести, въ тоже время и обуздывалъ это пра-
во материальными лишеніями, неизбѣжно слѣдовавшими за отомще-
ніемъ не прямо кровнику.

Если совершившій убийство сниметъ съ убитаго оружіе, или
унесетъ его платье, или же скроетъ тѣло убитаго имъ, лишивъ
его своевременныхъ похоронъ, и вообще если убийца какимъ-ни-
будь образомъ обезчеститъ трупъ убитаго или человека, то, кроме
двѣнадцати похоронныхъ коровъ, виновный платить еще двѣнад-
цать коровъ за оскорблепіе тѣла—*цеэтта даккара*.

Итакъ, нерѣдко случается, что убийца, кроме неизбѣжной
опасности быть убитымъ своими кровниками, подвергается довольно
высокой приплатѣ: двѣнадцать похоронныхъ коровъ, двѣнад-
цать за оказанное ему покровительство, столько-же за безчестіе
двора и двѣнадцать коровъ за обезчещеніе тѣла, всего сорокъ во-
семь коровъ. Хотя кровная вражда должна прекращаться убий-
ствомъ за убийство, но на самомъ дѣлѣ, большую частью, убий-
ство влечетъ за собою цѣлый рядъ особыхъ убийствъ съ обѣихъ
сторонъ. Даже отомщеніе за кровь рѣдко дѣлается открытой си-
лой. Сдѣлавши убийство, ингушъ принимаетъ всевозможныя мѣры
скрыть его, чтобы избѣгнуть мести или чтобы за кровь своего
родственника загубить двухъ, трехъ и сколько возможно больше

человѣкъ. Кроме того, разраженный кровью не разбираетъ степени родства между членами враждебной и непримиримой ему фамиліи; онъ первымъ убиваетъ самого дальн资料а родственника убийцы, кто только попадется подъ его метательную руку. Случается даже, что родственники убитаго, ослепленные ненавистью враждебно къ своимъ кровинамъ и отуманенные пролитою кровью, убиваютъ совершенно невинного человека, ошибочно представивъ его за родственника убийцы. Такимъ образомъ кровная месть подводитъ подъ удары самыхъ дальнихъ родственниковъ убийцы и даже людей постороннихъ; изъ вранды двухъ семействъ возникаетъ уже вранда двухъ фамилій. Часто родственники убитаго, отомстивъ за смерть, въ свою очередь преслѣдуютъ родственниками отомщенаго, на томъ основаніи, что одинъ убитый былъ лучше другого: храбрѣй, почтѣвѣй, что жизнь первого дороже жизни второго и т. д. въ подобномъ родѣ. Съ обѣихъ сторонъ падаетъ нѣсколько жертвъ; кровная вранда переходитъ въ цѣлья поколѣнія.

До 1862 года у насъ существовалъ еще следующий оригинальный обычай, налагавшій ответственность въ случаѣ убийства или напорно-нибудь поврежденія здоровью на непокинутыхъ въ томъ лицѣ:

Если чья-либо баранта или скотъ паслись на горахъ и отъ этого случайно свалился внизъ камень и убилъ кого-нибудь проходившаго или бывшаго внизу человека, то хозяинъ баранты или скота обязанъ быть вознаградить за это родственниковъ убитаго. Точно также опредѣлялось взысканіе съ хозяина лошади, которая убила человека, съ хозяина оружія, если его оружиемъ было убить чье-нибудь. Въ этихъ послѣднихъ случаяхъ взысканіе налагалось не смотря и на то обстоятельство, съ согласія или безъ согласія владѣльца были взяты лошадь и оружіе. Если, напримѣръ, кто-либо, захвативъ тайно чье-нибудь оружіе или выпросивъ его на время, совершилъ въ убийство или пораненіе, или же нанесъ имъ умышленно или случайно себѣ поврежденіе, то хозяинъ оружія подвергался ответственности; разнымъ образомъ, если безъ вѣдома кого сидѣуетъ была взята лошадь и виноватъ ее упалъ съ нея и убился или ударила его складъ, то стѣчка также хозяина послѣдней.

Въ этихъ случаяхъ обычай налагалъ взысканіе съ непокинутаго хозяина оружія или лошади за убийство полковничую промытую плату; но въ сущности плата эта никогда не вносилась, такъ

какъ родственника убитаго или получившій поврежденіе удовлетворялись какимъ-нибудь подаркомъ, въ видѣ лошади, быка, воровы, барабанъ или денегъ и сдѣланніемъ изъ угощеніемъ. Такой обнажаемый кровникомъ не считался.

Кровомщеніе имѣло мѣсто даже и тогда, когда убийство совершилось во время бывшихъ военныхъ дѣйствій и было извѣстно, чьи пули поразила противникъ. Эта месть была обычна не только у ногушъ между собою, но даже по отношенію ихъ къ караулакамъ и вообще чеченцамъ и обратно. Въ случаѣ преслѣдованія абрека и убийства его составившими на службѣ ногушами, все преслѣдовавшіе также считались кровниками и старшій изъ нихъ — главнымъ кровникомъ, если не было извѣстно, комъ именно убить абрекъ.

Въ настоящее время за убийство кого-либо, если двѣю поступаетъ въ горскій словесный судъ, полагается плата въ 12 копеекъ и 300 руб.

Кромѣ мести за убийство, которая должна быть властъ предъѣзда кровной вражды, у ногушъ бывали случаи, хотя и очень рѣдкіе, что родственники убитаго прощали и мирились съ своимъ кровникомъ. Вымѣнять это прощеніе у ногушъ есть два способа. Первый способъ заключается въ томъ, что кровникъ, отреставрировавъ волосы на головѣ и бороду, безъ оружія, въ извѣрванномъ плаѣтѣ, съ блѣдными и похудѣвшими лицами и вообще съ видѣвшимъ видомъ, соответствующимъ предстоящему трагическому моменту, отправляется на могилу убитаго или человека и даетъ яснѣть родственникамъ его, отъемъ, что онъ, кровникъ, помѣный отчаянія, съ повинной головой, съ разбитымъ сердцемъ и жгучими слезами на глазахъ, лежитъ на корогой или могильѣ, вымаливая у аллаха прощеніе тяжелыи грѣхамъ своихъ и отдавая себя, беворужнаго и жалкаго человѣка, въ полное ихъ распоряженіе.

По обычаю, стыдно отказать такой смиренной и униженной просьбѣ, тѣмъ болѣе, что въ этихъ случаяхъ толпа людей, а въ числѣ ихъ и почетные старики, собравшись подворь хозяина, у втораго кровника вымаливаютъ прощеніе, общимъ говоромъ убѣждаясь смиренности на просьбу кающагося и, при упорствѣ первого, прямо объявляютъ ему, что всѣ нынѣшніе не оставятъ его дворо до-тѣкъ-поръ пока онъ не даруетъ смиренному и униженному кровнину прощенія. Постѣднія угрозы между прочими увѣщающими представляютъ самое лучшее и дѣйствительное средство къ дости-

илю цѣли, ибо материальные расчеты пересиливаютъ упрямство и злобу, представляя въ перспективѣ необходимость питать голодную толпу, если она приведетъ въ исполненіе угрозу остататься на дворѣ. Чаще всего кровный врагъ, провѣдавъ о замыслахъ своего кровника, скрывается изъ своего дома на нѣсколько дней, въ надеждѣ наскучить просащему кровнику своимъ долгами отсутствіемъ, и тогда принимаются всѣ мѣры для его розысканій. Самое большое сопротивленіе къ примиренію въ этихъ случаяхъ оказываютъ женщины, родственницы убитаго, которая действуютъ и мольбой и бранью на своихъ мужей, братьевъ и другихъ родственниковъ, чтобы только не допустить ихъ простить кровнику. Бывали случаи, что укримство превозмогало всѣ просьбы и материальные расчеты и кровникъ долженъ былъ удалиться съ могилы убитаго иль, не прощеный. Этакій исходъ дѣла возбуждалъ между кровниками еще болѣе диную и звѣрскую вражду. Если же примиреніе состоялось, то прощеный кровникъ давалъ большое угощеніе престигшему и вообще родственникамъ убитаго; часто это примиреніе завершалось присяжнымъ братствомъ⁴⁾.

Другой способъ къ примиренію — молочное родство: кровинъ, дотронувшись губами до обнаженной груди матери убитаго иль, становится молочнымъ братомъ покойника и его братьевъ и, следовательно, какъ родственникъ, не подлежитъ уже преслѣдовавшю за пролитую имъ кровь. Достигнуть примиренія этимъ способомъ бываетъ чрезвычайно затруднительно, такъ-какъ при этомъ требуется величайшая тайна и осторожность, ибо дотронуться до груди матери убитаго возможно только при случайныхъ и благопріятныхъ для кровника обстоятельствахъ и всегда насилино. Само-собою разумѣется, что для совершенія такого дѣйствия требуется посторонняя помощь и содѣйствие.

Оба описанные способа примиренія кровниковъ между ингушами практикуются весьма рѣдко, такъ-какъ, по понятію ихъ,

⁴⁾ Заключеніе присяжного братства состоится изъ слѣдующаго обряда: въ стаканъ, чашку или вообще какую-нибудь посуду для питья, наливается какой-либо напитокъ: буза, пиво или врака, а за неимѣніемъ этого даже и молоко; одинъ изъ принимающихъ братство кладется въ посуду серебряная монета и затѣмъ посуда передается тому, кто не положилъ денегъ; стаканъ не-кого изъ этой посуды, послѣдний передаетъ ее первому, и таъже посуда не-переходить нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки, пока не кончится напитокъ. Затѣмъ положенную въ посуду монету беретъ себѣ тотъ, кто не клалъ ея, — и братство заключено.

оба эти способа не соответствуют характеру и достоинству мужчины, уважая его.

У ингушъ быть обычая для разбора дѣлъ обѣ убийствъ сына или дочери отцомъ или матерью и обратно, мужа женой и обратно, если у послѣднихъ есть сынъ. Если же у убитой жены быть сына, то родственники ея могутъ требовать назначения убийцы по кровному обычаяу. Въ вышеизложенныхъ дѣлахъ не существуетъ карающего обычая на томъ основаніи, что ответственность за совершенное преступление остается въ кругу семейства, а естественно, никто не можетъ быть врагомъ самому себѣ.

Стремленіе ингушъ всѣми возможными средствами выгородить себя отъ ответственности, скрытность и лживость ихъ часто представляются для суда недолимымъ препятствіемъ при разборѣ ихъ кровныхъ дѣлъ. Въ виду этого, всѣ обстоятельства, наводящія сомнѣніе, и допускающія лишь возможность совершеннія подозриваемымъ лицомъ данного преступленія, не признаются горскими судомъ въ дѣлахъ кровныхъ, отъ коихъ такъ-сказать зависятъ жизнь и смерть обвиняемаго; въ такихъ дѣлахъ требуются ясные и несомнѣнныя доказательства. Кровавыя дѣла ингушъ, по большей части, замаскированныя туземною изворотливостью и баснословнымъ вымысломъ, представляютъ при разборѣ до обычаяу тѣмъ болѣе непреодолимую трудность, что присяга, какъ обвиняющій юридический фактъ, весьма рѣдко допускается въ подобнаго рода дѣлахъ и считается исключеніемъ изъ общаго обычнаго права. Подобная исключенія ингушской обычай терпитъ лишь въ такихъ только случаяхъ, когда, напримѣръ, есть доказательства, что убитый наказанъ или въ день смерти былъ въ гостяхъ у обвиняемаго, или встрѣтился съ нимъ на дорогѣ, или въхалъ вмѣстѣ изъ какого-нибудь аула и между ними или ихъ родственниками существовала до того за что-нибудь вражда, и тому подобный сильно обвиняющія обстоятельства. Въ такихъ только случаяхъ горскій судъ, сообразивъ всѣ обстоятельства дѣла, предоставляетъ подозрѣнному въ убийствѣ известный срокъ для разыска дѣйствительнаго убийцы. Если въ этотъ, опредѣленный судомъ, срокъ подозрѣваемый въ убийствѣ не найдеть другихъ виновныхъ, кровная ответственность, со всѣми ея послѣдовательностями, налагается на него; въ противномъ случаѣ, т. е. когда подозрѣваемый укажетъ на виновныхъ, ему назначается присяга, съ 18-ю присяжниками изъ его-же фамиліи, заслуживающими довѣрія въ обществѣ и хорошими хозяевами, скѣдующаго содержанія: «такого-то

убили также-то». Указаны подъ присягою виновныи, въ свою очередь, предоставается право, если могутъ и пожелають, съ 18-ю-же присяжниками, подъ присягой указать на обвинителя своего или на кого-либо другого, какъ на соучастника сдѣланнаго имъ преступленія. Цѣль этой присяги — открыть всѣхъ участвовавшихъ и возложить на нихъ кровную плату по ровнымъ частямъ.

Весьма частымъ явлењемъ у ингушъ бываетъ покушеніе на жизнь, выражющееся тѣмъ, что неизвѣстный врагъ, подкравшись въ глубокую полночь къ сакиѣ своего недруга, стрѣляетъ въ окно по направлению къ тому мѣсту, где предполагаетъ спящимъ человѣка, на жизнь котораго покушается. Въ большинствѣ случаевъ эти покушенія не достигаютъ цѣли и потому мѣстный обычай для этого вида преступленія не выработалъ опредѣленныхъ и точныхъ правилъ; но въ тѣхъ случаяхъ, когда виновный былъ пойманъ или уличенъ въ содѣянномъ имъ покушеніи, обычай налагалъ на него плату, равнующуюся 12 коровамъ.

Въ настоящее время эти дѣла, какъ указывающія на заранѣе обдуманный умыселъ совершилъ преступленіе, составляютъ предметъ разбора окружнаго суда.

XV.

Чаще всего между ингушами бываютъ пораненія, особенно замѣтныи было это явлење прежде, когда ингуша имѣли постоянно при себѣ оружіе. Всій пустычный споръ, всякая мелкая обида, какъ видѣли мы выше, заставляла ингуша браться за оружіе. Слишкомъ частая практика такого рода дѣлъ дала возможность мѣстному обычай до подобныхъ мелочей опредѣлить, какъ степень поврежденій, такъ и размѣръ вознагражденія за эти поврежденія.

Дѣла о напасеніи раны не принимаются горскимъ словеснымъ судомъ къ разбору, пока раны, какъ выражаются ингушки, можутъ, или, другими словами — покуда раны не заживлены и ясно не обнаружены всѣ послѣдствія и степень діїнія ихъ на здоровье потерпѣвшаго.

Какан бы ни была рача, время судебнаго разбирательства

Порядокъ

обыкновенно полагается черезъ годъ. Прежде всего виновный обязанъ доставить раненому мѣрку пшеницы, или, взамѣнъ ея, одинъ рубль и барана, большого или малаго, смотря по ранѣ, т. е., если рана сильная — большого барана, а если рана незначительная — малаго барана; и посыпаетъ доктора — извѣстнаго знахаря, которому немедленно дается два рубля серебромъ, а по излеченіи раненаго, сообразно труду, который сопровождалъ практику доктора, опредѣляется ему съ каждой назначеннай въ плату за разы коровы по одному большому барану или по одному рублю; если же пациентъ его умретъ, то никакой платы, кромѣ двухъ рублей, данныхъ въ началь, онъ не получаетъ. Назначеніе обычаемъ первоначальной присыпки пшеницы и барана идетъ на пшну раненому.

Если виновный въ нанесеніи ранъ не доставитъ раненому упомянутаго обычнаго взноса и не дастъ задаточной платы доктору за предстоящи труды его, то горскій судъ, при разбирательствѣ дѣла, включаетъ всѣ издержки по излеченію больного въ число платы за нанесеніе ранъ.

При разборѣ дѣлъ о ранахъ по обычаямъ въ горскомъ судѣ, судъ этотъ не входитъ въ разсмотрѣніе обстоятельствъ, сопровождавшихъ пораненіе, и не принимаетъ на видъ смѣгчающихъ или увеличивающихъ вину обстоятельствъ, а только свидѣтельствуетъ рану и затѣмъ спрашиваетъ потерпѣвшаго о томъ: кто его ранилъ? Если тотъ, на кого укажетъ потерпѣвший, сознается, то судъ опредѣляетъ соответствующую ранѣ плату, а въ противномъ случаѣ, при несознаніи обвиняемаго, допрашиваются свидѣтели и дается присяга раненому съ двумя присяжными въ подтвержденіе заявленнаго противъ извѣстнаго лица обвиненія. При назначеніи обычной платы за раны, если таковыхъ было нанесено иѣсколько одному потерпѣвшему, судъ принимаетъ не каждую рану отдельно и не совокупную степень вреда этихъ ранъ, а лишь одну рану, которая докторомъ и судьями будетъ признана важнейшою.

При обсужденіи свойства ранъ и опредѣленія за нихъ обычной платы, тѣзинное право распредѣляетъ всѣ эти раны по слѣдующимъ частямъ человѣческаго тѣла: 1) верхняя часть головы, прикрытая папахой, 2) лицо, уши и шея (части открытые), 3) часть тѣла, такъ называемое туловище, 4) руки съ подраздѣленіями и 5) ноги съ подраздѣленіями. Сообразно этимъ частямъ человѣческаго тѣла назначается и плата, въ слѣдующихъ размѣрахъ.

1. Въ головныхъ ранахъ:

а) За рану въ голову, съ легкимъ разсѣченіемъ кожи, безъ обнаружения кости, обычай полагаетъ только мировое угоженіе: барана и котель араки *).

б) За рану съ царапиной на черепѣ, требующей очистки ножемъ, или, какъ говорятъ ингушки, за рану, требующую взяться за ножъ хотя бы для самой легкой очистки кости, полагается въ плату три коровы (тельныхъ) и на угоженіе малый баранъ и четыре котла араки.

в) Рана съ раздробленіемъ черепа до второй, по выражению ингушъ, мягкой кости—гнѣжель тахъ, т. е. до твердой мозговой оболочки, оцѣнивается въ пять коровъ (тельныхъ) и назначается для угоженія большой баранъ и шесть или четыре котла араки.

г) За рану съ раздробленіемъ черепа и разсѣченіемъ обѣихъ мозговыхъ оболочекъ до паутинной оболочки, или, какъ говорятъ ингушки, до мозга, но его еще не видно, обычай назначаетъ восемь коровъ (тельныхъ) и на угоженіе большого барана, барашка и шесть котловъ араки или только одного большого барана и тоже количество араки.

д) За раздробленіе черепа съ разсѣченіемъ всѣхъ оболочекъ или, по выражению туземцевъ, когда сразу обнаружится мозгъ, полагается плата въ десять коровъ (тельныхъ) и одного быка съ кускомъ бумажной матеріи, цѣною въ 3 руб., что называется по-ингушски *уст-дери*, или всего двѣнадцать коровъ и на угоженіе опредѣляется два барана: одинъ большой и одинъ малый и шесть котловъ араки.

е) За такія-же раны, нанесенные женщинамъ, полагается та-же плата, но съ тѣмъ, чтобы качество коровъ и другой платы было лучшаго достоинства и сверхъ того прибавляется къ этой платѣ еще какая-нибудь женская одежда: бешметъ, рубаха или головной платокъ. Если-же при нанесеніи удара или раны въ голову женщинѣ и при осмотрѣ поврежденія или при излѣченіи раны встрѣтилась необходимость сбрить часть волосъ на головѣ, то за это, сверхъ означенной платы, виновный долженъ дать потерпѣвшей еще одну корову.

2. Въ лицевыхъ ранахъ:

а) За раны, нанесенные въ открытую часть тѣла, которая,

* Разныи котла араки полагается въ одно ведро.

какъ говорятъ ингушки, на виду и скрыть на ней раны не возможно, т. е. въ лицо,—кромѣ вознагражденія за рану, означеннаго ниже, прибавляется еще плата за оскорблениѳ чести — барчъ; но этотъ барчъ взыскивается въ пользу потерпѣваго только въ тѣхъ случаяхъ, когда плата за самую рану достигаетъ 20 коровъ; при платѣ же ниже 20 коровъ—барчъ не полагается. Плата за раны, превышающая 20 коровъ, которая въ этомъ послѣднемъ количествѣ полагаются всѣ тельные, опредѣляется на половину тельными и яловыми, т. е. если, напримѣръ, назначено всего 30 коровъ, то половина должна быть тельныхъ, а половина яловыхъ.

б) За лишеніе глаза, за отсѣченіе носа и уха и за нанесеніе раны въ щеку, когда послѣдователіемъ этой послѣдней раны является искривленіе частей лица или никогда не заживающая рана, назначается половина человѣческой крови, какъ выражается мѣстный, ингушскій обычай, т. е. 60 коровъ *) и на честь 10 коровъ, всего 70 коровъ; за угощеніе полагается два большихъ барана вечеромъ, одинъ большой баранъ утромъ и 10 котловъ араки.

в) Оцѣнка простыхъ и легкихъ ранъ, нанесенныхъ въ лицо, зависитъ отъ свойства ихъ: есть плата въ 50, 40, 30 и менѣе коровъ; при всѣхъ этихъ ранахъ назначается плата на честь и соотвѣтствующее платѣ угощеніе.

г) Рана въ шею, съ поврежденіемъ горла и послѣдователіями охриплости или потери голоса, оцѣнивается въ 70 коровъ, съ соотвѣтствующимъ этому количеству коровъ угощеніемъ.

3) Въ ранахъ отъ шеи до паховъ:

а) За отсѣченіе руки отъ плеча или отъ локтя и за отсѣченіе кисти полагается 70 коровъ и барчъ и на угощеніе вечеромъ два большихъ барана, утромъ одинъ баранъ и 10 или 8 котловъ араки.

б) За рану въ плечо или около плеча, съ лишеніемъ движенія руки, назначается въ плату всего 70 коровъ съ барчемъ и угощеніе изъ двухъ барановъ вечеромъ, одного барана утромъ и 8 котловъ араки.

в) Рана въ локоть или вблизи локтя, съ лишеніемъ движенія

*) Половина кровной платы составляетъ собственно 63 коровъ, но при расчетѣ половины обычай принимаетъ только 60 коровъ.

руки отъ локтевого сочлененія оцѣнивается въ 46 коровъ, изъ коихъ шесть составляютъ барчъ; угощеніе: два барана и 6 котловъ араки.

г) За рану въ руку, съ лишениемъ движения кисти или пальцевъ, опредѣляется 30 коровъ, барчъ въ четыре коровы и на угощеніе два барана, большой и малый, и 6 или 4 котла араки.

д) Рана въ большой палецъ стоитъ пять коровъ и угощенье одинъ большой баранъ и четыре котла араки; указательный — четыре коровы и угощеніе одинъ баранъ и два котла араки; средний — три коровы, безъимянный — двѣ и мизинецъ — одна корова; за отсѣченіе каждого изъ послѣднихъ пальцевъ полагается на угощеніе одинъ малый баранъ и одинъ котелъ араки. Плата за поврежденіе пальцевъ соразмѣряется со стѣпенью увѣчья и способностью пальцевъ къ дѣйствію.

е) Большой и указательный пальцы называются у ингуштъ хозяйственными; за отсѣченіе ихъ полагается 15 коровъ и барчъ четыре коровы, изъ коихъ десять тельныхъ и девять яловыхъ; угощеніе: большой и малый баранъ и шесть котловъ араки. За отсѣченіе же каждого изъ этихъ пальцевъ отдельно полагается пять коровъ и двѣ коровы въ барчъ.

ж) За отсѣченіе вмѣстѣ трёхъ пальцевъ (не хозяйственныхъ) 15 коровъ и въ барчъ четыре коровы, изъ коихъ десять тельныхъ и девять яловыхъ; угощеніе: большой и малый баранъ и восемь котловъ араки. За отсѣченіе же отдельно средняго пальца четыре коровы, за безъимянный — три коровы, за мизинецъ — двѣ коровы и за каждый барчъ по однѣй коровѣ; изъ числа коровъ, назначенныхъ въ счетъ платы, должны быть три тельныхъ и двѣ яловыхъ за средний палецъ, три тельныхъ и одна яловая за безъимянный и все три коровы тельные за мизинецъ.

з) За отсѣченіе двухъ пальцевъ, изъ коихъ одинъ мизинецъ, полагается шесть коровъ и угощеніе: большой баранъ и четыре котла араки.

и) За рану въ бокъ, съ разсѣченіемъ реберъ и, по выражению туземцевъ, «если выходитъ духъ», полагается десять коровъ (тельныхъ) и уст-дѣри, всего двѣнадцать коровъ: на угощеніе одинъ баранъ и шесть котловъ араки.

и) За рану въ бокъ по ребрамъ, безъ поврежденія ихъ, опредѣляется пять коровъ и на угощеніе одинъ баранъ и четыре котла араки.

к) За такую же рану, съ поврежденіемъ реберъ, но если

ще выходитъ духъ, называется восемь коровъ, изъ коихъ половина тельныхъ, а половина яловыхъ; угощенье: одинъ баранъ и пять котловъ араки.

4) За рану въ грудь или бокъ пулей, прошедшей подъ кожей и не повредившей кости, если разстояніе отъ места входа пули до выхода ея не больше какъ на ладонь или 9 вершковъ, полагается пять коровъ, изъ коихъ три тельныхъ и двѣ яловыхъ; угощенье: большой баранъ и четыре котла араки.

Если разстояніе входа и выхода больше, то, соразмѣрно этому разстоянію, цена не превышаетъ восьми коровъ, на половину тельныхъ и яловыхъ.

и) Если пуля прошла во внутрь — взыскивается десять коровъ тельныхъ и уст-дери, что составляетъ двадцать коровъ; угощенье: большой и малый баранъ и шесть котловъ араки. Если рана такого рода, что приходится развязывать очкуръ при лѣчении раны, то къ платѣ прибавляется еще три барана или 6 рублей серебромъ.

4. Въ ранахъ отъ пояса до ступней;

а) За отсѣченіе ноги отъ таза или отъ колѣна и за отсѣченіе вообще ступни платится 70 коровъ и въ барчъ хорошая лошадь; угощенье: вечеромъ два большихъ барана и утромъ одинъ баранъ и 10 или 8 котловъ араки.

б) За рану въ тазъ или около таза, съ лишениемъ движенія ноги, взыскивается также 70 коровъ, но безъ барча, съ помазутымъ въ пунктѣ а) угощениемъ.

в) Рана въ колѣно или около колѣна, съ лишениемъ движенія ноги отъ колѣна или съ послѣдствіемъ хромоты, стоитъ 40 коровъ и барчъ шесть коровъ; угощенье: два барана и шесть котловъ араки.

г) За рану въ ногу, съ лишениемъ движенія ступни или пальцевъ, полагается 30 коровъ и четыре коровы въ барчъ; угощенье: большой и малый бараны и 6 или 4 котла араки.

д) Пальцы на ногѣ за поврежденія оплачиваются деньги и на рукахъ.

Во всѣхъ лицевыхъ ранахъ и въ тѣхъ, где въ числѣ платы назначается уст-дери (вообще стоящий 15 руб.), полагаются все тельные коровы; во всѣхъ-же другихъ случаяхъ число определенныхъ въ плату коровъ дѣлится по-половинѣ: одна половина

тельныхъ, а другая—яловыхъ; въ нечетныхъ числахъ прѣымаша ющая единица привлѣдывается къ половинѣ тельныхъ коровъ: Цена тельной коровы за рамы опредѣляется въ 8 руб. и яловой въ 4 руб. 50 коп.

Какъ мы видѣли выше, всякая плата у ингушъ опредѣляется коровами, но не нужно думать, что эта плата и въ самомъ дѣлѣ производится однѣми коровами: лошади, быки, бараны, оружіе и платье также идутъ въ счетъ платы, по оцѣнкѣ выборъныхъ депутатовъ, а корова является здѣсь какъ выраженіе извѣстной денежной единицы, какъ предметъ отвлеченный.

Оцѣнка скота и прочихъ предметовъ, называемыхъ въ плату, какъ я сказала сейчасъ, производится депутатами и, во избѣженіе нескончаемыхъ споровъ, безъ участія тѣ же депутатовъ. Послѣ этого оцѣненные скотъ и вещи вручаются по принадлежности, но съ непремѣннымъ условіемъ, что если въ определенный депутатами срокъ часть принятаго оружія или скота окажется съ пороками, плательщикъ обязанъ обратно принять забракованную вещь и замѣнить ее новою, по оцѣнкѣ тѣхъ же депутатовъ.

Обычная, добавочная плата, извѣстная подъ наименіемъ уст-дѣри, играла вѣкогда заискивающую роль и вручение ея надлежащему лицу совершалось при вѣкоторой торжественной обстановкѣ.

Когда виновный отправлялся къ раненому съ поклономъ и весь къ нему опредѣленную плату,—впереди толпы, обыкновенно сопровождавшей въ такихъ случаяхъ отвѣтчика, гнали быка, рога коего были обвиты кускомъ бѣлой бумажной матеріи, на подобіе чалмы; этотъ-то быкъ съ чалмою и назывался уст-дѣри. Усть значитъ по-ингушски быкъ, дѣри—кусокъ бумажной матеріи. Описанымъ порядкомъ вся толпа, предшествуемая быкомъ съ чалмою, направлялась во дворъ раненаго и каждый изъ участвовавшихъ въ толпѣ стариковъ, бояре или менѣе почетныхъ, считая свою обязанностью просить раненаго сбавить вѣкоторую часть назначенной съ виновного платы, ради его бѣдности. Человѣку, къ которому обращаются съ такою просьбою, стыдно отказать уважаемымъ гостямъ и онъ уменьшаетъ размѣръ слѣдующей ему платы. Послѣ этого уже слѣдуетъ угощеніе.

При платѣ уст-дѣри и въ настоящее время сохранился тотъ-же обычный порядокъ, т. е. виновный отправляется въ домъ раненаго съ такою-же толпою, изъ числа которой старики упра-

шигаютъ сбавки платы; но церемоніаъ съ быкомъ, увѣчанымъ бѣлой чалмой, теперь уже не примѣняется и эта обрядность исчезла изъ 'вароднаго употребленія, самая же плата и название тѣ-же, какъ и прежде.

Въ прежніи времена, когда ингушки имѣли очень рѣдкія сношенія съ русскими, когда мануфактурныи изделия считались у нихъ болѣе большою рѣдкостью и диковинкою и когда у нихъ вся одежда, какъ верхняя, такъ и исподняя, была суконная,—этоѣ обычай имѣлъ какоторое значеніе, назначая, какъ рѣдкость, въ числѣ платы кусокъ бумажной матеріи, кроме обычной платы. Кусокъ этой матеріи долженъ быть равняться стоимости трехъ кусковъ сукна, а каждый кусокъ этого сукна, полагая на одну черкеску, въ 25 локтей, цѣнился въ старицу въ одного барана, стоявшаго прежде не дороже одного серебрянаго рубля; такимъ образомъ, кусокъ бумажной матеріи (лѣри), назначенный въ плату, опредѣлялся стоимостью въ три рубля.

Теперь плата уст-дѣри равняется двумъ коровамъ, или 15 рублямъ, и внесеніе этой платы непремѣнно быкомъ и кускомъ матеріи не обязательно.

Угощеніе между ингушами играетъ весьма важную роль и имѣть двоякую цѣль: изгладить въ потерпѣвшемъ дурное впечатлѣніе обиды, примирить тяжущихся хлѣбомъ-солью и располагающе къ душевнымъ изліяніямъ аракою и выпросить у общежедаго прощеніе какой-либо части платы, наложенной судомъ на отвѣтчика. Для болѣе успѣшаго достижения этой послѣдней цѣли, въ дѣлахъ крупныхъ и важныхъ, гдѣ опредѣляется плата довольно значительная, обычай назначаетъ угощеніе вечеромъ и утромъ; назначеніе этого двойного угощенія имѣтъ въ виду главнымъ образомъ дать возможность обвиненному дважды попросить сбавки съ опредѣленной судомъ платы. Съ этой просьбой въ потерпѣвшему обыкновенно адресуются присутствующіе на угощении почетные гости, которые, прилично закусивъ и выпивъ, начинаятъ упрашиватъ виновника банкета пощадить отвѣтчика, ради его бѣдности и глупости — обычное выраженіе ингушъ въ этихъ случаяхъ. Просьбы гостей, при такихъ обстоятельствахъ, всегда достигаютъ своей цѣли и потерпѣвшій значительно сокращаетъ назначенну ему съ виновнаго плату. Такимъ образомъ назначаемая обычаемъ плата почти никогда не висится въ полномъ размѣрѣ.

Къ такому способу примиренія ингушки прибегаютъ даже

въ такакъ случаихъ, когда даю поступаетъ въ окружной судъ; не здѣсь уже руководящимъ начальомъ бываетъ желаніе положить предѣль враждѣ, такъ-какъ это однимъ наказаніемъ по общему закону не достигается; иногда впрочемъ и тутъ угощеніе служить выражениемъ просьбы сложить часть наложенного окружнымъ судомъ денежнаго взысканія, которое, въ видѣ пожизненныхъ пенсій и издержекъ на леченіе, иной разъ бываетъ не менѣе обычной платы.

Кромѣ отвѣтственности за взысканіе исчисленныхъ выше ранъ, у ингушъ существуетъ еще обычай, налагающій на виновнаго плату за нанесеніе удара по головѣ палкою, камнемъ и тому подобными предметамиъ, безъ видимаго поврежденія наружныхъ покрововъ. Эти ушибы, а равно и простыхъ наружныхъ раны въ голову, иногда сопровождаются у ингушъ весьма оригинальнымъ способомъ дѣчанія и опредѣленія степени важности ихъ. Если ингушъ, легко раненый или ушибленный кѣмъ-нибудь, начинаетъ страдать головною болью, — весьма часто совершенно отъ другой причины, — онъ объявляетъ объ этомъ своимъ родственникамъ, съ изложеніемъ желанія и просьбою о свидѣтельствованіи его чрепа по обычая.

Никакой періодъ времени отъ нанесенія ушиба или раны до появленія головной боли не вправѣ ограничить осуществленіе подобнаго дикаго требованія, которое вызывается не столько мрачными воображеніемъ о смерти и вообще боязнью потерять жизнь, сколько мыслию умереть не отомщеніемъ, если причиной болѣзни головы есть дѣйствительно нанесенный ушибъ. Это чувство самолюбія, а также самосохраненіе и естественное влече-
ніе продѣлть свое здоровое состояніе, заставляютъ ингушъ рѣ-
шаться на такую операцию, которая можетъ привести въ содро-
ганіе даже присутствующаго при совершенніи ея цивилизованныаго человѣка.

Для совершеннія осмотра черепа, въ назначенный день приглашаются: нанесший ударъ, родственники его, родственники больного и туземный докторъ. Послѣдній, въ присутствіи всѣхъ этихъ лицъ, простымъ и иѣсколько искривленнымъ ножомъ, разрѣзываетъ крестообразно покровы черепа на томъ мѣстѣ, куда нанесенъ ударъ, а если не видно слѣдовъ ушиба на поверхности, то место, которое укажетъ больной, подвергающійся этой операциѣ. Доморощенный хирургъ тѣмъ-же ножомъ, если замѣтить на че-
репѣ темные пятна, признаки гнѣнія кости, оскобляетъ ее и по-

томъ зашиваетъ подѣзданную кому. Тѣ-же пріемы туземной хи-
рургії употребительны и въ томъ случаѣ, когда отъ ушиба обра-
зовалась на черепѣ трещина и омертвѣніе раздвинувшихся сочле-
неній панциря. При этомъ докторъ, вырѣзавъ ножомъ изгнувшія
части, свидѣтельствуетъ состояніе твердой мозговой оболочки, или
— по выражению ингушъ — второй мягкой кости.

Подобный способъ выскабливанія черепной кости и отѣле-
нія гніющихъ частей ея употребляется туземными докторами и
вообще при излѣченіи головныхъ ранъ. Не смотря на всю труд-
ность такихъ операций, ингушки выносятъ ихъ стоячески и нужно
удивляться ихъ чисто кошачьей живучести. Май лично не разъ
приходилось видѣть у ингушъ такія раны, которыхъ, казалось,
не представляли никакого сомнѣнія въ смертельномъ исходѣ ихъ
и где наши медики обрекали раненаго на вѣрную смерть, — и не
разъ, къ удивленію моему, я встрѣчалъ потомъ этихъ людей
ныzdоровѣвшими.

Если при описанномъ освидѣтельствованіи черепа оказались,
по засвидѣтельствованію доктора, промывавшаго операцию, ка-
кія-либо поврежденія, то, по заявленію объ этомъ горскому суду,
послѣдній опредѣлялъ размѣръ платы, сообразно съ тѣмъ разря-
домъ головныхъ ранъ, къ которому судомъ было отнесено най-
денное у жалобщика поврежденіе. Если-же по варѣаніи голов-
ныхъ покрововъ въ мѣстѣ, указанномъ подвергшемся операциѣ,
не оказывалось никакихъ поврежденій, то омерируемый вполнѣ
удовлетворялся этимъ осмотромъ и уже не претендовалъ на того,
кто нанесъ ему нѣкогда ударъ.

Въ настоящее время подобного рода операциі, стремящіяся
къ тому, чтобы опредѣлить степень поврежденія отъ ушиба, про-
изведенного въ давнепрошедшее время, безусловно воспрещены;
но въ видѣ излѣченія ранъ и задимыхъ, несомнѣнныхъ ушибовъ,
эти операциі еще допускаются, но не иначе какъ съ вѣдомъ и
разрѣшеніемъ окружного врача. Въ этихъ послѣдніхъ случаяхъ,
опредѣляемую туземнымъ врачомъ степень поврежденія черепа
горскій судъ принимаетъ за основавіе къ опредѣленію платы за
рану. Независимо отъ этого, степень нанесенного раною или
ушибомъ поврежденія теперь обязательно удостовѣряется окруж-
нымъ врачомъ, хотя бы дѣло объ этомъ подлежало вѣдѣнію гор-
скаго словеснаго суда.

XVI.

Наиболѣе частымъ и выдающимся явленіемъ въ преступной жизни ингушъ бываетъ похищеніе чужой собственности во всевозможныхъ видахъ, начиная отъ разбоя и кончая самой мелкой кражей. Этотъ порокъ, присущій едва-ла не каждому интушу, особенно молодымъ людямъ, какъ эпидемическая болѣзнь, какъ шагубая страсть со всеми печальными ея послѣствіями, составляетъ не малый тормаръ въ числѣ другихъ недостатковъ къ развитію болѣе благопріятной экономической жизни ингушъ и служитъ главною побудительною причиною къ тѣмъ налогамъ, которыми обременены они, какъ предохранительною мѣрою къ обузданію въ нихъ этой страсти къ воровству. Выше мы видѣли, что ингушки тратятъ довольно крупную сумму, доходящую до 18 тысячъ рублей, на содержаніе сельскихъ конноразъездныхъ, обязанность которыхъ почти исключительно состоитъ въ томъ, чтобы охранять селеніе какъ отъ совершенія кражи въ немъ, такъ и отъ того, чтобы въ селеніе не приводился краденый скотъ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ конноразъездные, если не откроютъ виновныхъ, обязаны заплатить хозяевамъ стоимость украденаго; но эта отвѣтственность чисто фиктивная, ибо, въ дѣлахъ по воровству ингушъ между собою, виновные, за рѣдкими исключеніями, не бываютъ обнаруживаемы самимъ потерпѣвшимъ, а доведеніе слѣдовъ до селенія такой хаотичѣскій способъ, что очень рѣдко достигаетъ цѣли, и въ большинствѣ случаевъ хозяева украденаго скота, слѣды которого будто бы доведены до селенія, не получаютъ вознагражденія; наконецъ, въ болѣе крупныхъ случаяхъ, доведеніе слѣдовъ оплачивается цѣлью селеніемъ.

Въ виду всего сейчасъ высказаннаго, содержаніе конноразъездныхъ въ ингушскихъ селеніяхъ, принося весьма сомнительную выгоду, никакъ не вліяетъ на сокращеніе числа случаевъ кражи, такъ-какъ эти случаи почти ежедневно повторяются и если новѣе пристрастія означеннай охранительной мѣры не увеличилась, то уже наизѣре не уменьшилась въ числѣ. Вывало, напонецъ, нѣсколько случаевъ, гдѣ въ совершеніи воровства являлись действующими лицами сами охранители, пользуясь для того своимъ исключительнымъ положеніемъ. И действительно, конноразъездный, желая пользоваться чужою собственностью, весьма легко можетъ сдѣлать это въ засѣгнутой хижиной за дворомъ или на улицѣ еще легче можетъ объяснить свое присутствіе тамъ исполненіемъ служебныхъ

Воровство.

обязанностей: «дѣлаю обходъ»—вотъ и отвѣтъ. Даже пойманный съ полицейскимъ, конноразъездный также легко вывертывается изъ бѣды, заявивъ лишь, что онъ, дѣлая обходъ, отбилъ у вора украшенный предметъ; словомъ, въ такихъ случаяхъ сельские охранители, такъ сказать, не уловимы и этимъ, по моему, можно объяснить частые случаи кражъ при кажущемся бдительномъ надзорѣ въ селеніяхъ.

Воровство, неразрывное въ дикомъ и воинственномъ народѣ съ хищничествомъ, при условіяхъ прошлой жизни ингушъ, составляло доблесть, которая прославлялась въ импровизированныхъ пѣсняхъ дѣвшущихъ, въ легендахъ и сказкахъ; но, въ утѣшенню, всѣ эти преданія замѣтно начинаютъ исчезать въ народной памяти, при постепенномъ экономическомъ и нравственномъ развитіи и новыхъ требованіяхъ жизни ингушъ. Теперь стремление ингушъ къ воровству воплотилось въ болѣе реальную форму и преимущественно составляетъ желаніе извлечь изъ украшенаго предмета материальную выгоду; но порой и въ настоящее время проявляется у нихъ старый взглядъ на воровство, какъ молодчество и удаль, и это выражается даже въ самыхъ лучшихъ сторонахъ туземного быта — въ гостепріимствѣ: чигушъ, чтобы почтить своего гостя, доставить ему наибольшія удовольствіе и радость, ведеть его на воровство, которымъ угощаетъ дорогого гостя какъ лакомымъ десертомъ послѣ горячаго и вкуснаго шашлыка, принимаетъ и скрываетъ воровскія вещи и даже иногда жертвуетъ собой для гостя—вора, принимая на себя всю отвѣтственность за преступленіе. Можно безошибочно сказать, что главные воры-проводники — это воры-хозяева изъ тѣхъ туземцевъ, въ землѣ коихъ случается хищническое происшествіе; затѣмъ краденые предметы, посредствомъ пріѣзжихъ гостей, скрываются передачею въ другія отдаленные мѣстности.

Совершамыи ингушами кражи можно подраздѣлить на три разряда, изъ коихъ въ первомъ является главнымъ руководящимъ понужденіемъ молодчество и удальство; этого рода кражи совершаются обыкновенно молодыми людьми изъ хорошиакъ и за-житочныхъ фамилій; во второмъ—нечѣ и въ третьемъ—желаніе просто воспользоваться легчайшимъ путемъ чужою собственностью. Немногіе изъ ингушъ занимаются кражею и принятиемъ краденыхъ предметовъ, какъ ремесломъ, и, лежа обработывая таміа дѣла, умѣютъ хорошо наживаться и впослѣдствіи благоденству-

ють, если хватаеть энергіи во время прекратить такую дѣятельность.

Въ дѣлѣ умѣнья красть и срывать слѣды ингушіи дошли, поистинѣ, до высшихъ предѣловъ виртуозности и сдавали это изъ другихъ горцевъ Кавказа въ состояніи соперничать въ этомъ съ ними. Не говоря уже объ изворотливости, въ которой обыкновенно прибѣгаютъ пойманый воръ-ингушъ, онъ и въ дѣлѣ кражи прибѣгааетъ иногда къ такимъ способамъ, которые изумляютъ своюю гениальностью, если можно такъ выражаться по отношенію къ кражѣ. Кроме множества пріемовъ, къ которымъ прибѣгаютъ ингушки, чтобы измѣнить внѣшнія примѣты украденаго скота, мнѣ известенъ одинъ чисто анекдотической случай скрытия слѣдовъ воровства.

Ингушки, какъ извѣстно, большиe враги свѣтлыхъ ночей и вообще такихъ временъ года, когда на землѣ могутъ оставаться слѣды совершиеннаго преступленія, какъ, напримѣръ, зимою, при снѣгѣ. Въ такое-то неблагоприятное время года одинъ воришко долженъ быть очень долго оставаться въ бездѣйствіи, которое окончательно становилось ему не въ мотогу, а снѣгъ между-тѣмъ лежалъ и не давалъ ему ходу. Какъ нерѣко случается, что въ критическія минуты человѣкъ способенъ создавать выходы изъ затруднительного положенія, такъ и скучающаго ингуша въ долгую зимнюю ночь вдругъ осенила счастливая мысль. На слѣдующее же утро онъ отправился въ г. Владикавказъ и купилъ тамъ на базарѣ двѣ пары старенькихъ сапогъ. Запасшись этими сапогами, ингушъ въ слѣдующую ночь отправился въсосѣднюю станицу и укралъ тамъ лорову, а для того, чтобы замаскировать слѣды, надѣлъ ей на ноги сапоги, и не просто, а задомъ наперѣдъ, такъ-что, казалось, слѣды шла не отъ станицы, а по направлению къ ней. Какъ ни хитро распорядился ингушъ съ своюю добычею, но онъ упустилъ изъ виду одно, что сосѣди-казаки не менѣе хитрые пройдохи, чѣмъ онъ, и продѣлка его была немедленно обнаружена.

Весьма рѣдко случается, чтобы ингушъ сознался въ совершеніи имъ кражи и вообще какого-бы то ни было преступленія, хоти-бы его поймали на самомъ мѣстѣ преступленія. Въ такихъ обстоятельствахъ ингушъ изобрѣтаетъ какую-нибудь невѣроятную, чуть не фантастическую исторію, чтобы объяснить случайностью нахожденіе овое на мѣстѣ преступленія или чтобы опровергнуть представляющіяся противъ него улики. Такое запирательство ин-

гушъ является преимущественно въ дѣлахъ, которыя подлежатъ вѣдѣнію окружного суда, такъ-какъ ингуша убѣждены, вопреки многимъ уже примѣрамъ, что русскій не обвиняетъ безъ собственного сознанія, и это убѣжденіе всѣми сидами стараются поддерживать въ нихъ разные ингушескіе ходатай и адвокаты, ловко и беззастѣнчиво эксплуатирующие невѣжество своихъ клиентовъ. При разборѣ же дѣлъ по обычаю такое запирательство встрѣчается рѣже.

При разборѣ дѣлъ въ горскомъ словесномъ судѣ, для обличенія кого-либо въ воровствѣ, ингушскій обычай требуетъ или свидѣтельскихъ показаній неприкосновенныхъ къ дѣлу людей, подъ присягой, или показаній благонадежнаго доказчика, или обнаружения какой-либо вещи изъ числа украденныхъ, или-же сознанія самаго виновнаго или одного изъ соучастниковъ его. Вообще обычай требуетъ уликъ, не оставляющихъ сомнѣнія въ виновности подозрѣваемаго. Во всѣхъ-же случаяхъ, гдѣ не явится явныхъ уликъ, истецъ можетъ требовать отъ подозрѣваемаго очистительной присяги съ пятью присяжниками.

До 1866 года, въ дѣлахъ о кражахъ, горскимъ словеснымъ судомъ признавались тайные доказчики, и заявленіе ихъ, данное въ присутствіи двухъ депутатовъ суда и пристава, считалось достаточнымъ доказательствомъ виновности лицъ, на которыхъ указывалъ доказчикъ; но съ этого времени было постановлено принимать свидѣтельство только явныхъ доказчиковъ.

Если кто-либо указываетъ вора при свидѣтеляхъ, а потомъ отказывается отъ своего заявленія, обычай назначаетъ присягу єтимъ свидѣтелямъ, отъ подозрѣнія которыхъ и зависятъ рѣшеніе дѣла.

При опредѣленіи вознагражденія за похищенные вещи и предметы, обычай, до 1875 года, налагалъ на виновнаго: уплату стоимости украденныхъ предметовъ, по оцѣнкѣ потерпѣвшаго съ двумя присяжниками, вторую плату, равную стоимости предмета, за исключеніемъ 5 или 6 рублей, и въ некоторыхъ случаяхъ, нижеуказанныхъ, плату за безчестіе сакли, двора, хутора и т. д. Теперь горскій судъ налагаетъ на вымѣннаго лишь уплату стоимости украденного предмета и действительныхъ убытокъ, понесенныхъ вслѣдствіе кражи, и опредѣляетъ назначеніе виновному по общимъ законамъ. Собственно по ингушскому обычаяу, какъ увидимъ ниже, виновный подвергался, лишь материальному взысканію и потому похищеніе чужой собственности,

въ ваномъ бы видѣ оно ни представлялось, было чисто гражданскій, а не уголовный дѣломъ; до учрежденія горскихъ съ-
весныхъ судовъ въ настоящемъ ихъ видѣ, обычай этотъ практи-
ковался во всей своей силѣ, когда истцомъ и отвѣтчикомъ были
иагуши. Только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ воровство явилось ре-
шесломъ или повторялось несколько разъ однажды и тѣмъ же лицомъ,
виновные, кроме обычного вознагражденія потерѣвшихъ,
подвергались еще и другому наказанию — административной ссыл-
кѣ за болѣе или менѣе продолжительный срокъ или заключенію
въ тюрьмѣ.

Иагушскій обычай не дѣлалъ никакого различія между про-
стой кражей, разбоемъ и грабежомъ и, привима всѣ эти виды
похищенія чужой собственности за обыкновенное воровство, раз-
личалъ только мѣсто совершеннія кражи, сообразно съ этимъ
определяя вознагражденіе. Такъ, похищеніе чужой собственности
дѣлилось на три разряда: воровство изъ стада, въ савинѣ и дво-
ра и съ хутора и поля. Привожу существовавшіе обычай по
этимъ видамъ воровства:

1) *По воровству изъ стада.* Для охраненія сельскихъ об-
щественныхъ стадъ, выгоняемыхъ на пасѣльбу, жители селенія на-
зываютъ, смотря по величинѣ стада, изъѣстное число пастуховъ
(шахитим — 3 человѣка), которые за охраненіе стада въ про-
долженіе лѣтнаго и зимняго времени получаютъ за каждую ло-
шадь въ конномъ табунѣ, пасущемся день и ночь, по 80 коп., и
въ общемъ табунѣ — по 40 коп., за быка 10 коп. и за ко-
рову 20 коп. Прежде за пропавшій скотъ пастухъ не отвѣчалъ
и толькъ хозяинъ пропавшаго имѣлъ право требовать отъ него
очистительной присяги въ томъ, что онъ, пастухъ, не скрылъ
умышленно той скотинѣ, которую показалъ пропавшему, не про-
далъ ея и вообще не приевонилъ себѣ и не передалъ другимъ; но
въ настоящее время пастухи отвѣтствуютъ за пропавшій въ по-
лъ скотъ, на сѣдующихъ основавіяхъ: если пропала одна или
две штуки скота — половинную стоимость пропавшаго, а если въ
одинъ разъ или одинъ день пропали три или болѣе штукъ — пол-
ную стоимость, не оцѣнивъ хозяевъ пропавшаго скота; за пропа-
ну лошади изъ коннаго табуна полагается 30 руб. за мерена и
жеребца и 20 руб. за кобылу. При этомъ хозяева пропавшаго
скота также имѣютъ право дать пастухамъ вышеприведенную
ответственную присягу.

За открытое нападеніе на стадо или на табунъ, если напа-

дающіе, по выражению ингушъ, «подвинутъ стадо съ ифта», сверхъ стоимости отбитаго скота и второй платы за каждую голову, виновные обязаны были заплатить по обычай въ честь изъясна стада 10 моровъ и уст-дёри, т. е. всего 12 коровъ, а пастухамъ—приличного иона. Но если пастухъ былъ ограбленъ и ему сдѣлано какое-либо насилие: связаны руки, навесены побои или держали арестованымъ, виновные, сверхъ означенного, платили обиженному такимъ образомъ пастску еще 10 коровъ и уст-дёри. Правило это относилось и ко всячому ограбленному человѣку, коего хищники держали подъ арестомъ, связаннымъ или вообще лишненнымъ свободы.

За простое ограбленіе, кромѣ полнаго удовлетворенія за ограбленныя вещи, какъ и въ предыдущемъ случаѣ, виновный платилъ въ честь обиженнаго приличнаго иона.

За ограбленіе при преслѣдованіи человѣка, виновнаго въ какомъ-либо проступкѣ, плата за оскорблѣніе чести не полагалась.

За выстрѣлы въ етадѣ, дворѣ или саклѣ съ цѣлью сопротивленія хозяину, встрѣтившему вора, виновный платилъ уст-дёра или 15 руб.

2) *По воровству изъ сакли и двора.* За кражу вещей изъ сакли, кромѣ обычнаго удовлетворенія, виновный платилъ за безчестье сакли. Такъ-какъ въ прежнее время у ингушъ сакля была постоянно открыта, и зимою и лѣтомъ, готовая во всякий моментъ пріютить прибывшаго гостя, то обычай признавалъ саклю мѣстомъ неприкосновеннымъ, и потому, опредѣлена плата за безчестье сакли, установилъ иѣкоторыя тонкости при взысканіи этой платы, смотря по тому, изъ какой части сакли выкрадены вещи. При этомъ берется въ соображеніе середина сакли, где обыкновенно укрѣплены столбы, на которомъ раздѣливается оружіе. За кражу изъ отдѣленія сакли, начиная отъ стомба и до дверамъ или, какъ говорятъ ингушки, *ниже столба*, обычай полагалъ плату въ честь оскорблѣннаго хозяина сакли 4 коровы: двѣ тельныхъ и двѣ яловыхъ; за кражу же вещей, находившихся отъ столба къ окну, т. е. *выше столба*, виновный платилъ въ честь 8 коровъ и уст-дёри, т. е. 10 коровъ; такая же плата за безчестье назначалась и за снятіе оружія со столба.

За кражу изъ двора, кромѣ обычной платы за изъященное, полагалась еще плата и за безчестье двора, уст-дёри, т. е. 15 р.

3) *По воровству съ хутора и поля.* За воровство вещей съ хутора, а также скота во время полевыхъ работъ и вообще

какихъ-либо вещей отъ плуга или отъ другихъ земледѣльческихъ орудій, за исключениемъ обычной платы за каждую вещь и за каждую штуку скота, съ виновнагозыскивалось за безчестіе хутора или плуга уст-дѣри, или 15 руб.

Такимъ образомъ, кроме удовлетворенія потерпѣвшаго за похищенные предметы, ингушскій обычай давалъ взысканіе еще и за безчестіе стада въ вышеуказанныхъ случаяхъ, сакли, двора, хутора и плуга.

Во всѣхъ описанныхъ случаяхъ похищенія, обычай полагалъ слѣдующую плату за похищаемые предметы:

За похищеніе лошади полагалось взысканіе стоимости ея и вторая плата 10-ю рублями менѣе этой стоимости.

За быка—стоимость его въ 20 руб. и вторая плата 15 руб., всего 35 руб.

За корову—стоимость ея 15 руб. и вторая плата 12 руб., всего 27 руб.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, кроме означенной платы, виновный, если онъ былъ одинъ, обязывался сдѣлать угощеніе изъ одного большого барана и 4 котловъ араки; если же воровъ было несколько человѣкъ, то каждый изъ нихъ долженъ былъ дать на угощеніе одного годовалаго барана (центо) и два котла араки.

За каждый улей, украденный съ пчельника, полагалась въ плату тельная корова и на угощеніе большой баранъ и 4 котла араки. При участіи же въ этой кражѣ несколькихъ человѣкъ, угощевіе раздѣляется между ними, какъ и въ предыдущемъ случаѣ.

За кражу большого барана первая плата 3 руб. и вторая 2 руб., за малаго барана (центо) первая плата 2 руб. и вторая 1 руб.; за козу также плата, какъ и за малаго барана.

За кражу гуся, индюка, утки и курицы первая плата 1 р. и вторая—50 коп., т. е. 1 руб. 50 коп. за каждую штуку.

За увозъ сѣна взыскивается стоимость его, опредѣляемая хозяиномъ присягою съ двумя присяжными, и прежде полагались на угощеніе съ виновнаго одинъ баранъ и два котла араки.

За похищеніе съ поля немолоченного хлѣба уплачивается стоимость его; за воровство же этого хлѣба со двора взыскивалась съ виновнаго двойная цѣна хлѣба и виновный обязанъ былъ сдѣлать угощеніе изъ большого барана и 4-хъ котловъ араки.

Изъ вышеприведенного видно, что двойная плата, за исключениемъ кражи хлѣба со двора, налагалась обычаемъ только за воровство предметовъ одушевленныхъ.

Въ случаѣ падающаго на кого-либо подозрѣнія въ кражѣ, потерпѣвшій имѣеть право съ аульными стариками сдѣлать обыскъ въ саклѣ подозрѣваемаго. Если послѣдній воспротивится этому обыску, то онъ по обычаю признается виновнымъ въ кражѣ.

При открытии обыскомъ какой-либо вещи, признанной за свою потерпѣвшимъ, обычай назначаетъ этому послѣднему присягу съ двумя присяжниками въ томъ, что признанная имъ вещь дѣйствительно его собственная и была у него украдена. Въ случаѣ непринятія этой присяги, потерпѣвшій обязанъ уплатить хозяину обысканной сакли шесть коровъ. Назначеніе этой присяги непремѣнно истцу не обязательно, и горскій судъ, смотря по обстоятельствамъ дѣла или даже и вслѣдствіе подкупа, назначалъ иногда присягу заподозрѣнному съ 5-ю присяжниками, въ томъ, что признанная истцомъ вещь принадлежитъ ему, отвѣтчику, и не украдена имъ.

При опознаніи похищенныхъ скота и вещей у ингушъ существуетъ слѣдующій обычай: человѣкъ, опознавшій своего быка или лошадь, обязанъ представить двухъ свидѣтелей, людей благонадежныхъ, лично знаящихъ опознанный скотъ. Этотъ скотъ возвращается опознавшему, если онъ съ двумя упомянутыми свидѣтелями приметъ въ судѣ присягу въ томъ, что опознанный скотъ дѣйствительно принадлежитъ ему, какъ доморощенный или купленный у кого-либо. Подобная присяга съ двумя честными свидѣтелями выручаетъ и всякую другую похищенную вещь, опознанную кѣмъ-либо у другого.

Если съ опознаннымъ быкомъ, лошадью и вообще какою-либо вещью, въ одно и тоже время и изъ одного и того-же мѣста похищено еще вѣсколько штукъ скота или другой каціи вещи, то потерпѣвшій, для получения съ того, у кого опознана вещь, полнаго удовлетворенія за все похищенное, обязанъ подтвердить фактъ похищенія и количество похищенаго подъ присягою, съ двумя присяжниками. Если съ уворованымъ и опознаннымъ скотомъ пропалъ еще скотъ и у другого хозяина, этотъ послѣдній также съ двумя присяжниками можетъ доказывать въ судѣ, что скотъ его похищенъ въ одно и тоже время и изъ одного того-же мѣста съ опознаннымъ скотомъ; въ случаѣ подтвержденія этого присягою, отвѣтчикъ обязанъ удовлетворить и этого претендента за похищенное у него. Отвѣтчику въ свою очередь предоставляется право искать возмѣщенія своихъ убытковъ съ того, отъ кого онъ получилъ опознанный предметъ.

Кто украдетъ скотъ или лошадей и для скрытия слѣдовъ проведеть таковыхъ мимо или черезъ горскіе аулы, виновные въ этомъ, если они будутъ впослѣдствіи обнаружены, подвергаются взысканію въ пользу тѣхъ ауловъ, мимо и черезъ которые были проведены слѣды, по 25 руб. съ каждого виновнаго. Деньги эти поступаютъ на вспомоществованіе бѣднымъ и на удовлетвореніе разныхъ общественныхъ нуждъ.

Кромѣ похищенія чужой собственности, у ингушъ сильно развито еще и истребленіе различными способами этой собственности.

Злой нравъ ингуша, желающаго отомстить своему врагу, какъ видѣли мы уже выше, не останавливается ни передъ какими средствами. Къ числу этихъ средствъ, помимо поджога хлѣба, сѣна и жилыхъ строеній врага, обрѣзанія хвоста у лошади его, выстрѣловъ въ саклю, имѣющѣтельства и т. д., нужно отнести и еще одно, которое поражаетъ своимъ варварствомъ и возбуждаетъ въ человѣкѣ, имѣющемъ сердце, чувство ужаса, омерзенія и отвращенія къ такому бездушному существу — мстителю. Чтобы отомстить своему врагу, ингушъ очень часто прокрадывается ночью въ конюшню или сарай послѣднаго, гдѣ находятся скотъ, и тамъ подрѣзываетъ этому скоту и лошадямъ жилы на ногахъ. Несчастныя животныя, истекая кровью, оканчиваютъ свое существованіе въ страшныхъ мукахъ, если хозяинъ во-время не обнаружитъ злодѣянія и не прирѣжетъ этихъ искалѣченныхъ животныхъ. Такой живодерскій и варварскій способъ мести употребителенъ только у ингушъ.

За истребленіе и поврежденіе чужого имущества обычай полагалъ:

За поджогъ хлѣба, сѣна и прочаго имущества — взыскавіе съ виновнаго стоимости истребленаго ргнемъ и кромѣ того 10 коровъ п уст-дѣри, т. е. 12 коровъ всего.

За подрѣзаніе жиль у скота — двойную обычную плату какъ за кражу и кромѣ того 10 коровъ п уст-дѣри.

За подрѣзку хвоста у лошади, виновный, получая эту лошадь себѣ, платилъ полную стоимость ея по присягѣ хозяина и за беzechтѣ 8 коровъ и уст-дѣри, т. е. всего 10 коровъ.

Въ настоящее время во всѣхъ этихъ случаяхъ взыскивается лишь стоимость истребленыхъ или поврежденыхъ предметовъ.

това, по оцѣнкѣ хозяина, и когда виновные въ этомъ остаются необнаруженными, эта плата взыскивается съ цѣлаго селенія, где случилось истребленіе или поврежденіе имущества.

XVII.

Прошлая жизнь ингушъ, воинственная и полная опасностей, частыя переселенія ихъ съ одного мѣста на другое, отсутствие какихъ-либо производствъ и промышленности, умственная неразвитость и различныхъ другія болѣе мелкія причины не давали возможности развить между ингушами понятій о гражданственности и установить какія-либо правила о ихъ чисто правовыхъ, гражданскихъ отношеніяхъ между собою. Все право ингуша сводилось на исправность его оружія, умѣье владѣть имъ и физическую силу. Если человѣкъ былъ силенъ — такъ это и представляло самую надежную и лучшую гарантію отъ покушений на его личную и имущественную безопасность. Наконецъ, жизнь особнякомъ, въ общественныхъ интересовъ и совершенное равнодушіе къ этимъ общимъ интересамъ, не вызывали и необходимости въ установленіи у ингушъ какихъ-либо общихъ правовыхъ порядковъ.

Занеси

Отсутствие необходимыхъ элементовъ для развитія гражданской жизни ингушъ лучше всего выразилось въ скучности мѣстныхъ обычаевъ по исковымъ дѣламъ. Весь не хитрый кодексъ по гражданскимъ отношеніямъ между собою исчерпывается у ингушъ лишь тремя случаями: займомъ, обязательствомъ по совместному содержанию барановъ и дѣлами по наследству. Въ этихъ только случаяхъ и возбуждаются гражданскіи иски въ горскомъ словесномъ судѣ.

Корыстолюбивая и хищническая натура ингушъ вполнѣ ясно выражается въ ихъ взаимныхъ денежныхъ сдѣлкахъ. Ингушеские заемодавцы взыскиваютъ съ своихъ должниковъ по 50 коп. съ 10 рублей въ мѣсяцъ, что составляетъ въ годъ со 100—60%; но этотъ обычный процентный грабежъ—домашнее дѣло ингушъ, по возможности преслѣдуемое мѣстнымъ начальствомъ, какъ дѣло беззаконное и весьма вредное для общества. При поступлении долговыхъ дѣлъ въ горскій словесный судъ, посѣдѣній, при опре-

дѣлениі размѣра процентовъ на занятый капиталъ, назначается 10 коп. съ 10 руб. въ мѣсяцъ, или со 100—10% годовыхъ.

Документ 2

Хищнические проценты вѣсомъ лѣтъ тому назадъ существовали у ингушъ не только на деньги, но и на барановъ. Долгъ, состоявшій изъ двухъ или трехъ барановъ, черезъ вѣсомъ лѣтъ, считая проценты на проценты, т. е. приплодъ съ приплода, выросталъ до порядочного стада и понятно потому, что расплата съ кредиторомъ представляла безвыходное затрудненіе для бѣднаго должника. Горскій судъ, разбирая подобнаго рода дѣла, само-собою разумѣется не принималъ въ уваженіе требованій заемодавца и присуждалъ должника къ возвращенію лишь всего количества взятыхъ въ долгъ барановъ.

Кромѣдачи барановъ въ долгъ на обыкновенныхъ условіяхъ, у ингушъ существуетъ еще обычай давать въ долгъ барановъ и на слѣдующихъ условіяхъ: имѣющій много барановъ отдаетъ часть ихъ — 10, 20, 50, 100 штукъ, смотря по договору — другому, на полное его попеченіе. По истеченію трехлѣтняго срока, взявшій эту часть барановъ обязанъ возвратить заемодавцу полностью эту часть, по выбору послѣдняго, половину трехлѣтняго приплода, половину кожъ съ издохшихъ за это время барановъ и половину остріженной шерсти со всѣхъ барановъ. Взявшій барановъ на этихъ условіяхъ не имѣть права до истеченія трехлѣтняго срока продавать или какимъ-либо другимъ образомъ отчуждать этихъ барановъ. Въ случаѣ падежа барановъ, взявшій ихъ обязанъ возвратить заемодавцу лишь то количество, которое было дано имъ. Отдача барановъ въ долгъ на такихъ условіяхъ имѣть въ виду помочь хорошимъ знакомымъ и родственникамъ кредитора; эта отдача барановъ совершаются въ присутствіи постороннихъ свидѣтелей и за поручительствомъ благонадежныхъ лицъ.

Дѣла по наслѣдству у горцевъ ингушскаго племени до послѣдняго времени решались по адату — местному обычая; но въ настоящее время, при разборѣ этихъ дѣлъ, горскій словесный судъ началъ примѣнять шаріатскія постановленія.

Наша юридическая пословица: «сестра при братѣ не вотчинница» безпощадно осуществляется у ингушъ въ дѣлахъ по наслѣдству. Такъ-какъ женщина, по вышеприведеннымъ взглядамъ ингушъ, есть существо безъ личности, следовательно лишена правъ общественныхъ и семейныхъ и самостоятельности нравственной и материальной, — все имущество умер-

шаго, безъ малѣйшаго выдѣла въ пользу дочерей его, переходить въ сыновьямъ и дѣлится между ними поровну. Въ случаѣ же смерти сына, часть, слѣдуемая послѣднему, дробится также на равные части по числу его сыновей (вакуковъ умершаго по мужской линіи) и т. д. Дочери-же умершихъ остаются на попеченіи своихъ братьевъ или, за смертью послѣднихъ,—въ домѣ своихъ племянниковъ, которые, по мѣрѣ средствъ своихъ, обязаны кормить и одѣвать ихъ. Взаимнѣ этого женщины находятся въ полной зависимости отъ такихъ опекуновъ и исполняютъ въ домѣ ихъ всю работы.

Попечительная обязанность братьевъ въ отношеніи сестеръ, особенно въ прежнее время, менѣе была основана на родственныхъ связяхъ, чѣмъ на обычай полученія за женщину калымъ, который безраздѣльно поступалъ въ пользованіе отца выдаваемой замужъ и слѣдовательно входилъ въ составъ наслѣдства, переходящаго въ сыновьямъ; по смерти-же отца калымъ за сестру обращался въ пользу того изъ братьевъ (обыкновенно по старшинству), который содержалъ ее въ своемъ домѣ. Въ этихъ случаѣахъ, женщина, какъ дорогой вѣкогда товаръ, приносila въ хозяйство ингуша порядочный процентъ и, какъ товаръ живой, нуждающейся въ пищѣ и одеждѣ, внимательно поддерживалася для дальнѣйшаго оборота.

Есть у ингушъ единственный обычай, который вѣсколько намекаетъ на опредѣленную и весьма незначительную долю наслѣдства, переходящаго отъ отца въ семейство дочери, когда у нея есть сыновья, но не лично ей, слѣдовательно—обычай условный. Этотъ обычай заключается въ томъ, что для обязанъ племяннику своему—сыну сестры, но не брата,—достигшему 16 или 17 лѣтнаго возраста, сдѣлать барчъ, т. е. почетную плату, состоящую въ подаркѣ хорошей лошади, стоящей не менѣе 30 р. Подарокъ этотъ обязателенъ до такой степени, что взрослый и нетерпѣливый племянникъ, долго не получающій подарка, можетъ отнять у своего дяди означенный барчъ силой, обманомъ и воровствомъ.

Если умершій не оставилъ сыновей, но у него есть въ жиныхъ отецъ, дядя и т. п. родственники по прямой восходящей линіи и притомъ въ мужскомъ колѣнѣ, то имущество умершаго наслѣдуютъ эти родственники; при отсутствіи-же этихъ родственниковъ, наслѣдство умершаго переходитъ къ роднымъ братьямъ, на изложенныхъ выше основаніяхъ въ отношеніи раздѣла и съ

тѣмъ-же обязательствомъ по отношенію къ дочерямъ умершаго. За неимѣніемъ родныхъ братьевъ и ихъ наследниковъ, имѣніе переходитъ къ двоюроднымъ братьямъ по мужской же линіи и т. д. Вообще нужно замѣтить, что родство по женской линіи, въ отношеніи правъ на наследство, не имѣтъ у ингушъ никакого значенія, если у умершаго есть хоть самые дальние родственники по мужской линіи.

Само-собою разумѣется, что ингушскій обычай, въ правахъ наследованія имущества, устраиваетъ жену и вообще родство по этой линіи, вслѣдствіе того, что бракъ ингушъ не имѣтъ характера прочного союза и легко расторжимъ по волѣ супруга; наконецъ многоженство и повторяемость брака до безконечнаго числа разъ не даютъ возможности сдѣлать жену наследницей или вѣрище — массу женъ наследницами; но почему отъ самой малѣйшей доли наследованія своему отцу устраиваются дочери — непонятно и такую anomaliю въ правахъ наследства у ингушъ нужно объяснить лишь тѣмъ рабскимъ, безличнымъ и жалкимъ положеніемъ женщины, какое выпало на долю ей въ ингушскомъ обществѣ и существуетъ до настоящаго времени.

Хотя съ 1863 года калымъ, какъ покупная плата за женщину, уничтоженъ у ингушъ, но обычай призыва братьями своихъ сестеръ-сиротъ сохранилъ свою силу. Дѣвушка-же, въ знакъ благодарности за попеченіе о ней, какъ упомянуто выше, имѣть право подарить своему брату выдаваемый женихомъ задатокъ 25 рублей и даже обеспеченіе свое — 80 руб. Въ настоящее время, съ введеніемъ въ дѣла ингушъ о раздѣлѣ наследства шаріатскіхъ постановленій, дочери также становятся участницами этого раздѣла.

Такъ-какъ ингушская женщина ни въ какомъ случаѣ не наследовала имущества своихъ родныхъ, следовательно не могла имѣть какое-либо имущество, за исключеніемъ скучнаго приданаго, которымъ снабдили ее при выходѣ замужъ, и, наконецъ, по положенію своему въ обществѣ, всегда зависимому отъ кого-нибудь, не могла самостоятельво приобрѣтать какую-либо собственность, — то и мѣстный обычай совсѣмъ не предусматриваетъ случаевъ наследованія имущества, оставшагося послѣ умершей женщины.

До измѣненія въ 1863 году устарѣлыхъ обычаевъ у горцевъ ингушскаго племени, сыновья имѣли полное право требовать, при жизни отца, раздѣла приобрѣтенного имъ имущества и

даже выгнать его изъ собственного дома, давши ему лишь одно-го быка, а матери—корову; но въ настоящее время это варвар-ское право уже не иметьъ силы и выдѣлъ сыновей, при жизни отца, зависить отъ доброй воли посѣдняго.

XVIII.

При разсмотрѣніи всѣхъ наложенныхъ выше ингушскихъ обычаевъ и способовъ разбирательства ихъ кровныхъ тяжебныхъ дѣлъ, мы видимъ, что главною доказательною силою въ туземной юриспруденціи является присяга; но, къ сожалѣнію, этотъ спо-собъ доказательства въ ингушскомъ судопроизводствѣ составля-етъ лишь юридическую фикцію и не заслуживаетъ большой вѣ-ры и уваженія.

При отсутствіи у ингушъ чувства религіозности, неразрыв-но связанного съ нравственнымъ развитіемъ народа, и понятія о честности и справедливости, можно безъ большой ошибки ска-зать, что, за весьма рѣдкими исключеніями, присяга у ингушъ находится въ полнѣшемъ разладѣ съ чувствомъ правды и спра-ведливости и зависитъ отъ большого или меньшаго интереса въ дѣлѣ и отъ тѣхъ отношеній, въ коихъ находится присягающей съ тяжущимися сторонами. Подобнаго убѣжденія не чужды и са-ми ингушки и до такой степени сознательно легокъ ихъ взглядъ на присягу, что у нихъ даже сложилась шуточная поговорка: «Слава Всевышнему, который создалъ темную ночь и присягу». Идущій въ судъ мечтаетъ о присягѣ, какъ о простомъ средствѣ, путемъ которого возможно выиграть дѣло или избавиться отъ грозящей ответственности. Если ингушу удалось получить на-значеніе присяги, то онъ, выходя изъ суда, говоритъ: «я вы-игралъ дѣло—присяга назначена мя». Такой взглядъ ингушъ на присягу вызываетъ необходимость чрезвычайно строго и внимательно относиться къ этому почти единственному и весьма эла-стичному въ ингушскомъ судопроизводствѣ способу доказатель-ства и улики.

При назначеніи присяги требуется величайшая осторож-ность, не только въ выборѣ присяжниковъ, отъличныхъ качествъ которыхъ зависитъ справедливость или несправедливость въ рѣ-шении дѣла, но и въ назначеніи самыхъ словъ присяги, т. е. въ

въ формулированіи той присяжной фразы, которую принималеній присягу должнаъ произнести у короля, съ принадлеженіемъ двухъ пальцевъ правой руки.

Всякой оплошностью, которая впослѣствіи даетъ возможность двусмыслично толковать принятую присягу, ингушки пользуются съ издѣльствомъ. Поэтому, та стереотипная формула присяги, какая употребительна въ нашемъ судопроизводствѣ, совершило не пригодна для ингушъ. Для того чтобы получить отъ ингушъ категорическій отвѣтъ изъ-подъ присяги, необходимо при приводѣ къ ней поинновать всѣ вообще вопросы, на которые она должнаъ отвѣтить.

Ингушки рассказываютъ не мало анекдотовъ, характеризующихъ тѣ случаи, гдѣ была допущена оплошность въ формулированіи присяги. Для примера, привожу одинъ изъ нихъ: какойто ингушъ, обѣзжая свое чужое поле, засталъ на немъ вора, наклонившаго на арбу конну сѣна и готоваго уже уѣхать домой. Отпустивъ воровато, хозяинъ потребовалъ его помочь въ судѣ. Такъ-какъ при разсѣданіи этого дѣла въ судѣ обвиняемый не сошелся въ кражѣ, то судъ назначилъ ему очистительную присягу въ томъ, что онъ не краль для себя означенаго сѣна и не кладъ его на свою арбу. Присяга была принята и обвиняемый освобожденъ отъ ответственности. Одинъ изъ товарищей отвѣтчика, хорошо знавшій о дѣлѣ, стадъ упорять привиншаго ложную присягу; но этотъ послѣдователь доказывалъ, что онъ ложной присяги не принималъ, таѣ-какъ онъ похитилъ сѣно вѣдь для себя, а для дяди своего, и свалилъ это сѣно не на свою арбу, а на арбу дяди.

Въ всѣхъ почти дѣлахъ, гдѣ ингушскій обычай назначаетъ присягу, эта посѣдѣнія выполняется, вромъ истца или отвѣтчика, коему таковая назначена, еще и присяжными, по выбору суда или самого лица, которому назначена присяга. Такимъ образомъ присяжники бываютъ или поименованные или непоименованные.

Въ дѣлахъ большой важности и гдѣ есть причины къ подозрѣнію, обвиняемому назначаются присяжники по выбору суда, т. е. поименованные; въ эти присяжники выбираются судоильцы, пользующіеся въ обществѣ особенно хорошей репутацией, люди нравственные и зажиточные хозяева; но присяжники и не поименованные, т. е. предоставленные выбору того лица, который долженъ принять присягу, должны быть люди не бездомные;

иметь саки и какое-нибудь хоштво, пару быковъ, корову или ивонолько овесь. Обыкновенно, присяжники назначаются изъ того аульного квартала, гдѣ живетъ тяжущійся, коему определена присяга.

Въ присягахъ не фамильныхъ, т. е. гдѣ родственники присягающаго не принимаются въ присяжники, обычай не допускаетъ двухъ лицъ изъ одной саки или двора.

Если совершившій преступленіе ингушъ перешолъ въ другое селеніе, или даже въ другое общество, присяжники назначаются ему по мѣсту прежняго жительства, гдѣ онъ совершилъ преступленіе, служащее темою судебнаго разбирательства. Если между тяжущимся, которому назначена присяга, и кѣмъ-либо изъ поименованныхъ присяжниковъ существуетъ вражда или родство, то противной сторонѣ предоставляетъ право заявить объ этомъ суду и просить именовать новыхъ присяжниковъ.

Число присяжниковъ бываетъ различное, смотря по сущности дѣла, и по количеству иска. Определить какая-либо общія правила о количествѣ присяжниковъ, назначаемыхъ при решеніи извѣстнаго рода дѣлъ, не представляется возможности, такъ-какъ это зависитъ отъ содержания самого дѣла, нравственныхъ качествъ участвующихъ въ дѣлѣ сторонъ, различныхъ побочныхъ обстоятельствъ, связанныхъ съ тяжбою, и вытекающихъ изъ дѣла разныхъ соображеній. Смотри по всемъ этимъ обстоятельствамъ, можетъ быть назначено 30-ть присяжниковъ, что, впрочемъ, случается весьма рѣдко; обыкновенно самое большое число — 24 присяжника; въ дѣлахъ мелкихъ можетъ быть назначить одинъ присяжникъ. Присяга съ 9-ю присяжниками и съ числомъ выше 9-ти называется фамильною, такъ-какъ для исполненія подобныхъ присягъ назначаются обыкновенно родственники присягающаго; но случаются таковыя присяги и смѣшанные, т. е. допускается часть родственниковъ и часть людей постороннихъ и поименованныхъ. Фамильная присяга назначается только въ дѣлахъ важныхъ и въ виду того, что въ такихъ дѣлахъ обыкновенно трудно найти большое число постороннихъ присяжниковъ, вполне удовлетворяющихъ этой цѣли.

Обязанность присяжниковъ заключается въ томъ, что они должны, вмѣстѣ съ тяжущимся, которому назначена судомъ определенная присяга, принять эту присягу по той формулы, которая назначена судомъ. Обыкновенно, передъ выполнениемъ этой присяги, присяжники требуютъ предварительной присяги отъ то-

го лица, которому она назначена, и только послѣ этого даютъ ее въ судъ.

Для принятія присяги назначается судомъ срокъ и только одинъ разъ. Исключеніе изъ этого правила допускается только въ тѣхъ случаяхъ, когда истецъ, отвѣтчикъ или кто-либо изъ присяжниковъ не явится вслѣдствіе тяжкой болѣзни или по причинѣ смерти или свадьбы кого-либо изъ ближайшихъ родственниковъ своихъ. По представленіи обѣй одной изъ этихъ причинъ неявки удостовѣренія старшины селенія или пристава, судъ можетъ назначить другой срокъ для присяги. Девъ, въ который не состоялась опредѣленная присяга, называется ингушами «не призваннымъ» — ха яцыръ.

Та изъ тяжущихся сторонъ, которой назначена судомъ присяга, при невыполненіи этой присяги въ назначенный срокъ, безъ вышеприведенныхъ уважительныхъ причинъ, проигрываетъ дѣло.

Въ случаѣ неявки въ судъ къ назначенному сроку той изъ тяжущихся сторонъ, которая должна присутствовать при дачѣ присяги противной стороне, судъ даетъ назначеннюю присягу, не стѣнясь этимъ отсутствиемъ.

Весьма часто случается, что послѣ назначенія судомъ которой-либо изъ тяжущихся сторонъ присяги, противная сторона употребляетъ всѣ средства, чтобы отклонить кого-либо изъ присяжниковъ отъ принятія этой присяги. Чѣмѣнѣ всего въ этихъ случаяхъ на присяжниковъ действуютъ подкупомъ, и такой подкупленный присяжникъ, передъ наступленіемъ срока принятія присяги, обыкновенно внезапно куда-нибудь скрывается — и дѣло проиграно. Обычай не только не преѣтвѣстуетъ этого рода злоупотребленій, но какъ будто даже узаконяетъ такой порядокъ тѣмъ, что не признаетъ подкупъ присяжниковъ дѣломъ предосудительнымъ и уважительною причиной къ невыполненію присяги. Поэтому, та сторона, которая должна присягнуть, всѣми способами угощаетъ назначенными присяжниками, поить, корчить и доставляетъ ихъ въ судъ на свой счетъ. Всѣ эти угощающіе приемы имѣютъ въ виду предохранить присяжниковъ отъ подкупа противной стороны; передъ наступленіемъ же срока для принятія присяги, присяжники оберегаются даже особыеннымъ строгимъ карауломъ, чтобы этимъ путемъ пресечь имъ возможность въ дорогую минуту скрыться. Иногда покука присяжниковъ является настоящимъ аукциономъ:

кто больше дастъ, за сторонѣ того и присяжникъ. Нерѣдко присяжники отказываются отъ принятія присяги и въ самомъ судѣ.

На раду съ такими безнравственными понятіями о значеніи присяги, подрывающими всякое уваженіе не только къ выразителю обычного права—суду, но даже и къ самому обычному, у ингушъ, до 1866 года, существовала одна обычная особенность, противорѣчива, повидимому, ихъ неуважительному и вульгарному взгляду на присягу. Нѣкоторые изъ ингушъ, въ присутствіи духовныхъ лицъ, приносили на коранъ присягу въ томъ, что они, никогда въ жизни, ни для кого, не только для постороннихъ, но даже для родныхъ, ни по какимъ дѣламъ, къ корану подходить не будутъ, т. е. не станутъ принимать присяги. Принявши подобную присягу получали отъ кади или отъ муллы разрѣшительный билетъ на арабскомъ языкѣ. Лицъ, обладавшихъ такимъ билетомъ, горскій судъ не назначалъ въ присяжники. Но такъ-какъ иногда появлялись такого рода билеты подложные или фальшивые, т. е. выданные муллами безъ вышеуказанной присяги, то обычай, въ сомнительныхъ и подозрительныхъ случаяхъ, не освобождалъ обладателей подобныхъ билетовъ отъ присяги до тѣхъ-поръ, пока они въ судѣ не подтверждали на коранѣ, что при получении разрѣшительныхъ билетовъ они дѣйствительно приняли означенную присягу въ присутствіи тѣхъ мулль, кои выдали имъ билеты.

На первый взглядъ кажется, что подобное желаніе отстранить себя отъ присяги вытекаетъ у ингушъ изъ уваженія и благоговѣянаго страха къ ней и въ этомъ нужно искать повода къ происходенію разрѣшительныхъ билетовъ; но при более глубокомъ и внимательномъ разсмотрѣніи этого существовавшаго обычая оказывается, что и тутъ ингушъ дѣйствовалъ лишь исключительно для удовлетворенія своихъ эгоистическихъ побужденій. Вся суть заключается въ томъ, что въ дѣлахъ между родственниками обычай употребляетъ всѣ средства и къ тому, чтобы отстранить присягу родственниковъ противъ родственниковъ, такъ-какъ присяга обыкновенно разводитъ близкихъ людей и окончательно поселяетъ между ними вражду. Собственно говоря, самая присяга разводитъ родственниковъ, но то обвиненіе, которое влечетъ за собою присяжное показаніе, какъ судебное, обычное доказательство. Присяга, по той-же самой причинѣ, врабуждаетъ вражду не только въ средѣ родственниковъ, но и между людьми совершенно посторонними; только горскій судъ не спо-

вается назначать присягу въ этомъ послѣднемъ случаѣ. Не только одна присяга, но и всѣи улика или личное свидѣтельство посыпаетъ вражду между людьми такого закала, какъ ингуша. При отсутствіи въ ингушскомъ судопроизводствѣ системы улики и невозможности заставить очевидцевъ какого-нибудь события свидѣтельствовать обѣ атомъ въ судѣ по той причинѣ, что каждый изъ такихъ очевидцевъ боится правдивымъ своимъ показаніемъ заставить прстыдный эпитетъ «доказчина» и нажить себѣ враговъ въ лицѣ обвиняемыхъ такимъ показаніемъ,—остается только одна присяга, которая по-своемъ уже служитъ единственнымъ обличительнымъ фактомъ въ горскомъ правѣ. Естественно, что при малѣйшей возможности каждый стремится избавиться даже и отъ такого способа свидѣтельства, которое, какъ мы видѣли выше, хотя и не составляетъ личного заявленія присягающаго, а лишь является подтвержденіемъ заявленія самого лица, воему назначена присяга, но тѣмъ не менее влечетъ за собою ненависть и вражду съ обвиненной стороны, — и вотъ въ этомъ-то стремленіи заключающаяся цѣль разрѣшительныхъ билетовъ, гарантировавшихъ обладателей ихъ отъ неудовольствій людей, противъ которыхъ они, не имѣя билетовъ, по необходимости должны были присягать; т. е. обвинять ихъ.

При разборѣ дѣлъ въ горскомъ судѣ, ингушскіе обычай подраздѣляются присягу на два вида: обвинительную и оправдывающую—очистительную. Первый видъ присяги назначается судомъ только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, гдѣ является личный свидѣтель события (доказчина или сознавшійся участникъ) или гдѣ самъ истецъ, по характеру тяжебнаго дѣла,—напримѣръ, хозяинъ, опознавший украденную у него вещь,—дѣляется личнымъ свидѣтелемъ; во всѣхъ-же другихъ случаяхъ преобладаетъ оправдательная, т. е. очистительная присяга.

Хотя ремесло доказчика не пользуется популярностью въ средѣ ингушъ, влечетъ нерѣдко за собою кровавую расплату и клянчится общественнымъ презрѣніемъ, выражющимися тѣмъ, что всякий побѣгасть близкихъ связей съ такимъ человѣкомъ, которому даже и послѣ смерти не оказывается обычного почтенія: не только никто не заглянетъ въ домъ къ нему совершившему заупокойную молитву, но часто случается, что не кому вырыть для него могилу,—тѣмъ не менѣе, не смотря на всѣ таинія грозными послѣдствіями, доказчики въ ингушскихъ дѣлахъ играютъ весьма видную и существенную роль.

Въ настоящее время всякий доказчикъ долженъ публично явиться передъ судомъ; но до 1866 года между ингушами существовали секретные доказчики, ибо, за исключением рѣдкихъ исключений, находились такие смѣлые люди, которые становились бы открыто передъ цѣлью общественности, не боясь общественной ненависти, вражды и кровной месть дѣловой фамилии того, на чьего они доказывали. До упомянутаго времени секретное доказательство и судебное разрешение на основаніи этого доказательства были обязательны какъ для суда, такъ и для тѣмущихся сторонъ. Въ такихъ случаяхъ было привыто соблюдать следующій порядокъ: когда къ старшему, приставу или другому начальнику являлся доказчикъ, то приглашалась одна, или два человѣка, обыкновенно изъ числа депутатовъ народнаго суда, въ присутствіи которыхъ доказчикъ долженъ былъ подробно и обстоятельно рассказывать известное ему, какъ личному свидѣтелю или участнику, дѣло. Здѣсь главнымъ условіемъ ставилось, чтобы доказчикъ былъ порядочный человѣкъ и зажиточный хозяинъ—то обстоятельство должно было гарантировать справедливость показаній доказчика. Кроме того, доказчикъ не долженъ быть имѣть никакой вражды съ тѣмъ, на кого онъ доказываетъ, и особенно дружбы и родства съ тѣмъ, въ пользу которыхъ онъ являлся свидѣтельствовать. Затѣмъ доказчикъ приводился еще къ присягѣ въ томъ, что всѣ его показанія совершенно справедливы и что въ открытии виновныхъ не побуждали его ни ненависть, ни ярзда къ обвиненному или къ кому-либо изъ его родственниковъ, равно какъ —ни дружба, ни родство, ни другая какая-либо близкія связи съ истцомъ. Всѣ изложенные доказчикомъ обстоятельства дѣла присутствовавшіе при этомъ депутаты переносили въ судъ и мѣжнѣе ихъ раздавалось согласіемъ остальныхъ членовъ горскаго суда; имя же доказчика оставалось въ тайне.

Доказчикъ, за оказываемую имъ услугу, получаетъ плату, количество которой опредѣляется по договору съ истцомъ. При опредѣленіи платы за воровство, судъ обзываѣтъ виновнаго уплатить доказчику деньги, сколько истецъ покажетъ подъ присягою, и независимо отъ того—уплачены ли уже доказчику деньги или только обѣщаны ему таковыя.

Нерѣдко къ истцу или начальству является доказчикомъ, или и въ прежнее время, одинъ изъ участниковъ воровства или какого-либо другого преступленія, съ условіемъ смягчить ему наказаніе или совсѣмъ избавить отъ него и незыскывать той час-

ти платы, которая, по определению суда, будет наложена на него самого. Случается, что доказчикъ выдаетъ своихъ товарищъ, закадычныхъ друзей и вѣрныхъ спутниковъ темной ночи, соучастниковъ прежнихъ воровства и грабежей, изъ одного лишь неудовольствія за то, что они миновали и не пригласили его на какой-нибудь преступный подвигъ, доставившій имъ хорошую добычу. И много другихъ побужденій, много другихъ чувствованій вызываютъ ингуша на изнанку и вѣроломство; но какого бы характера ни были эти побужденія, главное изъ нихъ составляетъ все-таки—интересъ. И какъ бы онъ ни былъ предосудителенъ и гадокъ—ингушъ пользуется имъ и ради интереса способенъ поертвовать всѣмъ дорогимъ и близкимъ ему.

Хотя теперь секретные доказчики и не имѣютъ того значенія, какъ прежде, но тѣмъ не менѣе они являются довольно часто и за довольно скромную плату иногда даютъ полезныя и вѣрныя сѣдѣнія. Вообще, по характеру своему ингушки представляютъ изъ себя хорошихъ сыщиковъ....

Не смотря на всѣчисленные недостатки ингушъ, проявляющіеся почти въ каждомъ ихъ поступкѣ, во всѣхъ сторонахъ ихъ бытовой жизни, все-таки въ заключеніе можно сказать, что этому небольшому племени, при его природныхъ качествахъ, легкости, съ которою отрѣшаются ингуши отъ устарѣвшихъ, нелѣпыхъ и не соответствующихъ настоящему складу ихъ жизни обычаетъ, и ихъ стремлѣній къ расширению умственного кругозора, — предстоитъ въ скоромъ будущемъ болѣе завидная доля, нежели та, которая ожидаетъ вѣкоторыхъ засѣкѣнныхъ въ невѣжествѣ и мусульманскомъ фанатизмѣ ихъ со сдѣй, упорно отталкивающихъ отъ себя даже всякий намекъ на цивилизацию.

H. Грабовскій.

26 декабря 1874 года.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ КЪ РОССИИ КАБАРДЫ И БОРЬБА ЕЯ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ.

(исторический очеркъ) *).

I.

Древній историческій сюжетъ о черкесахъ. — Походы русскихъ князей къ черкесамъ. — Перерывъ сношеній съ XI по XVI вѣкъ. — Посольство черкесскихъ князей къ царю Иоанну Васильевичу Грозному. — Просьба о принятіи въ подданство Россіи. — Бракъ царя Иоанна Васильевича Грозного съ дочерью кабардинского князя Темрюка Идарова. — Участіе кабардинцевъ въ войнахъ Россіи. — Зависимость Кабарды отъ Крымскаго хана. — Участіе кабардинцевъ въ походахъ Петра Великаго. — Раздѣленіе Кабарды на двѣ враждебныя партии. — Покореніе Кабарды Крымскимъ ханомъ. — Договоръ Россіи съ Турцией о признаніи кабардинцевъ независимыми. — Цѣль признанія этой независимости.

Кабардинцы, входящіе въ составъ однаго изъ племенъ Кавказа, известнаго подъ общимъ названіемъ черкесъ (адихе), были известны русскимъ еще въ довольно отдаленные времена. И въ исторіи россійского государства, и въ преданіяхъ кабардинцевъ сохранились нѣкоторыя свѣдѣнія, указывающія на существованіе нѣкогда сношеній между этими двумя обитавшими по сосѣдству народами.

* Материалами для составленія настоящей статьи служили: „Исторія Адыгейского народа“, составл. Шора-Бекмурзинъ-Ногмовыи, Кавк. Календ. на 1862 г.; „Материалы для Новой Исторіи Кавказа съ 1722 по 1803 годъ“ П. Г. Буткова, С.-Петерб. 1869 года; Сочин. Броневскаго, М. 1823 года. „Исторія Государства Россійскаго“ Карамзина и свѣдѣнія, извлеченные изъ архива Пятигорскаго округа (бывшаго Кабардинскаго округа).

По преданіямъ черкесъ, одно изъ его племенъ, по имени Кабарда, оставило въ VI вѣкѣ гиджры прежнее мѣсто жительства на р. Кубани и потянулось на сѣверъ къ р. Дову, откуда оно однако вскорѣ перешло въ Крымъ.

По морской карте Средиземного и Чернаго морей, составленной въ 1497 г. Фредуціемъ Анконскимъ, выставлено красными буквами название кабардинскаго народа вѣсколько на западѣ отъ того мѣста, гдѣ нынѣ находится Таганрогъ, и прежняя мѣста жительства кабардинцевъ, покинувшихъ въ VII столѣтіи снова Крымъ и занявшихъ островъ, образуемый обоми рукавами Кубани, при самомъ ея устьѣ, и нынѣ еще называемый татарами *Кизилъ-ташъ*, т. е. красный камень. Но и здѣсь пребываніе ихъ продолжалось недолго и они вскорѣ передвинулись, подъ начальствомъ *Инала*, родоначальника всѣхъ кабардинскихъ князей, далѣе на востокъ и разселились вдоль по Кубани въ нынѣшней Кабардѣ, гдѣ подчи-нили себѣ черкесскія племена.

По преданіямъ, сохранившимся у осетинъ, черкесы до прихода изъ Крыма кабардинскихъ князей, назывались *казахами*, — ими, которое они удержали за собою и въ устахъ мигрельцевъ, и теперь еще называющихъ ихъ *казахъ-мене*, т. е. царями казаховъ. Съ этимъ согласуется и свидѣтельство Константина Багрянороднаго, который называетъ землю черкесъ, прилегающую къ Черному морю, *Сихію*, а выше лежащую страну *Казахію*, которая граничитъ съ землею *аламовъ* или осетинъ.

Во времія Георгія Интеріано (George Interiano), писавшаго около 1502 года, черкесы занимали весь восточный берегъ Азовскаго моря, отъ Дона до Босфора Киммерійскаго, откуда они были вытѣснены русскими и татарами.

Шейхъ-Эдінъ Дамасскій говоритъ о христіанскомъ народѣ Эзкемѣ, жившемъ на сѣверѣ Чернаго моря, въ сосѣдствѣ съ аланами и русскими. По мнѣнію д'Оссона, это можетъ быть Зекхи, или Знаки,—названія, подъ которыми греки и итальянцы, по свидѣтельству Интеріано, разумѣли черкесовъ *).

Въ одномъ изъ кабардинскихъ преданій, рассказанныхъ Шора-Ногмовымъ, и именно въ преданіи о «Сватовствѣ Лавристана», встрѣчается слово *русь*. Преданіе это Ногмовъ относитъ ко временамъ, когда Рюрикъ еще не водворился въ Новгородѣ; но такъ-какъ Ногмовъничѣмъ этого предположенія не подкрѣпляетъ и

* См. Ист. Адыг. народа, III. Ногмова, стр. 19, пр. 5.

слово «русь» могло быть известнымъ лишь въ томъ случаѣ, когда подъ этимъ именемъ существовалъ народъ, то, нѣть сомнѣнія, что преданіе о «Сватовствѣ Лавристана» относится къ болѣе позднему времени, нежели приходъ Рюрика съ братьями въ Новгородъ, Изборскъ и въ Бѣлоозеро.

Весьма легко можетъ быть, что черкесы находились въ сношеніяхъ съ сосѣдними славянскими племенами и до IX вѣка, но свѣдѣній объ этомъ не имѣется. По историческимъ же даннымъ, русскіе и черкесы стали известны другъ другу въ 967 году, во время похода великаго князя Святослава за Кубань, до подошвы Кавказскихъ горъ, при чмъ были побѣждены и мѣж яссы и ка-
соги *).

Въ 1022 году совершилъ походъ къ касогамъ (черкесамъ) тмутараканскій князь Мстиславъ Владимировичъ. Какъ въ исторіи нашего государства, такъ и въ предавіи, сохранившемся у кабардинцевъ, упоминается объ этомъ походѣ, окончившемся единоборствомъ князя Мстислава съ черкесскимъ великаномъ и силачомъ Редедею, котораго побѣдилъ князь Мстиславъ, забралъ семейство побѣженного и обложилъ касоговъ данью. Изложеніе этого событія, какъ по историческимъ даннымъ, такъ и по кабардинскому предавію, совершено еходно, что и дѣлаетъ вполнѣ достовѣрнымъ изложеній фактъ, если только при этомъ авторъ «Исторія Адыгейскаго народа», записывая преданіе о единоборствѣ Редеди, не излагалъ это предавіе по историческимъ свѣдѣніямъ **).

Кабардинскіи преданія удостовѣряютъ, что спустя нѣсколько лѣтъ послѣ пораженія Редеди княземъ Мстиславомъ, адыгейскій народъ предпринялъ походъ на Тмутараканское княжество, съ цѣлью отмщенія за смерть Редеди, и, послѣ многихъ кровопролитныхъ сраженій, овладѣлъ этимъ княжествомъ, раззорилъ его и съ богатой добычей и множествомъ пленныхъ возвратился въ отечество. Такимъ образомъ кабардинцы приписываютъ себѣ уничтоженіе Тмутараканского княжества. Такъ-какъ исторія Россіи не указываетъ на судьбу этого княжества, исчезающаго со страницъ исторіи съ 1094 года, то и не представляется возможности проверить справедливость кабардинскаго преданія относительно этого факта. Ш. Ногиовъ, въ подтвержденіе справедливости это-

*) Ист. Госуд. Росс. Карамзина, т. I, гл. VII, стр. 104—105.

**) Тамъ-же, т. II, гл. II, стр. 11, и Ист. Адыг. народа стр. 79.

го предания, приводить сохранившаяся у адыгейскихъ племенъ поговорки: «тамтаракай ухунье» и «тамтаракай ухъ», т. е. «да будетъ тебъ участъ Тамтараевъ» и «будь ты тамтаракаемъ». Послѣднее выраженіе употребляется въ смыслѣ бравы.

Несогласія и раздоры между кабардинскими князьями, потомками князя Инала, междуусобные войны удельныхъ князей Руси и, наконецъ, нашествие на Кавказъ, а затѣмъ и на Россію монголовъ и татаръ, подъ предводительствомъ Чингисъ-хана (въ 1224 г.), разъединили на цѣлый столѣтія русскихъ съ черкесами. Ни исторія нашего государства, ни сказанія кабардинскія ничего не упоминаютъ объ отношеніяхъ между собою этихъ народовъ до половины XVI столѣтія. Надо полагать, что нѣкогда близкіе сосѣди забыли на время о существованіи другъ друга.

Частые набѣги на Кабарду кочевыхъ калмыковъ и татаръ, вторженія дагестанцевъ и опасное сосѣдство грознаго для Кабарды Крымскаго ханства заставили кабардинцевъ вспомнить бывшихъ своихъ сосѣдей — русскихъ и искать у нихъ защиты: съ этою цѣлью, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1552 года, прибыли въ Москву къ царю Иоанну Васильевичу Грозному черкесские князья и обратились съ просьбою, «чтобы Гусударь вступился въ нихъ, а ихъ съ землями взялъ къ себѣ въ холопи, и отъ крымскаго оборошилъ» *).

Послѣ этого посольства черкесскіе князья нерѣдко посѣщали Москву, а двѣти кабардинскаго князя Темрюка Идарова — сына Султанъ и дочь Маріанъ — даже воспитывались въ столицѣ, принявъ христіанство. Бракъ царя Иоанна Васильевича Грознаго съ дочерью названнаго князя Темрюка Идарова — Маріанъ (во святомъ крещеніи Марія), совершенный 21 августа 1561 года, еще болѣе способствовалъ заключенію дружественныхъ отношеній между русскими и черкесами — кабардинцами. Послѣдовавшее верѣдко участвовали въ качествѣ союзниковъ русскихъ въ тогдашнихъ войнахъ съ крымскими татарами.

Въ 1567 году, по ходатайству кабардинскаго князя Темрюка, для защиты черкесъ, былъ заложенъ русскими городъ и крѣпость Терки, на Тюменскомъ городищѣ, близъ устья р. Терека.

Въ 1569 году, во время неудачнаго похода къ Астрахани Касима, кафскаго паша, совершившаго походъ по приказанію

*) Ист. Гос. Росс. Карамзина, т. VIII, гл. V, стр. 139—140 и прим.
416 и 417.

турецкаго сultана Селима II, черкесы свosобствовали девершению пораженія полчищъ Касима-паши, бѣжавшаго отъ князя Петра Серебрянаго *).

Въ царствованіе Феодора Ioанновича къ титулу русскихъ государей былъ присоединенъ титулъ «Государя земли Кабардинской».

Не смотря на установившія такимъ образомъ дружественные отношенія между кабардинцами и русскими, отношенія эти были чисто фиктивнаго свойства; общей и прочной связи не существовало между этими народами: ни языкъ, ни религія, ни народные интересы не имѣли между собою ничего общаго. Къ тому-же и слишкомъ отдаленное мѣсто обитанія кабардинцевъ отъ тогдашнихъ центровъ Россіи не могло связать, въ силу естественныхъ причинъ, общихъ интересовъ какими-нибудь прочными узами. О торговой и промышленной связи не могло быть и рѣчи.

Нерѣдко мнимые пріятели наши — кабардинцы и вредили намъ, вторгаясь въ ближайшія къ нимъ наши провинціи для грабежей и разбоевъ. Для огражденія отъ хищническихъ набѣговъ черкесскихъ и прочихъ сосѣдственныхъ съ Россіею князей, въ послѣдней половинѣ XVI столѣтія, въ царствованіе Феодора Ioанновича, необходимо было прибѣгнуть къ укрѣпленію Астрахани.

Въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій, во время внутреннихъ неурядицъ въ Россіи, соотношенія русскихъ съ кабардинцами снова прерываются.

Кабардинцы, лишенные такимъ образомъ и послѣдней, нравственной поддержки со стороны Россіи, должны были склониться на сторону крымскаго хана, подчинились ему и обязались платить ему дань. Нѣсколько разъ кабардинцы пытались, и имъ удавалось, свергнуть съ себя крымское иго, но освободиться окончательно отъ него не могли до начала XVIII столѣтія, и хотя въ 1672 году въ кр. Теркахъ были кабардинскіе аманаты и вообще кабардинцы заявляли себя подданными Россіи, по фактически оставались въ зависимости отъ крымскихъ хановъ.

Хотя во время борьбы кабардинцевъ съ крымцами на Кавказѣ уже и существовали русскія поселенія: городокъ Терки и Сунженскій острогъ, заложенный въ царствованіе Ioanna Васильевича и оконченный въ 1652 году, но, само собою разумѣется,

*) Тамъ-же т. IX, гл. II, стр. 74—78.

ла серьезная опасность, то послы послали за помощью къ кабардинцамъ; на третий день осады кабардинцы явились къ осажденнымъ и предводительствовавшій ими владелецъ Баматъ послалъ немедленно сказать Дундукъ-Омбо, своему шурину, что русскія войска идутъ на Сулакъ, а не противъ крымцевъ или калмыковъ, и что если они будутъ продолжать свое нападеніе на русскихъ, то онъ, Баматъ, станетъ на защиту этихъ послѣднихъ. Заявленіе Бамата подвѣстовало на крымцевъ и калмыковъ и они отступили отъ осажденныхъ ими русскихъ войскъ.

Нужно замѣтить, что въ описанный періодъ времени, когда Россія не имѣла еще достаточной силы, чтобы поддержать на Кавказѣ свое владычество, кабардинцы стояли на сторонѣ послѣдней совершенно добровольно и оказывали помошь русскимъ изъ простого чувства дружелюбія, не требуя за это никакого возмездія и даже не пользуясь въ свою очередь, въ трудныхъ обстоятельствахъ, какъ увидимъ сейчасъ, помошью со стороны русскихъ войскъ.

Въ 1783-же году, во время похода въ Персію Фети-Гирея-Султана, предводительствуемые имъ турки и татары напали на баксанцевъ и опустошили ихъ жилища; но русскіе не въ состояніи были подать имъ помошь, такъ-какъ Фети-Гирей, сѣдя въ Персію черезъ Кавказъ, грозилъ нашимъ войскамъ, находившимся тогда здѣсь.

Въ томъ-же 1733 году, когда, по повелѣнію Порты, следили въ Дагестанъ и Персію самъ крымскій ханъ Капланъ-Гирей съ 80 тысячнымъ войскомъ, кабардинцы баксанской партии, устрашенные этою грозною силою и желая отвратить отъ себя новыя бѣдствія и раззоренія, а также не предвидя возможности воспользоваться и на этотъ разъ помошью со стороны русскихъ войскъ, вынуждены были заявить хану свою покорность, при чёмъ обѣщали прислать къ нему въ Дербентъ 200 человѣкъ воиновъ, при одномъ владѣльцѣ. Командовавшій тогда на Кавказѣ генераль Левашевъ не препятствовалъ кабардинцамъ въ примиреніи съ крымскимъ ханомъ, желая, чтобы кабардинцы хотя этимъ путемъ обеспечили себѣ безопасность; но наблюдалъ все-таки за тѣмъ, чтобы кабардинцы не вступили въ совершенное подданство крымскому хану и воспретилъ имъ исполнять свое обѣщаніе относительно высыпки къ хану въ Дербентъ 200 человѣкъ, обнаруживая кабардинцевъ монаршею милостью и обѣщая, въ случаѣ

эта небольшая горсть русскихъ не могла противить кабардинцамъ руку помощи и у этихъ русскихъ пionеровъ на Кавказѣ едва-едва доставало силъ на самооборону отъ окружавшихъ ихъ хищническихъ племенъ кавказскихъ обитателей.

Наконецъ, въ царствование императора Петра I, въ начальствѣ XVIII столѣтія, между Россіею и Кабардою стали возставляться болѣе близкія и частыя сношевія, особенно прочно устанавлившіяся со времени пребыванія императора на Кавказѣ. Во время похода этого государя въ Дербенту, кабардинцы выразили преданность свою Россіи тѣмъ, что два владѣльца изъ нихъ, одинъ изъ Большой Кабарды, князь Эльмурза Черкасскій (младший братъ князя Александра Бековича, рода Жанбулатова, фамиліи Бекмурзиной), и Малой Кабарды, Тоусултанова рода, Асланбекъ Кеметовъ, добровольно явились къ государю Петру I съ своими людьми и принимали участіе въ означенномъ походѣ.

Въ 1728 году, въ Большой Кабардѣ, между владѣльцами ея, возникли несогласія. Одинъ изъ владѣльцевъ — Росланбекъ Кайтукинъ поссорился съ владѣльцами родовъ Атажукіна и Мисостова. Вследствіе этого кабардинцы раздѣлились на двѣ партіи. Сторонники Кайтукина (рода Жанбулатова) составили кашкатаевскую партію, названную такъ по имени горы Кашкатау (близъ р. Чerek); вмѣстѣ съ тѣмъ эта партія открыто заявила себѣ враждебною Россіи. Другая-же партія — баксанская, состоявшая изъ родовъ Атажукіна и Мисостова, подъ предводительствомъ владѣльца Бамата или Магомета Кургокина, осталась върою Россіи. Въ виду этихъ несогласій, кашкатаевская партія, желая имѣть перевѣсъ надъ баксанской, передалась крымскому хану; въ 1731 и 1732 годахъ кашкатаевцы приводили въ Кабарду крымцевъ, но баксанцы нѣсколько разъ успѣшно отражали враговъ.

Кабардинцы, принадлежавшіе въ баксанской партіи, не ограничивали преданности своей къ Россіи лишь веденіемъ борьбы съ враждебною для послѣдней партіею, но по временамъ оказывали русскимъ свою фактическую поддержку. Такъ, въ августѣ 1733 года, когда въ крѣпость Св. Креста слѣдовалъ съ Дона отрядъ русскихъ войскъ, подъ командою атамана Краснощекова, и крымцы, въ союзѣ съ предводителемъ калмыковъ — Дундуку-Омбо, провѣдавъ объ этомъ движениі, атаковали отрядъ русскихъ войскъ, то этотъ отрядъ принужденъ былъ заѣсть на дорогѣ и отражать многочисленнаго непріятеля; но такъ-какъ силы непріятеля значительно превосходили числомъ русскихъ, которымъ грози-

надобности, по требованиею ихъ, выслать имъ въ подкрепление 300 человѣкъ гребенскихъ казаковъ.

Въ неопределенномъ положеніи и зависимости отъ крымскаго хана кабардинцы находились до 1736 года, т. е. до начала войны между Россіею и Турціею. Въ эту войну кабардинцы站али на сторону Россіи и вмѣстѣ съ донскими и терскими казаками, при содѣйствіи 40-тысячнаго отряда кочевыхъ калмыковъ, подъ начальствомъ главнаго управителя калмыковъ Дундука-Омбо, действовали противъ кубанскихъ татаръ, подданныхъ Турціи. Кроме того, часть кабардищевъ изъ баксанской партіи и изъ Малой Кабарды, съ владѣльцами своими Баматомъ Мисостовымъ и Кельчуккою, изъ фамиліи Тоусултановской, участвовали въ осадѣ и взятии г. Азова въ юнѣ мѣсяцѣ того-же 1736 года. Главное же подспорье во время этой войны кабардинцы оказывали тѣмъ, что они оберегали весь кизлярский край и сообщеніе между Кизларомъ и Астраханью отъ набѣговъ кубанцевъ.

По окончаніи этой войны съ Турціею и при заключеніи въ Бѣлаградѣ мирнаго договора 18 сентября 1739 года, въ 6 пункта этого договора было сказано:

•Артикуль 6. Объ обѣихъ Кабардахъ, т. е. Большой и Малой, Кабардинскомъ народѣ, съ обѣихъ сторонъ соглашенность, чтобы быть тѣмъ Кабардамъ вольнымъ, и не быть подъ владѣніемъ ни одного, ни другого Имперія, но токмо за баріеру между обѣими Имперіями служить имѣть; и что и отъ другой стороны ближайшій Порты туркамъ и татарамъ въ оныхъ не вступаться, и оныхъ не обезпокоивать, такожде и отъ Всероссійской Имперіи оныхъ въ покой оставлены будуть. Но что однако-же по древнему обыкновенію браны будутъ во Всероссійскую Имперію отъ тѣхъ кабардинцевъ, для спокойнаго ихъ пребыванія, аманаты; и Оттоманской Портѣ такожъ позволяетъ, для такой-же причины, братъ отъ нихъ такихъ-же аманатовъ; а ежели помянутые кабардинцы причину жалобы подадутъ одной или другой Державѣ, каждой позволяетъ наказать*).

Такимъ образомъ, означеннымъ договоромъ Большая и Малая Кабарда были признаны независимыми.

Утвержденіемъ независимости кабардинцевъ предполагалось устраниТЬ тѣ затрудненія, которыя создавались до послѣдней войны заявленіями крымскаго хана о томъ, что кабардинцы подданные турецкаго государства.

* См. Полн. Собр. Зак. Росс. Ист. т. X, стр. 899 и 901, № 7900.

Хотя названнымъ договоромъ, повидимому, и была порвана связь между русскими и кабардинцами и первые лишились вліянія на дѣла послѣднихъ, но, тѣмъ не менѣе, отношенія между ними, какъ близкихъ сосѣдей, продолжали существовать и даже не возбранялось желавшимъ привѣтствовать христіанство кабардинцамъ селиться въ Кизлярѣ. Не смотря на это, Россія все-таки, по-крайней-мѣрѣ на первое время, строго держалась заключенного условія, и когда въ слѣдующемъ 1740 году кабардинцамъ грозилъ кубанскій сераскиръ, наше правительство не призвало возможнымъ защищать ихъ и рѣшило, что если-бы кабардинцы обратились съ просьбою о войскахъ для помощи имъ, «то уклоняться молчаніемъ и разными причинами».

Черезъ нѣсколько лѣтъ обстоятельства измѣнились и русское правительство, въ виду принятаго персидскимъ шахомъ Надыромъ угрожающаго войною положенія и замѣренія его проникнуть въ Кабарду, напасть на Кизляръ и вторгнуться въ россійскія границы, стало склонять кабардинскихъ владѣльцевъ пребывать въ дружескихъ отношеніяхъ съ русскими. Для того чтобы удержать кабардинцевъ въ вѣрности и не допустить ихъ до сообщеній съ шахомъ Надыромъ, были приняты всѣ возможныя предупредительныя мѣры и для наблюденія за кабардинцами былъ посланъ къ нимъ полковникъ Кнутовъ съ командою изъ лучшихъ казаковъ. Кроме того русское начальство старалось наиболѣе ласкать ближайшихъ кабардинскихъ сосѣдей—владѣльцевъ Малой Кабарды и, наконецъ, въ 1742 году, для политическихъ соображеній съ горцами и кабардинцами и для склоненія ихъ оставаться вѣрными Россіи, былъ командированъ правительствомъ отъ артиллеріи генераль-лейтенантъ, царевичъ Грузинскій Бакаръ Вахтангіевичъ, который состоялъ въ родствѣ съ кабардинскими владѣльцами.

Пропаганда между кабардинцами въ пользу Россіи была настолько успѣшна, что въ томъ-же 1742 году кабардинские владѣльцы, въ знакъ уваженія своего къ Россіи, послали присутствовать при коронованіи императрицы Елизаветы Петровны депутата, владѣльца изъ Мисостова рода, Магомата Сидакова.

II.

Внутренние раздоры въ Кабардѣ. — Стремление Россіи снова подчинить себѣ Кабарду. — Война съ Турциею и затруднительное положеніе кабардинцевъ. — Часть кабардинцевъ изъявляетъ желаніе вступить въ подданство Россіи. — Начало борьбы кабардинцевъ за независимость. — Первая военная дѣйствія въ этой борьбѣ. — Кабардинцы изъявляютъ покорность Россіи. — Назначеніе въ Кабарду пристава. — Высочайшая грамота кабардинцамъ. — Дѣйствія русскаго правительства вообще по отношенію къ кабардинцамъ.

Междудѣнь-какъ наше правительство хлопотало о сближеніи съ кабардинцами, въ Большой Кабардѣ, въ 1746 году, снова начались внутренние раздоры и несогласія, возбужденныя владѣльцемъ кашкатовской партіи Росланбекомъ, который, вслѣдствіе этого, оставилъ Кашикатау, переселился въ горы, на р. Чегемъ, и занялъ земли, бывшія во владѣніи баксанской партіи; при этомъ Росланбекъ принялъ къ себѣ родственныхъ кабардинцамъ закубанскихъ черкесъ—бесленеевцевъ.

Смуты, возбужденныя Росланбекомъ и продолжавшіяся въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, имѣли послѣдствіемъ изгнаніе изъ Кабарды владѣльцевъ Касая и Магомета Атажукиныхъ изъ баксанской партіи и Батоко Бекмурзина—изъ кашкатовской. Атажукины, какъ члены партіи, преданной Россіи, были приваты подъ покровительство въ Кизляръ.

Всѣ эти внутренніе безпорядки весьма вредно вліяли на отношенія кабардинцевъ къ Россіи и влонились частью въ тому, чтобы прервать всякую связь съ этимъ государствомъ. Въ 1749 году кабардинцы открыто вознамѣрились было предаться крымскому хану; но такъ-какъ это противорѣчило интересамъ Россіи и присоединеніе кабардинцевъ къ крымскому ханству могло имѣть на Россія весьма невыгодныя послѣдствія, особенно въ виду того, что въ то время Турція замышляла начать войну; — тогдашнее начальство на Кавказѣ всѣми мѣрами старалось отклонить кабардинцевъ отъ принятаго ими рѣшенія и требовало, чтобы они, въ силу Бѣлградскаго трактата, оставались независимыми, воздерживались отъ нанесенія вреда заключившимъ трактатъ империямъ, отпустили отторгнувшіхся отъ Крыма бесленеевцевъ

и чтобы, наконецъ, кашкавцы оставили Чегемъ и возвратились на свое прежнее мѣстожительство—къ Кашкатау.

Чтобы болѣе склонить кабардинцевъ къ исполненію этого требования, имъ были возвращены бѣжавшіе отъ нихъ въ Кизляръ персидскіе пленники.

Всѣ эти мѣры на время успокоили кабардинцевъ. Но въ 1751 году несогласія и раздоры снова возникли между ними. Русское правительство не въ состояніи было положить предѣлъ этимъ несогласіямъ, но все-таки пришло вѣры, чтобы эти несогласія и раздоры не приняли слишкомъ обширныхъ размѣровъ, и съ этой цѣлью воспретило кумыескимъ владѣльцамъ вмѣшваться, подъ какимъ бы то ни было видомъ, въ междоусобныхъ распри кабардинцевъ. При этомъ наше правительство старалось, чтобы побѣда въ этой борьбѣ осталась на сторонѣ болѣе преданной намъ баксанской партіи. Для этого были командированы въ Кабарду маиоры Барковскій и Татаровъ, снабженные тайнымъ порученіемъ вручить одну тысячу рублей старшему въ баксанской партіи владѣльцу Атажукіна рода Бамату Кургокину, а если укажетъ надобность—выдать такую-же сумму и другому владѣльцу той-же партіи, изъ Мисостова рода, Касаю Атажукину.

Барковскій и Татаровъ, послѣ вѣкоторыхъ усилий, въ 1753 году, успѣли привести къ исполненію главную часть порученій: обѣ враждебныя партіи согласились занять прежнія мѣста ихъ жительства и такимъ образомъ кабардинцы Жамбулатова рода вновь поселились при урочищѣ Кашкатау и при рр. Шелухѣ и Нальчикѣ, а роды Атажуківа и Мисостова расположились по рр. Малкѣ, Баксану и Чегему.

Такому успѣшному исходу междоусобной вражды кабардинцевъ содѣствовало не мало приближеніе къ ихъ землямъ русскихъ войскъ и, главнымъ образомъ, то обстоятельство, что русское правительство въ то время успѣло въ ихъ пользу доказать Турціи, что притязанія ея на обитавшихъ въ верховыхъ р. Кубани абазинцевъ—алтыкизековъ несправедливы, ибо абазинцы издревле были подвластными кабардинскимъ владѣльцевъ и что только, вслѣдствіе географическаго мѣстоположенія, находившагося въ сосѣдствѣ съ турецкими владѣніями, они, абазинцы, были по временамъ въ зависимости отъ кубанскихъ сераскировъ.

Къ довершенію водворенія въ Кабардѣ полного спокойствія оставалось только, чтобы кашкавцы возвратили бѣжавшихъ къ нимъ изъ подданства крымскаго хана бесленеевцевъ;

но кашкатауцы не хотѣли этого исполнить и соглашались скорѣе выполнить другое требование крымскаго хана Селимъ-Гирея, заключавшееся въ томъ, чтобы принудить владѣльца ихъ-же партіи Хамураzu Ресланбекова отдать хану жену свою, племянницу прежнаго хана Арсланъ-Гирея. Хамураzа однако-же не согласился на такое пожертвованіе и рѣшился присоединиться къ партіи баксанскихъ владѣльцевъ.

Ханъ крымскій постоянно жаловался Портѣ на предосудительное поведеніе кабардинцевъ, а въ 1754 году выразилъ даже намѣреніе употребить противъ нихъ оружіе. Порта однако-же воспрѣтила хану такой образъ дѣйствій, а россійское правительство рѣшило, въ случаѣ движенія крымскихъ войскъ къ Кабардѣ, выслать изъ Кизляра часть своего пойска для защиты кабардинцевъ. Приведенію въ исполненіе этого рѣшенія не представлялось случая, такъ-какъ самыи поводъ неудовольствія между крымскимъ ханомъ и Кабардою вскорѣ устранился: бесленеевцы, по собственной ихъ инициативѣ, возвратились за Кубань, на прежнія мѣста своего жительства.

Еще во время внутреннихъ несогласій, владѣльцы Большой Кабарды, не ограничиваясь враждебными дѣйствіями между собою, старались тѣснить различными способами соплеменныхъ обитателей Малой Кабарды, пользуясь относительными слабостью и малочисленностью представителей ея. Хотя изстари обѣ Кабарды въ отношеніяхъ между собою были совершенно равноправны и пользовались одинаковыми обычными установлѣніями относительно личной и имущественной самостоятельности, но владѣльцы Большой Кабарды, убѣжденные въ своемъ численномъ превосходствѣ, очевидно стремились къ тому, чтобы господствовать надъ Малою Кабардою и стали предъявлять къ владѣльцамъ ея различнаго рода притязанія, а затѣмъ вскорѣ перешли и къ насилию: отнимали отъ малокабардинцевъ цѣлые селенія подвластныхъ имъ обитателей, возбуждали послѣднихъ къ неповиновѣнію своимъ владѣльцамъ и вообще грозили этимъ владѣльцамъ лишениемъ права господствовать надъ своими подвластными. Всѣ эти дѣйствія владѣльцевъ Большой Кабарды и невозможность противопоставить самоуправству ихъ физическую силу, довели къ которыхъ изъ владѣльцевъ Малой Кабарды до мысли оставить свои жилища и переселиться въ сосѣдство къ брагуновичамъ (на правый берегъ р. Терека, напротивъ вышнѣихъ станицъ Червенской и Щедринской). Еще въ 1751 году малокабардинские жи-

дѣльцы: Кургоко Кончокинъ, Гирей Маметовъ и Исламъ Хановъ обращались къ русскому правительству съ просьбою о переселеніи и тогда же получили разрѣшеніе занять выбранное ими мѣсто въ сосѣдствѣ съ Брагунами; но по неизвѣстной причинѣ переселеніе это не состоялось. И послѣ этого малокабардинцы не разъ обращались съ жалобою къ русскимъ на притѣсненія со стороны владѣльцевъ изъ Большой Кабарды, но однако же желающаго переселенія не предпринимали, а другихъ средствъ вполнѣ обеспечить безо опасности малокабардинцевъ отъ посягательствъ упомянутыхъ владѣльцевъ не представлялось, таикъ какъ Россія не считала себя вправѣ открыто и силою выѣшаться во внутреннія дѣла кабардинцевъ.

Едва только всѣ описанныя выше затрудненія съ крымскимъ ханомъ были приведены къ концу, какъ кабардинцы вновь усѣли влѣтать въ неожиданныя хлопоты. Поводомъ къ этому послужила самая лучшая черта ихъ житейской обстановки—гостеприимство. Дѣло состояло въ томъ, что подъ сѣнь кабардинскаго гостеприимства укрылись бѣглецы: кубанскій сераскиръ Крымъ-Гирей и два сына низверженаго крымскаго хана Арсланъ-Гирей. Несмотря на требованія русскаго правительства обѣ удаленіи изъ Кабарды этихъ бѣглецовъ, а крымскаго хана—о выдачѣ ихъ ему,—кабардинцы, подъ предлогомъ обычая гостеприимства, рѣшительно отказались исполнить эти требованія и бѣглецы оставались въ Кабардѣ до 1762 года, за исключеніемъ Крымъ-Гирея, который въ 1758 году былъ возвведенъ въ достоинство хана, на мѣсто Селимъ-хана.

Несмотря на то, что кабардинцы отказались исполнить изложенное требование Россіи, дружественные отношенія продолжали существовать, и въ 1758 году нѣкоторые изъ кабардинскихъ владѣльцевъ принимали даже участіе въ походѣ кизлярскаго коменданта генералъ-майора Фрауэндорфа для усмиренія возвставшихъ чечеянцевъ.

Втчевіи описанаго времени вражда партій въ Кабардѣ, хотя и не явно, но все-таки продолжала существовать, а въ 1760 году враждебныхъ дѣйствій снова открылись. Баксанская партія вознамѣрилась совсѣмъ изгнать кашкатаевъ изъ занимаемыхъ ими земель и отняла у нихъ нѣколько селеній. Вїѣтъ съ тѣмъ, баксанская партія, измѣнивъ давнишней дружбѣ съ Россіею, передалась подъ покровительство крымскаго хана, согласившись помогать ему въ усмирениі закубанскихъ черкесъ—темиргоевцевъ.

Когда российское правительство извѣстилось о такомъ обра-
зѣ дѣйствій кабардинцевъ, то вновь командировало въ Кабарду
маюра Татарова, поручивъ ему установить спокойствіе между
баксанцами и кашкатающими, отвратить баксансную партію отъ
преданности крымскому хану и воздержать владѣльца этой пар-
тіи Бамата Атажукина отъ вмѣшательства въ дѣла хана съ те-
мироевцами. Татаровъ успѣлъ выполнить возложенное на него
порученіе и вдоворить снова согласіе между враждующими пар-
тіями.

Вслѣдъ затѣмъ, 23 декабря 1760 года, для установленія бо-
лѣе прочной связи между русскими и кавказскими горцами, раз-
рѣшено было пропускать къ кабардинцамъ и другимъ кавказ-
скимъ народамъ: кумыкамъ, брагунамъ и осетинамъ, «какъ къ
подданнымъ российскимъ», ввозъ различныхъ мануфактурныхъ то-
варовъ, съ платоу установленныхъ пошлинъ.

Въ 1762 году кабардинцамъ позволено было отправить къ
высочайшему двору владѣльцевъ «для отданія всеподданѣйшаго
поклона» Государю Петру III, для чего и явились тогда въ Пе-
тербургъ отъ Большой Кабарды старѣйший въ баксанской пар-
тіи, Атажукина рода, владѣлецъ Баматъ Кургекиа и отъ Малой
Кабарды, Тоусултанова рода, владѣлецъ Кургоко Кайтохинъ.

Изъ всѣхъ изложенныхъ событий въ Кабардѣ и дѣйствій
российаго правительства по отношенію къ кабардинцамъ видно,
что хотя по бѣлградскому трактату въ 1739 году Россія и при-
знала Кабарду независимою, но тѣмъ не менѣе стремилась всѣ-
ми доступными средствами поддержать свой авторитетъ въ средѣ
кабардинцевъ и при случаѣ восстановить свои права надъ ними,
утраченныя въ силу вышеприведеннаго бѣлградскаго договора.

Россія, заставшись одинъ разъ цѣлью прочно утвердить свое
господство на Кавказѣ, не могла дѣйствовать иначе, не во вредъ
своимъ интересамъ, и потому существованіе Кабарды, какъ не-
зависимой страны въ нашемъ сосѣдствѣ, имѣвшей влияніе на под-
властныхъ ей ближайшихъ народовъ—осетинъ (тагаурцевъ), ин-
гушъ и карабулаковъ, считавшихся въ тоже время и поддан-
ными Россіи,—не мыслимо было. Такимъ образомъ всѣ стремле-
нія русской политики на Кавказѣ, по отношенію къ Кабардѣ,
какъ самой сильнейшей и богатѣйшей тогда народности на Кав-
казѣ, должны были сосредоточиться на уничтоженіи бѣлградскаго
трактата. Пока случай этотъ представился, Россія, какъ мы ви-
дѣли, не упускала возможности вліять на дѣла кабардинцевъ, по-

степенно привыкала ихъ къ мысли о вступлении въ подданство Россіи и всѣми мѣрами подготовляла ихъ къ этому.

Съ этого цѣлью было обращено особенное вниманіе на бывшихъ въ Кизлярѣ аманатовъ, которыхъ стали обучать русскому языку и грамотѣ. По отношенію къ этимъ аманатамъ, въ 1763 году, было выѣнено подлежащему начальству въ обязанность «стараться искусственнымъ образомъ отводить ихъ отъ варварскихъ нравовъ, вселять въ нихъ любкость и лучшее обхожденіе, доводя ихъ до того, чтобы они часто обращались съ россіянами, и дабы они россійского языка и грамотѣ обучались, и призывасть ихъ въ торжеественные дни къ столу» *).

Съ этими временемъ совпадаютъ стремленія русского правительства распространить между кавказскими горцами христіанство; но стремленія эти, несмотря на казавшіяся дружескія отношенія къ Россіи кабардинцевъ, парализовались весьма энергично послѣдними. Въ 1761 году кабардинцы всѣми средствами старались препятствовать духовнымъ лицамъ совершать крещеніе надъ осетинами и ингушами, нападали на послѣднихъ, разорили ихъ и даже препятствовали имъ отправляться въ Моздокъ.

Наше тогдашнее правительство весьма хорошо сознавало, что способъ поддерживанія своего вліянія вообще на Кавказѣ путемъ дипломатическихъ сношеній не совсѣмъ дѣйствителенъ. Дикая и хищническая натура кабардинцевъ, воспитанная вѣками въ правилахъ боевой жизни, не признавала деликатныхъ способовъ обращенія, и потому кабардинцы, считая эту деликатность за безсиліе, всюду старались противодѣйствовать политикѣ русскихъ по отношенію къ кавказскимъ горцамъ, на которыхъ, по положенію своему, имѣли весьма значительное вліяніе. Чтобы положить предѣль этому противодѣйствию кабардинцевъ, Россія уже давно искала случая прочно утвердиться на границѣ съ Кабардою. Хорошій случай къ этому представился въ то время, когда между обитателями Большой и Малой Кабарды возникли враждебныя отношенія. Послѣ долгихъ колебаній, затѣвавшій уже давно переселеніе владѣлецъ Малой Кабарды Кургоко Кончокпнъ, принялъ крещеніе, съ 40 дворами своихъ подвластныхъ, выселился изъ Малой Кабарды на лѣвый берегъ р. Терека и въ 1759 году основалъ поселеніе въ уроцищѣ Моздокъ. Въ 1763 г., при этомъ поселеніи было возведенено укрѣпленіе.

*) См. Мат. для Нов. Ист. Кавк., П. Буткова, ч. I, стр. 268.

Въ то-же самое время вообще было предпринято намѣреніе учреждать поселенія вверхъ по течевію р. Терека, отъ Гребенской станицы Червленской до Моздока.

Возведеніе при Моздокскомъ поселеніи укрѣпленія не обошлось безъ затрудненій и это обстоятельство сильно повліяло на установление непріязненныхъ отношеній къ Россіи со стороны кабардинцевъ. Дѣло заключалось въ томъ, что кабардинцы, увидя построеніе укрѣпленія въ Моздокѣ, заявили, что земля, на которой воздвигалось укрѣпленіе, принадлежитъ имъ и потому Россія не вправѣ распоряжаться этой землею; но наше правительство доказывало, что, въ силу бѣлградскаго договора, урочище Моздокъ осталось въ предѣловъ кабардинскихъ земель.

Главною причиной неудовольствія кабардинцевъ по поводу возведеній въ Моздокѣ поселенія и укрѣпленія было то, что этимъ предоставлялась легкая возможность подвластнымъ и рабамъ кабардинскихъ владѣльцевъ освобождаться изъ-подъ зависимости, такъ-какъ вышедши изъ Кабарды люди, по принятіи крещенія, становились свободными и занимали, такъ-сказать на глазахъ своихъ владѣльцевъ, весьма выгодное положеніе, пользуясь значительными льготами и привилегіями, дарованными въ началѣ населенія Моздока всѣмъ выселявшимся туда людямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ кабардинскихъ владѣльцевъ тревожила еще и мысль, что Россія, утверждавсь на границѣ съ ними, посягаетъ на независимость ихъ. Въ виду всего этого кабардинцы въ 1764 году отправили къ императорскому двору депутацію, состоявшую изъ владѣльца Кайтуко Кайсынова и знатнѣйшаго изъ узденей—Шабазъ-Гирея Кудинетова.

Упомянутые депутаты, прибывъ въ Петербургъ, заявили просьбу объ уничтоженіи поселенія и укрѣпленія въ Моздокѣ, доказывая, что урочище это принадлежитъ имъ, кабардинцамъ, и что ови тамъ постоянно пользовались лѣсомъ и пастищными угодьями. Кроме того депутаты ходатайствовали и о томъ, чтобы наше правительство платило кабардинцамъ за убѣгающихъ отъ нихъ въ Россію пѣнныхъ — христіанъ и чтобы уходящіе отъ нихъ владѣльцы и уздені, принимающіе крещеніе и поселяющіеся въ предѣлахъ Россіи, отказывались отъ правъ на остающееся въ Кабардѣ имѣніе.

Въ удовлетвореніи заявленной кабардинскими депутатами просьбы было отказано; при чёмъ, по отношенію къ заявленію ихъ о принадлежности имъ урочища Моздока, было объявлено,

что хотя они и пользовались угодьями этого урочища, какъ и въ другихъ мѣстахъ, находящихся въ границахъ российскихъ владѣній, но этимъ вовсе не доказывается право ихъ на эти земли, тѣмъ болѣе, что они пользовались «пи, кабардинцы, лишь съ разрѣшения правительства, въ что такимъ образомъ поселеніе Моздока, находясь въ предѣловъ Кабарды, ничѣмъ не можетъ стѣснять ихъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, подобный отказъ произвелъ на кабардинцевъ непрѣятное впечатлѣніе, и чтобы смягчить нѣсколько послѣдствій этого отказанія, депутату Кайтуко Кайсынову выдано было 3 тысячи рублей для врученія всѣмъ кабардинскимъ владѣльцамъ, подъ предлогомъ вознагражденія ихъ за участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ чеченцевъ въ 1758 году. Наше правительство надѣялось, что это выраженіе монаршей милости успокоитъ кабардинцевъ и изгладить дурное впечатлѣніе отказа въ исполненіи ихъ просьбы. Кроме того въ 1765 году постановлено было, чтобы кабардинцы и кумыки, какъ при продажѣ собственныхъ произведеній и скота, такъ и при покупкѣ товаровъ въ Кизлярѣ, пошлины не платили.

Всѣ эти милости не достигли до осуществленія предположенной цѣли: отказъ уничтожить Моздокъ до того раздражилъ кабардинцевъ, что они отказались принять присланная имъ деньги и рѣшили прервать съ Россіею всякую связь. Этому послѣднему намѣренію способствовали вмѣшательство Турціи въ дѣло возведенія укрѣплений въ Моздокѣ и подстрекательство крымскаго хана. Послѣдній, какъ равно и Порта, старались препятствовать возведенію укрѣплений въ Моздокѣ и съ этой цѣлью возбуждена была съ Россіею дипломатическая переписка. Хотя вслѣдствіе этого и были пріостановлены вѣкторы работы по укрѣпленію Моздока, но тѣмъ не менѣе существованіе Моздока было вполнѣ упрочено.

Крымскій ханъ особенно усердно хлопоталъ о разъединеніи кабардинцевъ съ русскими, хорошо сознавая всю выгоду имѣть на своей сторонѣ такихъ влиятельныхъ и сильныхъ обитателей Кавказа, какъ кабардинцы. Стремленія крымскаго хана находили весьма сильную поддержку въ томъ, что около того времени магометанство въ средѣ кабардинцевъ начало усиливаться и, вслѣдствіе этого, естественно, всѣ симпатіи ихъ склонились болѣе на сторону единовѣрцевъ — крымцевъ и турокъ.

Кабардинцы, поддерживаемые крымскимъ ханомъ и желая

во что бы-то ни стало вынудить у России решеніе уничтожить Моздокъ, еще въ 1764 году, соединившись съ закубанцами, стали производить набѣги въ предѣлы русскихъ владѣй на Кавказъ.

Наше правительство, чтобы не раздражать кабардинцевъ еще болѣе, воздерживалось отъ всякихъ насильственныхъ мѣропріятій противъ непріязненныхъ дѣйствій ихъ; но въ тоже время продолжало разширять укрѣпленія Моздока и въ 1765 году построило тамъ первую церковь. Кабардинцы пришли въ окончательную ярость. По внушенію ихъ и Крымскаго хана, кубанские татары, чтобы отомстить русскимъ, напали въ іюнѣ того-же 1765 года на Кизляръ; но, послѣ 1½, мѣсячной осады, потерпѣвши неудачу при штурмѣ, оставили Кизляръ. Чтобы избавиться отъ повторенія такихъ нападеній, кизлярскій край былъ усиленъ калмыками, донскими и волгскими казаками. Кроме того Войску донскому было поручено наблюдать за сборищами и движеніями кабардинцевъ.

Усиленіе военныхъ средствъ на Кавказъ и твердое намѣреніе не уничтожать Моздока убѣдили кабардинцевъ въ безполезности борьбы изъ-за этого угла. Послѣ нѣсколькоихъ лѣтъ бесплодныхъ усилий, кабардинцы, чтобы удалиться отъ границъ российскихъ владѣй и быть подальше отъ ненавистнаго имъ Моздока, покинули въ 1767 году свои жилища и предприняли переселеніе въ верховья р. Кумы, въ сопѣдство съ закубанцами, съ которыми и вступили въ открытый союзъ. Въ то-же время и часть Малой Кабарды, принадлежавшая владѣльцамъ Туусутновской фамиліи, также удалилась съ плоскости въ горы. Ненебѣжнымъ послѣдствіемъ такого перемѣщенія жилищъ было то, что давники Кабарды—осетины и ингуша,—покровительствуемые русскими, отказались подчиняться требованіямъ кабардинскихъ владѣльцевъ и въ свою очередь стали производить набѣги на кабардинскія селенія, опустошая и раззоряя ихъ.

Въ 1767 году, кабардинцы, при содѣйствіи закубанцевъ, имѣли намѣреніе напасть на Моздокъ и, такъ-сказать, силою скрушимъ его; но возникшая въ томъ году между Россіею и Турциею война воспрепятствовала осуществленію этого плана и вообще измѣнила характеръ отношений кабардинцевъ къ Россіи.

Какъ ни враждебно были настроены кабардинцы противъ Россіи, но война ея съ Турциею заставила призадуматься и поставить ихъ въ затруднительное положеніе: кабардинцамъ предстояло разрѣшить не легкій вопросъ отомъ, къ какой изъ воюю-

щихъ сторонъ имъ слѣдовало применуть?... Признавал веоспори-
мо всю силу русскаго оружія и всѣ неизбѣжно дурныя послѣд-
ствія, какія можетъ повлечь за собою побѣда русскихъ надъ тур-
ками и, наконецъ, зная по прошлому опыту, какую грозную силу
на сторонѣ русскихъ составляютъ кочевые калмыки, которыхъ
Россія могла выпустить на Кабарду, въ случаѣ непріязненныхъ
дѣйствій со стороны послѣднихъ,—многіе изъ кабардинскихъ вла-
дѣльцевъ, въ декабрѣ 1768 года, черезъ посредство кизлярскаго
команданта и намѣстника калмыкаго ханства, просили русское
правительство о принятіи ихъ подъ свое покровительство, обѣ-
щаю возвратиться на старыя мѣста своего жительства къ р. Бак-
сану и принять участіе въ войнѣ съ турками. Нѣкоторые же изъ
владѣльцевъ не хотѣли согласиться на такое сближеніе съ рус-
скими, искали возможности передаться на сторону Турціи и въ
этихъ видахъ отдавали себя подъ покровительство Крымскаго
хана. Впрочемъ, задушевное желаніе кабардинцевъ было оставть-
ся независимыми.

Въ инструкціяхъ, данныхъ генераль-маюру де-Медему, на-
значенному командовать войсками противъ непріятеля со сторо-
ны Кубани, между-прочимъ было указано на необходимость при-
нять мѣры и средства къ тому, чтобы кабардинцы, при какихъ-
бы условіяхъ ни былъ заключенъ миръ съ Турцію, остались на
сторонѣ русскихъ, поданными нашего государства. Для этой цѣ-
ли, какъ равно и для того, чтобы оградить кизлярскій край отъ
набѣговъ кабардинцевъ, генераль-маюру де-Медему, съ корпусомъ
ввѣренныхъ ему войскъ, въ маѣ 1769 года, вступилъ въ Кабар-
ду и, соединившись съ калмыками, назначенными для дѣйствій на
Кубані, расположился близъ горы Бештау.

Увидѣвъ приближеніе значительнаго войска, тѣ изъ кабар-
динскихъ владѣльцевъ, которые еще и прежде склонялись на сто-
рону русскихъ, воспользовались приходомъ послѣднихъ и тогда-же
признали себя, съ подвластнымъ имъ народомъ, поданными россій-
скаго государства, дали присягу въ вѣрности государынѣ импера-
трицѣ и представили аманатовъ. Не сочувствовавшая-же соедине-
нію съ Россіею часть кабардинцевъ удалилась въ горы, расчиты-
вая отсидѣться тамъ, пока русскія войска будутъ находиться въ
предѣлахъ Кабарды. Генераль де-Медемъ старался сначала миро-
любивымъ путемъ убѣдить этихъ непокорныхъ кабардинцевъ по-
слѣдовать примѣру своихъ соотечественниковъ и присоединиться
къ Россіи; но заставшіе въ горныхъ ущельяхъ упорствовали и

потому 29 мая быть посланъ въ верховья Кубани отрядъ изъ 700 казаковъ и 2000 калмыковъ, а 6 июня противъ упорствующихъ кабардинцевъ были высланы еще одинъ гусарскій эскадронъ, 800 казаковъ и 3000 калмыковъ, при двухъ орудіяхъ.

Столкновеніе между русскими войсками и кабардинцами произошло на р. Эшкаконъ. Не смотря на отчаянную защиту кабардинцевъ и удобство занятыхъ ими позицій въ горныхъ ущельяхъ, они потерпѣли полѣтѣшее пораженіе и избѣгли истребленія лишь благодаря наступившей ночи. На другой день кабардинцы избавились отъ угрожавшей имъ гибели принесеніемъ покорности и изъявленіемъ согласія исполнить тѣ обязательства, которыя взяты на себя уже признавшими себѣ подданными Россіи кабардинцами.

Это, такъ-сказать, первое неподготовленное и открытое неизвестное столкновеніе въ прошломъ столѣтіи между русскими войсками и кабардинцами имѣло своимъ послѣдствиемъ потерю до 50 убитыми и 300 ранеными со стороны кабардинцевъ. Пленные, вслѣдствіе заявленной кабардинцами покорности, были освобождены тогда-же и кроме того возвращены побѣжденнымъ захваченные у нихъ нашими войсками до 25. тысячъ штука барановъ.

Слѣдствіемъ этой побѣды русскихъ войскъ было то, что все кабардинцы изъ Большой Кабарды, ушедшие въ верховья р. Кумы, снова возвратились на прежнія мѣста своего жительства по р. Баксану. По примѣру Большой Кабарды, и малокабардинцы, послѣ незначительного упорства со стороны фамиліи Аззоровыхъ, признали себѣ подданными Россіи, приняли въ томъ присягу и выдали заложниковъ.

Какъ интересный документъ, заключающій въ себѣ описание упомянутыхъ событий, можно привести здѣсь извлеченіе изъ прибавленія къ «С.-Петербургскому Вѣдомостямъ», отъ 11 августа 1768 года за № 64.

«... Бештовыя горы состоятъ во владѣніи кабардинскихъ Черкесъ, которые по заключенному въ 1739 году съ Портю Оттоманской мирному трактату признаны были народомъ вольнымъ и ни отъ кого независимымъ, въ разрѣшеніе распри издавна проходившей между обоими дворами о ихъ привадежности».

«Едва только настоящая война открылась многіе изъ кабардинскихъ владѣльцевъ не оставили засвидѣтельствовать о своемъ къ ея императорскому величеству усердіи и просить, чтобы прияты были со всемъ народомъ въ высочайшее ея императорска-

го величества покровительство; напротивъ того, многіе изъ искали отдаться и въ турецкую сторону; но приближеніемъ къ ихъ кабардинскимъ въ Бештовыхъ горахъ жилищамъ генералъ-майора де-Медемъ съ регулярнымъ войскомъ, а намѣстника ханства калмыцкаго Убаши съ калмыками, сихъ послѣднихъ владѣльцевъ замыслы совершенно уничтожились, ибо прочіе почти со всѣмъ народомъ признали себя тотчасъ подданными ея императорскаго величества, учивши въ вѣрности присягу, дали аманатовъ и переселились ближе къ здѣшнимъ пограничнымъ мѣстамъ на р. Баксанъ, на которой они прежде жительствовали; а противные, хотѣя и надѣялись отсидѣться въ ущельѣ, но несмотря на крѣпость мѣста, принуждены были и они наконецъ поддаться и по примѣру прочихъ поступить».

«Генералъ-майоръ де-Медемъ, употребляя предварительно легкіе способы, чтобы сихъ проревностныхъ людей образумить; но не предупрѣвъ въ томъ, отрядилъ 6 іюня для произведенія надъ вими поиска одинъ гусарскій эскадронъ, восемь сотъ казаковъ, и три тысячи калмыковъ, при двухъ орудіяхъ, подъ предводительствомъ грузинскаго гусарскаго полку премьеръ-майора князя Ратіева. Кабардинцы оборонились съ отчаяніемъ, имѣя при томъ и мѣста выгодность; со всѣмъ тѣмъ въ такое приведены были утѣшеніе, что наступившая только ночь совершенно истребить ихъ въ тотъ день воспрепятствовала; а на другой день отвратили они угрожающую имъ погибель принесеніемъ покорности».

«По случаю сего сраженія заслужили похвалу отъ командинра помянутый маіоръ князь Ратіевъ и казацкаго Волжскаго войска походный атаманъ Иванъ Савельевъ, первый, за учиненный имъ при атакѣ хорошия распоряженія, а другой, за отличную свою храбрость».

«Кабардинцевъ побито до пятидесяти, а въ полонъ взято было человѣкъ съ триста, въ томъ числѣ двое владѣльцевъ; но всѣ сіи плѣнники однакоже немедленно освобождены, колѣ скоро упорность товарищей ихъ преодолѣна. Изъ войска же противъ ихъ употребленаго убитыхъ только одинъ казакъ и восемь человѣкъ калмыковъ, а ранено четыре гусара, два казака и калмыкъ шесть человѣкъ».

«Упражняясь генералъ-майоръ де-Медемъ въ употребленіи нужныхъ иѣръ къ утвержденію на всегда кабардинцевъ въ вѣрности, и такъ, прежде нежели далѣе походъ свой отъ Бештовыхъ горъ продолжать могъ, получилъ прошеніе отъ абазин-

цевъ, называемыхъ Алтыкесекъ, или шестиродные, живущихъ въ горахъ, при вершинахъ рѣки Кубани, о приватіи и ихъ въ подданство-же ея императорскаго величества, къ чemu они, какъ издревле подъ властю кабардинскихъ владѣльцевъ находящіеся, подвиглись по собственному ихъ предьяденію обстоятельствомъ съ кабардинцами происшедшими. Прошеніе абазинцевъ исполнено: они въ подданство ея императорскаго величества приваты и дѣйствительно въ томъ присягу учинили. Потомъ, слѣдя генераль-маоръ въ рѣкѣ Кубани, встрѣтилъ отправленныхъ къ нему и отъ другого горскаго народа, называемаго башилбайскаго и живущаго въ сосѣдствѣ съ абазинцами, съ подобнымъ абазинскому представлениемъ, который равнотѣрно обнадежилъ онъ высочайшимъ ея императорскаго величества покровительствомъ; а 21 июня достигнувъ и до рѣки Кубани, нашелъ ону въ великомъ наводненіи отъ разставшаго съ горъ снѣга, и въ чрезвычайно быстромъ теченіи. . . .

Такой благопріятный исходъ событій въ Кабардѣ былъ особенно важенъ для русскихъ въ томъ отношеніи, что, обеспечивъ спокойствие въ Кабардѣ, давалъ возможность генералу де-Медему обратить всѣ свои силы на дѣйствія противъ враждебныхъ кабаццевъ.

Въ то-же время кабардинцы обратились съ просьбою къ генералу де-Медему о назначеніи къ нимъ правителя — офицера. Наше правительство не замедлило воспользоваться此刻ю просьбою, и желая утвердить на будущее время постоянное пребываніе въ Кабардѣ русскаго офицера, вліяніе котораго могло-бы исподволь упрочить дружественные отношенія къ намъ кабардинцевъ и подготовить ихъ къ болѣе искренней преданности и покорности Россіи, — назначило приставомъ къ нимъ состоявшаго при коллегіи иностранныхъ дѣлъ секундъ-маюра Дмитрія Таганова, пользовавшагося у кабардинцевъ уваженіемъ, такъ-какъ онъ былъ внукомъ никогда выявленаго Мусы-Мурзы Султанъ-аульскаго. Для того, чтобы приставъ имѣлъ возможность прилично содержать себя и угощать «кабардинцевъ, какъ нахальныхъ и запрошивыхъ», назначено было ему жалованье и на раздачу подарковъ по 1570 р. 11½ коп. въ годъ.

Когда такимъ образомъ было водворено спокойствіе въ Кабардѣ и она приведена въ полную покорность, кабардинские владѣльцы, въ томъ-же 1769 году, отправили къ высочайшему двору двухъ человѣкъ изъ среды своей: Джанхота Сидакова изъ

баксанской партии и Кургоко Татарханова — изъ кашкатацкой, поручивъ этимъ депутатамъ засвидѣтельствовать передъ императрицею чувства вѣрноподданнической преданности своей и пытъяснить свои нужды. Объ этихъ нуждахъ Сидаковъ и Татархановъ въ 1770 году представили россійскому министерству просьбу отъ имени всѣхъ кабардинскихъ владѣльцевъ. Ходатайство кабардинцевъ прежде всего заключало въ себѣ неизбѣжную просьбу о томъ, чтобы русское правительство уничтожило Моздокъ; затѣмъ просили возвратить бѣжавшихъ туда отъ нихъ холоповъ и не препятствовать въ свободномъ владѣніи принадлежавшему имъ землею.

Пока депутація, представившая это прошеніе, проживала въ С.-Петербургѣ, гдѣ изыскивали средства удовлетворить просьбу кабардинцевъ и успокоить ихъ, кабардинскіе владѣльцы изъ баксанской партии, въ началѣ 1771 года, снова начали производить смуты, увеличившіяся въ іюнѣ мѣсяцѣ до того, что генераль де-Медемъ нашелся вынужденнымъ усилить войсками корпусъ свой и вообще принять воинскія предосторожности къ охраненію нашихъ границъ со стороны Кабарды. Оставалась намъ преданной только кашкатацкая партия, но она была значительно слабѣе баксанской и потому не могла даже обеспечить достаточно безопасность опредѣленного къ кабардинцамъ пристава Таганова, которому угрожали возставшіе баксанцы. Въ виду такого положенія, генералъ де-Медемъ приказалъ Таганову выѣхать изъ Кабарды въ Моздокъ.

Въ то-же самое время, депутатъ отъ кашкатацкой партии, владѣлецъ Кургоко Татархановъ, поданнымъ въ Петербургѣ тайно отъ своего товарища представленіемъ, предсказывалъ о недоброжелательствѣ и невѣрности старшихъ владѣльцевъ: баксанской партии, изъ рода Атажукина, Мисоста Баматова и изъ рода Мисостова — Касая Атажукина, а также и изъ кашкатацкой партии владѣльца Хамурзы Арсланбекова. При этомъ Татархановъ утверждалъ, что враждебное настроеніе этихъ владѣльцевъ сдавали исчезнуть даже и въ томъ случаѣ, если россійское правительство вполовину удовлетворить заявленную черезъ нихъ, депутатовъ, просьбу, что всѣ эти владѣльцы подкуплены турецкимъ правительствомъ, находятся въ тѣсномъ союзѣ со всѣми враждебными намъ кубанскими народами, что ими давно отправленъ къ Портъ владѣлецъ Темрюкъ, родной братъ Мисоста Баматова, съ обязательствомъ, что они никогда не предадутся на сторону Россіи

и что пока эти владѣльцы не будутъ удалены изъ Кабарды, кабардинцы будутъ постоянно возмущаемы ими. Въ виду такого положенія, Татархановъ совѣтывалъ взять въ заложники сына Министра Баматова съ двумя узденными изъ наиболѣе знатѣйшихъ фамилій или же, по-крайней-мѣрѣ, задержать въ Астрахани депутата Джанхота Сидакова и находившихся при немъ сторонниковъ баксанской партіи.

Въ Петербургѣ не дали вѣры заявленію Кургоко Татарханова, заподозривъ, что онъ, совѣтуя удаленіе изъ Кабарды указанныхъ имъ владѣльцевъ, преслѣдуjeтъ какія-нибудь свои личныя цѣли. Затѣмъ, принимая въ соображеніе, что кабардинцы, привыкшіе къ свободѣ, еще болѣе будутъ встревожены и возбуждены насильственнымъ удаленіемъ изъ Кабарды почетнѣйшихъ владѣльцевъ, примутъ это за стремленіе окончательно поработить ихъ, могутъ рисинуть на всевозможный отчаянныи предпріятія, чтобы отстоять свою независимость и, наконецъ, считая неприятнымъ для Россіи задерживать въ Астрахани депутата Джанхота Сидакова, выпустивъ его предварительно изъ Петербурга, и тѣмъ запугать кабардинцевъ и заставить ихъ воздерживаться отъ пріѣзовъ въ Россію, — министерство рѣшило, чтобы, пока есть возможность восстановить между кабардинцами спокойствіе мирными средствами, не прибѣгать ни къ какимъ насильственнымъ мѣрамъ противъ нихъ.

Такимъ образомъ, бывшіе въ Петербургѣ депутаты, а также находившіеся тамъ аманаты отъ кабардинцевъ, отправлены на родину въ 1771 году и имъ вручена Высочайшая грамота на имя всего кабардинскаго народа, слѣдующаго содержанія:

«Божію милостію мы, Екатерина Вторая, императрица и самодержица всероссійская, и прочая, и прочая, и прочая.

«Поданнымъ нашимъ кабардинскимъ владѣльцамъ, узденямъ и всему народу наша императорская милость.

«Извѣстно быть должно, что общество кабардинское составляющимъ, коль изъ древнихъ лѣтъ началось покровительство оному отъ нашей всероссійской имперіи, и что безъ того давно разсѣялись и погибнутъ, или въ тѣсное рабство предаться надлежало-бы ихъ народу. Усердіе и вѣрность кабардинскихъ владѣльцевъ, какія они къ высокимъ нашимъ предкамъ при многихъ случаяхъ оказали, не только пріобрѣли имъ благоволеніе всероссійскихъ великихъ государей до насъ царствовавшихъ, но и безопасными навсегда учинили отъ властолюбивыхъ поку-

шений хановъ крымскихъ, на свободное обращеніе кабардинскаго народа многократно стремившихся. Самый избытокъ сего народа въ способахъ удобной жизни есть слѣдствіе здѣшняго-же въ нему синхроненія и милости; ибо, единственно невозбранымъ распространеніемъ паства своей по всему пространству степей, пришелъ въ настоящее изобильное состояніе; а при такихъ обстоятельствахъ и оставалось ожидать, что кабардинцы какъ отъ нашего императорскаго престола много благодѣянія видѣвшіе, продолженіемъ-же времени удостовѣрившіеся и о собственной своей пользѣ въ сохраненіи непреимѣнной преданности, а сверхъ того и самою благодарности должностю убѣждаемые, и впредь всегда къ нашей сторонѣ благонамѣренными пребудутъ; но напослѣдовъ, а особенно предъ начатіемъ между нашою имперію съ Портой оттоманской войны, вопреки всякаго чаянія, оказались они развращенными, подъ предлогами самыми маловажными.

«Нѣтъ здѣсь нужды входить въ точныя изысканія, какіе ихъ поступки еправедливое наше неудовольствіе причинили. Безъ сумнѣнія каждый изъ нихъ, въ томъ участный, собственною своею совѣстю изобличается, а къ тому довольно будетъ сказать, что все вы, кабардинские владѣльцы, изъ которыхъ иѣкоторые столько были надежны, какъ-бы самые россіяне, учинились подозрительными: прежде наблюдалася съ вашей стороны пристойность въ представленіяхъ прошеній, въ перепискѣ по разнымъ дѣламъ съ пограничными нашими начальниками, обратилась въ грубость, наглость и беззмѣстныя угрозы; многіе-же изъ кабардинцевъ, не только простыхъ и узденей, но иѣкоторые и изъ владѣльцевъ дѣйствительно сообщались съ разбойниками, изъ закубанскихъ народовъ столпившимися, и принялись съ ними за одно ремесло, то есть, начали производить при нашихъ пограничныхъ мѣстахъ воровство и подбѣги.

•Мы, великая государыня, ваше императорское величество, хотя потому довольныя причины имѣли вею тягость нашего гнѣва датьчувствовать кабардинскому народу, но какъ и во время мятежности его однако-же было видно, что иѣкоторые только изъ владѣльцевъ всѣми народомъ колеблютъ единственно для того, чтобы въ ономъ передъ прочими усилиться и получить власть, какая-бы была выше предѣловъ, древнимъ обыкновеніемъ утвержденныхъ; а другіе владѣльцы ложными внушеніями обольстить себя допустили, и остались, безъ всякаго свойственного имъ дѣйствія и сопротивленія, въ слѣпомъ у оныхъ послушаніи, то мы

и въ семъ еще случаѣ послѣдовали еще болѣе природному нашему великодушію и милосердію, нежели правиламъ правосудія, по-вѣльвъ по необходимости учинять на кабардинцовъ военное нападеніе, но не иначе, а съ тѣмъ, чтобы всѣ, которые изъ нихъ образуются, тотчасъ пошли получили.

И такъ, воль было сожалительно, когда кабардинцы находились въ смущеніи и развратѣ, ибо при томъ общество ихъ рушилось-бы неминуемо, толь напротивъ того къ особливой нашей благоугодности касалось, когда мы увѣдомились, что кабардинцы, въ томъ числѣ и тѣ самые, которые прочихъ соблазнили, увида обращенное на нихъ оружіе наше, вышли изъ заблужденія, присягнули повинную, признали себя нашими подданными и учинили присягу въѣрности, а тѣмъ всѣмъ и предупредили конечное свое несчастіе.

Послѣ исполненія сихъ мѣръ, безъ коихъ кабардинцы не могли освободиться отъ омраченія, содержащаго ихъ въ крайнемъ неустройствѣ, мы, великая государыня, наше императорское величество, не имѣя болѣе теперь препятствующихъ причинъ къ распространенію на кабардинское общество монаршихъ нашихъ милостей и благодѣйній, не оставили всемилостивѣшее разсмотрѣть въ подробности и прошеній вашихъ кабардинскихъ владѣльцовъ, представленныхъ чрезъ присланныхъ отъ васъ въ знакъ вашей покорности и подданства въ императорскому нашему двору двухъ вашихъ родственниковъ, владѣльцовъ кабардинскихъ, Коргому Татарханова и Джанхута Сидякова, о уничтоженіи заведенного на рѣкѣ Терекѣ, въ уроцішѣ Моздокѣ, селенія; о возвращеніи узденей и природныхъ холопей въ наши границы выходящихъ; о заплатѣ за христіанскихъ невольниковъ, и чтобы впредь, если кто изъ кабардинскихъ владѣльцовъ выйдетъ для житія въ Кизлярѣ, или въ другое пограничное мѣсто, то-бы такой, тѣ оставшимся по немъ въ Кабардѣ узденямъ и прочимъ людямъ, также и къ имѣнію, никакого притязанія не чинилъ и не вступался.

Высочайшее наше императорское повелѣніе по онымъ вашихъ кабардинскихъ владѣльцовъ прошеніямъ объявляется вамъ и всему вашему обществу слѣдующее:

«Заведенное въ моздокскомъ уроцішѣ селеніе мы, великая государыня, наше императорское величество, никогда уничтожить не согласимся, для того, что оное положеніе свое имѣеть не на вашей кабардинской землѣ, почему оное народъ вашъ въ хозяй-

ствъ его и промыслахъ отнюдь и не стѣсняетъ. Если ни одна со-
сѣдня держава не имѣть права препятствовать въ тѣхъ рас-
поряженіяхъ, кои по нашимъ повелѣвіямъ при границахъ пред-
примаются для лучшей оной безопасности и по другимъ полез-
нымъ намѣреніямъ, могутъ-ли одни кабардинцы присвоивать въ
томъ себѣ преимущество, для всѣхъ прочихъ народовъ исключи-
тельно? Самое время по заведеніи въ Моздокѣ селенія прошѣ-
шее есть доказательствомъ наилучшимъ, что оное началось и со-
держится не для наложенія оковъ на свойственную кабардинцамъ
вольность, какъ тщетно въ семъ народѣ воображалось, но едина-
ственно на тотъ конецъ, чтобы лежавшая впустѣ земля въ нѣ-
которую для пограничныхъ жителей обращена была пользу. Ны-
нѣ-же, когда кабардинцы призвали себя нашими подданными и
сами желать должныствуютъ, дабы въ сосѣствѣ ихъ укрѣплен-
ное жилище находалось для защищенія въ опасныхъ случаяхъ и
толь удобѣйшаго получевія и разныхъ съ здѣшней стороны по-
требныхъ вещей и товаровъ.

Что касается до кабардинскихъ уроженцевъ въ наши по-
границы мѣста впредь выходить имѣюющихъ, съ предъявленіемъ
желанія къ принятію христіанскаго закона, и каковые всѣ по-
нынѣ безъ разбора принимаемы были и назадъ не возвращались,
потому, что въ цѣломъ свѣтѣ и во всѣхъ законахъ обыкновенно
не отвергать того требующихъ; да и въ послѣднемъ между на-
шую имперію и Портю оттоманскою трактатѣ точисе въ семъ
дѣлѣ условіе находилось, изъ котораго и кабардинскіе выходцы
исключены быть не могли, по бывшѣй кабардинскаго народа, на
основаніи того-же трактата, отъ обѣихъ сторонъ независимости:
то при настоящемъ онаго совсѣмъ противномъ противъ прежня-
го состояніи, мы, великай государыни, желань благоденстїя его,
какъ народа съ нашу имперію соединеннаго и намъ принадле-
жащаго, во всемъ возможномъ споспѣшествовать, хотя и созво-
ляемъ, чтобы и впредь владѣльцы и уздені свободность имѣли
для принятія христіанскаго закона, или кромѣ того и для житія,
въ пограничныхъ наши мѣста выходить, и тамъ оставаться, буду-
чи и въ отечествѣ своемъ, первые, никому не подчинены, слѣдо-
вательно не должныствия тамъ никому и отчетомъ въ такихъ сво-
ихъ поступкахъ, которые собственно до пихъ касаются, кромѣ
нарушающиѣ всего общества покой и вредъ оному наносящихъ,
а другіе, находясь въ услугахъ у владѣльцовъ, по собственнымъ
однако деревни имѣютъ, по сему такожде люди не подлаго состоя-

віа, и владѣльцамъ больше по собственной своей волѣ, а не по привыденію присвоются, не платя имъ никакихъ податей, и получая еще отъ нихъ награжденіе за свою придѣжность; но чтобы совсѣмъ тѣмъ отлученіемъ изъ Кабарды владѣльцовъ и узденей, что безъ сумнѣнія рѣдко и случиться можетъ по натуральной всякому человѣку любви къ своему отечеству, и ма-гійшаго предосужденія и убытия кабардинскому обществу не причинились, мы снисходимъ напротивъ того на прошеніе ваше, кабардинскихъ владѣльцовъ, въ томъ, чтобы владѣльцы родственники ваши выходящіе въ границы наши, равножъ и узденіи, все что до того въ Кабардѣ ни будуть имѣть оставляли въ пользу вашего общества, и никакого на то притязанія не производили, иже пограничные наши начальники имѣть способствовали, развѣ по добруму согласію и безъ всякаго посредства сами когда что у старшихъ кабардинскихъ владѣльцовъ, обществомъ управляющихъ, испросятъ.

«Рабы-же кабардинские какъ принадлежать господамъ своимъ безъ всякаго изѣятія, составляя ихъ доходъ своею работою и податью, по состоянію-же своему и способовъ не имѣютъ къ по-званію христіанскаго закона; для того мы, великая государыня, входя въ хозяйство кабардинскаго народа состоящее въ скотовод-ствѣ и хлѣбопашествѣ, тѣмъ благоуспѣшнѣе отправляемое, чѣмъ больше кто изъ нихъ работниковъ имѣть, узаконяемъ, чтобы всѣ природные кабардинские холопья, впредь выбѣгать могущіе, назадъ возвращены были, въ предупрежденіе уменія нужныхъ для работы людей, въ такомъ обществѣ, коего благополучіе теперь намъ пріятно.

«Наконецъ пріемлемъ мы, великая государыня, во всемилостивѣйшее уваженіе и употребляемое съ кабардинской стороны вѣдненіе на покупку грузинскихъ невольниковъ, и что оное побѣгомъ ихъ въ наши границы тщетно пропадаетъ. Но поколиву они природные христіане, не можетъ быть по пристойности и справедливости откасънно имъ и впредь въ убѣжищѣ при границахъ вашей имперіи, какъ христіанской. А чтобы не оставить въ сей и кабардинцевъ существеной-же для нихъ нуждѣ безъ монаршаго нашего приэрѣнія, мы къ нимъ столь милостивы быть хотимъ, что по данному нынѣ-же въ надлежашія мѣста нашему императорскому повелѣнію, имѣть быть за грузинцовъ и дру-гихъ не подданныхъ намъ христіанъ, изъ кабардинскихъ жилищъ выбѣгающихъ, хозяевамъ ихъ кабардинцамъ за каждую душу безъ

разбора пола и возраста, дабы всѣ споры при разныхъ положеніяхъ быть могущіе предупреждены быыи, изъ казны нашей по пятидесяти рублей произвождено, число такое денегъ, которое потерю наилучшаго невольника совершенно замѣнить можетъ.

Изліяніе толь совокупно многихъ нашихъ милостей и щедротъ ва кабардинское общество, коль скоро оное нѣкоторымъ только образомъ видится стало быть того достойнымъ, не имѣвъ еще въ самомъ дѣлѣ и случаю никакихъ намъ, великой государыѣ, услугъ оказать послѣ привесенія своей покорности, больше нежели достаточно безъ сумнѣнія быть имѣтъ васъ, кабардинскихъ владѣльцовъ, и всѣхъ тамошнихъ жителей, какого-бы они состоянія ни были, возвбудить къ должной благодарности; заставить все лицемѣство, какое къ сожалѣнію при случаяхъ по нынѣ со стороны многихъ изъ васъ примѣтно было, оставить и утвердиться на всегда въ непремѣнной вѣрности, и не вдаваньсъ больше ни въ какія искушенія, который всегда къ собственному же вашему вреду оканчиваться могутъ. Почему мы совершенно надѣемся, что всѣ кабардинцы, какъ вы, владѣльцы, тавъ и прочie, поступками своими впредь ни малѣйшихъ причинъ къ неудовольствію подавать не будете, во спокойно обращаться имѣтете; соглашеніе не только съ противомышленными разбойниками и злодѣями, но и съ порядочнымъ непріятелемъ будетъ казаться для васъ дѣломъ непристойнымъ и несомнѣннымъ сть должностю подданства и преступленіемъ безчестнымъ и измѣническимъ. А вслѣдствіе того, всѣ противные на наши границы предпріятія по крайней вашей возможности отвращать потщитесь, не допуская никому чрезъ ваши мѣста проходить, а между-тѣмъ о всякихъ сборищахъ заблаговременно сообщая и пограничнымъ нашимъ начальникамъ; сверхъ того не только бѣглецовъ изъ нашихъ подданныхъ къ себѣ принимать и укрывать, какъ и тому многіемъ досадные примѣры были, не будете, но ежелиъ когда отъ нашихъ пограничныхъ жителей сть кѣмъ-бы то ни случилось произойдутъ на кого изъ кабардинцевъ жалобы, оныя не пустыми увертками затруднить и неоконченными оставлять, но прямымъ и безпристрастнымъ разбирательствомъ рѣшить имѣтете. Впрочемъ и аманаты содержаны будутъ по древнему обыкновенію въ нашей сторонѣ отъ такихъ изъ васъ, владѣльцовъ, которыхъ дѣти дѣйствительными аманатами почтены быть могли бъ *); а по

*) Подъ этимъ опредѣленіемъ подразумѣвалось, чтобы аманаты были изъ сильной или многочисленной фамиліи, дѣти отъ законныхъ женъ и чтобы

дѣламъ вашимъ съ нашими пограничными начальниками переписываться будете съ пристойностю, единожды навсегда принявъ за неоспоримую правду, что по состоянію кабардинского общества ничего для него запальчивостю и нескладными угрозами сдѣлано быть не можетъ. А чтобы все наши начальники, до которыхъ кабардинскій дѣла касаться будутъ, принимали ваши представленія съ уваженіемъ и во всемъ томъ, въ чемъ будетъ справедливость, оказывали удовольствіе, о томъ нынѣ и вновь императорскими нашими узазами подтверждено.

«Между тѣмъ мы, великая государыня, наше императорское величество, въ ожиданіи видѣть съ сего времени кабардинский народъ по толиныхъ оказанныхъ благодѣяніяхъ вѣрнымъ и усерднымъ къ намъ и къ нашей имперіи, препоручаемъ вамъ, кабардинскимъ владѣльцамъ, въ надзираніе и какъ приэрѣніе возможное, такъ и дѣйствительное защищеніе, и вубанскихъ мурзъ Ислама Мусина и прочихъ, кои въ 1769 году, во время производимыхъ чрезъ генералъ-маюра Медема на Кубани поисковъ, пришли въ наше подданство, повелѣвая ихъ почитать за соловупленныхъ навсегда къ вашему обществу, для чего и могутъ они поселены быть на кабардинскихъ мѣстахъ, когда удобныя къ тому находятся.

«По объявленіи-же такимъ образомъ обществу нашему, кабардинскому, высочайшей нашей воли по представленнымъ отъ онаго къ нашему императорскому престолу прошеніямъ, а равнымъ образомъ и о томъ, на какомъ основаніи мы сей народъ въ нашемъ подданствѣ содержать соизволяемъ, мы здѣсь-же за благовременно всѣмъ кабардинцамъ и каждому изъ нихъ знать даемъ, что если не будутъ они тронуты и всѣми, такъ сказать, истощенными на нихъ нашими милостями, кои прямое ихъ благополучие составить могутъ, окаменѣлость ихъ всякое удивленіе превзойдетъ; а тогда уже мы безъ принужденія природному нашему человѣколюбію рѣшиться можемъ не только дѣйствительно въ прорезостяхъ оказывающихся строго наказывать, но и всѣхъ кабардинцевъ безъ изъятія за попущеніе въ томъ беспокойнымъ, какихъ для того отнюдь и терпѣть не должно въ ихъ обществѣ, единственно по нашему милосердію, а не по собственнымъ своимъ способамъ въ верушимости оставшемся, и которое монаршаго нашего приэрѣнія удостоились не по нуждѣ времени или обстоятѣльствъ этихъ аманатовъ были сильны и вліятельны въ своихъ родахъ. (П. Бутковъ, ч. I, стр. 321, примѣч. 1-е).

тельствъ, но по свойственной вамъ въ благодѣяніямъ склонности, и въ разсужденіи бывшихъ напредъ сего къ нашей имперіи отъ кабардинскаго народа услугъ, кои однако-же впредъ его не защищатъ, ниже напрасно многоуважаемое кабардинцами содѣйствіе подобныхъ горскихъ народовъ, если когда мѣра нашего гнѣва исполнится и воспослѣдуетъ повелѣніе дѣйствовать противъ ихъ со всею строгостю; но къ чему мы никогда подвигнуты быть не желаемъ, а паче причины имѣть къ умноженію высочайшаго, нашего благоволенія.

«Сія наша императорская грамота имѣющая служить основаніемъ и залогомъ всего будущаго благоденствія кабардинскаго народа отправлена съ владѣльцами кабардинскими во двору нашему присыланными, которые представлены были предъ ваше императорское величество и отпущены съ награжденіемъ. Дано въ С.-Петербургѣ 17 августа 1771 года.»

Кромѣ этой грамоты и генералъ-маиоръ де-Медемъ получилъ отъ 17 августа 1771 года высочайшее повелѣніе исполнить между прочимъ слѣдующее:

«1-е. Произвестъ прямо требованіе вообще ко всѣмъ владѣльцамъ, чтобы Мисостъ въ знакъ совершенного раскаянія своего и удостовѣренія въ будущей вѣрности далъ сына своего въ аманаты; въ случаѣ упорства его, подвигнуть прочихъ, чтобы они его къ тому и принудили, а когда не предуспѣютъ, то какъ противника монаршой воли и возмутителя своего отечества отдали въ ваши руки, или хотя отъ себя выгнали приговоромъ общаго собравія. Но въ семъ обстоятельствѣ наблюсти предсторожность, чтобъ начавъ, а не совершивъ, не навлечь большаго предосужденія безвременнымъ разраженіемъ Мисоста и прочихъ съ нимъ злоумышленныхъ владѣльцевъ. Ежелижъ-бы они злонамѣренныи оказались и по полученіи теперешняго удовольствія, и злоумышленіе большей части кабардинцовъ не могло быть предудержано упорствомъ доброжелательныхъ владѣльцовъ, а развратность ихъ дошла до степени нестерпимости, то и строгія мѣры приняты имѣтъ не только къ наказанію главныхъ мятежниковъ, но и къ принедѣнію ихъ въ совершаенное несостояніе быть больше границамъ нашимъ вредными и самимъ собою и чрезъ соблазны прочимъ тамошнимъ окличнымъ народамъ.»

«2-е. Нужно необходимо, дабы въ Кабардѣ всегда двѣ равносильныя партіи находились, и чтобы кабардинцы привыкли имѣть

у себя пристава российского, къ чему всѣ способы изыскивать должно, употребляя въ необходимости и деньги для отвлеченія отъ противныхъ поступковъ и ихъ обесцененія, по-крайней мѣрѣ на время войны съ Портою, дабы при настоящемъ недосугѣ быть отъ нихъ въ безопасности».

«З-е. Хотя послѣ грубаго отъ владѣльцовъ кабардинскихъ поступка оказаннаго неприятелемъ въ 1764 году 3 т. рублей и не должны ожидать, чтобы при настоящемъ случаѣ награждены были, но ежели имъ нынѣ монаршая щедрота послужитъ способомъ въ подтвержденію ихъ въ благонамѣреи и вѣрности, въ такомъ случаѣ можно будетъ, прощая имъ, какъ дакимъ людямъ и невѣждамъ, пренебреженіе однажды при смутномъ ихъ обстоятельствѣ случившееся, отдать всѣмъ владѣльцамъ вообще оныя 3 т. рублей въ знакъ возвращеннаго уже имъ высочайшаго благоволенія, съ такимъ объявленіемъ, чтобы они сами по себѣ ихъ раздѣли и прислали къ двору пристойное благодареніе*).

III.

Усиление враждебныхъ отношеній кабардинцевъ къ Россіи. — Союзъ ихъ съ турками, крымцами и закубанцами. — Присяга кабардинцевъ о вступленіи въ подданство Турции. — Вторжение союзниковъ въ предѣлы российскихъ владѣній на Кавказъ. — Кучукъ-кайнаржинскій миръ и признаніе кабардинцевъ подданными Россіи. — Притязанія крымскаго хана на подданство ему кабардинцевъ. — Постройка крѣпостей и начало водворенія казачихъ станицъ на границѣ съ Кабардою. — Возмущеніе кабардинцевъ и отречение ихъ отъ подданства Россіи. — Попытки кабардинцевъ уничтожить возведенныя русскими укрепленія. — Неудачи въ этомъ предпріятіи и неоднократныя пораженія. — Изъявленія кабардинцами покорности.

Казалось-бы, что оказанное кабардинцамъ вниманіе, выразившееся въ присылкѣ имъ высочайшей грамоты, чего ни прежде, ни послѣ не дѣжалось по отношенію къ другимъ кавказскимъ

*) Тамъ-же, стр. 323 и 324.

племенамъ, и удовлетвореніе наиболѣе важныхъ просьбъ ихъ, — заставитъ успокоиться ихъ и положить паконецъ предѣлъ безконечнымъ мятежнымъ выходкамъ; но, на самомъ дѣлѣ, ни того, ни другого не случилось: генералъ де-Медемъ ничего не могъ исполнить по отношенію къ удержанію въ покорности владѣльца Ми-соста Баматова и къ установленію въ Кабардѣ двухъ равносильныхъ партій.

Насколько неуспокоительно подѣйствовала на кабардинцевъ и непривѣтливо была принята ими высочайшая грамота, видно изъ донесенія генерала де-Медема отъ 29 апрѣля 1772 года, въ которомъ изъяснено, что по случаю несогласій между кабардинцами, вновь возникшихъ при полученіи и слушавшіи пожалованной имъ грамоты, старшій родомъ изъ владѣльцевъ кабардинскихъ Касай Атажукинъ, присутствовавшій на народномъ собраніи, между прочимъ сказалъ слѣдующее: «Если-де такимъ образомъ быть въ покровительствѣ Россіи, какъ калмыки находились, которыхъ начали раззорять и отъ того они принуждены были отстать отъ Россіи и бѣжать, то де и имъ, кабардинцамъ, тоже воспослѣдуется и они принуждены будуть уйти въ горы» *).

Тѣмъ не менѣе Россія продолжала стремиться къ упроченію своей власти надъ Кабардою, и 7 ноября 1772 года, въ силу заключеннаго въ Карасу трактата съ крымцами, кабардинцы были признаны подданными Россійскаго государства.

Въ-течениі 1772 и 1773 годовъ въ обѣихъ Кабардахъ продолжались смиренія и поддерживались враждебныя чувства къ Россіи, причемъ владѣльцы Малой Кабарды сильно препятствовали сообщенію осетинъ съ Моздокомъ и стремленію ихъ принять христіянство; но правительство наше должно было смотрѣть на продѣлки кабардинцевъ снисходительно, не имѣя тогда времени заняться серьезно Кабардою, такъ-какъ все вниманіе Россіи было сосредоточено на турецкихъ и крымскихъ дѣлахъ.

Наше правительство не только не преслѣдовало эти своеольства кабардинцевъ, но, напротивъ, старалось всѣми средствами угождать имъ. Такъ, въ 1773 году, когда ингушки, притѣсняемые и раззоряемые кабардинцами, отложились отъ нихъ и прислали къ генералу де-Медему просить защиты и покровительства Россіи противъ кабардинцевъ, то правительство предписало де-Ме-

*) Тамъ-же, стр. 493.

дему, чтобы «не отклонять пыгушъ отъ кабардинцевъ, дабы не раздражать этихъ послѣднихъ еще болѣе».

Несмотря на всевозможныя уступки и смиреніе, кабардинцы продолжали питать къ русскимъ враждебныя чувства, и подстрекаемые Турцію, которая снабжала ихъ деньгами, усиливали ненависть свою. Все свое нерасположеніе къ русскимъ кабардинцы объясняли отказомъ въ просьбѣ объ уничтоженіи Моздокъ.

Надѣясь на успѣхи Турціи въ военныхъ дѣйствіяхъ, кабардинцы, черезъ посредство своихъ владѣльцевъ Мисоста Баматова и Хамурзы Арсланбекова, въ 1774 году, заключили союзъ съ назначеннымъ Турцію крымскимъ ханомъ, Давлетъ-Гиреемъ, заубанскими черкесами и турками, для совместныхъ враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи.

Выбранное кабардинцами время для открытия непріязненныхъ дѣйствій какъ нельзя болѣе было выбрано удачно, ибо тогда же, сдѣлуя примѣру кабардинцевъ, воевали противъ Россіи чеченцы и кумыки, угрожавшие обрестностямъ Кизиляра.

Опасность для русскихъ на Кавказѣ въ то время до того увеличилась, что генералъ де-Медемъ приѣзжалъ необходимымъ воспретить кизлярскимъ и моздокскимъ жителямъ имѣть какія-либо сношения съ обитавшими за Терекомъ горцами. Де-Медемъ вознамѣрился выдать кабардинцамъ пред назначеніе имъ 3 тысячи рублей, чтобы умилостивить ихъ; но средство это оказалось въ данномъ случаѣ недѣйствительнымъ: кабардинцы, по возвращенію въ Кабарду владѣльцевъ Мисоста Баматова и Хамурзы Арсланбекова, юзившихъ заключать вышеупомянутый союзъ, готовились уже сдѣлать нападеніе на Моздокъ, но предпріятіе это не удалось, такъ-какъ замыселъ ихъ однимъ армяниномъ былъ сообщенъ генералу де-Медему, который своевременно принялъ мѣры къ предотвращенію этого нападенія.

Непріязненные отвѣщенія кабардинцевъ къ русскимъ поддерживались главнымъ образомъ турками и крымцами различными общинами и сообщеніемъ ложныхъ слуховъ о томъ, что русскія войска разбиты за Дунаемъ. Съ этого цѣлью въ началѣ 1774 года были присланы въ Кабарду турецкіе шпіоны, снабженные деньгами и письмами. Генералъ де-Медемъ, узнавъ объ этомъ, командировалъ въ Кабарду 100 человѣкъ казаковъ и 24 драгуна, подъ начальствомъ маіора Криднера, которому было поручено захватить шпіоновъ. Въ аулахъ владѣльца Атажуко Хамурзина маіоръ Криднеръ захватилъ четырехъ шпіоновъ—крымцевъ,

торыхъ, вмѣстѣ съ самимъ Хамурзиномъ, несмотря на преслѣдованіе кабардинцами небольшого русскаго отряда, благополучно доставилъ въ Моздокъ.

Несмотря на сильно возбужденное состояніе кабардинцевъ противъ Россіи, въ средѣ ихъ все-таки еще оставались люди, преданные русскимъ. Изъ числа этихъ немногихъ, владѣльцы Джанхотъ Татархановъ и Давлетъ-Гирей Касаевъ, въ виду тревожнаго положенія въ Кабардѣ, въ томъ-же 1774 году обратились къ генералу де-Медему съ просьбою о присыпкѣ къ нимъ русскихъ войскъ, для защиты вѣрныхъ Россіи кабардинцевъ отъ вторженія крымцевъ. Вслѣдствіе этой просьбы былъ посланъ въ Кабарду отрядъ изъ 1356 человѣкъ, подъ командою маюра-же Криднера; но достигнуть своего назначенія отряду этому не удалось: дойдя до редута Бештамахъ, маюръ Криднеръ нашелъ тамъ Давлетъ-Гирея Касаева, который объявилъ, что всѣ владѣльцы и черный народъ какъ Большой, такъ и Малой Кабарды окончательно передались на сторону Турціи и дали присягу въ вѣрности ей. Вслѣдствіе такого оборота дѣлъ, отрядъ маюра Криднера долженъ былъ возвратиться въ Моздокъ.

Вскорѣ послѣ этого, крымскій ханъ Давлетъ-Гирей, приглашенный кабардинцами, съ войсками своими, состоявшими изъ турокъ, крымцевъ, черкесъ и 500 человѣкъ некрасовцевъ, сталъ приближаться къ Моздоку.

Генераль де-Медемъ встрѣтилъ непріятеля въ 25 верстахъ выше Моздока, въ уроцішѣ Бештамахъ (гдѣ нынѣ станица Екатериноградская), и 3 июня 1774 года далъ ему сраженіе. Хотя побѣда и осталась на сторонѣ русскихъ, но тѣмъ не менѣе разсѣянный непріятель вскорѣ слова собрался, раздѣлившись на двѣ партии; одна изъ нихъ возвратилась въ Кабарду, а другая устремилась на вновь устроенный станицы Моздокскаго казачьяго полка. Раззоривъ по пути до основанія четыре станицы и истребивъ всѣ жизненные припасы жителей этихъ станицъ, едва только начавшихъ, по переселеніи съ Волги, устраивать свое хозяйство,—непріятель напалъ на главную станицу Моздокскаго полка — Науръ, укрѣпленную семинымъ валомъ и вмѣщавшую въ себѣ весь собравшійся туда послѣ непріятельскаго погрома Моздокскій полкъ съ семьями. 11 июня непріятель сдѣлалъ приступъ на станицу, но, геройски отражаемый втеченіи 12 часовъ, принужденъ былъ отступить и возвратиться къ Кубани *).

*). Геройская защита Наура обращаетъ на себя особенное вниманіе

Тѣмъ временемъ генераль де-Медемъ, послѣ сраженія у Бештамаха, направился въ предѣлы Кабарды, преслѣдуя часть непріятеля, отступившаго туда подъ предводительствомъ крымскаго хана. 29 августа де-Медемъ настигнулъ непріятеля въ Баксанскомъ ущельѣ на р. Гунделенѣ и, послѣ происшедшаго при этомъ боя, принудилъ его союзмъ оставить Кабарду. Окончательной неудачѣ предпріятій вызванныхъ кабардинцами союзникъ способствовало еще и то, что въ то время война съ Турцией была окончена и на помощь де-Медему направлена была часть войскъ изъ кубанского корпуса, дѣйствовавшаго за рр. Кубанью и Лабою.

При заключеніи 10 июля 1774 года мирнаго трактата съ Турцией, было определено, что разрѣшеніе вопроса о присоединеніи Кабарды—Большой и Малой—изъ Россійской имперіи должно быть произведено по согласію съ крымскимъ ханомъ. Такъ какъ присоединеніе Кабарды къ Россіи уже состоялось по договору съ крымскимъ ханомъ въ 1772 г., то въ пополненіи означеннаго постановленія Кучукъ-кайнаржинскаго договора не встрѣтилось необходимости.

Послѣ заключенія Кучукъ-кайнаржинскаго мира, къ генералу де-Медему, при рескрипѣтѣ отъ 5 сентября 1774 года, были сообщены для объявленія кабардинцамъ копіи съ тѣхъ пунктовъ мирнаго договора, которые касались Кабарды. Копіи эти, во избѣженіе недоразумѣній отъ неясности изложенія, написаны были на русскомъ и турецкомъ языкахъ, чтобы такимъ образомъ кабардинцы могли прочитать и сравнять текстъ договорныхъ пунктовъ на обоихъ языкахъ. Присыпано имъ копій съ подлежащихъ пунктовъ трактата предполагалось предотвратить всѣ враждебныя внушенія, которыя могли быть слѣдствіемъ превратнаго толкованія этихъ пунктовъ, указать имъ, кабардинцамъ, что послѣ этого договора надежды на помощь со стороны Крыма не должны обольщать ихъ, что всѣ враждебныя ихъ дѣйствія къ намъ не могутъ быть оправдываемы желаніемъ оказать услугу Крыму или Турции и что за всѣ такія враждебныя дѣйствія они, какъ

тѣмъ, что при отраженіи непріятеля принимали дѣятельное участіе женщины-казачки, которыхъ, какъ видно изъ рапорта генераль-маюра де-Медема отъ 20 июня 1774 года, поражали штурмующаго непріятеля „сѣнокосными косами“, обливали его горячую водою, пушаниемъ, растопленными: смолою, масломъ и т. п. (Мат. для Нов. Ист. Кавк., П. Буткова, стр. 333 и 496).

поданные Российской империи, будут отвѣтственны вѣнцо-сред-
ственno передъ правительствомъ этой империи.

◆ Присланные пункты договора были прочтены въ собраниі
всѣхъ кабардинскихъ владѣльцевъ, изъ которыхъ вѣнцо-
чесмъ не явились на собраніе. Владѣльцы Малой Кабарды выра-
зили удовольствіе по поводу окончательного присоединенія ихъ
къ Россіи и только одинъ изъ владѣльцевъ Большой Кабарды, Ха-
шурза Арсланбековъ, заявилъ, что онъ не можетъ признать себя
руссскимъ подданнымъ, пока не получитъ изъ Крыма подтвержде-
нія совершившагося и объявленного ему факта присоединенія Ка-
барды къ Россіи.

Для того чтобы кабардинские владѣльцы, по невѣжству и
злакомыслю своему, не истолковали можно совершившагося при-
соединенія ихъ къ Россіи и не заподозрили въ этомъ намѣреній
со стороны нашего правительства, будто бы клонящимся къ то-
му, чтобы лишить ихъ разныхъ вольностей и отистить за всѣ
ихъ враждебныя дѣйствія,—имъ, императорскимъ именемъ и по-
велѣніемъ, было объявлено, что, несмотря на то что они присое-
динены къ Россіи безусловно путемъ такого международнаго акта
какъ договоръ, имъ даруются прежнія ихъ вольности, самостоя-
тельное общественное управлениe, на основаніи ихъ древнихъ
обычаевъ, и прощеніе за всѣ проступки, въ той надеждѣ, что
они будущимъ своимъ поведеніемъ загладятъ эти проступки и
останутся вѣрными россійскому престолу, согласно принятой ими
вѣрноподданнической присяги въ 1769 году.

Вѣсть съ тѣмъ генералъ де-Медемъ получилъ повелѣніе,
что пока кабардинцы, какъ варвары и послѣдователи магометан-
скаго закона, будутъ находиться въ возбужденномъ состояніи про-
тивъ насъ, стараться поступать съ ними во всѣхъ случаяхъ со
всевозможной умѣренностью, снисхожденіемъ и справедливостью
и такимъ образомъ пріобрѣсти ихъ расположение и привести къ
сознанію необходимости добровольно и искренно признать власть
Россіи надъ собою. Тѣмъ не менѣе, однаго-же, было предписано
имъ противъ кабардинцевъ воинскую предосторожность, не до-
пускать ихъ производить злодѣйства въ нашихъ границахъ и
строго преслѣдовать за ихъ злодѣянія, не давая имъ, путемъ
этихъ мѣръ, возможности оставаться безнаказанными и относить-
ся къ намъ съ высокомѣріемъ.

Такимъ образомъ наше правительство, забывъ всѣ прош-
лые недружелюбныя дѣйствія кабардинцевъ, всѣми доступными

ему средствами старалось обеспечить связь съ Кабардою гуман-
ными и миролюбивыми путями, не насплужа ихъ свободы, рели-
гіозныхъ вѣрованій, общественного строя и не касаясь ихъ обыч-
ной и бытовой сторонъ жизни, — словомъ, наше правительство
старалось расположить и привязать къ себѣ кабардинцевъ ласкою
и иротнимъ обращеніемъ и далеко было отъ всякихъ мѣръ стро-
гости. Къ сожалѣнію, всѣ эти гуманныя стремленія правитель-
ства не привели къ желанной цѣли: кабардинцы, какъ народъ
мало развитый въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ,
не въ состояніи были понять значеніе такого обращенія и, какъ
люди, признававшіе авторитетъ лишь за физическою силою,
считали наше правительство безсильнымъ употребить болѣе кру-
тыя и энергическія средства для подчиненія ихъ себѣ.

Естественно, что при такомъ взгляде на отношенія свои къ
Россіи, кабардинцы всѣ спешати свои устремляли на сторону
Турціи и Крыма. Тѣмъ не менѣе однакоже, всѣ задушевныя стрем-
ліевія ихъ клонились къ тому, чтобы сохранить свою независи-
мость.

Вслѣдствіе явнаго расположенія и тяготѣнія кабардинцевъ
къ Крыму и по проискамъ ихъ, крымскій ханъ Давлетъ-Гирей,
въ сентябрѣ мѣсяца 1776 года, прислали въ Кабарду и къ гене-
ралу де-Медему особаго нарочного съ объявленіемъ о принадлеж-
ности кабардинцевъ къ Крыму, въ силу послѣдняго мирнаго до-
говора съ Портою, и съ требованіемъ обѣ освобожденіи кабар-
динскихъ аманатовъ. Генералъ де-Медемъ, по прибытіи въ нему изъ
Большой Кабарды упомянутаго нарочного, объявилъ ему, что ка-
бардинцы состоять въ подданствѣ Россіи и потому выданные ими
аманаты не могутъ быть отпущенены, безъ особаго на то высо-
чайшаго повелѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ нарочный этотъ былъ вы-
сланъ въ Азовъ, такъ-какъ пребываніе его въ Кабардѣ могло уси-
лить тамъ волненія и беспорядки.

По новеллѣнію императрицы, отъ имени генерала де-Медема,
было адресовано ко всѣмъ кабардинскимъ владѣльцамъ объявле-
ніе, заключавшее въ себѣ опроверженіе заявленія и требованія
крымскаго хана. Въ этомъ объявлѣніи, между-прочимъ, было вы-
ражено, что кабардинцы издревле и особенно со времени царство-
ванія Иоанна Васильевича признавали себя, безъ всякаго принуж-
денія, подданными Россіи, что издавна-же введено въ обыкнове-
ніе имѣть отъ нихъ въ Россіи аманатовъ и что хотя по бѣлград-

скому мирному трактату, заключенному съ Турциею въ 1739 г., русское правительство согласилось считать кабардинцевъ независимымъ народомъ, но однако и тогда удержало за собою древнее право имѣть у себя отъ нихъ, кабардинцевъ, аманатовъ. Указывалось также и на то, что послѣдняя война (1768 — 1774 г.) разрушила бѣлградскій трактатъ и кабардинцы вновь присягнули на подданство Россіи, что было признано и договоромъ съ крымскимъ ханомъ въ 1772 году; если-же въ Кучукъ-кайнаржиаскомъ трактатѣ и сказано, что присоединеніе Кабарды къ Россіи предоставлется на волю крымского хана, то въ виду только того это упомянуто, что соглашеніе по этому предмету уже состоялось съ крымскимъ ханомъ еще ранѣе, до заключенія мира съ Турциею. Наконецъ было указано кабардинцамъ, что заявившій вышеизложенное требование крымскій ханъ Давлетъ-Гирей, какъ владѣвшій ханствомъ насильственно, не вправѣ былъ предъявлять Россіи какія-либо притязанія относительно кабардинцевъ. Въ заключеніе совѣтывалось кабардинцамъ воздержаться отъ преступныхъ сношеній съ крымскимъ ханомъ и его сторонниками и пребывать вѣрными россійскому престолу.

Объявленіе это, для наивозможнѣй-большаго распространенія между кабардинцами, было послано къ нимъ чрезъ пристава въ числѣ многихъ экземпляровъ. Однако-же, обращеніе это къ кабардинцамъ не произвело на нихъ желаемаго дѣйствія и они не придавали ему никакого значенія до тѣхъ-поръ, пока въ Крыму не возобновились военные дѣйствія. Побѣды, одержанныя русскими войсками въ Крыму, нагнали страхъ на кабардинцевъ и заставили ихъ нѣсколько притихнуть.

Въ то-же время, въ апрѣль 1777 года, генералъ де-Медемъ, вслѣдствіе полученнаго имъ указа, отъ 29 октября 1776 года, отправилъ отрядъ войскъ къ границамъ Кабарды, на р. Малку, для наблюденія за кабардинцами. Увидѣвъ приближеніе русскихъ войскъ, враждебные намъ кабардинскіе владѣльцы обратились съ прошбою къ кубанскому сераскиру о присыпкѣ къ нимъ для защиты турецкихъ войскъ. Сераскиръ исполнилъ-было прошбу кабардинцевъ, но генералъ де-Медемъ обратился къ сераскиру съ строгимъ требованіемъ, чтобы выдвинутыя въ Кабарду турецкія войска были немедленно удалены; вслѣдствіе этого требованія, вступившія въ Кабарду войска тогда-же удалились.

Кабардинцы, съ отступленіемъ турецкаго отряда, потеряли послѣднюю надежду отстоять свою независимость и принуждены бы-

и изъявить покорность Россіи; но оставшіеся намъ преданными кабардинскіе владѣльцы, въ награду за свою вѣрность, просили оставить за Кабардою дарованныя имъ прежде права и сохранять ихъ обычал. Генералъ де Медемъ согласился ходатайствовать объ удовлетвореніи этой просьбы, каковую и представилъ на высочайшее благоусмотрѣніе.

Послѣ этого всѣ владѣльцы какъ Большой, такъ и Малой Кабарды признали надъ собою власть Россіи и привали присягу на вѣрноподданство, по примеру присяги, данной ими въ 1769 году. Особенно охотно признала надъ собою власть Россіи Малая Кабарда, продолжавшая претерпѣвать не мало обидъ и притесненій отъ владѣльцевъ Большой Кабарды. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ всѣхъ владѣльческихъ родовъ Большой Кабарды были взяты аманаты и въ числѣ ихъ — сынъ владѣльца Мисоста Баматова, отчаяннаго и злѣйшаго противника присоединенія Кабарды къ Россіи. Изъ Малой Кабарды аманаты не были взяты.

Изъявленіе кабардинцами покорности само по себѣ не представляло еще достаточной гарантіи для возвращенія спокойствія въ краѣ, такъ какъ кабардинцы и прежде неоднократно нарушили свои обязательства по отношенію къ Россіи, следовательно и на этотъ разъ, при малѣйшей къ тому возможности, могли снова стать въ враждебныя отношенія къ намъ. Это было тѣмъ болѣе легко исполнить, что Турція продолжала тайно подстрекать кабардинцевъ и поддерживать въ нихъ непріязненные чувства къ русскимъ. Поэтому наше правительство, давно уже сознавшее, какъ мы видѣли выше, шаткость своего такъ-сказать морального вліянія на Кабарду, должно было рѣшиться сдѣлать еще одинъ шагъ, чтобы завоевать возможность болѣе прочно утвердить свою власть въ Кабардѣ; этотъ шагъ долженъ былъ привести къ тому, чтобы, согласно принятой уже системы, въорвать на границѣ Кабарды русскія укрѣпленія и осѣдлый русскій-же поселенія. И вотъ, съ этой цѣлью, а равно и для обеспеченія сношенній между Моздокомъ и Дономъ, на протяженіи болѣе 500 верстъ, еще въ началѣ 1776 года рѣшено занять эту линію укрѣпленіями. Въ 1777 году было приступлено къ исполненію этого рѣшенія и втечение года начаты работы по возведенію крѣпостей: Екатериноградской — на р. Малкѣ, Павловской — на р. Курѣ, Марьинской — на р. Золкѣ, Георгіевской — на р. Подкумкѣ и Александровской — на р. Томуаловкѣ.

Кромѣ этихъ укрѣпленій, въ 1780 г., между другими укрѣп-

леніями на Кавказѣ, была построена на границѣ съ Кабардою еще крѣпость Константиновская, на р. Подкумкѣ (вблизи нынѣшняго г. Пятигорска). Крѣпость эта, по положенію своему, представляла весьма важный стратегический пунктъ, заграждавшій кабардинцамъ легчайшій доступъ въ сношеніяхъ съ кубанскими краемъ и возможность хищническимъ партиямъ скрываться въ группѣ такъ-называемыхъ *Бештовыхъ горъ*^{*)}.

Для занятія возведенныхъ по границѣ съ Кабардою укрѣпленій былъ переселенъ на Кавказъ остатокъ Волгскаго казачьяго войска. Эти казаки основали при укрѣпленіяхъ станицы, составившія Волгскій казачій полкъ. Это первое начало осѣдлому ведворенію русскихъ на границѣ съ Большиою Кабардою было положено въ 1779 году.

Какъ и слѣдовало ожидать, постройка крѣпостей не произвела на кабардинцевъ умиротворяющаго дѣйствія и вызвала цѣлый рядъ мятежей и восстаний, продолжавшихся втечениіи нѣсколькихъ лѣтъ и положившихъ основаніе непримиримой и отчаянной ненависти кабардинцевъ къ намъ, русскимъ, ненависти, слѣды которой не изгладились вполнѣ еще и до настоящаго времени.

Когда было приступлено къ постройкѣ первой крѣпости — Екатериноградской, кабардинцы не предъявили никакого спора и неудовольствія по этому случаю, а напротивъ, казались довольными; но когда, вслѣдъ затѣмъ, они увидѣли, что Россія не намѣрена ограничиться постройкою этой одной крѣпости и закладываетъ цѣлую линію крѣпостей по границѣ съ Кабардою,—они взорвались: осенью 1777 года, подстрекаемые закубанцами и пользуясь неспокойствіемъ въ Крыму, они рѣшились препятствовать продолженію постройки крѣпостей силою оружія, несмотря на то, что въ Кизлярѣ содержались ихъ заложники, и явно отреклись отъ подданства и принадлежности россійскому императорскому престолу.

При этомъ отпаденіи кабардинцевъ отъ Россіи, особенно замѣчательно было заявленіе ихъ о томъ, что они никогда россійскими подданными не были и если со временемъ царствованія Иоанна Васильевича имѣли сношенія съ этимъ государствомъ, то не какъ подданные и покорные царю, а лишь какъ *конаки*^{**}).

^{*)} Название этой группы горъ происходит отъ имени горы *Бештау*. По-татарски бешъ — значить пять, тау — гора.

^{**)} Въ настоящее время слово *конакъ* или *кунакъ* употребляется на

Возмущение по поводу постройки крѣпостей было произведено лишь кабардинскими владѣльцами; чѣрный-же кабардинскій народъ, какъ видно изъ донесенія генерал-майора Якоби, отъ 19 декабря 1777 года, заявивъ просьбу о принятіи его подъ покровительство Россіи и избавленіи такимъ путемъ отъ угнетеній владѣльцевъ; но несмотря на возмущеніе владѣльцевъ и вообще враждебное ихъ настроеніе противъ русскихъ, на эту просьбу не воспрѣдѣвало высохшей воли. Отказъ этотъ былъ мотивированъ тѣмъ, что кабардинскій владѣльцамъ уже однѣ разы навсегда императорскимъ именемъ было объявлено, что вступление ихъ въ подданство Россіи не повлечетъ за собою лишенія ихъ древнихъ правъ и вольностей и вышательства въ дѣла ихъ съ народомъ, касающіяся внутренняго ихъ столкновенія и хозяйства. Тѣмъ не менѣе кабардинскому простому народу дать было сорѣтъ противопоставить насилию и свое всевластію владѣльцевъ численный своей перевѣсъ, единомысліе и совокупность дѣйствій; при чемъ народъ былъ обнадеженъ, что, въ случаѣ столкновенія съ владѣльцами, — эти послѣдніе не получатъ со стороны Россіи поддержки или вообще заступничества.

Для предупрежденія враждебныхъ дѣйствій со стороны кабардинцевъ были приняты по линіи укрѣпленій воинскія мѣры предосторожности.

Въ январѣ 1778 года кабардинцы собрались въ числѣ до 4 тысячъ человѣкъ и вознамѣрились сдѣлать нападеніе на Павловскую крѣпость; но, узнавъ въ то-же время о приближеніи къ нимъ русскихъ войскъ, оставили это намѣреніе и разсѣялись по домамъ. Тѣмъ не менѣе мѣры предосторожности не были ослаблены. Между-прочимъ было запрещено продавать кабардинцамъ въ Моздокѣ и Кизлярѣ всѣ предметы, которые могли бы служить имъ для вооруженія.

Своевременное принятіе всѣхъ этихъ мѣръ оказалось не лишнимъ, ибо въ декабрѣ того-же 1778 года кабардинцы снова

Кавказъ въ смыслѣ знакомаго, пріятеля; это слово вошло въ употребленіе даже между русскимъ населеніемъ. Въ прежнее, боевое время кунаками назывались сильные и вліятельные люди или цѣлые племена, подъ покровительство и защиту которыхъ отдавались наиболѣе слабые. Такимъ образомъ и кабардинцы, заявивъ о томъ, что они никогда не были подданными Россіи, высказывали лишь, что, сдѣлавшись кунаками Россіи, они только расчитывали приобрѣсти сильное покровительство, ничѣмъ сами не жертвуя за то, по смыслу значенія куначества.

собрались прощавести нападенія на вновь воздвигнутыя крѣпости, но опять-таки были удержаны нашими войсками и приведены одѣїми угрозами въ такое положеніе, что должны были возобновить присягу на вѣрность Россіи, причемъ старшіе владѣльцы изъ наиболѣѣ знатнѣйшихъ фамилій клятвенно поручились другъ за друга въ точномъ исполненіи этой присяги.

Такъ-какъ подобного рода результаты достигались лишь всѣдѣствіемъ преобладанія на сторонѣ русскихъ физической силы, подбороть которую кабардинцы не въ состояніи были, то и естественно, что все изъянденія о вѣрности и преданности были не болѣе, какъ ничего незначащія слова. Въ глубинѣ же души своей кабардинскіе владѣльцы продолжали питать къ русскимъ не-примиримую ненависть и вътайныхъ делѣяли надежду рано или поздно восторжествовать надъ ними и жестоко отомстить имъ.

Какъ мы видѣли выше, простой кабардинскій народъ не сочувствовалъ стремленію владѣльцевъ и принималъ весьма слабое участіе въ предпріятіяхъ ихъ. Поэтому кабардинскіе владѣльцы вошли въ тайныя сношенія съ закубанскими жителями и другими соседними горцами, съ которыми и заключили союзъ для совокупныхъ непріятельскій дѣйствій противъ русскихъ войскъ.

Цланъ этотъ былъ приведенъ въ исполненіе весною 1779 г. Кабардинцы изъ Большой и Малой Кабарды, соединившись съ закубанскими черкесами—бесленеевцами и тѣмиргоевцами, переправились черезъ р. Малку, расположились на р. Зелѣнѣ, къ 7 верстахъ отъ крѣпости Марьинской, и грозно потребовали, чтобы всѣ крѣпости, за исключеніемъ Екатериноградской, были немедленно срыты на глазахъ ихъ. Такъ-какъ, само-собою разумѣется, это требованіе не было выполнено, кабардинцы прежде всего распорядились пресечь сообщеніе между Марьинской и Екатериноградской крѣпостями и разослали сильныя партии ко всѣмъ крѣпостямъ на границѣ ихъ земель. Всѣ эти набѣги были произведены довольно удачно и имѣли послѣдствіемъ 85 человѣкъ убитыхъ со стороны русскихъ; при этомъ на долю непріятеля досталось до 5 тысячъ штукъ рогатаго скота. Не смотря однако же на этотъ успѣхъ, кабардинцамъ не удалось овладѣть ни одною изъ крѣпостей, не взыграли на то даже, что въ бѣдности Амиреевской подкупленный ими одинъ армянинъ сдѣлалъ пожаръ въ то время, когда они приближались къ крѣпости.

Въ основаніи такихъ смѣлыхъ наступательныхъ дѣйствій кабардинцевъ была надежда на помощь со стороны Турциі, ко-

торая тогда видимо готовилась къ войнѣ съ Россіею за кримскій дѣлъ, а также распространенная въ Кабардѣ ложная извѣстія о томъ, что будто-бы въ Крыму русскія войска потерпѣли окончательное пораженіе, вслѣдствіе чего должны были оставить всю крѣпость, возведенная по р. Кубани генераломъ Суворовъмъ. Кроме того, успѣху кабардинцевъ содѣствовало и то обстоятельство, что генералъ Якоби, стоявший съ отрядомъ у крѣпости Павловской, имѣлъ при себѣ войска не болѣе 2-хъ тысячъ человѣкъ и потому, безъ видимой опасности, не могъ раздѣлить этого войска на мелкие отряды для преслѣдованія непріятельскихъ частей. Чтобы хотя какимъ-нибудь путемъ удержать кабардинцевъ отъ нападенія на русскихъ, генералъ Якоби предписалъ всѣмъ находившимся въ Кизлярѣ кабардинцевъ засадить въ острогъ и употреблять на таинія работы, а вероломыхъ аманатовъ заковать въ кандалы, чтобы чувствовали прородность своихъ отцѣвъ; недорѣ нетомъ эти заложники были отправлены въ г. Астрахань.

Всѣ эти строгости однако-же плохо зяяли на кабардинцевъ, которые продолжали свои враждебныя дѣйствія еще съ большими ожесточеніемъ.

Въ то время, когда закубанские черкесы, въ числь 1500 человѣкъ, осадили Ставропольскую крѣпость, кабардинская партія въ такомъ-же числѣ подступила къ Александровскому редуту, а чеченцы у Калиновской станицы Моздокскаго казачьяго полка напали на транспортъ и разграбили его, взявъ нѣсколько человѣкъ въ пленъ, — и главныя силы кабардинцевъ, состоявшія изъ 6. тысячъ человѣкъ, рѣшились также напасть на русскійъ б. июня, кабардинцы, раздѣлившись на три партіи, совершили это нападеніе: одна партія напала на камышевъ, гребенскихъ и семейныхъ заезжихъ, шедшихъ на подкѣрѣплѣніе къ генералу Якоби, другая — на лагерь Якоби и третья — на Павловскую крѣпость; во всюду кабардинцы были отражены, потерявъ убитыми 120 человѣкъ.

Чрезъ три дня послѣ этого пораженія, кабардинцы опять сдѣлали попытку власть на генерала Якоби, но, снова потерпѣвъ неудачу, направились къ Марыновой крѣпости, отстоявшей отъ Павловской въ 12 верстахъ и охранявшей гарнизономъ изъ 224 человѣкъ, подъ командою капитана Баса. Кабардинцы расположились около этой крѣпости и, получивъ тогда-же сильное подкѣрѣплѣніе отъ прибывшихъ къ нимъ закубанскихъ черкесъ, чеченцевъ и другихъ горскихъ народовъ, въ ночь на 9-е июня приступили къ устройству трапезы, которая шла корву Марынову.

ской крѣпости съ двухъ сторонъ. Во все это время непріятель, засѣвшіи въ траншеяхъ, производилъ по крѣпости сильную пальбу, подвергаясь самъ дѣйствію выстрѣловъ изъ крѣпости. Въ такомъ осадномъ положеніи Марьинская крѣпость оставалась почти двое сутокъ.

10 юня генералъ Якоби выступила изъ Павловской крѣпости на помощь гарнизону Марьинской. Изъ имѣвшейся въ отрядѣ пѣхоты генералъ Якоби построилъ три каре и, соединивъ интервалы конніцей, двинулся въ такомъ порядкѣ по дорогѣ къ крѣпости Марьинской. Кабардинцы, увидѣвъ приближеніе этого отряда, заложили въ траншеяхъ 500 человѣкъ, а всѣ остальные силы поставили въ боевой порядокъ на возвышенности, окружающей Марьинскую крѣпость со стороны къ Павловской. Непріятельская линія заняла пространство болѣе четырехъ верстъ и была растянута такимъ образомъ нарочно, съ цѣлью показать русскимъ свои многочисленныя силы. Этотъ маневръ однакоже не испугалъ и не остановилъ движенія генерала Якоби. Молча и твердо войска его подвигались впередъ. Когда генералъ Якоби съ своимъ отрядомъ сталъ приближаться къ подошвѣ тѣхъ высотъ, которыхъ были заняты непріятелемъ, то послѣдней началъ собираться въ три кучи, очевидно имѣя намѣреніе напасть разомъ на всѣ три каре. Отгадавъ это намѣреніе и не ожидая приведенія его въ исполненіе, генералъ Якоби съ своимъ отрядомъ самъ двинулся въ атаку на непріятеля, приказавъ открыть пальбу изъ орудій и ружей лишь въ то время, когда непріятель будетъ находиться не далѣе полуружиаго выстрѣла.

Непріятель, забѣженный смѣлымъ движениемъ русскихъ, цѣлою массою бросился заразъ на всѣ три каре и особенно устремилъ свой натискъ на среднее, гдѣ находился самъ генералъ Якоби. Несмотря на то, что непріятель былъ встрѣченъ сильнымъ пушечнымъ и ружейнымъ огнемъ, онъ не измѣнилъ своего намѣренія, отчаянно бросался почти подъ самый фронтъ, но терпѣть неудачу. Потомъ всѣми силами непріятель бросился на правый флангъ и занялъ сильную свалку съ казаками. Часть кабардинцевъ, не замѣтивъ расположения каре, устремилась было на задніе фланги, расчитывая дѣйствовать съ тылу, но, встрѣченная дружнымъ огнемъ, и тутъ должна была отступить и дѣйствовать въ разыпанную, но уже на такомъ разстояніи, когда ихъ выстрѣлы не причиняли вреда русскимъ; только одиночные наездники изрѣдка подсекали къ фронту. Оправившись нѣсколько

ко, кабардинцы снова собрались въ одну иучу и сдѣлали новый напискъ на лѣвый флангъ; но, вѣроятно, кабардинцамъ не суждено было выйти побѣдителями, ибо и на этотъ разъ они потерпѣли неудачу и, будучи опрокинуты, обратились въ бѣгство, преслѣдуемые пушечными выстрелами. Непріятелями окончательно овладѣль панический страхъ и всякий изъ нихъ стремился искать спасенія въ бѣгствѣ.

Въ то время, когда кабардинцы усиливались разбить отрядъ генерала Якоби и потерпѣли пораженіе, начальствовавшій въ Марьиной крѣпости капитанъ Басть сдѣлалъ вылазку съ своимъ гарнизономъ и выбилъ изъ траншей залегшихъ тамъ черкесовъ, изъ коихъ 97 человѣкъ остались на мѣстѣ убитыми.

Описанный бой продолжался втечение шести часовъ. Скопище нападавшаго непріятеля простиравось до 15 тысячъ человѣкъ. Кабардинцы потеряли въ этомъ бою убитыми 50 человѣкъ владѣльцевъ и узденей и 500 человѣкъ другихъ званій и народностей. Потеря съ нашей стороны ограничилась 8-ю убитыми и 44 человѣками ранеными.

Какъ оказалось по осмотрѣ непріятельской позиціи, кабардинцы намѣрены были вести правильную осаду крѣпости, и особенно замѣчательнымъ было то, что ими работа траншей производилась лишь кинжалами, да небольшими деревянными лопатками. Этими нехитрыми инструментами непріятель успѣлъ довольно искусно совершить, менѣе чѣмъ въ сутки, половину траншейныхъ работъ. Въ то-же время кабардинцы занимались изготавленіемъ изъ деревянныхъ брусьевъ щитовъ, вѣроятно для наступленія на крѣпость и прикрытия осадныхъ работъ. Одинъ изъ такихъ щитовъ (мантиль) уже былъ готовъ и поставленъ довольно умѣло на шесть колесъ.

Послѣ этого неудачнаго предпріятія кабардинцевъ, втечениіи мѣсяца спокойствіе въ краѣничѣ не было нарушаемо. Кабардинские владѣльцы раскаялись и просили прощенія, обязуясь уплатить русскимъ вдвое всѣ убытки, причиненные ихъ восстаніемъ; но при этомъ умоляли лишь о томъ, чтобы крѣпости Павловская, Марьинская и Георгіевская были уничтожены. Кабардинцы утверждали, что занятіемъ подъ эти крѣпости земель, они стѣснялы въ паштѣ своихъ многочисленныхъ стадъ, которыхъ безъ этихъ земель они принуждены держать въ тѣснотѣ, въ жилищахъ своихъ. Какъ и прежде, кабардинцамъ въ этой просьбѣ было отказано.

Въ виду повторенія отказа, кабардинцы рѣшились еще одинъ разъ попытать силою уничтожить ненавистная имъ крѣпости. 17 июля, партія кабардинцевъ, состоявшая изъ 5 тысячъ человѣкъ, приблизилась къ Георгіевской крѣпости, выжгши по пути на корню весь хлѣбъ и заготовленное русскими сѣно. Противъ этой партіи были высланы казаки, которые и принудили кабардинцевъ отступить. Тѣмъ не менѣе кабардинцы, раздѣлившиесь на небольшія партіи, старались пресѣчь сообщеніе между крѣпостями, убивали людей, опустошали поля и сѣнокосы.

Въ концѣ августа мѣсяца, кабардинцы, въ числѣ 3-хъ тысячъ человѣкъ, въ 10 верстахъ отъ крѣпости Георгіевской, начали на горскій егерскій баталіонъ, сопровождавшій провіантскій транспортъ, шедшій изъ Царицына на Кавказскую линію, но были отражены съ потерю до 600 человѣкъ убитыми. Потерпѣвшіе неудачу кабардинцы, чтобы хотя чѣмъ-нибудь надесадить русскимъ, зажгли въ полѣ, вокругъ транспорта, траву.

27 сентября партія кабардинцевъ въ тысячу человѣкъ довольно удачно напала на команду солдатъ изъ 80 человѣкъ, прикрывавшую перевозку сѣна. При этомъ нападеніи кабардинцы убили одного офицера и 41 человѣка нижнихъ чиновъ, отбивъ одну пушку со всѣми къ ней принадлежностями.

Однако-же кабардинцамъ не суждено было слишкомъ долго наслаждаться плодами этой послѣдней удачи. За день передъ счастливымъ событиемъ для кабардинцевъ, къ генералу Якоби прибыль въ подкрепленіе генералъ-маіоръ Фабриціанъ съ отрядомъ свѣжихъ войскъ. Возпользовавшись прибытіемъ этого подкрепленія, генералъ Якоби рѣшился немедленно дѣйствовать противъ кабардинцевъ наступательно и наказать ихъ за всѣ совершенныя ими злодѣянія. Главныя силы кабардинцевъ были расположены въ то время лагеремъ на одномъ изъ острововъ р. Малки, въ 10 верстахъ отъ Павловской крѣпости — мѣстопребыванія русскихъ войскъ.

29 сентября генералъ Фабриціанъ выступилъ изъ лагеря съ двумя егерскими баталіонами, двумя ротами полевого моздокскаго баталіона, одною тысячью казаковъ и одною тысячью калмыковъ. Построивъ изъ пѣхоты три каре и симѣнувъ ихъ въ интервалахъ казаками и калмыками, генералъ Фабриціанъ двинулся въ такомъ порядкѣ къ р. Малкѣ, черезъ которую и переправился въ 3-хъ верстахъ ниже кабардинской столицы. Послѣ этого генералъ отправилъ бывшихъ въ его отрядѣ казаковъ и

калмыковъ для захвата кабардинскихъ табуновъ, а самъ съ тремя пѣхотными каре зашелъ въ тылъ кабардинцамъ. Въ то же самое время прибылъ къ Малкѣ генералъ Якоби съ двумя баталіонами Томскаго и однімъ баталіономъ Кабардинскаго пѣхотныхъ полковъ, 10-ю эскадронами Владімірскаго драгунскаго полка, Моздокскимъ казачкимъ полкомъ и другими казаками. Составивъ изъ пѣхоты также три каре и расположивъ кавалерію на флангахъ, генералъ Якоби занялъ позицію противъ передняго фаса лагеря кабардинцевъ. Такимъ образомъ кабардинцы оказались окружеными со всѣхъ сторонъ. Замѣтивъ это, бывшіе съ кабардинцами запубанскіе черкесы попусклись было спастись бѣгствомъ и съ этой цѣлью успѣли уже пробраться на лѣвый берегъ Малки, верстахъ въ 3-хъ выше праваго фланга отряда генерала Якоби; но движеніе это во время было замѣчено и для преодѣлованія бѣгущаго непріятеля былъ посланъ Моздокскій казачій полкъ, который, преградивъ путь бѣгущимъ, принудилъ ихъ, съ большою потерей, возвратиться въ лагерь къ кабардинцамъ. Затѣмъ отрядъ генерала Фабриціана произвелъ атаку на позицію, занятую кабардинцами.

Втеченіи 5 часовъ кабардинцы упорно и стойко выдерживали убийственный огонь наступавшихъ на нихъ русскихъ войскъ въ концѣ битвы дошли до такого ожесточенія и самозабвенія, что никто изъ нихъ не захотѣлъ сдаться генералу Фабриціану, который, въ виду этого упорства, вынужденъ былъ вступить съ кабардинцами въ рукопашный бой и истребить почти всѣхъ, кто былъ въ ихъ лагерѣ. Этимъ только и окончилось сраженіе.

На атакованной генераломъ Фабриціаномъ позиціи находились только владѣльцы и уздені, а лагерь главныхъ силъ кабардинцевъ былъ расположенъ въ 6 верстахъ выше по рѣкѣ. Всѣ эти силы, узнавъ о пораженіи владѣльцевъ и узденей, сочли за лучшее во-время бѣжать. На долю русскихъ войскъ достался весь кабардинскій лагерь съ баражемъ; тамъ-же была взята и отбитая кабардинцами нѣсколько дней тому назадъ пушка, со всѣми ея принадлежностями. Со стороны русскихъ въ этомъ бою было убито 16 человѣкъ и ранено 3 человѣка. Кабардинцы-же потеряли убитыми до 300 человѣкъ молодыхъ владѣльцевъ и узденей.

Послѣ этого нанесенного кабардинцамъ пораженія, генералъ Якоби расположился съ своимъ отрядомъ на р. Малкѣ.

Кабардинцы, обезкураженные частыми неудачами и особенно послѣднимъ пораженіемъ, принуждены были затаить свою зло-

бу и вновь изъявить свое раскаяніе. Черезъ приглашеныхъ депутатовъ они вымаливали себѣ прощеніе; но генералъ Якоби, зная по опыту коварство кабардинцевъ, не вѣрилъ въ искренность выражаемыхъ ими смиренія и раскаянія и предвидѣлъ, что они изънанешемъ притворного раскаянія желаютъ только обеспечить себѣ спокойствіе на предстоявшую зиму, т. е. на то время, когда для нихъ веденіе войны вообще не представляется удобствъ. Поэтому, не желая поддаться на хитрую уловку кабардинцевъ и дать имъ время оправиться и отдохнуть, а также имѣн въ виду довершить успѣхъ своего похода наиболѣе существеннымъ и прочнымъ образомъ, генералъ Якоби 28 ноября съ отрядомъ войскъ вступилъ въ предѣлы Большой Кабарды. Это дважды русского отряда до такой степени устрашило кабардинцевъ, что они, какъ разно и жители Малой Кабарды, чистосердечно стали умолять о пощадѣ, клялись въѣрности, покорности и неизмѣнномъ подданствѣ российско-императорскому престолу и обязывались сдѣлать удовлетвореніе за всѣ произведенные ими захваты, не требуя никакого вознагражденія за понесенные ими потери и убытки.

Просьба кабардинцевъ была уважена и 9 декабря они были приведены къ присягѣ, которая содержала въ себѣ исчисление всѣхъ данныхъ ими клятвъ, измѣнъ и монаршихъ прощаній; при этомъ кабардинцы клятвенно обязывались: признавать себя за поданныхъ рабовъ российско-императорского престола, оружіемъ покоренныхъ, быть вѣрными императорскому престолу, исподнять всѣ повелѣнія, извѣщать русское начальство о всѣхъ злоумышленіяхъ, сопротивляться, гдѣ-бы то ни было, врагамъ Россіи, не противиться исполненію требованій поставленного къ нимъ начальства и соблюдать спокойствіе въ Кабардѣ. Въ случаѣ нарушенія кѣмъ-либо этого клятвенного обѣщанія, кабардинцы обязывались избѣгать съ такими людьми всякихъ сношеній, извѣщать о нихъ начальство, не почитать ихъ за своихъ собратьевъ и объявлять вольными всѣхъ подвластныхъ имъ людей. Кроме этой общей присяги, кабардинскій черный народъ обязался взаимнымъ поручительствомъ въ томъ, что если владѣльцы ихъ уйдутъ въ другое място, не следовать за ними, не повиноваться имъ, отречься отъ зависимости и предаться на волю и защиту русского правительства.

Независимо отъ вышеупомянутой присяги, владѣльцы, узде-ни и весь народъ Большой и Малой Кабарды дали письменное обязательство, также утвержденное клятвою на коранѣ и печа-

тами старшихъ владѣльцевъ, заключавшее въ себѣ, кроме данныхъ подъ присягою обѣщаній, еще слѣдующія условія:

«За всѣ похищенія, произведенныя черкесами въ 1779 году, не полагая въ замѣну взятаго у нихъ въ наказаніе на продовольствіе русскихъ войскъ, доставить: денегъ 10 т. рублей; лошадей 2150; рогатаго скота 4750 головъ и овецъ 4539, въ уравненіе утратъ россійскихъ поселеній».

«Возвратить бѣглецовъ и пленныхъ россійскихъ, захваченныхъ въ минувшее замѣшательство и прежде, всіхъ безъ изѣянія, какіе только есть въ Кабардахъ».

«При всякомъ похищеніи, кто-бы оно ни учинилъ въ россійскихъ границахъ, изъ кабардинцевъ и другихъ народовъ, если слѣдъ надѣть на кабардинскія земли, или будетъ на кого изъ кабардинцевъ несомнительное подозрѣніе, платить и очищать свои дачи и себя».

«Чертою границы кабардинской къ Россіи поставляется: отъ Большой Кабарды рѣка Малка, а отъ Малой Кабарды—Терекъ. На лѣвыхъ берегахъ сихъ рѣкъ кабардинцы не должны ни землемѣрія производить, ни скота содержать, потому, что если они прежде сими мѣстами пользовались, то единственно по позволенію россійского начальства, какового происхожденія кабардинцы поведеніемъ своимъ теперь сдѣлались недостойны».

«Въездъ въ линію, по причинѣ дерзновеній кабардинскихъ, не иначе имъ разрешается, какъ по билетамъ россійского правительства при кабардинцахъ, за ручательствомъ старшаго владѣльца Джанхота Татарханова даннымъ. Входъ же въ крѣпости совсѣмъ имъ запрещается; а когда начальникъ крѣпости и соглашится ихъ впустить, то не ишало, какъ чтобы владѣльцу имѣлъ при себѣ только двухъ вооруженныхъ узденей, узденъ одного вооруженнаго холопа, а простой безоружень».

«Съ кубанцами вообще и съ поколѣніями тамо обитающими порознь не должны входить ни въ совѣщанія, ни въ защищевіе икъ; да и не пускаться въ воровскіе промыслы ни къ нимъ, ни къ другимъ народамъ, довольствуясь собственностію. Малой Кабардѣ все то исполнять въ отношеніи чеченцевъ».

«Черному народу разрешается отходить отъ владѣльцовъ и переселяться внутрь линіи, въ случаѣ если будутъ утыснены измѣнными поборами и другимъ образомъ, или принуждаемы къ противнымъ Россіи предпринятіямъ и дѣйствіямъ. Даётся также оному народу увѣренность, что кто изъ нихъ пожелаетъ принять хри-

стіанскій законъ, приняты будуть, и владѣльцы не должны въ томъ имъ препятствовать*).

«Осетинцамъ поколѣній дугорскаго, каражавскаго, куртатскаго, олагирскаго, тагаурскаго, также ингушамъ и всѣмъ прочимъ состоящимъ въ россійскомъ подданствѣ, преезжающимъ святое крещеніе и переселяющимся въ Моздокъ и въ другія мѣста линіи, не только въ томъ не препятствовать, но отнюдь ихъ никакимъ образомъ не притѣснять, ибо кабардинцы всѣ притязанія на нихъ имѣли по одному праву сильнѣйшихъ. Въ случаѣ какихъ-либо обидъ отъ нихъ кабардинцамъ, приносить жалобу россійскимъ начальствамъ, а самимъ не управляться».

«Во всѣхъ взаимныхъ между собою домашнихъ обидахъ должны искать правосудія у старшаго владѣльца Джанхота Татарханова и у россійскаго при Кабардахъ пристава, а самимъ не управляться; особенно избѣгать кровомщенія, которое противно Богу и преданію Магомета. Кто-же россійскими людьми будетъ обиженъ, искасть удовлетворенія чрезъ пристава.**).

Помимо этихъ общихъ для всѣхъ кабардинцевъ условій, владѣльцы и узденіи Малой Кабарды обязаны были ни въ какихъ случаяхъ не оказывать помощи Большой Кабардѣ, даже если-бы было сдѣлано нападеніе на нее какими-либо иноzemенными вародами; въ этихъ случаяхъ защиту кабардинцевъ принимала Россія на себя.

Наконецъ, въ виду того, что простой народъ Малой Кабарды заявилъ жалобу на различныя притѣсненія и обиды со стороны владѣльцевъ, эти послѣдніе, въ присутствіи избранныхъ отъ чернаго народа стариковъ, сдѣлали постановленіе, утвержденное присягою и печатями, слѣдующаго содержанія:

«Владѣльцамъ и узденямъ подвластный племя черный народъ не притѣснять, излишней подати не требовать, а содержать точно на основаніи обычая отъ предковъ и отцовъ ихъ; паче-же

*). По поводу этого пункта въ ордерѣ князя Потемкина отъ 20 декабря 1782 года было выражено: „Нужно и впредь давать приставище бѣдному народу отъ притѣсненія князьковъ своихъ убѣгающему. Такимъ образомъ, не только чернь будетъ способъ избавиться отъ поработенія, но и владѣльцы, ишась подданныхъ, не въ состояніи уже будутъ производить каковыхъ-либо беспокойства; и сіе послужить надеждѣніемъ способомъ къ обезпечению границъ нашихъ. Дачу земли подъ поселеніе производить имъ по примѣру губерніи Новороссійской, не воспрещается впрочемъ и самимъ владѣльцамъ переселяться за линію“.

**). Мат. для Нов. Исторіи Кавказа, П. Буткова, ч. II, стр. 59 и 60.

всего, ихъ самихъ холоповъ, женъ и дѣтей ихъ и имѣющихъся при нихъ обоего пола холоповъ-же, не только будь въ чужія руки отдавать, продавать и дарить, но и ить себѣ въ домѣ не брать; а что иредѣ синъ за 2 года у ицѣ отнято, вышъ возвращать, и за привезенную имъ едраведную жалобу отнюдь удрековать и иценіи не чинить. Если-же это вопреки всего вышеизложенного поступить, то должностъ лишиться своихъ холоповъ вѣчно.*).

Предъявленіемъ кабардинцевъ въ исполненію всѣхъ упомянутыхъ условій вѣлось въ виду престѣчь враждебную связь ихъ съ соседними народами, укротить склонность ихъ къ хищничеству, что влагалось въ нихъ тогдашнімъ воспитаніемъ и считалось национальною добродѣтелью, отнять доходы, получаемые ими отъ покоренныхъ въ прежнія времена ииоплеменныхъ народовъ, отыскать существовавшій у нихъ обычай расправляться каждому самосудомъ въ уголовныхъ дѣлахъ и, наконецъ, привлечь на нашу сторону черный народъ, привяжь его подъ свое покровительство.

IV.

Стремленіе кабардинцевъ къ переселенію.—Продолженіе укрѣленій на земляхъ Кабарды.—Учрежденіе кабардинской милиціи.—Война съ Турцией въ 1787 году и участіе въ ней кабардинцевъ.—Попытки Турции склонить кабардинцевъ на свою сторону.—Походъ Батманъ-паши въ Кабарду.—Хищнические набѣги кабардинцевъ.—Введеніе новыхъ порядковъ въ Кабарду и утвержденіе родовыхъ и расправныхъ судовъ.—Обращеніе кабардинцевъ къ покровителству Турции.—Возстаніе въ Кабарду.

Наученные прошлымъ горькимъ опытомъ, кабардинцы въ конецъ должны были признать свое безсиліе и подчиниться исполненію взятыхъ ими на себя обязательствъ.

Втеченіи 1780 и 1881 годовъ кабардинцы представили замѣчательный приимеръ кротости и покорности, ии малѣйшимъ зна-

*.) Тамъ-же, стр. 61.

комъ неудовольствія не препятствовали постройкѣ въ предѣлахъ ихъ владѣній крѣпости Константино-горской, возвращали бѣглецовъ и плѣнныхъ русскихъ, давали удовлетвореніе за все похищенное, взимая съ каждого укрывателя иражи или вреда-го штрафъ въ восемь разъ противъ стоимости похищенного; словомъ, все принятія кабардинцами обязательства выполнялись ими съ пунктуальною точностью и вообще они держали себя весьма похвально и съ примѣрнымъ достоинствомъ.

Само-собою разумѣется, что главными причинами такого примѣрного поведенія кабардинцевъ были крайняя необходимость и безъисходное ихъ положеніе, вызванныя пораженіями, которыхъ понесли они въ 1779 году. Поэтому на прочность и продолжительность такого поведенія расчитывать нельзя было: злоба и венависть къ русскимъ пустили слишкомъ глубокіе корни и тѣмъ болѣе были опасны, что лежали втайне, до проявленія ихъ при удобномъ случаѣ. Конечно, случай этотъ, при безсиліи кабардинцевъ и въ виду еще свѣжихъ воспоминаній о пораженіи, могъ представиться не скоро; но враждебные инстинкты не могли заглушаться сознаніемъ безсилія.

Тягостное положеніе кабардинцевъ вызвало въ то время у нихъ стремленіе къ переселенію. Нѣкоторые изъ нихъ возъмѣтили намѣреніе переселиться въ Грузію, а 500 семействъ задумали пробраться въ ахалцихскій пашалыкъ. Все это замышлялось съ вѣдома грузинскаго царя Ираклія, который для встрѣчи и приветствія кабардинцевъ выслалъ въ Дарьяль военную команду, на обязанность которой было возложено огражденіе переселенцевъ отъ нападенія осетинъ, обитавшихъ въ Терскомъ ущельи. Замыслы эти своевременно были обнаружены русскимъ правительство-мъ и кабардинцамъ воспрещено предпринятое переселеніе.

Съ наступленіемъ 1783 года владѣльцы въ узденіи Большой и Малой Кабарды, черезъ выбранныхъ депутатовъ, въ числѣ трехъ отъ владѣльцевъ и трехъ отъ узденей, обратились съ просьбою къ князю Потемкину, бывшему тогда уполномоченнымъ по азиатскимъ дѣламъ, о возстановленіи правъ ихъ на древнихъ даниковъ, о позволеніи имъ держать скотъ свой на пастбищахъ въ предѣлахъ занятой русскими линіи, не принимать бѣжавшихъ отъ нихъ холоповъ и возвратить тѣхъ изъ нихъ, которые до того уже бѣжали изъ Кабарды. На просьбу эту князь Потемкинъ, 31 июля того-же года, отвѣчалъ письмомъ къ «высокостепѣннымъ и

значимитъмъ владѣльцамъ народа кабардинскаго и благороднымъ узденіямъ слѣдующее:

«Что требовавіе податей съ прежнихъ данниковъ ихъ, въ горахъ пребывающихъ, имъ не воопреется, за исключеніемъ однако изъ того народовъ, пользующихся покровительствомъ россійской имперіи».

«Что власты табуновъ внустрь линіи имъ позволяетъ; и предписано генералъ-поручику Потемкину назначить для того изѣта, якому не отведенныя».

«Что ежели поборы, коими отягощены поданные ихъ, приведены будутъ въ умѣренность, сообразную съ возможностю, то чрезъ сіе самое удержатся они въ надеждѣ отъ владѣльцовъ зависимости, и на линію не пойдутъ, особенно ежели сдѣлано будетъ установление ко взаимному между народомъ и владѣльцами преѣченію несогласій».

«Что въ отношеніи къ захватамъ, у нихъ чинимыхъ въ возмездіе (баранта) за ихъ хищенія, предписано наблюдать, дабы отводъ высыканіемъ оныхъ кабардинцы издишне отягощены не были».

«Что перемѣна чрезъ два или три года присылаемыхъ отъ нихъ аманатовъ позволяетъ» *).

Въ просьбѣ же кабардинцевъ о возвращеніи имъ бѣжавшихъ отъ нихъ холоповъ было отказано. Напротивъ, князь Потемкинъ сдѣлалъ подтвержденіе о томъ, чтобы на нашихъ грааницахъ безпрепятственно были принимаемы люди, уѣгающіе отъ притѣсненій своихъ владѣльцевъ. Этимъ дозволеніемъ, помимо того, чтобы доставить угнетаемымъ подвластнымъ кабардинскимъ владѣльцевъ возможность избавиться отъ рабства и притѣсненій, имѣлось въ виду главнымъ образомъ обезсилить самихъ владѣльцевъ.

Какъ ци тягостно и печально было положеніе кабардинцевъ въ то время, но они переносили его безропотно, питая надежду на лучшее будущее, которое, по ихъ мнѣнію, могло устроиться при содѣйствіи Турціи и Крыма. Однако-же надеждамъ этимъ не суждено было осуществиться: ближайшая и послѣдняя опора кабардинцевъ—Крымъ въ то время былъ присоединенъ къ Россіи. Послѣ известія объ этомъ событии кабардинцы окончательно упали духомъ и, не видя исхода своему положенію, рѣшились на

* Тамъ-же, стр. 108.

переселение подальше отъ занятой русскими линіи. Правительство наше не препятствовало этому переселению и не придавало ему никакого особенного значения въ тей надеждѣ, что весь черный народъ отстанетъ отъ владѣльцевъ. Однако-же переселеніе это, вслѣдствіе противодѣйствія вліятельнѣйшаго изъ кабардинскихъ владѣльцевъ Мисоста Баматова, не состоялось и кабардинцы остались на своихъ прежнихъ мѣстахъ жительства.

Втеченіи 1784 и 1785 годовъ спокойствіе въ Кабардѣ ни-чѣй не нарушалось и никакихъ выдающихся событий въ періодъ этого времени не случилось.

1 апрѣля 1785 года жители Большой Кабарды избрали старшимъ владѣлемъ надъ собою — *валіемъ* — Мисоста Баматова, о которомъ уже не разъ упоминалось выше *). Всѣ заботы кабардинцевъ въ это время сосредоточивались, главнѣйшимъ образомъ, на обсужденіи и составленіи различныхъ правилъ для установленія внутреннихъ распорядковъ въ странѣ и улучшенія быта крестьянъ и подвластныхъ кабардинскимъ владѣльцамъ лицъ.

Тѣмъ временемъ русское правительство, желая если ве со-всѣмъ пресечь, то, по-меньшей-мѣрѣ, затруднить сообщеніе кабардинцевъ съ Закубанцами и вообще достичнуть возможности положить предѣлъ необузданному своеобразству кабардинцевъ, рѣшило возвести укрѣпленіе въ верховьяхъ Кубани, у таѣ назы-ваемаго «камennаго моста», т. е. на главномъ пути сообщенія Кабарды съ Закубанью. Тогда-же было предположено перенести крѣпость Константиногорскую на самый берегъ Кубани и воз-вести ее напротивъ жилищъ абазинцевъ.

Затѣмъ, пользуясь спокойствіемъ въ Кабардѣ и желая при-ручить кабардинцевъ, а также занять какимъ-нибудь дѣломъ скучающую молодежь, привыкшую къ подвижной и походной жизни, князь Потемкинъ предположилъ учредить изъ нихъ и изъ числа другихъ кавказскихъ горцевъ милицію; но, прежде чѣмъ привес-ти въ исполненіе это предположеніе, князь Потемкинъ сообщилъ о немъ кабардинскимъ владѣльцамъ, предлагая имъ дать свое мнѣ-ніе по этому предмету. Кабардинцы на это предложеніе отвѣтили

*) Валій — собственно значить владѣтель; валій-же въ Кабардѣ — это бывшій верховный правитель народа. Въ Большой Кабардѣ около 1807 го-да, временно, было два валія: одинъ въ Мисостовой и Атажукиной, другой — въ Бекмурзиной и Кайтукиной фамиліяхъ. Валіи избирались народомъ изъ княжескихъ владѣльческихъ фамилій и преимущество въ выборѣ давалось старшему по лѣтамъ владѣльцу.

просьбою не устанавливать между ними новой формы воинской
членности, а нарядъ отъ нихъ войскъ оставить, на прежнемъ
основаніи, т. е. позволить выставлять, въ случаѣ надобности,
трехъ владѣльцевъ, по одному изъ каждого рода, предоставивъ
право этимъ владѣльцамъ самимъ набирать потребное число лю-
дей изъ другихъ сословій. Вистѣ съ тѣмъ кабардинцы изъявили
согласіе охранять собственными силами всѣ броды въ верховьяхъ
р. Кубани и отвѣтствовать за появленіе въ этихъ мѣстахъ враж-
дебныхъ Россіи людей и вообще злодѣевъ.

Не смотря на этотъ отвѣтъ, очевидно указывавшій на то,
что кабардинцы желаютъ отвильнуть и не служить въ предпола-
гаемой милиції, князь Потемкинъ, 24 декабря 1786 года, при-
слалъ кабардинца отъ имени своего грамоту, слѣдующаго со-
державія:

«Вѣрнымъ ея императорскаго величества подданнымъ князь-
ямъ, узденямъ и всему кабардинскому народу.

«Высочайшее матеріе ея императорскаго величества о васъ
попеченіе всегда состояло въ томъ, чтобы поставить васъ въ
благополучнѣшее состояніе, доставить всѣ возможныя выгоды,
какъ вѣрнымъ своимъ подданнымъ. Депутаты ваши въ бытность
свою здѣсь довольно могли насмотрѣться, коликухъ благъ отъ ми-
лосердой ея десницы ожидать можно *). Хотя случаи несчастные,
а можетъ-быть и совѣты пагубные, вовлекали васъ неоднократно
нарушать вѣриность подданическую, но принеся чистосердечное
попளніе передъ ея императорскамъ величествомъ, всемилости-
вѣйше прощены вы во всѣмъ. Теперь настало время доказать
васъ свою вѣриность точнымъ исполненіемъ высочайшаго о васъ
распоряженія, въ вашему благу влюющагося, и состоящаго въ
сѣдующемъ:

1-е. Объ Кабарды должны составлять общество военное, по
принципу прочихъ легкихъ войскъ. Князьямъ и узденямъ отворяет-
ся нуть и стѣпеніемъ по службѣ ихъ. Подданные ихъ, бѣжавши
въ нихъ, возвращаются къ своимъ помѣщиковъ, съ обязатель-
ствомъ добраго содержанія; и если настоящее мѣстопребываніе
общихъ Кабардъ для нихъ тѣсно и невыгодно, то могутъ они
требовать лучшихъ, пространыхъ и привольныхъ мѣстъ, какія
только есть праздныхъ въ имперіи россійской.

*) Депутаты, о которыхъ упоминается здѣсь, были представлены импе-
ратрицѣ въ Херсонѣ.

2-а. Въ семъ поселенномъ войсгъ действительно служаще имѣютъ получать всегда жалованье, рядовые по одному рублю на мѣсяцъ и на двѣ рубашки холста въ годъ. Число оныхъ полагается въ Большой Кабардѣ въ шести сотняхъ, при нихъ лизей 12, узденей 24; жалованья первымъ по 120 рублей, а узденямъ по 50 каждому. Кто-же будетъ въ чинѣ армейскомъ, тому и жалованье по чину».

«Въ Малой Кабардѣ три сотни, по примѣру первыхъ.

«Должность ихъ охранять дистанцію свою отъ ворогъ, дабы тѣмъ дорогу содергать въ безопасности; на ихъ-же попечеи не-допущеніе закубанцовъ къ набѣгамъ. Ежели потребуются они за войну въ той сторонѣ, тогда должны давать войска, сколько мо-гутъ, получая жалованье рядовые по рублю въ мѣсяцъ и про-віантъ, а кназья по вышеписанному. Въ случаѣ войны евро-пейской отряжаются только охотниковъ 200 изъ лучшихъ наѣзд-никовъ отъ обѣихъ Кабардъ съ жалованьемъ по состоянію.

«Нѣть сомнѣнія, что народъ кабардинскій, видя таковый о себѣ промыслъ, не преминеть употребить всемѣрного старанія учинить себя достойнымъ высочайшаго благоволенія, и оправ-дать мое о немъ ходатайство». *)

Получивъ эту грамоту, кабардинскіе владѣльцы, въ маѣ 1787 года, собрали народъ, въ присутствіи котораго грамота и была прочтена. Выслушавъ эту грамоту, кабардинцы немедленно дали присягу исполнить изложенное въ ней требование. Послѣ того они приступили къ выбору людей въ милицію и въ-течениіи маѣ и юна мѣсяцевъ окончили этотъ выборъ. Затѣмъ оставалось со-гласиться лишь о томъ, гдѣ именно должна быть опредѣлена на службу составленная изъ кабардинцевъ милиція. Этой милиціи, составленной собственно изъ жителей Большой Кабарды, предла-галось занять для охраненія линію на протяженіи 180 верстъ отъ вершины р. Еи до Кубани у Невиннаго мыса, въ 130 верстахъ отъ Кабарды; кабардинцы-же желали и просили разрѣшенія за-нять линію вблизи своихъ поселеній на протяженіи омою 100 верстъ. Милицію отъ Малой Кабарды предполагалось охранять пограничную съ чеченцами линію на протяженіи 80 верстъ, отъ р. Камбилиевки до урочища Сто Деревъ, на р. Терекѣ.

Въ то время, когда кабардинская милиція была собрана на р. Малкѣ въ ожиданіи распоряженія объ окончательномъ распре-

*) Мат. для Нов. Ист. Кавк., П. Буткова, ч. II, стр. 172 и 173.

дленія по линіямъ частей этой милиції, въ сентябрѣ мѣсяцѣ тогоже 1787 года между Россіею и Турциею возгорѣлась война. Это обстоятельство разстроило всѣ планы относительно кабардинской милиції. Тѣмъ не менѣе, вступившій тогда въ командование Кавказскою линіею генералъ-аншефъ Текелли далъ кабардинцамъ приказаніе оставаться собранной милиції на мѣстѣ сбора и охранять линію по своимъ границамъ, а 300 человѣкъ добровольныхъ, съ провіантомъ, выслать къ нему въ 12 октября, для участія въ экспедиції противъ закубанцевъ. Однако-же эта часть милиції не успѣла присоединиться къ отряду въ назначенный срокъ и потому кабардинцы не могли принять участія въ походѣ за Кубань.

Послѣ этого кабардинцы обратились къ генералу Текелли съ просьбою разрѣшить имъ самимъ сдѣлать походъ на закубанцевъ, что и было позволено имъ.

Такое добровольное предложеніе кабардинцевъ привѣтъ участіе въ веденіи войны съ Турциею со стороны Кавказа могло на первый разъ показаться дѣломъ сердечнаго побужденія помочь Россіи; но это далеко не было такимъ чистымъ побужденіемъ. Съ окончательнымъ присоединеніемъ Кабарды къ Россіи и съ включеніемъ Закубанскаго края въ предѣлы Турецкой имперіи, кабардинцы лишились права на взиманіе податей съ мелкихъ закубанскихъ племенъ, отошедшихъ въ подданство Турціи. Теперь кабардинцы воспользовались войною Россіи съ Турциею и, выпросивъ позволеніе открыть противъ непріятеля самостоятельный военный дѣйствія, преслѣдовали исключительно свои личные интересы. Такимъ образомъ главная цѣль задуманнаго кабардинца похода заключалась въ томъ, чтобы воспользоваться возможностью восстановить свое древнее право на кубанскихъ данниковъ и поставить ихъ вновь въ зависимость отъ Кабарды.

29 октября 1787 года, 5 тысячъ кабардинцевъ, при 46 владельцахъ, подъ командою управлявшаго Кабардою бригадира Горича, направились за Кубань и тамъ нападали на абашиацевъ и башильбаевцевъ, которыхъ и переселили юбранже въ Кабарду, въ верховья р. Кумы, взяли въ залогъ кѣроности аманатовъ и отобрали всѣхъ бывшихъ у нихъ русскихъ, плененныхъ. Послѣ этого кабардинцы письменно обязали родственныхъ имъ черкесовъ — бесленеенецевъ быть вѣрными Россіи, взяли и отъ нихъ также аманатовъ и освободили бывшихъ плененныхъ русскихъ. За-

тѣмъ кабардинцы напали на кипчакскихъ татаръ и также привели ихъ въ покорность Россіи.

Въ то же самое время другая часть кабардинцевъ и преимущественно изъ жителей Малой Кабарды, подъ командою генерала-штабіора Горича 2-го, дѣйствовала противъ чеченцевъ, сильно беспокоившихъ тогда наши предѣлы.

Эти дѣйствія кабардинцевъ въ пользу Россіи обратили на себѣ вниманіе князя Потемкина, который 27 января 1788 года свидѣтельствовалъ передъ императрицею въ томъ, что кабардинцы въходомъ своимъ за Кубань и дѣйствіями противъ враждебныхъ горцевъ, сдѣлались достойными высочайшаго благоволенія. При этомъ князь Потемкинъ представилъ незавидное положеніе кабардинцевъ, вслѣдствіе отобранія отъ нихъ земель, и ходатайствовалъ о возвращеніи имъ въкоторой части этихъ земель, въ видѣ награды за услуги, оказанныя имъ Россіи. Князь Потемкинъ желалъ такимъ образомъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, не роняя достоинства Россіи, исполнить неоднократную просьбу кабардинцевъ о возвращеніи имъ земли. Тогда-же была потребована карта отошедшихъ отъ Кабарды въ Россіи земель, а кабардинцамъ 28 февраля 1788 года было объявлено монаршее благоволеніе за покореніе закубанскихъ народовъ и за возвращеніе отъ нихъ русскихъ плѣнныхъ.

Вся благодарность кабардинцамъ за эти дѣйствія ограничивалась только однимъ изъяненіемъ высочайшаго благоволенія; во возвращеніе земли не состоялось, такъ-какъ послѣдующія события въ Кабардѣ заставили правительство отложить задуманное въ это чмъ смыслъ предположеніе. Дѣйствительно, несмотря на сопротивление, которое оказывали кабардинцы Россіи, они въ то же время мелкими партіями совершили въ предѣлахъ нашихъ границъ различныя воровскія и хищническія прѣдѣлки, вызвавшія справедливую жалобу на нихъ ихъ ближайшаго начальника, генерала Текелли.

Разнѣръ и слишкомъ чаетое повтореніе злодѣйствъ, а равно и ненадежность поведенія кабардинцевъ возросли до того, что генералъ Текелли, отправляемъ съ войсками въ томъ-же 1788 году къ сторонѣ Аналы, для отвлечения турецкихъ силъ отъ Тавриды, долженъ былъ обязать кабардинцевъ новою присягою на вѣрность Россіи.

Какъ видѣли мы выше, повтореніе вѣрноподданническихъ присягъ и подтвержденіе различныхъ обязательствъ производи-

лись такъ часто, что естественно должны были утратить въ глазахъ кабардинцевъ всякое практическое значеніе и въ монцѣ довѣръ привели бъ тому, что на присягу и обязательства кабардинцы стали смотрѣть какъ на исполненіе ничего незначащей, хотя быть-можетъ приятной русскимъ, формальности. Исходя отъ этой точки своихъ воззрѣй, кабардинцы никакъ не затруднились и на этотъ разъ нарушить данное ими генералу Текелли обѣщаніе вести себѣ добропорядочно и воздерживаться отъ совершенія злодѣйствъ.

Въ отсутствіе генерала Текелли кабардинцы усдили свои грабежи въ предѣлахъ занятой русскими линіи, уведавши такимъ образомъ реестръ случаевъ, подлежащихъ удовлетворенію съ ихъ стороны. Реестръ этотъ впослѣдствіи былъ предъявленъ кабардинцамъ и хотя въ мартѣ 1789 года они общимъ совѣтомъ рѣшили удовлетворить претензіи русскихъ, сдѣлавъ, по обычаю, взысканіе съ виновныхъ, но исполненію этого рѣшенія воспротивились владѣльцы Жамбулатовской фамиліи, поддерживаемые старѣшими узденными, старавшимся тогда возбудить въ Кабардѣ мятежи въ пользу Турціи и вообще имѣвшіе намѣреніе отдѣлиться отъ Кабарды.

Для понужденія кабардинцевъ къ выполненію обязательства, относительно доставленія вознагражденія за грабежи и воровства, были введены въ Кабарду два баталіона егерей, съ пушками. Появленіе русскихъ войскъ отрезвило кабардинцевъ и они до истечения іюня мѣсяца окончили удовлетвореніе всѣхъ претензій.

Вообще, съ началомъ войны съ турками въ Кабардѣ постоянно находились турецкіе эмиссары, старавшіеся подкупомъ и увѣщающими склонить кабардинцевъ открыть военные дѣйствія противъ Россіи. Русскому начальству было известно о пребываніи этихъ эмиссаровъ въ Кабардѣ и оно веодновѣратно требовало выдачи ихъ; но кабардинцы, опираясь на свой обычай гостепримства, воспрепрещавшій выдачу гостей своихъ, не исполнили этихъ требованій.

Въ юнѣ 1790 года прибылъ въ Кабарду турецкій чиновникъ съ именемъ отъ сераскира Багаль-паша, начальствовавшаго въ Суджукѣ и Аланѣ; чиновникъ этотъ имѣлъ порученіе склонить кабардинцевъ и другихъ южнокавказскихъ горцевъ встать противъ Россіи. Кабардинские владѣльцы, принявъ присланые имъ нашу подарки, клятвенно обѣщали исполнить просьбу Ба-

таль-паша, если последний явится въ помъ съ отрядомъ хотя бы только изъ 2-хъ тысячъ человѣкъ, но непремѣнно съ пушками.

Всѣ эти неблаговидныя по отношенію къ русскимъ дѣйствія со стороны кабардинцевъ заставили принять особенныя мѣры предосторожности противъ нихъ; съ этою цѣлью на р. Малкѣ былъ расположенъ отрядъ войска. Кромѣ того русскіе успѣли возбудить неудовольствіе въ владѣльцамъ ихъ подвластныхъ, въ числѣ до одной тысячи дворовъ, которые, вмѣстѣ съ узденями, составляли лучшее войско у кабардинцевъ; эти подвластные приняли присягу отдѣлиться отъ своихъ владѣльцевъ и поселиться на р. Малкѣ, вблизи русскихъ кордоховъ.

Въ томъ же 1790 году сераскирь Баталь-паша съ громадными силами дѣйствительно предпринялъ походъ въ Кабарду. 28 сентября Баталь-паша переправился чрезъ р. Кубань, противъ бывшаго Воровсколѣсскаго редута. Находившійся тогда ближе всѣхъ къ врагу генераль-майоръ Германъ, съ незначительнымъ въ сравненіи съ турецкими силами отрядомъ, пошелъ на встрѣчу туркамъ и 30 числа, встрѣтивъ турецкую армию на р. Тохтамышѣ, далъ ей сраженіе. Какъ известно, турки въ этомъ сраженіи потерпѣли окончательное пораженіе, оставивъ въ рукахъ побѣдителей всю свою артиллерию, состоявшую изъ 30 орудій; при этомъ русскими было взято въ плѣнъ и главнокомандовавшій турецкими войсками сераскирь Баталь-паша.

Вѣсть о пораженіи и обращеніи въ бѣгство турецкихъ войскъ, шедшихъ на помощь Кабардѣ, нанесла неожиданный и сильный ударъ кабардинскимъ владѣльцамъ, заставивъ ихъ присмирѣть. Нѣудача турокъ окончательно разрушила надежду кабардинцевъ свергнуть съ себя господство Россіи, но далеко не убила враждебныхъ чувствъ къ послѣдней: кабардинцы, какъ увидимъ ниже, перемѣнили только систему дѣйствій и вместо стремленія къ колективному восстанию, стали досаждать постоянно русскимъ мелкими набѣгами, разбоями, грабежами и убийствами.

Не смотря на свое пораженіе, турки не оставляли въ попытѣ кабардинцевъ и всѣми средствами старались поддержать въ нихъ ненависть къ русскимъ и склонить къ восстанію противъ послѣднихъ. Однако-же кабардинцы не рисковали открыто восстать, а вскорѣ и совсѣмъ вынуждены были покинуть скрытныя надежды освободиться отъ Россіи; такому искуму враждебнаго настроения кабардинцевъ способствовали и послѣдующія неудачи турокъ.

и затѣмъ заключенный ими съ Россіею 29 декабря 1791 года миръ.

Послѣдняя война Россіи съ Турціею не прошла безслѣдно для внутреннаго строя Кабарды. Во время этой войны кабардинскіе владѣльцы раздѣлились на двѣ партіи, изъ коихъ значительнѣйшая склонялась на сторону Турціи и вела свои дѣла въ интересахъ послѣдней. Представители и сторонники этой партіи, естественно питали нерасположеніе къ тѣмъ владѣльцамъ, которые оставались вѣрными Россіи и служили ей. Такъ-какъ эта послѣдняя партія, состоявшая изъ владѣльцевъ Мисостовской фамиліи, была незначительна, то остальные, враждебны ей фамиліи старались истигать ей всѣми средствами за сочувствіе къ русскимъ. Владѣльцы Жамбулатовской и Атажукинской фамилій открыто нападали на мисостовскую партію, угоняли у сторонниковъ ея скотъ, грабили ихъ и, ваковецъ, довели до того, что мисостовцы должны были уйти на р. Малку, подъ защиту русскихъ укрѣпленій.

Внутренніе раздоры и междуусобная вражда, подстрекательство турокъ и нерасположеніе къ русскимъ сильно распаляли страсти кабардинской свободолюбивой и хищной молодежи. Эти отчаянные джигиты,увѣковѣчившіе память о себѣ въ кабардинскихъ пѣсняхъ и сказаніяхъ, врывались небольшими партіями въ русскіе предѣлы и тамъ давали полную свободу своимъ хищническимъ побужденіямъ. Убийства, грабежи и воровства производились тѣмъ съ большою смѣлостью, что въ то время почти никто не подвергался личной ответственности, если, разумѣется, не попадался подъ пулю или въ руки русскихъ на мѣстѣ совершеннаго злодѣянія. Хотя наше правительство при всякомъ случаѣ и требовало выдачи преступниковъ, но кабардинцы упорно отказывались исполнять эти требованія, опираясь на то, что обычай ихъ не позволяетъ выдавать своихъ собратовъ. Обыкновенно, кабардинцы за всѣ совершамыя ими преступленія предлагали материальное вознагражденіе. Только одинъ изъ кабардинскихъ владѣльцевъ — Адильгирей Атажукинъ однажды въ то время отдалъ вачальству своего уздена, уличеннаго въ убийствѣ русского нурьера; это былъ первый случай исполненія требованія о выдачѣ преступниковъ.

Послѣ оконченія войны съ Турціею, наше правительство немедленно приступило къ устройству на занятой Кавказской линіи дополнительныхъ укрѣпленій. Въ числѣ этихъ укрѣпленій, для разведеніемъ Кабарды съ Закубанью, въ уроцищѣ Песчаноброд-

скомъ, на р. Кумѣ, былъ сооруженъ штерншанецъ, названный Кумскимъ, а нѣсколько ниже, на р. Кубани, у двухъ мѣдныхъ бродовъ, былъ устроенъ большой редутъ, названный Воровско-лѣсскимъ. Кромѣ того была исправлена Константиногорская крѣпость. Помимо возведенія этихъ укрѣплений, для болѣе прочнаго обезпеченія занятой линіи, генералъ Гудовичъ проектировалъ заселеніе этой линіи казаками, на что и послѣдовало высочайшее повелѣніе 28 февраля 1792 года. Эту передовую линію предполагалось заселить шестью полками Донскаго казачынаго войска, находившимися тогда на Кавказѣ. Водвореніе станицъ однако-же не состоялось тогда, такъ-какъ донскіе казаки, предназначенные къ поселенію въ этихъ станицахъ, послѣ объявленія высочайшей воли, оказали явное неповиновеніе, бѣжали на Донъ и произвѣли тамъ бунтъ. Такимъ образомъ не состоялось и предложеніе заселеніе пространства между рр. Малкою и Кубанью, на сѣверо-западной границѣ Кабарды.

Не смотря на явное и открытое нерасположеніе большей части кабардинцевъ къ Россія и ихъ ни чѣмъ не маскируемое стремленіе при каждомъ удобномъ случаѣ вредить русскимъ, наше правительство относилось къ нимъ чрезвычайно снисходительно и мягко. Такъ, въ инструкції, данной начальствовавшему на Кавказѣ генералу Гудовичу 28 февраля 1792 года, относительно обращенія съ кавказскими горцами и особенно съ кабардинцами, императрица Екатерина II повелѣвала между прочими, что «не единую силу оружія предлежитъ побѣждать народы въ непріступныхъ горахъ живущіе, и имѣющіе въ оныхъ надежныя отъ войскъ нашихъ убѣжища; но паче правосудіемъ и справедливостію нужно пріобрѣсть ихъ къ себѣ довѣренность; вротостю смѣгчать, выигрывать сердца, и пріучать ихъ больше обращаться съ Русскими (что особенно сказано о кабардинцахъ), для того и нужно:

- 1-е. Всически ласкать и привлекать къ себѣ лучшихъ людей народа сего; тѣхъ-же, кои болѣе оказываются преданности къ имперіи россійской, не оставлено будетъ жаловать чинами, деньгами или иными отличностями; напаче-же издается имаршалъ щедрота и милость на приемлющихъ добровольно вѣру христіанскую.
- 2-е. Твердо наблюдать, чтобы ни отъ войскъ нашихъ, ни же отъ казаковъ, на линіи обрѣтающихся, не было чинено ни малѣйшее притѣженіе и обиды горцамъ, пріѣзжающимъ въ крѣпости наши, наистрѣнѣшее подтверждая, чтобы начальники военные не попускали подчиненныхъ своихъ ни на какія своеобразства противъ

горскихъ народовъ, отогнаніемъ табуновъ, хищениемъ и тому подобнымъ образомъ, подвергал подъ судъ и жесточайшее наказание всякаго, кто станетъ поступить сему противно, яко преступника, который поведеніемъ своимъ даетъ поводъ къ нарушенію спокойствія подданныхъ нашихъ, и тѣхъ, коимъ увѣренность и тишина отъ насъ дарованы, ибо вѣтъ сомнѣній, что таковое съ вашей стороны нарушеніе навлекло-бы отъ сихъ дикихъ вародовъ воровство и грабежи изъ мѣщенія».

«Впрочемъ, предлежитъ вамъ вообще долгъ и стараніе привлекать къ намъ всѣ народы кавказскіе, приводить ихъ въ вѣкоторый родъ зависимости отъ престола нашего, обращать къ пользованію имперіи и ихъ собственнымъ и распространять убѣждѣніемъ благоустройство и законы ваши, кои мы имъ дать готовы, къ ихъ собственному спокойствію, тишинѣ и благоденствію. *).

Всѣ расточаемыя передъ кабардинцами мѣры гуманности не приводили къ желаннымъ цѣлямъ и они не унимались отъ своихъ хищническихъ набѣговъ на русскія поселенія. Съ особеннымъ ожесточеніемъ кабардинцы набрасывались на своихъ сосѣдей, осетинъ и ингушъ, стремившихся тогда къ обращенію въ христіанство. Не разъ эти обижаемыя кабардинцами племена обращались съ жалобами къ русскому правительству, прося покровительства и заступничества, и не разъ кавказское начальство внушало кабардинцамъ о неблаговидности ихъ поступковъ противъ своихъ сосѣдей; но все это было гласомъ вопіющаго въ пустынѣ: кабардинцы не обращали вниманія на заневѣнія начальства, продолжали грабить и всячески обижать осетинъ и ингушъ, а послѣдніе не оставляли своихъ жалобъ. Наконецъ, когда жалобы эти дошли до свѣдѣнія высшаго правительства, послѣднєе предписало генералу Гудовичу оказывать особенное покровительство кавказскимъ народамъ, пріемлющимъ христіанство, и охранять ихъ отъ притѣсненій кабардинцевъ. Выѣсть съ тѣмъ предписаны было строжайше воспретить кабардинцамъ нападать на со-сѣдей, подданныхъ Россіи, удерживать ихъ отъ этого всѣми средствами и объявить, что за всякое самовольное нападеніе на со-сѣдей—осетинъ и ингушъ—они будутъ подвергаемы строгой ответственности, какъ за нападенія на коренныхъ русскихъ обитателей.

*) Тамъ-же, стр. 260 и 261.

Генералъ Гудовичъ, убѣдившись на опытѣ, что всѣ эти попытки и даже угрозы не производить на кабардинцевъ умножающего дѣйствія, и весьма основательно полагая, что до тѣхъ-поръ, пока кабардинцы будуть представлены сами себѣ въ отношении внутренняго ихъ управлениія, безъ надзора и контроля со стороны правительства, нельзя ожидать отъ нихъ ни пользы для Россіи, ни ослабленія свирѣпыхъ нравовъ ихъ,—еще въ 1791 году представилъ на усмотрѣніе правительства проектъ объ учрежденіи въ Кабардѣ новаго правленія и родовыхъ судовъ. Необходимость учрежденія судовъ особенно вызывалась тѣмъ, что вся судебная часть начала переходить въ руки муллъ, первыхъ злѣвшихъ и опаснѣйшихъ враговъ Россіи, стремившихся всѣми си-лами исламского фанатизма ослабить упроченіе русской влас-ти въ Кабардѣ.

Хотя правительство одобрило представленный проектъ и согласилось утвердить новые порядки въ Кабардѣ, но введеніе этихъ порядковъ обусловило непремѣннымъ желаніемъ и согла-сіемъ кабардинцевъ добровольно принять таковые, воспретивъ всякия насильственные и принудительныя дѣйствія въ водворенію проектированныхъ учрежденій.

Путемъ убѣжденія генералъ Гудовичъ согласилъ кабардин-цевъ принять учрежденіе у нихъ родовыхъ судовъ и расправъ, которые и были введены въ 1793 г. Суды эти, за исключеніемъ верхняго пограничнаго суда, учрежденного въ г. Моздокѣ, состоя-ли изъ самихъ-же кабардинцевъ, по выбору, безъ участія рус-скихъ чиновниковъ, и дѣйствовали на основаніи обычаевъ.

На первое время кабардинцы были очень довольны введе-ніемъ у нихъ означенныхъ судовъ, тѣмъ болѣе, что судьямъ бы-ло опредѣлено содержаніе, которое производилось отъ казны, бы-ло прекращено требование заложниковъ и прощены всѣ накопив-шіяся на кабардинцахъ недоимки по претензіямъ русскихъ. Но вскорѣ кабардинцы почувствовали и неудобства учрежденія у нихъ этихъ, по-видимому, безобразныхъ судовъ. Дѣло въ томъ, что съ учрежденіемъ родовыхъ судовъ и расправъ было воспрещено ка-бардинцамъ: отлучаться за границы Россіи безъ дозволенія глав-наго воинскаго начальника въ краѣ, мстить самовольно убийцамъ, укрывать преступниковъ подъ видомъ обычая гостепріимства, со-бираться молодымъ людямъ на кошахъ (нѣчто въ родѣ хуторовъ) для промысловъ удальства и, наконецъ, созывать общественный

собранія, беъзъ особаго на то повелѣнія и распоряженія родовыхъ судовъ и расправъ.

Эти ограничениія вольностей весьма не понравились кабардинцамъ. Не обнаруживая-же однако явного своего неудовольствія къ новымъ порядкамъ, кабардинцы, въ томъ-же 1793 г., черезъ особаго посланника къ анатскому пашѣ владѣльца Большой Кабарды Шумахо Наурузова и отправившихся подъ видомъ путешественниковъ въ Мекку другихъ своихъ людей, довели о своемъ положеніи до свѣдѣнія турецкаго правительства, прося его защиты и покровительства.

Турецкое правительство далеко не прочно было имѣть Кабарду подъ своимъ покровительствомъ, во, лишенное возможности открыто принять участіе въ дѣлахъ кабардинцевъ, рѣшилось дѣствовать въ этомъ смыслѣ тайными путями. Въ томъ-же 1793 г. быть привезея черезъ горы изъ Сухума въ Большую Кабарду фирмансъ султана Селима, адресованный къ кабардинскимъ и дагестанскимъ владѣльцамъ, эфендиямъ, гаджіямъ и всѣмъ обитающимъ отъ Чернаго моря до Дербента магометанскимъ народамъ. Султанъ писалъ, что по заключеніи мира съ Россіею имъ отправленъ ко двору послѣдней посланикъ, съ требованіемъ отказаться отъ владычества надъ Крымомъ и Кабардою, что если Россія не согласится на это, то весною 1794 года онъ вновь объявить ей войну, къ чему готовились-бы и они, кабардинцы, вмѣстѣ съ другими горцами, что французы и короли другихъ державъ желаютъ воевать противъ Россіи и ожидаютъ, чтобы онъ, султанъ, началъ только войну и что, наконецъ, войска его обучаются «воинской экспедиції на-подобіе русскихъ».

Это султанское посланіе, какъ и слѣдовало ожидать, пропало на кабардинцевъ, находившихся и безъ того въ возбужденномъ состояніи, дѣствие горючаго вещества, брошенаго въ огонь. Хотя всѣмъ замысламъ Турціи и не суждено было осуществиться, но подстрекательства ея имѣли самое пагубное влияние на кабардинцевъ, которые съ этого времени почти ежегодно проявляли наклонность къ мятежамъ и восстаніямъ. Первымъ послѣдовательствомъ прасыпки въ Кабарду султанскаго фирмана было то, что въ февралѣ мѣсяцѣ 1794 года въ Большой Кабардѣ вспыхнуло восстание, сопровождавшееся различными беспорядками и неизвестновеніемъ къ родовымъ судамъ и расправамъ. Вознущеніе это однако въ самомъ началѣ было подавлено введеннымъ тогда въ предѣлы Кабарды отрядомъ русскихъ войскъ; въ наказаніе

кабардинцамъ этот отрядъ оставался у нихъ втечениі 9-ти мѣсѧцевъ.

Смирившіеся пленеволѣ кабардинцы оставались покойными лишь до отступленія гостившаго у нихъ отряда русскихъ войскъ. Когда-же отрядъ этотъ выступилъ, кабардинцы, въ 1795 году, опять восстали и вновь оказали неповиновеніе судамъ и расправамъ, причемъ значительная часть кабардинского народа, съ владѣльцами своими, удалилась въ горы. Вслѣдствіе этого въ Кабарду снова былъ введенъ отрядъ войскъ, успѣвшій втечениіи пяти мѣсѧцевъ возстановить нарушенное спокойствіе.

Самое дѣятельное участіе въ возмущеніи кабардинцевъ противъ русского правительства принимали владѣльцы Большой Кабарды: подполковникъ Исмаилъ Атажукинъ, братъ его Адельгирей Атажукинъ и подполковникъ Атажуко Хемурзинъ. Всѣ эти главные руководители восстали, но высочайшему повелѣнію, были удалены изъ края въ г. Екатеринославъ, для содержанія тамъ подъ присмотромъ. Тогда-же между владѣльцами, узденями и народомъ было заключено письменное условіе, въ силу которого знатѣйшие изъ узденей единственно обязались не допускать владѣльцевъ притѣснять черный народъ, доставлять послѣднему возможность получать вознагражденіе по справедливымъ и утвержденнымъ обычною присягою претензіямъ на владѣльцевъ своихъ и впредь до удовлетворенія претензій приимать народъ подъ свою защиту. При этомъ всѣ сословія Кабарды установили правила, чтобы, въ случаѣ ухода владѣльца съ постоянного мѣста своего жительства въ горы, всѣ подвластные его получали полную свободу и поступали подъ непосредственное управление русского начальства. Установленіемъ всѣхъ этихъ правъ имѣлось въ виду привлечь симпатіи простого народа на нашу сторону и этимъ путемъ обезсильтить враждебныя попытки владѣльцевъ вообще вредить русскимъ.

Все это, однако-же, какъ и прежде, ни къ чemu не привело: спокойствіе въ Кабардѣ длилось и на этотъ разъ весьма не долго. Лицомъ слѣдующаго 1796 года кабардинцы (Большой Кабарды), воспользовавшись ослабленіемъ занятой на ихъ границѣ линии, по случаю отправленія отсюда части войскъ въ Персію, собрались въ количествѣ двухъ тысячъ человѣкъ и приблизились къ Константиногорской крѣпости, намѣреваясь напасть на жившихъ тамъ абазинцевъ, бывшихъ своихъ подвластныхъ, и выселившихся подъ защиту крѣпости кабардинцевъ, преданныхъ

России. Партия кабардинцевъ атаковала роту егерей, прикрывавшихъ селенія при крѣпости, но не имѣла успѣха: нападавшіе, при помощи подоспѣвшаго изъ крѣпости подкрепленія, были отражены и принуждены удалиться, потерявъ убитыми болѣе 60 человѣкъ.

Такимъ образомъ periodicески и почти ежегодно кабардинцы старались не оставлять въ покое русскихъ. Это правило, по-видимому, вошло въ привычку кабардинцевъ, такъ-какъ и въ послѣдующихъ затѣй годахъ они еще очень долго продолжали следовать этой системѣ дѣйствій, державшей русскихъ въ постоянной тревогѣ.

Въ 1797 году кабардинцы медлили принять подданническую присягу при возшествіи на престолъ императора Павла I и выполнили эту присягу лишь въ то время, когда для принужденія ихъ къ этому былъ посланъ къ нимъ баталіонъ пѣхоты.

Такъ-какъ кабардинцы, втечение пяти лѣтъ со времени введенія у нихъ родовыхъ судовъ и расправъ, видимо уклонялись отъ исполненія своего обязательства вознаграждать потерпѣвшихъ русскихъ отъ набѣговъ и грабежей ихъ, то въ 1798 году, по распоряженію командовавшаго войсками на Кавказской линіи генерал-лейтенанта графа Морхова, въ Кабарду быдь введенъ Уральский казачій полкъ, которому поручено былозыскать съ кабардинцевъ всѣ недоимки. Кроме материальнаго вознагражденія за всѣ убытки, кабардинцамъ было предложено требование, чтобы они выдали и всѣхъ взятыхъ ими въ пленъ русскихъ людей. Этого послѣдняго требованія кабардинцы не могли исполнить, ибо, по принятому обыкновенію, не держали у себя пленныхъ—русскихъ, боясь, чтобы послѣдніе, освободясь какъ-нибудь, не выдали своихъ похитителей, и въ виду этого сбывали ихъ продажею или иѣмкою въ глубь горъ и въ сосѣдніе народы. Поэтому, за непредставлениемъ кабардинцами требуемыхъ пленныхъ, у нихъ было взято 34 человѣка рабовъ, изъ коихъ, по высочайшему повелѣнію, одна половина была отдана въ рабство помѣщикамъ, взамѣнъ похищенныхъ у нихъ людей, а другая — опредѣлена въ военную службу, во внутренніе сибирскіе гарнизоны, съ зачетомъ за рекрутъ отъ тѣхъ казенныхъ селеній, кои потерпѣли отъ кабардинцевъ потерю своихъ людей.

Кабардинцы не особенно чутко отзывались и на только что примѣненную къ нимъ крутую мѣру. Едва сгладилось свѣжее впечатлѣніе о произведенной у нихъ строгой казекуціи, какъ въ

1799 году Большая Кабарда снова заволновалась. Возбудилъ это волненіе сосланный въ 1795 году въ г. Екатеринославъ и бѣжавшій оттуда владыка Адильгирей Атажукинъ, который, возвратясь въ отечество, сталъ возбуждать умы кабардинцевъ, проповѣдя мысль о возстановленіи упроченной независимости Кабарды и сверженіи господства русскихъ. Какъ-разъ въ то время, по истеченіи второго трехлѣтія отъ установления родовыхъ судовъ и расправъ, необходимо было приступить къ выбору новыхъ судей. Адильгирей Атажукинъ воспользовался этимъ случаемъ и сталъ убѣждать своихъ земляковъ противиться новому выбору судей и требовать уничтоженія этихъ судовъ и возстановленія магометанскаго духовнаго суда—по шаріату.

Волненіе это стало принимать такие размѣры, что начальство нашло необходимымъ послать въ Кабарду отрядъ войскъ. Узвѣщеванія, обращенные къ кабардинцамъ и подкрѣпляемые такимъ сильнымъ аргументомъ, какъ три баталіона пѣхоты, заставили разойтись собравшихся на р. Баксанѣ въ большомъ числѣ кабардинцевъ. Въ виду такого исхода дѣла, Адильгирей Атажукинъ долженъ былъ удалиться за Кубань, сопровождаемый пятью муллами, рьяными пособниками его въ распространеніи иатека. По удаленіи Атажукина, кабардинцы вѣрность свою Россіи подтвердили вновь присягою, выбрали новыхъ судей и удовлетворили всѣ претензіи, какія накопились на нихъ послѣ 1798 года.

Бѣжавшій за Кубань Адильгирей Атажукинъ старался перевести за Кубань 200 семействъ подвластныхъ ему кабардинцевъ, а также подговаривалъ къ переселенію и обитавшихъ у Константиноворской крѣпости абазинцевъ, но русское начальство, предупрежденное во-время о проискахъ Атажукина, не допустило осуществленія этого переселенія.

Чтобы хотя за комъ-нибудь выместить свои неудачи съ русскими, кабардинцы обратились снова на своихъ соѣдей—дигорскихъ осетинъ, которымъ и начали производить разнаго рода притѣсненія, выгнали отъ нихъ одного русскаго іеромонаха, проповѣдывавшаго христіанское ученіе, и вообще творили тамъ всевозможныя безчинства. Русское начальство хотѣло-было послать на защиту осетинъ военную силу, но намѣреніе это было оставлено, такъ-какъ 28 мая 1800 года послѣдовало высочайшее по-вѣльніе о томъ, чтобы стараться какъ можно меньше вмѣшаваться во внутреннія дѣла горцевъ между собою, пока эти распри не будутъ вредить интересамъ русскаго населенія.

Покончивъ подробный обзоръ событий въ Кабардѣ въ прошломъ вѣкѣ, мы перейдемъ теперь къ краткому изложению тѣхъ моментовъ въ жизни кабардинцевъ въ настоящемъ столѣтіи, которые имѣли значеніе въ исторіи упроченія русской власти въ Кабардѣ и вообще въ борьбѣ кавказскихъ народовъ съ Россіею.

V.

Попытка введенія въ Кабардѣ гражданскаго управления.—Основаніе въ Кабардѣ шотландской колоніи.—Возобновленіе гражданскихъ дѣйствій кабардинцевъ.—Усмирение Кабарды.—Кабардинская депутація, посланная ко двору, и Высочайшая грамота 20 января 1812 года.—Прибытие генерала Ермолова въ Кабарду.—Устройство новыхъ укреплений въ Кабардѣ.—Прокламациіи генерала Ермолова.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія все вниманіе русского правительства на Кавказѣ было поглощено событиями въ Грузіи, присоединенной тогда окончательно къ Россіи. Поэтому дѣятельность правительства собственно на Кавказѣ и въ частности по отношенію къ Кабардѣ ограничивались лишь такими мѣропріятіями, которыя касались къ поддержанію того порядка, который былъ уже введенъ здѣсь.

Тогда-же въ первый разъ правительство остановилось на мысли создать на Кавказѣ гражданское управление и съ этой целью, въ маѣ мѣсяца 1802 года, коллегія иностранныхъ дѣлъ признала необходимымъ изъять кабардинцевъ, какъ и некоторыхъ другихъ кавказскихъ обитателей (трухменцевъ, ногайцевъ, аваринцевъ и другихъ кочевыхъ народовъ), изъ вѣдѣнія и управлѣнія начальника Кавказской линіи и подчинить ихъ назначенному тогда главнымъ приставомъ коллежскому советнику Макарову, который, согласно полученной имъ инструкціи, являлся самостоятельнымъ правителемъ и состоялъ въ непосредственномъ подчи-

нені коллегі иностранныхъ дѣлъ. Всѣ отношения етого главнаго пристава къ начальнику Кавказской линіи ограничивались тѣмъ, что первый могъ обращаться за содействіемъ къ послѣднему въ тѣхъ случаяхъ, когда обстоятельства указывали на необходимость примѣненія въ краѣ военныхъ мѣръ.

Кабардинцы, не понимая значенія перемѣны у нихъ правленія, отнеслись къ этой перемѣнѣ совершенно равнодушно; но эта первая попытка ввести на Кавказѣ гражданское управление была встрѣчена тогданимъ начальникомъ Кавказской линіи, генералъ-лейтенантомъ Кноррингомъ, не совсѣмъ дружелюбно. Генералъ Кноррингъ, по поводу этого нововведенія, доносилъ, что онъ принялъ къ надлежащему своему свѣдѣнію и руководству правила, изложенные въ сообщенной ему при предписаніи коллегіи иностранныхъ дѣлъ отъ 28 мая 1802 года инструкціи, данной коллежскому совѣтнику Макарову, но что вмѣстѣ съ тѣмъ онъ считаетъ долгомъ представить по этому предмету и свое мнѣніе. Генералъ Кноррингъ выставлялъ на видъ благіе результаты, полученные отъ существовавшаго до того управлениія кавказскими народами, а въ особенности пользу и преимущества учрежденныхъ при императрицѣ Екатеринѣ II въ Кабардѣ родовыхъ судовъ и расправъ, съ верхнимъ пограничнымъ судомъ въ Моздокѣ, подъ прямымъ вѣданіемъ начальника Кавказской линіи, и полагалъ, что новое управлѣніе, при значительно большихъ издержкахъ, повлечетъ за собою замедленіе въ дѣлахъ и затрудненіе въ соображеніи мѣстныхъ обстоятельствъ, обычаевъ и умона-чертаній этихъ народовъ».

Суды, однако-же, въ Кабардѣ, какъ предполагалъ генералъ Кноррингъ, не были упразднены, да и вообще гражданское управление въ Кабардѣ фактически не привилось, такъ-какъ въ то время всѣ отношения кабардинцевъ, какъ подданныхъ русскому правительству, проявлялись лишь въ дѣлахъ судебныхъ, а суды по прежнему оставались въ вѣданіи военной власти. Затѣмъ, почти постоянные волненія въ Кабардѣ требовали вмѣшательства военной силы, а при такомъ положеніи въ краѣ гражданская власть не-неволѣ должна была бездѣствовать и, наконецъ, существованіе ея по отношенію къ Кабардѣ какъ-то само-собою стушевалось съ самого начала учрежденія этой власти. Такимъ образомъ, не существуетъ ни одного указанія, которое доказывало-бы, что власть главнаго пристава распространялась на Кабарду *de facto*.

и чтобы она принимала какое-либо участие въ событияхъ, происходившихъ въ то время въ Кабардѣ.

Въ томъ-же 1802 году, съ разрѣшениемъ правительства, въ Большой Кабардѣ, около Константиногорской крѣпости, у подошвы одной изъ Бештовыхъ горъ, шотландцы Бронтонъ и Патерсонъ основали колонію изъ горскихъ выходцевъ и невольниковъ. Цѣлью учрежденія этой колоніи было просвѣтить дикихъ горцевъ свѣтомъ христіанскаго ученія; но цѣль эта, къ сожалѣнію, достигнута не была и кабардинцы не только не сдѣлались христіанами по религії, но, напротивъ, еще сильнѣе укрѣпились въ магометанствѣ.

Втчечіи первыхъ лѣтъ настоящаго столѣтія кабардинцы хотя и не заявляли открыто своего враждебнаго настроенія противъ русскихъ, но тѣмъ не менѣе не переставали хищнически дѣйствовать противъ нихъ, за что и подвергались взысканіямъ; для этого, по принятому тогда обыкновенію, вводились по временамъ въ Кабарду войска, которыхъ и производили *барамту*, т. е. забирали скотъ и другіе предметы для возвѣщенія за причиненные кабардинцами вредъ и убытки.

Въ ноябрѣ мѣсяца 1802 года кабардинцы должны были приступить къ выбору новыхъ судей на слѣдующее трехлѣтіе. Какъ и прежде, требование произвести выборы судей послужило сигналомъ къ возбужденію волненія въ Кабардѣ, причемъ кабардинцы решительно и наотрѣзъ отказались выбрать судей. На этотъ разъ кабардинцы довольно упорно стояли на своемъ нежеланіи выполнить требованіе начальства, которое при томъ-же и съ своей стороны, въ виду различныхъ обстоятельствъ и, главнымъ образомъ, по случаю открывшейся въ Грузіи и затѣмъ перешедшей на Кавказъ въ 1803 году чумы, не особенно настаивало на исполненіи этого требованія. Волненіе въ Кабардѣ, не стѣсняемое по примѣру прежнихъ лѣтъ принятиемъ со стороны русскаго правительства строгихъ мѣръ къ подавленію его, еще болѣе усилилось, когда въ 1803 году было приступлено къ постройкѣ укрѣпленія при такъ-называемыхъ кислыхъ источникахъ (нынѣшній Кисловодскъ). Возвведеніемъ этого укрѣпленія прекращалась для кабардинцевъ всякая возможность не только на плоскости, но и во предгоріяхъ сообщаться съ Кубанью.

Главнымъ распространителемъ волненія въ Кабардѣ въ этотъ разъ былъ сынъ известнаго въ прошломъ вѣкѣ владѣльца Миссоста Баматова—полковникъ Росланбекъ Миссостовъ.

Наталия отношения кабардинцевъ къ русскимъ длились до апрѣля 1804 года, когда главнокомандующій на Кавказѣ генераль-лейтенантъ князь Циціановъ обратился къ нимъ съ строгою прокламациею, "требуя немедленнаго выбора судей въ родовые суды, предписавъ вмѣстъ съ тѣмъ генераль-лейтенанту Глазенапу строго наказать кабардинцевъ, если они не исполнить этого требования къ 28 числу апрѣля. Получивъ прокламацию главнокомандующаго, кабардинцы, какъ выражено въ сохранившихся по этому предмету документахъ, «остервенились» и возвстали открытою силою. Въ виду такого оборота дѣла, генераль Глазенапъ вступилъ съ войсками въ Кабарду и, послѣ нѣсколькихъ жестокихъ сраженій, принудилъ кабардинцевъ изъявить покорность и выбрать судей.

Этотъ урокъ, однако-же, не образумилъ кабардинцевъ, которые, подстрекаемые Росланбекомъ Мисостовымъ, продолжали свои разбои и набѣги на русскія селенія. Затѣмъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ того-же 1804 года, громадная скопища кабардинцевъ напали на русскій отрядъ, посланный для содѣйствія осетинамъ — дигорцамъ, изъявившимъ тогда согласие переселиться на линію. Русскій отрядъ, въ виду значительныхъ силъ непріятеля, принужденъ былъ отступить назадъ. Въ то-же самое время кабардинцы начали угрожать сообщенію между крѣпостью Константино-горской и укр. Кисловодскимъ.

Чтобы наказать кабардинцевъ за всѣ эти враждебныя проявленія, генераль Глазенапъ снова вступилъ съ сильнымъ отрядомъ въ Кабарду; но привести свое намѣреніе въ исполненіе не успѣлъ, такъ-какъ въ то-же время большая часть кабардинскихъ владыщевъ, подъ предводительствомъ Росланбека Мисостова, сбравъ громадныя толпы кубанцевъ, вторглась внутрь линіи и вывела оттуда за Кубань всѣхъ абазинцевъ, съ ихъ имущество-ствомъ. Кроме того, ворвавшійся на линію непріятель окружилъ всѣ военные посты отъ Прочнаго Окопа до Константиногорска, прекративъ такимъ образомъ всякое сообщеніе по линіи.

Обязавъ словесно не примкнувшихъ еще къ непріятелю кабардинцевъ воздержаться отъ враждебныхъ дѣйствій противъ русскихъ и согласившихъ наконецъ исполнить давнишнюю просьбу кабардинцевъ объ упраздненіи родовыхъ судовъ и расправъ, — генераль Глазенапъ посѣгъши возвратился съ войсками въ г. Георгіевскъ и командировалъ оттуда, подъ начальствомъ генераль-майора Лихачева, 6 ротъ на р. Кубань, въ уроч. Бѣлой Мечети,

для наблюдения за кабардинцами. Хотя генералъ Никачевъ и застигъ забазинцевъ и ногайцевъ, уходившихъ за Кубань, принудить ихъ возвратиться на прежнія мѣста ихъ: митропольства, и за-тѣмъ совершилъ экспедицію за Кубань, но результаты этой экспедиціи были вообще неудачны. Эта неудача пріободрила кабардинцевъ и они, въ сообществѣ съ закубанцами, усилили свои враждебныя дѣйствія противъ русскихъ.

Вообще здѣсь нужно замѣтить, что 1804 годъ былъ едва ли не самыи тяжелыи годомъ въ борьбѣ Россіи съ Кавказомъ, чѣму главной причиной было отсутствие достаточнаго количества войскъ, необходимыхъ для того, чтобы держать въ страхѣ небѣзпѣдныхъ тувемцевъ. Недостаточность же на Кавказѣ войскъ происходила отъ того, что главныя военныя силы русскихъ были сосредоточены тогда за Кавказомъ для веденія войны съ Персіею и подавленія частныхъ восстаний въ Грузіи; на Кавказѣ же оставалась лишь горстка русскихъ войскъ. Пользуясь такою временною слабостью Россіи, противъ нея возвели почти всѣ находившіяся въ подданствѣ ея кавказскія племена. При этомъ, съ одной стороны, постоянныя нападенія на наши границы закубанцевъ, кабардинцевъ, чеченцевъ и осетинъ, а съ другой—возвращавшаяся въ томъ году на Кавказъ чума,—еще болѣе обезспѣчили наши войска, представляя такимъ образомъ широкій просторъ небѣзпѣдныхъ, дикихъ и не знающихъ мѣры въ местокѣстяхъ горцамъ совершать свои кровавыя безчинства надъ русскими.

Во всѣхъ этихъ враждебныхъ дѣйствіяхъ особенно дерзкими и вазойловыми были кабардинцы, которые, буквально, ни минуты не давали покоя русскимъ, обитавшимъ тогда въ самомъ ближайшемъ сопѣдѣтствѣ съ ними. Ничѣмъ не стѣсняемыя злодѣйства кабардинцевъ начонецъ вывели изъ терпѣнія русской власти, и генералъ-майоръ Мейеръ, не смотря на всю скучность военныхъ средствъ, въ августѣ 1804 года, долженъ былъ предпринять экспедицію въ Кабарду и наказалъ кабардинцевъ тѣмъ, что отбылъ у нихъ часть стадъ и скотъ ихъ паски. Кабарданцы, впрочемъ, недолго оставались въ долгу за это нашеотвѣ и въ слѣдующемъ же сентябрѣ мѣсяцѣ, въ числѣ 6 тысячъ человѣкъ, подъ начальствомъ Росланбека Мисостова, направились къ Георгіевской крѣпости, но были отражены генераломъ Мейеромъ.

Несколько удачныхъ военныхъ дѣйствій противъ русскихъ и сознаніе, что послѣдніе не въ силахъ принять энергическихъ

мѣръ иъ подавленію восстанія, до такой степени самообольщенія доведи кабардинцевъ, что они втеченія многихъ слѣдующихъ лѣтъ не превращали своихъ враждебныхъ дѣйствій, постепенно подбясь, силу своего оружія достичнуть давно желанного восстановленія своей независимости.

Нѣть возможности перечислить всѣхъ совершеннѣй тогда кабардинцами злодѣйствъ и насилий. Въ этихъ злодѣяніяхъ вполнѣ сказаешь дикая, изварная и свирѣпая натура кабардинцевъ, во время лишь подавленной силою обстоятельствъ. Тутъ давъ быль широкій просторъ проявленію невѣсты къ русскимъ, на蔻лявшейся и таившейся втеченіи около полуѣва. Кроме постоянныхъ набѣговъ на русскія станицы и поселенія, сопровождавшихся обыкновенно убийствами, разбоями и грабежами, кабардинцы не превербогали и единичною возможностью творить зло русскимъ. Такъ, ни одинъ благородный владѣлецъ или уседѣнъ не считали для себя постыднымъ, встрѣтивъ случайно безоружнаго и беззащитнаго русскаго, убить его, ради одного удовольствія истребить одного лишняго глура.

Для наказанія кабардинцевъ за беспорядки, въ марта мѣсяца 1805 года, генералъ Глазенапъ вступилъ въ Кабарду со отрядомъ войскъ. Встрѣтивъ съ противной стороны кабардинцевъ, генералъ Глазенапъ принужденъ былъ жестоко поступить съ ними: конечнымъ результатомъ этой экспедиціи было сожженіе 80-ти недокорныхъ аудовъ. Получивъ такое страшное возмездіе за всѣ свои злодѣянія, кабардинцы прѣтихи-было на время, что въ слѣдующемъ 1806 году произвели снова восстание и отказались отъ подданства Россіи.

Съ каждымъ годомъ, кабардинцы усиливали свои враждебныя дѣйствія и,наконецъ, 7 декабря 1809 года разграбили и разорили до основания станицу Прибѣжную на р. Малкѣ; а въ іюль мѣсяца 1810 года, цѣльными скопищами, при содѣйствіи чеченцевъ, принались страшно опустошать нѣграницную линію. Всѣ эти дѣйствія кабардинцевъ вынудили генерала Булгакова совершиТЬ походъ въ Кабарду. Рядъ пораженій, понесенныхъ кабардинцами и сопровождавшихся отнятіемъ скота и оружія, заставилъ ихъ сно-ва признать надъ собою власть Россіи.

1810 годомъ завершилась въ Кабардѣ эпоха открытыхъ восстаний противъ русского правительства, но недѣла сдавать, чтобы причиненное генераломъ Булгаковымъ пораженіе кабардинцамъ было посѣднимъ актомъ въ дѣлѣ упротворенія этого края. Но-

съ этого кабардинцы хотѣ и не высказывали сплошного желания
новаго властака, но тайно и, если можно выражиться, разбойнико-
ниески продолжали досаждать русскимъ. О возстановлѣніи кру-
пенскаго отношеній чечеъ было и думать.

Не смотря однако же на явно враждебное настроеніе киргизовъ
русскихъ, кабардинцы, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ предстуپиа вор-
южность извлечь для себя выгоду изъ своего подчиненаго по-
ложенія русскимъ, непрочь были пользоваться этимъ обстоятель-
ствомъ и уѣхать тогда русскыѣ въ испрѣніи предвѣтной имъ.
Нерѣдко, для достиженія какой-либо личной цѣли, кабардинцы
привозили въ жертву по-видимому, дорожки для нихъ национальныи
и даже родственныи связи. Главныи образомъ кабардинецъ можетъ
быть привлекать деньгами и русское золото действительности:
но ему надо корыстолюбивую натурѣ ихъ. Каль-бы изнанкѣ не
была сильна къ глуру, но прелыщайшій глаза блескъ золота/ пер-
сынья/ эту неизвестную заставлять кабардинце быть готовыми
къ услугамъ русскимъ. Впрочемъ, къ части кабардинцевъ, нужной
замѣтить, что они вообще не отличались тою навѣлью отрас-
ти къ предательству изъ-за денегъ, которую проявляли другие
горскія племена во времена кавказской войны.

Въ 1811 году кабардинцы, отъсненные орднитыми со сто-
робы русскихъ различными воинскими предсторожностями, по-
шли къ императорскому двору депутацию съ изъявленіемъ вѣро-
подобнической поморности своей и съ прошеюбою о подтвержденіи
договорныхъ имъ императрицею Екатериной II права пребыва-
шествъ, о возвращеніи имъ свободныхъ въ предѣахъ нашей ли-
ней земель и о дарованіи имъ императорскѣхъ льготъ относительно
пользованія солью.

20 января 1812 года кабардинскимъ депутатамъ, при воз-
вращеніи ихъ изъ С.-Петербурга на родину, была вручена имъ
чайная грамота, съдующаго содержанія:

«Подданнымъ нашимъ, кабардинскимъ владѣльцамъ, узденцамъ,
казакамъ, афевдзакамъ и всему народу Нашему Императорская вѣ-
дость. Всеподданѣйшее прошеніе ваше о подтвержденіи имъ
прежнихъ правъ и преимуществъ, и другія бумаги, приносимыи
съ прибывшиими въ Императорскому двору Нашему отъ общества
вашего владѣльцами: Хаджемъ, Бейбарука Хамурбагимъ, Кучукъ
Бекимъ Касаевымъ, Шалокъ Ахлововымъ, и съ узденцами: Ширко-
вомъ Казанчевымъ, Гетаевъ Куденитовымъ и Миссестомъ Анид-
ровымъ, Мы, Великій Государь, Наше Императорское Величие

ство, удостоили Всемилостившаго вниманія, и принять оное прошеніе съ Монаршею благогодностію, подтверждаемъ тѣ права, какъ съ Высочайшою Грамотою Ея Величества, любезной Бабки Нашей, въ Богѣ, почивающей Государыни Императрицы Екатерины Алексеевны, отъ 17 августа 1771 года кабардинскому народу даровады; усмотря изъ оного прошения также, что вы, въ вѣрности къ Намъ и Имперіи Нашей пребываете непоколебимы; вохотимъ Мы по милосердию Нашему изъзвѣстить вами на дѣлѣ Монаршеское Наше обѣць испечеіе, и для того, узнать, что народъ кабардинский нуждается въ первыkhъ жизненныхъ припасахъ, позволили Мы отпускать вамъ хлѣбъ съ иѣновыхъ торговъ, учрежденныхъ по разнымъ мѣстамъ, что уже и въ дѣйствіе производится, и въ снабженіи вами всегда солью, повѣтѣми сдѣлать надлежащія распоряженія. О земляхъ же, по сю сторону реки Малки лежащихъ, буде которыхъ состоять пустынорожими и не принадлежать никому, предписали Мы явить главную и Кавказской генеральнику начальнику войти въ надлежащее разсмотрѣніе, и Намъ представить, имѣется ли возможность вами въ томъ удовлетворить безъ стѣсненія другихъ вашихъ подданныхъ; а честь и получите вы въ свое время отъ оного начальника разрѣшеніе.

«Ворочеть позволяетъ вамъ невозбранноѣѣдѣть для торга въ Кизлярѣ и Астраханѣ, продавать тамъ избытки земли вашей, и покупать потребныя народу вашему матеріи, судна и другія изыдили, съ наблюдениемъ правильнаго, сданыхъ для таможенъ и карантиновъ, учрѣженныхъ для общаго блага и же безопасности нашихъ подданныхъ.»

«Напротиву сего надѣемся Мы, что вы и вѣсъ кабардинскій народъ, возчувствовавъ толикія наши Императорскія милости, не только сдѣлаетесь сами и впередъ достойными сныхъ, но что вы, ико вѣрире вами подданные, потщитесь отвращать и другихъ собственныхъ вами народовъ отъ набѣговъ на предѣлы Нашіи, не допуская ничего изъ нихъ проходить мѣстами, вами занимаемыми, во увѣдомленіи о томъ заблаговременно пограничныхъ Нашихъ начальниковъ; чѣмъ вы на дѣлѣ докажете вѣрноподданническое къ Намъ усердіе и повиновеніе.

«Въ доказательство вищаго Всемилостившаго благоволенія, въ вѣзомъ Мы, Великій Государь, Наше Императорское Величество, всегда желаемъ содержать васъ любезногоФныхъ владѣмповыхъ, узденей, казаковъ, аффендіевъ и вѣхъ подвластныхъ вамъ тѣдей, Нашихъ вѣрноподданыхъ, соизволляемъ Мы отнынѣ

впередъ идти при Высочайшей особѣ Нашей, изъ почетнейшихъ владѣльческихъ и уденскихъ фамилій вашихъ, въ видѣ особой гвардіи Нашей, по 100 человѣкъ конныхъ, вооруженныхыхъ по обыкновенію вашему, для коихъ составленъ будетъ особый штатъ, съ назначеніемъ достаточной суммы на содержаніе, позволяя вами при течь сбывать ихъ, по волѣ вашей, чрезъ каждые три года или 5 лѣтъ другаго такими-же, которые будутъ состоять подъ собственнымъ Высочайшимъ начальствомъ Нашимъ, наравѣ съ другими лейбъ-гвардіи Нашей полками. Во исполненіе сего имѣте вы означеннное число вооруженныхыхъ людей, избравъ нынѣ же гдѣ намъ отправить, сносясь предварительно о томъ съ Нашимъ, на линіи главнокомандующимъ, которому отъ Насъ надеждающее о семъ повелѣніе по военному министерству дано будетъ. Мы надѣемся, что сіи храбрые воины, одушевлены будучи праимѣрами предковъ своихъ и руководствуясь вашими наставлѣніями, по-тщатся оправдывать при лицѣ Нашемъ то хорошее инѣдіе, которое мы о мужествѣ ихъ,ѣрности и преданности къ особѣ Нашей чињемъ, и тѣмъ сдѣлаются достойными Монархаго Нашего, къ нимъ благоволенія и милости.

Сія Наша Императорская Грамота, имѣющая быть всегда основаниемъ и залогомъ незамѣнаго благоденствія вашего и всѣго кабардинскаго народа, отправлена въ вами съ вышесказанными владѣльцами и уденами, которые всѣ представлены Намъ были, и отпущенна съ награжденіемъ отъ щедротъ Нашихъ. Дана въ Престольномъ Нашемъ Градѣ Св. Петра, съ приложеніемъ большой Государственной печати Нашей. *)

Не смотря на чрезвычайно привѣтливый приемъ въ Петербургъ кабардинскихъ депутатовъ, награжденіе ихъ щедрыми подарками и всѣ монархія милости, выраженная въ грамотѣ, въ которой впритомъ ни единъ намекъ не упоминалось о прошлыхъ предосудительныхъ и враждебныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи, кабаринцы, по-видимому, не остались довольны результатомъ своего посольства въ Петербургъ и по-прежнему продолжаютъ враждовать съ русскими. Расчитывать, впрочемъ, на иной исходъ и сжидать отъ послыши въ Петербургъ депутатовъ другихъ邦гдѣствій и невозможно было, ибо самыи депутаты далеко не представили изъ себя выразителей общихъ жданій населенія Кабарды, а были посланы лишь незначительною частью владѣль-

*) Оп. Цел. Собр. Зак. Роец. Имп., т. XXXII, стр. 16, № 24,959.

цевъ и узденей, которые имѣли личный интересъ замѣнять у русскаго правительства. Поэтому, весьма естественно и понятно, что большинство кабардинцевъ нисколько не сочувствовало желанию некоторыхъ изъ нихъ сблизиться съ русскимъ и совершило равнодушно отнеслось къ высочайшей грамотѣ, по всей вѣроятности даже и не понимая всего значенія этого дорогого для нихъ акта.

Какъ мало значенія придавали кабардинцы высочайшей грамотѣ, можно заключить уже потому, что они, втчченіи мнѣній послѣдующихъ лѣтъ, подъ видомъ различныхъ причинъ, ни какъ не хотѣли посыпать въ Петербургъ 100 человѣкъ выборныхъ молодыхъ людей, изъ которыхъ предполагалось учредить гвардию при особѣ Императора. Судя по существовавшимъ тогда отданіямъ между русскими и кабардинцами, можно съ уѣренностью сказать, что въ основаніи нежеланія посыпать въ Петербургъ молодыхъ людей было главнымъ образомъ опасение, что русское правительство, подъ благовиднымъ предлогомъ, погрѣно держать выборныхъ людей изъ лучшихъ семействъ за честныхъ заложниковъ.

Всѣ дѣйствія кабардинцевъ ясно указывали на нерѣсположеніе ихъ къ русскимъ, и послѣ 1810 года они толькo, по необходимости, измѣнили систему своихъ враздѣбныхъ дѣятѣй и, вѣдьсто поголовныхъ возстаній и нападеній большими партиями, стали причинять зло по-одиаочекъ: воровство, грабежи, разбой и убийства въ сосѣднихъ съ кабардинцами русскими селеніяхъ и станицахъ продолжали быть повседневными явленіями. Всѣ эти злодѣянія производились, преимущественно, владѣльцами и узденями. Если случалось, что некоторые изъ кабардинцевъ, совершившихъ прееступленія, бывали обнаруживаемы, то они, предупреждаемые о томъ своевременно, успѣвали скрываться отъ наказанія къ сосѣднимъ закубанцамъ. Такимъ образомъ составлялись цѣны разбойничьи шайки бѣглцовъ, которые еще съ большими ожесточеніемъ и венавистью преслѣдовали и истребляли все, что имѣло видъ или носило название русскаго.

Для обузданія кабардинскаго своеволія и наказанія ихъ за злодѣйства, по существовавшей тогда системѣ, были вводимы во временахъ въ Кабарду войска для экспенуцій. Всѣ эти постыдевія русскихъ войскъ, по обыкновенію, стояли кабардинцамъ не дешево, но, къ сожалѣнію, уроки подобнаго рода весьма скоро забывались ими и они снова, съ присущимъ имъ легкомысліемъ,

начинали производить беззорадки, явившиеся на нихъ, новые
бѣдствія. Такимъ образомъ кабардинцы въ 1818 году подверг-
лись довольно строгому наказанію, послѣдовавшему, котораго было
разореніе до основанія аула Трамона, находившагося близъ Код-
стантиногорской крѣпости, и отнятіе множества скота для удовле-
творенія претензій прусскихъ, потерпѣвшихъ отъ хищничества
кабардинцевъ.

Въ такомъ извѣстительномъ видѣ засталъ дѣло въ Кабар-
дѣ назначенный тогда главнокомандующимъ на Кавказѣ генералъ
Ермоловъ. Даже желанная воля и удивительная внергія этого зна-
менитаго на Кавказѣ дѣятеля не въ состояніи были окончательно
побороть расходившейся не въ мѣру хищнической натуры ка-
бардинцевъ.

До 1821 года, генералъ Ермоловъ, отвлеченный дѣлами съ
другими народностями Кавказа, оставлять въ покой кабардинцевъ,
но въ этомъ году, для установленія надъ кабардинцами лучшаго
надзора, предписалъ, чтобы все изъ нихъ, обитающіе въ гор-
ахъ, выселились на плоскостѣ. Кабардинцы, по обыкновенію, не-
дружелюбно и подозрительно встрѣтили это требование и весьма
неохотно приступили къ исполненію его.

Медленность въ исполненіи предписанія главнокомандующаго
и очевидное желаніе кабардинцевъ уклониться отъ исполненія это-
го предписанія, вызвали, въ 1822 году личное прибытіе въ Ка-
барду генерала Ермолова.

Первымъ дѣломъ, по прибытіи главнокомандующаго въ Ка-
барду, было заложеніе новаго ряда укрѣпленій, таъ-сказать, въ
самомъ сердцѣ Кабарды. Укрепленія эти были заложены по лин-
ии предгорій, на рр. Черекѣ, Нальчикѣ, Чегемѣ, Баксанѣ и въ
верховьяхъ р. Мадки.

По прибытіи генерала Ермолова въ Кабарду, владѣцы и
уземіи, выселившіеся изъ горъ, обратились къ нему съ жалобою
на притѣсненія ихъ и съ прошбою о дарованіи имъ, некоторыхъ
льготъ. На прошьбу эту генералъ Ермоловъ, 26 июня 1822 года,
отвѣчалъ слѣдующее:

«Разсмотрѣвъ поданную мнѣ просьбу, объявляю:
Кабардинцы живутъ на утѣшеміе и наказаніе, невин-
ныхъ и до сего времени, въ-продолженіи болѣе пяти лѣтъ моего
зданія начальствования, кромѣ гнусной замѣны, нарушеній клят-
вы, воровства и убийствъ, ничего не дѣлали. Кто изъ владѣль-
цевъ, котораго, сына, братъ, или ближайшій изъ родственниковъ,

или подвластный узень, или рабы ихъ, свободу получившіе, не дѣлали злодѣйствъ? Кто сказатъ можетъ въ оправданіе свое, что не знать о томъ? Черезъ чьи земли не проходили шайки разбойниковъ, кто отказалъ имъ въ пристанищѣ? Возвращавшіеся изъ плены люди называютъ ихъ по именамъ; бѣгущихъ подденохъ не разъ видали въ лице преслѣдующія наши войска.

«Полковникъ Нодрятовъ и полковникъ Кацаревъ никако не наказывали самонравительно: всѣ участвовали въ измѣнѣ, всѣ и должны были нести наказаніе.

«Я требовалъ разбойниковъ для наказанія — ихъ не выдавали, хотя ихъ было многое число; укрывая ихъ злодѣйства, умножали число ихъ и справедливо за то потерпѣли.

«Я хочу забыть прежнее: и владѣльцамъ и узденямъ, вышедшимъ изъ горъ по моему призванію, не только не допущу впредь дѣлать ни малѣйшей обиды, напротивъ — готовъ быть по-лекімъ.

«Всемилостивѣйшия грапоты покойной императрицы Екатерины II и нынѣ благополучно царствующаго Великаго Императора даны были кабардинцамъ, какъ подданнымъ покорныхъ и вѣрныхъ. Будутъ впредь кабардинцы таковыми — и ихъ удостоены будутъ, но ихъ заслужить должно!

«Теперь же въ пользу кабардинцевъ установлю:

•Сохраню свободное отправление вѣры и прежніе обычай.

•Принимаю выселившихся изъ горъ владѣльцевъ и узденей въ прежнемъ ихъ достоинствѣ и званіи.

•Не отъемлю земель ихъ и ничего иначе собственности.

•Незначащая часть земли занята будетъ подъ большія дороги для общей пользы, для устраивающихъ крѣпостей съ небольшимъ участкомъ, для огородовъ и сѣнокоса.

•Установлю судъ изъ самихъ владѣльцевъ и узденей на правахъ россійскихъ и назначу, въ какихъ случаяхъ надобно будетъ призывать власть духовныхъ людей.

•Свободный торгъ не только не воспрещу никому, напротивъ — буду всячески способствовать.

•Предоставляю владѣльцамъ и узденямъ прежнія права надъ подвластными, но отъ нынѣ впредь уничтожается власть лишать работъ жизни.

•Кто изъ владѣльцевъ и узденей нарушитъ сіе, будетъ жестоко наказанъ, а семейство лишенное жизни получитъ свободу.

•Рабовъ, обвиняемыхъ въ уголовныхъ преступленияхъ, от-

давать подъ военный судъ и препровождать въ начальнику ближайшей крѣпости.

«Дѣтей, бывшихъ прежде аманатами, возвращу родителямъ, когда поведеніемъ и вѣрностью сихъ послѣднихъ правительство будетъ довольно.

«Желающіхъ принять христіанскій законъ я не могу отклонять отъ оваго, но отнюдь не допущу приглашать къ тому обольщевіями. До сего принявшихъ законъ возвратить не могу.

«Возвращу рабовъ, которые бѣжали отъ своихъ владѣльцевъ по переселенію уже ихъ изъ горъ.

«Позволю пасти скотъ на пустопорожней землѣ за Малкою, но ве стѣснѧ тѣхъ, кои туда переселиться пожелають.

«Позволю брать для скота соленую грязь со стороны Кубани и будеть назначено время, когда для того отправляться караванамъ.

«Владѣльцы и узденя сохраняютъ въ своей собственности лѣтнія иѣста для пастьбищъ скота въ горахъ.

«Владѣльцы и узденя, остающіеся въ горахъ, лишаются достоинства своего, равно и дѣтц. ихъ; лишаются также земель, которыя, безъ разрѣшенія моего, имѣть занимаемы быть не могутъ. Рабы ихъ, которые выбѣжали, получаютъ вольность. Подые сіи измѣнники захотятъ продать ихъ, но воспредаю покупать ихъ и покупка признается мною беззаконною со времени прокламаціи, объявленной полковникомъ Кадаревымъ.

«Владѣльцамъ и узденамъ, вѣрноподданнымъ Великаго Государя, воспрещается всмое съ сими измѣнниками спорженіе и наезду строго, если узнаю о томъ. Имена сихъ мошенниковъ, лишенныхъ прежнаго достоинства, мною обнародованы будутъ.

Кабардинцы, поставившиѣ себѣ катъ-бы за непремѣнное правило никогда не быть довольными распоряженіями представителей русскаго правительства, отнеслись враждебно и къ изложенному сей-часъ обращенію къ нимъ генерала Ермолова, который, спустя мѣсяцъ послѣ того, 1 августа 1822 года, снова обратился къ кабардинскимъ владѣльцамъ, узденямъ и народу съ слѣдующею прокламаціею:

«Не смотря на желаніе мое, чтобы кабардинцы жили счастливо и спокойно, многие не выходятъ изъ горъ и, продолжая подыхи мошенничества, грабятъ тѣхъ, кои переселились, и дѣлаютъ убийства. Нѣкоторые обманули, прося позволенія переселиться;

другое, не получивши однаго лично отъ меня, не только бѣжали сами, но и другихъ склонили къ побѣгу.

Я объявляю всѣмъ кабардинцамъ, и въ особенности простому народу, что всѣхъ владѣльцевъ и узденей, бѣжавшихъ за Кубань или укрывающихся въ горахъ, какъ языческихъ измѣнниковъ своему Великому Государю, именемъ Его Величества, лишаю всѣхъ правъ ихъ и достоинствъ.

«Если кто изъ кабардинцевъ будетъ съ ними имѣть связи и сношения, будутъ строго наказаны.

Съ ними запрещается вступать въ новые связи и родства.

Если до сего были съ ними разбирательства по шарлату, отныне все уничтожаются, ибо люди честные, поданные вѣрные, не судятся съ измѣнниками и подлыми мошенниками.

Уздениямъ и простому народу повелѣваю: при всякой встрѣчѣ съ измѣнниками дѣйствовать оружиемъ и забыть глупое обыкновеніе не стрѣлять на князей, когда они стрѣляютъ.

«Если кто изъ измѣнниковъ, бѣжавшихъ за Кубань или укрывающихся въ горахъ, будетъ нападать на селенія или догнанъ будетъ въ преслѣдованіи и противъ него простой народъ стрѣлять не будетъ, то селеніе будетъ наказано оружиемъ, о чёмъ и дано уже приказаніе начальникамъ строящихся крѣпостей. Мощенники, по глупому прежнему обыкновенію, будутъ защищаться тѣмъ, что они князья,—простой народъ не долженъ сему вѣрить и я еще повторяю, что со всѣхъ вообще измѣнниковъ сняты прежнія имъ достоинства.

«Отныне впередь запрещается всѣмъ кабардинскимъ владѣльцамъ и узденямъ отдавать дѣтей своихъ на воспитаніе къ чужимъ народамъ, т. е. къ арабамъ, карачаевцамъ и вообще георгійскимъ народамъ, но воспитывать ихъ въ Кабарда. Тѣхъ, комъ отданы прежде, тотчасъ возвратить».

Независимо отъ устройства крѣпостей внутри Кабарды и вообще грозныхъ мѣръ, принятыхъ генераломъ Ермоловымъ, послѣдний нашелъ необходимымъ, для большаго контроля надъ дѣствіями кабардинцевъ, учредить въ укр. Нальчикѣ временный кабардинскій судъ, съ участіемъ въ немъ русскаго чиновника. Тогда-же было предписано главнокомандующемъ всѣхъ кабардинцевъ, обвиняемыхъ въ убийствѣ, измѣнѣ, возмущеніи въ народѣ, побѣгѣ за предѣлы линіи съ зыемъ наимѣніемъ, подводѣ хищниковъ къ злодѣйствамъ и сношениемъ съ ними, набѣгахъ на границы линіи, нападеніи и хищничествѣ въ оной и обнаженіи оружія въ

ссорахъ, съ причиненiemъ ранъ,—подвергать личной ответственности, придавая ихъ военному суду. Кромеъ этихъ нововведеній, кабардинцамъ строго было воспрещено отлучаться куда-либо изъ Кабарды безъ письменныхъ видовъ. На случай же необходимости въ отлучкѣ, они должны были получать печатные билеты: для поездки внутрь линіи — отъ временного суда, за Кубань и въ горы — отъ начальника въ Кабардѣ, а при отъездѣ въ дальняя мѣста Россіи—отъ начальника Кавказской линіи.

Какъ и слѣдовало ожидать, кабардинцамъ не пришлисъ по сердцу всѣ изложенные нововведенія, установленные генераломъ Ермоловымъ. Въ то-же время кабардинцы обратились съ просьбою къ главнокомандующему объ уничтоженіи возводимыхъ крѣпостей и временнаго суда, но неумолимый генералъ Ермоловъ, прокламациею отъ 9 августа 1822 года, отвѣчалъ имъ:

«На просьбу, въ числа августа мнѣ поданную, отвѣтствую:

«О крѣпостяхъ просьбы бесполезны: я сказалъ, что онѣ будутъ — и онѣ строятся.

«Подвластные, которые принутъ христіанскую вѣру, останутся въ такой-же, какъ и прежде, зависимости и отбираемы не будутъ. Владѣльцы не должны препятствовать имъ въ отправлении вѣры и я строго накажу тѣхъ зоффендейвъ и мулль, которые, по гнусному невѣжеству своему, ихъ угнанять будутъ.

«Цѣну соли уменьшить не могу.

«За земли, которыми пользуются, должно отвѣтствовать и потому защищать ихъ отъ прорыва разбойниковъ.

«Въ случаѣ набѣга мошенниковъ, будетъ всегда дѣлаемо слѣдствіе. Виновные заплатятъ за похищеніе, если видѣли партии разбойниковъ, не препятствовали, но противились оружіемъ или тотчасъ-же не уведомляли начальниковъ ближайшихъ крѣпостей.

«Въ случаѣ измѣны или участія въ разбояхъ, всякий владѣлецъ и узденъ теряетъ свое достоинство и наказывается, какъ всякий преступникъ, по законамъ россійскимъ.

«Подтверждаю еще, что рабы тѣхъ подлыхъ мошенниковъ, кои ушли за Кубань или скрываются въ горахъ, оставя свое отечество, получаютъ вольность, когда отъ нихъ выбѣгутъ.

«Лучшія и вѣрныя мѣры, дабы не бѣжали рабы, принадлежащіе владѣльцамъ и узденямъ, выселившимся изъ горъ, есть краткое и снисходительное съ ними ихъ обращеніе.

«Воспрещаю имѣть сношеніе съ бѣжавшими въ горы мо-

шениками и напрасно думаютъ увѣрить меня, что есть изъ нихъ ушедшие по неволѣ. Нарушающій сіе запрещеніе будетъ наказанъ, какъ измѣнилъ.

«Хочу видѣть, кто желать можетъ продолжать связи съ поддъщими мошенниками, лживыми прежнихъ достоинствъ владѣльцевъ и узденей?»

«Если-же кто изъ бѣжавшихъ въ горы, обманутый злонамѣренными внушеніями, вознамѣритъ вѣрить себѣ россійскому начальству, или даже тѣ, кой, боясь наказанія за прежнія воровства, раскаясь, придутъ просить прощенія и позволенія поселиться на равнинѣ, я дамъ наставленіе начальнику, который будетъ назначенъ мною въ Кабардѣ, рассматривать, что того достоинъ, и давать позволеніе. Если-же кто не получитъ оного, можетъ безопасно возвратиться и остановленъ не будетъ, но прощенія просить долженъ не иначе, какъ лично.

«Въ случаѣ отгона табуна, скота или другой погражи у поселившихся на равнинѣ, для отысканія оныхъ никто не имѣть праваѣздить въ горы безъ билета начальства, а дабы отвратить вредныхъ сношеній, билеты будутъ выдаваться только извѣстнымъ людямъ.»

«Изъ словъ простого народа вижу я, что приказація мои совсѣмъ не сообщаются ему или столкновываются въ другомъ смыслѣ, а паче глупыми мулами, которые въ Кабардѣ, по большей части, происходятъ изъ самаго подлаго состоянія. Пришли я чиновника, который, въ присутствіи владѣльцевъ и узденай каждого аула, соберетъ старѣйшихъ изъ простого народа и иль столкнуетъ мои распоряженія.

«Давъ повелѣніе черному народу употреблять оружіе противъ презрительныхъ мошенниковъ, скрывающихся въ горахъ, слышалъ я, что думаютъ владѣльцы и узденя дѣлать какое-то на счетъ того постановленіе. Я предостерегаю, что умѣю требовать исполненія моихъ повелѣній и исполнять заставить.»

VI.

Неудовольствие кабардинцевъ по поводу новыхъ порядковъ, введенныхъ генераломъ Ермоловымъ. — Жалобы кабардинцевъ на эти порядки. — Новая попытка къ восстанию въ Кабардѣ и подавление этого восстания. — Стремление кабардинцевъ къ эмиграціи. — Вступление Шамиля въ Кабарду и волненіе въ ней. — Переселеніе части кабардинцевъ въ Турцию. — Послѣдняя попытка кабардинцевъ къ неповиновенію властямъ, при освобожденіи, у нихъ рабовъ. — Современное положеніе кабардинцевъ.

Нѣсколько крутыхъ примѣровъ, показавшихъ кабардинцамъ, что, дѣйствительно, главнокомандующій генералъ Ермоловъ дѣйственно держитъ свое слово и на самомъ дѣлѣ умѣетъ заставить выполнять свои требованія, убѣдили кабардинцевъ въ невозможности сопротивляться этимъ требованіямъ. Кабардинцы, скрѣпленные сердце, должны были попеволѣ подчиниться всѣмъ установленнымъ нововведеніямъ, но сознаніе этой необходимости еще болѣе раздражало ихъ и усиливало нерасположеніе къ русскимъ.

Нечего и говорить, что кабардинцы, при каждомъ благоприятномъ случаѣ, старались обходить требованія начальства. Учрежденный въ Нальчикѣ временный кабардинскій судъ, съ отъездомъ главнокомандующаго изъ Кабарды, почти бездѣйствовалъ, вызывая этимъ грозныя посланія генерала Ермолова, а затѣмъ и начальника ливіи, генерала-маіора Вельяминова; владѣльцы продолжали оставаться въ горахъ и хотя нѣкоторые изъ рабовъ этихъ владѣльцевъ стремились воспользоваться свободою, убѣгая отъ своихъ владѣльцевъ на плоскость, подъ защиту русскихъ, но большинство рабовъ страшилось прибѣгать къ этому средству, а простой народъ, находившійся, въ силу установившагося въ Кабардѣ общественного строя, въ полной зависимости отъ владѣльцевъ и узденей, не рисковалъ вступать съ ними во враждебныя отношенія и преслѣдовать непокорныхъ владѣльцевъ и узденей, какъ требовалъ того генералъ Ермоловъ, не придавацъ при этомъ, конечно, никакого значенія тому, что непокорные владѣльцы и уздены лишены этихъ званій: понятіе обѣ этомъ было чуждо для кабардинцевъ.

Кабардинцы хотѣли пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы уклоняться отъ исполненія нѣкоторыхъ требованій начальства, но иногда, подъ страхомъ неподѣжнаго наказанія, все-таки дол-

ны были исполнять эти требования. Такое положение тяготило кабардинцев и они всеми средствами стремились устраниить его, обращаясь для этого неоднократно съ просьбами объ уничтоженіе нововведеній; но просьбы эти, по обыкновенію, не приводили къ желаемымъ результатамъ.

Въ 1825 году кабардинцы воспользовались проѣздомъ черезъ Кабарду начальника главнаго штаба, генералъ-адъютанта Дибича, и, такъ сказать, изали передъ винъ всю горечь своей жизни, подавъ ему весьма любопытное прошеніе, слѣдующаго содержанія:

«Кабардинскіе князья и народъ родомъ изъ Еніпса. Сначала Арапханъ явился въ Константинополь къ Кесарю и, съ позволеніемъ его, имѣлъ жительство около Крыма, на рѣчкѣ, называемой Кабарда. Потомъ князья со всѣмъ народомъ, не давая знать Кесарю, переправясь чрезъ море въ гавань Кизилъ-ташъ, где впадаетъ въ море р. Кубань, поселились на оной рѣчкѣ и жили тамъ 7 лѣтъ. Изъ нихъ князь Иналъ за Кубанью померъ; происходящіе отъ него князья Бесленѣевцы и Кемиргоевцы съ подвластными остались за Кубанью, а прочие переселились сюда, составя Большую и Малую Кабарду, что было спустя послѣ Магомета 150 лѣтъ и по нашему исчисленію составитъ переселеніе сего народа въ Кабарду назадъ тому 1098 года, раздѣляясь пополамъ на шесть фамилій, а именно: въ Большой Кабардѣ—Атажукину, Мисостову, Бекмурзину и Кайтукину и въ Малой—Таусултанову и Глохстанову. Нѣкоторые князья, а въ томъ числѣ и самъ Иналъ, находясь еще въ Крыму и на Кубани, во время совѣщанія съ греками, приняли христіанскую вѣру *). Народъ кабардинскій, съ самого переселенія въ Кавказскія горы, считается сильнѣйшимъ противу другихъ жителей Кавказа и пользовался всегда съ прочихъ народовъ податью.

«Кабардинскіе узденя раздѣляются на четыре степени, а именно: на 1-ю, 2-ю, 3-ю и 4-ю; родъ ихъ и достоинства идутъ съ самого начала издревле.

«Когда Кабардинскій народъ былъ въ цѣлости, жилъ покойно и не было въ Кабардѣ русскаго правительства, тогда всѣ гражданскія дѣла решались по шариату эфендеймъ и кадиевъ, или по духовному суду. Въ 1792 году Государыня императрица Екатерина Алексѣевна учредила въ Большой и Малой Кабардѣ родовой расправный судъ, на кабардинскѣхъ правахъ; народъ, считая

^{*)} Всѣ эти свѣдѣнія взложены на основаніи существующихъ въ Кабардѣ преданій.

сей судъ противныхъ магометанскому закону, въ 1801 или 1802 году, настояще не упомнимъ, просилъ объ уничтоженіи снаго бывшаго кабардинскаго пристава генералъ-майора Дельпоццо, а сей доводилъ о томъ до свѣдѣнія бывшаго главнокомандующаго въ семь краѣ кназя Цапіанова, который и разрѣшилъ судъ сей уничтожить, учредивъ для разбирательства народныхъ дѣлъ межкеме или шаріатъ, каковыми и разбирались всѣ дѣла до учрежденія въ Кабардѣ русскаго правленія, а въ 1822 году, бывшій корпусный командиръ, генералъ-отъ-инфантеріи Ермоловъ, прокламаючи въ 1-й день сентября сemu народу данной, уничтожа разбирательство шаріатомъ, учредилъ, противно магометанскому закону, въ Кабардѣ временный судъ, предоставивъ духовному разбирательству слѣдующія только дѣла: 1) до вѣры и совѣсти касающіяся; 2) по несогласію мужей и женъ; 3) ссоры между родителями и дѣтьми и 4) вообще дѣла, не имѣющія уликъ, ясныхъ доказательствъ и письменныхъ свидѣтельствъ. Народъ кабардинскій, издревле привыкшій рѣшать всѣ гражданскія дѣла по шаріату, просилъ объ уничтоженіи суда его-же генералъ-отъ-инфантеріи Ермолова, но его превосходительство въ просьбѣ сей совершенно отказалъ, чрезъ что многіе князья, узденя и черный народъ начали бунтовать, а некоторые бѣжали за Кубань и нынѣ тамъ находятся, а потому народъ проситъ кабардинскій судъ уничтожить, поаволя лимъ всѣ гражданскія и народныя дѣла рѣшать по прежнему шаріатомъ, уголовныя-же дѣла согласны, чтобы были разбираемы военнымъ судомъ.

Кабардинскій народъ поступилъ въ подданство Россіи въ царствованіе Иоанна Васильевича, при взятіи города Астрахани. Въ то время разные кабардинскіе узденя признаны царемъ Иоанномъ Васильевичемъ въ равномъ достоинствѣ съ русскими дворянами; позволено также отъ него кабардинцамъ братъ каждому въ годъ по одной арбѣ, заприженной двумя парамиоловъ, съ Можарского озера соли, какъ прежде таковую брамы безъ всяко-го позволенія, пасты скотъ на той сторонѣ (львой) р. Малки кабардинцамъ не препятствовать, подданныхъ имъ осетинцевъ, аба-зинцевъ и прочихъ народовъ не отнимать, колоповъ, въ Россіи бѣжавшихъ, не принимать, а отдавать обратно ихъ владѣльцамъ, и все это утверждено было отъ царя Иоанна Васильевича грамо-тою *). Крымскіе ханы, узнавъ о подданствѣ россійскому царю

*.) Это заявленіе кабардинцевъ о томъ, что будто бы имъ царемъ Иоанномъ Васильевичемъ Грознымъ была пожалована грамота — ошибочно, таъ-

кабардинцевъ, начали дѣлать на нихъ нападенія и имѣть войну; народъ, переселяясь оттого съ места на место; какъ слышно изъ словъ стариковъ, грамоту потерялъ. Потомъ, когда начали строить городъ Моздокъ, многіе холопья начали изъ Кабарды отъ своихъ господъ бѣгать въ Моздокъ, а оттуда въ Кизляръ, въ потому отъ кабардинского народа, въ 1771 году, посланы были въ С.-Петербургъ къ государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ князя Кургоко Татархановъ и Жанхотъ Седакаевъ, съ проосьбою уничтожить Моздокъ и возобновить прежнюю грамоту и права сему народу отъ царя Иоанна Васильевича данныхыя, а потому и выдана кабардинцамъ, въ 15 день июня 1771 г., грамота, которою принимать бѣглыхъ холопьевъ запрещено, а вѣйно отдавать обратно ихъ владѣльцамъ; но бывшій корпусный генералъ отъ-инфантеріи Ермоловъ, противно грамоты, многихъ холопьевъ, выбѣжавшихъ изъ горъ на равнину, нѣкоторымъ даже однімъ днемъ прежде господъ успѣвшимъ выйти, далъ вольность, а потому выселившимся на равнину ихъ владѣльцамъ въ отдачу холопьевъ отказалъ, кои понынѣ пользуются вольностью. Народъ проситъ, согласно той грамоты, всѣхъ холопьевъ, бѣжавшихъ отъ своихъ господъ, возвратить по-прежнему ихъ владѣльцамъ съ тѣмъ, если господа ихъ живутъ въ Кабардѣ, а которые остались за Кубанью—тѣхъ холопья могутъ пользоваться вольностью.

«Уничтоженіе Моздока тою-же грамотою отказано потому, что будто оный строится къ общей пользѣ, для защиты отъ другихъ непріятелей, а не отъ кабардинцевъ, и сперхъ того, бывшій на линіи генераль, называемый Якубой (Якоби), отъ Моздока по рр. Малкѣ и Кумѣ, до самого Черкесъ-Кармана, началь строить на земляхъ, сему народу принадлежащихъ, крѣпости. Кабардинцы, считая для себя сіе обидою, просили о томъ князя Потемкина, который, отрѣшивъ тогого генерала отъ должности, объявилъ, что уничтожить крѣпостей не можетъ, потому-что на построеніе оныхъ истрачено много казны, обѣщая при томъ остальныхъ земель, оставшихся порожними по рр. Малкѣ, Кумѣ и Курѣ, у кабардинцевъ не отнимать, позволивъ произнодить на оныхъ хлѣбонашенство и пасти скотъ по-прежнему; но нѣкоторые, будучи недовоинными правительствомъ, а болѣе молодые и вѣтранные люди, начали дѣлать въ границахъ линіи шалости.

какъ въ числѣ историческихъ документовъ россійского государства этой грамоты не имѣется и даже ить указанія, чтобы таковая была выдаваема.

•Тою же грамотою позволено кабардинцамъ братъ по одной арбѣ, запряженной двумя парами воловъ, съ Можарского озера соль, съ уплатою по 1 руб. 50 коп. за каждую арбу въ казну денегъ, чѣмъ народъ и пользовался, а когда начала въ Кабардѣ свирѣпствовать чума, то бывшій кабардинскій приставъ генераль-маоръ Дельпоццо, съ воли начальства, ъездить на то озеро за солью запретилъ; также не позволено было, до уничтоженія заразы, пасти на старой линіи скотъ и барановъ. Народъ, будучи доведенъ таковыми поступками правительства до крайности и обижаясь отнятіемъ собственности, началъ дѣлать въ предѣлахъ кавказской линіи шалости, а потому въ 1810 году, бывшій дивизіонный начальникъ генераль-отъ-инфантеріи Булгаковъ, съ отрядомъ россійскихъ войскъ, вошелъ въ Кабарду и дѣлалъ народу большія опустошенія, раззорилъ почти всѣхъ до основавія, не разбирая ни праваго, ни виноватаго, и тѣмъ почти весь народъ былъ разогнанъ; потомъ въ 1811 году, прибывшій изъ Петербурга генералъ Вердеревскій, обласкалъ народъ, успокоилъ, и въ томъ-же году, 4 января, бывшій главнокомандующій генералъ Ториласовъ, прокламацію народу данною и чрезъ пристава генераль-маора Дельпоццо объявленною, позволилъ кабардинцамъ покупать соль въ Прохладненскомъ мѣновомъ дворѣ, съ платою за каждый пудъ по 40 коп.; вскорѣ послѣ того набавилъ цѣну до 80 коп., а послѣ начали продавать по 1 руб. 50 коп. и наконецъ по 2 руб. Поэтому, въ томъ-же году, посланы были отъ кабардинскаго народа въ Петербургъ князья: Хаджи Безрука Ханурзинъ, Кучукъ Касаевъ, Шолоха Ахловъ, узденя: Темрюка Казанищевъ, Гетагажа Кудинетовъ и Миссѣтъ Аизоровъ, съ просьбою къ Его Императорскому Величеству утвердить прежнія грамоты и кабардинскіе обряды, кои и были утверждены таковою въ 20 день января 1812 года; но народъ по оной вывозкою соли съ Можарского озера не пользовался. Нынѣ кабардинцы, будучи раззорены, просятъ, до поправленія своего, смотря по надобности, нѣкоторое время возить соль по-прежнему съ того озера, а послѣ согласны уже покупать таковую, какъ покупаютъ всѣ жители линіи.

•Податью съ осетинъ и другихъ народовъ, согласно той же грамоты въ 15 день июля 1771 года, кабардинцы пользовались по 1821 годъ, а въ седьмь году отъ бывшаго корпусенаго команда-ра Ермолова присланъ быть въ Кабарду для наказанія народа отрядъ россійскихъ войскъ, съ принужденіемъ переселяться на-

бардинцамъ со старыхъ мѣстъ на равнину. Народъ таковое принужденіе къ переселенію понялъ въ худую для него сторону, а потому многие изъ кабардинскихъ князей, узденей и чёрнаго народа, даже и честные люди, почти на-половину бѣжали за Кубань, гдѣ и нынѣ находятся, а остальная часть кабардинцевъ переселилась на равнину; осетины же и другіе народы остались въ горахъ. Начальство, для безопасности, дабы народы сіи не принимали и не пропускали чрезъ свои земли закубацевъ и бѣглыхъ кабардинцевъ для хищничества въ россійскія границы, требовало отъ нихъ аманатовъ, кои, въ залогъ вѣрности, отъ нихъ и выданы, а чрезъ то и подать платить кабардинцамъ не вѣдно. Кабардинцы просятъ нынѣ, согласно прежнимъ обрядамъ, братъ съ нихъ подать, а аманатовъ возвратить имъ, ручаясь удерживать ихъ на будущее время отъ всѣхъ неблагонамѣренныхъ для Россіи поступковъ, такъ-какъ всѣ народы, въ горахъ живущіе, равно и земли ими населенные издревле принадлежали кабардинцамъ, а сіи почитались изъ всѣхъ сильнейшими.

«Въ 1814 году, когда еще не было въ Кабардѣ русскаго правительства и крѣпостей, бывшій начальникъ Кавказской линіи, генераль-маіоръ Дельпоццо, въ обезпеченіе линіи отъ хищниковъ, взялъ отъ нѣкоторыхъ князей и узденей въ аманаты дѣтей, а когда бывшій корпусный командиръ, генераль-отъ-инфантеріи Ермоловъ, началъ строить въ Кабардѣ крѣпости и принуждать къ переселенію, тогда половина народа удалилась за Кубань, въ томъ числѣ и отцы нѣкоторыхъ дѣтей въ аманатахъ находящихся, а другіе изъ нихъ остались въ Кабардѣ, дѣти-же многихъ изъ послѣднихъ остались въ аманатахъ, а другіе отосланы въ сиротское отдѣленіе и поступціи на службу. Народъ по сему предмету просить начальство обратить вниманіе и дѣтей, коихъ отцы находятся въ Кабардѣ и пребывали всегда Россійскому правительству въ вѣрными, возвратить обратно, коимъ при семъ и представляется особенный списокъ, такъ-какъ ихъ и бывшій корпусный командиръ генераль Ермоловъ, прокламацію въ 26 день іюня 1822 года сему народу данною, обѣщаю возвратить.

«Нынѣ земли, не только за Малкою издревле кабардинцамъ принадлежавшія, кои обѣщало начальство никогда у кабардинцевъ не отнимать, но даже земли и лѣса въ Кабардѣ, въ самомъ отечествѣ, начиная съ Терека отъ крѣпости Владикавказской до Кубанц, кои уже были раздѣлены между народомъ, отняты подъ крѣпости и для казенныхъ сѣнокосовъ, безъ всякой за онага за-

платы; соленые озера на Этогѣ и Кубані, состоящія также изъ древле принадлежали кабардинцамъ, что и бывшій корпучный ко- мандиръ генераль-отъ инфантеріи Ермоловъ, прокламацію въ 6-й день іюня 1822 года народу данною, подтвердилъ, обѣщалъ не оты- нимать у кабардинцевъ земель и другой собственности и позво- лялъ возить для скота съ Кубанскаго соленаго озера грязь въ Ка- барду, за каковою и фазыни кабардинцы каждое лѣто, до биле- тамъ начальника Кабарды, караванами, равно на Золкѣ и Эдоѣ части, скотъ и табуны не препятствовать и поить ихъ на тамош- нихъ соленыхъ озерахъ позволяли, чрезъ и пользовались по-слѣ время. Нынѣ же, въ противность обѣщаній начальства и дробле- міи, Кубанское озеро отдаю генералъ-майоромъ Вельяминовомъ въ полѣву Хоперскому казачьему подку, а земли на Золкѣ и Эдоѣ состоящія, равно и соленое озеро, отданы Бодгокому казачь- му полку. Народъ кабардинскій, обижаясь таковыми изменені- ми, обѣщаній начальства и отыніемъ собственности, просить вой- ти въ ихъ положеніе и какъ земли и озера на Золкѣ и Этогѣ состоящія, равно и Кубанское соленое озеро обратить по-преж- нему во владѣніе кабардинцевъ, не запрещая на первыхъ частіи и поить скотъ, а съ послѣднаго брать грязь и возить въ Кабар- ду для зимняго промысла онаго скота (съ Этогаго же озера возить грязь по живости, оной невозможно), потому, что земли сіи и озера издревле принадлежали кабардинцамъ, кои, не имѣя ни торговли, ни другой промышленности, единственное пропитаніе имѣ- ютъ отъ скотоводства, для края необходимо нужна соледая грязь, такъ-какъ скотъ къ ней весьма привыченъ и обйтись безъ нея не возможетъ, равно и для пастбищъ онаго достаточное количество земли также необходимо. Если-же сіе прошеніе начальствомъ не будетъ уважено, то кабардинцы должны будутъ лишиться и оскаль- цаго скота, ибо хотя народъ сей, прежде, и имѣлъ достаточное количество лошадей, барановъ и рогатаго скота, но, впослѣдствіи времени, кордонные командиры, интересуясь цаградами или поче- му-либо другому, оговаривали народъ кабардинскій передъ начальствомъ въ разныхъ воровствахъ совершино иногда, можно, и чрезъ то получали довѣднія угонять у кабардинцевъ табуны близъ линіи дасудція, что и исполняли съ особыеннымъ рвениемъ, угоняя скотъ, лошадей и барановъ, по вѣскольку разъ въ годъ, не разбирая ни, праваго, ни виноватаго; даже и тѣ лишались сво- ихъ табуновъ, кои имѣли отъ начальства на безопасность биле- ты, и чрезъ то кабардинцы доведены были до такой степени бѣд-

ности, что принуждены были, спасая послѣднее имущество, скрываться отъ несправедливаго раззоренія въ горахъ, многіе бѣжали за Кубань, а нѣкоторые вытревные люди, изъ злобы и мщевія, дѣлали шалости, другіе же, совершенно преданные Россіи, были обижены и раззорены безъ всякой причины, несмотря на то, что кабардинцы всегда по вѣдомостямъ кабардинскаго пристава за всѣ похищенія, на старой линіи случавшіся, уплачива-ли безотговорочно: такъ, въ 1804 году, по вѣдомости генераль-майора Дельпощо, за прошедшія 10 лѣтъ, въ 1810 году—за про-шедшія 6-ть лѣтъ, въ 1814 году—также за прошедшее время; въ 1818 году Трамовъ аулъ, бывшій за полторы версты отъ крѣ-пости Константиновской, раззоренъ до основанія, скотъ и та-буны угнатали и поступили за похищенія въ прошлыхъ 10 лѣтъ, тогда какъ если-бы были въ томъ аулѣ какіе люди неблагонамѣ-ренные и вредные для Россіи, то правительство обязано было, не разоряя всего аула, взять виновныхъ и предать ихъ закон-ному сужденію. Чрезъ такое раззореніе жители аула вынуждены были переселиться или даже прогнаны были на другія места, а когда потомъ нѣкоторые изъ нихъ пріѣзжали на прежнее житель-ство за просомъ, то были пойманы въ числѣ 20 человѣкъ и от-даны въ военную службу. Этихъ людей начальство хотя и обѣ-щало возвратить, но и до сего времени гдѣ они находятся неизвѣстно, коихъ нынѣ просить народъ возвратить. Наконецъ, въ 1821 и 1822 годахъ при переселеніи кабардинцы раззорены по-чи до основанія; нынѣ же, если у нихъ отняты будутъ послѣд-ніе способы къ скотоводству, то (они должны будутъ лишиться послѣдняго пропитанія.

Кабардинскіе князья и узденій, опасаясь, чтобы со време-немъ не отняли у нихъ послѣдней собственности и правъ, даро-ванныхъ грамотою царя Иоанна Васильевича, просятъ утвердить узденей кабардинскихъ наравнѣ съ россійскими дворянами, по степенямъ, какъ родъ ихъ идетъ издревле, и оставить въ вѣчное и потомственное ихъ владѣніе всѣ земли и прочее имъ принад-лежащее.

По древнимъ обычаямъ, всякий магометанинъ, имѣющій до-статокъ, обязанъ непремѣнно въ жизни разъ сходить въ Мекку и Медину для богомолія, а который не имѣетъ достатку, можетъ брать съ собою для продажи на издержки въ пути холода или служанку, что и исполнялось до учрежденія въ Кабардѣ русска-го правленія, даже изогда и само начальство снабжало на проездъ

туда своими билетами; но въ 1822 году корпусный командиръ генераль Ермоловъ ходить народу въ Мекку словесно запретилъ и тѣмъ стѣснилъ вѣроисповѣданіе. Народъ, слыша, что царствующій нынѣ Государь Императоръ не только не запрещаетъ всякой вакцины въ Россіи живущей отправлять свободно вѣроисповѣданіе каждому по своему обряду, но даже отпускаетъ изъ Ерыма и Казани служащихъ ходить въ Мекку, а потому и кабардинцы просятъ позволенія ходить имъ свободно въ Мекку и Медину на поклоненіе.

•Всѣ вышепрописанныя обстоятельства просятъ народъ кабардинскій утвердить грамотою, уважа просыбы ихъ по причинамъ, здѣсь изложеннымъ, и тѣмъ успокоивъ ихъ, дать случай хотя вѣсколько исправить бѣдное положеніе.

Что же касается до того, что сказано въ грамотѣ, въ 20 день января 1812 года сему народу данной, и прокламациіи генераль-лейтенанта Ртишева 30 марта того же года состоявшейся и черезъ генераль-маюра Дельпоцо кабардинцамъ объявленной, чтобы набрать сто человѣкъ молодыхъ людей хорошо вооруженныхъ изъ почетнѣйшихъ владѣльческихъ и узденскихъ фамилій, для отправленія въ Петербургъ на службу, наравнѣ съ другими полками лейбъ-гвардіи, то существовавшая въ то время и прежде чуна лишила кабардинцевъ всѣхъ способовъ исполнить оное требованіе, потому еще болѣе, что большая часть людей отъ заразы умерли, а оставшаяся малая часть пришла въ совершение бѣдное положеніе; потому, когда начали кабардинцы вѣсколько исправляться, угоноять въ разное время скота пришли опять въ худшее состояніе и наконецъ въ 1821 и 1822 годахъ, при переселеніи на другія места, разогнаны и раззорены до такой степени, что вѣкоторые и до сего времени синискиваютъ себѣ пропитаніе-работами у другихъ, въ большинѣ часть бѣжали за Кубань и донынѣ тамъ проживаютъ. Сверхъ того, хотя кабардинцы напредъ сего и были сильнѣйшими противъ другихъ, но послѣ частыхъ беспокойствъ многіе бѣжали за Кубань, а потому оставшіеся здѣсь сдѣлались малосильными и должны всегдашними караулами отъ себя выставляемыми защищать и оберегать свои земли отъ чеченцевъ и закубанцевъ, комъ всѣми силами стараются нанести сему народу вредъ, а всего болѣе — бѣглые кабардинцы.

Подобно предшествовавшимъ, и эта послѣдняя просыба, само-собою разумѣется, не могла быть вполнѣ удовлетворена, ибо исполненіе такихъ требованій, какъ возвратъ владѣльцамъ уже

получившихъ свободу рабовъ, разрѣшеніе взыскать подати съ ес-
тии и другихъ сосѣдей, состоявшими прежде въ вассальной за-
висимости кабардинцевъ, въ возвратъ земель, занятыхъ казачьимъ
населеніемъ,—и не мыслимо было. Рядъ отказовъ на предъявлен-
ные просьбы и неослабляемость строгихъ мѣръ, введенныхъ ге-
нераломъ Ермоловымъ для укрощенія буйного нрава кабардин-
цевъ, вызвали напонецъ въ 1825 году восстание въ Кабардѣ, и
попытку къ возстанію; но генералъ Вельяминовъ, строгий поадъ-
дователь системы генерала Ермолова, явившись во-время въ Ка-
барду, успѣлъ усмирить кабардинцевъ.

Это послѣднее усиленіе волненія въ Кабардѣ окончательно
убѣдило кабардинцевъ въ бессилии свергнуть съ себя власть рус-
скихъ. Окруженные цѣпью крѣпостей, охраняемыхъ войсками, и
неустаннымъ надзоромъ, кабардинцы окончательно были стѣснены
относительно стремленія къ открытому хищничеству въ пре-
дѣлахъ сосѣднаго русского населенія.

У наиболѣе свободолюбивыхъ кабардинцевъ, не мирившихся
съ введенными строгими порядками, усилилось тогда стремленіе
къ эмиграціи за Кубань. Такимъ образомъ многие изъ кабардин-
цевъ, цѣльми семьями, время отъ времени, предпринимали тай-
ные переселенія за Кубань, где впослѣдствіи и образовалось нѣ-
сколько кабардинскихъ ауловъ.

Эти переселенцы, естественно лютые враги всего русского,
причинили весьма много хлопотъ начальству постоянными набѣ-
гами въ наши предѣлы и нерѣдко служили ширмою для преступ-
ныхъ дѣйствій, совершаемыхъ и таинственно засыпаемыми покорными
кабардинцами. Послѣдніе, привыкши почти постоянно съ забѣда-
ми участіе въ разбойническихъ продѣлахъ надъ русскими, все
однако-же сваливали на бѣглецовъ, и хотя начальство неодно-
кратно уличало мирныхъ кабардинцевъ въ открытомъ пріемѣ, и
постоянныхъ сообщеніяхъ съ враждебными намъ людьми, но
кабардинцы, съ беззастѣнчивостью, всегда старались убѣдить,
что они не имѣютъ никакихъ сношеній съ бѣглецами. Нечего
и говорить, что появившіеся въ Кабардѣ съ добычей отъ
русскіхъ эмигранты никогда не выдавались властямъ. Если-
же случалось, что некоторые изъ кабардинцевъ бывали неодра-
зимо уличаемы въ пріемѣ бѣглецовъ, то да подмогутъ имъ
желанія кабардинской времененной судьи, который, въ этихъ случа-
яхъ, считалъ своею обязанностью усердно проявлять свою дѣя-

тельность, клонившуюся къ тому, чтобы оправдать во что бы то ни стало провинившихся. То и дѣло кабардинскій судъ, бездѣствуя во всемъ остальномъ, ходатайствовалъ передъ начальствомъ за людей, обличенныхыхъ въ прееступныхъ сношеніяхъ съ бѣглыми:

Однажды, по поводу подобныхъ ходатайствъ, генералъ-майоръ Вельяминовъ писалъ кабардинскому временному суду слѣдующее:

«Майоръ Торановский довелъ до свѣдѣнія моего два представленія сего суда отъ 15 и 17 декабря № 2518 и 2528, коими оправдывается судъ узденей Тамбіева и Кудинетова въ сношеніяхъ ихъ съ изѣбникомъ Росламбекомъ Біесленовымъ и въ томъ, что, встрѣтивъ хищническую партію подыхъ кабардинскихъ бѣглцовъ, запретили стрѣлять по ihnen. Дабы судъ и на будущее время не полагалъ, что всѣкѣ оправданіе можетъ быть принятъ, вужнымъ наложу объяснить суду слѣдующее:

«Въ одномъ изъ представленій своихъ судъ говорить ванъ, что несмотря на прѣемъ Росламбека Біесленова господиномъ главнокомандующимъ, несмотря на уѣнія Росламбека, что возвращается въ Кабарду, судъ имѣлъ къ нему недовѣрчивость и наблюдалъ за дѣйствиями его. Они были таковы, что и русское начальство, менѣе съ Росламбекомъ знакомое, нежели его соотечественники, не имѣло въ уѣніяхъ его ни малѣйшей довѣренности. Разсказами его могъ быть обманутъ простой народъ, но конечно не главнѣйшія фамиліи, каковы Кудинетовы, Тамбіевы и иные подобныя. Слѣдовательно, оправдывать ихъ несъдѣніемъ изѣбническихъ намѣреній Росламбека нельзя.

«Полагаю даже, что могли они не знать частной прѣеми, для которой прѣижали люди отъ Росламбека Біесленова; но не могли однакоже не знать они того, что люди сіи прѣижали въ Кабарду тайно и тамъ скрывались. Ни одинъ изъ сихъ людей не имѣлъ билета на проездъ въ Кабарду. Принимавшіе ихъ легче могли къ тому убѣдиться и конечно знали сіе. Этого было уже достаточно, чтобы сихъ людей представлять къ начальству; або кто не понимаетъ, что человѣку правому, не иѣбнющему виновныхъ намѣреній, быть никакой нужды скрываться? Сынъ Жанюха Кудинетова — Атамуха признался, что онъ видѣлся съ сыномъ Росламбека Біесленова тайно. Судъ оправдывается его въ сеѧ поступкѣ молодостью лѣтъ. Можетъ-быть въ лѣтахъ совершенныхъ и съ разсудкомъ бѣлье зѣмы онъ сего не сдѣлалъ бы. Но

если молодость Атажуки сколько-нибудь его оправдываетъ, то весьма многихъ сильно обвиняетъ. Атажука, будучи еще дѣтской лѣтъ, конечно не имѣлъ бы понятія о тайныхъ свиданіяхъ, если бы пріимѣры старшихъ его тому не научили.

«Судъ, представивъ оправданія свои и ходатайствуя за виновныхъ, бѣзъ сомнѣнія видѣлъ неосновательность сихъ оправданий. Несмотря на то, судъ не хотѣлъ отступить отъ обычая ходатайствовать предъ властями за всякаго нарушителя общаго спокойствія; и потому не должно удивляться, если подобное ходатайство остается безъ уваженія».

При такомъ положеніи дѣлъ въ Кабардѣ, принятие строгихъ и энергическихъ мѣръ, на которыхъ кабардинцы постоянно жаловались, вызывалось неизбѣжною крайностью и потому ослаблять ати мѣры, согласно желанія кабардинцевъ, въ то время, когда они всяку уступку со стороны русскихъ способны были объяснять слабостью, не представлялось возможности, что, конечно, раздражало кабардинцевъ и поддерживало въ нихъ духъ непріязни. Тѣмъ не менѣе, безъ увеличенія можно сказать, что Кабарда была усмирена и подчинилась русской власти относительна ранѣе другихъ непокорныхъ племенъ Кавказа только благодаря положенному генераломъ Ермоловымъ началу строго-систематическихъ, честныхъ и прямыхъ отношеній къ туземцамъ.

Политика генерала Ермолова, по отношенію къ кабардинцамъ, какъ это видно изъ сохранившихся документовъ, была совершенно чужда необычайныхъ обѣщаній, заслышанныхъ и вліятельнейшихъ владѣльцевъ, подкупы нужныхъ людей и вообще тѣхъ способовъ, которые, принося въ данный моментъ желаемую пользу, разрушали въ то же время въ народѣ понятія о честности и нравственности. Къ счастію кабардинцевъ, представители власти въ Кабардѣ, еще долго спустя послѣ Алексія Петровича Ермолова, были последователи этого замечательного учителя и это обстоятельство, можетъ быть, повлияло на то, что кабардинцы, по сравненію ихъ съ некоторыми другими племенами Кавказа, отличаются лучшими нравственными качествами и сохранили въ массѣ болѣе понятія о нравственности и чести, отличаясь въ тоже время и наиболѣе щекотливымъ сознаніемъ своего достоинства — качествомъ, которое, къ сожалѣнію, сохранили не всѣ горцы.

Кабардинцы, современники А. П. Ермолова, вспоминая прошлое, съ глубочайшимъ уваженіемъ относятся къ этой личности

и ставить этого человѣка примѣромъ справедливости; этотъ человѣкъ, какъ говорятъ кабардинцы, ничего не обѣщалъ, чего не могъ исполнить, и точно исполнилъ то, что сказалъ.

Если и нельзя сказать, что послѣ введенныхъ въ Кабардѣ генераломъ Ермоловымъ порядковъ не было стремленія у кабардинцевъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, свергнуть силою не привившійся имъ нововведенія, то, по-крайней-мѣрѣ, стремленія эти ограничивались лишь попытками къ восстанію, которыхъ безъ труда уже подавлялись, даже не вызывая необходимости прибѣгать къ особенно-крутымъ мѣрамъ.

Общее спокойствіе въ Кабардѣ, послѣ бывшаго въ 1825 г. волненія, ничѣмъ особеннымъ не нарушалось до 1846 года; но въ этомъ году довольно значительная часть кабардинцевъ, увлеченная успѣхами Шамиля и надѣждою отъ помошью этого вождя освободиться изъ-подъ власти русскихъ, снова заволновалась.

Провѣдавъ о возбужденіи состояніи кабардинцевъ и приглашаемый вѣкоторыми изъ нихъ, Шамиль, съ громадными скопищами чеченцевъ и другихъ покорныхъ ему горцевъ, въ апрѣль мѣсяцѣ послѣдній въ Кабарду. Походъ этотъ былъ совершенъ Шамилемъ довольно удачно и онъ легко достигъ лѣваго берега р. Терека, т. е. Большой Кабарды, переправившись черезъ рѣку у выѣзжей станицы Зѣйтѣской. Приближеніе Шамиля сильно взялоновало умы кабардинцевъ, а отсутствіе въ то время войскъ въ Кабардѣ придавало возмутившимся еще большую смѣлость. Цѣлые толпы и тайныхъ, и явныхъ сторонниковъ Шамиля, отбросивъ на время свою кичливую гордость, отправились къ нему съ изявленіемъ своей покорности и готовности содѣйствовать изгнанію изъ Кабарды русскихъ. Но планы эти вскорѣ были разрушены стянувшимися къ занятой Шамилемъ позиціи нашими войсками, которыхъ принудили Шамиля послѣднѣо бѣжать за Терекъ и затѣмъ совсѣмъ удалиться въ Чечнѣю.

Само-собою разумѣется, что такой неудачный исходъ вторженія Шамиля въ Кабарду довольно сильно обезкурилъ кабардинцевъ, и хотя многие изъ нихъ, наиболѣе свободолюбивые, продолжали поддерживать броженіе въ умахъ людей легкомысленныхъ, но желанной цѣли уже достигнуть не могли. Такимъ образомъ въ 1846 году было въ Кабардѣ послѣднѣе серьезное волненіе, грозившее причинить русской власти большія хлопоты.

Послѣ этой неудачной попытки къ восстанію, кабардинцы если и не покинули совсѣмъ мысли освободиться отъ господства

руссихъ, то, по-крайней-мѣрѣ, явно не предпринимали уже ничего иронизшагося къ этому. Всѣ недовольные, по примѣру своихъ другихъ соотечественниковъ, продолжали удаляться за Кубань и этимъ способомъ хотя на время обрѣтали возможность осуществить свою завѣтную мечту — избавиться отъ власти русскихъ. Всѣ-же наиболѣе миролюбивыя элементы кабардинскаго населенія подчинились необходимости признать надъ собою власть Россіи; но и этотъ фактъ далеко еще не давалъ права расчитывать на искренность отношеній къ намъ кабардинцевъ. Еще долго кабардинцы, только подчиняясь необходимости, мирились съ своимъ зависимыемъ положеніемъ отъ русскихъ.

Справедливость существованія такого положенія въ отношеніяхъ кабардинцевъ къ русскимъ подтверждается тѣмъ, что когда, съ постепеннымъ покореніемъ закубанскихъ народовъ, исчезла для кабардинцевъ возможность имѣть за Кубанью убѣжище, то многіе кабардинцы, желавши во что-бы то ни стало избавиться отъ русскихъ, съ жадностью ухватились за представившуюся въ начаѣ 60-хъ годовъ возможность переселиться въ Турцію. Такимъ образомъ въ 1860 году выселились изъ Кабарды въ Турцію 347 семействъ, а въ слѣдующемъ 1861 году — 534 семейства, т. е. въ-течениі 2-хъ лѣтъ удалилась изъ Кабарды почти $\frac{1}{3}$ часть населенія ея. И въ послѣдующіе годы кабардинцы неудержимо продолжали эмигрировать въ Турцію, хотя и не въ томъ количествѣ, какъ въ первые два года. Стремленіе кабардинцевъ къ переселенію не охлаждалось даже и разсказами возвращавшихся изъ Турции о бѣдствіяхъ, претерпѣваемыхъ въ обѣтованной землѣ переселенцами. Кабардинцы не вѣрили этимъ разсказамъ, высказывая весьма недвусмысленно свое подозрѣніе, что русское правительство подкупаетъ возвращающихся и они разсказываютъ ужасы о турецкомъ житьѣ-бытьѣ въ угоду русскимъ. Никакія клятвы и увѣренія горько-разочаровавшихся переселенцевъ не убѣждали скептиковъ изъ кабардинцевъ и они продолжали стремиться въ Турцію, какъ мотыльки на огонь. Полные неотразимаго желанія бѣжать отъ русскихъ безъ оглядки, кабардинцы не вѣрили даже такимъ людямъ, возвратившимся изъ Турции, которые ушли въ этотъ завѣтный край окруженные полнымъ довѣрствомъ и завѣдомо богатыми, а возвратились почти нищими. Словомъ-сказать, мусульманская страна, гдѣ процветаетъ Стамбуль, представляла для кабардинцевъ неотразимую прелестъ.

Такая неизлечимая горячка къ переселенію продолжалась

въ кабардинцахъ до тѣхъ-поръ, пока само турецкое правительство, нажившее не мало хлопотъ съ эмигрантами, наотрѣзъ отказалось принимать въ себѣ переселенцевъ, сначала въ массахъ, а потомъ и по-одиночкѣ; но и тутъ кабардинцы ухитрились бѣжать съ родины. Прежде всего кабардинцы не вѣрили въ существованіе отказа со стороны Турціи принимать къ себѣ переселявшихся съ Кавказа туземцевъ; но потомъ, убѣдившись, посредствомъ посылки въ Турцію довѣренныхъ людей, что дѣйствительно отказъ существуетъ,—кабардинцы проявили страсть къ пилигримству въ Мекку, подъ видомъ поклоненія гробу Мухаммеда, забирая при этомъ и свою семью. Многимъ удавалось этимъ путемъ возвращаться въ Турцію.

Такимъ способомъ кабардинцы эмигрировали въ Турцію до 1866 года, т. е. до объявленія имъ о намѣреніи правительства приступить къ освобожденію у нихъ зависимыхъ сословій. Когда-же было приступлено въ томъ году къ подготовительнымъ работамъ для осуществленія этой реформы и кабардинцы убѣдились въ томъ, что дѣйствительно русское правительство намѣreno и на самомъ дѣлѣ приступить къ освобожденію рабовъ, многіе изъ кабардинцевъ, наиболѣе страшившихся осуществленія этой реформы, которая должна была сильно повлиять на измѣненіе ихъ домашняго и экономического быта, обратились съ просьбами о разрѣшеніи имъ переселиться въ Турцію или не освобождать у нихъ рабовъ. Въ той и другой просьбѣ было отказано кабардинцамъ-просителямъ. Тогда недовольные этимъ отказомъ, въ числѣ около 400 человѣкъ, въ февралѣ мѣсяца 1867 года, затѣяли-было нѣчто въ родѣ неповиновенія начальству, но стянутыя тогда-же въ Кабарду войска успокоили недовольныхъ, которые, просыпавшись о приближеніи войскъ, немедленно разошлись по домамъ и затѣмъ уже безропотно подчинились необходимости освободить рабовъ и остаться на жительствѣ въ Кабардѣ. Послѣдствіемъ этой послѣдней вспышки, имѣвшей, впрочемъ, совершиенно частный характеръ, было временное удаленіе изъ края внутрь Россіи нѣсколькихъ, наиболѣе агитировавшихъ личностей и затѣмъ наложеніе на кабардинцевъ денежнаго взысканія, для возмѣщенія расходовъ по передвиженію и довольствію вызванныхъ въ Кабарду войскъ.

Тѣмъ не менѣе, существованіе подобныхъ изложенныхъ выше прецедентовъ въ отношеніяхъ кабардинцевъ къ русскимъ въ такомъ еще недалекомъ прошломъ, указываетъ на то, что ка-

131
бардинцы далеко еще не свыклись съ мыслю безвозвратно подчиниться необходимости войти въ составъ семьи народностей, составляющихъ Россію. И до-сихъ-поръ еще кабардинцы чуждаются русскихъ, если послѣдніе не представляютъ изъ себя начальствующихъ лицъ, и до-сихъ-поръ еще не рѣдкость, проѣзжая чрезъ кабардинскія селенія, встрѣтить дѣтей, съ бранью плюющихъ вслѣдъ проѣзжающему гяуру-русскому. Замѣчательно при этомъ, что женщины главнѣйшимъ образомъ препятствуютъ болѣе тѣсному сближенію кабардинцевъ съ русскими. Многіе изъ горцевъ, вслѣдствіе различныхъ побужденій, были-бы не прочь войти въ знакомство и интимные отношенія съ русскими, но женщины, ревнивые оберегательницы старинныхъ традицій, осмыкаются такого смѣльчака, а насмѣшка для кабардинца, какъ и вообще для всякаго горца,—острый ножъ.

Но время и прогрессъ, однако-же, не заставляютъ себя ждать. И если грозная сила, олицетворяемая вѣкогда штыками и громомъ пушекъ, ве въ состояніи была сломить втечевія около ста лѣтъ упорного нежеланія кабардинцевъ подчиниться Россіи, то, въ настоящее время, въ пользу этого дѣятельно хлопочетъ иная сила, это—проникающее въ умы кабардинцевъ сознаніе необходимости улучшенія своего соціального быта, путемъ воспріятія здравыхъ экономическихъ началь, и, въ виду этого, стремленіе къ эксплуатациі тѣхъ средствъ, которыми природа щедро одарила территорію, занимаемую кабардинцами. Достаточное количество лѣса, изобиліе воды и богатая почва съ избыткомъ вознаграждаютъ трудъ кабардинца и даютъ ему возможность постигнуть выгоду рациональнаго обмѣна богатствъ. Этотъ обмѣнъ, происходящій между кабардинцами и русскими, поддерживая общность интересовъ, съ каждымъ днемъ все ближе и ближе сводить между собою эти національности, заставляя кабардинцевъ убѣждаться, что сосѣдство русскихъ становится для нихъ необходимымъ.

Нужно надѣяться, что этотъ путь, чуждый насилия, униженія національной гордости и вообще всего, что можетъ раздражать народное самолюбіе, болѣе твердыми шагами приведетъ къ исполненію задуманной слишкомъ 300 лѣтъ тому назадъ цѣли — включенію Кабарды въ число вѣрныхъ и истинно-преданныхъ членовъ великой семьи народовъ, составляющихъ Россію.

Н. Грабовскій.

**НАРОДНЫЯ СКАЗАНИЯ
КАВКАЗСКИХЪ ГОРЦЕВЪ.**

233

HAROLD LEE GARDNER

EDWARD R. HOPKINS

ИЗЪ ОСЕТИНСКИХЪ СКАЗАНИЙ О НАРТАХЪ.

Сказание о нартѣ Хамыцѣ, бѣломъ зайцѣ и сынѣ Хамыца— Батразѣ.

Однажды Хамыцъ проѣзжалъ на неподиорованной своей бѣлой лошади, по нартовскимъ насленіямъ^{*)}; вадумалось ему взглянуть на зеленѣвшія весеннія поля и полюбоваться прекрасными и живописными видами природы. Онъ ёдетъ шагъ-за-шагомъ, проѣзжаетъ незамѣтно не малое пространство нартовскихъ бесконечныхъ земель. Откуда ни возьмись, изъ-подъ кустовъ высокочилъ бѣлый заяцъ, которого природа щедро наградила красотой; красотѣ его Хамыцъ не мало удивлялся. Ось, увидѣ бѣлого зайца, говорить себѣ: «Странная природа! Отчего она ве наградила и остальныхъ звѣрей такъ щедро красотой, какъ этого бѣлого зайца? Заяцъ идетъ и идетъ себѣ гусинымъ шагомъ, переваливаясь съ боку на бокъ. Хамыцъ радуется и говоритъ себѣ: «вотъ, Богъ даль мнѣ никогда небывалаго до него бѣлого зайца, привезу я его нартамъ, онъ будетъ казаться цѣль чудомъ и служить диковинкой при общихъ нартовскихъ насленіяхъ». Тихоюко подѣзжаетъ онъ къ зайцу, а тотъ, имѣя быстрые свои прыжки, отъ него удаляется. Жаль Хамыцу упустить дорогое для него зайца: «ну, что мнѣ дѣлать? лошадь неподиорована, прибавить шагу нельзя», говорить Хамыцъ, «о упустить не руку такую рѣкость — это будетъ большая цотера». Понудивъ

^{*)} Подиоровка лошади производится такимъ образомъ: лошадь держится за хоромѣнье борму, до-тѣхъ-порть, пока она сдѣлается гладкою, откорданныю. Затѣмъ она втеченіи недѣли, по два раза въ деньъ, купается въ водѣ. Послѣ купанья, лошадь обѣѳаниивается спачала шагомъ, а потомъ постепенно въ-карьеръ, по 2 — 3 версты. Во время этихъ упражненій, лошади дается отдыхъ на три дня, а затѣмъ разстояніе, для безостановочнаго бѣга, увеличивается вдвое, до 5-6 верстъ и т. д. Послѣ подобныхъ упражненій лошадь дѣлается выносливою и крѣпкою на тѣло, т. е. не худеть отъ сильной зады, дѣлается — подиорованною лошадью.

свою лошадь, онъ заставилъ ее прибавить шагу; догоняетъ зайца Хамыцъ и убиваетъ его сильными ударами плети. Растанулся заяцъ и лежитъ себѣ. Радъ Хамыцъ своей добычѣ небывалой рѣдкости, которую онъ хотѣлъ удивить всѣхъ нартовъ; слезаетъ съ своей лошади, но только-что взялъ онъ въ руки зайца, тотъ ожилъся, выскочилъ изъ рукъ Хамыца и пошелъ себѣ бѣжать. «Ахъ, досада какая!» говоритъ Хамыцъ: «что мнѣ дѣлать? упустить такое сокровище,—узнаютъ нарты, будуть воспѣвать въ пѣсняхъ мою неудачность, что я свое сокровище, которому нѣть цѣны, упустилъ изъ своихъ рукъ; да и правда! какой-же послѣ этого я буду известный между нартами Хамыцъ? Не могъ я убить такое безцѣнное сокровище — бѣлого зайца и удивить нартовъ, которые вспоминали-бы его и воспѣвали-бы въ пѣсняхъ и рассказахъ, а слава менѣ была-бы бессмертна и переходила-бы изъ потомства въ потомство!» Онъ пустился догонять своего бѣлого зайца; догналъ его, убиваетъ опять ударами плети. Радъ Хамыцъ своему счастію, что убилъ национецъ бѣлого зайца; слезъ онъ съ своей лошади и только-что поднялъ его, онъ ожилъся, выскочилъ изъ рукъ Хамыца и пошелъ себѣ опять бѣжать. «Не досадно-ли это!» говоритъ Хамыцъ, «что за околдованный заяцъ! измучилъ меня, измучилъ и хорошую мою лошадь! Что мнѣ съ нимъ дѣлать? Упустить его — значитъ упасть въ глазахъ нартовъ, потерять свою великую славу, которую я заслужилъ и которой горжусь сильно! А нартамъ того я подай Богъ, чтобы унизить меня въ своихъ глазахъ! Нѣть, околдованный бѣлый заяцъ, я тебя не упущу и ты не скроешься отъ меня». Онъ пустился догонять. Догоняеть онъ зайца, вачинаетъ его бить такъ сильно, что всѣ кости зайца трещатъ, и убиваетъ его. «Ну, говоритъ Хамыцъ, «национецъ ты все-таки не ушелъ, и ты теперь въ моихъ рукахъ, будешь ты такимъ безцѣннымъ сокровищемъ, просто чудомъ, и удивишь нартовъ, а меня поставишь въ глазахъ ихъ очень и очень высоко». Спускается Хамыцъ съ своей лошади, подошелъ къ зайцу и только-что взялъ его въ руки, какъ заяцъ опять ожилъся, выскочилъ изъ руки и пошелъ со всѣй быстротой стрѣлы бѣжать. «Да, опять бѣда моя!» говоритъ Хамыцъ: «откуда взялся этотъ околдованный заяцъ? измучилъ меня, да мало того, что меня, но и мою бѣлую лошадь, которую я кормлю стальными опилками (или стальными пескомъ), измучилъ такъ сильно, что она нигде не годится. Ну, какъ-же мнѣ показаться къ нартамъ съ измученной лошадью? Они меня спро-

сать изъ любопытства: гдѣ и быть, гдѣ и измучилъ свою дорѣгую бѣлую лошадь? Что я могу имъ сказать? Сказать — щадилъ за бѣлымъ зайцемъ; а гдѣ-же онъ? спросятъ они; конечно, я долженъ буду отвѣтить, что упустилъ изъ рукъ. Ну, что будетъ послѣ того со мной и чѣмъ я останусь между нартами? Нѣть! говорить Хамыцъ, «я пробѣжалъ по слѣдамъ этого околдованнаго зайца всю землю, обитаемую нартами, не остается балочки, лощинки, куда бы онъ не скрывался; а я все за нимъ зечу и лечу... что дѣлать? гордые и высокомѣрные варты, хотя и будутъ осмыливать мою измученную лошадь и смотрѣть съ пренебреженiemъ на меня и на нее, за которую они мнѣ завидуютъ и питаютъ ко мнѣ глубокую ненависть, но я готовъ гнаться за тобой, околдованный заяцъ, и до края земли, диковинное ты животное! Такъ говорить Хамыцъ. Между тѣмъ заяцъ вдесятеро быстрѣе, чѣмъ прежде, бѣжитъ и бѣжитъ и, правда, пробѣжалъ онъ чуть-ли не до самаго края земли. Хамыцъ за нимъ. Видѣть море и говорить онъ: «ну, куда же тебѣ дѣваться, околдованный бѣлый заяцъ, видишь-ли ты, теперь вотъ тебѣ и море: какъ ты переберешься черезъ него? поневолѣ ты попадешься въ мои руки, диковинный ты и околдованный звѣрь *)! Вѣдь мы съ тобой всю землю пробѣжали, куда ты теперь думаешь дѣваться? въ море не бросишься, потому что ты къ тому не созданъ природой, не вырвешься изъ моихъ рукъ!» говорить Хамыцъ. «Да, куда тебѣ бросаться въ прощастіе—въ море, гдѣ ты несомнѣнно погибнешь? Бѣлый заяцъ приближается къ морю, бѣжитъ вдесятеро быстрѣе и вотъ онъ бросается въ него и тамъ исчезаетъ. «Вотъ горе! вотъ горе!» говоритъ Хамыцъ. «Это просто несчастіе, это несносно! измучилъ и до негодности свою безцѣнную лошадь, лошадь, бѣлую какъ лебедь, да пробѣжалъ вокругъ всего свѣта и главное свое сокровище—бѣлого зайца—не досталъ, а на всегда въ море упустилъ. Куда мнѣ дѣваться, какъ мнѣ показаться на глаза нартамъ, съ измученной лошадью? Чѣмъ я могу оправдаться и чѣмъ буду я? Я буду и останусь на всегда посыпышемъ: упустилъ я изъ рукъ бѣлого зайца, это безцѣнное сокровище, и упустилъ его я изъ рукъ не разъ! Да, не сумѣлъ я поставить свою славу высоко! Очень легко, что слава моя въ глазахъ нартовъ можетъ поколебаться... Да, этого я всегда боялся,

* Словомъ *срд*—*звѣрь*—осетины называютъ всѣхъ дикихъ животныхъ.

и справедлива поговорка: «чего боишься, того и дождешься*»). Не завидная моя доля! говорить Хамыцъ, разъезжая по берегу. Въ это самое время изъ моря выходитъ къ Хамыцу пребывшій старикъ и спрашиваетъ его: «чего ты ожидаешьъ здѣсь? Откуда ты? Я подозрѣю въ тебѣ нарята; какая-же сильная нужда зачесла тебя къ этому дальнему морю?—«А вотъ какая нужда», отвѣтствуетъ Хамыцъ: «видѣлъ, вѣрно, ты благо го зайца, бросившагося въ это море; это заколдованное даковинное животное меня измучило. Я, съ первого взгляда на него, страшно его полюбилъ; онъ май сильно понравился, и я, конечно изъ страсти къ его красотѣ, бросился догонять его, догоняю и убиваю его три раза, сѣзваю съ своей лошади и только что беру его въ руки, онъ оживляется, высакиваетъ изъ рукъ и начинаетъ бѣжать. Бѣжитъ, повидимому, не быстро, переваливаясь съ боку на бокъ; но знаменитая моя лошадь, которую вотъ ты видишь измученою, едва и съ большимъ трудомъ его догоняетъ. А знаешь ли ты, что моя лошадь изъ породы вѣтрогонныхъ—дур-дура, и она, сверхъ своей силы, еле-еле догоняетъ этого заколдованного зайца! Онъ пробѣгаєтъ всѣ балочки и лощинки, а я все за нимъ и такъ пришлось мнѣ гнаться по всѣмъ краямъ земли. Вотъ, когда я увидѣлъ море, то радовался и восхищался, что ему дальше дѣваться некуда; но тутъ-то самая бѣда моя: онъ бросается въ него. Это животное — Осати **). Околдованный заяцъ

) Это самая обыкновенная поговорка осетинъ. „Цәмәј-Тәрсус үм агад. Цәмәј-Тәрсус үj фен“. Чего боишься, къто впада. Чего боишься, то и увиды. А самое строгое произлатіе женщинъ: Чего ты боишься въ жизни, въ то и попадешь. Выраженіе это относится въ тому, что «чего ты спасаешься въ жизни, т. е. бѣдѣ, въ ту бѣду и попадись».

**) Богъ звѣрей и домашнихъ животныхъ. Осетины на празднествахъ воспѣваютъ хвалебныя пѣсни въ честь его слѣдующими словами: «О, ты, Осати! богъ звѣрей и животныхъ, одари насть щедро безчисленными твоими стадами звѣрей и животныхъ. Ты вѣсъ насыщаешь лакомымъ мясомъ твоихъ животныхъ и звѣрей. Насыти насть, и одари насть твоими безчисленными стадами и отарами овецъ! Ты нашъ утѣшитель и покровитель нашихъ домашнихъ животныхъ и жизни нашей! О святейший Осати! одари вѣсъ щедрою рукою твою, твоими стадами — бесчисленными — животныхъ и звѣрей! Ты ихъ богъ! Ты ихъ вѣштиль! Многіе осетины, горные охотники, не прекращаютъ уверять, что очень часто удается убивать на охотѣ тура съ мякотами на ушахъ; мякоть бываетъ такимъ образомъ, что ухо разрывано вдоль ид-же попарень. По мнѣнію охотниковъ, эта мякоть бываетъ отъ природы, т. е. по назначению Осати, какъ бога звѣрей и властителя стадъ. Но это мнѣніе не заслуживаетъ вѣроятія, потому, что мякоти на ушахъ бываютъ

передломъ измучилъ, мечъ, измучилъ и мою дорогую бѣлую лошадь; какъ мнѣ быть съ ней? знаешь-ли, что изъ-за этой дощади все варты завидовали мнѣ? и если они увидятъ ее теперь измученою, то для вартовъ это будетъ особыною радостію, и другой радости они не дождутся никогда. Они спросятъ конечно меня, гдѣ и измучилъ свою лошадь? Я долженъ буду, разумѣется, сказать, что гнался за бѣлымъ заколдованнымъ зайцемъ, такимъ безцѣннымъ сокровищемъ, до всей землѣ. Нѣть такого пласта на всей землѣ, гдѣ-бы не ступила нога моей лошади; три раза убивалъ его, три раза оцъ оживлялся и заставлялъ меня бѣжать за собой; ваконецъ довелъ меня до берега этого моря; тутъ онъ бросается въ него и навсегда исчезаетъ. Всему этому варты не будутъ вѣрить и они могутъ называть меня лгуномъ, а лгать у насъ, у вартовъ, и въ крови нѣтъ *). Но я отношу это несомнѣнно къ тому, что этого заколдованного зайца нарочно направилъ ко мнѣ Овсати, чтобы онъ меня и мою бѣдную лошадь, для которой у вартовъ нѣтъ цѣны, такъ сильно измучилъ; потому-что мы, варты — говорить Хамыцъ — за то сдѣланы безсмертными, что ведемъ войну съ авгурами и святыми, къ которымъ принадлежитъ и Фалвара, какъ богъ звѣрей и всѣхъ животныхъ, — который располагаетъ ими по своему произволу и которому они подчиняются во всемъ. Сѣй старикъ отвѣчаетъ Хамыцу: «и съ первого своего взгляда узналъ, что ты изъ безсмертныхъ вартовъ. Этотъ бѣлый заяцъ, за которымъ ты гнался по всему бѣлому свѣту и до краевъ земли,

случайная, именно: это слѣдуетъ отнести къ борьбѣ и сѣпливанію турокъ другъ съ другомъ зубами, такъ-какъ, по рассказамъ охотниковъ, ясно видно, что во время борьбы туры сильно бьютъ одинъ другого рогами, стоя на противоположныхъ уступахъ бросаются другъ на друга и сбрасываются со скаль и кручь по аспиднымъ доскамъ и камнямъ, отчего и происходитъ увѣчья: переломъ ногъ, роговъ и разрѣзы ушей и это послѣднее служить мѣткой Овсати. Осетины, въ знакъ благодарности богу звѣрей, развѣшиваютъ въ общемъ хадзаръ-домъ, гдѣ живетъ и готовить цѣлая семья пищу,— на стѣнахъ, рога и челюсти убитой дичи.

*) Преданіе говоритъ, что варты были до того тверды въ своихъ обѣщаніяхъ, что разъ уже сказанное ими слово никогда и ни при какихъ обстоятельствахъ не измѣнялось. Справедливость этого подтверждается преданіе осетинъ тѣмъ, что при сватовствѣ невѣсты, кроме вѣрнаго слова, отдавались въ залогъ застежка черкески, бешмета, при свидѣтеляхъ, пуля или газырь родныхъ невѣсты и это служило твердою гарантіею — родства обѣихъ сторонъ. Нарушить это ни одна сторона не считала себя въ правѣ.

онъ не заяцъ, какъ тебѣ казался, а дочь **Дон-бетура**^{*)}; она, лукавая дѣвка, не тебя одного такъ сильно измучила, но и многихъ. Если она довела тебя сюда до моря и сама скрылась въ немъ, то значитъ она тебя полюбила и избрала своимъ женникомъ и будетъ она твоей женой. Я рабъ Дон-бетура», говоритъ сѣдой: «и готовъ оказать тебѣ свою услугу—помочь съѣтами. Если желаешь взять ее за себя, то я назначаю тебѣ иѣсачный срокъ, ты можешь пріѣхать къ берегамъ этого моря, въ концѣ иѣсача я буду тебя ожидать, можешь взять ее, она твоя и будетъ всегда твою». Хамыцъ возвращается къ нартамъ, и не мало стоило ему труда — пройхать такое огромное пространство земли за бѣлымъ своимъ зайцемъ; но дур-дуря его летѣлъ по воздуху, какъ коршунъ. Онъ пріѣхалъ къ нартамъ ночью того-же дня, съ тѣмъ, чтобы не имѣть сть ними столкновенія и не оглашать между ними своего приключенія. День свадьбы приближается и Хамыцу время было заняться приглашеніемъ нартовъ къ своей свадьбѣ; онъ пригласилъ всѣхъ своихъ молодыхъ нартовъ, между которыми нельзя было не быть **Сурдону**, сыну **Гәрәбәга**, кавдасарда^{**)} нартовской известной фа-

^{*)} Богъ морей, Нептунъ, властитель водяного царства: иитовъ, рыбъ и т. п. Кроме того, осетины, по преданию, полагаютъ, что подъ водой есть царство, гдѣ такие-же люди, какъ на землѣ. Въ честь дочерей **Дон-бетура** осетины воздаютъ празднество, въ субботу слѣдующей посвят. св. Пасхи недѣли. Дѣвицы собираются на берегу рѣки, приносятъ разнаго рода кушанья и бузу (брага), приготовленныя въ честь дочерей Нептуна. Они проролываютъ свои именья, произнося ихъ слѣдующими словами: «О! дочери водъ, помогайте нашему дому въ его нуждахъ и предпріятіяхъ», послѣ чего начинаютъ бросать въ воду яйца, разбивая ихъ камнями и ссыпя въ воду отруби, счетомъ, нѣсколько разъ руками. Кушанья приносятся: каша съ масломъ изъ пшена, лепешки (пироги) изъ пшеничнаго теста. По окончаніи танцевъ, дѣвушки своими посудинами достаютъ воду, освященную дочерьми водъ, и цветы, именно дикой цикоріи, приносятъ ихъ домой и бросаютъ въ конюшни, гдѣ помѣщаются животные. Это дѣлается для того, чтобы дочери Нептуна покровительствовали домашней жизни осетинъ. Послѣ начинаютъ мазать въ домахъ масломъ двери, ставни и окна.

^{**) Слово **Кәвдәс-ард** означаетъ: рожденный въ яслихъ. Кавдасарское сословіе составляло въ семідѣвъ высшаго круга туземцевъ письменное поколѣніе. Оно объясняется такимъ образомъ: дѣвушка или женщина бралась въ услуженіе подъ именемъ **комгул-ус**, т. е. именная жена, которая раздѣляла ложе, иногда, во время молодости, съ своимъ господиномъ, взявшимъ ее въ **комгул-ус**, а послѣ того съ постороннимъ лицомъ, по выбору. Дѣти такихъ женщинъ оставались въ зависимости господина, котораго они}

ицами — Бороевыхъ. Пріезжаютъ наорты къ берегамъ мора, тамъ ихъ встречаетъ сѣдой старикъ, рабъ Дон-бетыра, имѣвшій таинъ-же первую ветрѣчу съ Хамыцемъ; онъ ихъ ввелъ въ море, въ жилище Дон-бетыра—бога морей. Тамъ высокихъ гостей—нартовъ—принимаютъ съ большими торжествомъ. Не было недостатка ни въ чемъ, увеселенія были самыи роскошныя: чего не деставало у Дон-бетыра, того не было. Онъ былъ до такой степени доволенъ свадьбой своей дочери, что беретъ Хамыца за руку и представляеть его къ ней лично. Она быда такъ красива и очаровательна, что покрачала всякий глазъ своей красотой, какъ лучами солнца и сияніемъ луны; не могла она не понравиться Хамыцу, онъ былъ доволенъ своимъ счастіемъ, молитъ и благословлять небо, пославшее ему этотъ даръ. Дон-бетыръ долженъ былъ предупредить Хамыца, что дочь его можетъ жить на землѣ въ жаркомъ климатѣ не иначе, какъ извѣршивши обляоцкой корской черепахи, которую она будетъ снимать только по ночамъ, во время сна. Хамыцъ на это не могъ не согласиться. Между нартами былъ одинъ хитрый пройдоха Сурдовъ Гатаги сыни^{*)}; онъ жилъ праздно, въ свое удовольствіе, любилъ никогда сдѣлать кому-нибудь несчастіе. Онъ старается узнать, что за личность эта невѣста, невѣста подъ черепашней рубашкой. Въ назначенніе времія невѣсту сажаютъ въ хэд-гульгэ-үзеден, самолетку^{**)}), съ ней садится и Сурдовъ; ихъ привозятъ въ домъ Хамыца. У нартовъ начались увеселенія, танцы—

признавали своимъ владѣльцемъ, и не имѣли права до смерти его или-же раздѣлать братьями отъ него отходить. Когда-же они выходили изъ дома своего господина, то сей послѣдній награждалъ ихъ невѣстною, впрочемъ малою частію, но усмѣтруюю своему. Часть-же эта именовалась извѣдасарскю частію. Это сюжетъ существовало въ горскихъ населеніяхъ до 1867 г., т. е. до освобожденія зависимыхъ сословій.

^{*)} Это известная личность у нартовъ — сангвиникъ, старался выскользить всякую тайну; въ увеселеніяхъ, въ играхъ и во всѣхъ предпріятіяхъ, нарты не могли обойтись безъ Сурдона, человѣка пылкаго, пропыраннаго. Онъ служилъ для нихъ потѣхой. Большая подземная его келья со множествомъ отдаленій не забываетъ осетинами. Зданіе со многими отдаленіями называется у осетинъ Сурдомъ-хэддар, т. е. домъ, келья Сурдона. Преданіе говоритъ, что незнающее лицо не находило входа и выхода въ келью Сурдона. Провидце Сурдова носить каждый пропыръ у осетинъ.

^{**)} Въ преданіяхъ у осетинъ встречается, что у нартовъ были самолетки, хэд-гульгэ-үзедон, какъ, напримеръ, самолетка барса—

какъ наоры жили для своего удовольствія и не заботились о сро-
емъ будущемъ. Сурдонъ постоянно интересовался темъ, что Моло-
дая невѣста Хамыца — дочь Донъ-бѣтыра, представляется по-
сѣщающей публикѣ подъ маской морской черепахи. Видя просто
Сурдову, вѣтъ у него силы, чтобы не вдумать того, какъ-бы
Невѣста разсталась съ своей черепаховой маской. Онь день и
ночь ломалъ свою хитрую голову, чтобы увидѣть невѣсту въ ея
чаровательномъ состояніи и полюбоваться ея красотой. Сталъ
вѣтъ придумывать разнаго рода планы, для выполненія своего же-
ланія. Пробокрался онъ нѣчью къ невѣстѣ Хамыца и заприяталъ подъ
кровать ей. Она снимаетъ съ себѣ свою черепашью рубашку и освѣщаетъ своей красотой и близиной тѣла весь домъ, какъ-бы
бриллантами; въ освѣщеніи дома не было надобности, потому-что
она служила своей близиной свѣтомъ,—и впадаетъ она въ глубокій
сонъ. Хитрый Сурденъ того и желалъ; береть онъ черепаховую
маску—рубашку, бросаетъ ее въ огонь и она сгораетъ. Утромъ,
еще до свѣта дня, Хамыцъ и его молодая жена стали одѣваться.
Молодая стала чешать часы — ея вѣтъ; тогда она обращается
къ мужу и говоритъ: «мои маски нѣтъ, я не могу жить въ жар-
комъ климатѣ на землѣ безъ моей черепаховой маски и мы долж-
ны себѣ счастье навсегда разстаться съ тобой». Тогда говорить же-
на Хамыцу: Молодая въ это время имѣла уже зачатіе: зародышъ
своей она едва успѣла передать Хамыцу и сама мгновенно лежащая.
Зародышъ ея переходитъ къ Хамыцу въ образовавшійся у него
на спинѣ наростъ. Наростъ день отъ дня развивается больше и
больше, наконецъ Хамыцу стало дурно. Узнаетъ о болѣзни его
Сатана, жена Урызмага, смѣлая женщина. Она была въ вы-
шней степени смѣтища и замѣтила, что зародышъ на спинѣ Ха-
мыца созрѣлъ и пришелъ къ концу, т. е. въ выходу изъ на-
роста ребенка. Она начинаетъ утѣшать свойѣ краснорѣчіемъ
Хамыца, и въ это время береть ножъ и производить разрѣзъ
нароста, изъ которого выходитъ младенецъ—сынъ. Нужно было
обмыть младенца водой, но въ это время воды въ домѣ не слу-
чились; Сатана бросилась съ сосудомъ къ водѣ и здѣсь она
встрѣчаетъ затрудненіе достать воду: всю воду заняла юн-
дур (*), превратившаяся въ собаку, которая не позволяла

ЛУ-ЦАЛХ — Барсагово колесо, разбившее во время боя массу народа,
безъ всякаго виновія человѣческихъ спир.

• **Л-Сениглавая кнеологическая змѣя, завкарица осетицами Залјаг-**

достать Сатанъ воды. Она слышитъ голосъ выходящаго изъ наружу спины Хамыца младенца: «скорый, скорый, обмывайте меня, изъ меня несется пламя огня, я сильно сгораю, вакалился во мѣй сильный жаръ неугасаемаго огня». Услышавъ это, Сатана быстро и торопливо прибѣгаешь къ ребенку, но все безъ водъ; она бросается опять къ водѣ, но въ это время **кәәф-қүндоң** — гидра — превратилась въ драконаго старика, который вздумалъ ухаживать за Сатаной. Добившись своей цѣли отъ Сатаны, онъ разрѣшилъ ей достать воды. Она успѣшила обливаетъ младенца-сына Хамыца. Онъ сдѣлался впослѣдствіи известною личностью между нартами — Батразомъ, и получилъ у магометанъ имя Газель-Али *).

Хамыцъ, разставшись съ очаровательной красавицей своей женой — дочерью Дон-Бетура, долженъ былъ упрочить свою новую жизнь; такъ онъ и сдѣлалъ: женился на дѣвушкѣ изъ рода своихъ нартовъ. Взаимная ненависть и непріязнь нартовъ были безпрѣдельны. Однажды онъ присутствовалъ на торжествѣ, происходившемъ у нартовъ; былъ заговоръ противъ жизни Хамыца, и вотъ представился имъ самый удобный случай совершить замыселъ свой. Они пригласили на это торжество **Саинәг-Әлдар** **). Заговоръ долженъ быть выполненъ: у нартовъ произошли беспорядки и раздоры; въ заговорѣ противъ Хамыца былъ и Саинәг-Әлдар, болѣе всѣхъ ненавидѣвшій Хамыца. У нартовъ тогда еще не было огнестрѣльного оружія: оружіе ихъ составляли мечъ и стрѣлы. Нарты возрадовались, что наконецъ придется имъ лишить жизни Хамыца и испить его кровь съ жадностю: имъ это была не малая радость и они видѣли въ томъ большой свой интересъ, потому-что Хамыцъ не разъ доводилъ ихъ до крайности. Онъ имъ не давалъ опомниться; заставляя ихъ испытывать бѣдствіе за бѣдствіемъ. Лишаютъ они жизни Хамыца. Сынъ его Батразъ остался сиротой на попеченіи своей

кали, т. е. залісская змѣя. Преданіе говоритъ, что въ дань этой гидрѣ приносили на същеніе по очереди людей и устраивали празднество. И тогда только народъ избавлялся отъ ея нашествія и имѣлъ свободный доступъ къ водѣ, которую она часто отнимала и этимъ доводила народъ до мора и гибели.

*) Пресемникъ пророка Магомета (см. жизнеописаніе Магомета).

) Въ дословномъ переводе **Саинәг означаетъ: недоступная твердыша горь; следовательно, **Саинәг-Әлдар** значитъ — владѣтель, князь **саинәга** — скалистой твердыша.

мачихи; онъ былъ бѣдный сирота, росъ какъ вообще сироты безпріютные; ходилъ всегда засаленнымъ и оборваннымъ мальчикомъ. Однажды дѣти извѣстного унартовъ богача **Бурж-Фэрнуга**^{*)} (ихъ было семь братьевъ), одѣтые въ золото и серебро, какъ говорится,— отправились на охоту. Бѣдный сирота Батразъ, бобиль, подружился съ ними, предложилъ имъ свои услуги. Услуги его состояли въ томъ, что онъ носилъ за вами ихъ стрѣлы за обѣщанныя ему въ подарокъ ими по одной стрѣлѣ, а по окончаніи охоты они должны были упражняться съ нимъ въ стрѣльбѣ въ цѣль. Цѣлый день онъ ходилъ за вами; вечеромъ они кончаютъ охоту и предлагаютъ ему упражняться съ ними въ стрѣльбѣ въ цѣль. Они разложили ему по очереди всѣ свои платья; онъ цѣлялся по нимъ и пробивавшись стрѣлами всѣ ихъ одежды, до мельчайшихъ лоскутьевъ, коснувшись и ихъ обуви. Братья сыновьямъ Бурж-Фэрнуга было очень досадно; они собирались всѣ лоскутья и посыпаютъ къ отцу своего младшаго брата съ жалобою на Батраза, что засаленный мальчикъ, сынъ Хамыца, нанесъ имъ такое сильное оскорблѣніе. На Бурж-Фэрнуга жалоба сыновей произвела самое сильное впечатлѣніе: онъ приказалъ привести къ нему мальчика Батраза, чтобы произвестъ надъ нимъ испытаніе. Они утромъ приводятъ къ нему Батраза. Какъ только увидѣлъ его Бурж-Фэрнугъ, напустился на него и говорить ему: «Ахъ, ты засаленный, грязный, лопоухій щенокъ! Кто тебѣ позволилъ и что тебя заставляетъ оскорблять такъ сильно моихъ сыновей? не думаешьъ ли ты этимъ отомстить за кровь своего

***) Бурж-Фэрнуг** приваджалъ къ нартамъ. Онъ былъ между нартами самостоятельный человѣкъ, на средства которого нарты расчитывали во всемъ. Онъ, имѣя безчисленныя богатства, игралъ въ глазахъ нартовъ немаловажную роль, какъ вообще человѣкъ со средствами, жившій, какъ говорится, на большую ногу. Въ сказаніяхъ осетинъ встрѣчается, что нарты и не нуждались въ личномъ своемъ труде: чего они желали и просили у Бога, то Онъ имъ давалъ безъ труда и работы. Оставалось имъ веселиться, не бояться смерти и вести жизнь разгульную. Хлѣбъ у нихъ замѣнилъ мясо или кукуруза, называемая «хлѣбомъ нартовъ» — **Нарт-Хор**. Хлѣбъ рождался у нихъ готовымъ для їзы. Въ преданияхъ осетинъ никогда не забываются. Каждый щедрый человѣкъ получаетъ нарицательное имя: «онъ щедръ, какъ нарть». «Ахъ, какой онъ нарть». Но имя **Бурж-Фэрнуга** служитъ самымъ задушевнымъ привѣтствиемъ при пожеланіяхъ благополучія и счастія: „**Бурж-Фэрнуг-ссѣ**“ — да будешь богачемъ **Бурж-Фэрнуг**.

отца, Хамыца, убитаго Сайнаг-Алдаромъ и нартами, у которыхъ зазубрился мечъ объ его зубы? Если-бы у тебя было сколько-нибудь геройскаго духа и храбрости, какъ у твоего отца, то не захотѣль-бы ты быть такимъ засаленнымъ мальчикомъ, какимъ ты теперь. Развѣ не настало для тебя время узнать причину смерти твоего отца и какъ произошла эта смерть? — Батразъ, ничего не отвѣчая Бурж-эхэрнугу, запечатлѣлъ эти слова въ свою сердцѣ и задалъ себѣ задачу: узнать подробности высказанной ему въ глаза обиды, о смерти его отца Хамыца. Онъ съ того времени и до своей возмужалости началъ обсуживать, какимъ образомъ приступить къ дѣлу. Прошло много времени и Батразъ все-таки не забываетъ своей мысли. Сдѣлавшись взрослымъ, онъ однажды приходитъ къ своей мачихѣ и проситъ у нея желѣзную плиту *). Получивъ ее отъ мачихи, онъ раскалываетъ ее на огни очень сильно. Мачихѣ было любопытно узнать, для чего онъ это дѣлаетъ, и когда она спросила объ этомъ, онъ отвѣчалъ, что хочетъ полакомиться жареной кукурузой. Когда плита раскалилась, онъ взялъ ее и, поднося къ груди мачихи, сказалъ ей: «Если ты мнѣ не откроешь тайну смерти моего отца, то я эту сильно-раскаленную плиту приложу къ твоей груди и тѣмъ причиню тебѣ смерть». Мачиха чрезвычайно и страстно любила своего пасынка, Батраза, но изъ боязни его мести, долго не открывала ему свою тайну; теперь, опасаясь за свою собственную жизнь, она отвѣтила ему: «Отецъ твой на пиршествѣ нартовъ въ заговорѣ съ Сайнаг-Алдаромъ убить, да не простить Все-вышней тому, кто вселилъ къ твое сердце эту тайну». Батразъ сталъ день и ночь готовиться къ меести Сайнаг-Алдару, за кровь отца. Приходитъ онъ за совѣтомъ къ извѣстной своей лошади—дур-дуре, служившей и его отцу, и спрашиваетъ ее, какъ поступить съ убійцею его отца, Сайнаг-Алдаромъ? Она отвѣчаетъ: «обратись къ Сатанѣ». Жена Урызмага, съѣтливая и проницательная, съ глубокимъ умомъ жевщина **), узнаетъ о томъ и, придя къ

*) Желѣзная или аспидная плита, на которой поджаривается предварительно хлѣбъ, для того чтобы къ нему не приставала зона при печеніи его на огнѣ.

) Личность жены варта съѣтъ-бородаго Урызмага, Сатаны, популярна между нартами. Она обладала даромъ вошебства, предсказывала будущее. Родной братъ ея Урызмагъ (вѣриле **Урзмаг), видѣ въ сестрѣ своей глубокій умъ, необыкновенную съѣтливость и богатство разсудка, не стѣсняясь женился на ней. Умъ ея былъ развитъ до такой степени, что

Батразу, начинаетъ ему рассказывать подробности смерти его отца, Хамыца, и более вѣрные способы къ мести Сайнаг-Алдару. Сатана говоритъ Батразу: «ты поступи такъ: Сайнаг-Алдаръ страстный охотникъ и любитель лошадей своихъ чисто-кровной породы *кок-цуалъ*^{*}), онъ никому не довѣряетъ водить ихъ на водопой, кроме себя самаго, ты можешь съ нимъ столкнуться безъ особыхъ затруднений, и тогда старайся осыпать его все-возможными привѣтствіями при помощи своего краснорѣчія, поставь себя въ близкія съ нимъ отношенія, и тогда наведи его на мысль, чтобы онъ показалъ тебѣ свой дорогой мечъ, для образца. Ты можешь увѣрить его, что желаешь имѣть такой-же мечъ, какъ его безцѣнныи *Ціруq*, и потому тебѣ необходимо нужно показать образецъ мастерамъ. Если ты стумѣешь обратить на себя его вниманіе и вмѣстѣ съ тѣмъ успѣшь воспользоваться его довѣріемъ, такъ-какъ онъ въ высшей степени предусмотрителенъ и недовѣрчивъ, то ты, значитъ, очень счастливъ и будешь у себѣ имѣть мечъ ціруq въ рукахъ, которымъ только и можно покончить его жизнь навсегда. Провидѣніе назначило ему умереть только отъ собственного его меча и никакое другое оружіе не нанесетъ ему смерти. Это вѣрно, это несомнѣнно! Его мечъ ціруq—произведеніе искусѣйшаго бога оружія, *Сафа*; на одной сторонѣ клинка этого меча сияетъ солнце, а на другой луна; если-же ты взглянешь на самый клинокъ меча Сайнаг-Алдара, то въ немъ отражается все, что происходит на бѣломъ свѣтѣ. Такъ созданъ мечъ убийцы отца твоего Хамыца, да кроме того у Сайнаг-Алдара привычка, подавать въ руки свой мечъ концомъ впередъ тому, кто его беретъ; эта привычка значить, что онъ намѣренъ поразить того, кто беретъ мечъ; ты на все это долженъ обращ

она служила оракуломъ для нартовъ, въ тѣхъ ихъ предприятияхъ, где требовалось глубокое знаніе жизни, и она не скучилась награждать нартовъ своими совѣтами. Имя *Саванj* даютъ осетинки каждой умной и хлѣбосольной женщинѣ.

*) Преданіе говоритъ, что нартовскія лошади, *дур-дур* — породы каменистой, *кож-чуалъ* — вѣтрогонной и проч. — понимаютъ всѣй человѣческой говорѣ, какъ разно и самые лошади отвѣчали на всѣ вопросы словами человѣка, убивали и пѣдвали противниковъ своего всадника. Изъ преданій осетинъ видно, что лошади нартовъ дѣйствовали сами собою и отличались, подавая самые разумные совѣты, какъ, напримѣръ: невѣдника маленькаго нарта Тотрадза, сына Алимбека, *Дулжманъ-захасъ*, т. е. возвращенная демонами — чертами, подавала свои совѣты Тотрадзу въ бою и междуусобіяхъ нартовъ и онъ, сынъ Алимбека, потому былъ въ состояніи стоять твердо между картами.

тить особенное внимание,—говорить Сатана Батразу. Потомъ Сатана предлагаетъ Батразу посовѣтываться съ своею лошадью, дур-дуромъ, которая чутьемъ понимаетъ очень много въ будущемъ. Батразъ такъ и поступилъ: онъ все сказанное передаетъ своей лошади, славившейся у народовъ отъ Хамыца—дур-дуръ. Она выдумала самые вѣрные способы къ отмщению Саjnæg-Æлдару: «видишь ли ты», говоритъ она Батразу: «у Саjnæg-Æлдара такая привычка отъ природы, что онъ подаетъ свой мечъ концомъ, держа самъ рукоятку, и вотъ въ такихъ случаяхъ его не-насытный глазъ испилъ много крови, поражая мечомъ своимъ несчастныхъ жертвъ. Поэтому, для твоей безопасности, въ то самое время, когда Саjnæg-Æлдаръ вздумаетъ подавать тебѣ свой мечъ концомъ, держа самъ за рукоятку, я, вѣрная твоя служа, бывшая вѣрною и Хамыцу — твоему отцу, буду показывать видъ вѣбѣшеннай и относить тебя на пространство двадцатидневной запашки плуга *). Ты, конечно, изъ такой фамилии и съ такой волей, что съумѣешь держаться на иппѣ безъ потери своего геройскаго духа, съумѣешь также нагрѣть меня пletью, такъ сильно по моимъ желѣзнымъ бокамъ, чтобы пласти моего мяса съ кожей летали по воздуху, какъ воршуны; но все-таки ты своей силой, конечно, долженъ меня заставить покориться твоему желанію: взять изъ рукъ Саjnæg-Æлдара его мечъ. Только опять я говорю: мечъ бери не за конецъ, а за рукоятку; этотъ кровожадный и кровопьющий человѣкъ, по своей привычкѣ, поразить тебя иппѣ на смерть. Онъ очень хитрый и своеобразный, съ трудомъ покоряется убѣжденіямъ другихъ. Но тебѣ легко увѣрить его, что блескъ меча его привелъ меня въ бѣшенство и что у тебя въ глазахъ дѣлается сильное помраченіе отъ отражавшихся въ иппѣ лучей и блеска меча. Тогда этотъ владѣтель недоступныхъ твердынь, не подозривая ни мало тебя, волею-неволею долженъ будетъ подать тебѣ мечъ свой отъ рукоятки, а не концомъ его. Если спросить тебя, кто ты? будь молчаливъ, не открывай себѣ и старайся отвѣтить отъ его вопросовъ. Батразъ такъ и сдѣлалъ. Отправился въ твердыни недоступныхъ склонъ, ко времени вывода Саjnæg-Æлдаромъ своихъ лошадей на водопой. Подъѣхавъ къ нему стороной, Батразъ, послѣ по-желанія обычнаго доброго дня, началъ сказывать свое краснорѣчное привѣтствие Саjnæg-Æлдару. А потомъ обратился къ нему съ просьбой, дать ему свой мечъ, для образца. Смотрите

) Значитъ десять-десятина квадратной кѣры земли.

онъ на Батраза, видитъ въ немъ лихого наездника, спрашиваетъ его: кто онъ? Батразъ, не выдавъ себя, усиленно началъ упрашиватъ Саинэг-Элдара дать ему ёвой мечъ для образца. Онъ вынимаетъ мечъ свой, подаетъ его Батразу по своему обыкновенію, концомъ впередъ; умная отъ природы дур-дуря бросается назадъ и относить Батраза какъ разъ на двадцатидневную запашку плуга отъ того мѣста, гдѣ стоялъ Саинэг-Элдаръ съ мечомъ въ рукахъ. Бодрый Батразъ приводить свою дур-дуру въ послушаніе и покорность сильными ударами пласти (вогайки) и заставилъ ее стать рядомъ съ Саинэг-Элдаромъ; подаетъ опять Саинэг-Элдаръ мечъ свой по обыкновенію своему также направляя его концомъ впередъ; умная Дур-дуря, отъ сильныхъ лучей и блеска меча Саинэг-Элдара, относить Батраза такимъ-же образомъ. Опять Батразъ начинаетъ нагрѣвать ее по бокамъ и заставляетъ покориться желанію Саинэг-Элдара. Правда, блеска его меча не могъ переносить человѣческій глазъ безъ помраченія, но это не было чувствительно для Батраза. Онъ началъ оправдывать свою дур-дуру передъ Саинэг-Элдаромъ, что она приходитъ въ бѣшенство отъ сильныхъ лучей и блеска меча. Тогда Саинэг-Элдаръ подалъ свой мечъ, противъ обыкновенія своего, рукойкой впередъ. Батразъ видить на одной сторонѣ меча сіяніе солнца, а на другой—луны. Онъ не мало удивлялся такому произведенію Сафы — бога оружія и сказалъ Саинэг-Элдару: «жаль видѣть въ этомъ состояніи такой безцѣнный мечъ, — онъ сильно зазубренъ, видно не разъ побывалъ въ бою? Тогда Саинэг-Элдаръ отвѣчалъ Батразу: «да излется кровь ослицы на прахъ Хамыца, на зубахъ которого зазубренъ мой безцѣнный мечъ. *). Батразъ того и желалъ, чтобы Саинэг-Элдаръ поступокъ свой высказалъ самъ своими устами; тутъ-же его собственнымъ мечемъ пресѣкъ онъ жизнь Саинэг-Элдара, которыйпалъ мертвымъ отъ единственной раны **). Батразъ, чтобы утѣшиться и обрадовать свою мачиху, привезъ ей трофеи славнаго своего подвига—правую руку Саинэг-Элдара ***); обращается къ ней

*) Обыкновенное порицаніе покойниковъ.

**) Въ сказаніяхъ встрѣчается, что разъ нанесенная рана мечомъ или какимъ-бы то ни было оружиемъ произведенія бога оружія—Сафа влекла къ неизбѣжной смерти; въ противномъ случаѣ, если рана повторялась ударомъ вновь, то наносящий падалъ самъ пораженный смертю, отъ волшебной силы меча.

***) Въ кровной мести привѣтствуютъ скѣдующими словами: «разговаривать, Эна—хана, мамаша, отъ своего скучнаго и труднаго поста этихъ трофеевъ».

и говорить: «Жна — мачиха, видишь ли этот трофеи? вотъ я тебѣ привезъ руку убійцы моего отца—Хамыца—Саjnæg-Æлдара». Ова не думала, чтобы Батразъ имѣлъ случай и смѣость отомстить за кровь своего отца, и отвѣчаетъ ему: «да легко-ли такимъ, какъ ты, по своимъ лѣтамъ, убивать такихъ безсмертныхъ, какъ Саjnæg-Æдар, вѣрно тебѣ удалось лишить жизни какого-нибудь несчастнаго, проводившаго дни свои въ пасть стадъ, но никакъ не Саjnæg-Æлдара, отнять жизнь котораго тебѣ не такъ легко и доступно, потому-что тебѣ-ли имѣть доступъ къ этому кровожадному человѣку, можно-ли думать, что ты когда-нибудь успѣешь въ этомъ? Саjnæg-Æлдара не такимъ мелкимъ парнишкамъ—людямъ можетъ быть доступенъ, чтобы лишить его жизни; да, его жизнь не виситъ на волоскѣ, ова сохраняется очень глубоко; кроме того, онъ никогда не разстается съ своимъ мечомъ-цѣрвомъ, который такъ сильно напитанъ ядомъ, что малѣйшее его прикосновеніе, прежде-чѣмъ настаетъ часъ смерти, повергаетъ заживо навсегда въ сырую могилу; но трофеи твой ничто иное, какъ рука какого-нибудь несчастнаго пастуха. Если-бы произошла смерть Саjnæg-Æлдара, то мы видѣли бы не мало окружающихъ насъ разныхъ явлений и чудесъ». Тогда Батразъ отвѣчалъ: «ты, въ часъ полудня, взойди на высоту семи-этажной башни и наблюдай оттуда; вѣрно замѣтишь, что вокругъ тебя по воздуху будутъ летать клоками волосы женъ Саjnæg-Æлдара и окружить тебя мракъ—туманъ *) и все это будетъ казаться тебѣ тучами, потому-что день будетъ мрачный и лучи солнца будутъ закрыты, а самая земля оттого не будетъ освѣщаться солнцемъ». Мачиха входитъ на высоту башни и, наблюдая, замѣтила, что дѣлается на цѣломъ свѣтѣ Божиѣмъ, потому-что, наблюдая оттуда, глазамъ представлялось происходящее во всемъ мірѣ. Она видѣть, что свѣтъ дня помрачился отъ летавшихъ по воздуху волосъ, какъ ту-

жеем—дакомой добычей. Въ такихъ случаяхъ трофеями победы служила и до недавнаго времени правая рука побѣденаго, которая, въ знакъ независимости побѣды, привозится съ торжествомъ побѣдителемъ и прикрѣпляется же гвоздями къ стѣнѣ на видномъ для глазъ мѣстѣ.

*) Только съ нѣкотораго времени женщины у осетинъ, какъ-то: матери, сестры, дочери и родственницы, начали отступать отъ страшныхъ привычекъ при похоронныхъ процессіяхъ, рвать изъ себѣ волосы и царапать лицо. Обычай отрывывать у жены умершаго волосы на головѣ существовалъ и въ позднѣе время. Отрѣзанные волосы клались вмѣстѣ съ покойникомъ, для той именно цѣли, чтобы она — жена — принадлежала на томъ свѣтѣ своему первому мужу.

чи, волосъ рыдающихъ женъ Саjnæg-Æлдара. Уеърившись такими явленіями въ вѣрной смерти Саjnæg-Æлдара и привезенномъ Батразомъ трофеѣ, она обратилась къ нему и говоритъ, что у нартовъ отъ природы нѣтъ въ обыкновеніи (обычаѣ) предавать земль такихъ знаменитыхъ лицъ съ недостачею какихъ-либо частей тѣла и потому она ему совѣтуетъ отвезти свой трофеїй, для преданія вмѣстѣ съ тѣломъ земль. Онъ безъ всякаго для своей жизни опасенія, не забывая того, что можетъ подвергнуться такой-же мести и самъ, съ своимъ геройскимъ духомъ, привозить во владѣніе Саjnæg-Æлдара его руку, въ тотъ самый моментъ, когда выносилось тѣло къ склепу; вбивъ крѣпко свое копье въ землю и привязавъ къ нему свою дур-дуру, поднесъ онъ свой трофеїй и положилъ его на трупъ Саjnæg-Æлдара. Вся толпа народа была поставлена въ изумленіе, твердостью духа и неустрашимостію Батраза; она вздумала истить ему, радуясь возможности излить кровь Батраза на трупъ Саjnæg-Æлдара *), но месть невидимою рукою устранила и вся толпа при похоронахъ положила, что если ей удастся выдернуть изъ земли копье Батраза, то можно ему отомстить, въ противномъ случаѣ месть будетъ неудачна. Поэтому толпа народа съ большими усилиемъ принялась выдергивать изъ земли копье Батраза, но оно упорно оставалось въ томъ-же состояніи; тогда толпа уѣдилаась, что месть не можетъ состояться и съ боязнью отказалась отъ мести за кровь владѣтеля недоступныхъ твердынь, Саjnæg-Æлдара. Батразъ, какъ мѣткій стрѣлковъ, получилъ первый призъ своей стрѣлой на *qabaq'* **) (кабакъ) изъ двухъ *Uхцајраг* (эссеръ) ***) . Не мало удивлялись на похоронахъ мѣткости Батраза. Онъ возвратился къ нартамъ, сталъ требовать силой своего меча *Дус-варж* и лошади дур-дура плату за кровь отца ****). Нарты, устрашен-

*) Вообще для всякой мести служить привѣтствіемъ слѣдующіи слова: Да пошлетъ Богъ на грѣхъ твой, убитый, пріятную минуту мести, чтобы кровь убийцы излилась на тѣло и на могилу твою, убитый! Да не оставить великій Богъ безъ грѣха, т. е. преслѣдованія, поступокъ убийцы! Этими словами ограничивается всякомъ привѣтствіе кровной мести.

**) Кабакъ (qabaq). Это выставляемая на похоронахъ знаменитыхъ лицъ, для состязательной стрѣльбы въ честь усопшаго, вѣха съ дощечкой, служащей мишенью. Сбившій съ вершины вѣхи эту дощечку получаетъ назначенный призъ.

***) Безправные холопы назывались эссерами—*Ухцајраг*.

****) За кровь убитаго платилось вознагражденіе деньгами, скотомъ, оружиемъ и мѣдными разными вещами, по оцѣнкѣ посредниковъ, и угощеніе, служившее залогомъ дружественнаго примиренія навсегда.

ные Батразомъ, не могли не выказывать своей готовности въ уплатѣ ему крови его отца, Хамыца, но прежде всего желали узнать, изъ чего должно состоять удовлетвореніе за кровь *). Батразъ объявилъ нартамъ, что онъ будетъ доволенъ, если они, вмѣсто всякаго другого вознагражденія, наполнятъ цурцј **) его отца шелковымъ пепломъ, и если, кромѣ того, онъ получить отъ нихъ еще, въ залогъ твердаго и вѣрнаго примиренія, четыре перекладины и четыре столба для зданія, толщиною каждыи не менѣе какъ въ четыре пяди, одни изъ породы дерева залгэд ***), а другія ехсн-qæd ****). Пошли нарты исполнять желаніе Батраза, наполнить цурцј его отца шелковымъ пепломъ; запасаются всячески шелковыми матеріями; день и ночь усердно занимаются выжиганіемъ пепла, но только что пепель бытъ приготовленъ и сложенъ въ груды, откуда ни возьмись Батразъ: онъ превращаетъ себя въ вѣтеръ и своимъ дуновеніемъ уноситъ весь пепель. Приходятъ нарты въ уныніе и продолжаютъ заниматься приготовленіемъ пепла. Только-что онъ былъ опять готовъ и сложенъ въ груду, Батразъ опять превращаетъ себя въ сильный вѣтеръ и уноситъ пепель, не оставляя слѣдовъ; такимъ образомъ нарты продолжали неусыпно свое приготовленіе пепла. Еѣда нартамъ, труды большиe: пепель готовъ, сложенъ въ груду; опять Батразъ превращаетъ себя въ вѣтеръ и уноситъ, не оставляя и слѣдовъ. Горе нартамъ! весь шелкъ истощился въ нартовскихъ владѣніяхъ, а кровь Хамыца еще не уплачена, и вѣть малѣйшей возможности достать нартамъ лоскнуть шелку. Да, горе еще и то, и горе самое великое! падаютъ они духомъ, всякая ихъ надежда лопается: какъ исполнить требование Батраза, гдѣ имъ достать изъ дерева залгэд и ехсн-qæd перекладины на столбы толщиною въ четыре пяди,

*) Кровная плата состоять изъ известной суммы денегъ или же известного числа головъ животныхъ, поступающихъ въ уплату крови; также въ число платы опредѣляются званные участки хлѣбопахатной земли и дорогое оружіе.

**) Сапоги съ уменьшеннными геленицами изъ краснаго сафьяна, съ острыми подковами.

***) Кустарниковой породы дерево съ паучими желтыми цветами. При всемъ стараніи, русскаго названія этого дерева я не могу узнать.

****) Такой-же породы дерево — «волжанка», годное для плетня и тростей, очень твердое дерево съ красной кожицею. Самая большая толщина этого дерева составляетъ $\frac{1}{4}$ дюйма.

когда Богъ и природа создали породу этихъ деревъ кустарниковою? — Бѣда настамъ, и отъ бѣды приходится ить испытывать большое горе. Кара предстоила великая для нартовъ: неудача за неудачей уплатить кровь Ханыца, а Батразъ того и молилъ; жаль онъ неустойки нартовъ, и вотъ Богъ посыаетъ ему радостный случай мести, которой онъ давно желалъ; очень довольный собою, благодарилъ онъ небо, пославшее ему радостную месть нартамъ; требованія его ими не исполнены,—откуда взять полные цхруці шелковаго пепла, перекладины и столбы изъ породы кустарниковой залгасъ и ехсъ: у нартовъ не осталось и лоскута шелку, а требуемыя деревья природа создала кустарниковой породой, достать все это было не въ силѣ нартовъ. Доводить ихъ Батразъ до крайности; мечъ дзусс-дарә, безъ помощи его, испилъ кровь нартовъ *), а дур-дурा пожираль ихъ; такую бѣду накель Батразъ на нихъ и своими прахотами не мало имъ наскучилъ; послѣдняй горстъ многочисленной массы нартовъ должна была исчезнуть по его желанію. Никакая сила оружія не вредила Батразу и на него не дѣйствовала. Чтобы погубить нартовъ болѣе жестокимъ образомъ, однажды Батразъ потребовалъ отъ нихъ заготовить ему сто возовъ выжженыхъ древесныхъ углей, достать двадцать четыре пары кузнецовыхъ мѣховъ и устроить въ самыхъ громадныхъ размѣрахъ кузнiciу съ горномъ. Навезли нарты сто возовъ углей, сложили ихъ въ груду, принесли двадцать четыре пары мѣховъ, разставили ихъ по обѣимъ сторонамъ горна, стали раздувать груду; когда огонь сильно разгорялся, онъ бросается въ него и продолжаетъ себя раскалять. Когда онъ закалился лучше стали, онъ заставилъ нартовъ бросить его въ море; они бросили его въ море. Стало оно сильно кипѣть, бушевать и пѣниться. Батразъ, закалился до такой крѣпости, что никакая сила оружія на него не дѣйствовала. Выходитъ онъ, наконецъ, изъ моря и выходитъ стальнымъ человѣкомъ. Чтобы болѣе удовлетворить свою месть, пошелъ онъ опять поражать нартовъ; бѣда нартамъ, кровь льется рѣкою, сотнями тысячъ убиваются ихъ, какъ саранчу; дошли нарты до отчаянія,—куда дѣваться? нѣть имъ спасенія отъ гоненія Батраза! Онъ день и ночь истребляетъ ихъ мечомъ своимъ дзусс-дарә, а лошадь дур-дурा пожираетъ ихъ живыми. Время отъ времени доходятъ партии до

*) Преданіе говорить, что мечъ Батраза истреблялъ нартовъ безъ всякой помощи, бросаясь самъ по нартовскимъ рядамъ и населеніямъ.

исчезновенія; они своей обороной не могли наносить ему вреда, потому что ватура его была крѣпкая, какъ стального человека, и оружіе ему не вредило. Чтобы варты окончательно упали духомъ, Батразъ вздумалъ доказать имъ свое бессмертіе и твердую силу: онъ потребовалъ отъ нартовъ привезти большущую пушку съ стопудовымъ зарядомъ пороха. Привезли варты пушку, говорятъ Батразу: «пушка привезена». Онъ приказалъ зарядить ее и всадить его, Батраза, съ зарядомъ въ дуло, вместо ядра. Опять и здесь горе: припала бѣда на долю нартовъ, приходяще они въ уныніе, какъ приняться и гдѣ имъ достать для гигантской пушки соразмѣрной величины банникъ, необходимый при заряжаніи пушки и безъ чего не могли они обойтись. Видеть Батразъ горе и уныніе нартовъ, онъ указалъ имъ кедровое дерево, толщиною въ три сажени, которое онъ приготовилъ самъ. Спрашиваютъ нарты Батраза: «банникъ готовъ, но какъ они могутъ узнать, когда онъ, Батразъ, сядетъ у два пушки?» Онъ отвѣчаетъ имъ, что когда онъ дойдетъ до dna и сядетъ плотно, то подастъ знакъ своимъ кашлемъ, говоря, что первый кашель его будетъ означать, что колѣни его дошли уже до заряда. Такъ онъ прокашлялъ въ первый разъ и въ это время съ кашлемъ изъ дула громадной пушки выходитъ сильнѣйший вѣтеръ и разноситъ нартовъ по всѣмъ краямъ земли. Опять настало горе: большая часть нартовъ подвергается увѣчьямъ и смерти отъ сильныхъ ушибовъ, причиненныхъ имъ вѣтрой, произшедшіи отъ дуновенія и кашля Батраза. Дѣлать было нечего, собрались нарты и снова принялись за свое дѣло, вбивать Батраза съ зарядомъ въ дуло пушки. Всадили его самыми сильнѣйшиими наворами огромнѣйшаго кедра—банника въ дно пушки. Когда Батразъ вторичнымъ своимъ кашлемъ предупредилъ нартовъ, что онъ плотно сѣлъ съ зарядомъ у два пушки, — онъ приказалъ вартамъ пушку направить къ недоступнымъ твердынямъ Уарп-Аллара *), который наносилъ нартамъ не менѣе бѣдъ и оскорблений всякаго рода, какъ и Батразъ. Пушку направляютъ варты къ твердынямъ Уарп-Аллара: производятъ выстрѣлъ; выстрѣлъ

*) Въ дословномъ переводе **Уарп-Аллар** означаетъ урупскій племя, урупскій владѣлецъ; название местности этой относится къ настоящему Урупу — въ Кубанской области, составившему Урупскій округъ (уѣздъ). Въ предании говорится, что слѣды разбитыхъ Батразовыми выстрѣломъ твердыни Уарпа и до сего времени еще не изгладились.

лемъ этимъ Батразъ разбилъ твердыни Уәрп-Алдара, оставшись самъ невредимъ, какъ человѣкъ бессмертный, превратившійся въ закаленную сталь, и побѣдивъ Уәрп-Алдара навсегда въ покорность себѣ и наратамъ. Владѣтель недоступныхъ твердынъ отъ вепрізни своей перешелъ въ дружелюбіе къ наратамъ. Трудно было наратамъ привести въ свою покорность твердыни Уәрп-Алдара; несмотря на вѣковѣчную войну, никакая сила не могла подчинить ихъ своей власти до тѣхъ-поръ, пока Провидѣніе не осудило ихъ пасть подъ ударомъ гигантской пушки нартовъ съ зарядомъ бессмертнаго, изъ закаленной стали человѣка — Батраза. Батразъ недоволенъ все-таки своей местью и потому сталъ искать еще вдесятеро сильнѣе. Заставивъ нартовъ забыть тѣ бѣдствія, которыхъ имъ уже причинилъ, онъ снова не перестаетъ стараться отрезвить ихъ отъ разгульной и беззаботой жизни, которой они предавались, тѣмъ, что задумалъ погубить ихъ вѣхъ разомъ; за это Богъ обратилъ на него свое негодованіе, какъ на богоотступника и не вѣрующаго въ Его правду. Нарты вшли въ такое бѣдствіе, что имъ не было мѣста, гдѣ скрыться отъ немилосердаго, алчнаго до крови Батраза. Часть нартовъ, избѣжавшая меча Батраза, опустошена голодомъ, наведеннымъ на нихъ Батравомъ. Хлѣбъ нартовъ составляла кукуруза *), въ которой они встрѣчали крайнюю нужду всѣдѣствіе неурожаевъ: едва доставалась на пропитаніе ихъ та малая часть ихъ посѣвовъ, которую сбивали они пущенными по нимъ нечью стрѣлами, такъ-какъ днемъ на нивахъ хлѣбъ превращался въ уголь.

*) Преданіе говорить, что кукуруза перешла къ намъ отъ нартовъ и потому этотъ хлѣбъ носить точное свое название «нартовъ-хлѣбъ», нарѣхоръ. Слово хоръ означаетъ хлѣбъ. Въ разсказахъ осетинъ встрѣчается, что Богъ лишилъ нартовъ урожая пшеницы за то, что они въ своей гордости не сознавали его единства. Кроме того, до одного случая, произшедшаго у нартовъ, урожай пшеницы былъ таковъ, что пшеница безъ посѣва имѣла всхожесть. Случай былъ таковъ. У одной женщины былъ сынъ. Женщина занималась печеньемъ хлѣба; въ это самое время, у малолѣтняго сына ея насталъ чѣстственное испражненіе. Женщина, т. е. мать ребенка, не имѣя подъ рукой чѣмъ очистить свое дитя, взяла тѣста и имъ вытерла задній проходъ сына, послѣ испражненія его. За это Богъ навелъ на всѣхъ нартовъ свой гнѣвъ и лишилъ ихъ урожая пшеницы. Говорятъ, что пшеница нартовъ тогда-же обращена Богомъ въ сѣвѣгъ. Осетины такъ понимаютъ, что если-бы эта женщина нартовская, мать ребенка, не поступила такимъ образомъ, то не было-бы снѣга, а сѣвѣгъ бы былъ-бы пшеничной мукой, т. е. навсегда готовымъ хлѣбомъ.

Бѣда была бесконечна; не могли отвѣтиться отъ месть Батраза; онъ, бессмертный, боролся и съ святыми ангелами и угодниками Божими, но вотъ и Богъ своимъ негодованіемъ сократилъ на конецъ бессмертную жизнь Батраза, навелъ на него всевозможные неизлечимые недуги и онъ подвергается смерти, какъ земное существо. Но настамъ отъ этого не легче: у него открываются разныя язвы, раны и другія неизлечимыя болѣзни, распространяющія алововія и моръ между настами. Такъ онъ старается довести настовъ до окончательной гибели. Самая незначительная ихъ часть, оставшаяся въ живыхъ, умоляла Батраза не доводить настовскій родъ до окончательного исчезновенія и дать имъ возможность укрыться отъ напастей его. Тогда Батразъ, умилосердясь надъ ними, отвѣчалъ, что онъ, послѣ нанесенныхъ имъ бѣдствій, будетъ доволенъ и самъ своею смертію. Но онъ до тѣхъ-поръ не можетъ умереть, пока мечъ его дзусс-дара не будетъ заброшенъ въ море, и что ему суждено только умереть такимъ порядкомъ; въ противномъ случаѣ будетъ жить и наносить имъ смерть до ихъ истребленія. Опять не малое горе пало на долю настовъ: какъ бросить мечъ Батраза въ море? Выдумали сказать и увѣрить его, что мечъ заброшенъ въ море, и что ему время уже настало умереть; приходяще они и говорятъ съ разными увѣреніями больному Батразу, что его мечъ заброшенъ и что конецъ жизни его долженъ настать. Батразъ ихъ спросилъ: какія явленія они во время бросанія меча въ море встрѣтили? Нарты конечно отвѣчали, что особенныхъ явленій въ морѣ не было. «Такъ, значитъ», говоритъ Батразъ: «мечъ дзусс-дара не заброшенъ въ море, потому-что тогда вы замѣтили бы разныя явленія». Нарты, услышавъ слова Батраза, послѣдѣли собраться со всѣми своими силами и средствами исполнить его желаніе; при помощи нѣсколькихъ тысячъ животныхъ, они подвинули мечъ Батраза къ берегу и бросили въ море. Заброшенъ мечъ—пошли волны и ураганы, самое море пришло въ кипящее состояніе, а потомъ приняло кровавый цвѣтъ *). Явленіемъ этимъ нар-

*) Преданіе увѣряетъ, что мечъ Батраза заброшенъ въ Черное море, получившее и носящее до сего времени название Краснаго моря; название свое оно получило вслѣдствіе того, что мечъ Батраза, испившій жадно и выпившій въ себя настовскую кровь, отмытъ въ морѣ впитавшую въ себя кровь и что до сего еще времени мечъ находится въ Красномъ морѣ. Это послѣднее преданіе основывають на сверкающей молniѣ съ запада. Когда съ

ты не мало удивлялись; но и радость ихъ была беспредѣльна: пришли и рассказали о видѣнныхъ явленіяхъ Батразу; онъ, убѣжденный въ правдѣ, испустилъ послѣдній свой духъ, послѣ чего легко было нартамъ предать тѣло его землѣ. Предавъ его землѣ, нарты все-таки не хотѣли вѣрить, чтобы Батразъ былъ смертнымъ, земнымъ существомъ и не смыгъ-бы родь ихъ отъ лица земли. За такое легкокѣрье нартовъ, Богъ навелъ на нихъ свой гнѣвъ и ниспосланымъ съ небесъ огнемъ они истреблены.

15 августа 1875 года.
Селеніе Шанаева.

О нартѣ Урызмагѣ и Уарп-Ѣлдарѣ¹⁾.

Славный между нартами сѣдобородый Урызмагъ и Уарп-Ѣлдаръ были присяжными братьями²⁾. Урызмагъ жилъ среди своихъ нартовъ, а Уарп-Ѣлдаръ на небѣ. Однажды Уарп-Ѣлдару пришло на мысль отправиться въ продолжительное странствованіе. Оставивъ свою жену-красавицу на небѣ, онъ отправился въ странствованіе по всей землѣ. Когда-же Урызмагъ узналъ объ этомъ, то онъ сѣлъ на своего пѣгаго коня дур-дуру, взялъ въ руки свою скрипку и уѣхалъ въ Кумыкскіи отдаленные степи³⁾. Тамъ онъ сидѣлъ на большомъ камнѣ и отъ утра до вечера игралъ на скрипкѣ разныя веселыя пѣсни, звуки напѣва

запади начинаетъ молниѧ сверкать, осетины относятъ это сверканіе къ блеску меча Батраза — бросающаго себя изъ моря изъ небо, для истребленія нечистыхъ силъ и бѣсовъ.

¹⁾ Урупскій князь, Урупскій владѣлецъ. Название этой мѣстности относится къ Урупу (см. выше), Кубанской области.

²⁾ Присяжными братьями дѣлаются такимъ образомъ: берутъ деньги, брасаютъ монету въ полную чашу напитка, напр. водки и проч., начинаютъ молиться, чтобы братство было прочное, ненарушенное и послѣ того выпиваютъ пополамъ чашу и съ того времени присяга эта укрѣпляетъ твердо братство присяжныхъ. Монета-же остается у младшаго изъ присяжныхъ братьевъ. Такая присяга у осетинъ считается самую святою и нарушеніи ее подвергается осѣянію. Обязанность братьевъ заключается въ томъ, чтобы быть вѣрными одинъ другому и ненамѣнными въ дружбѣ.

³⁾ Кумскія степи въ Георгіевскомъ (Пятигорскомъ) округѣ.

которыхъ доходили до неба и тамъ веселили и развлекали отъ скучи красавицу **Уарп-Ахсјна**⁴⁾. Она, по звукамъ скрипки Урызмага, начинала, то танцевать, то воспѣвать пѣсни. Такимъ образомъ Урызмагъ каждый день отправлялся въ Кумскія степи и, сидя на огромномъ камнѣ, продолжалъ играть на своей скрипкѣ свои веселыя пѣсни.

Бѣдовый у нартовъ, веселый **Гәдуj-Сурдон**, сынъ Гата-га, кавдасарда нартовской известной фамилии Бороевыхъ⁵⁾, заметилъ, что Урызмагъ не даромъ Ѳздитъ каждый день на свое мѣсто конѣ въ Кумскія степи. Опѣ однажды вышелъ на встречу къ Урызмагу и сказалъ ему: «Джерун бахэрон мэ жадар **Урчзмаг**⁶⁾. Ты одинъ изъ славѣйшихъ между нартами. Если тебя между ними ѡйтъ, то они унылы и ни на что не похожи. Что у тебя за нужда такая большая, что ты началъ морить и изнурять своего пѣгаго дур-дуря, разъезжая на немъ каждый день въ Кумскія степи. Отчего онъ, безг҃зинный конь, приходитъ въ худобу. Не даромъ стала поговаривать нартовская молодежь, что ты пришель въ умопомѣшательство», говорилъ Гәдуj-Сурдонъ Урызмагу: «да сѣвъ я твою болѣзнь, мой господинъ! Я смыю тебѣ высказать это». — «Ахъ, ты, беспутный, Гәдуj Сурдонъ», отвѣчалъ Урызмагъ, «ты не думаешь ли уѣздть мои тайны?» и сталъ улыбаться. «Совѣтую тебѣ успокоить себя: тебѣ не удастся знать мои предположенія и тайны». Послѣ того Урызмагъ ѻѣхалъ опять на Кумскія степи и сидѣлъ тамъ на любимомъ своемъ большомъ камнѣ, продолжалъ на своей скрипкѣ играть разные напѣвы, чтобы развлечь Уарп-Ахсјну отъ грусти и скучи ея. Откуда ни возьмись Сурдонъ, сталъ передъ Урызмагомъ и началъ плакаться. Опѣ говорилъ: «Пропали нарты! Они потеряли къ тебѣ свою опору! Ты ихъ оживлялъ! Они бодрились тобой! Но теперь пропали, погибли варты! Опомнись, сколько силы въ тебѣ теряютъ варты. Да сѣвъ твои болѣзни, мой господинъ! Ты прости меня за мои выраженія! Если ты не опомнишься и не перестанешь такъ разъезжать, то, конечно, мо-

⁴⁾ Урупская княгиня, Урупская владѣтельница.

⁵⁾ Кавдасарды — побочные сыновья, прошедшіе отъ служанокъ, но-муль-усъ (см. выше).

⁶⁾ Да сѣвъ я твои болѣзни, мой князь, мой господинъ. Личность Сурдона рисуется во всѣхъ нартовскихъ сказаніяхъ **Гәдуj-Сурдон'омъ**, т. е. аженомъ, пронырой.

модежь нартовъ вправѣ будетъ продолжать поговаривать, что ты помѣшался въ умѣ своемъ? Урызмагъ, выслушавъ все это внимательно, отвѣчалъ Сурдону: «ты не надѣйся выпытать у меня мои тайны, можешь быть спокоеѧ, это тебѣ не удастся! Впрочемъ, если ты желаешь узнать цѣль моей поїздки въ Кумскимъ степямъ», сказаъ Урызмагъ Сурдону, «то вотъ я и разскажу тебѣ, что меня заставляетъ сидѣть на этомъ большомъ камнѣ и продолжать игру на скрипкѣ... А вотъ что меня заставляетъ пріѣхать сюда», говорилъ опять Урызмагъ: «у меня единственный присяжный братъ, Уәрп-Желдаръ. Онъ уѣхалъ странствовать—балицъ, на продолжительное время. Жева его осталась на небѣ и продолжаетъ скучать и горевать, и чтобы разсѣять ея грусть и развлечь скуву, я играю на своей скрипкѣ, и она звуками моей скрипки то веселится смѣхомъ до упаду, то поеть пѣсни, а то вачинаетъ танцевать! Потому-что скрипка моя имѣеть такую силу, что звуки ея прямо доходятъ къ ней до небесъ.

Услышавъ эти слова Урызмага, Сурдонъ разсмѣялся такъ сильно, что у него покатились струями слезы изъ глазъ; онъ падъ на землю и сказалъ, вставая: «жалъ нартовъ, что они потеряли тебя, одного изъ главнѣйшихъ между ними мужей, ты ихъ неселилъ, во время унынія оживлялъ! Вспомни, Урызмагъ, что ты поставленъ въ глазахъ нартовъ wysoko! Правду говоритъ молодежь нартовская, что ты помѣшался въ умѣ своемъ. Ободрись, стряхни съ себя свое помѣшательство, это для нартовъ не малый ударъ, когда они увидятъ въ тебѣ потерю твоего разсудка и силы, которыми ты держался всегда wysoko и приводилъ ихъ въ живость! Одно то доказывается потерю твоего разсудка, что ты по цѣлымъ днамъ сидишь на этомъ камнѣ и играешь на своей скрипкѣ разные напѣвы пѣсенъ и полагаешь, что звуки твоей скрипки доходятъ прямо къ Уәрп-Жекснѣ, до небесъ, гдѣ она возсѣдаетъ, и что она тамъ по этимъ веселымъ звукамъ начинаетъ то воспѣвать пѣсни, то танцевать, и что этимъ ты развлекаешь ее отъ скувы и грусти: развѣ это предположеніе можетъ быть правдой?», говоритъ Сурдонъ. Тогда Урызмагъ сказалъ: «Хорошо, сдѣлаемъ хәснагъ⁷⁾: если моя неправда, то я тебѣ дарю моего пѣгаго коня дур-дуру⁸⁾. Но если-же я выиграю у тебя хәснаг, то ты

⁷⁾ При спорахъ своихъ осетины выражаются: сдѣлаемъ хәснаг, т. е. держимъ пари.

⁸⁾ Въ преданіяхъ и сказаніяхъ о нартахъ у осетинъ, пѣгій конь Урызмага до сего времени рисуется, какъ святость, незабвенная для нихъ.

долженъ дать мнѣ свою трехногую вѣтрогонку. Урызмагъ и Сурдонъ сѣдали хәснаг. А послѣ того Урызмагъ говорить Сурдону: «Ну, улетай на небеса и узнай тамъ всю правду! Онъ улетѣлъ на небо и остановился передъ кунацкой и началъ вызывать изъ хәдара ⁹⁾, принять его, гости ¹⁰⁾). Вышли люди и приняли Сурдона, и говорили ему, что самого Уарп-Желдара нѣтъ дома, и что онъ отправился въ продолжительный балцъ — странствованіе ¹¹⁾; тогда онъ просилъ извѣстить Уарп-Жексjnу о его пріѣздѣ и приемѣ его. Тѣ, разсмѣявшись, сказали ему: «Да, ожидай, пока наша Жексjна выйдетъ къ тебѣ лицомъ къ лицу и приметъ тебя ¹²⁾! Ей теперь не до тебя, она веселится и развлекаетъ себѧ, то напѣвами пѣсень, то танцами подъ звуки скрипки Урызмага, который играетъ на ней на Кумскихъ обширнѣйшихъ поясахъ». Услышавъ наимѣшки людей Уарп-Желдара, Сурдонъ вынуль свой цѣрвq ¹³⁾ и принялъ имъ убивать себя. Они, устрашенные такимъ случаемъ, побѣжали къ ней и извѣстили ее о томъ, что Сурдонъ убиваетъ себя. Уарп-Жексjна бросила свои увеселенія и торопливо выбѣжала къ намѣревавшемуся убить себя Сурдону и спросила: «кто онъ, откуда взялся и что ему нужно? Тогда онъ отвѣчалъ ей, что онъ извѣстный у нартова Сурдонъ, сынъ Гатага, и послѣ того рассказалъ Уарп-Жексjнѣ, что онъ сѣдалъ хәснаг съ Урызмагомъ, который играетъ на своей скрипѣ въ Кумскихъ степяхъ, сидя на большомъ камнѣ, и утѣшаешь себя тѣмъ, что звуки скрипки его прямо доходятъ въ ней до небесъ. Затѣмъ сказалъ Сурдонъ: «И ты, красавица, Уарп-Жексjна, развлекаешь себя, возсѣдая на небесахъ, танцами и веселыми пѣснями! Этой прѣдѣлъ я не хотѣть вѣрить», говорилъ онъ «и потому мнѣ необходимо нужно было узнать всю правду! Уарп-Жексjна отвѣчала, что она, послѣ от-

⁹⁾ Отдѣленіе общаго дома, где помѣщаются осетинъ цѣлымъ семействомъ и куда собираются для пиршества. Но самая кунацкая служить пріемомъ для однихъ гостей.

¹⁰⁾ Гостю хозяинъ дома, фгсм, долженъ предложить сѣсть съ коня, войти въ кунацкую и снять оружіе. Самому сѣсть съ лошади, войти въ кунацкую безъ приглашенія и снять оружіе безъ предложенія фусума, считается напршиваніемъ въ гости.

¹¹⁾ Въ отсутствіе фусума — хозяина дома, гостю по обычаю не прилично сѣсть съ своего коня и сѣдаться гостемъ женщины.

¹²⁾ Въ обычаяхъ есть, чтобы женщина безъ своего мужа принимала гостей, за исключеніемъ своихъ братьевъ и ближайшихъ родственниковъ.

¹³⁾ цѣрвq, цѣрви — мечъ у нартовъ.

правлениі ея мужа въ балцѣ, не могла не скучать; но звуки скрипки и напѣвами Урызмага, доходящими прямо до ей, она разсвѣваетъ свою грусть и развлекаетъ скуну! Сурдонъ съ уныніемъ паль на колѣни передъ Уарп-Жексіной, началъ рыдать и продолжалъ говорить: «Слава моя между наартами должна изгладиться! Для меня нѣтъ и не можетъ быть пріятной жизни! Я проигралъ своего извѣстнаго трехногаго коня — вѣтрогонку! Погасло мое счастіе, погаснетъ и моя жизнь!» повторялъ онъ.

«Не беспокойся ты, добрый гость», сказала Уарп-Жексіна, «могу я тебя увѣрить, что ты съ своимъ трехногимъ конемъ вѣтрогонкой не разстанешься, и въ этомъ случаѣ ты можешь себя твердо утѣшать!» Она еще говорила ему: «ты, не стѣсня ни мало себя, скажи отъ меня Урызмагу, что я его начинаю сильно осуждать за то, что онъ не съ равными себѣ по семілії человѣкомъ позволяетъ себѣ дѣлать хѣснаго¹⁴⁾. Обратился Сурдонъ къ Уарп-Жексінѣ и говоритъ: «Да сѣмь я твою божѣнъ, высокая Жексіна! Солнце мое! Я знаю, и раби¹⁵⁾! что эти ми словами съ Урызмагомъ мнѣ нельзя легко раздѣлаться, и я знаю навѣрно, что я проигралъ свой хѣснаго ему—моего трехногаго коня, которому наарты не нашли цѣны.¹⁶⁾». — «Если эти слова не подействуютъ сильно на Урызмага», сказала Уарп-Жексіна, «то передай ему отъ меня такое мое желаніе: «выбирай ты, Урызмагъ, одво изъ двухъ: или ты долженъ навсегда забыть меня и мою любовь, или же не брать трехногаго коня — вѣтрогонки Сурдона! Выбирай любое изъ двухъ», повторила опять Уарп-Жексіна и, улыбаясь, сказала: «ты, добрый гость, можешь быть спокоенъ, что когда Урызмагъ услышитъ мое замѣчаніе и вѣрѣтъ съ тѣмъ мою такую сильную угрозу, то онъ не захочетъ потерять навсегда мое имя! И онъ, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ ради меня уступку».

Ободрилъ себя Сурдонъ словами Жексіны и вліяніемъ ея на Урызмага. Онъ сошелъ съ неба и явился къ Урызмагу, который его спросилъ: «ну, что, кто изъ насъ проигралъ хѣснаго? Сурдонъ отвѣтилъ: «наша моя сила передъ наартами! конечно, я проигралъ свой хѣснаго тебѣ и не смѣю не исполнить свое слово. Правда, что Уарп-Жексіна, возсѣдая на небѣ, веселится подъ зву-

¹⁴⁾ Т. е., по происхожденію не равный.

¹⁵⁾ Въ смыслѣ: о Боге!

¹⁶⁾ Т. е., не могли оцѣнить достоинства коня Сурдона.

иа твоей сокрови и налаги п'еси. Но прежде всего я долженъ тебъ передать слова Уарп-Ахсюны, которыхъ она миъ высказала прямъ. — «Хорошо! вѣдь говорится поговорка: посредники и между двумя царями идутъ¹⁷⁾). Ты ни мало не стыдися и говори слово въ слово все то, что она высказала на мой счетъ и въ хорошемъ и въ дурномъ», сказъ Урызмагъ.

«Я безъ утайки и прибавлений разскажу всѣ слова Уарп-Ахсюны», сказъ Сурдонъ. «Не чтобы ты, славѣйший мужъ между царями, Урызмагъ, въ нихъ не сомнѣвался и чтобы они назались тебъ настоящей истиной». — «Да это вѣрно, что я не буду сомнѣваться въ имъ», говорилъ Урызмагъ. Тогда Сурдонъ сказалъ: «такъ вотъ-что она говорила, ты, добрый мой Аѣдар! Славѣйший мужъ между царями, Урызмагъ! Прежде всего она говорила, что тебъ, Урызмагу, не скѣдуетъ дѣлать хаснагъ съ неравнымъ себѣ по фамилии человѣкомъ. Это можетъ поставить тебя низко между царями въ глазахъ ихъ».

«Ну, хоромъ», сказъ Урызмагъ и спросилъ опять Сурдона: «Не говорила ли она еще что-нибудь?»

«Да, говорила», отвѣчалъ Сурдонъ. «Она еще говорила: скази славному Урызмагу, что онъ долженъ выбрать одно изъ двухъ, покинуть мою голову, или же оставить выигранный хаснагъ—трехвороаго коня».

Когда Урызмагъ услышалъ эти послѣднія слова, то онъ, восторженное разомѣшившись, сказалъ Сурдону: «Я выигралъ у тебѣ хаснагъ, твоего трехвороаго коня! Но я не беру и оставлю его тебѣ, ради возобѣдающей на небѣ Уарп-Ахсюны! Ты можешь оставаться совершенно спокоенъ и имѣть его у себя», сказъ Урызмагъ.

Бѣдовыи Гаѣдѣ-Сурдонъ отправился къ царямъ, подметая своей шапкой ихъ улицы¹⁸⁾). А Урызмагъ взошелъ на небо къ Уарп-Ахсюнѣ. Когда она увидѣла Урызмага, то восторглась отъ радости и попросила его въ свой покой¹⁹⁾). Тамъ онъ продолжалъ

¹⁷⁾ Мінәвар—посредникъ. У осетинъ часто встречается эта поговорка. Обязанность посредника—передавать слова безъ убавленія. И потому они говорить, что посредники и между царями идутъ. Это служитъ основаниемъ, что посредники, мінавар, должны безъ утайки и прибавлений передавать дѣло. Мінавара осетины сравниваютъ съ осломъ, который не можетъ не таскать на себѣ взваленной тяжести.

¹⁸⁾ Въ часъ радости осетины говорятъ: «Подметаетъ отъ радости своей шапкой улицы».

¹⁹⁾ Въ обычай вѣтъ зазывать въ спальню — нокой женщинъ—гостей,

свои игры, не переставая веселить Уарп-Жејсну до самой полуночи. Усталого отъ долгой игры Урызмага она пригласила раздѣлить съ ней ложе. Онъ согласился. Цѣлую ночь проводили они за разговорами. Передъ свѣтомъ-же дня Уарп-Жедар пріѣхалъ днѣй и поздно явился въ спальню свою, гдѣ увидѣлъ свою жену въ объятіяхъ Урызмага. И онъ спокойно при свѣтѣ подошелъ къ нимъ и сказалъ: «Урызмагъ! ты славный мужъ у нартовъ, но отступаешь отъ обычая ложа,—мужчина старше женщины и потому надлежитъ такъ: женщина должна обнять своими руками мужчину, а не мужчина женщину». Такимъ образомъ онъ взялъ за руки спавшаго мертвымъ сномъ Урызмага, которыми онъ обвилъ Уарп-Жкојзу, и положилъ ихъ таѣ, какъ требовалъ обычай, т. е. въ такое положеніе, чтобы руки Жејсны обнимали Урызмага. Они отъ усталости впали въ такой глубокій сонъ, что до своего пробужденія около полудня не узнали, что Уарп-Жедар пріѣхалъ и видѣлъ, какъ они раздѣляли пріятное свое ложе! Онъ вынулъ свой цурјц (мечъ), сталь около Урызмага, хотѣлъ его пронзить имъ, но быть какою-то невидимою силой остановленъ и сказалъ про себя: «Я—убить въ сонномъ состояніи моего присяжного брата, славнаго между нартами Урызмага,—я этого не простишь бы себѣ. Да и люди-бы мнѣ не простили, несмотря на то, что я сильно оскорбленъ! Да отзовется на сторовѣ его наша присяга! Да преслѣдуетъ она его за измѣну и ложь и за нарушеніе нашей присяги братства!» Онъ обратился назадъ. Но взволнованный мыслю, что Урызмагъ можетъ подумать, что Уарп-Жедар, изъ боязни своей и опасенія за свою жизнь, не смѣлъ отомстить Урызмагу за его оскорблѣніе, подошелъ опять съ мечомъ въ рукахъ къ спящимъ, сталь около нихъ и напѣревался пронзить ихъ, но опять какая-то невидимая сила остановила его за рукѣ. Повернулся онъ назадъ, сошелъ съ своихъ семи-этажныхъ покоеній внизъ во дворъ, гдѣ не было ни одной души, таѣ-какъ всѣ люди въ цѣломъ дворѣ спали такимъ-же мертвымъ сномъ, послѣ продолжительныхъ игръ Урызмага. Уарп-Жедар, замѣтивъ такую тишину, распорядился самъ собою: снялъ самъ съ своего коня сѣдло и подложилъ его для изгоевъ себѣ, отремонтилъ своего коня и легъ подъ своей буркой среди двора. Какой могъ быть у него сладкій сонъ, но онъ сво-

кромѣ родныхъ братьевъ и ближайшихъ родственниковъ. Убѣдище гостекунацкая.

ей силой заставила себя заснуть крѣпкимъ сномъ. Когда же *Ахејна* проснулась и увидѣла горѣвшій свѣтъ, то догадалась о пріѣздѣ мужа, тѣмъ болѣе когда она увидѣла, что растворены двери; она поспѣшила устроila свою постель передъ каминомъ около огня ²⁰⁾, и начала пробуждать отъ крѣпкаго сна Урызмага, который, проснувшись, убрался въ кунацкую, чтобы этими замять свою вину и не дать возможности Уарп-Алдару узнать о происшедшемъ. Когда насталъ день, то *Ахејна* вышла къ мужу своему, спавшему подъ своей буркой на дворѣ, думая этимъ заглядеть слѣды своего поступка, начала рыдать около мужа, приговаривая часто въ оправданіе свое сѣдящія слова: «Присяжный твой братъ Урызмагъ взошелъ въ ваше жилище на небо, чтобы развлекать меня отъ скучи и разсвѣть мою грусть! Онъ цѣлую ночь до самаго свѣта два веселиль наскѣ игрой на своей скрипкѣ, не умолкая ни на одно мгновеніе ока. Танцоватъ и веселиться молодежь не переставала. Я сама сильно измучилась пріемомъ такого почтеннаго гостя и, усталая, заснула самыи крѣпкимъ, мертвымъ сномъ. И такъ сильно— говорила *Ахејна*— что не узнала и часъ твоего пріѣзда, и потому заставила тебя спать цѣлую ночь на голыхъ камняхъ! Ты такъ добръ и великолушенъ, что простилъ меня за такую мою неволю и неизкуратность», говорила она и взяла у него оружіе, сѣдло, бурку и проч. и повела его въ покой свои. Послѣ того Уарп-Алдар, ни мало не подавая виду женѣ, что любовь ея къ Урызмагу извѣстна ему, обошелся съ ней очень любезно, взошелъ отъ ней въ покой совершенно въ спокойномъ расположениіи духа. Такимъ образомъ жили они спокойно; время протекало своимъ порядкомъ. А Урызмага, какъ высокаго гостя, принимали съ пышностью и дорожили его пребываніемъ въ гостяхъ. Но все пріе-мы, какіе Уарп-Алдар ни оказывалъ, не радовали Урызмага, потому-что онъ, боясь меести Уарп-Алдара, былъ въ самонѣ разстроеніемъ и неспокойномъ состояніи и большомъ страхѣ. Какъ онъ ни старался узнать и увидѣть перемѣну расположенія въ нему присяжнаго брата, но Уарп-Алдаръ съ силой воли старался оказывать Урызмагу какъ можно больше почтевія. И какъ ни желалъ Урызмагъ, освободиться отъ угощеній Уарп-Алдара, но, не забывая поговорки: «гость долженъ быть бариномъ, а фу-

²⁰⁾ Въ отсутствіе мужа, жена, по обычаю, не должна спать на своей приватѣ. Но она устраиваетъ себѣ отдалную постель передъ каминомъ.

стич (хозяинъ дома) волкомъ²¹⁾, отъ долженъ бытъ покоряться ходатиц Уарп-Ллдара, быть его всегдашиимъ гостемъ²²⁾, которому онъ желалъ оказать такой приемъ, какъ своему отцу. Долго Урызмагъ гостить въ такомъ неспокойномъ и тревожномъ состояніи. Наконецъ Уарп-Ллдаръ устроилъ для Урызмага прощальный торжественный обѣдъ. Но обѣдъ этотъ считалъ для себя Урызмагъ такой минутой, когда онъ долженъ будеть войти въ готовую для него могилу, такъ-какъ онъ былъ поставленъ въ это положеніе страхомъ и боязнию, которые навела на него измѣна присяжному братству. Увеселеніе и торжество продолжались въ ряду двѣнадцать дней, неставая съ избата и изъ-за стола. Когда торжество окончилось и насталъ день отправленія и проводъ Урызмага, тогда Уарп-Ллдаръ предложилъ ему всевозможные богатые подарки: сначала предложеніе было двѣнадцать ушифровать, т. е. невольниковъ-рабовъ, но тотъ отказался; предложили ему затѣмъ двадцать коней породы кокъ-шудасъ, кормленныхъ подъ землею, подъ приемотронъ даумолосъ—бѣсовъ, стальными опилками, но онъ отказался ихъ принять. Затѣмъ Уарп-Ллдаръ счѣть предложилъ Урызмагу въ подарокъ двадцать полныхъ муловыхъ выюзовъ золота, но онъ и отъ того отказался. Урызмагъ, будучи неставленъ въ опасность своимъ поступкомъ передъ присяжнымъ своимъ братомъ, Уарп-Ллдаромъ, молилъ въ душѣ избавиться отъ меести его. Такимъ образомъ проводы Урызмага кончились и Урызмагъ приѣхалъ къ своимъ картамъ.

Прошло некоторое время. Однажды Уарп-Ллдаръ вздумалъ отправиться опять въ продолжительное странствованіе — балдъ, на неопределеннное время. Онъ отправился и неслѣдѣ трехдневного пути возвратился назадъ домой въ самонъ скучномъ настроеніи; вошелъ въ домъ и сѣлъ подъ своей жену на кресль, ничего не разговаривая съ ней. Когда Уарп-Ллдаръ сидѣлъ долго въ такомъ скучномъ и безмолвномъ состояніи, жена его спросила о причинѣ его невеселаго расположения и сказала ему: «Ты уѣжалъ въ странствіе — балдъ на неопределеннное время и возвра-

²¹⁾ Объясняется тѣмъ, что гость долженъ быть скромныи и послушныи *гостю* — хозяину дома. А этотъ послѣдній долженъ располагать гостемъ.

²²⁾ Продолжительно гостить гости, и разѣв того времени, пока успѣть *гостя* управитъсѧ, гость не вправѣ просить не задерживать его. Онъ долженъ выждать времени, пока хозяину угодно будетъ проводить его — своего гостя.

тился домой на третий день, извинив меня, что я не от женской скромности добиваюсь узнать причину твоего возвращения на землю изъ балды. Меня сильно беспокоит твое скучное расположение. Но Уарп-Алдарь, ничего не отвѣчая, продолжалъ скучно и задумчиво сидѣть на своемъ креслѣ. Обратилась жена опять съ вопросомъ къ мужу, что за причина такой убѣйственной для нихъ скучи и невеселаго расположения? Тогда Уарп-Алдарь отвѣчалъ женѣ: «Какъ мы не скучать! На этотъ бѣломъ смертномъ свѣтѣ ²³⁾, я имѣлъ только единственнаго вѣраго друга и приспичнаго моего брата, Урызмага. У меня никого не было, когдѣ бы я больше любилъ и уважалъ. Онъ, бѣдный, долженъ погибнуть. Гордые молодые наарты его израили, да мало того, что израили, но искрошили я на мелкие куски. Что мы остается послѣ Урызмага, будетъ ли для меня какая-нибудь радость и будетъ ли жизнь для меня пріятною послѣ потери такого любимаго брата и друга! Это такая для меня потеря, что она будетъ отражаться на миѣ во всѣ дни жизни моей». Потомъ онъ говорилъ: «На зефсји ²⁴⁾, скідуетъ теперь приготовить тебѣ для моего посѣщенія Урызмага самый богатый и роскошный хун ²⁵⁾. Ты обрати всѣ свои силы, чтобы кушанья и напитки были самые лучшіе». Пошла жена Уарп-Алдара готовить по указанію своего мужа хун и вотъ такимъ образомъ она приготовила всевозможные богатые яства и напитки.

Когда все было готово, Уарп-Алдарь сказалъ женѣ своей: «Нѣтъ въ обычай, чтобы женщина посѣщала съ хуномъ большого. Это дѣло женщинъ. ²⁶⁾ Поэтому онъ посовѣтовалъ ей отправиться къ Урызмагу для посѣщенія. Она, не подоерѣвая того, что мужъ отсылаетъ ее въ даръ навсегда Урызмагу, какъ спасавшую его любовь, отправилась съ письмомъ къ нему, въ которомъ Уарп-Алдарь написалъ: «Урызмагъ, ты одинъ изъ славнейшихъ мужей между наартами! Ты единственный мой присяж-

²³⁾ Этотъ свѣтъ осетинами называется смертный свѣтъ, т. е. мнимый, а тотъ свѣтъ безсмертный и воезданный.

²⁴⁾ Т. е. наша хозяйка, распорядительница дома.

²⁵⁾ Собираютъ разныя кушанья, приготовляютъ множество напитковъ, нагружаютъ цѣлую арбу и отправляютъ въ домъ родныхъ, во время поминокъ, праздниковъ и больного состоянія.

²⁶⁾ Хун—прекиущественно дѣло женщинъ. Онъ привозится женщинами во время посѣщенія родныхъ и близкихъ. А посѣщеніе родныхъ и близкихъ мужчинъ—пріездъ его верхоянъ.

ный братъ и другъ. Нѣтъ и не будетъ у меня на бѣломъ свѣтѣ того, кого бы я любилъ и уважалъ больше тебя! Ты любишь мою жену и дорожишь ею и красотой ея! И вотъ я посылаю ее тебѣ въ подарокъ навсегда! Люби ее и наслаждайся ея прекрасными прелестями! Надѣюсь, что ты съумѣешь любить и уважать ее, если только ты питаешь еще ко мнѣ искреннее чувство нашаго братства! Но все-таки измѣна на твоей сторонѣ, Урызмагъ! Такимъ образомъ Уарп-Алдаръ отрадилъ для провода своей жены къ Урызмагу цѣлую сотню своихъ лучшихъ наездниковъ, которымъ приказацъ не быть въ домѣ Урызмага и вернуться сей-часъ назадъ²⁷).

Когда Уарп-Ахсјна приблизилась къ дому Урызмага, то она замѣтила около дома большую толпу нартовской молодежи, занимавшуюся своимъ извѣстнымъ упражненiemъ — киданiemъ камня; между ними былъ и Урызмагъ. Урызмагъ, увидѣвъ направившихся прямо къ его дому гостей, поспѣшилъ ихъ встрѣтить необычно и узналъ въ гостяхъ Уарп-Ахсјну, свою возлюбленную.. Она восторгаясь, радовалася и собралъ тот-часъ-же нартовскую молодежь. Пшло торжество и разныя увеселенія. Урызмагъ не зналъ какъ и радоваться, не было его радости конца, благодаря онъ Прорицаніе, пославшее ему случай радостной бесѣды съ возлюбленной его Уарп-Ахсјной, съ которой онъ взаимно наслаждался любовью. Настала ночь, наряды разошлись по домамъ своимъ и возлюбленные жаждали отдыха послѣ сильного утомленія. Приготовлено было для нихъ ложе. Когда Уарп-Ахсјна снимала съ себя свои платья, то изъ-за пазухи ея выпало прямо къ ногамъ Урызмага письмо. Онъ поднялъ и спросилъ ее: «что это за письмо? Тогда Уарп-Ахсјна отвѣтчила: «Я отъ восторга и радости настоящей минуты, которую наградилъ насъ Богъ, забыла передать тебѣ, славный Урызмагъ, письмо твоего присяженаго брата и вѣрнаго друга,—вотъ оно, читай его», сказала она. Урызмагъ взялъ письмо, распечаталъ и прочелъ. Послѣ этого Уарп-Ахсјна спросила о содержаніи письма, но Урызмагъ отвѣтилъ уклончиво, что въ письмѣ Уарп-Алдара содер-жатся его привѣтствія. Потомъ онъ всталъ съ своей постели, одѣлся и началъ плакать и рыдать, говоря: «не послѣдній былъ я между нартами! Потеряна моя слава! потерянна моя жизнь на этомъ и на томъ свѣтѣ! Нѣтъ довѣрия ко мнѣ! Нѣтъ у меня и

²⁷) Жены знаменитыхъ горцевъ провожаются толпами наездниковъ.

брата и въраго друга! и потомъ, обращаясь къ Уарп-Ахсјиѣ, сказалъ ей: «Ты лукавая и ехидная жена! Ты заставила меня, Урызмага, потерять мое славное имя! Ты змѣя обольстительница! Ты обольстила и Адана и Амала, первыхъ двухъ Богомъ созданныхъ человѣковъ²⁸⁾). Я не прощу себя, что я поддался тебѣ обмануть себя! Я измѣнилъ въ вѣрности своему присяжному брату, своему другу. Нѣтъ для меня жизни, нѣтъ и имени моего славнаго, говорилъ Урызмагъ. Остается мнѣ, невѣрная ты жена, сократить тебѣ жизнь! И онъ наставилъ на грудь Уарп-Ахсјиѣ свой ціруq—мечъ.

Куда не проникалъ Сурдонъ? Не было у нартовъ такихъ тайнь, которыхъ бы не зналъ онъ. Явился, откуда ни возьмись, Сурдонъ къ Урызмагу и говоритъ ему: «Добрый день тебѣ, мой јелдаръ — господинъ Урызмагъ! Да съемъ я твои болѣзи! Не слѣдуетъ тебѣ заблуждаться и забывать положеніе, въ которое ты поставленъ между нартами! Подобаетъ ли тебѣ, славному Урызмагу, горячить себя и быть такимъ строгимъ, какъ ты есть! Нѣтъ, не слѣдуетъ тебѣ убивать своееручно женщину. Это неприлично тебѣ и твоей фамилії²⁹⁾! Ты можешь совершить надъ ней ту казнь, которая совершается вообще за измѣну женщинъ, т. е. привязать ее къ хвосту лошади — неука и пустить на свободу по пустынамъ и дремучимъ лѣсамъ³⁰⁾. Вотъ, это та казнь, которую она заслужила и которая должна совершиться надъ ней при торжественномъ собраніи нартовъ. Но убить ее своееручно, это уничтожить тебя въ глазахъ нартовъ. Да съемъ я твои болѣзи, мой господинъ Урызмагъ», — сказалъ Сурдонъ. Не могъ Урызмагъ не согласиться съ советами Сурдона, которого Богъ создалъ, именно для того, чтобы нарты не могли жить безъ него. Такимъ образомъ Сурдонъ пошелъ заботиться о томъ, чтобы Урызмагъ и Уарп-Ахдаръ оставались по-прежнему тѣми же вѣрными друзьями и присяжными братьями. Онъ придумалъ засватать для Уарп-Ахдара безподобную красавицу Агуанду, нартовскую, и съ нартовской молодежью привезти къ нему въ домъ, такъ-какъ этимъ только Урызмагъ и Уарп-Ахдаръ могли развязать сердце однѣмъ другому и сдѣлаться опять искренними друзьями. Урызмагъ согласился.

²⁸⁾ Адама и Еву.

²⁹⁾ Изранть или убить женщину у горцевъ считается поступкомъ носримляющими.

³⁰⁾ Такія казни существовали у горцевъ преимущественно для пропавшихъ женъ и совершались при торжественныхъ народныхъ собраніяхъ.

Онъ просватаѣ врасавицу Агуанду и заплатїлъ изъ собственаго своего хәдзара ірәд³¹⁾. А измѣницу Уарп-Ахсјну привязалъ къ хвосту необъѣженаго неука и пустилъ по хъсамъ и большиимъ степямъ, чтобы разбить ее на мелкие куски.

Послѣ того настала свадьба красавицы Агуанды. Урызмагъ выбралъ лучшихъ наездниковъ — нартовской молодежи дѣльти всадниковъ и съ ними послалъ Уарп-Аллару его красавицу-невѣсту, Агуанду.

Увидѣлъ Уарп-Алларъ такую искренность Урызмага; онъ радостно и восторженно принялъ свою невѣсту, довольный поступкомъ Урызмага, не зналъ и не находилъ словъ, какъ благодарить его.

Долго нарты пиршествовали, веселились и торжествовали у Уарп-Аллара, наконецъ настало время возвратиться по своимъ домамъ, съ неба на землю. Тогда Уарп-Алларъ имъ сказалъ: «Скажите моему другу Урызмагу, что одолженіе, которое овъ сдѣлалъ для меня, такое, какого еще никто никому не успѣлъ сдѣлать. Я съ удовольствиемъ готовъ доказать ему свою искренность такимъ-же одолженіемъ, какое я встрѣтилъ отъ него». Онъ выѣхѣлъ съ нартами выѣхалъ изъ своего хәдзара — дома, засватаны для Урызмага красавицу Азау-ханъ и привезъ ее въ хәдзаръ Урызмага. Они радовались минутѣ, которая проочно укрѣнила ихъ миръ и подружила ихъ тѣснѣ, чѣмъ прежде. Урызмагъ и Уарп-Алларъ забыли прошлое. Они въ доказательство взаимной искренности условились раздѣлить ложе съ невѣстой каждый въ одну и ту же ночь³²⁾. Такимъ образомъ присяжное братство Урызмага и Уарп-Аллара твердо укрѣпило узы своей навсегда.

³¹⁾ Изъ хәдзара ірәд означасть: изъ домашнаго своего имущества плата за невѣсту.

³²⁾ Т. е. Урызмагъ и Уарп-Алларъ условились посвятить невѣсту въ одну назначеннюю ночь.

О сыне знаменитого богатыря—борца Аслана—Каурбекѣ.

Когда спомнился между богатырями борец Асланъ припять въ дракштѣ, онъ однажды, ищущий узнать, кто изъ трехъ сыновей его обладаетъ ловкостью и мужествомъ. Привыкаетъ онъ къ изъ себѣ и говорить имъ: «Вы, мои дѣти, знаете меня и спомините спасение мое, чтобъ и споминался между богатырями и борцами; побѣдить ихъ; склонить, въ свое время, иного я-на-дѣлника проку; иного ваджала и грѣховъ тяжкихъ; истребиць искажество народа; какъ сарачъ; время свое я провелъ молоды-и, стъ похвалою и мужествомъ; воспоминаю о трижды подвигахъ и отвагѣ будто вѣчнѣны и незабыты, имя мое никогда не забудется въ землѣкихъ, которыя будутъ передаваться изъ по-государства въ по-государство; воспоминаю богатыря моего ищъ съ времени. Теперь я буду доволенъ свою смертью, если бы будите запомнить богатырямъ своего времени, какимъ былъ я,—но пѣть хвалы и утѣшили, чтобы Богъ наградилъ и есть такой смѣлъ и отваженъ; какъ и меня! Теперь, что дѣлать, прошли мои юности, я старъ, старѣть и камень, старѣть и дерево— эти поговорки нашлись языкомъ и отцомъ; знаешь я въ дри-жость и утѣшаю себя только прощаніемъ. Да, это не малое утѣ-шитѣ для моей старости въ по-государскихъ дней! Теперь вана пора, ване время: Старший сынъ Аслана—Асланбекъ—говорить отцу: «Отецъ! можетъ быть спокоенъ, я буду у тебя сыномъ безпрестанно страдающими и никакая сила не будетъ въ состояніи одолѣть меня, во времена моихъ страданій». Затѣмъ говорить Седымбекъ: «Я буду достойнымъ сыномъ знаменитаго борца Аслана». Денежъ сфередь до самого юнаго, Каурбека: Онъ гово-рить отцу: «Отецъ! можешь надѣяться, что я буду у тебя изъ всѣхъ сыновей лучшимъ испытаниемъ прокидающей въ отваж-нейшинъ, буду прославляться за состязанія спасительныхъ на-зывниковъ, ты во мной найдешь достойнаго сына --- подобнаго себѣ богатыря юности твоей». Тамъ кончилось обѣщаніе Аслана въ своимъ сыновьямъ. Съ тѣхъ поръ прошло много време-ни. Пришелъ однажды Асланбекъ къ отцу своему Аслану и по-просилъ у него позволенія отпра-виться страдать и поискать гдѣ-либо молодецкихъ приключений. Старикъ Асланъ былъ очень обрадованъ желаніемъ сына. «Непремѣнно свое желаніе! от-

въгилъ радостно отецъ: «такъ добывадъ, богатыри себѣ славу», и онъ показалъ ему коней своихъ, корнившихся стальными опи-
ками, и дорогое оружіе. Выбравъ себѣ самого лучшаго отцовска-
го коня и такое-же оружіе, Асланбекъ отправился странство-
вать. Щедъ онъ долго, долго, щедъ не отмѣнялся, щахъ недѣ-
лю, другую, третью, ваконецъ и мѣсяцъ, по уединеннымъ человѣ-
ческимъ постамъ степямъ. Добившись онъ ваконецъ до шалаша
въ степи. Входить въ шалашъ, — въ вѣръ и сѣдѣть человѣческихъ
не видно; только незвѣстно откуда онъ оглашается пѣніемъ итинъ
и ревомъ звѣрей. Первыми Асланбекъ, что дальше щахъ ему не-
куда, потому онъ послѣ мѣсячнаго своего странствованія возвра-
тился домой. Узнаетъ старикъ Асланъ о возвращеніи сына: «Ну,
гдѣ ты странствовалъ и что ты добылъ?» спрашивается Асланъ.
Асланбекъ отвѣчаетъ: «Щахъ я цѣлый мѣсяцъ по безлюднымъ,
бездоннымъ степямъ, уединеннымъ человѣческимъ постамъ; въ вѣ-
нѣ въсюца, дорога довела менѣ до солнышъ живописныхъ частей
этыхъ степей, гдѣ я воинъ шалашъ, боецъ всіхъ выѣзда че-
ловѣческихъ, но оглашается только пѣніемъ итинъ и ревомъ
звѣрей, — и таихъ, потѣ послѣ мѣсячнаго странствованія, я возв-
ратился домой». Асланъ удивился и сказалъ: «Это тотъ самый
шалашъ, который служилъ монхъ пещерныхъ убѣжищъ.. Бы-
вало, я, съ развѣтвомъ дна, выѣзжалъ изъ лесу за вѣтрогоницъ
конъ-цуалъ¹⁾ и успѣвалъ прїѣхать къ шалашу вѣсъ разъ въ
завтрашку, для борьбы съ врагами, иости которыхъ разсѣяны и
теперь по этимъ степямъ, а къ вечеру успѣвалъ часто возвраща-
ться домой. Какими же ты можешь быть послѣ этого достой-
наго Аслана сыномъ? и утѣшился моей старости? Грызно, грыз-
но тебѣ называть сыномъ знаменитаго Аслана; и въ тебѣ не
вижу никакихъ признаковъ богатыря. Возможно-ли, говорилъ
онъ, это пространство щахъ цѣлый мѣсяцъ! Въ молодости оно
бывало для менѣ на моей вѣтрогоницѣ трехчасовымъ путешѣ-
ствіемъ, какъ корпунъ, за свой вѣтрогоникъ! Да, прошло мое пре-
ми, увы! во тѣ же дни и не та уже слава! могущи я утѣшить
свою старость, что мой сыновья наследовали отъ менѣ мою удачу
и мужество и будутъ такимъ же богатырями, какими былъ ког-
да-то я, знаменитый борецъ Асланъ! Но вѣте, что дѣлать, и ка-
мень старѣеть, и дерево старѣеть, это точная поговорка наша
дѣломъ и отцовъ». Заплакалъ и зарыдалъ Асланъ. Асланбекъ, не

¹⁾ Породы лошадей, происходящихъ отъ первебца сына горы.

сить возвращать отцу, скрылся со стыда. Пришло из мысль Сосланбеку постранствовать и поискать приключений. Приходит онъ и просить позволенія у отца своего Аслана. Отецъ позволяетъ. Сосланбекъ беретъ лучшаго коня своего отца, выкорыщенаго стальными саблями, и дорогое оружіе и отправляется путешествовать. Бѣдетъ, тѣтъ Сосланбекъ по пустынамъ и безконечнымъ долинамъ; проходитъ недѣля, а тамъ кончается и другая, прикаючай нѣть никакихъ. Пройхавъ обширныя степи, усыпанныя человѣческими kostями, онъ увидѣлъ одинокій шалашъ. Потѣхалъ пріюто на него. Пріѣхавши къ шалашу, онъ сѣлъ съ коня и вошелъ въ него. Остаянулся—не видно ни единаго сгѣда человѣческаго. Нечего мнѣ больше дѣлать здѣсь, кончень иѣсяцъ, сказалъ про себя Сосланбекъ и поѣхалъ домой. Узнавши о пріѣздѣ сына, Асадъ его спрашивается, гдѣ онъ былъ и какія имѣлъ приключений? Сосланбекъ рассказалъ, что путь его продолжался цѣлый мѣсяцъ по безконечнымъ степямъ, усыпаннымъ человѣческими kostями, что никакихъ приключений онъ не встрѣтилъ и на конецъ поѣхалъ избѣгнаго странствованія и пути Богъ приселъ его въ сию отдаленную и бесплодную часть степей, гдѣ онъ увидѣлъ шалашъ, чо безъ единаго человѣческаго слѣда, что шалашъ омунился только птицами и ревомъ авѣрей, чо поэтому ему оставалось только возвратиться домой. Услышавъ это, старецъ Асланъ, зарыдавъ горько, всхлипнулъ: «О небо, твои предопредѣленія цезаріины и сбываются всегда; хотя и говорится, нѣть худа безъ добра, во какого изъ ожидать добра? Я бытъ старѣйший борецъ, славился во всѣхъ блестящихъ состязаніяхъ богатырскихъ и заслужилъ похвалу цѣлаго міра; чо дѣлать, не ради умирать, во Промиднѣе сильно. Да, правду говорили ваши дѣти въ отцы, чо и камень старѣеть и дерево старѣеть, всему есть свое время, — такъ и я доживаю послѣдніе дни. Де есть-ли примеръ, чтобы у знаменитыхъ людей и богатырей выходили подобныя ми сны сдѣлъ? Нѣтъ! — Посмотримъ, чо скажетъ мнѣ еще младшій сынъ мой, Каурбекъ? Я видѣлъ и убѣдился, чо Асланбекъ и Сосланбекъ не имѣютъ и искры моего духа; вотъ, сбыдаешь со мною проговорка: «вложиъ я тобою мечъ свой въ ножны»²⁾! Нечего отъ нихъ ожидать», говорилъ Асланъ. «Я бытъ сильный и непобѣдимый борецъ, боролся на всѣхъ состязаніяхъ богатырей, хонялъ похвалу и составилъ славное имя, мечомъ

²⁾ Укоряютъ этиими словами дѣтей, когда не видятъ въ нихъ мужества и отваги, — значитъ, въ дальнѣйшемъ нѣть никакой надежды и утѣшения.

сномъ склонялъ передъ собою непобѣдимыхъ богатырей, — могу ли я видѣть въ васъ — моихъ сыновьяхъ — такихъ же богатырей, какиѣ былъ я? Но что дѣлать, когда настѣ Провидѣніе создало такъ, что мы живемъ, старкемъ и наконецъ умряемъ. Приходится мнѣ скорбѣть и горевать, что вы такъ бѣдно надѣлены Провидѣніемъ мужествомъ, приходится мнѣ другой разъ умереть за васъ на томъ свѣтѣ ²⁾). Мне остается теперь дорожить той славой, которую я въ свое время пріобрѣлъ, и дорожить какъ богатствомъ неосѣченнымъ, она вѣковична и незабываема и будетъ передаваться въ потомство; когда меня уже не будетъ, та слава моя будетъ занимать все-таки въ преданіяхъ свое място! Услышавъ замѣчанія Аслана, Каурбекъ говоритъ: «Отець! теперЬ очередь за мной странствовать, я прошу у тебя позволенія; можешь на меня положиться, что я всегда буду искателемъ приключений и не уроню твою славу». — «Хорошо», говоритъ Асланъ, «видѣлъ я, какимъ мужествомъ отличаются твои братья, которыхъ служить исключительнымъ путемъ то пространство, что я успѣвалъ проходить съ разсвѣта до завтрака; увижу и тебя, чѣмъ ты будешь и какъ обрадаешься въ моихъ глазахъ!» — «Увидишь, чѣмъ я буду и чѣмъ останусь въ твоихъ глазахъ, но знаю я, навѣрно, что изъ твоихъ юшадей вѣтрогоновъ и конь-цуаловъ ни одна не покроется мною. Идетъ Каурбекъ и начинаетъ выходить по-одинокъ всѣхъ вѣтрогоновъ и конь-цуаловъ. Но ни одинъ не годится для него: на чью спину ни спустить свою руку, онъ падаетъ на землю. Приходитъ онъ тогда къ отцу и жалуется, что ни одинъ изъ коней его не выноситъ силы его руки и что они падаютъ на землю, когда онъ опускаетъ на спину ихъ свою руку. Тогда Асланъ радостно произнесъ: «ужели изъ всѣхъ моихъ юшадей, вѣтрогоновъ и конь-цуаловъ, выдержанныхъ на корму изъ стальныxъ спиловъ и отбывавшихъ у меня всѣ труды, нѣтъ подходящей юшады для Каурбека! Значитъ, онъ будѣтъ достойнымъ меня сыномъ, я съ радостю буду гордиться имъ до того времени, пока зайду сырую могилу». Онъ указалъ ему высокий курганъ, говоря: «Ты будешь славнымъ богатыремъ. Видишь ли ты этотъ курганъ? Подъ нимъ откармливаются мои вѣтрогоны отвѣ-

²⁾ Частая преговорка осетинъ при наудовольствіи: «мы не дѣлай». Въ буквальномъ переводе означаетъ: «буду умирать другой разъ и на томъ свѣтѣ, негодя на васъ», т. е. «не только мнѣ отъ досады за васъ приходится умереть на этомъ свѣтѣ, но придется повторить свою смерть и на томъ свѣтѣ».

ной породы, но какъ ихъ ты успѣшь вывестъ? А за винц моѣ дорогое разукирашенное въ золото оружіе, которыми только я самъ въ состояніи бытъ управлять? Ты можешь ихъ достать только тогда, когда одпимъ ударомъ своей ноги разсыпишь этотъ большой курганъ, такъ что изъ него земля разнесется по воздуху пылью и пластами, но если ты этого не успѣшишь, то и не можешь достать ни лошадей, ни оружія.. Каурбекъ прищелъ къ кургану, ударилъ его ногой и этимъ ударомъ высокій курганъ отъ самого основанія разсыпался, пласти изъ него летѣли по воздуху, а день помрачился, какъ-бы ночнымъ мракомъ или туманомъ. Онъ взглянулъ въ образовавшуюся подъ курганомъ глубокую яму и увидѣлъ тамъ двѣнадцать стоявшихъ въ своемъ пометѣ до самыхъ ушей лошадей, откариливавшихся стальными опилками, и сейчасъ-же принялъся вытаскивать ихъ за уши по одной пѣни помета до послѣдней, которую ему трудно было вытянуть за уши изъ навоза. Но Каурбекъ не сожалѣлъ о томъ, а былъ доволенъ, что наконецъ онъ могъ достать достойную его лошадь, которая была создана небомъ собственно для него и откариливалась невидимой сидой подъ большимъ и высокимъ курганомъ стальными опилками. Вытаскнувъ съ большимъ трудомъ прекраснаго огненной породы коня, мгновеніо обмывъ его, онъ сталъ любоваться необыкновенной его греческой. Проговорилъ радостно Каурбекъ: «Я благодарю Провидѣніе, создавшее для меня этого огненной породы коня-вѣтрогонку», и пошелъ къ отцу своему, старику Аслану. Услышавъ распоряженія своего сына, собравшагося въ путь, отецъ спросилъ его: «Ну, а что ты думаешь съ своимъ странствованіемъ, какъ ты хочешь достать моихъ огненныхъ вѣтрогоновъ,—не думаю я, чтобы ты легко досталъ ихъ. Могу ли я надѣяться, что у тебѣ проявится такая сила, что ты однимъ ударомъ своей ноги будешь въ состояніи разбить и разметать этотъ высокій курганъ, подъ которымъ, какъ я уже тебѣ говорилъ, находятся мои кони огненной породы, обративши его этимъ ударомъ въ мельчайшую пыль, отъ которой на всей землѣ день превратился бы въ ночь и срѣть солнца въ мрачнѣе ночи? Но ты наврядъ сможешь сдѣлать это и я не думаю найти въ тебѣ столько силы; тѣмъ болѣе, что я уже убѣдилъся, что у твоихъ старшихъ братьевъ нѣтъ ни частини моего духа. Неужели мнѣ нужно полагать, что и ты также безсиленъ, какъ и братья твои Аслапбекъ и Сосланбекъ? Когда-же Каурбекъ сказалъ своему отцу-старику, что большой высокій кур-

гакъ однинъ ударомъ его ноги разсыпался и разнесся по воздуху и что онъ между его вѣтрогонками избралъ себѣ только одного достойнаго коня, котораго съ большинъ трудомъ вытянула изъ помета, то Асланъ съ великою радостью, обнимая своего сына, воскликнулъ: «Ну, хорошо, ты досталъ лучшаго изъ всѣхъ вѣтрогонныхъ коней, который столѣтія стоялъ въ своемъ пометѣ, но какъ же ты выкупашь вымоешь его до чиста по заповѣди нашихъ предковъ? удастся ли тебѣ это и какъ съумѣешь это сдѣлать? Ты долженъ помнить заповѣдь нашихъ отцовъ — держать коня чистымъ и, не выкупалъ, вычищай и убрай коня, тогда старикъ, указавъ ему рукой на курганъ, сказалъ: «Первый твой шагъ молодецкій меня утѣшаетъ, я одушевленъ, во мнѣ возражается неизѣнчимая радость, что ты окажешь большиe подвиги и съумѣешь носить славное имя богатыря. Вотъ тамъ, возьми лѣвѣ отъ вѣтрогоновъ и подъ тѣмъ же самимъ курганомъ, ты найдешь мое богатырское оружіе, хранившееся таинъ столѣтія, оно жаждетъ боя и испускаетъ пламя; надо полагать, что оно создано Провидѣніемъ собственно для тебя — моего достойнаго наследника; если ты дальше оправдаешь себя въ моихъ глазахъ, также какъ на первомъ шагу твоемъ, то ты подымешь нашъ родъ своей славой. Но будешь ли у тебя столько силы, чтобы ты могъ поднять мое оружіе, носить которое стоило и мнѣ не мало усилий? Это оружіе такъ тяжело, что кроме меня никто и никогда не только не могъ управлять и дѣйствовать имъ, но и изъ славнѣйшихъ богатырей никто не могъ поднять его безъ большихъ усилий и затрудненій». Каурбекъ идетъ и подъ тѣмъ же курганомъ достаетъ богатырское оружіе своего отца, украшенное золотомъ, и подносить его къ нему. Асланъ, уѣрившись въ богатырской силѣ и мужествѣ сына, обращаясь къ остальнымъ сыновьямъ, сказалъ: «Асланбекъ и Сосланбекъ! вы, мои дѣти, я разочаровался въ васъ, разочаровался въ васъ

^{*)} Въ числь многихъ предразсудковъ у осетинъ, есть одинъ, что выѣзжая въ путь на лошади не выкупанной, будешь имѣть частыя неблагополучія въ пути; эти несчастія, конечно, приписываютъ нечистотѣ лошади; кроме того, не выкупавши свою лошадь, уничтожается въ своемъ мужествѣ и достоинствѣ наездникъ между товарищами и друзьями. Въ разсказахъ горца часто говорится, что слава принадлежитъ тому наезднику, у которого сохраняются чистота оружіе и лошадь. Неоцѣненные, говорятъ осетины, красота лошади и жены.

потому, что узналъ вашу слабость и бессиліе, вы не должны носить имя вашего отца, вы не унаследовали отъ него ни искорка его богатырства и мужества. Это вы мвѣ доказали первымъ вложенiemъ вашихъ ногъ въ стремена и тѣмъ, сколько времени вы проѣзжали трехчасовой путь мой. Не такимъ я былъ въ своей молодости; опять вспомнилось мвѣ слово нашихъ дѣдовъ: «старѣеть камень, старѣеть и дерево!» Я, бѣдный старикъ, положившій конецъ своему богатырству и громкой жизни, пмѣю еще утешеніе, что Каурбекъ—вашъ младшій братъ—не уронитъ славное имя своего отца. Желаю тебѣ доброго пути, сынъ! Да, послушай, я разскажу тебѣ происхожденіе моихъ лошадей огненной породы—вѣтрогоновъ и кокъ-цуаловъ—и богатырского оружія. Порода вѣтрогоновъ, произшедшая отъ огня, тверда въ тѣлѣ, терпѣлива, вынослива, сноситъ всякий сильный трудъ ⁶⁾). Порода кокъ-цуаловъ, произшедшая отъ водяного или морского жеребца, жеребца бога морей, — понимаетъ говорѣ человѣка. Она бессмертна; не было примѣра, чтобы лошадь этой породы, уставши, оставила на половинѣ пути своего всадника, ибо она привозить его до того мѣста, откуда онъ на ней выѣхалъ. Эти достойныя животныя изъ славныхъ породъ созданы Промысломъ собственно для нашего рода. Оружіе мое создано молотомъ и наковалней Сафа ⁶⁾). Это оружіе есть первое его произведеніе; оно создано для нашего же рода и по заповѣди нашихъ отцовъ переходитъ въ потомство. Это оружіе, произведеніе искуснаго Сафа, имѣетъ такую мощь, что даетъ необыкновенную силу и твердость духа тому, кто имѣть его у себя въ рукахъ и въ состояніи действовать имъ;

⁵⁾ Предание говорить, что лошадь породы огненныхъ вѣтрогоновъ въ бою превращалась въ огонь и пламенемъ своимъ пожирала людей.

⁶⁾ Богъ меча и всего оружія. Въ очень еще недавнее время, осетины, укладывая своихъ дѣтей, не переставали поручать ихъ этому богу меча; положивши голову дитяти и обводя рукою цѣль у очага, произносили слова: «Саф, помилуй моихъ бѣдныхъ дѣтей, укрѣпи ихъ жизнь твоей твердой силой навсегда. Храни ихъ отъ нечистыхъ и злыхъ силъ». Имя Сафа осетинами поставлено очень высоко: въ честь этого бога оружія или меча, водился у осетинъ обычай—заставлять на третій день великаго поста въ среду (постный день) кузнеца раскалывать самые мелкие прутинки желѣза, отъ которыхъ отламывались кусочки и отдавались для дѣтей, носившихъ эти кусочки на шѣй, вмѣстѣ съ лоскуткомъ тонкаго фабричнаго сукна разнаго цвета или лоскуткомъ шелковой матеріи, въ треугольникѣ, где заключались самая малость ваты и воробышнй пометъ. Эта кусочекъ желѣза и лоскутии сукна и матеріи въ треугольникѣ служили для дѣтей осетинъ

наконецъ это оружіе переходить къ тебѣ, Каурбекъ! Ты владѣй имъ, будь богатыремъ своего времени, не урони мое имя и имя нашего знаменитаго рода! Желаю тебѣ громкой славы на блестящихъ состязаніяхъ богатырей и наѣздниковъ! Добрый тебѣ путь, надѣюсь и буду радоваться тому, что у тебя будетъ бодрѣе мужества, чѣмъ было когда-то у меня во времена моей молодости. Всталъ Каурбекъ съ разсвѣтомъ, сѣлъ на вѣтрогонку и, украсивъ себя богатырскимъ оружіемъ, пустился странствовать по дальнимъ мѣстамъ и пустынямъ. Мигомъ онъ пролетаетъ безконечныя пустыни, усыпанныя костями жертвъ его отца, какъ градомъ. Наконецъ прїезжаетъ онъ въ тотъ самый шалашъ, который служилъ убѣжищемъ старого его отца. Каурбекъ, приблизившись къ шалашу, замѣтилъ передъ нимъ огромную кучу рису, у которого кормилась привязанная лошадь. Онъ остановился около лошади и слѣзъ съ своего вѣтрогона; снявъ съ него сѣдло, онъ подвелъ его къ кучѣ рису, а самъ вошелъ въ шалашъ, где увидѣлъ спящаго богатыря; безъ шуму, безъ шороху прилегъ онъ у ногъ его на постели, подложивъ себѣ подъ голову сѣдло свое, о лошади-же своей онъ не беспокоился, зная, что она, ухвативши за шею свою соперницу зубами, забросила ее на самый край степи. Выспавшись, богатырь просыпается отъ своего богатырскаго сна, встаетъ съ постели и выходитъ полюбоваться живописными мѣстами природы. Въ это время видить онъ незнакомую лошадь, травящую кормъ его лошади—кучу рису, а свою заброшенную въ отдаленную часть степи и завязшую въ землѣ по самое брюхо. Заревѣлъ борецъ и вскричалъ: «Кто сиѣтъ такъ сильно меня оскорбить? Что это за дерзость? Могу-ли я простить когда-либо это оскорблѣніе? Я никогда не прошу и простить не хочу!» Эхо его крика понеслось по всей землѣ, только оно мало не обезпокоило Каурбека: онъ спитъ настоящимъ своимъ богатырскимъ сномъ. Не мало речѣлъ богатырь, не мало эхо проносилось по всей землѣ; оглядываясь онъ по

амулетомъ, дававшимъ здоровье и охранявшимъ отъ злыхъ духовъ и гла-за. Клятва у осетинъ богомъ меча еще и теперь не забывается и произносится передъ очагомъ, где виситъ желѣзная цѣпь, съ сѣдующими словами: «еслинусь этими пречистыми золотомъ Сафа». Эта присяга у осетинъ считается немаловажною; они приписываютъ накожные болѣзни своихъ дѣтей тому, что дѣти ихъ руками беспокоятъ Сафа, т. е. трогаютъ нечистыми, немытыми руками цѣпь у очага и потому получаютъ накожные болѣзни отъ негодованія на нихъ Сафа.

244
111

сторонамъ и взадъ и впередъ, ни никого не видѣть; входитъ онъ въ шалашъ и замѣчаетъ подъ своимъ одѣяломъ спящаго богатыря-юношу и видѣть онъ въ немъ молодого сильнаго по виду борца. Прискрывъ его одѣяломъ и вышелъ снять изъ шалаша. Сѣвъ около шалаша и прислонившись къ наму, онъ думаетъ: «Ну, что мнѣ дѣлать? онъ—молодой борецъ, какъ видно исполнитель призывающей. Убить его спящимъ—сомнаго, это позорно для богатыря... Между тѣмъ просыпается Каурбекъ, выходитъ изъ шалаша и становится около богатыря. Крикнуль на него богатырь: «Кто ты, какъ ты дерзнулъ такъ вагло оскорбить меня? знаешь-ли, что за оскорблѣніе платить оскорблѣніемъ, а за обиду обидой? Нѣтъ и не было еще никогда такого на бывшемъ свѣтѣ существа, которое бы рѣшилось нанести мнѣ подобное оскорблѣніе! Я былъ единственнымъ обладателемъ этихъ чудныхъ странъ—никто не смѣлъ оскорблять меня до сихъ-поръ, никакихъ оскорблѣній я не испыталъ! Поештромъ теперь, какъ ты мнѣ за это заплатишь! и заплатишь очень дорого, можетъ-быть и жизнью! Ну, идемъ-же, чья возьметъ, идемъ бороться», говорить онъ. Каурбекъ отвѣчаетъ ему: «бороться еще успѣхъ, не къ чему торопиться, но я, усталый послѣ не-малаго пути, голоденъ какъ волкъ; сперва ты изкорни меня до-съгна и вдоволь, а потомъ я отдохну и тогда уже будетъ время и бороться; но теперь, посуди самъ, не будуть-ли тебя осуждать, что ты, сперва заморивъ меня-юношу голодомъ, потомъ одолѣлъ». Борецъ приходитъ изъ стада лучшихъ двухъ отборенныхъ воловъ и, зарѣзавъ ихъ, приготовилъ завтракъ на каждого по цѣлому волу. Позавтракавъ, они ишли бороться; не мало они боролись, наконецъ Каурбекъ побѣждає величайшаго борца, вынимаетъ свой мечъ и, держа его надъ грудью соперника, говоритъ ему: «Ну, скажи, скажи, кто ты, а то жизнь твоя престъщется! Побѣженный отвѣчаетъ: «Именемъ Бога заклинаю, что я братъ знаменитаго борца Аслана—Исламъ! Каурбекъ, опустивъ руки и мечъ свой, говоритъ: «а я сынъ этого славнаго богатыря! и освобождаетъ побѣженного своего соперника. Бросаются они одинъ другому въ объятія, начинаятъ радоваться и благодарить небо, избавившее ихъ отъ кровопролитія и доставившее имъ случай сблизиться между собой. Затѣмъ, послѣ взаимныхъ радостей и разговоровъ, Исламъ указываетъ на устьяныя человѣческими костями безконечныя степени и говоритъ Каурбеку: «Вотъ, видиши-лица эти кости жертвъ моей борьбы съ дочерью Дон-бездугра ⁷⁾; что ни

⁷⁾ Богъ морей—Нептунъ.

день, она выведала изъ чорей свои сильнѣи силы,—и ихъ истреблялъ до послѣдняго воина свинью исчомъ! Она же сама до того ловка и проворна, что съ легкостью рыбы ускакаетъ вырнуть въ море и спрыгнуть тамъ. Теперь довольно, мы и нарадовались и наговорились, мой любезный Каурбекъ! говоритъ Исламъ: «нужно намъ взаться за дѣло. Она, дочь Дон-бетттура, уже на юѣтѣ, съ своими сильнѣи силами поджидаетъ насъ; довольно, довольно напасть, пора къ дѣлу молодецкому», — торопится и уѣзжаетъ. Всѣйду ее искать и Каурбекъ не замедлить отправиться къ несметнымъ силамъ дочери Дон-бетттура за берегъ моря. Завязавъ борьбу съ ея силами и истребивъ ихъ, она ухватится за дочь Дон-бетттура, израненную имъ исчомъ,—она ускользнула и бросилась въ море. Каурбекъ видѣть свою неудачу, подбѣгааетъ къ берегу и убиваетъ свою кѣтротенку, икромъ содрать съ нее, кому и дѣлаетъ изъ кожи ремни. Привязавъ концами одинъ ремень къ другому, прикрѣпивъ одинъ конецъ ихъ къ вражескому въ землю своему мечу, а другой — себѣ на шею, онъ бросился въ море за дочерью Дон-бетттура. Доплывъ до дна моря, онъ увидѣть тамъ большей и красивый городъ,—тамъ было мѣстожительство Дон-бетттура; таинъ-же жила и дочь его. На самой краю этого города, жила въ забушѣй бѣдная пдовушка-старушка ²⁾). Каурбекъ входитъ въ избу и говоритъ вдоеѣ: «добрый день, моя матушка». — «Добрый день, сыночень, отвѣчаетъ старушка. «Откуда тебя Богъ привеѣ, мілый сынокъ земли? ты знаешь-ли, что адѣль каждый, подобный тебѣ юноша, оставляетъ свою беззаботную головушку? Жаль миѣ тебѣ, бѣдного, ты еще такъ мало жилъ на свѣтѣ! и указывая на груды человѣческихъ череповъ, говоритъ она: «видишъ-ли ты? это черепа принесенныхъ въ жертву Дон-бетттуромъ людей,—зачѣмъ тебя Богъ принесъ къ такой гибели, скажи ишь? Каурбекъ отвѣчаетъ: «Богъ принесъ меня сюда за подстрѣленною и израненою мною дичью, я ее преслѣдую». — «Да это такая дичь, что она тебѣ поглотить и ты тогда долженъ будешь навсегда

²⁾ Словѣты *кул-бадегъ-ус'оъ*, бабы-яги, считались самыми вѣрными наставницами для героевъ тѣхъ временъ; они служили оракуломъ и безъ нихъ герой не могъ обходиться. Эти бабы-яги въ глазахъ ихъ играли не маловажную роль, жили и вели себѣ нищенскую жизньъ, обращая на себя внимание героевъ своими различными наставлениями, стараясь во всемъ быть имъ полезными. Поэтому и названы они *кул-бадегъ-усами*, что означаетъ въ дословномъ переводе: «женщина, живущая-сидящая на стѣнѣ или косогорѣ, живущая въ щели, въ нишѣ».

распростираться съ своею жизнью! говорить старушка-вдова. Не Каурбенъ, не теряя своего твердаго духа, безъ болзни просятъ просить здову дать ему возможность вѣрными ея советами достигнуть преслѣдованія своей израненой добычи. Старушка говоритъ ему: «Ахъ ты, иллюе создавіе и смиъ земли; жаль потерять твою юную душу: мало-ли подобныхъ тебѣ юношъ, преслѣдуя эту коварную дичь, сдѣлявшись жалкими жертвами и подверглись той участи, которая предстоитъ тебѣ? Но что дѣлать: если тебѣ Провадѣніе такъ судило, то нельзя тебѣ не испытать его предсдѣлѣнія. Я укажу тебѣ способъ выйти изъ этой бѣды, если только ты успѣешь исполнить мои наставления». Она говоритъ: «Ты войди въ укрѣпленный замокъ Дон-беттуръ, и ты въ отдѣлѣніи, тѣхъ происходитъ борьба, увидишь два иѣдные, наполненные водой сосуда ⁹⁾, стоящіе по сторонамъ; въ этихъ сосудахъ вода такова: въ сосудѣ по правой сторонѣ — вода такого свойства, что борящійся, напившись ее, получаетъ сторожемъ недѣрѣленіе утомленныхъ силъ; эту воду пить при отдыхѣ своемъ проводница богиня ¹⁰⁾ во время борьбы. Она утомляетъ свою жажду ею и кровью того несмѣтнаго множества жертвъ, черепа которыхъ вотъ ты видишь», говоритъ вдова; «въ соудѣ-же, стоящемъ на лѣвой сторонѣ, находится такого свойства вода, что утомляющій ею свою жажду теряетъ всю силу и дѣлается самыи слабымъ и безсильнымъ,—это мертвая вода. Прежде всего нужно тебѣ постараться въ этихъ сосудахъ перемѣстить воду такъ, чтобы вода изъ одного сосуда очутилась въ другомъ. Тогда ей достанется утолить жажду во время борьбы изъ сосуда мертвай воды, и какъ только эта богиня утолитъ свою жажду при отдыхѣ водою, уничтожающею силу, то, конечно, она сдѣлается твоей жертвой, а тебѣ придется пить живую воду, такого свойства, которая возвращаетъ потерянныя силы. Кромѣ того, у этой кровопийцы-богини такая привычка, что она передъ борьбою отправляется въ свою баню и, выкупавшись тамъ въ этой живой водѣ, возвращающей силу и мужество, выходитъ за борьбу съ свѣжей силой и твердостью духа. Не забывай также, что когда богиня предложитъ тебѣ борьбу съ нею, то ты не соглашайся, пока она не доаволитъ тебѣ тоже выкупаться въ той самой цѣлительной живой водѣ, ко-

⁹⁾ Эти сосуды были пивоваренные остродонные котлы изъ иѣди, вмѣщающіе каждый въ себѣ отъ 50 до 60 ведеръ жидкости.

¹⁰⁾ Морская богиня.

торая вдесятеро подкрепляетъ силы, и пока она не накормить тебя до-сыта. Если ты воего этого не потребуешь, то погибнешь и сдѣлаешься жалкой жертвой, какъ вотъ тѣ несчастные, которые усѣли своими постыми окрестности этого города! Получивъ нужные для себя наставленія отъ бабы-яги, Каурбекъ проникъ въ замокъ и перемѣнилъ въ сосудахъ воду, потомъ вошелъ во внутреннѣе покоя богини, гдѣ она сидѣла, окруженнная роскошью и богатствомъ. Она спросила его: «Откуда тебѣ, дорогого сына земли, принесла нужда и вакхъ она?». Каурбекъ отвѣтчаетъ: «Я преслѣдуя прострѣленную мою дичь, она должна быть моей добычей, жаль мнѣ ее бросить!». Отвѣтчаетъ ему богиня: «Ахъ, это ты, такой искусный и меткій охотникъ, подстрѣлившій дичь и желающій достать свою добычу! Хорошо», говоритъ она, «идемъ и будемъ бороться; но если ты меня не побѣдишь, то видишь-ли ты эти груды? я поступлю и съ тобой также; она все сдѣлались моими жертвами и ты будешь такой же жертвой! А если ты побѣдишь меня, то возьмешь свою подстрѣленную дичь-добычу.» — «Я готовъ, но прежде всего», говоритъ ей Каурбекъ, «я долженъ смыть грязь съ своего тѣла, потому ты должна позволить мнѣ сдѣлать это въ твоей банѣ, а послѣ того подкрепить свои силы сытнымъ кушаньемъ,—тогда только я могу бороться.» Выгнувшись въ живой цѣлительной водѣ и наѣвшись до-сыта, она стала бороться съ богиней. Боролись долго, долго; ни одна и ви другая изъ нихъ не побѣждается. Тогда она остановила Каурбека: «Я устала, нужно отдохнуть; не желаешь-ли напиться и утолить свою жажду? изъ какого желаешь сосуда?» — «Желаю, но для меня все равно, изъ какого-бы сосуда не утолить жажду.» Тогда она указала ему на сосудъ, гдѣ была прежде мертвая вода. Всю воду Каурбекъ выпиваетъ за помѣсть. А богиня морей досталось, вѣсто живой цѣлительной воды, утолить жажду мертвай водой. Попали опять бороться, — богиня падаетъ побѣжденною. Каурбекъ, держа надъ грудью ея свой мечъ, говоритъ: «Клянусь Богомъ, даровавшимъ мнѣ силу, что если ты мнѣ не передашь въ руки мою добычу, твою дочь, то я покончу этимъ мечомъ твою жизнью, упоенную кровью несчастныхъ жертвъ!» Отвѣтчаетъ она: «Клянусь тебѣ прахомъ моего безъименного сына¹¹⁾, что ты вполнѣ

¹¹⁾ Въ сказанияхъ осетинъ встрѣчается очень часто клятва богинь и заклинательницъ духовъ именемъ праха безъименного сына. Такая клятва считалась ненарушимою. Безъименными сыновьями назывались тѣ, которые, родившись и не успѣвъ получить еще имени, умерли.

и достоинъ руки моей дочери, по прихоти губившей много молодцовъ,—отдаю ее тебе. Идеть она, выводить дочь свою и передаетъ ее въ его руки, говоря: «Богъ небесъ, водъ и земель создалъ мою дочь именно для тебя; ее ты вислая достоинъ! Онь ее опредѣлилъ тебѣ въ ту самую минуту, когда она лишь зачалась въ моемъ чревѣ. Вотъ, видишь тыздѣсь черепа людей, положившихъ свои головы въ борьбѣ со мной; видѣлъ ты и восмѣтное число моихъ подданныхъ, сдѣлавшихся жертвой богатырского меча твоего дяди Ислама; наконецъ, вотъ ты видишь и царство мое подъ водами и семью землями: Богъ создалъ это царство для нашей прихоти и удовольствія, оно въ нашей власти и мы, какъ морскіе боги и богини, располагаемъ имъ¹²⁾. Сотнями, тысячами людей ежеминутно приносимъ въ жертву, чтобы только этимъ приношениемъ сдѣлать для себя удовольствіе, и за все это мы ни передъ кѣмъ не отвѣчаемъ, потому-что люди созданы смертными; ты видѣлъ разбросанный по пустынамъ и безконечнымъ полямъ кости жертвъ, принесенныхъ моей дочерью по прихоти ея; никому не удалось завладѣть рукой ея, кроме тебѣ, — ты вполнѣ заслужилъ ее, она должна оставаться навсегда твою». Беретъ Каурбекъ дочь Дон-Беттура, набираетъ цѣлительной живой воды и выходитъ на берегъ моря. Тамъ лежалъ трупъ его вѣтрогонной лопади; онъ разложилъ по трупу ея ремни изъ ея кожи, облилъ ее цѣлительной живою водой и она, оживившись, вскочила на ноги.

Привозить онъ свою добычу — дочь морской богини — въ шапъ дяди своего Ислама, которому и передаетъ ее въ руки. Радости его не было конца; онъ радовался и не могъ нарадоваться, молилъ небо, пославшее ему дочь морской богини, сотни идти боровшуюся съ вишью и принесшую безчисленные жертвы своихъ подданныхъ на полѣ бранг. Время шло своимъ порядкомъ, а Каурбекъ и Исламъ жили и радовались вмѣстѣ. Однажды говорить Исламъ Каурбеку, что на краю свѣта живетъ въ своемъ владѣніи Ханъ; у Хана шесть богатырей во мракѣ борются

¹²⁾ Существуетъ повѣрье у осетинъ, что надъ этой землей, находятся еще шесть подобныхъ-же земель, а следовательно земель всего семь, и подъ этими землями существуютъ семь царствъ, похожихъ на царство, находящееся на бѣломъ свѣтѣ. Поэтому, у осетинъ считаются самыми сильнейшими проклятиемъ слѣдующія слова: «Да превалитъ тебя Великий Богъ подъ семь земель». Какъ равно и привѣтствіе: «Да наградятъ тебя Богъ царствомъ семи небесъ».

ежедневно, во борьба у нихъ остается безъ побѣды. Каурбекъ жаждалъ молодецкихъ подвиговъ. Поэтому онъ отправился въ путь. Ждалъ онъ долго, долго. Пріѣзжаетъ наконецъ къ Хану,— видитъ, у Хана большое царство, но весь народъ живетъ въ ночномъ иракѣ, и ежедневно у него происходитъ борьба шести богатырей. Доносить Хану о пріѣздѣ къ нему славного молодого борца Каурбека; Ханъ встречаетъ его съ большими торжествами и радуется, что Богъ послалъ къ нему сына славнаго богатыря Аслана—молодого борца Каурбека, на готовое состязаніе борцовъ. Борцы окружили Каурбека и приглашаютъ на борьбу; онъ, откашываясь, говоритъ, что къ подобнымъ мелкимъ борьбамъ онъ не способенъ и къ тому себя не готовилъ. Задѣтые этими словами, борцы обратились къ Хану и просили его, чтобы Каурбекъ дававалъ передъ ними правоходство своей силы, изъчесавши оскорблены, и оскорблены очень сильно. Ханъ беретъ Каурбека и всѣхъ своихъ богатырей и отправляется съ ними на место состязанія борцовъ, где въ пещерѣ лежалъ остовъ первого, древнейшаго богатыря-борца, Хасана—отца Аслана, т. е. дѣда Каурбека, въ черепѣ котораго застрялъ отъ сильнаго удара мечъ, поразившій его смертью. Вынуть мечъ изъ черепа—было ежедневнымъ упражненіемъ богатырей; но усиленія борцовъ оставались безъ усѣдѣха. Остовъ Хасана не имѣлъ ни одного дня покоя, а мечъ все оставался въ черепѣ. Ханъ видѣть безсиліе своихъ борцовъ освободить изъ черепа мечъ, указываетъ Каурбеку скелетъ его дѣда и говоритъ ему: «Если ты сильнѣе моихъ борцовъ и желаешь это доказать, то подойди къ этому скелету и вынь изъ головы его обѣими своими руками мечъ, а не одною, потому-что одною рукою ни ты и никто другой этого не сдѣлаетъ.» Каурбекъ удалилъ Хана и всѣхъ его богатырей изъ того мѣста, а самъ подошелъ къ скелету, который въ это время приходитъ въ прежнее свое состояніе, и говорить: «Вынимай изъ моего черепа мечъ, всаженный въ него ударомъ, нанесеннымъ сотни лѣтъ тому назадъ». Только что Каурбекъ коснулся, черепъ освободилъ мечъ. Скелетъ произнесъ иѣсколько словъ: «Я держалъ въ своемъ черепѣ цѣлыхъ столѣтія всаженный въ него ударомъ сильной руки мечъ этотъ, никто его изъ знаменитыхъ богатырей своей силой не могъ освободить изъ моего черепа, но ты—сильнейший изъ всѣхъ наaszъ, богатырь, Каурбекъ! Ты сынъ знаменитаго моего сына Аслана, твоего отца-старца! Я радуюсь, что побѣда надъ всѣми богатырями

и слава достается тебе! Живи много летъ, здравствуй и отли-
чайся такъ, какъ отличались мы, я и твой отецъ, старецъ Асланъ,
Будь всегда побѣдителемъ всѣхъ богатырей и борцовъ. Имъ-
ты мечъ этотъ у себя въ рукахъ и какъ-только ты дойдешь до
ханскаго замка, сейчасъ-же порази однимъ ударомъ Хана и
старайся при этомъ, чтобы мечъ не ускользнулъ изъ твоихъ
рукъ, и когда Ханъ, послѣ первого нанесеннаго ему этимъ ме-
чомъ удара, скажетъ повторить ударъ, то ты отвѣчай ему такъ:
И отецъ мой заканчивалъ жизнь каждого однимъ только ударомъ
своего меча.¹⁸⁾ Если ты не послѣдуешь моимъ словамъ и по-
вторишь ударъ, то ты сейчасъ-же погибнешь навсегда! Каур-
бекъ того и желалъ—отмстить кровь дѣда. Ось точно такъ по-
ступилъ, какъ говорилъ ему скелетъ: выносить мечъ къ Хану, и
когда Ханъ увидѣлъ въ рукахъ его мечъ, то, обратясь къ сво-
имъ богатырямъ-борцамъ, громко сказалъ: «Что вы за богаты-
ри и борцы! цѣлое столѣtie тому назадъ я всадилъ въ черепъ
богатыря Хасана свой мечъ и вы ежедневными упражненіями не
могли освободить его вашими руками; могу ли я положиться на
васъ и сказать, что вы богатыри?! Вотъ богатыри! вотъ си-
ла!», говорить Ханъ, указывая на Каурбека. Только-что подошли
потомъ они къ замку, Каурбекъ поразилъ однимъ ударомъ
мечъ Хана, который произнесъ послѣднее слово: «повтори-же
еще разъ». Каурбекъ отвѣчаетъ: «Нѣть, я отецъ мой обыкновен-
но поражалъ на смерть однимъ ударомъ.» Тогда Ханъ испу-
стилъ духъ свой. Все владѣніе и богатство Хана осталось въ
рукахъ Каурбека; всѣ шесть богатырей, увидѣвъ поразительную
сицу его, со страхомъ скрылись по краямъ свѣта. Весь народъ,
отъ большого и до самаго малаго колыбельного ребенка, благода-
рилъ небо, ниспославшее имъ этого избавителя; сама дочь Хана
отдала себя въ руки Каурбека, съ готовностью оставаться ему вѣр-
ной навсегда. Время шло своимъ порядкомъ, а Каурбекъ ус-
пѣлъ ближе ознакомиться съ населеніемъ Ханскихъ владѣній и его
дочерью. Однажды ему пришло на мысль спросить о причинѣ
того, что владѣніе Хана лежитъ въ ночномъ мракѣ и не озаряет-
ся лучезарнымъ свѣтомъ солнца. Услышавъ это, Ханская дочь

¹⁸⁾ Въ преданіяхъ часто встречаются рассказы, что послѣ повторительнаго удара или нанесенія раны, магическая сила меча поражала смертю нано-
сившаго ударъ, а противникъ оставался невредимымъ. И такого меча сила
заканчивала у богатырей жизнь однимъ только ударомъ.

сделалась более привязаною къ Каурбеку и начала молить его о помошь бѣднымъ жителямъ мрака. Каурбекъ не могъ не склониться надъ страдальцами и началъ думать и заботиться, какъ-бы узнать эту причину: «да какъ и узнаешь — говоритъ онъ себѣ, — почему безжалостное солнце не озаряетъ своими лучами несчастное Ханское владѣніе? Нужно узнать эту причину отъ самого солнца», говоритъ онъ. Поэтому и вдѣтъ онъ отыскивать жилище солнца, где оно есть. Пріѣзжаетъ къ берегу моря, видятъ, что на всемъ протяженіи моря отъ одного берега до другого лежитъ китъ, служащий мостомъ; китъ былъ живой, и каждому страннику онъ не отказывалъ проѣзжать по его спинному хребту, а звѣрять также не запрещалъ его мясомъ лакомиться: лежаль все безъ движенія; ни проѣзжающіе по спинѣ его путешественники, ни сѣѣдающіе его мясо заѣри, никако его не беспокоють. Каурбекъ, подивившись этому чуду, проѣхалъ по спинѣ кита, и вотъ онъ за моремъ увидѣлъ домъ солнца; входитъ въ него и засталъ тамъ старушку — добрую мать солнца, которая его встрѣтила первыми своими словами: «Откуда тебя принесетъ Богъ, милый сынъ земли? Знаешь-ли ты безжалостнаго и немилосерднаго моего сына? если онъ придетъ домой, то сильно тебя обожжетъ; не надо было тебѣ такъ не дорожить своею жизнью! Вѣдь знаешь-ли ты, мой безжалостный сынъ обжигаешь всѣхъ бѣдныхъ странниковъ, а тебѣ въ особенности сильно обожжетъ! Какая тебя, бѣдняжку, заставила неволя пріѣхать сюда, когда лучи моего сына такъ сильны, что они страшно жгутъ всѣ царства на землѣ?! Ты вовсе погибнешь отъ сильныхъ лучей моего сына, когда онъ взглянетъ на тебя, не сводя своихъ глазъ въ сторону.» Онъ, бросаясь къ ея груди, отвѣчаетъ: «Добрая моя матушка, да поплѣтъ мнѣ Богъ твою милость, усынови меня ¹⁴⁾, я гость твоего отца и матери, прими меня подъ свою защиту (подъ свое крыло). Два важныхъ обстоятельства заставили меня просить твоей помощи. Матушка ты наша милосердная», говоритъ Каурбекъ: «я желаю знать причину, почему твой сынъ — солнце, который щедро освѣщаетъ всю землю,

¹⁴⁾ Усыновленіе у туземцевъ-горцевъ до сего времени не теряетъ своего значенія; оно ведется такъ: виновникъ, или ищущій защиты, бросается къ грудамъ женщины и начинаетъ сосать ихъ; она, по обычаю, не можетъ ему этого не дозволить, потому, что тогда какъ она, такъ и все ея семейство теряютъ свое значеніе въ народѣ. Послѣ того она выказываетъ свою готовность къ защитѣ, а виновникъ, или искатель защиты, дѣлается на-

отказался освящать одно ханское владение, которое оно, солнце, заставляет быть подъ ночнымъ нракомъ! Это вотъ одно обстоятельство, а другое — вижу я, что большою китъ лежить на всемъ протяженіи моря, отъ одного берега до другого служить онъ мостомъ для странниковъ, лежить себѣ неподвижныи, — не отказываетъ всякаго рода звѣрии лакомиться своимъ идомъ, а самъ между-тѣмъ живъ. Этому чуду я не мало удивился, и не знаю, чтобы это значило». — «Все это, мицый ты мой сынъ, тебѣ не трудно будетъ понять», говорить мать солнца Каурбеку, «но трудно то, какъ я куда и успѣю тебя запрятать отъ лучей моего безжалостнаго и немилосерднаго сына, когда онъ вечеромъ придетъ домой? Но вотъ, какъ я устрою», говорить она. Она встаетъ — беретъ насѣдку и, вырвавъ у ней изъ крыла перышко, запрятавъ въ серединѣ перышка Каурбека и вложивъ перо по прежнему въ крыло курицы, она посадила опять насѣдку на яйца. Является солнце вечеромъ домой; какъ только оно вошло въ домъ къ своей матери, говоритъ: «Фу! что это сегодня у тебя за земной запахъ чувствуется? не скрываются ли у тебя какое-либо существо земное? Я до сего времени не встречалъ у тебя подобнаго непріятнаго запаха! Это что-нибудь да значитъ, въ запахъ влажный и вѣрно, что онъ отъ земной твари!» говоритъ сынъ. Тронутая словами сына, мать начала плакать и говорить ему: «да, вольно тебѣ напускаться на меня, что отъ меня несетъ запахъ земного существа, этотъ непріятный запахъ. Откуда у меня можетъ быть такой запахъ, когда я поцѣльнымъ дамъ, не выходя, сижу дома! простительно ли тебѣ подобное замѣчаніе? Ты

реченыиимъ ея сыномъ. Такія усыновленія большою частію встречаются у ингушъ и чеченцевъ, по кровнымъ дѣламъ. Такъ, напр., въ очень недавнее время, одинъ молодой ингушъ убилъ на свадьбѣ единственнаго сына бѣдной вдовы. Убийца, опасаясь преслѣдованія русскаго закона, явился въ домъ матери убитаго имъ; пригласивъ съ собою много почетныхъ въ обществѣ стариковъ, бросается къ ногамъ ея и просить у ней помилованія; она прощаетъ его проступокъ, не отказывая ему въ своей груди, и тѣмъ усыновляетъ его. Убийца, сдѣлавшиися нареченыиимъ сыномъ вдовы и вознаградивъ ее материальной платой за кровь, и до сего времени имѣть съ вдовою, потерявшою отъ его руки родового единственнаго сына, самые тѣсныя родственныя отношенія. Не принявший гости, какимъ-бы онъ ни былъ виновникомъ, подвергается безчестію въ своемъ обществѣ. Подобные случаи не мало до сего времени воспѣваются въ пѣсняхъ осетинъ, не въ пользу тѣхъ фамилій и лицъ, которые отказались отъ приема и защиты виновниковъ-гостей.

опомнишь! Чѣмъ я заслужила подобное оскорблѣніе? Правъ ли ты передо мной? Какой ты у меня сынъ, когда за всѣ мои тяжкіе попеченія и труды, ты платишь мнѣ только однимъ оскорблѣніемъ?! Заслуживаю-ли я этого передъ тобой и передъ всѣми? Я была у тебя не такая мать, какъ у другихъ бывають! Не грѣши-но-ли тебѣ, мой сынъ, поступать такъ строго съ своей матерью? Какъ-же ты подозрѣваешь меня, будто несется отъ меня запахъ земной твари? Опомнишь хорошенько, опомнишь, говорю я тебѣ! Какой ты можешь встрѣтить у меня влажный, непріятный запахъ? Скорѣе ты согласись съ тѣмъ, что всякий запахъ можетъ вестись отъ тебя, потому-что ты ежедневно обходишь всю землю?—«Виноватъ», говоритъ солнце, «виноватъ передъ тобой, моя милая матушка! Я неправъ; ну, что дѣлать, ты прости меня, милая матушка, прости меня великодушно, какъ вѣжная и ласковая моя мать»,—и падаетъ сынъ въ ногамъ матери. Она, какъ вѣжная мать, расцѣловавъ сына, беретъ его за обѣ руки и поднимаетъ, и затѣмъ подала она ужинъ и говорить ему за ужиномъ: «Мой милый сынъ! ты предсказываешь вѣрно сны; я тебе разскажу свои сны, которые я видѣла ночью: чтобъ это означало, объясни мнѣ пожалуйста. Въ эту ночь я будто-бы очутпилась во владѣніи одного знаменитаго хана; вижу, что владѣніе у этого хана самое большое, но весь народъ живеть подъ ночнымъ мракомъ; эти люди никогда не видятъ денного свѣта; они блѣдны, какъ воскъ; жаль этихъ несчастныхъ: отчего ихъ окружаетъ такой мракъ? Чѣмъ они провинились передъ тобой и почему ты отказался освѣщать это ханское владѣніе твоимъ лучезарнымъ свѣтомъ, тогда-какъ ты не отказываешь освѣщать всю обширную землю и часто жжешь даже въ царства земныхъ? Потомъ, мой другой сонъ, знаешь-ли какой? Я возвращалась изъ ханского владѣнія домой; обширная дорога, по которой я шла, довела меня до берега моря, и какое я вижу здѣсь чудо? я увидѣла, что дорога кончилась на берегу этого моря, въ морѣ лежитъ китъ, голова которого была у одного берега, а хвостъ у противоположнаго. Китъ этотъ живой, лежитъ неподвижно, не отказываетъ всякому путешествующему проѣзжать по своей спинѣ, а звѣрямъ лакомиться его мясомъ, и все это его никако не беспокоитъ и онъ лежитъ, не двигаясь съ места. Что означаютъ эти мои сны? не съумѣешь-ли ты вѣрно ихъ мнѣ разскказать?», спрашивавъ мать сына.—«Хорошо», говоритъ солнце, «я тебѣ разскажу и разскажу всю правду. Первый твой сонъ означаетъ

вотъ что. Правда, я не осищшаю владѣнія хана своими лучами, не освѣщаю потому, что онъ намѣревался увезти къ себѣ мою дочь красавицу; ты знаешь, матушка моя, что она еженедѣльно по пятницамъ купается и плаваетъ въ красномъ морѣ. Узнавъ о томъ, что ханъ собирается увезти мою дочь, безподобную красавицу, я разозлился на него и пересталъ осищшать его владѣніе нѣсколько сотенъ лѣтъ своимъ свѣтомъ, которымъ я освѣщаю всѣхъ, и вотъ почему его бѣдное владѣніе и народъ находятся подъ однимъ и тѣмъ-же ночнымъ мракомъ. Это, милая моя мать, твой первый сонъ», говоритъ солнце. «А теперь я тебѣ буду объяснять другой твой сонъ. Этотъ большой китъ, растянутый отъ одного берега моря и до другого, служащий для проѣзжающихъ путешественниковъ мостомъ и мясомъ которого лакомятся звѣри, а онъ все-таки лежитъ неподвижно, поглощая цѣлый флотъ кораблей, наполненныхъ всякаго рода добрыми людьми, и за это Богъ послалъ свой гневъ на него, и вотъ онъ также нѣсколько столѣтій и десятковъ столѣтій отбываетъ назначенное ему наказаніе, и до того времени, пока онъ не возвратить поглощенный флотъ, будетъ переносить это мученіе». Кончивъ свой ужинъ и предсказаніе сновъ своей матери, солнце онять отправилось путешествовать по всей землѣ. Все, что говорило солнце своей матери, не могъ не услышать запрятанный въ куриное перышко Каурбекъ; онъ вышелъ, не зналъ какъ благодарить мать солнца, что она дала ему случай узнать отъ солнца то, чего онъ желалъ. На другой девъ Каурбекъ отправился по своему пути. Только-что онъ дошелъ до берега моря и прошелъ немного по спинѣ кита, обратился къ нему: «ай, китъ! знаешь-ли ты, что на тебя Богъ навелъ свой гневъ и Онъ повелѣлъ испытывать тебѣ эту муку,—ты провинился передъ Нимъ, потому-что проглотилъ весь флотъ съ множествомъ людей, которые близки къ Богу, и ты будешь переносить это мученіе до-тѣхъ-поръ, пока не возвратишь этихъ безгрѣшныхъ угодниковъ Божихъ и весь флотъ. Возврати все это и освободи себя отъ муки, назначенныхъ тебѣ гласомъ Бога». Послѣ этого словъ китъ открываетъ свой ротъ и изъ него выходитъ цѣлый флотъ кораблей, наполненныхъ безчисленнымъ множествомъ народа. Весь флотъ радовался, радости его не было конца, а киту также не мало было радости, что освободился отъ гнева Божьяго и муки, столѣтіями испытанныхъ. Каурбекъ сталъ думать, какимъ путемъ достать ему дочь солнца и привести ее во владѣніе

ханское, чтобы солнце начало освящать бѣдныхъ людей, живущихъ въ ночномъ мракѣ. Онъ устроилъ себѣ на берегу моря шалашикъ и застася рѣкими лакомствами и напитками. Замѣтивъ однажды, что дочь солнца прилетѣла—купается и плаваетъ въ красномъ морѣ, онъ обратился къ ней: «Не желаешьъ ли, очаровательная красавица, дочь солнца, полакомиться моими счастиями?»—«Я бы рада была отвѣдать такихъ лакомыхъ сластей, но боюсь мужчинъ: ты меня пожалуй увезешь», говорить она, продолжая плавать посерединѣ моря. Каурбекъ, видя свою неудачу, старался бросать ей въ руки сладости, а потомъ и напитки. Очень понравились они ей, потому она поглощала много сладостей и выпила много напитковъ, отъ которыхъ опьянила до того, что забыла объ опасности и, выплывшія на берегъ, бросилась въ объятия Каурбека. А овъ того и желалъ—посадилъ ее въ свою самолетку¹⁵⁾ и привезъ въ ханское владѣніе, которое мгновенно изъ мрака ночного очутилось въ денномъ свѣтѣ. Солнце, узнавъ, что дочь его увлечена Каурбекомъ, послало на ханское владѣніе страшныхъ стально-челюстныхъ кобылицъ, изо рта которыхъ выходило пламя, пожирающее людей. Жеребецъ солнца и весь табунъ, скошивъ сильнымъ ржаніемъ, навели на ханское владѣніе большой страхъ; многие изъ ханскихъ подданныхъ умиралы со страху при одномъ взглядѣ на пылающей огонь, выходившій изъ рта кобылицъ и жеребца солнца. Каурбекъ вывелъ свою вѣтрогонную лошадь и пустилъ ее на борьбу въ табуну кобылицъ и жеребцу солнца. Было не малымъ чудомъ, какъ вѣтрогонка Каурбека пустилась бороться съ несметнымъ числомъ кобылицъ свѣточа цѣлаго міра¹⁶⁾. Большую половину табуна растерзала она въ куски и разбросала по степямъ цѣлаго ханского владѣнія. Дочь солнца, увидѣвъ погибель отцовскаго табуна, вмѣстѣ съ страшнымъ жеребцомъ, выдумала гибель Каурбеку. Говоритъ она ему: «Я уверилась въ томъ, что ты побѣдилъ меня, побѣдилъ моего отца, освѣщающаго весь земной міръ, а вѣтрогонка твоя побѣдила жеребца и весь табунъ кобылицъ отца моего, пожиравшихъ и уничтожавшихъ своимъ пламенемъ всѣхъ враговъ отца; теперь я безъ всякихъ сомнѣній принадлежу тебѣ и навсегда останусь тво-

¹⁵⁾ Самолетки эти, какъ замѣчено выше, упоминаются въ Нартовскихъ рассказахъ, какъ, напр., самолетка *Барсадж-цалх*, т. е. Барсадово колесо, разбивавшее огромныя силы людей, безъ человѣческой помощи.

¹⁶⁾ Преданіе и народныя повѣрья равняютъ кобылицъ солнца съ численностью пернатаго царства.

ею; только ты не иначе можешь раздѣлить ложе со мною, какъ исполнивши обычай, который ведется у насть изстари и никогда не измѣняется въ нашемъ родѣ. Вотъ, въ чемъ онъ состоитъ. Ты долженъ выдоить всѣхъ кобылицъ моего отца и молокомъ ихъ наполнить пивной котелъ ¹⁷⁾. Когда наполнится котелъ, то прикажи вскипятить молоко на самомъ сильномъ огнѣ, посль чего бросишься въ котелъ и выкупашься тамъ. Конечно, это нисколько не можетъ повлиять на твое богатырское здоровье, а затѣмъ и я послѣду тому же примѣру твоему. Но если это не совершится, то ложе у васть не можетъ быть пріятнымъ». Каурбеку нельзя было не исполнить желаній дочери солица, будущей своей жены. Только - что онъ принялъ доить кобылицъ, какъ подошла къ нему Кул-бадәг-ус ¹⁸⁾ и спрашивается: «что за нужда заставляетъ тебя доить кобылицъ и въ чемъ дѣло?». Онъ не замедлилъ ей объяснить дѣло. Она воскликнула: «готовишь себѣ гибель!» и посовѣтовала, чтобы онъ, когда засипитъ молоко, не бросаясь въ него, ограничился тѣмъ, что пройдетъ по перекладинѣ, на которой виситъ котелъ, что истати онъ вспотѣтъ сильно, и тогда, показавшись людямъ, можетъ объявить, что выкупался въ котелѣ. А иначе онъ готовить себѣ вѣрную гибель, дѣляясь жертвой своей коварной невѣсты, дочери солица. Онъ поступилъ такъ, какъ Кул-бадәг-ус посовѣтовала. Пошелъ къ своей невѣстѣ и объяснилъ, что желаніе ея исполнено, такъ-какъ онъ при людяхъ выкупался въ котелѣ. Дочь солица тоже идетъ и бросается въ кипящій котелъ. Выкупавшись въ немъ вдоволь, она вышла совершенно непредикою. Тутъ настала минута пріятнаго наслажденія ложемъ для Каурбека. Съ-тѣхъ-поръ ханское владѣніе вышло изъ ночного мрака, въ которомъ оно находилось сотни лѣтъ, и солнце безпрестанно начало освѣщать его. Каурбекъ ханскимъ владѣніемъ управлялъ какъ желалъ и зналъ; весь ханскій народъ отдался въ руки Каурбека, какъ своего избавителя отъ мрака ночи. Время текло своимъ порядкомъ, а Каурбеку пришло на мысль бросить ханское владѣніе. Онъ взялъ ханскую дочь и свою молодую жену, дочь солица, и отправилъ въ путь. Задумалъ прѣѣхать къ шалашу дяди своего Ислама. Бѣхъ онъ

¹⁷⁾ Пивоваренный остродонный мѣдный котелъ, вѣщающій въ себѣ до 60 ведеръ жидкости.

¹⁸⁾ Баба-яга, способная давать всякие совѣты, живущая въ нищетѣ.

долго, долго. Однажды увидѣлъ онъ большую толпу народа, идущую съ плачомъ и рыданiemъ и несущую впереди на рукахъ необыкновенно красивыхъ мальчика и дѣвочку. Приблизившись къ толпѣ, Каурбекъ остановилъ ее и спросилъ: «что за плачъ, что за рыданіе такой большой толпы?». Толпа отвѣтчаетъ, что горе прошлое, которое испыталъ весь народъ, забыто, передъ настоящей новостью, что она такъ велика, что будетъ на вѣки незабвенною, что не знаютъ, за что Промыслъ караетъ ихъ и позволяетъ Залаг-кали¹⁹⁾ налагать свои оковы на воду и отнимать ее у цѣлаго города, пропадающаго теперь безъ воды. «Не можемъ достать воды для питья изъ моря, на берегу котораго живъ нашъ владѣтельный князь», жаловалась толпа: «этой Залаг-кали дается ежедневно изъ всего населенія владѣтельного князя по двѣ души: по мальчику и дѣвочкѣ. Этихъ несчастныхъ жертвъ змѣя пожираетъ; теперь жребій падъ на дѣтей владѣтельного князя, и вотъ эти несчастные ангелы отдаются въ жертву на същеніе этой змѣи». Въ это время вдали показалась змѣя и направилась прямо къ толпѣ, пыла изо рта пламенемъ. Народъ, увидѣвъ ее, сталъ въ ужасѣ трепетать и рыдать, указывая на нее Каурбеку: «вотъ идетъ эта змѣя, столько лѣть жрущая нашихъ птенцовъ». Все это было слышать Каурбеку. Народу трудно было остановить его, какъ богатыря. Каурбекъ сначала спрятался за скалой; потомъ, когда змѣя приблизилась къ толпѣ, выскочилъ изъ-за скалы съ обнаженнымъ въ рукахъ мечомъ, бросился на нее и однимъ ударомъ меча отсѣкъ у неї заднюю половину и бросилъ ее концомъ своего меча въ море. Сталь потомъ овъ бороться съ другой половиной змѣи, старавшейся своими семью головами и жаломъ уязвить Каурбека. Но Каурбекъ молодецкими взмахами меча отсѣкъ все семь головъ и искрошилъ въ куски. Отъ потока крови ся море привело красный цветъ и получило свое название,носимое и до сего: «Красное море». Толпа княжескихъ подданныхъ, увидѣвъ своего въ Каурбекѣ избавителя отъ безжалостной змѣи, столько лѣть пожиравшей народъ, бросилась къ нему, всѣ отъ большого и до малаго благодарили его, какъ своего спасителя. Сема княжна вышла къ нему и стала прямо лицомъ къ лицу²⁰⁾,

¹⁹⁾ Сказочная змѣя, называемая осетинами Залайской змѣей.

²⁰⁾ Обычай горцевъ, до настоящаго времени, безъ малѣйшаго послабленія обязываетъ дѣвицъ и молодыхъ женщинъ стѣсняться и не высказывать въ присутствіи старшихъ и постороннихъ лицъ своего желанія или нежеланія.

предложила ему свою руку, съ обещаніемъ быть навсегда его вѣрной женой. Около Каурбека ни откладывалася отъ руки книжны, говори, что у него уже есть двѣ жены: дочь хана, того самаго жена, у котораго солнце не ехало въ владѣніи и народъ жилъ въ мочномъ иракѣ, и дочь солнца²¹⁾. Стать же народъ отъ большого до малого умолять его жениться на изысканѣй, стала п сама книжна просить не отказываться отъ ея руки, быть ея мужемъ, въ знакъ избавленія книжескаго владѣнія отъ пожравшей его злѣй въ благодарность за дарование, однѣмъ жизни, а другимъ свободы отъ нестерпимыхъ бѣдствій. Видя проезбу и книжны и народа, Каурбекъ согласился принять ея руку. Онъ взялъ ее и отправился дальше, съ своими тремя жемами, по пути къ шалашу, гдѣ жилъ дядя его Исламъ. Они радовались, веселились, не знали, какъ радоваться и веселиться, радости ихъ не было конца; благодарили Провидѣніе, пославшее имъ опять минуту пріятной встречи. Наконецъ порѣшили они, что надо возвратиться въ домъ старого Аслана. Дочь Дон-бетттра — бега морей, оставленная на рукахъ Ислама, была столько же цѣломудрена, сколько и проката. Исламъ обратилъ ей хорѣю. Тѣутъ они въ путь вѣло семью. На половинѣ пути Каурбекъ ведумъ отлучиться на малое время отъ своихъ спутницъ и дяди Ислама. Онъ, неохотившись, возвратился въ свои, но уже не могъ встѣтиться съ вами на томъ мѣстѣ, гдѣ они условились въ назначенный часъ срѣтись. Исламъ, оставивъ тѣль дочь солнца, — неисту Каурбека, отправился дальше съ своими спутницами, а Каурбекъ въ ожиданіи встрѣчи съ своей семьей заснулъ на той же мѣстѣ; на колѣнѣхъ невѣсты, своимъ богатырскимъ юношемъ, продолжившимся безъ просыпу цѣлыми недѣлями. Провидѣнію угодно было послать на храбраго и славнаго богатыря его же братьевъ, которымъ суждено было прервать его жизнь. Старшіе два брата

выходить замужъ; но вслѣдъ соглашѣ на узанчестя потому чѣмъ сватаемая покраснѣвъ или же улыбаетъ. А иногда согласіе или несогласіе дѣвицы передаютъ родителямъ или братьямъ чрезъ своихъ подругъ. Такія сватовства невѣсть весьма часто бываютъ несоответственны супружескимъ отношеніямъ и потому случаются или могутъ случаться разводы жениховъ съ невѣстами. Но поговорка вѣстинъ: «отнять жену значитъ отнять душу», заставляетъ многихъ женъ, изъ страха кровной меести, продолжать незавидную супружескую цѣну, не щадя ни малѣйшей любви и супружескихъ чувствъ чѣму.

²¹⁾ Красуется, или красива, очаровательна, какъ дочь солнца. Эта поговорка встрѣчается у женщинъ-осетинокъ при рассказахъ о красотѣ.

Каурбека, Асланбекъ и Сосланбекъ, бывши азокотѣ, наѣхали нечестно на спавшаго своего брата Каурбека, которого они конечно не могли узнать; они бросились на него и убили. Они несли небо, что наковеть оно посыпало имъ случай отлянуться и жертву, кровью которой они обагрились. Бѣднаго Каурбека они покрошили на маліе кусочки и разсыпали по пустынѣ, а славную его вѣтрогозжу убили тамъ же. Забравъ его жену и оружіе въ знакъ славной побѣды, они, нагнавъ за дорогѣ своего дядю Ислама съ семьею, прѣѣхали съ ними къ старому своему отцу, Аслану. Асланбекъ и Сосланбекъ похвалились передъ отцомъ, что отличились, показавъ ему оружіе и красивыхъ женщинъ, въ домаштество своей побѣды. Овъ радуется и восхищается, что въ конецъ его сыновьямъ, Асланбеку и Сосланбеку, удается вылезаться удальцами; радуется и радости его яѣтъ конца. Старый Асланъ не зналъ, что они убили младшаго своего брата и привлекли себѣ его недруги богатыре; и что изъ нихъ оправдилась поговорка, что «безногой перепечѣкъ вѣтеръ приноситъ». Время шло своимъ порядкомъ. Ждутъ Каурбека, а его все иѣть и иѣть. Между-тѣмъ въ домѣ Аслана поднялись неурядицы и скоры; старикъ Асланъ, его братъ Исламъ и сыновья Асланбекъ и Сосланбекъ, что ни день, то подымаютъ большую скору изъ-за привезенныхъ женщинъ; каждый изъ нихъ требуетъ руки своей избранной: старецъ Асланъ, смотрящий уже въ могилу, добивается руки дочери солица, братъ его Исламъ — дочери Дов-беттура, Асланбекъ — ханской дочери, а Сосланбекъ руки княжны. Не стеснялся, каждый изъ нихъ говорить постоянно слова: «не достать я этихъ красавицъ своимъ мечомъ и силой, не было бы у насъ неѣсть». Но были-ли у нихъ братъ Каурбекъ, они это вовсе забыли. Дочь солица упорно отказывалась отъ старца Аслана, какъ бывшан жена его сына, Каурбека, и этотъ отказъ ея служилъ въ домѣ причиной общей неурядицы цѣлаго семейства. Она извѣщаєтъ своего отца — солице, что отецъ ея мужа желаетъ сдѣлать ее своею женой. За это солице насыпаетъ на домъ Аслана свой табунъ кобылицъ со стальными зубами и челюстями, изо рта которыхъ пышетъ пламенемъ. Увидѣвъ кобылицъ солица, готовыхъ поглотить не только его, но и цѣлое населеніе, Асланъ замолкъ, хотя не отказался мѣшать брату своему Исламу и сыновьямъ Асланбеку и Сосланбеку быть супругами избранныхъ ими женщинъ, не переставая говорить: «если я уже старецъ, дожившій до такой глубокой дряхлости, и мнѣ не суждено

наслаждаться любоюю молодой невесткою; — дочери съяточа цѣлаго земного міра, бчаровательной красавицы, то «молодымъ подавно не слѣдуетъ наслаждаться прелестями красавицы!» Такимъ образомъ въутреннѣ раздоры и неурядицы между ними не умолкали. Наскучило дочери солнца ожидать своего мужа, она ждетъ, ждетъ, думая, что онъ «бесмертенъ», оживеть и прилетитъ къ ней, но нѣтъ его, а она все не перестаетъ его ждать. Послѣ нежалаго времени, она беретъ свое волшебное зеркало, въ которомъ ей обрисовался цѣлый міръ, и смотрѣть въ зеркало; видѣть она въ немъ, что трупъ мужа ея Каурбека великими кусочками разсыпанъ по всей пустынѣ. Она обращается къ дочери Дон-беттура, съ просьбою дать ей живой воды. Получивъ живую воду, дочь солнца прилетѣла къ пустынѣ, собрала все кусочки трупа своего мужа, Каурбека, и разложила по мѣстамъ, потомъ обмыла живою водою трупъ и вѣтрогонную лошадь, и вотъ Каурбекъ потянулся какъ-бы послѣ сна, говоря: «Ахъ, ахъ, какъ я много спалъ такимъ сладкимъ сномъ богатырскимъ!» — «Да», говорить ему жена — дочь солнца, «ты спалъ немало!» и начинаетъ разсказывать ей, что онъ на пути вѣдумалъ свернуть съ дороги поохотиться, что, по-охотившись, онъ не сошелся въ условленное время съ ними, т. е. съ его оставльными женами и дядей Ислашомъ на узанномъ мѣстѣ. Поэтому они отправились дальше, бросивъ и ее тамъ-же; когда-же онъ возвращался съ охоты, то заснулъ богатырскимъ своимъ сномъ на колѣняхъ ёя. Сонъ продолжался цѣлыхъ недѣли; въ это время Провидѣнію угодно было послать на нихъ старшихъ братьевъ Каурбека — Асланбека и Сосланбека, бывшихъ также на травахъ дичи. Они, не думая, что спящій на колѣняхъ ея — младшій братъ ихъ Каурбекъ, со спирѣтельствомъ и жадностю бросились на него и убили его, забравъ оружіе въ знакъ своего отличія, убили также и вѣтрогонную его лошадь, а ее взяли съ собою, какъ добычу своей победы. Встрѣтившись на дорогѣ также съ оставльными спутницами, они пріѣхали домой. Являются они въ старцу Аслану съ взятыми оружіемъ, съ красавицами-женами и съ икою; начали возбуждаться въ семье у нихъ неурядицы и часовые скоры. Самъ Асланъ-старецъ требовалъ ея руки, но были застрашены отчимъ ея, солнцемъ, приславшимъ своихъ стально-челюстныхъ кобылицъ на защиту ея, и затѣмъ каждыи изъ нихъ, т. е. Ислаш и его два племянника, Асланбекъ и Сосланбекъ, начали присыпывать себѣ добычу всѣхъ этихъ невѣстъ своихъ-жечомъ. Она, дочь солнца, посредствомъ своего

волшебного зеркала, увидела разбросанными куски труда его — своего мужа. Подпросивши у дочери Дон-беттура — бога морей — живой воды, она прилетела туда, собрала все разбросанные куски его трупа, разложила ихъ по своимъ мѣстамъ, обвѣла тѣло его, а также тѣло вѣтрогонки этою живою водою, и вотъ послѣ этого онъ и лошадь его въ концѣ цѣлаго года оживились. Словамъ своей жены, пришедши въ себя, Каурбекъ вподиѣ повѣрилъ; онъ много-много разъ благодарила ее, что она вывела его изъ царства мертвыхъ. Береть онъ свою возлюбленную жену — дочь солнца, и на своей вѣтрогонной лошади пріѣзжаетъ въ домъ отца, старца Аслана, послѣ десятиковъ лѣтъ своего странствованія. Заставѣтъ тамъ большую неурядицу и беспокойную жену, отца съ братомъ и сыновьями своими, искающими каждый себѣ преимущества и подхвачи передъ другими въ выборѣ невѣсты. Онъ пошель разговарывать имъ свои приключения, добычу невѣсть, свою смерть отъ рукъ братьевъ и, наконецъ, какъ онъ оживленъ и возвращенъ изъ мертвыхъ, дочерь солнца посредствомъ живой воды. Но все это не могло остановить упимства стараго Аслана, требовавшаго руки младой красавицы, дочери солнца — жены Каурбека. Низакъ не хотѣлъ Асланъ сознать своей старости; послѣ двухсотъ-лѣтней жизни, онъ все-таки не переставалъ желать быть мужемъ мелодой красавицы, которая и слышать не хотѣла обѣ его желаній. Тамъ неурядица и ссоры не умолкали, а разгорались сильнѣе. Опять солнце наслало своихъ стально-челюстныхъ избѣгницъ, готовыхъ сдѣлать планенемъ уничтожить все семейство Аслана. Опять пристирѣлъ Асланъ: теперь уже пришелъ въ сознанію своей старости и отстѣлъ отъ своего сильнаго упорства. Пешіи выборы невѣсты: дочь Дон-беттура дсталась Исраму, ханская дочь — Асланбеку, княжна — Сосланбеку, Каурбеку же — его возлюбленной, дочь солнца. Остался сѣдоголовый старецъ Асланъ безъ невѣсты. Каурбеку, какъ пеноюному сыну, нельзя было не щажать своего отца; онъ обмылъ его живой, чистейшей водой, отъ которой Асланъ переродился; єёдые волосы обратились въ черные, зорицами пропали, еть сдѣлался юношой, только что начинавшей жизнь. Чѣмъ отблагодарить отца за его родительскія попеченія и труды? подумалъ Каурбекъ. «А-а, вотъ чѣмъ», нашелъ Каурбекъ. Теперь живу ето на молодой! Онъ зналъ, что на краю земного міра живѣтъ владѣтельный князь мѣткаго замка, по имени Темиръ-Ханъ; т.е. владѣтель кѣльза; у него были бойзак, сильная и гордая дочь, Хадижка. Вотъ

женыхъ, который просилъ ся руки, долженъ быть прежде бороться съ ней или же съ ея тремя братьями, Тау-ханомъ²²⁾, Сау-ханомъ²³⁾ и Донъ-ханомъ²⁴⁾). Онъ прѣѣзжаетъ во владѣніе князя, владѣтеля желѣзного замка; подъѣзжаетъ къ замку, но къ нему никто не выходитъ. Видѣтъ онъ, что посрединѣ замка стоять семи-этажная башня, и изъ посадничьего отапа выглядываетъ прекрасная и гордая Хадижѣ. Но далеко, да ино отъ нея! башня окружаетъ семь стѣнь и семь воротъ. Привязавъ вѣтрогонъ къ коновязи, онъ прилегъ спать подъ стѣной желѣзного замка, постаскавъ къ стѣнѣ свой гигантскій мечъ; сонъ его продолжался целый недѣлѣ, безъ просыпу. Дѣвица Хадижѣ, увидѣвъ мечъ, узнала по немъ богатыря. Она стала въ спящаго Каурбека бросать мелкими камешками, но сонъ его все-таки не прерывался. Когда-же онъ проснулся, то Хадижѣ опять начала бросать по немъ камешками, чтобы этимъ вызвать его на объясненіе. Она вышла и принадѣль отирывать вѣвъ заложенные входы въ воротахъ своего отцовскаго замка, обведенаго семью желѣзными стѣнами, и звела Каурбека къ себѣ въ башню. Она спросила его прежде всего, не женихъ-ли онъ? Онъ отвѣтилъ: «Да, женихъ!» Тогда Хадижѣ указала ему высокій во владѣніи ея отца курганъ, где происходила постоянная борьба бердевъ-жениковъ съ Хади, женой и ея тремя братьями, и пригласила на борьбу, объяснивъ ему, что если побѣда останется за нею или за ея братьями, то она вступить съ нимъ-же, какъ поступила со всѣми бывшими ея женниками, т. е. отрубить голову и черепъ его послужить въ числѣ другихъ для образования кургана; а если побѣда будетъ на сторонѣ его, то она готова быть его женой. Каурбекъ надѣялся на свою силу и согласился на предложенные условия Хадижѣ. Утромъ онъ явился на курганъ, на борьбу. Долго не было борца. Ова, вынувъ мечъ, вѣдѣла его вѣстро столба — коновязи въ землю и прививала къ нему свою лошадь. Въ это время явился богатырь, одѣтый въ богатый панцирь, при лукѣ и стрѣлахъ, въ кольчугѣ и сиросилъ Каурбека: «Не ты-ли сватаешь мою сестру?» Онъ отвѣчалъ: «Да, я». Тогда богатырь, на извѣстный Каурбеку условиахъ, предлагаетъ борьбу, которой онъ ожидалъ днѣ.

²²⁾ Въ дословномъ переводе, на татарскомъ языѣ, Тау-ханъ означаетъ владѣтель горъ.

²³⁾ Сау-ханъ, на томъ-же языѣ,—владѣтель силы и здоровья.

²⁴⁾ Донъ-ханъ, въ дословномъ переводе съ осетинскаго языка, означаетъ владѣтель водъ.

но. Началась борьба, продолжалась беъ остановки и отдыха отъ утра до полудня, и въ это время Каурбекъ побѣдилъ своего противника, связавъ его по рукамъ и по ногамъ, и привязавъ его къ всаженному въ землю своеи мечу, а самъ побѣжалъ въ жезванный замокъ, но тамъ никого не было, не слышно было ни малйшаго шелеста или шума, ни человѣческаго голоса, ни визга охранявшихъ Хадижу борзыхъ съ стальными зубами собакъ и съ стальными челюстями. Онъ свободно вошелъ въ послѣдній этажъ жезваной башни, гдѣ жила Хадижя, но и тамъ нѣтъ никого, только встрѣтилъ Каурбека большой бывшій ястребъ съ стальнымъ клювомъ и спрашивается его: «что тебѣ нужно; добрый и сильный богатырь?» Каурбекъ отвѣчаетъ: «я желаю видѣть Хадижу, красавицу и самую прекрасную красавицу, Хадижу, дочь владѣтельнаго князя жезваного замка». Большой ястребъ говоритъ, что Хадижя уже отправилась въ извѣстный высокій курганъ, гдѣ происходитъ постоянная борьба богатырей, ся жениховъ, и что сама Хадижя теперь на борьбѣ, подъ маской своего брата и въ богатырскомъ одѣніи и что она не можетъ тому быть невѣстой, кто не поцѣловуетъ ея. «Но все это недоступно и таѣтъ трудно, что нельзя ручаться за успѣхъ: чтобы ее можно было побѣдить—сила ята не въ твоей власти. Послѣ поцѣлуя, Хадижя, по жѣнскай природѣ своей, должна отдаваться въ руки тому изъ жениховъ-борцовъ, кто успѣхетъ поцѣловать ее. Послѣ поцѣлуя она потеряетъ свой богатырскій духъ и сдѣлается самою кроткою и скромною дѣвицею. Но и никогда не думаю», говоритъ бывшій ястребъ, «чтобы тебѣ, милый мой богатырь! можно было успѣхъ этого достичь, т. е. подарить Хадижѣ горячій поцѣлуй и тѣмъ уничтожить совсѣмъ силу ея бѣгатырства; сотни лѣтъ не мало было жениховъ-борцовъ, а никто не успѣхъ достигнуть этой цѣли, т. е. побѣдить эту гордую богиню силы, и нотъ, какъ ты видишь, вѣдь они положили свои головы!». При этомъ ястребъ указалъ на груды череповъ, окружавшія курганъ. «Я долженъ еще тебя предупредить», говоритъ большой бывшій ястребъ, «о томъ, что, чѣмъ больше она одолѣваетъ своихъ противниковъ, тѣмъ у неї является болѣе твердости и мужества. А когда она приметъ отъ кого либо изъ своихъ противниковъ—жениховъ поцѣлуй, то она навсегда должна проститься съ богатырскимъ духомъ и сдѣлаться слабою женщиной! Каурбекъ, очень довольный собою, возвратился къ своему противнику, прикрепленному къ его мечу, и говорить: «Ну, значитъ, я тебя побѣдилъ, побѣда остается за мной! Теперь

сестра твоя, Хаджи, должна принадлежать мвъ безъ отказа». Онь подошелъ къ связаному противнику своему, который умолялъ вси богами оевободить и не убивать его, увѣрай, притомъ, что готовъ выдать за него свою сестру. Но Каурбекъ, выѣтъ отвѣта, подошелъ къ нему и награждаетъ его поцѣлуемъ, говоря: «Этимъ поцѣлуемъ я тебя награждаю за твою безподобную сестру Хаджы, и въ знакъ того, что она послѣ этого поцѣлуя дѣластъся моей невѣстой». Хаджи, снимая съ себя маску мужчины, говоритъ Каурбеку: «Да не простить тому Богъ, кто наставилъ тебя на этотъ поцѣлуй²⁵⁾», — я сама Хаджи», говоритъ она, «брать, еже моихъ еще иѣть дома, они стравствуютъ цѣлыѣ рођь, я теперь вся твоя, ты на мое вѣрное слово можешь положиться, дольше я не буду тебѣ не принадлежать, потому-что моя братья, воавратившись домой, при первомъ взглядѣ замѣтятъ на лицѣ моемъ поцѣлуй твой и послѣ этого они не могутъ не согласиться, что я должна принадлежать тебѣ, какъ вѣрная невѣста. Ты, до прїезда моихъ братьевъ, можешь быть тамъ, гдѣ желаешь, а когда они возвратятся, то потребуешь у нихъ моей руки, такъ-какъ ты ее уже заслужилъ и побѣдилъ меня навсегда своей сплоj. Значить, такого предопредѣленіе Провидѣніи и мы не властны не испытывать то, что оно памъ назначило! Я была богатырь-женщина, билась съ славными богатырями, которые надѣвались на свою силу; видиши-ли теперь, я въ твоихъ рукахъ и ты располагаешь мною, какъ ты знаешь. Думала-ли я когда-либо, что мое богатырство, принесшее столько жертвъ, исчезнетъ такъ безслѣдно навсегда? Я никогда не воображала, чтобы кто-либо могъ отнять у меня мою богатырскую силу, которую я одарена отъ природы? Но что дѣлать, всему есть конецъ, значитъ и моему богатырству нужно положить конецъ! Я невольно должна замѣнить свое мужество кротостью, нѣжностью дѣвицы! Дѣвица должна вправиться каждому, быть скромною, вѣжливою, съ доброю душою и сердцемъ: такимъ существомъ отвыкъ и навсегда должна быть и я, теперь готовая надѣлять тебя своею любавью, какъ твоя вѣрная подруга». Братья Хаджи, прїехавъ домой, первымъ взглянули на лицѣ своей сестры поцѣлуй и сказали ей единогласно: «Ты, наша любимая и безподобная сестрица, успѣла уже получить поцѣлуй и избрать жениха» и поздравляютъ ее. Она отвѣчаетъ имъ: «есть-ли на свѣтѣ то, чemu иѣть конца? Я была богатырь своего времени, цар-

²⁵⁾ Часто употребляемое проклятие осетинъ.

ство мое не могло быть безконечнымъ; я для своей прихоти привнесла не мало жертвъ, а теперь всему этому конецъ. Въ это самое время является Каурбекъ и говорить братьямъ Хаджи: «сестра ваша должна принадлежать мнѣ. Я своей силой заслужилъ ея руку, я побѣдилъ ее и наградилъ горячимъ поцѣлуемъ. Она должна быть навсегда мою». Что оставалось братьямъ, начъ не отдать свою великолѣпную красавицу, сестру Хадижу, Каурбеку. Онъ привезъ ее въ даръ своему отцу Аслану, превратившемуся изъ старика крахлаго въ юношу цвѣтущихъ лѣтъ. Асланъ еще болѣе помолодѣлъ и сдѣлался вполнѣ юнымъ женихомъ красавицы Хаджи, прекрасной и очаровательной дочери владѣльчаго князя желѣзного замка. Онь благодарили небо, наградившее его сыномъ Каурбекомъ, вполнѣ оправившимъ его родительское о немъ попеченіе. Асланъ наслаждался пріятною для него новою жизнью, проживъ еще столько-же времени, сколько онъ жилъ до своеї женитбы на Хадижѣ.

Гацыръ Шанаевъ.

Селеніе Шанаево (Бруто).

29-

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ.

300

СУЕВЪРІЯ И ПРЕДРАЗСУДКИ У ОСЕТИНЪ.

..... Случается, что заболеваетъ кто-нибудь изъ членовъ семейства, не знаетъ бѣдное семейство къ кому прибѣгнуть за помощью.... Но вотъ за краемъ деревни живеть пожилой старикъ, славящійся своимъ искусствомъ въ гаданіи и предсказываніи будущаго.

Мальчикъ бѣжитъ къ нему и ведеть его съ собою къ больному.

Знахарь, входя въ домъ, произносить: «Прѣ вашему крову и да поможетъ Господь вашему больному!—«Да поможетъ Богъ и тебѣ и да хранитъ Онъ тебя отъ тяжкихъ трудовъ!» отвѣчаютъ ему. Хозяева встрѣчаютъ его какъ своего спасителя: «погадай намъ, просиатъ они, за какой грѣхъ и кто изъ святыхъ прогибался и чего требуетъ отъ наасъ».

Сказавъ: «хорошо», старикъ велитъ разостлать на полу бурку, ставить маленькую скамью и садится; затѣмъ беретъ четыре палочки и располагаетъ ихъ такимъ образомъ: передніе ихъ концы, которые вилообразно разщеплены, вкладываются одинъ въ другой; противоположные концы втыкаются въ шапку; передніе концы гадальщикъ держитъ обѣими руками; помолчавъ немного въ такомъ положеніи и потомъ вздохнувъ энергично, онъ восклицаетъ: «слава Тебѣ, Боже, слава Тебѣ, Боже! Боже, услышь меня, праведнаго раба Твоего!»

«Вѣдомо Тебѣ, Боже, что 20 лѣтъ я былъ пастухомъ, а 50 кесаремъ, и впродолженія обоихъ періодовъ жизни своей я не имѣлъ грѣха».

«Нынѣ всѣ мы, находящіеся въ этомъ домѣ, вызываемъ къ Тебѣ изъ глубины сердцъ нашихъ и молимъ Тебя: не оставь насъ въ невѣдѣніи, но, явивъ свое дивное милосердіе, покажи намъ Твою волю. Если больной страдаетъ по Твоей винѣ, Боже, то да поднимутся палочки, находящіеся въ правой руکѣ; если-же

по волѣ демона, то пусть — въ лѣвой руцѣ! Едва проговорить послѣднія слова, какъ уже палочки лежать на полу.

Междудѣмъ, больной, охая, отъ боли, спрашиваетъ черезъ силу: «чья вина моей болѣзни?»

Ему отвѣчаютъ: «демона». — «Чего требуетъ онъ?» — «Успокойся, раздается голосъ гадальщика, сейчасъ отгадаемъ, если будешь угодно то Богу! Явись, демонъ, и дай намъ понять, что тебѣ угодно: хочешь-ли чернаго козленка или бѣлаго?»

Не успѣеть договорить послѣдняго слова, какъ уже снова палочки очутились на полу.

«Пригответыте», скажетъ самодовольный плутъ, «къ средѣ бѣлага козленка и немногого пива или араки, зарѣмьте его на черномъ столѣ безмолвно, и больной выздоровѣтъ. Мясо и напитки должны быть употреблены одними домашними; ибо давать изъ нихъ постороннимъ не позволительно».

Получивъ 10 коп. денегъ и немного ваты, довольный гадальщикъ отправляется домой. Семейство сѣло козленка, но отъ этого больному не стало легче: боль, чѣмъ отъ часу, развивается сильнѣе и сильнѣе и скоро приходитъ конецъ бѣднаго.

Крикъ, шумъ, рыданія и вопли раздаются по всему аулу.

Родные покойника и жители деревни сбѣгаются для отдачи ему послѣдняго долга, неся съ собою чевяки, ноговицы и т. п.

Подходя къ покойнику, они останавливаются передъ нимъ, приговаривая каждый сквозь слезы: «въ раю да будетъ мѣсто твоей душѣ и да будешь свѣтель!» Затѣмъ, обращаясь къ семейству его, они говорятъ, поочередно, слѣдующую рѣчь: «всѣ мы будемъ (указываютъ на небо) тамъ, но онъ къ намъ ужъ не вернется: ибо это дѣло Божіе, а на дѣла Божія нѣтъ мастера и никто изъ смертныхъ не можетъ постичь ихъ, и что Богъ творить, противъ того нѣть лѣкарства. Съ этого дня да хранить Богъ васъ отъ другого «занѣ» *).

Междудѣмъ, семейство покойника, желая одѣть его какъ можно пышнѣе, продаѣтъ все, что попадается имъ подъ руку. «Зачѣмъ? — спрашиваютъ — «хотите вы одѣть мертваго пышно?» — «Затѣмъ», отвѣчаютъ хозяева, «что покойникъ въ этомъ мірѣ, по бѣдности, не могъ одѣваться прилично, такъ пусть хоть теперь одѣнется, чтобы не было стыдно на томъ свѣтѣ показаться умер-

* Дословно значить: убыль, убытокъ, несчастіе, горе.

шими людими и было бы ему на что посмотреть и сердцу его было весело и светло».

Омывь и одѣвь покойника, несутъ его на кладбище. Когда эта процессія приближается къ могилѣ, вдова, войдя подъ гробъ, трижды ударяетъ объ него снизу головою своею, свидѣтельствуя тѣмъ свое искреннее желаніе принадлежать мужу и на томъ светѣ.

Мужчины, слѣдя за гробомъ, бьютъ себѣ лбы кулаками, поднимая поперемѣнно, то лѣвые, то правые руки, со стонами: э, а, а, а, а, а, а, а! *). А женщины, ползя на колѣняхъ, удаляются въ тактъ по лицамъ своимъ и по колѣнямъ, издавая послѣ каждого удара, въ одинъ голосъ, глухіе звуки: «да-дай! о, у, а, у! да-дай, ма-бонъ **)!»

Опустивъ гробъ на землю, близъ могилы, мужчины становятся особо отъ женщинъ и изъ толпы послѣднихъ выступаютъ впередъ сестры, племянницы и другія, близкія покойнику женщины; остановясь довольно далеко отъ гроба и потомъ медленно подходя къ нему, они рвутъ на головахъ своихъ волосы и царапаютъ ногтями свои лица, такъ-что на щекахъ ихъ дѣлаются отъ этого струпья въ размѣрѣ старинной русской конѣйки. Послѣ того начинаютъ шагъ за шагомъ подходить къ покойнику братья, сыновья и племянники его (если они есть у него), ударяя себя плетьюми въ затылки и издавая упомянутыи глухія восклицанія. Когда они приблизятся къ ногамъ покойника, сверстники ихъ, подбѣжавъ, отираютъ у нихъ плети.

Такой обычай истязанія у горцевъ имѣеть въ основѣ своей убѣжденіе, что покойникъ, чувствуя и сознавая все то, что совершается вокругъ него, видѣтъ и цѣнитъ дѣйствія, свидѣтельствующія о расположенніи или нерасположенніи къ нему, какъ кровныхъ, такъ и дальнихъ родственниковъ.

Затѣмъ вдова снова подходитъ къ гробу и, остановившись, отрѣзываетъ, съ помощью своихъ родственницъ, косу свою и кладетъ ее на грудь мужа, въ томъ убѣжденіи, что такимъ поступкомъ она ограничиваетъ его волю вступить на томъ светѣ въ новый бракъ и заставляетъ его ожидать ея смерти и соединенія съ нею снова, для вѣчнаго существованія. По окончаніи этой операции, одна изъ женщинъ начинаетъ громко рыдать: «э, о, у, а, у! Другія на это отвѣчаютъ протяжнымъ и печальнымъ го-

*) Звуки, выражавшіе печаль и горе.

**) Можно перевести ихъ такъ: уѣхъ, ахъ, увы, мой день.

лосомъ: ау, да-дай! са ха, са! Плачъ этот покрываются громкимъ голосомъ вдовы: горе и забота о томъ, какъ будетъ жить ея мужъ въ другомъ мірѣ, разрѣшаютъ ей идти противъ обычая предковъ, запрещающаго молодымъ женщинамъ говорить вслухъ и особенно о мужѣ.

Развязавъ уста свои, она начинаетъ рыдать такъ: «Прости-те и не осуждайте меня, добрые люди, что я, бѣдная женщина, отваживаюсь въ священномъ собраніи вашемъ говорить вслухъ и вдобавокъ о мужѣ: а, а, а, а *). Уа! — что я буду дѣлать среди разразившихся бѣдствій и ужасовъ! Уа, наступилъ черный и холодный день, день погибели моей! Уа! — кто теперь будетъ моимъ защитникомъ и покровителемъ: мужа ве стало! Его черный конь безъ господина рыщетъ по степи и хищные звѣри ищутъ въ немъ для себя пищи. Его винтовка, шашка, пистолетъ, кинжалъ и бритва будуть стѣдены ржавчиною. Уа, да истрескаюсь и сгорю, смотря на нихъ и воспоминая доблестные его подвиги! Уа, нося, буду носить вѣчно черную цѣпь моего темнаго крова! Уа, уа, опираясь, буду опираться на жезль печали и горя!»

«Въ кругу сверстниковъ своихъ онъ всегда блесталъ, какъ солнце между небесными планетами!»

«Къ кому онъ явится на томъ свѣтѣ и кто приметъ его? Найдеть-ли онъ своего прадѣда, Бимболата, или дядю, Хадзби? Кто укажетъ ему мать его, Дисе? О, ужасъ! что будетъ съ нимъ! Тамъ, въ другомъ мірѣ, говорятъ, трудно найти кровныхъ: мертвые мало говорятъ и новыхъ умершихъ встрѣчаются холодно! А дорого таекъ многое, какъ истинныхъ, такъ и ложныхъ, что трудно найти истинную: оттого многіе отважные мертвые вѣчно спятъ по берегамъ страшныхъ пропастей, ежечасно ожидая ужаснаго паденія своего въ тартаръ!» и т. д.

По окончаніи сѣтованій вдовы, изъ толпы мужчинъ выходить старикъ, бах-фальдисагъ **), ведя за собою лошадь.

Ставъ у ногъ покойника, онъ, привягъ серьезный и печальный видъ, начинаетъ, при общей тишинѣ, говорить громко: «Слава тебѣ, Боже! Благословенъ путь твой, любезныи нашъ братъ, въ царствіе Божіе, гдѣ да успокоится праведная твоя душа! Вотъ, добрые люди, умеръ, рѣдкій по уму и добротѣ, человѣкъ и пред-

*) Пріпѣвъ этотъ повторяется послѣ каждого предложения.

**) Умѣючій говорить надгробную рѣчь. Бахъ — значить — лошадь; фальдисагъ — давателъ.

принимаетъ дальнее путешествіе и нуженъ для него добрый конь, котораго въ наше мѣра не оказывается.

Поэтому, по указанію тайнознавца, домашніе покойника ищутъ коня на вершинѣ четырехъ-стѣнной, бурой, гладкой, недоступной не только людямъ, но и птицамъ, горы, гдѣ пасутся три черные коня, изъ коихъ старшій кусаетъ зубами, меньшой бѣть коньтами, а средній весьма тихъ. Найдя ихъ съ помощью свѣтыхъ, мудрыхъ, тайныхъ обитателей этой горы, они выведутъ послѣдняго и приведутъ къ тебѣ, а ты, прежде чѣмъ успѣшь моргнуть своимъ глазомъ, отправишь его на небо, гдѣ великий коновалъ, Абубекръ, подкуетъ серебряныя ноги его стальными подковами, а шерстяной хвостъ замѣниятъ шелковымъ и гриву обдастъ золотою водою такъ, чтобы онъ блесталъ, какъ грань алмаза. Осѣдавъ чуднаго коня золотымъ сѣдломъ, ты быстро сядь на него и пускайся въ путь. Лишь только вѣнчешь ногу въ стремя, мгновенно трижды будешь поднять на небо и опущешь на землю.

Такое чудное движение нужно для перерожденія тебя изъ земного существа въ небесное, свѣтлое. Видя твой свѣтлый образъ, мертвые, коихъ ты будешь встрѣтить на своемъ пути въ царствіе небесное, будутъ принимать тебя: одни за ангела, другіе за одного изъ святыхъ. Но ты отъ этого не поднимай головы своей высоко, а съ сердечнымъ смиреніемъ говори: я ни тотъ и ни другой, а простой смертный, равный вамъ человѣкъ, и отправляюсь на тотъ свѣтъ, къ Барастыру *). Прежде всего, на пути небесномъ, ты долженъ побывать у двухъ великихъ святыхъ мужей, изъ коихъ одинъ первородный сынъ солнца, Мухаммедъ, другой, — единственный наслѣдникъ луны, Хамедъ-ханъ. Когда приблизишься къ ихъ величественному, свѣтлому и чудному крову, стегни плетью коня такъ ловко, чтобы шумъ твой разбудилъ отъ ночного сна святыхъ, которые по пробужденіи немедленно выйдутъ къ тебѣ навстрѣчу и ласково поведутъ къ своему священному очагу, гдѣ, возлегши съ ними, въ смиренной бесѣдѣ попросишь ихъ указать тебѣ дорогу къ Барастыру. Чудные мужи скажутъ: твой конь озаренъ свѣтомъ познанія всячаго пути и, безъ всяаго сомнѣнія, повезетъ тебя прямо въ рай. Но предстоитъ тебѣѣхать по скользкому пути и льдистому мосту, и ты будь крѣпокъ и не бойся за душу свою, ибо конь твой,

*) Начальникъ мертвыхъ.

хотя еще жеребенокъ, съ благоразумною осторожностью понесетъ тебя къ берегу. За мостомъ находится великое, свѣтлое, молочное озеро, гдѣ день и ночь неусыпно рѣзвятся маленькия, свѣтлыя, какъ ангелы, дѣти. Увидя тебя, они выбѣгутъ къ тебѣ навстрѣчу и начнутъ передъ тобою лепетать, одни: папа, другія: мама! И ты обойдись съ ними отечески ласково и окажи имъ помощь: кто нагъ, на того надѣнь рубаху, кто бось, надѣнь на ноги чевяки, кто голоденъ, накорми, и кто жаждеть, напой. При этомъ говори: я вашъ не отецъ и не мать, они скоро явятся къ вамъ и утѣшать васъ. На протяженіи остального пути, будешь видѣть людей, изъ коихъ одни будутъ страдать различными мукаами, другіе блаженствоватъ. Но ты не смущайся первыми и не соблазняйся послѣдними, ибо тѣ и другіе получили возмездіе по дѣламъ своимъ. Такимъ образомъ, на пути будутъ лежать на крутыхъ и острыхъ каменяхъ мужъ и жена и на вихѣ и подъ ними вѣчно лежать двѣ большія воловыя шкуры, которыми они, несмотря на все ихъ стараніе, не могутъ укрыть себя, ни отъ вѣтровъ, ни отъ холодовъ, ни отъ дождей, ни отъ жаровъ. Ибо, если одинъ изъ супруговъ потянетъ къ себѣ одну изъ шкуръ, другой остается совершенно нагимъ. Имѣя свойство расширяться и съуживаться, шкуры могли-бы покрыть ихъ, но, за грѣхи этихъ супруговъ, всякий разъ, когда кто-нибудь изъ нихъ тянетъ къ себѣ одну изъ шкуръ, она обѣ съуживаются. Оттого между супругами возникли ссоры и раздоры, которымъ не будетъ конца. Отѣхавъ немного, увидишь неподалеку отъ источника пѣлбной воды, одна капля которой насыщаетъ и просвѣтляетъ душу, другую чету, лежащую на травѣ, усѣянной, какъ садъ, благовонными цвѣтами. Благословенные супруги, употребляя эту воду, никогда не нуждаются ни въ пищи, ни въ питьѣ. Укрыты-же они отъ холодовъ и жаровъ нетленною заячьею шкурою, посланною имъ отъ Бога. Чета эта жила въ мирѣ, благочестиво и за это теперь наслаждается вѣчными благами.

«Когда проѣдешь втотъ источникъ, издали услышишь вопль, рыданіе и стоны престарѣлой женщины: на ея груди вѣчно вертится тяжелый мельничный жерновъ и давлениемъ своимъ производить ужасную боль во всѣхъ ея членахъ и суставахъ. Наказаніе это послано ей Богомъ, потому-что она, имѣя въ этомъ обманчивомъ мірѣ много мельницъ, прогоняла, не стыдясь ни совѣсти, ни Бога, бѣдняка, — если этотъ прибѣгалъ къ

ней съ просьбою дозволить смолоть горсть пшеницы. Примѣръ ея наказанія да послужить поученіемъ для женъ здѣшнихъ! Достигнувъ половины пути, вдалекъ увидишъ мужчину и женщину, кои повѣшены другъ подлѣ друга, языками своими, на острыхъ, раскаленныхъ, желѣзныхъ гвоздяхъ надъ бездною ужасной пропасти. Качаясь на вихъ, они ежеминутно ждутъ страшнаго своего паденія въ адъ. Забывъ страхъ божій, люди эти съяли раздоръ между близкими и доводили ихъ до кровопролитія и убийства и получили они достойное возмездіе! Да же найдешь молодую и красивую женщину, которая безъ отдыху сшиваетъ двѣ раскаленныя черныя горы толстою, длинною, раскаленною, желѣзною проволокою и отъ сильнаго невыносимаго жара нѣжная и бѣлая кожа ея тѣла дѣлается постепенно все чернѣе и чернѣе. Такая работа дана ей Богомъ за то, что она промѣняла законнаго мужа на любовника. Недалеко отъ нея стоитъ одна ветхая скала; проходя мимо, путешественники не входятъ въ нее, боась того, чтобы она не задавила ихъ, и еще болѣе боясь страннаго женскаго крика, который раздается изъ нея. Кричитъ-же въ ней одна, сгорбившаяся отъ старости, женщина, которая всякий день съ утра до вечера доитъ въ мѣдное ведро тучную, молодую корову, но всѣ старанія ея, получить хоть одну каплю молока, остаются тщетными. Этого мало: всякий разъ, когда старуха коснется пальцами до сосковъ коровы, та отбрасываетъ ее задними своими ногами далеко, въ глубокую грязь, смѣшанную съ каломъ скотины. Выползая изъ грязи, она, въ слезахъ, съ криками и ругательствами, снова лѣзетъ къ коровѣ и снова бываетъ отбрасываема! Не удивляйся, другъ, такой праведной карѣ Божіей! Въ здѣшнемъ мірѣ женщина эта, не смотря на множество коровъ своихъ, кои давали ей молока въ изобиліи, была скуча и лукава: бѣдные вдовы и сироты всегда уходили отъ нея въ слезахъ.

•Вотъ, у подошвы одной скалы, старикъ, черный, какъ уголь, и слабый, какъ трость, носить на спинѣ своей бездонное, наполненное раскаленными каменями, лукошко. Постоянно падая и никогда не умевшаяясь въ числѣ своемъ, камни, съ одной стороны, давятъ и жгутъ спину бѣдника, съ другой ударяютъ его, во время паденія своего на землю, въ пяты, изъ которыхъ отъ того вѣчно течетъ кровь, оставляя на дорогѣ черный кровавый следъ. Бывши одаренъ отъ Бога всѣми благами земными, этотъ человѣкъ, не смотря ни на какія мольбы, отнималъ послѣднаго вола у бѣдника, переступалъ границы чужой собственности, на-

сильно вспахивалъ для себя пашню, принадлежащую круглымъ беззащитнымъ и бесприютнымъ сиротамъ и вдовамъ, открыто смылся на публичныхъ собранияхъ надъ священными обычаями и законами людей, попирая ногами народныхъ святыни, оскорблялъ супружество и проч., и потому Всеправедный Богъ далъ ему, на поучение всемъ людямъ, ужасную мѣру наказанія.

•Другой старикъ ползетъ на брюхѣ въ пламени горящей скалы и далеко видны раздутые его глаза, расплывшееся черное брюхо, высунутый толстый изыскъ и разинутый ротъ, изъ котораго пламя пышеть и сыпятся съ трескомъ и шумомъ страшные искры. Спереди, сзади и боковъ окружены онъ женщинами, терпящими одинаковую съ нимъ муку. Этотъ человекъ, видѣнъ ино-
жество своихъ вѣрныхъ женъ, искусно соблазнялъ чужихъ. Когда-же онъ умеръ и отправился къ Барастыру по этому пути, пламенная скала приняла его въ свои объятія и окружила женщинами, которыхъ онъ соблазнилъ и которыхъ разыше его отошли въ необманчивый міръ. При видѣ такихъ страдальцевъ и многихъ другихъ, болѣзнею сожмется твое сердце, но ты стой крѣпко, какъ мужчина, утверждайся въ вѣрѣ въ Барастыра, опору души, будь чуждъ всякихъ искушеній и бодръ тѣломъ и духомъ.

•Твердость-же духа и бодрость нужны тебѣ для перенесенія ужасныхъ искушеній, которыхъ ты будешь испытывать отъ злыхъ завистниковъ, исконныхъ враговъ людей, жителей Зындана *), во время перехода черезъ *новый мостъ*, состоящей изъ одного весьма тонкаго, стеклянного волоска, сдѣланнаго надъ страшною бездою, изъ которой видно пламенное море и вьющіяся огненные змѣи вокругъ человѣческихъ тѣлъ. Искусители слабыхъ и смертныхъ человѣковъ представляютъ надъ мостомъ этимъ въ воздухѣ для соблазна людей безчисленныя, одна другую быстро смыняющія, фигуры. Люди безъ вѣры и добрыхъ дѣлъ не въ состояніи бывають выдержать такія испытанія и, поэтому, легко сдаются чернымъ, адскимъ служителямъ, которые, схвативъ ихъ, мгновенно бросаютъ ихъ внизъ головами въ великое огненное море, откуда несчастные не избавятся до той поры, пока не наступитъ «ахары-бонъ или вайматы-бонъ**) и когда будетъ воздано

*) Дословно значить: зынъ—тажій, донъ—вода; смыслъ слова таковъ: тяжкая вода—адъ.

**) Дословно: поѣдающій день или тяжкій день суда.

каждому по дѣламъ его, или наказаніе, или награда. Ты-же, когда вѣрный конь твой станетъ у этого моста, стегни его плетью такъ сильно, чтобы содралась вся кожа съ твоей ладони и лапки твоей лошади, въ размѣрѣ подошвы твоего чевяка правой ноги. Какъ только почувствуешь удары плети, конь быстро, какъ блескъ неба, понесетъ тебя на тотъ берегъ, приставши къ второму, ты вознеси теплыя и усердныя свои молитвы къ Богу, избавившему тебя отъ ужасной погибели.

«Берегъ этотъ служить гранью между Зындономъ и Дзенетомъ *). Ставъ на него ногою, ты уже почувствуешь близость рая по разительному запаху чудесныхъ, дивныхъ и разнообразныхъ фруктовъ и цветовъ. Когда ты приблизишься къ раю, твои глаза остановятся на его оградѣ, сдѣланной изъ золотыхъ каменьевъ, и на воротахъ его узришь двухъ свѣтозарныхъ мужей, кои, завидѣвъ тебя, будутъ звать къ себѣ. Когда подъѣдешь къ воротамъ, соскочи съ своего коня, котораго тотчасъ примутъ дворники рая, сними шапку и поклонись святымъ мужамъ.

«Зная, что ты человѣкъ праведный, они немедленно спустятъся на землю, и, вынувъ каждый изъ своего кармана ключъ, отворять для тебя двери рая, сдѣланныя изъ смѣси золота и драгоценныхъ каменьевъ.

«Войдя въ него, ты увидишь дивное зрелище: чудесно одѣтые, молодые, красивые, статные юноши, ихъ прелестныя жены и маленькия, одѣтыя въ бѣлое платье, дѣти, вротко сидячи за золотыми столами, уврашенными разнообразными напитками и кушаньями, видъ которыхъ освѣщаетъ сердце и насыщаетъ душу.

«Святые мужи поведутъ тебя сначала къ ближайшему столу, подойдя къ которому, ты съ благоговѣнiemъ произнеси вслухъ всѣть: «миръ вашему и священному, и блаженному крову! Умножая, да умножитъ творецъ неба, земли и всякихъ благъ ваши яства и ваши питія, которымъ да не будетъ конца! Вставши съ своихъ мѣсть, каждый изъ гостей рая будетъ ласково просить тебѣ сѣсть съ нимъ рядомъ, но ты, съ приличiemъ отклонивъ отъ себя честное предложеніе ихъ, слѣдуй за святыми мужами.

«Миновавъ много столовъ, они поведутъ тебя къ дивному и чудесному мужу, свѣтъ котораго освѣщаетъ всѣхъ.

«Не подходи къ нему близко, ты преклони колѣни свои и

*) Рай.

чистосердечно исповѣдуй грѣхи свои, говоря: «не убий я человѣка, не соблазнилъ и не наспѣльствовалъ я чужихъ женъ, не обращался дурно съ вдовами и сиротами, не занимался научничествомъ и не ссорилъ между собою моихъ ближнихъ, не украдъ, не зарѣзалъ чужого вола, чтій отца и уважая мать свою, почтительнѣ обходился съ старшими себя и ласково съ мѣньшими, не смился открыто, какъ дѣлаютъ это многіе изъ смертныхъ, надъ тѣмъ, что люди чутъ и святъ».

«Выслушавъ твою искреннюю исповѣдь, всеправедный и именомилостивый Барастырь примѣтъ тебѣ въ свое лено и ты будешь вѣчно наслаждаться благами рая, гдѣ и ковь твой будетъ пастись около тебя, а яства твои и напитки, какихъ не имѣть ни одинъ земной царь, будутъ день отъ дня увеличиваться, возбуждая тѣмъ зависть въ другихъ умершихъ людяхъ, не имѣющихъ такихъ удовольствій или по грѣхамъ своимъ, или по бѣдности оставшихся въ живыхъ родственниковъ, которые, будучи ве въ силахъ сдѣлать известное число поминокъ, заставляютъ своихъ умершихъ питаться или милостынею, или воровскими крохами. И такъ, да дастъ тебѣ Богъ място въ Дзенетѣ и да будешь свѣтель».

«По достижении же этой славы, ты, въ свою очередь, спопѣществуя своимъ живущимъ въ семъ мірѣ родственникамъ и плачущимъ здѣсь надъ тобою людямъ къ благу жизни—молитвою своею за нихъ къ Богу, могущему сдѣлать жизнь ихъ долголѣтнею и счастливою!»

Закончивъ свою рѣчь, проповѣдникъ обходитъ три раза кругомъ гроба въ сопровожденіи трехъ родственниковъ покойника, которые, шагая за нимъ, ударяютъ себѣ руками по лицамъ своимъ въ тактъ, издавая известные звуки: «да-дай! да-дай, ма-бонъ!» и затѣмъ снова становятся у ногъ его. Въ это время вдова подходитъ къ покойнику и, взявъ съ груди его отрѣзанную косу свою, вручаетъ ее бахъ-фалдисаху съ словами: «вотъ и плеть для покойника». Принявъ косу и слегка ударивъ ею трижды коня, съ словами: «Фалдыстынъ фаутъ уа дуа дарь» *), онъ отдаетъ ее назадъ вдовѣ, а эта опять кладетъ ее на грудь мужа. Вручиивъ коня кому-либо изъ мальчиковъ, онъ беретъ бутылку съ аракой (водка) и чурекъ, которые составляютъ дорожную провизію по-

*) Можно это перевести такъ: да принадлежите вы оба ему одному, т. е. покойнику.

койника и которые доселъ стояли у его изголовья, и первую разбиваетъ о камень, а второй кидаетъ въ сторону, произнося многоизнаменательныя въ народномъ мѣтніи слова: « эта пища и это питье да будутъ, сколько-бы ты ихъ ни употреблялъ, неистощимы для тебя, пока не достигнешь центра рая »*).

Народъ возглашаетъ: «ругсагъ уадъ ама дзенеты фабадатъ »**).

Наплачавшись вдоволь надъ покойникомъ, зарываютъ его въ сырую землю.

Бѣдный хозяинъ и теперь не покоенъ: его грызетъ мысль, что покойнику на томъ свѣтѣ нечего ъсть. Несчастный истрачиваетъ въ-продолженіи года все свое имѣніе на поминки. Справляя ихъ, онъ долженъ приглашать всѣхъ жителей, не только своей деревни, но и окрестныхъ ауловъ. Въ противномъ случаѣ онъ подвергаетъ всю свою фамилію вѣчному нареканію. Каждый мальчишъ считаетъ себя вправѣ упрекнуть его въ томъ, что у него его мертвые ъдятъ траву, не имѣя священнаго хлѣба, чернаго пива и синей араки ***).

Поэтому, какъ можно, не сдѣлавъ поминокъ, показаться людямъ!

Особенно тяжело угнетаетъ суевѣрный обычай бѣдную вдову.

Боясь, чтобы мужъ не упрекнулъ ее на томъ свѣтѣ въ ненуваженіи и непочитаніи, она облекается въ черное платье, сдѣланное изъ толстаго, мѣстнаго издѣлія, сукна, сорочку, сдѣланную изъ толстой, чорной, шерстяной, жосткой матеріи, и круглый годъ не ъесть скоромнаго. Собираясь спать по вечерамъ, она каждый разъ стелеть для мужа постель, ставить подъ его кровать тазъ и мѣд-

*) Обычай говорить рѣчь стала рѣже повторяться.

**) Дословно значать слова эти: да будетъ свѣтель и да сидѣть въ раю.

***) Обычай поминать усопшихъ беретъ начало свое со времени основанія христіанской церкви и имѣетъ значеніе религиозно-нравственное. Вознося молитвы свои къ Богу за умершихъ душъ, христіане во всѣ времена дѣлали отъ избытка своихъ богатствъ угощеніе, на которое приглашались люди бѣднаго состоянія. Угощая бѣдныхъ, хозяева просили ихъ молиться за души усопшихъ. Бѣдные вдовы и сироты, которыхъ не имѣли у себя, въ домахъ, насущнаго хлѣба, насыщались на этихъ поминкахъ и обеспечивали себя пищею на нескользко дней. Таковой обычай церкви, въ Осетіи принявъ чисто суевѣрный характеръ, приносить огромное нравственное зло и ущербъ материальному благосостоянію осетинъ. Въ этомъ особенно отношении нельзя не пожалѣть сердечно бѣдныхъ горцевъ.

Лет.

ный кувшинъ съ водой, зажигаетъ цѣлую свѣчу и сидѣть, ждѣть его прихода до той поры, пока не запоютъ пѣтухи *). Вставалъ съ постели рано по утрамъ, она всякий разъ, взявшись тазъ и кувшинъ съ водой, а также утиральникъ, мыло и проч., несетъ ихъ къ тому мѣсту, гдѣ обыкновенно мужъ ея при жизни своей умывался, и тамъ стоитъ нѣсколько минутъ въ такомъ положеніи, какъ будто подаетъ умываться. По окончаніи церемоніи, она возвращается въ спальню и ставить утварь на мѣсто.

Весь годъ, по пятницамъ, при закатѣ солнца, она ходитъ на могилу мужа, взявъ съ собою яства и напитки. Ее сопровождаютъ и другія женщины. Подходя къ могилѣ, она предварительно касается ея пальцами правой руки, въ знакъ своего благоговѣнія и уваженія къ священному праху мужа. Тоже самое дѣлаетъ вдова и надъ могилами чужихъ умершихъ, опасаясь, что въ противномъ случаѣ ея равнодушіе къ нимъ возбудить ропотъ и жалобы предъ Баастыромъ, который мститъ людямъ, относящимся съ неуваженіемъ къ отшедшимъ братьямъ.

Къ пятницѣ шестой великаго поста она исправляетъ одежду и обувь мужа и по наступленіи этого дня, вечеромъ, въ присутствіи родственниковъ и знакомыхъ покойника надѣваетъ одежды мужа на крестообразную палку — съ цѣлью изобразить его. Искусственный покойникъ сажается на видное мѣсто. Предъ нимъ ставится столъ, уставленный постными кушаньями и напитками. Потомъ вокругъ его садятся по обычаямъ и прочие гости. Одинъ изъ стариковъ, или старуха, провозгласивъ тостъ аракой или пивомъ, творить обычную молитву: «Боже, благослови всѣ сіи напитки и яства! Да будетъ онъ (покойникъ) свѣтель! Свѣтла да будетъ и его могила! Да будетъ онъ славенъ между мертвыми! Пусть никто изъ нихъ не обнаружитъ своей воли и власти надъ его яствами и напитками, кои да дойдутъ до него свято и неприкосновенно, и какъ они стоятъ теперь передъ нами, такъ да пребудутъ во вѣки вѣковъ и передъ ними! Умножаясь, да уможатся они до той поры, пока съ горѣ будеть катиться камень и на степи колесо, не пѣсни лѣтомъ и не замерзанъ зимою! По своей доброй волѣ да дѣлится онъ съ тѣми изъ мертвыхъ, кои не имѣютъ пріюта и пищи. Намъ, живущимъ пока въ семъ обманчивомъ мірѣ, да споспѣшествуетъ онъ къ благой и

*.) Суевѣrie говоритьъ, что мертвые и черти посѣщаются дома только до пѣння пѣтуховъ и затѣмъ исчезаютъ.

счастливой жизни, заперевъ предварительно склепъ великимъ замкомъ, который да не отынется во вѣки вѣковъ! и проч.

Эти заключительные слова повторяютъ всѣ присутствующіе и приступаютъ къ ужину, который продолжается до разсвѣта, сопровождаясь по обычаю плачевными церемоніями. Одни изъ присутствующихъ рассказываютъ о томъ, какъ тяжело жить грѣшникамъ въ другомъ мірѣ; другіе припоминаютъ доброту, удалѣство покойника и проч. Внимая рассказамъ, всѣ слушатели обязаны, чтобы не нарушить долга приличія, плакать. Между-прочимъ одинъ изъ присутствующихъ, взявъ балалайку, играетъ на ней, рассказывая речитативомъ сувѣрное преданіе, содержаніе котораго должно возбуждать общій плачъ. Онъ начинаетъ такъ:

•О, о, о, о, до, до, до—дай! дооодо—дай!•

•До, ло-ло-лой! да-ла ла лаай. *•)

•Какъ-то разъ случился рѣдкій и великий гость у Баастыра.

•Имѣя обыкновеніе водить хорошихъ и славныхъ гостей по Зындону **), Баастыръ показалъ и этому гостю разныя степени адскаго мученія, какимъ подвергаются умершіе по мѣрѣ грѣховъ своихъ. Увиди страданіе грѣшниковъ, гость началъ плакать и думать о томъ, какъ освободить несчастныхъ изъ ада. •Тахуды ***)! Если-бы я могъ придумать средство къ освобожденію ихъ, какъ я быль-бы тогда счастливъ и жизнь моя была-бы сладка и пріятна Богу! говорилъ онъ самъ себѣ.

•Замѣтія грусть его, Баастыръ сказалъ: «гость, пойдемъ до мой! Я вижу, что различные виды мученія грѣшниковъ дѣйствуютъ на сердце твоое болѣзnenно! Скрѣпя сердце и тяжело вздохнувъ, великий гость молча пошелъ за нимъ. По возвращеніи своемъ домой, Баастыръ засталъ у себя всѣхъ святыхъ и ангеловъ, которые молча стояли. Послѣ обычныхъ привѣтствій онъ попросилъ ихъ сѣсть по чизу, занявъ предварительно самъ первое мѣсто. Второе мѣсто за нимъ было предложено великому гостю. Печальный и странный видъ послѣдняго возбудилъ общее любопытство.

•Ангелы и святые стали посматривать на него пристальнѣе, спрашивая другъ друга шепотомъ:

*.) Звуки эти выражаютъ ужасъ и удивленіе.

**) См. выше: тяжелая вода, адъ.

***) Ахъ.

«Кто этот гость?»

«Откуда онъ и отчего такъ печально глядитъ?»

«Но никто ничего не зналъ о немъ. Когда столъ былъ на-
крытъ, Баастыръ, обратясь ко всѣмъ, ласково сказалъ: теперь
пора отвѣдать нашихъ яствъ и напитковъ, прошу сѣсть ближе
къ столу. Гости повиновались. Начальникъ мертвыхъ по обычаю
началъ есть первымъ, но изъ гостей никто не дотрогивался до
блюда; ибо великий гость, занимая высшее мѣсто за столомъ, не
начиналъ.

«Удивленный этимъ, Баастыръ, посмотрѣвъ на всѣхъ, спро-
силъ: почему не єдите? или не нравится вамъ мой бѣдный обѣдъ?»

«Тогда всталъ (встали и всѣ гости и самъ Баастыръ) гость,
провозгласилъ тостъ чуднымъ напиткомъ и началъ говорить: О,
Баастыръ, выслушай меня! Да дастъ мнѣ Богъ твою милость и
да не будетъ стыдно мнѣ и обидно для тебя, что я дерзаю утру-
ждать тебя! Ради чего я стою передъ тобою, ты знаешь хоро-
шо: ты показалъ мнѣ Зынданъ и во мнѣ горитъ и болитъ серд-
це по несчастнымъ жертвамъ! Прошу тебя: ради силы твоего
Бога, ради силы отца твоего, ради силы матери твоей, ради си-
лы твоихъ умершихъ, ради силы твоей собственной, ради силы
этихъ святыхъ и ангеловъ, стоящихъ передъ тобою, и, нако-
нецъ, ради силы моей, освободи изъ ада несчастныхъ страдаль-
цевъ! Въ противномъ случаѣ — кинусь этимъ священнымъ тос-
томъ, тобою самимъ, этими яствами, которыми не клянется чор-
ный человѣкъ, и миромъ вотъ этихъ святыхъ и ангеловъ, — я
не отвѣдаю ни кушаньевъ твоихъ, ни напитковъ, хотя бы я пе-
гибъ отъ гиѣва твоего! — «И мы, съ своей стороны, дерзаемъ и
просимъ тебя, Баастыръ, объ этомъ-же, если можно», — сказали
ангелы и святые. — «Будетъ, будетъ, мои любезные гости! Не
бойтесь, я не причиню оскорблениѧ вашему сердцу; напротивъ,
я весьма радуюсь, что вы первые вспомнили, жалѣете бѣдныхъ
мучениковъ и просите меня, чтобы я освободилъ ихъ изъ Зын-
дона! — сказалъ начальникъ мертвыхъ.

«Затѣмъ, по желанію его, всѣ оставили обѣдъ и вышли
на балконъ, откуда видѣнъ былъ весь адъ. Здѣсь Баастыръ сказ-
алъ одному изъ ангеловъ: «возьми ключъ, полети, отвори двери
Зындана и выпусти изъ него всѣхъ мертвыхъ, оставивъ въ немъ
только одного сухого, безжизненнаго старика!» — Ангелъ такъ и
сдѣлалъ: Смотрятъ — о, диво! — громадное, чорное море стало по-
степенно разступаться, и, по мѣрѣ удаленія его, стали обнаружи-

ваться мертвые. Къ нимъ была спущена сверху лѣстница, сдѣланная изъ двухъ тонкихъ, стеклянныхъ волосковъ; по ней начали подниматься всѣ: мужчины и женщины, и старъ и младъ; какъ-только мертвый становился на ступень ногою, на немъ выростали крылья и онъ могъ быстро взлетѣть на верхъ лѣстницы и потомъ выходить на свѣтъ Божій.

«Діаволы, не имѣя надъ мертвыми болѣе власти, отошли отъ нихъ въ сторону, выстроились въ рядъ, какъ солдаты, и смотрѣли на нихъ издали. Отъ зависти и досады раздувались и лопались у нихъ животы; нижнія челюсти ихъ бились о верхнія такъ сильно, что стукъ ихъ былъ слышенъ далеко за краемъ земли; глаза ихъ выпучивались и лопались и брызги падали на мертвыхъ, не причиняя имъ однако никакого вреда.

«Вышли мертвые изъ Зындона и наполнили собою великую площадь Баастыра. Страшно было смотрѣть на нихъ: у однихъ была содрана кожа съ головъ и вырѣзаны ремни изъ хребтовъ, повыдернуты на рукахъ и ногахъ ногти, ослѣплены глаза, выбиты зубы, вымажены губы и языки. У другихъ змѣи оставили скѣды своего пребыванія на шеяхъ и животахъ, сдѣлавъ ихъ черными. Иные представляли собою одни безжизненные скелеты.

•Видя несчастныхъ, великий гость, ангелы и святые стали горько плакать.—Не плачьте, сказалъ имъ начальникъ мертвыхъ, всѣ они войдутъ въ рай!—И тутъ-же приказалъ извѣстному ангелу отвести ихъ въ Дзенетъ и при входѣ въ золотыя ворота окропить цѣлебною водою, обѣщаюсь самъ участвовать въ великомъ дѣлѣ.

«Когда мертвые стали у воротъ райскихъ, Баастыръ вѣлько крошилъ ихъ. Шадая на мертваго, капли дѣлали его свѣтлымъ. Когда преобразились всѣ, онъ самъ повелъ ихъ въ рай и тамъ, усадивъ ихъ за большие золотые столы, наполненные разными яствами и напитками, благословилъ ихъ такъ:

«Живите, по милости Божіей, въ вѣчной славѣ и довольствѣ! Никогда не истощатся яства и напитки ваши, напротивъ, умножаясь, будутъ умножаться время отъ времени». Мертвые встали и сказали ему: «мы не знаемъ, Баастыръ, какъ благодарить тебя за то, что вывелъ ты насъ изъ Зындона и далъ намъ мѣсто въ Дзенетъ! Пусть за насъ благодарить тебя самъ Богъ!—И мы благодаримъ тебя, Баастыръ, за великое дѣло, которое ты совершилъ ради славы твоей», — сказали великий гость, ангелы и святые. — «Довольно! Не благодарите меня болѣе, ибо дѣло это

было совершено волею самого Бога. Да будетъ онъ доволенъ вами и да удълить вамъ изъ богатства своей благодати и милости! Теперь мнѣ пора домой», — сказалъ начальникъ мертвыхъ. Прославившись съ мертвыми, онъ въ сопровожденіи своихъ гостей вышелъ изъ рая и пошелъ въ адъ. Смотрите, указалъ онъ имъ за Зындонъ, когда приблизились къ нему, смотрите на то мѣсто, гдѣ стояло море! Гость, ангелы и святые посмотрѣли и глаза ихъ остановились на упомянутомъ безжизненномъ старикѣ, терпѣвшемъ ужасное мученіе отъ питающихся грязью злыхъ духовъ. Вынувъ изъ него душу, черти то перебрасывали его другъ къ другу, то растягивали, то сжимали его поочередно руками, то бросали, какъ мячикъ, вверхъ.

•Муча такимъ образомъ душу старика, діаволы роцтали на начальника мертвыхъ, восклицая: О, несчастный день! Вотъ кого оставилъ намъ для забавы Барастыръ изъ всѣхъ мертвыхъ! И не обидно-ли, какъ будто осудилъ міръ грѣшниками или въ аду ихъ было мало? Отомстимъ-же, братья, за обиду свою и миру, и Баастыру! Родъ вашъ проялъ отъ Бога и пусть падетъ на насъ новое его проклятіе. Пусть погибнетъ нашъ кровъ — Зындонъ и исчезнетъ наше племя такъ, чтобы въ родѣ родовъ не было и помина о насъ, если мы, черти, не наполнимъ въ короткое время адъ новыми ужаснейшими грѣшниками! Произнося такие слова, діаволы повлекли старика къ основанию лѣстницы и, окруживъ его, говорили ему: поднимайся вверхъ по этой лѣстнице и будешь тамъ, гдѣ твоя жена, дѣти, гдѣ твой отецъ, мать и братья! — Лишь только мертвый поднялъ ногу, чтобы стать ею на ступень, они всѣ разомъ схватили его и бросили въ средину волнъ морскихъ, и сами побѣжали вслѣдъ за нимъ, кривляясь и дѣлая страшныя гримасы. Кидаясь въ волны ужаснаго моря, они завыли страшнымъ голосомъ: оуу, оуууу *), пусть Зындонъ! Идемъ, идемъ въ міръ, собьемъ благочестивыхъ людей съ праваго пути и приведемъ ихъ сюда, пока наша воля! — Смотря на это зрѣлище, гости пришли въ опѣшеніе. «Видите, слышите и понимаете-ли вы, друзья мои, какъ тяжело жить въ Зындоаѣ душамъ людей, не идущихъ по правому пути? Хорошо сѣѣтѣ вы, ангелы и святые, если не допустите этихъ, питающихся грязью, діаволовъ къ соблазну людей. И ты, великий гость мой, расскажи людямъ, когда явишься домой, все то, что ты узналъ

* Звуки эти выражаютъ горе, досаду и удивление.

здѣсь? — Будетъ, будетъ такъ, какъ ты желаешьъ, но только выслушай насъ, Баастыръ, да ве оскорбится сердце твое! — сказали гости.

«Хорошо, — прервалъ онъ ихъ, — говорите, я выслушаю васъ! — Баастыръ, выпустилъ ты изъ Зындана, но не всѣхъ: разумѣемъ безжизненнаго и жалнаго старика, душою которого такъ жестоко забавляются черти! Думая о томъ, какъ овъ мучится, и у насъ замираетъ, болитъ сердце. Воззри, Баастыръ, на своего Бога и на свою землю, помилуй и выпусти изъ Зындана въ Дзенетъ и этого старика и за это Богъ умноожить славу твою! — Не говорите и не напоминайте мнѣ болѣе о немъ! Онъ получилъ возмездіе по дѣламъ своимъ и вѣтъ ему попады! По милости сильнаго Бога, онъ былъ весьма богатъ и слово его уважалось вездѣ такъ, что впродолженіи его земной жизни вельможи и сами цари безъ его совѣта не дѣлали никакого дѣла. Но овъ, вместо того чтобы воздать славу и благодареніе Богу за всѣ благодѣянія, какія Онъ ниспославъ ему, забылъ къ Нему страхъ, сдѣлался гордъ, сталъ сумасбродничать и творить всякое беззаконіе. Такъ, когда онъ, осматривая многочисленный скотъ своей, находилъ въ числѣ его вола какого-либо бѣдняка, то рѣзалъ эту скотину и приглашалъ жителей своего аула къ себѣ на пиръ. По собраніи же всѣхъ гостей, онъ не тотчасъ подавалъ имъ Ѣсть, а заставлялъ ждать прихода хозяина этой скотины.

«Когда этотъ шелъ къ нему, онъ встрѣчалъ его съ улыбкой, публично тѣшился имъ, почтывалъ его шапышками, говоря при этомъ: «отвѣтай, мой другъ, нашей пищи: уважая тебя, я дѣлаю честь тебѣ передъ всѣми моими гостями, угощая тебя развѣ ихъ, и проч. Если бѣднякъ сердился на нахальное обращеніе богача, то этотъ наносилъ ему публично побои и связанныго держали у себя до окончанія обѣда и, потомъ, съ пустымъ жеудкомъ и оскорблѣннымъ сердцемъ, отпускали его домой.

«Посѣщаю поминки бѣдняка, онъ прежде времени начинавъ пробовать напитки и если находилъ не по своему вкусу пиво или араку, опрокидывалъ все бочки съ разными напитками и затѣмъ безнаказанно уходилъ къ себѣ домой, оставивъ ховяина и гостей его въ положеніи странномъ и обидномъ.

«Проходя по улицѣ, онъ входилъ въ дома вдовъ и насыпался надъ ними.

«Гуляя въ полѣ и по нивамъ, онъ взлѣзалъ на стога сѣна или клади хлѣба и извергалъ на нихъ каль.

«Когда люди призывали имя Бога въ своихъ молитвахъ и обращались также и ко мнѣ съ молитвою, чтобы я уготовалъ място для ихъ душъ, онъ хулилъ Бога и произносилъ дурныя рѣчи противъ меня; словомъ, этотъ старикъ не имѣлъ доли въ Богѣ и жилъ прямо однимъ беззаконіемъ.

«Вотъ почему и Богъ и я оставили его на произволъ чертей, которые и будутъ мучить его «кіятаты-бонма» (до дня страшнаго суда).

«Будетъ толковать о немъ, не стоитъ онъ того.

«Однако, я умираю отъ страданія и стыда, что оставилъ васъ столько времени безъ должного ухода и вы могли проголодаться; простите мнѣ эту беспечность, пойдемте домой и съѣдимъ по кусочку хлѣба! Гости не стали возражать. За столомъ Баастыръ разказывалъ многое изъ того, что бываетъ на томъ свѣтѣ съ грѣшниками. Послѣ обѣда гость простился съ Баастыромъ и его гостями, и отправился восвояси съ бѣднымъ своимъ сердцемъ, думая дорогой о судьбѣ несчастнаго старика. По отъѣздѣ его, ангелы и святые спрашивали Баастыра: «кто таковъ этотъ гость и откуда пріѣхалъ»—и не узнали отъ него ничего, ибо великий гость ничего не сказалъ никому о себѣ. Впрочемъ, мертвые полагаютъ, что онъ сынъ самого Бога. Если-бы не такъ, Баастыръ не сталъ-бы угощать ему».

Окончивъ разсказъ свой, мастеръ вручаетъ балалайку одному изъ мальчиковъ.

Дождавшись утра, гости расходятся по домамъ своимъ.

По прошествіи же года родственники вдовы, заставивъ ее разговѣться, снимаютъ съ нея черную одежду и облекаютъ ее въ свѣтлую. Затѣмъ она, по своему благоусмотрѣнію, выходитъ замужъ или остается жить съ братьями покойнаго мужа.

Въ былое время, и теперь между магометанами водится, что вдова выходитъ замужъ. Выходъ въ замужество не отвимается, однако, у неї права принадлежать на томъ свѣтѣ первому мужу.

Свадебный обрядъ у осетинъ сопровождается также суевѣрными церемониями.

Задумавши жевиться, нашедши по сердцу дѣвшку и заплативши извѣстный вѣльмъ, осетинъ, по наступленіи обычнаго времени, отправляется къ невѣстѣ, чтобы взять ее къ себѣ домой. Тутъ пошли пляски и разныя игры *). По окончаніи всего, ша-

*) Подробно описывается свадебный обрядъ въ «Сборнике свѣдѣній о

феръ, взявъ невѣсту за правую руку и обводя ее три раза кругомъ желѣзной цѣпи *), громко читаетъ молитвы мѣстными святыми, покровительству которыхъ онъ вручаетъ ею. «Олар-са-фа, **), прими Зали (имя невѣсты) подъ свое покровительство: кто изъ дѣвицъ вышла замужъ въ лучшій день, той, по благословенію твоему, да будетъ счастливой подругой жизни и Зали! Тхостъ ***), благослови священный союзъ Зали съ Тасо (имя жениха) и сдѣлай такъ, чтобы дни ихъ текли во взаимной, искренней любви и согласіи и чтобы тѣ изъ людей, кои осмѣяются нарушить ихъ непорочную любовь и миръ, безсльдо погибли отъ злыхъ своихъ помышленій и дѣлъ! Кто взглянетъ на нихъ злымъ, завистливымъ окомъ, у того ископай, Тхостъ, гравомъ твоимъ правый глазъ и отними правую ногу! Но тѣмъ, которые желаютъ молодой четѣ добра и счастія, подай, Тхостъ, милость свою и будь ихъ покровителемъ и помощникомъ во всѣхъ ихъ благихъ предпріятіяхъ! И тебѣ, Бываты-хицау ****), усердно молися: не отними своей милости, защиты и покровительства отъ возросшей въ твоемъ лонѣ молодой невѣсты, Зали, охраняя ее и помогая ей во всѣхъ трудныхъ минутахъ ея жизни, путяхъ и сидѣніяхъ! Наконецъ, выходя изъ дома, невѣсты, пришедшиe за нею гости возглашаютъ: «миръ, оставляемъ этому благородному и священному крову, и мирънесемъ съ собою! Да умножится родъ молодой четы! и проч.

Приближаясь съ молодою къ дому мужа съ пѣснями и гимномъ, гости, чтобы придать своему шествію болѣе торжественности, стрѣляютъ изъ винтовокъ и пистолетовъ.

Парни и дѣвицы выбѣгаютъ на встрѣчу молодой четѣ. Провожая молодую въ саклю, а молодого въ спальню, гдѣ онъ

кавказскихъ горцахъ. Джантемиромъ Шанаевымъ. См. вып. IV, Свадьба у сѣверныхъ осетинъ.

*) Она виситъ внутри сакли надъ очагомъ. Назначеніе ея въ обыденной жизни состоить въ томъ, что на нее вѣшаютъ или котелъ съ мясомъ, или каменную доску, на коей высушиваютъ чуреки (хлѣбъ) изъ проса или пшеницы.

**) Имя святаго, давшаго первый образецъ для существующихъ на землѣ цѣпей и продолжающаго творить ихъ на небѣ и въ настоящее время. Имя этого святаго горды призываютъ еще во время сильной грозы и когда опасаются нападенія со стороны дьявола.

***) О Тхостѣ см. «Сборн. свѣд. о кавк. горц.», вып. III, стр. 18—19.

****) Домашній святой или домовой, который охраняетъ домъ и домашнихъ животныхъ.

прячется отъ людей до мѣвтораго времени, мальчики ломаютъ въ стѣнахъ крючки, чаши и другія попадающіяся имъ подъ руку вещи и, потомъ, выбрасываютъ ихъ на улицу. Поступая такъ, они думаютъ, что выводятъ изъ дома зло, несчастіе и дьявола.

Зашитники молодыхъ, входя въ саклю, стрѣляютъ въ потолокъ съ тою цѣлью, чтобы вызвать домашнихъ къ встрѣчѣ дорогихъ гостей. Шаферъ, ведя молодую за руку къ очагу *), вѣлить ей преклониться передъ нимъ разъ, а также передъ пѣнью, и просить у нихъ благословенія: «Одар-сафа, прими ее подъ свое покровительство и защиту! Злые, коварные и вредные глаза недобрыхъ, черныхъ людей пусть не повліяютъ на нее! и проч.

Затѣмъ ведеть ее къ аесинѣ **), которая сидить тутъ-же возлѣ очага. Молодая, преклонивъ передъ нею голову, мажетъ ея чеваки кусочкомъ курдючьяго сала, въ знакъ покорности, смиренія и благоговѣянагоуваженія. Потомъ, подводятъ молодую въ западный уголъ, гдѣ находится украшеный рогами домашнихъ и дикихъ животныхъ священный столбъ, называемый сары-задъ ***). Ставь передъ нимъ съ молодою, шаферъ молится: «о, сары-задъ, подай намъ милость твою! Да будетъ прината эта невѣстка тобой, какъ священная гостья, и во дни жизни ея будь ея хранителемъ! Обращаются осетины къ сары-задъ потому, что въ немъ живетъ «ангелъ головы»—всего семейства. Тамъ молодая должна стоять три дни, впродолженіи которыхъ юноши и девицы пляшутъ и поютъ съ утра до вечера. По истеченіи этого срока, въ полдень, шаферъ подходитъ къ ней и, послѣ извѣстныхъ церемоній, начинаетъ говорить суевѣрную молитву, существующую исключительно для настоящаго случая: о, Боже! о, Сары-задъ! Мы прибѣгаемъ подъ твое покровительство и молимъ тебя: обрати лицо твое на насъ, восполніи и возвеличи наши головы такъ, чтобы славились родъ нашъ и потомство наше удальствомъ и другими добродѣтелями! О, Хицай-Дзуауъ ****)! Нынѣ и присно предстоишъ ты передъ Богомъ—просимъ тебя: моли Его, дабы Онъ даровалъ этой невѣстѣ и ея мужу благодать и помощь свою и обратилъ сердца ихъ другъ въ другу такъ, чтобы они

*) Очагомъ называется то мѣсто среди сакли, гдѣ находится зола и разводится постоянно огонь. Здѣсь виситъ и желѣзная цѣнь.

**) Аесинѣ значить старая хозяйка въ домѣ.

***) Дословно значить: ангелъ головы.

****) Бывало: божій святой.

никогда не были огорчены другъ другомъ. *O, не нанизы-хицау*¹⁾, молиши тебя, соблюди эту прекрасную и добрую невѣстку съ ея супругомъ отъ всякихъ болѣзней! *O, назанамъ ама уарзондзина-ди хичам Хуцаяу*²⁾! отъ сердца просимъ тебя, возвѣри на нихъ праведнымъ своимъ окомъ: подай имъ свою милость и учини такъ, чтобы они украшались и славились на радость и утѣшеніе ихъ кровнымъ родственникамъ, умомъ и любовью, и чтобы язвы злого и завистливаго человѣка не могъ вредить имъ благополучію! *O, фандаджи-задъ*³⁾! просимъ тебя, услышь наше моленіе! Соблюди ихъ такъ, чтобы путь ихъ быъ прямъ и чтобы они никогда съ него не сбивались. *O, Кильм-дзуаръ*⁴⁾, внемли мольбѣ нашей: охранай арбу ихъ отъ паденія и переворачиванія, когда и куда бы они ни отправились! *O, Фыры-дзуаръ*⁵⁾! молиши тебя, призри на насть и учини такъ, чтобы отъ невѣстки нашей рождались здоровые мальчики, тучные какъ бараны! *O, Раги-дзуаръ*⁶⁾! услышь нашу мольбу: восполніи спины наши разнообразными одеждами, чтобы онѣ никогда не были непокрытыми. *O, Губыны-дзуаръ!*⁷⁾ молиши тебя: подай намъ благодать и милость отца и матери твоей и содѣлай, чтобы животы наши были всегда полны хлѣбомъ! и проч.

Окончивъ молитву, шаферъ въ сопровожденіи мальчиковъ и дѣвочекъ ведетъ молодую къ *Мады-Майракъ*⁸⁾, который находится повыше аула. Приближаясь къ нему, мальчики бросаются въ него каменьями и пулями, воскликнавъ при этомъ: «столько (по числу бросаемыхъ каменьевъ и пуль) мальчиковъ и одну синеглазую дѣвочку — подай, Майрамъ, нашей доброй невѣсткѣ! Ставь съ молодой близко къ камню, шаферъ молится вслухъ: «о, Мады-Майрамъ, эта невѣстка есть твоя гостья и ты будь для нея помощницею и покровительницей и подай ей жребій счастья и благъ земныхъ! Да будетъ она, по благословенію твоему, матерью однихъ только мальчиковъ, какъ того желаютъ и говорятъ сердца ея, ея мужа и кровныхъ родственниковъ ихъ» и проч.

¹⁾ Богъ болѣзней.

²⁾ Богъ ума и любви.

³⁾ Буквально: ангель пути.

⁴⁾ Святой шеста.

⁵⁾ Святой барана.

⁶⁾ Святой спины.

⁷⁾ Святой живота.

⁸⁾ Священный камень; название въ переводѣ на русскій языкъ значить: мать Марія.

Прибѣгаютъ же осетины къ этому священному камню, Майрамъ, потому, что въ немъ живетъ благодатная Марія, мать Господа Иисуса Христа; и они думаютъ, что, если поручить молодую ея покровительству, какъ имѣющей власть надъ чревами женщинъ, то непремѣнно она будетъ творить во чревѣ ея однихъ только мальчиковъ, равно и наблюдать ее отъ всякой посторонней, тайной силы и рожденныхъ отъ нея дѣлать долголѣтними.

Возвратясь обратно въ саклю, шаферъ по наступившему глубокаго вечера отводитъ невѣстку въ спальню мужа, и тамъ, оставляя ихъ однихъ, говоритъ: «Богъ да будетъ вашимъ хранителемъ; нечистая сила да не повліяетъ на васъ, да будете чужды и далеки отъ дурныхъ и порочныхъ помышленій, недостойныхъ любовеобильныхъ супруговъ, да наградитъ васъ Богъ долголѣтними мальчиками! О, уаты-хинцау *) да будетъ свидѣтелемъ и хранителемъ вашей взаимной любви, уступчивости и дружбы!»

Въ случаѣ смерти говоренной дѣвицы въ домѣ родителей ея, жители аула, собравшись, выносятъ ее, послѣ извѣстной церемоніи, на кладбище. Здѣсь изъ толпы женщинъ выступаютъ впередъ близкія родственницы покойницы и, подойдя къ ней, ставятъ ее на ноги, поддерживая съ двухъ сторонъ **). Одна изъ нихъ начинаетъ говорить за покойницу такъ: «О, внимайте, добрые люди, я желаю выразить передъ вами послѣднюю свою рѣчъ: я отправляюсь въ неложный міръ, а васъ оставляю въ обманчивомъ—это есть дѣло Божіе! Я даю право своему жениху найти себѣ другую невѣсту; прилично съ его стороны дать и мнѣ волю на избраніе въ свѣтѣсттельномъ мірѣ достойнаго жениха! Оставайтесь въ добромъ здоровьѣ и да умножитъ Богъ хорошия дни ваши!»

За нею начинаетъ громко и протяжно рыдать другая родственница: «уа, да пошатнется и обвалится день мой, день погибели и сгорби! А, а, а, аа ***)! Уа, да пострадаетъ и сокрушится кровъ мой, жилище мое, жилище холодное! Уа, да льется вѣчно ручьемъ чорная и холодная кровь изъ-подъ огня бѣднаго моего очага, и да простынутъ слѣды слабыхъ ногъ моихъ! Уа, да (обращаясь лицомъ въ покойницѣ, она продолжаетъ рыдать) осты-

*) Спальни вашей Господь.

**) Такъ поступаютъ горцы съ умершему дѣвицею, которая была говорена и не успѣла вступить въ супружество.

***) Эти звуки повторяются послѣ каждого предложения.

вуть сердца людей, по истинѣ любящихъ тебя и скорбящихъ по тебѣ, о, несчастная красавица! Рушились твои золотыя мечты насладиться объятіями нѣжно любимаго жениха! Прежде чѣмъ могла ты узрѣть священное ложе его, закрылись на вѣки твои черные глаза! Зачѣмъ преждевременно померило надъ тобою Божіе солнце и восторжествовала могильная тьма? Не на печаль-ли и наказаніе твоимъ близкимъ родственникамъ? Уа, блондинка-жена твой обратится въ пищу могильнымъ червямъ! О, дѣнь мой, ты боялась ночью въ кругу своихъ подругъ и пріятельницъ, когда не видѣлось никакой опасности—что же будетъ съ тобою въ холодной, темной, душной и страшной могилѣ, гдѣ будешь почивать одна! О, дѣнь мой, кто будетъ твоимъ собесѣдникомъ въ ужасномъ жилищѣ! Разройте, добрые люди, могилу эту такъ широко, чтобы можно было лечь въ нее двоимъ. Я заживо лягу рядомъ съ нею! Уа — кидалась, да будешь кидаться поверхъ черныхъ деревъ, вѣчно крича кукушкой: подай, подай мой наперстокъ, мою юльку, мою прялку, мои ножницы! и проч. Затѣмъ она обращаетъ свою рѣчь къ жениху и восклицаетъ: «Уа, обѣтый ужасомъ и упавшій на лезнее отчаянія, бѣдный и безутѣшный женихъ! Уа, лишился ты сокровища, коему люди не нашли цѣны! Уа, лишился ты друга, ангела, украшавшаго дни твои счастіемъ и услаждавшаго ночные сны твои наслажденіями небеснаго рая! Очнись и посмотри, красавица, на любезнаго твоего друга, какъ слабъ и бѣденъ онъ! Твоя внезапная смерть воизвѣстила острый мечъ въ его сердце и безжизненный твой видъ всасываетъ его молодую красную кровь! Обычай предковъ не даетъ ему права смѣло и свободно взглянуть на твой священный образъ, подойти близко и сказать послѣднее свое слово! Сжалъ сердце, онъ издали, изъ-за людей и украдкою смотритъ на тебя очами ужаса и отчаянія! Съ тобою вмѣстѣ для него погибло все! Погибла надежда, возбужденная горячею любовью къ тебѣ, сущившая столько блаженства и утѣхи съ тобою! Уа, да съемъ я бѣдные дни свои! Уа, что будетъ дѣлать теперь бѣдная мать, которая лишилась тебя, жемчуга счастія и радости! Смотря, она будетъ смотрѣть вслѣдъ тебѣ вдаль, жаждая тщетно твоего возвращенія! Тоскуя и вздыхая, она будетъ тосковать и вздыхать и въ глубокое утро, и въ полночь, когда люди будутъ усаждаться сладкимъ сномъ! О, бѣдная красавица, раскрой свои глаза, посмотри и на бѣднаго своего отца! Надвинувъ шапку на брови и опершись гордо на палку свою, онъ уставилъ въ землю

глаза, удерживая насилино слезы. Не позволяет ему обычай плакать и вздыхать по милой и любезной дочери!»

«Уа, не въ силахъ я болѣе рыдать: черные бока мои сильно стиснули мнѣ грудь и отъ ужаснаго горя отымаются у меня языки! Но твой страшный видъ говорить краснорѣчивѣ моего языка! Уа, да не посмѣются надъ мою слабою рѣчю люди добрые, *)!»

Заболѣлъ малютка, значитъ—его сглазили. На помощь къ родителямъ его является захарка. Взявъ дитя на руки, она начинаетъ шептать ему поперемѣнно то на одно, то на другое ухо такъ: «созданіе Божіе, дитя, будь прилежно, внимательно къ моимъ словамъ и дай имъ просторное мѣсто въ сердцѣ твоемъ: ибо они составляютъ лѣкарство противъ дѣйствія глазъ лихого человѣка. Вотъ эти слова: въ ясный день я была поражена громомъ и три дня лежала на полѣ въ безпамятствѣ. Приди въ чувство, я видѣла двери неба отверстыми, равно узрѣла я великую звѣду, которая сияла надъ солнцемъ. Рѣвясь въ пору дѣйства свое-го, въ лѣтнєе время, на берегу быстрой рѣчки, я, увида въ пас-ти ехидны живую лягушку, отважно бросилась и исторгнула ее. Спасенная лягушка прыгнула въ рѣчу.»

«Въ другой разъ, я, найдя двухъ ехиднъ въ борьбѣ за цѣлебный жемчугъ, исхитила его изъ пасть ихъ. И хранится онъ теперь въ священной башнѣ, воздвигнутой предками знаменитой и благородной нашей фамилии.

«Вѣрь, милое дитя, что я имѣю дарованіе отъ Бога исцѣ-лять недуги дѣтей и произносить свой судъ и проклятие надъ кол-дунами, отъ коихъ происходятъ разныя болѣзни.

«Внимай-же, мое сердце и душа моя, дитя, проклятию, кото-рое я сейчасъ произнесу надъ ними. Слушай, мое солнце.

«Кто къ этому малюткѣ дерзнулъ поднести вліяніе своихъ завистливыхъ, злыхъ и коварныхъ глазъ и, повѣшивши ими на него нечестиво, оставилъ его въ состояніи болѣзненному, туть да не урить во дни своей жизни Божія солнца и да погибнетъ онъ гнѣвомъ Божіимъ. Доля огня такого человѣка пусть доста-нется врагу его. Впрочемъ, есть противъ него другое, ужасное проклятие, вышедшее изъ глубины гортани ехидны. Оно гласить такъ: «левее шашки да будетъ путемъ ногъ недобраго человѣ-

*) Эта рѣчь говорится исключительно въ настоящемъ случаѣ.

за; ушико иголки—дверью его сакли; тернъ да будетъ его жиціемъ и покоемъ; жребій несчастныхъ и прокаженныхъ да падеть на его долю! Скитаясь, пусть скитається онъ по острымъ и крутымъ каменямъ и тернамъ, вздыхая и проклиная бѣдные дни свои. Превращаясь, пусть превращается онъ въ черный камень съ гнѣздами ехиднъ. Падая, пусть падаетъ надъ верхами горъ, лѣсовъ и морей, и да наконецъ погибнетъ подъ землею. Словомъ, кто взглянулъ на этого малютку очами, носящими въ себѣ смертоносное сѣмя, и поселилъ въ немъ смертную болѣзнь, у того да сокрушится основный камень его жизни и да пресечется сѣмя его. Да будетъ Богъ надъ колдунами въ ложномъ и истинномъ мірѣ судью».

Нашептавъ вдоволь, захарка велить начерпать семь чашекъ воды изъ-подъ семи мельницъ и потомъ вылить въ глиняный кувшинъ. По исполненіи этого, она трижды впрыскиваетъ въ воду молока изъ праваго своего сосца, равно выпускаетъ въ нее немного крови изъ мизинца правой руки. Затѣмъ она проциживаетъ эту смѣсь сквозь волосяное сито въ тазъ, смотрѣть въ нее нѣкоторое время и, если найдеть, что изъ молока и крови образовались въ водѣ отдельные, крупные шарики, то увѣряетъ, что дитя сглазили; напротивъ, если кровь и молоко разойдутся, малютка страдаетъ болѣзнию, посланною отъ Бога. Захарка береть плитку свинца и, растопивъ ее въ мѣдной чашкѣ, лить въ чашку, наполненную водой, которую держить сама мать ребенка надъ его головою. Коли свинецъ ляжетъ въ воду въ видѣ тарелки, то значитъ, что малютка болѣеть по милости Божіей. Но если онъ разойдется въ ней въ видѣ маленькихъ шариковъ, — явный знакъ, что онъ страдаетъ отъ того, что на него повлияли глаза лихого человѣка; ежели ребенка сглазили, то на дѣвъ таза окажется нѣсколько волосковъ колдуна. Собравъ найденные волосы, захарка кладеть ихъ на предварительно вырезанный сафьяновый треугольный кусочекъ, который потомъ зашивается и даетъ носить на шѣй ребенку. Послѣ всѣхъ этаихъ испытаній, она черпаетъ воду изъ обоихъ сосудовъ и даетъ младенцу пить.

*Похищение дивныхъ, урожайныхъ съманий изъ Курсы *) душами сонныхъ людей.*

Въ каждомъ аулѣ ущелій Кавказскихъ горъ есть по нѣсколько человѣкъ, посѣщающихъ Курсы.

Самымъ счастливѣйшимъ временемъ для путешественниковъ почитается время передъ Новымъ годомъ. Люди, души которыхъ отправляются въ Курсы, впадаютъ въ это время въ крѣпкій сонъ и пробуждаются позднѣе обыкновенной поры. Путешествуютъ-же души въ страну мертвыхъ, такимъ образомъ: одна садится на голубя, другая на лошадь, третья на мальчика, четвертая на корову, пятая на собаку, шестая на дугу, седьмая на ко-су, восьмая вѣзаетъ въ ступу и т. д. Путешественницы—души дѣлится между собою на душъ опытныхъ, которыхъ много разъ бывали на Курсы и имѣютъ все нужное для своего предпріятія, и неопытныхъ, кои суть ученицы опытныхъ, не успѣвшія еще запастись нужными принадлежностями; поэтому, онѣ, когда наступить времяѣ хатать,—крадутъ у сосѣдей лошадей, дѣвочекъ, собакъ, скамы и проч., садятся на нихъ иѣдутъ. Зная это, а также и то самое время, когда приходится путешествовать въ Курсы, каждое осетинское семейство заранѣе поручаетъ себя и скотъ своей покровительству Еля. Вечеромъ того дня, который случится передъ Новымъ годомъ, жители деревни съ своими дѣтьми приходятъ въ священному мѣсту Уацилы, куда предварительно приводится пастухами и скотъ всего аула. Тогда старикъ молится: «о, Уацилла! головы наши и скотъ нашъ суть твои гости—охраняй насть отъ лукавыхъ и нечистыхъ людей. Кто изъ стоящихъ здѣсь позвольтъ себѣ, не боясь твоего гнѣва, украсть или мальчика, или дѣвочку, или собаку, или кошку и проч., потомъ сѣсть иѣхать на ней, тотъ да погибнетъ гнѣвомъ твоимъ и проч. По окончаніи молитвы къ богомольцу подводятъ или козла, или барана. Помолившись вѣдь нимъ, онъ дѣлаетъ на рогѣ его знакъ и затѣмъ отпускаетъ его къ стаду. Возвратясь оттуда по домамъ своимъ, жители дѣлаютъ на своихъ домашнихъ вещахъ одинаковые, охраняющіе ихъ отъ всякаго зла, знаки.

На каждомъ изъ выше упомянутыхъ орудій, лошадей и пр.,

*) Курсы значить лугъ,заражающій въ себѣ дивныя сѣмена различныхъ промаведеній земныхъ, а также счастія и несчастія. Онъ составляетъ собственность мертвыхъ.

лишь только сидеть на него душа, вырастают крылья необыкновенной величины.

Явившись на Курсы, опытные души, набравшь по горсти дивныхъ сѣянъ, летятъ обратно домой. Неопытныя же, почувствъ запахъ разнообразныхъ цветовъ и фруктовъ, который вѣтъ съ поля Курсы, опрометчиво бросаются на нихъ; поэтому одна душа срываетъ красную розу, которая носить на себѣ болѣзнь кашель, другая—блѣдую розу, носящую на себѣ насморкъ, третья срываетъ большое красное яблоко, которое заключаетъ въ себѣ лихорадку и т. п. Съ ними-то бѣдняжки обращаются вспять, «касаюсь крыльями своей души неба и земли».

Между тѣмъ мертвые, узнавъ о нихъ, бросаются за ними въ погоню и, настигая ихъ скоро, пускаются въ нихъ стрѣлы свои. Похитительницы, считая за великій стыдъ обороняться отъ нападенія мертвыхъ, продолжаютъ свой полетъ. Преслѣдователи наносятъ раны многимъ, особенно тѣмъ душамъ, кои не защищены ни чѣмъ.

Достигнувъ наконецъ границы своей земли, каждая душа бросается похищенное среди своего аула.

Не видя успѣха въ своемъ преслѣдованіи, мертвые, оставивъ въ покой похитительницъ, летятъ обратно къ себѣ.

Рана, которую получаетъ душа отъ стрѣлы, похожа на черное пятно. Средствъ вылечить ее нѣтъ никакихъ, если она сама собой не пройдетъ. Тотъ человѣкъ, душа которого получила такую рану, пробудившись отъ сна поздно утромъ, начинаетъ стонать и, наконецъ послѣ долгихъ мученій, умираетъ.

Человѣкъ-же, душа коего удалось счастливо доставить чудные сѣмена, торжественно разсказываетъ на *нихасъ*^{*)} подробности о томъ, какъ онъ ихъ похитилъ, какія опасности вынесъ и, наконецъ, о томъ, что, по его милости, у нихъ въ аулѣ будетъ въ наступающее лѣто необыкновенный урожай. Слушатели изъявляютъ передъ нимъ свою благодарность, а кто получилъ въ это время или кашель, или лихорадку, бранитъ тѣхъ душъ, которые привнесли ихъ.

Подъ среду, которая приходится между Рождествомъ и Новымъ годомъ, осетиныправляютъ суевѣрный праздникъ, *дуаиштаду*, — среди двухъ — ибо онъ посвященъ не Богу и не Его святымъ, а гнѣвному демону, по пословицѣ: «Богу молись, а чор-

^{*)} Буквально: разговоръ. Иначе: мѣсто, куда собираются жители деревни для обмына мыслей.

та не гибни^{*)}! Осетинское семейство съ полудня начинаетъ суетиться. Пиво, арака и брага приготовлены еще за день или раньше и стоять въ кабицѣ^{**}). Съ наступлениемъ вечера, хозяинъ ташить откорыленного ягненка къ ямѣ, вырытой у овечьяго порога, и надъ нею закалываетъ его молча. Спустивъ кровь въ яму, онъ несетъ жертву въ комнату и, входя въ двери, восклицаетъ: «благословеніе святаго на васъ! Семейство отвѣчаетъ: «да поможетъ онъ тебѣ! Мисо вкладется въ котелъ, висящій надъ очагомъ, а изъ горла и легкихъ приготавляется шашлыкъ на закуску.

Междутѣмъ хозяйка успѣеть сдѣлать хорошия сырники, налить въ ведро пива и въ бутылку араки. Хозяинъ, вставъ, береть стаканъ араки лѣвой рукой, а шашлыкъ правой и, обращая свой взоръ на востокъ, возглашаетъ: «О, Банаты хицау^{***})! подай милость твою! Демонъ, не искушай насъ и не дѣлай намъ никакого зла, не трои ви головы, ни лошадей, ни всякихъ скота нашего, ни всего того, что принадлежитъ намъ, но, внявъ усердныи нашимъ молитвамъ, прими эту жертву, это кушанье и это питье—да будутъ они тебѣ отъ насъ послѣднимъ воздалиемъ! Отыми отъ насъ свою волю и власть и скройся далеко отъ нашего крова, чтобы ви мы, ни дѣти, ни правнуки наши не потерпѣли отъ тебя зла!» Пока продолжается закуска, поспѣшеть и остальное. Тогда хозяинъ вынимаетъ изъ котла все мясо и кладеть его на столъ. Накрывъ мясо буркою, домашніе выходять на балконъ, не оставляя въ комнатѣ ни собакъ, ни кошекъ. Пользуясь отсутствиемъ домашнихъ, демонъ, по повѣрю, выходитъ изъ своего покоя, подходитъ къ столу и береть сваренный кусокъ ягненка, а потомъ, закрывъ столъ, уходитъ къ себѣ. Возвращаясь въ комнату, хозяинъ тщательно повѣряетъ куски и, не находя одного изъ нихъ, даетъ отомъ знать своимъ домашнимъ, которые тотчасъ приступаютъ къ ужину. Мисо должно быть съѣдено въ эту же ночь, а кости, которыхъ не должны быть со-крушены, кладутъ въ овечью яму, которая затѣмъ зарывается. Семейство теперь спокойно: оно, принеся жертву демону, не страшится болѣе его власти.

^{*)} Въ горахъ принимаютъ за истину эту небылицу и теперь.

^{**)} Погребъ.

^{***)} Въ этотъ вечеръ осетины не призываютъ имени Бога, боясь, чтобы за это демонъ, какъ врагъ Бога, не разгневался на домъ.

Постороннее лицо не должно участвовать въ съединеніи жертвы. Всѣдѣствіе такого убѣжденія, горецъ, если случится ему быть въ тотъ день въ дорогѣ, не можетъ и не долженъ останавливаться — если не желаетъ нарушить правила приличія и долга — ни у знакомыхъ, ни даже у ближайшихъ родственниковъ, а обязанъ спѣшить домой, гдѣ ждетъ его кругъ собственной его семьи.

Арвазави-кустъ (жертва небесному удару) вознила такимъ образомъ: представимъ, что недалеко отъ пастуха ударили громъ; тотъ падаетъ безъ чувствъ. Товарищи прибѣгаютъ къ нему за помошь, а одинъ изъ нихъ даетъ знать жителямъ ауза, которые немедленно собираются вокругъ несчастливца. Не зная никакихъ средствъ, чѣмъ пособить, они поютъ печальную пѣсню (о ней будетъ рѣчь впереди) и молятся: «Илья» *) святой, отъ тебя это потрясеніе и мученіе! Ты спаси и помилуй! Илья святой, воскреси бѣднаго пастуха! Наконецъ, пастухъ приходитъ въ чувство, его берутъ домой и здѣсь, успокивъ нѣсколько, кладутъ въ постель. Затѣмъ призываютъ гадальщика, который, погадавъ на палочкахъ, повелѣваетъ выбрать по жребію троихъ изъ молодыхъ горцевъ и посыпаетъ ихъ въ лѣсъ. Здѣсь они должны выбрать два прямыхъ, тонкія и высокія дерева; срубивъ ихъ, принести на плечахъ своихъ до мѣста, гдѣ случился громовой ударъ, куда собираются также однофамильцы больного, по одному человѣку изъ каждого семейства. Здѣсь заканчивается ими молодой козленокъ или ягненокъ въ честь святого пророка Ильи, ибо они громовой ударъ приписываютъ ему, полагая, что онъ, истребляя на землѣ злыхъ духовъ, разъѣзжаетъ по небу и бьетъ ихъ ударами грома. Наконецъ, жертва готова. Одинъ изъ стариковъ молится: «о, Боже, помоги! Святой Илья, спаси эту деревню отъ твоего гнѣва и охраняй насть отъ твоего удара, ибо мы бѣдные гости твоего отца и матери! Слушатали по окончаніи каждого предложенія, отвѣчаятъ: «святой Илья, помилуй насть! Послѣ обѣда помяннутые юноши берутъ оба шеста и, привязавъ въ верхнемъ концамъ ихъ голову вѣтвѣ съ шкурою принесеної жертвы, вбивають ихъ въ то мѣсто, гдѣ, по ихъ понятію, Илья каралъ землю; съ этой поры родители пораженнаго громомъ пастуха должны приносить ежегодно въ тотъ-же день два такие же шеста для замѣны старыхъ, и въ жертву ягненка или козленка. Праздникъ долженъ быть празднуемъ всею фамиліею по-томствено.

*) Пророка Илью осетины называютъ: Ела или Уадила.

Если-же, напротивъ, пастухъ умретъ отъ громового удара, то родственники хоронятъ его не по обыкновенному горскому обычю, а иначе. Собравшись съ жителями своего аула туда, где онъ былъ убитъ, они, вместо плача, поютъ вышеупомянутую пѣсню, содержаніе которой непонятно: «Ой-цоппай, ой-алай, ой-алдарты-цоппай, бастанъ-хорзы-цоппай!» Поющіе по именамъ перечисляютъ все тѣ места и тѣхъ людей, кои были поражены громомъ.

«Тазареть ой-алдарты-цоппай, Тазарбекъ ой... (два брата пастуха, убитые громомъ виѣстѣ съ своими стадами). Сафа-дуръ ой..., Ганаы-дуръ ой..., Акситъ-дуръ ой... и т. д.

Во время этого пѣнія, присутствующіе, образовавъ цѣль, ходятъ вокругъ покойника впродолженіи трехъ дней. Поютъ они въ той надеждѣ, что Илія, услышавъ ихъ вопль, воскреситъ мертваго. По истеченіи-же этого срока, они, посадивъ покойника на стулъ, опускаютъ его въ могилу, вырытую тамъ, где убило его громомъ, кладя съ нимъ его оружіе и другія принадлежности. Три дня родственники караулятъ поочередно могилу, для того чтобы, въ случаѣ оживленія покойника, помочь ему выйти изъ могилы.

Если отъ громового удара сгоритъ домъ, то хозяева его и жители аула не рѣшаются тушить огонь, опасаясь разгѣвать пророка Илію, отъ удара котораго, по ихъ понятію, произошелъ пожаръ.

Имѣя вышеуказанное понятіе о пророкѣ Иліѣ, горцы не страшатся демона: стоять только при встрѣчѣ съ нимъ вынуть шашку и съ одного маху разсѣчь его пополамъ. Если-же въ это время демонъ потребуетъ и другого удара — отвѣтить: «во имя св. Ильи, слѣдуетъ нанести демону только одинъ ударъ!» Это потому, что удары, навесенные ему сверхъ одного, послужатъ къ умноженію числа демоновъ, которые тогда могутъ напасть на человѣка, ставшаго противъ нихъ, и сбить его съ пути истинаго, или свести съ ума.

Праздникъ Хоры-бомъ *), сопровождающійся также суевѣрными церемоніями, посвященъ Уацили и совершается осетинами передъ тѣмъ временемъ, какъ выходить имъ на пашню.

Обыкновенно жители аула собираются по одному или болѣе человѣкъ изъ семейства въ саклю, где вѣчно пребываетъ Кам-задъ,

*) Буквально: жгѣба день.

принеся съ собою разныя яства и напитки. Когда всѣ усажутся въ извѣстномъ порядке, одинъ изъ стариковъ береть правой рукой треугольный чурекъ, а лѣвой чашку браги бураго цвѣта и торжественно возглашаетъ извѣстное славословіе Богу, а потомъ начинаетъ молитву къ Уациллѣ: «Уацилла, сегодня день твой и мы усердно молимъ тебя: помоги намъ, — содѣлай такъ, чтобы житницы наши были набиты пшеницею, просомъ и овсомъ до верха съ остатками. Какой урожай былъ на курпѣ, когда Уацилла посыпалъ на этой нивѣ лѣвой рукой, а Марія, идя во слѣдъ его, держала для него корзинку съ сѣменами, такой подай, Боже, и намъ въ настоящее лѣто! Затѣмъ, обращаясь къ присутствующимъ, онъ трижды восклицаетъ: «вы чего просите?»

«Хлѣба, хлѣба, хлѣба! — отвѣчаютъ слушатели. — Да насытить васъ Уацилла! — Наконецъ, вручивъ треугольный чурекъ одному изъ юношей, который за этотъ случай надѣваетъ на себѣ шубу наизнанку, а лохматую шапку свою, вывороченную также наизнанку, затыкаетъ за поясъ, старикъ обливаетъ голову его брагой, которая, стекая, заливаетъ ему ротъ, уши, ноздри и течетъ по шубѣ, и при этомъ восклицаетъ: «какъ изобильно льется эта брага, такъ да уродится хлѣбъ нашъ! — «Оменъ! — отвѣчаютъ всѣ. Глотая брагу, юноша въ свою очередь кричитъ: «да возрастить Уацилла хлѣба наши такъ, чтобы мы, дѣти наши и правнуки были богаты и сыты». Затѣмъ обѣдъ кончается и всѣ весело возвращаются по домамъ своимъ, въ полной увѣренности, что Уацилла непремѣнно дастъ урожай.

Готовясь же къ этому пиру, предварительно, утромъ, посыпаются въ лѣсъ за березовыми сучьями по одному человѣку изъ каждого семейства, снабдивъ ихъ постными пирожками безъ всякой начинки (ихъ должно быть у каждого по три штуки). Остановившись около лѣса и вынувъ изъ своихъ шапокъ пирожки свои, посланные творять вышеупомянутую молитву и затѣмъ каждый изъ нихъ бросаетъ въ сторону по одному пирожку, восклицая при этомъ: «Уацилла, соблаговоли сдѣлать такъ, чтобы настоящій годъ былъ счастливѣе и богаче прошлаго урожаемъ хлѣбовъ». Потомъ, набравъ сучья и связавъ ихъ въ пучки, они несутъ ихъ на плечахъ въ дома свои. Опуская на чистое място кучу сучьевъ, горецъ произноситъ: «сколько здѣсь сучьевъ, столько да уродится на нашихъ нивахъ копенъ! Кладя пухлые пирожки на сучья, старшая въ домѣ хозяйка молится: «Уацилла, да будетъ на насть милость твоя — возрасти хлѣба на-

ши такъ, чтобы пшеничные зерна на колосьяхъ были такъ пухлы и крупны, какъ вотъ эти пирожки. *)!

По понятію горцевъ, Еля имѣеть власть и надъ дождемъ. Поэтому, если случается бездождіе и хлѣбъ начинаетъ отъ засухи портиться, жители деревни сообща покупаютъ откориленаго барана или козла и закалываютъ его на томъ мѣстѣ, где во имя св. Иліи вбиты два шеста. По принесеніи жертвы, вливаютъ ведро воды туда, куда вбиты нижніе концы шестовъ.

Если идти и послѣ этого дожда долгое время, осетины, полагая, что жертва ихъ не была угодна Уациллѣ, прибѣгаютъ къ ходатайству Тыхоста.

Принося въ жертву ягненка, они молятся такъ: «о, Тыхость, ты нашъ соѣдь и знаешь нашу бѣдность, да будетъ на насъ твоя милость, — ты товарищъ Уациллы, умоли его, чтобы онъ, виновъ вашимъ бѣднымъ молитвамъ, послалъ дождь на засохшія вивы и поля». По окончаніи обѣда, они пускаютъ изъ источника воду по направлению къ нему, брызгаютъ его водою и маютъ коровьимъ масломъ **).

Когда идти и послѣ этого перемѣны въ погодѣ, тогда выступаютъ на сцену женщины. Собравшись на площадь съ ситами и тарелками, они, посовѣтовавшись между собою, что имъ дѣлать, бѣгутъ или въ лѣсъ, или на гору. Достигнувъ извѣстнаго мѣста, они разбѣгаются въ разныя стороны, катя передъ собою сита или тарелки, — тогда мужчины высыпаютъ къnimъ избраннаго старика, пользующагося общимъ уваженіемъ и довѣріемъ, съ просьбою уговорить ихъ воротиться назадъ. Явившись къ nimъ, посланный умоляетъ ихъ возвратиться въ аулъ: «вортитесь назадъ, не бойтесь, — Тыхость дастъ намъ просимое». Возвратясь назадъ, женщины располагаются около священнаго камня Тыхоста и тамъ приносятъ въ жертву ягненка, творя молитву: «о, Боже, подай намъ дождь» и проч.

Мужчины тоже приносятъ въ жертву ягненка, образовавъ особый кружокъ ***).

Коли идти пройдетъ не благополучно, то по наступленіи слѣдующаго года, они, боясь повторенія невзгодъ, ищутъ сред-

*) Обычай этотъ существуетъ и теперь.

**) Обычай этотъ еще не вышелъ въ горахъ.

***) Обычай этотъ теперь уже вышелъ.

ства къ тому, чтобы умилосердить разгневанного Бога и святыхъ его. Средство это указываетъ ини гадальщицъ. Погадавъ на палочкахъ, она рѣшаетъ дѣло такъ: «вы должны разговѣться въ половинѣ вымѣшнаго великаго поста,—и будетъ дождь и урожай богатый!»

Послушавшись его совѣта, жители аула, по наступлениіи указанного времени, собираются въ саклю, тѣ «вѣчно пребываєтъ» Каы-задъ, и молять его и Илію вкупѣ содѣйствовать къ умноженію плодовъ земныхъ. Но сначала обращаются къ Богу съ такой молитвой: «о, Боже, пошли намъ Твою милость и благодать и отврати отъ насъ праведный гнѣвъ Твой. Св. Каы-задъ и Уацилла, наши бѣдныя головы да будутъ вашими священными гостями; пощадивъ, не погубите насъ, но возрастите хлѣбъ и всякую полезную траву, чосылай землѣ умѣренные дожди! Разговѣвшись, расходятся по домамъ.

Тутыры-Кошдаранъ. Тутыръ—имя святаго великовъ. Христіане-осетины подъ этимъ именемъ разумѣютъ Федора Тирскаго, которому волки не только повиновались, но даже лизали ему ноги, а магометане-осетины — еврейскаго царя Ирода. Кошдаранъ—дословно значитъ: держаніе глотки Тутыра, т. е. держать постъ по примѣру Тутыра.

Праздникъ этотъ, или лучше, постъ постовъ, соблюдается въ чистый понедѣльникъ. Прекративъ обычныя свои занятія, горные жители—старь и млад—весь день съ восхода и до захода солнца не пьютъ и не ёдятъ.

Юноши, пожилые и старики собираются на ныхасъ, гдѣ *кадаканагъ* (знатокъ отечественного преданія, легендъ и сказокъ) занимаетъ ихъ, распѣвая съ помощью двухструнной балалайки преданія о чудесныхъ дѣлахъ предковъ.

Замѣтъ, что солнце близко къ заходу, женщины приступаютъ къ приготовленію ужина, а, по заходѣ солнца, мужчины оставляютъ ныхасъ и идутъ по домамъ.

По подачѣ ужина и произнесеніи старшимъ въ домѣ молитвы, домашнай пастухъ-мальчикъ, вынимая шапку изъ ступы, въ которую она, связанныя его поясомъ, еще наканунѣ праздника была имъ туго заткнута, вслухъ читаетъ молитву: «о, приближенный къ Богу Тутыръ! призри на насъ правымъ своимъ окомъ

и сравни съ твоимъ постомъ посты, который мы — мужчины и женщины, юноши и девушки, мальчики и девочки — держали съ вчерашняго вечера до настоящаго часа во славу твою, не промочивъ глотокъ нашихъ даже каплями воды: — учти такую милость, чтобы глотки твоихъ звѣрей — волковъ — были заткнуты камнями такъ крѣпко, какъ клотка. Вотъ этой стузы, такъ сухи, какъ теперь наши глотки, и да будуть они (волки) глухи и нѣмы, неподвижны и безопасны, какъ эта деревянная ступа; ограды отъ пастей ихъ овецъ нашихъ; мы же — старь и младь — за такую милость твою къ намъ ежегодно въ этотъ день будемъ поститься ради именіи твоего, — о, Тутыръ! сравни мою бѣдную молитву съ молитвою того счастливаго пастуха, который слаже и милѣе тебѣ между пастухами великаго міра: мои овцы суть твои гости и да будетъ на нихъ милость твоя».

Вѣря, что Тутыръ есть пастухъ волковъ и что безъ его воли эти кровожадные звѣри не могутъ дѣлать человѣку и скоту его никакого вреда, осетивъ, при встрѣчѣ съ ними, когда со стороны ихъ угрожаетъ опасность, и онъ не имѣть при себѣ винтовки и пистолета, которыми ему можно было бы защитить себя и скотъ свой отъ нападенія ихъ, зоветъ Тутыра на помощь такими словами: «о, Тутыръ! я и скотъ (если онъ таковой имѣть при себѣ) состоимъ подъ твоимъ покровительствомъ и мы твои гости: спаси меня и скотъ мой отъ пастей волковъ твоихъ, прогоняя ихъ далеко».

По произнесеніи-же этихъ словъ, онъ получаетъ бодрость духа и начинаетъ громко кричать: «оооо ууу ииа *)! Тутыръ да прогонитъ вась — волковъ!»

Звѣри, слыша имя своего пастуха, повернувшись назадъ, убѣгаютъ. «Волкъ, говорить повѣрье, храбръ, какъ Сосланъ (герой легенды), когда наступаешь, и трусъ, какъ заяцъ, когда бѣжишь назадъ».

Тутыръ, по своему усмотрѣнію, придаетъ имъ или храбрость, или трусость. Если-же онъ разгневается на нихъ, то затыкаетъ глотки ихъ каменьями и такимъ образомъ моритъ ихъ голодомъ. Всѣдствіе этого, они, въ некоторыхъ случаяхъ, подходятъ къ стаду овецъ, не въ состояніи бываютъ утащить даже старую овцу, которая постоянно отстаетъ отъ стада, и жадобно воютъ, прося у Тутыра паси. Болѣе-же противныхъ и неблагодарныхъ изъ

^{*)} Звуки тѣзначать: увы, ахъ, караулъ, и проч. Вообще — выраженіе страха.

ирикъ отъ первою предаетъ въ руки человѣка, который убирается
изъ шеи винтовки, радостно воскликнувъ: «далъ! дай Тутыръ времъ
и покитателей «бѣдныхъ» свацъ нашихъ. О, «бѣдные» вамъ!
помолчались за нихъ вы живогами, вашими!»

Тутырчи-чах (кесель). Осенью Тутыру привозятъ изъ изъ-
ланга (редъ педаты) козла. Они запрещаютъ есть мясо его угощать
честороннихъ.

Осетины вѣрятъ, что было время, когда многія аульщи
семейства позволяли себѣ не только угощать, но даже давать за-
рѣзаннаго козла по ровной части съ своими сосѣдами, которые
заключали обѣщаніе, что изъ будущей осени они въ свою очередь
всегда будутъ въ честь Тутыра козла, зарѣзать и раздавать его
съ своими единодавцами. Но такія обѣщанія многими не были
выполнены.

Тутыру не понравилась такая неисправность въ уплатѣ
жалона и онъ рѣшился исправить неисправныхъ посредствомъ
своихъ волковъ, которыхъ намѣревался выпустить изъ водъихъ
имъ на стада свацъ всѣхъ ауловъ. Но предварительно приведе-
нія въ исполненіе своего намѣренія, онъ счѣлъ приличнымъ о
немъ сообщить Фалварѣ (святому овець).

Явившись къ нему, онъ рѣчь свою началъ такъ: «Фалва-
ра! я имѣю къ тебѣ небольшое дѣло и хочу о немъ поговорить
съ тобою, если на это будетъ твое благоволеніе. Любовь и ува-
женіе мое къ тебѣ безпредѣльны, но, къ сожалѣнію, я, противъ
воли, вынужденъ сдѣлать тебѣ, Фалвара, небольшое неудоволь-
стіе. Къ тому вынуждаютъ меня неблагодарные люди, пере-
ставшіе выполнять калонъ мой и тѣмъ, истощивъ мое терпѣніе,
навязавъ на себя мой гѣтвъ; орудіемъ же ниспосыпаемаго нака-
занія для исправленія ихъ будутъ мои волки, которые истребить
три части овецъ каждого аула. Быть-можетъ, эта мѣра испра-
вить ихъ и жаловъ мой ини въ свое время будетъ ваносимъ.

«Во исполненіе обычая, существующаго между равными свя-
тыми, я прошу тебя, Фалвара (при чемъ опустить глаза внизъ),
не вступаться за людей, которые забываютъ свыше-посыпаемое
нимъ благодѣяніе и вызывають явное неуваженіе къ своимъ выс-
шимъ покровителямъ, напротивъ, не оставь оказать мнѣ свое
сочувствіе въ дѣлѣ столь важномъ для меня.. Прекративъ рѣчь,
Тутыръ ожидалъ, что скажетъ Фалвара.

Впродолженіи всей той рѣчи, Фалвара, уставя на него гла-
за, молча слушалъ; по окончаніи же ея, онъ держалъ такую рѣчь:

«о, Тутырь! Народъ, на который ты разгнівался и хочешь его наказать, по моему мнѣнію, не заслуживаетъ этого, таъ-какъ онъ не вноситъ волынь. не вслѣдствіе нежеланія пити тебя, а вслѣдствіе бѣдности и невѣжества многихъ, которыхъ мы, святые, должны прощать: поэтому участвовать и сочувствовать тебѣ въ бѣдѣ, которую ты хочешь послать на него, я отказываюсь, какъ равно не имѣю сть своей стороны препятствій къ твоему предпріятію противъ людей,—за это уклоненіе прошу твоего извиненія».

Такимъ отвѣтомъ Тутырь въ душѣ остался очень доволенъ, ибо ожидалъ совершенно противнаго, не показалъ видъ — будто недоволенъ. Если-бы Фалвара сказали, что не дастъ въ общду людей и своихъ овецъ на пищу волкамъ, то Тутырь отказался-бы отъ своего намѣренія, такъ-какъ онъ зналъ очень хорошо, что вызвать Фалвару противъ себя — дѣло опасное: ибо какъ-только разнесся-бы слухъ о ссорѣ Тутыра съ Фалваромъ, всѣ святые не замедлили-бы вступиться за послѣдняго, ведущаго съ каждымъ изъ нихъ [дружбу]. Если-бы не такъ, то гордый Тутырь не обратился-бы къ нему за сочувствіемъ, въ которомъ не нуждался.

Возвратясь къ себѣ домой, онъ, не мѣшкая, позвалъ «Сѣраго», состоящаго при немъ въ услуженіи, и приказалъ ему сказать, какъ можно быстрѣе, по всѣмъ лѣсамъ, горамъ и стенимъ, собрать и представить къ нему обитающія въ нихъ стада его. «Сѣрый» съ быстротою молніи исполнилъ порученіе.

Волки пришли въ страхъ и ужасъ, когда услыхали, что святой и каратель ихъ требуетъ ихъ къ себѣ: ибо никогда не было случая, даже въ преданіи ихъ не сохранилось ничего подобнаго, чтобы, когда-нибудь, Тутырь созывалъ стада свои. Неудоумѣніе ихъ не могъ разрѣшить даже «Сѣрый». Старые волки крѣпко беспокоились о душахъ своихъ, — молодые-же находились въ неописанномъ страхѣ: съ свѣщенными ушами, они собрались на большой сарватъ (площадь) своего пастуха. — Тутырь не заставилъ ихъ себя ждать: «Сѣрый» растворилъ двери елиной сакли, откуда скорыми шагами вышелъ и «великий пастухъ». Съ смѣющимися глазами, онъ остановился, поздоровался, говоря: «Здоровы-ли вы, мои стада, и что опустили уши ваши? Можеть-быть, вы голодны (будто не зналъ, голодны они или сыты), или мое приглашеніе привело васъ въ страхъ! Но предупреждаю, что я не съ тѣмъ собралъ васъ, чтобы наказать, а напротивъ,

хочу удостоить своего лицерѣнія, доброго слова и дать случай
насытить голодные ваши желудки, за доблестные подвиги отважныхъ
вашихъ и за вашу любовь ко мнѣ к постоянное исполненіе моей
воли».

Слова его, какъ лутъ солнца, согрѣли сердца волковъ.

«Вижу», сказаъ онъ, «прошелъ страхъ вашъ и радость
убыла въстъ: заблистали глаза ваши огнемъ, машете хвостами и
подняли уши,—такъ и слѣдуетъ. Внимайте же: хороший день вы-
палъ для въстъ; вы счастливые вашихъ предковъ: я посыпаю въстъ
тѣ стадамъ всѣхъ ауловъ и даю вамъ волю помирать и душить
у каждого пастуха три части овецъ.

«Пастухи будуть стрѣлять въ въстъ, но не бойтесь, — пули
ихъ винтовокъ и пистолетовъ будутъ отвращены моимъ щитомъ,
шапки-же и кинжалы ихъ ве коснутся въстъ и вы будете цѣлы
и незрѣмы. По истеченіи же моей настоящей воли, вы возв-
вращайтесь въ свои кѣста. Вождемъ вашимъ на этотъ разъ буд-
детъ «Сѣрый».

«Сѣрый» во все это время слушалъ изъ-за дверей бесѣду
Тутыра. Когда-же послѣдній крикнулъ: «Сѣрый! сюда!», онъ одни-
мъ прыжкомъ сталъ лицомъ къ нему. «И такъ, погорачивайте и въ
путь», заключилъ Тутыръ.

«Сѣрый» сдѣлалъ прыжокъ впередъ, а за нимъ и всѣ вол-
ки помчались. Они быстро наводнили собою окрестности ауловъ,
гдѣ паслись стада.

Время было лѣтнее, погода стояла ясная, солнце подходило
къ полуденному отдыху, пастухи спокойно пасли стада свои на
лугахъ и поляхъ.

Отъ неожиданнаго нападенія (оно было всюду одинаково)
на овецъ несмѣтного числа волковъ, пастухи сначала растерялись,
а потомъ опомнились и начали стрѣлять въ разъяренныхъ звѣ-
рей, пожиравшихъ и душившихъ безъ милосердія бѣдныхъ овецъ;
но напрасно: пули не попадали въ волковъ.

Выстрѣлами переполошились жители ауловъ и поспѣшили
на помощь къ пастухамъ, но испытали также неуспѣхъ. Отой-
дя въ сторону, они съ сердечнымъ сокрушеніемъ смотрѣли на
свыше-посланную кару; ихъ вниманіе привлекалъ «Сѣрый»:
шерсть же немъ была сѣрая, роста дѣль быть необычайного,
однимъ прыжкомъ изъ одного аула въ другой попадалъ въ сре-
дину стада и однимъ махомъ хвоста побивалъ десять штукъ овецъ.

Все удивлялись лишь тому, что волки не тронули никого из людей.

Впередишли три часа и они исполнение поручения своего пастуха и затмъ исчезли, какъ дымъ, оставивъ на избогатъ множество порѣзанныхъ и задушенныхъ овецъ.

«Сырый» говорилъ покровительствовавшему Тутыру: «о, великий господинъ нашъ — Тутырь! между святыми нѣтъ равного тебѣ по силѣ, достоинству и правдивости: люди называютъ тобою за великодарность и нечокорство свое: они долго будутъ помнить и не замедлять зарубить на священныхъ столбахъ, что «волю Тутыра надо творить».

«Сырый» говорилъ правду. По оставленіи волками ауловъ, жители собрали порѣзанныхъ и задушенныхъ своихъ овецъ и зарыли ихъ въ глубокіи ямы. Затмъ юноши, пожилые и старики собрались на нихасы и усѣлись чинно. При общей тишинѣ, старики говорили: «Послушайте, дѣти! Судь Божій постигъ насъ, — совершилось неслыханное событие, — мы оскорбили Тутыра: многие между нами не оказывали ему должнаго почитанія — не рѣзали въ честь его козловъ. Это несчастіе отъ него: пастухъ волковъ упрямъ и золъ и во гневѣ онъ не знаетъ пощады, а потому и правый и виноватый имъ называется одинаково. Немъ надо знать, какой именно жертвы требуетъ онъ отъ насъ. Требованіе же его мы должны непремѣнно и безотлагательно исполнить, хотя бы имъ требовались наши собственные головы, изъ че онъ пошлетъ на насъ новую бѣду». Совѣтъ стариakovъ былъ принятъ.

Гадальщики погадали и объявили, что пастухъ волковъ разговаривалъ на людей за то именно, что многие между ними перестали платить ему калонъ, и требуетъ, чтобы каждое аульное семейство, ежегодно, осенью, въ день его, Тутыра, рѣзalo откормленного козла и пойдало-бы все мясо безъ участія постороннихъ — даже странниковъ, уважаемыхъ горцами, и чтобы теперь же каждый старшій членъ семейства зарубилъ на березовой палочкѣ въ знакъ своего на это согласія, которую и хранить въ зарубѣ священного столба, находящагося въ северозападномъ углу сакли. Слова гадальщиковъ были одобрены всѣми жителями ауловъ. Послѣ этого случая, каждое горное семейство, имѣющее у себя овецъ и козловъ, въ день Тутыра рѣжетъ откормленнаго козла, котораго горцы называютъ *нафаджіанъ-цау*, т. е., никто не имѣть права есть мясо цауна (коала), кроме домашнихъ.

Фалвара смотрѣмъ на это дѣло со сердечніемъ, но не при-
надѣль прѣтвѣрь него именахъ мѣръ и даже, на совѣтѣ всѣхъ
святыхъ, бывшемъ въ его собственной сакѣ, которыиъ дѣйствіе
частуха водилюсь показались непримличными, унижающими ихъ
начинателя въ глазахъ наказаннаго народа, и которые, кроме
того, въ нихъ видѣли неуваженіе Тутыра, не только къ Фалва-
ре, что стада онъ могубилъ, но даже къ намъ, святымъ, таин-
ство они сами охраняли своихъ *насомодовъ* (посвященныхъ въ честь
ихъ жертванныхъ животныхъ) отъ частей волковъ, — поэтому
хотѣли наказать вехала, — уговорилъ ихъ оставить всіе пред-
пріятія противъ Тутыра, говоря: «о, святые! не достаетъ у меня
словъ, чтобы выразить то чувство благоговѣнія, пріенагельности
и любви моей къ вамъ, которое нынѣ я ощущаю въ душѣ своей,
за столь величое вниманіе и сочувствіе вадие ко мнѣ, которое
да никогда не оскудѣтъ между нами! Во имя всего этого я про-
шу васъ не дѣлать никакого вреда Тутыру, простите ему его
дерзость и коварство, лежащія на его совѣсти, которая неумо-
жимо терзаетъ его. На счетъ-же овецъ моихъ не беспокойтесь: я
уможу ихъ такъ, что и самый бѣдный горецъ будетъ имѣть
кусартахъ (животное) и нывондъ (жертвованное животное) и Ту-
тыръ не лишится пособія». Святые съ нимъ согласились и
разошлись по домамъ.

Фалвара и күедъ (жертва святому овцу). Въ день празд-
ника Фалвары, который бываетъ въ августѣ мѣсяцѣ, осетинской
семейство, у которого водятся овцы, рѣжетъ барашка и готов-
ить дзыка ^{*)}). По приготовленіи этихъ кушаньевъ, старшій въ
домѣ молится: «о, Богъ боговъ! Тобою созданы мы и скотъ
вашъ. Ты надѣлилъ Фалвару овцами и счастіемъ, надѣли имъ и
насъ. О, Фалвара! Богу угодно было вручить тебѣ головы на-
шихъ овецъ, а потому молимъ тебя, отврати отъ нихъ всякую
богъзнь; умножь ихъ на столько, сколько на небѣ звѣздъ.

^{*)} Фалвара любить запахъ дамки болѣе, чѣмъ запахъ, производимый
шашлыкомъ, и у горцевъ она пользуется славою лучшаго кушанья. Ее при-
готавлиаютъ такимъ образомъ: хозяйка сначала кипятитъ изъ потѣхъ воду, по-
томъ опускаетъ въ нею размѣтый сыръ и затѣмъ эту супъ изѣшасть не-
большимъ вѣсломъ, постепенно подбрасывая въ неѣ горетью ишенничной или ич-
енской муки до тѣхъ-поръ, пока она не примѣтъ видъ саламачи и не ста-
нетъ выдѣлывать изъ себя масла. Когда посигдѣть дзыка, хозяйка кладетъ ее
въ деревянныя коредки, вложивъ въ нихъ во стальевѣй лопѣтъ означеннаго мас-
ла. Это кушанье горцы едуть съ прѣсными чуреками.

О, Фалвара и Тутырь, просимъ васъ — вкупе защитите головы нашихъ овцѣ отъ волковъ, помъ затѣните глотки каменьями».

Съ характеромъ Фалвары мы уже ознакомились. Но понятію осетинъ, сердобольствъ его между святыми иѣть, даже самъ Тутырь, волки которого похищаютъ и пожираютъ «лучшихъ» овцѣ его, цѣльуется его расположениемъ и довѣріемъ. Любимый Богомъ и всеми святыми и довольный своимъ положеніемъ, Фалвара любить всѣхъ и желаетъ всѣмъ добра. По смиренію, притосты и добротѣ онъ вошелъ въ народную поговорку. Когда кого хотятъ похвалить за смиреніе и притосты, тогда говорять: «Онъ, или она, походитъ на Фалвару: и иухи не обидитъ»*).

Хуцаум-Дзаръ (божій святой). Имя этого святаго мы упоминали въ молитвѣ, читаемой при бракосочетаніяхъ. Хуцауы-

*) Однажды, рассказываютъ старики, Фалвара и Тутырь, сидя за скромною трапезою у первого, завели разговоръ о томъ: «Чье изъ нихъ стадъ пользуется лучшою славою».

«Слава и благодареніе Богу, говорилъ Фалвара, за то, что Онъ, всесильный и всеблагий, даровалъ мя овцѣ, аще другихъ животныхъ: еще ни одинъ изъ смертныхъ не жаловался на то, чтобы мои овцы сдѣлали ему какой-либо изъянъ, напротивъ, всѣ, признавая ихъ полезными, благословляютъ меня за нихъ, даже самъ Богъ, который создалъ ихъ, и святые выбираютъ изъ среды ихъ для себя ныонда. Итакъ, я счастливѣе всѣхъ святыхъ».

Тутырь тоже высказывалъ, что доволенъ своими волками, но въ глазахъ и рѣчи его не было видно ни на волосокъ правды.

Подстрекаемый завистью, онъ давно искалъ случая унизиТЬ Фалвару. Теперь онъ былъ съ нимъ наединѣ съ глазу на глазъ и случай быль удобенъ. Вставши изъ-за стола, онъ поблагодарилъ Фалвару за угощеніе, стала шутить и бороться съ нимъ, противъ желанія посыдниго, и кулакомъ нанесъ ему ударъ въ лѣвый глазъ, что приспѣло нечаянному случаю. Фалвара пострадавшемъ отъ того удара глазомъ стала видѣть плохо.

Онъ и тутъ высказывалъ свою доброту. Когда Тутырь притворно началъ извиняться, онъ, обнявъ его, сказалъ: «прощаю тебя ради Бога, давшаго мя созвѣть имѣть со всѣми миръ и любовь и не мстить никому за злъ».

Такой примѣръ смиренія, казалось, долженъ быль-бы подействовать на Тутыра и сдѣлать его мягкимъ и миролюбивымъ, но на пастуха волковъ добрые примѣры не действовали:

Возвратившись къ себѣ домой, онъ позвалъ «Сѣраго» и приказалъ ему о поврежденіи лѣваго глаза Фалвары поставить въ известность всѣхъ волковъ, которые, узнавъ объ этомъ, собрались и между собою положили таковой совѣтъ: «отнынѣ мя подкрадываться мя овцамъ съ лѣвой стороны Фалвары, оставивъ прежнюю трактику обходить стада, выходившую, по большей части, неудачно».

Дзуаръ почитается преимущественно горскими жителями, поставившими въ честь его молельные дома, похожіе на часовни, но безъ оконъ и образовъ. Самый праздникъ отправляется осенью, въ то время, которое у осетинъ называется иччима. Горцы-осетины рѣзутъ около молельни козловъ или барановъ по числу рожденыхъ втечениі истекшаго года мальчиковъ и девочекъ и выданныхъ въ замужество дочерей. Жертвы эти составляютъ тоже камонъ. Хуцауы-Дзуаръ запретилъ принимать въ устраиваемый въ честь его пиръ пріезжихъ гостей, которые любить на чужой счетъ пошировать, а потомъ осуждаются праздникъ. Горцы обращаются къ нему съ такою молитвою: «о, Хуцауы-Дзуаръ! Сего-дній день твой и въ честь тебя мы вскорили и зарѣзали вотъ этихъ животныхъ, которыхъ, молимъ тебя, прими съ любовью, такъ, чтобы они равнялись съ тѣми жертвами, которая приносятся людьми, благоугодившими тебѣ. Эти жертвы суть твой камонъ и мы ежегодно исправноносимъ ихъ тебѣ, — призри же на нихъ правиль своимъ окомъ, отвративъ язвы! О, Хуцауы-Дзуаръ! мы чаяли отъ тебя милости и ты намъ ее поши; умножая, умножь потомство наше мальчиками».

Устыми-кувдъ *) (женский праздникъ). Хуцауы-Дзуаръ позволилъ праздновать день свой и женщинамъ, которые, расположившись неподалеку отъ мужчинъ по старшинству лѣтъ, выбираютъ изъ среды себя распорядительницъ. Эти послѣднія принесенные изъ домовъ сваренные куски мяса и другія кушанья и напитки дѣлятъ между сестрами, ставя передъ каждою особою известную порцію. Старшая между ними, взявъ тостъ съ аракой и одинъ трех-угольный чуревъ, съ разстановкою читаетъ молитву, существующую для женщинъ и много похожую на общую молитву, о которой рѣчь будетъ впереди. Отличіе женской молитвы отъ прочихъ состоить въ томъ, что перечисленные въ ней святые именуются не настоящими именами, а произвольными, которые дали имъ осетинки, коимъ обычай, требующій отъ нихъ скромности, запретилъ называть святыхъ тѣми именами, подъ какими они известны въ народѣ, за исключениемъ Аларды, Бываты-Хицауы и Хуцауы-Дзуаръ. Кроме того, называть кого-либо изъ тѣхъ святыхъ настоящимъ его именемъ, значило бы выйти изъ приличія и уронить себя до степени безстыдной женщины. Имя-

*) Кувдъ еще значитъ: 1) жертва, 2) праздникъ и 3) молитва.

же Бога, какъ создателя, имѣютъ право произносить и женщины въ своихъ молитвахъ, но въ божбахъ неприлично призывать Бога.

«Слава Тебѣ, Боже, восклицаетъ старуха. О, Хуцауы-Дзуаръ (божій святой)! Эти бѣдныя женщины по твоей волѣ собрались сюда и тебѣ благодарятъ за ниспосланную отъ тебя милость. О, хранитель этого аула (тоже Хуцауы-Дзуаръ), рожденныхъ въ нынѣшнемъ году и принесенныхъ къ твоей молельниѣ дѣтей — ты возлегъ и покрой правымъ своимъ крыломъ такъ, чтобы въ нихъ не могла пристать никакая болѣзнь. О, Мады-Майрамъ (мать Марія)! Эти бѣдныя женщины свыше поручены тебѣ и отъ тебя ожидаютъ много милостей, въ которыхъ ты имъ не откажи; ихъ дѣти подъ твоимъ покровительствомъ и ты соблюди ихъ отъ глазъ недобрыхъ женщинъ. О, Майрамъ! услышь молитву здѣшнихъ женщинъ, и кто изъ нихъ желаетъ дѣтей, той пошли ихъ столько, сколько просятъ ихъ сердца; которая-же обременена ими и больше ихъ не желаетъ рождать, ту избавь отъ новыхъ родовъ; которую не любить мужъ и она имъ обижена, той пошли то, чего желаетъ ея сердце; кто изъ женщинъ губами смытъся, а сердцемъ желаетъ другимъ зла, и, завидуя счастію другихъ, дѣлаетъ имъ хинъ (чары), ту ты понеси черезъ головы здѣшнихъ женщинъ и да умретъ она за всѣхъ постыдною смертью. О, святой Аларды! отъ тебя идеть дѣтская болѣзнь, отъ которой, молимъ тебя, соблюди дѣтей здѣшняго аула, прогоняя ее въ далекія моря и горы. О, святой мужчинъ (Уастырджи)! наши мужья, гдѣ будуть ходить и сидѣть, тамъ ты будь съ ними, охраняя ихъ отъ тѣхъ враговъ, которые пожелаютъ показать надъ ними свою силу, которую ты и одолѣй такъ, чтобы они, покрытые срамотою, уходили къ себѣ. О, Злой (имя Тхоста), мы живемъ подъ тобою и просимъ тебя — не допусти къ нашему аулу вліянія злыхъ людей. О, св. волковъ (имя Тутыра), отъ твоихъ волковъ спаси нашъ скотъ. О, св. овецъ (имя Фалвары)! Ты — голова нашихъ овецъ и будь ихъ хранителемъ; умножай-же, умножь ихъ такъ, чтобы самый бѣдный семьянинъ въ лучшіе дни свои имѣлъ кусарыгта (жертвенныхъ животныхъ). О, начальникъ хѣбовъ (имя Ели)! въ твоей власти урожай и погода и ты посѣнныя нашими мужьями зерна возрасти такъ, чтобы всѣ житницы были набиты всѣими зернами до верха, и посыпай умѣренные дожди.

Въ-заключеніе старуха восклицаетъ: « я молиться не умею, но молитвенница молитвенницъ да помолится вмѣсто меня и да

подаетъ здѣшнимъ женщинамъ то, чего желають ихъ сердца (такую-же оговорку дѣлаетъ и старикъ въ-заключеніе каждой молитвы). Тостъ и чурекъ она подаетъ одной изъ распорядительницъ, которая, отвѣдавъ ихъ, первый передаетъ своей сосѣдкѣ, а послѣдній кладетъ передъ молитвенницею. Во время обѣда, подавая другъ другу заздравные тосты, пирующая говорятъ: «Богъ да благословитъ Хуцауы-Дауара за то, что онъ не забылъ насть, бѣдныхъ женщинъ: по его милости мы только и празднуемъ; другіе святые и не подумали о насть: впрочемъ, кому дѣло заботиться о женщинахъ, брошеныхъ Богомъ въ грязь: онъ рождается въ несчастные часы,—бѣдные ваши дни!»

Чырджиты баданъ Мады Майрами тыххай (сидѣніе дѣвушекъ ради матери Маріи). Въ концѣ осени дѣвушки сестринъ дворовъ в продолженіи одной недѣли ежедневно собираются въ спальню какой-нибудь старухи, неся каждая съ собою свое рукоѣлье и по чашкѣ разныхъ сортовъ муки, гороху, фасоли, картофеля, по куску сыру и проч. Въ той спальни онѣ пекутъ въ золѣ прѣсные чуреки по числу дѣвицъ, изъ которыхъ каждый съ особою начинкою, и которые, по испеченіи и сложеніи на тарелку, ставятся передъ старшою дѣвушкою. Она, взявъ одинъ изъ нихъ, молится: «Слава тебѣ, Боже! собравшихся въ эту спальню, о, Боже! дѣвушки ты благослови и исполни то, че-го желають ихъ сердца. О, Мады Майрамъ! все бѣдныя и бо-гатыя дѣвушки вслѣду ради тебя празднують цѣлую недѣлю, сердца свои возложили на тебя и молятъ тебя, каждой изъ нихъ пошли умнаго, доброго, молодого, красиваго и состоятельнаго же-виха, который бы и любилъ ее. О, Бынаты Хуцауы (домовой)! Мы, бѣдныя дѣвушки, твои гости и ты не допусти до насть дурной женщины хинъ (чары), а ту, которая занимается имъ, ты погуби отъ ея-же хина такъ, чтобы ослаѣли у неї глаза, высокъ руки и скорчались ноги. О, Азарды (оспа)! ты творишь болѣзнь и отъ ея начала и послѣдствія избавь здѣшнихъ дѣвицъ. Затѣмъ каждая дѣвушка беретъ первый, попавшійся ей, чурекъ, ломаетъ его и смотритъ начинку. У кого окажется сырная начинка, та думаетъ, что выйдетъ замужъ за такого человѣка, у которого будетъ много коровъ; у кого начинка изъ хлѣбныхъ зеренъ, у той мужъ будетъ имѣть въ изобиліи хлѣбъ; у кого изъ сѣна, та выйдетъ за человѣка, имѣющаго много сѣнокосныхъ

луговъ; у кого—монеты, у той будетъ мужъ съ деньгами, у ко-
го начинка изъ шерсти, у той мужъ будетъ имѣть множество
овецъ, и т. д.

Уастырджи (св. Георгій—св. мужчина). Повѣрье говорить,
что св. Георгій постоянно разъезжаетъ на бѣломъ конѣ, носитъ
оружіе, похожее на горское, и употребляетъ его въ дѣйствіе точ-
но такъ-же, какъ и люди, но непостижимо быстрѣе ихъ.

Уастырджи представляется бичомъ воровъ, піутовъ, клятво-
преступниковъ, насильствующихъ, убійцъ и т. п., и покровите-
лемъ людей честныхъ, надѣющихихся на его заступленіе, а равно
и домашнихъ животныхъ, которымъ наканунѣ праздника въ честь
его поручаются ему съ словами: «Уастырджи! да будутъ наши
животныя въ твоей волѣ и да будутъ они соблюдены тобою отъ
изъянна злыхъ и коварныхъ людей».

Нерѣдко гадальщики приписываютъ простудную горячку и
т. п. болѣзни Уастырджи, который таковыя посыпаетъ на лю-
дей въ возмездіе за ихъ вины и для исправленія ихъ.

Если кто сердится на ближняго, то вляпнеть его Георгіемъ,
крича: «да попадетъ въ тебя гнѣвъ Уастырджи, или: да найдетъ
на тебя гнѣвъ Георгія, или: да войдетъ гнѣвъ Георгія въ домъ
твой!»

Пастухъ вляпнеть свое стадо тѣмъ-же гнѣвомъ: «да истре-
бить тебя Георгій!»

Именемъ его горцы благословляютъ другъ друга, говоря:
«Уастырджи да будетъ въ товариществѣ съ тобою». Самый *ардз*,
о которомъ рѣчь будетъ впереди, произносится передъ его мо-
дельнею.

Праздникъ Уастырджи отправляется въ концѣ ноября мѣсяца. Наканунѣ его горцы рѣжутъ по годовалому барашку ныонду. Ныондомъ называется то животное, которое предназначено
въ жертву Богу или святому, по указанію, какъ мы уже гово-
рили, гадальщика или старшаго въ домѣ члена. Вообще упомя-
нутыя выше жертвенные животныя носятъ название «ныондовъ». Хозяинъ въ отличіе ныонда отъ другихъ животныхъ надѣзыва-
етъ правый рогъ его.

Пастухи и хозяева не смыаютъ, если не желаютъ навлечь
на себя гнѣвъ того святого, въ честь которого посвященъ ны-
ондъ, не только обращаться съ нимъ дурно, но и смотрѣть на
него безъ умиленія и благоговѣнія.

313

Утромъ выбранные отъ каждого семейства члены (ихъ бываетъ двое) отправляются къ Уастырджи-кувондонма (молелью). Каждый аулъ строить ее на возвышенномъ мѣстѣ, которое избрано самимъ Георгиемъ, чтобы оттуда удобнѣе можно было ему смотрѣть на людей и ихъ скотъ. Проходя мимо этой молельни съ найденными вещами, путникъ долженъ класть ихъ на камень, находящійся передъ нею, если не желаетъ навлечь на себя гневъ Георгія.

Расположившись около кувондона, богомольцы вынимаютъ изъ переметныхъ сумокъ бутылки съ аракою, кувшины съ пивомъ, чуреки съ сырною начинкою, шашлыки изъ легкихъ и сердца и вареное мясо и кладутъ ихъ на разостланныя бурии. Затѣмъ одинъ изъ распорядителей, взявъ деревянный стаканъ и чашку, первый наполняетъ лучшею аракою, а послѣднюю пивомъ, и тарелку съ тремя трехугольными чуреками, подаетъ ихъ старшему изъ богомольцевъ, который, принявъ ихъ, передаетъ изъ нихъ своему сосѣду чашку съ пивомъ и стаканъ араки, а самъ, держа правою рукою вертель съ шашлыками, а лѣвою трехугольные чуреки, и снявъ шапку, встаетъ (встаютъ и всѣ, предварительно снявъ шапки) и громко читаетъ молитву: «О, великий Богъ боговъ, помоги «этому народу». О, Уастырджи! сегодня день твой и люди эти пришли къ твоему подвожю, дабы воздать тебѣ, покровителю и карателю всѣхъ, славу и да будетъ пріятенъ тебѣ ихъ приходъ: кто изъ нихъ и изъ тѣхъ, которыхъ вѣтъ здѣсь, будетъ отправляться «черезъ тебя» вдалъ, или близко, ты весели у того сердце такъ, чтобы оно, сердце, благословляло тебя, и охраняй отъ всѣхъ несчастій; о, Уастырджи! услыши нашу молитву и посмотри на усердіе наше: да будутъ наши головы и головы нашихъ животныхъ твоими священными гостями, да будутъ тебѣ пріятны принесенные нами жертвы и сдѣлай такъ, чтобы мы, будучи живы и здоровы, могли ежегодно приносить тебѣ въ жертву вывондовъ». Слушатели, держа шапки отверстіями вверхъ, что значитъ: ожидаемъ и просимъ милости, послѣ каждого возгласа старика—произносятъ: аменъ (аминъ). Окончивъ чтеніе молитвы, богомолецъ трехугольные чуреки и вертель съ шашлыками передаетъ ближайшему мальчику, причемъ говорить общія заключительныя слова: «мы молиться не умѣемъ, но пусть помолится за насъ «добру и истинѣ» молитвенникъ молитвенниковъ. Возьми-же, мое солнце! милость Уастырджи да будетъ на васъ».

Мальчикъ, привыкшій ихъ, тихо говоритьъ: «Че иши изъ святыхъ ты упомянулъ и че позабылъ—равно да помогутъ тебѣ». Прикоснувшись губами араки, а зубами шашлыка, находящагося на концѣ вертела, онъ передъ стариками рѣжетъ шашлыкъ на мелкие куски, и затѣмъ, оставаясь тутъ-же, прислушивается, распорядители-же, рассадивъ богомольцевъ по старшинству лѣтъ, раздаютъ имъ порции кушаньевъ и напитковъ.

Отобѣдавъ, богомольцы садятся на лошадей и, объѣхавъ на нихъ вокругъ колельни Уастырджи, съ словами: «Уастырджи, соблюди насть и лошадей нашихъ», возвращаются въ аулъ.

Молодежь движитутъ до поздняго вечера. Убравъ лошадей, они ходять по домамъ, гдѣ принимаютъ ихъ охотно. Ставъ у воротъ очередного дома, они поютъ пѣснъ въ честь Уастырджи, взятую изъ содержания означенной молитвы. Запѣвало начинается протяжно: «Уаании руххсыы Уастырджи (ухъ, св. Георгій)! даа-арынта дынынъ маахъ баааххарамъ (твои болѣзни мы да съѣдимъ)! маанааа ацыы хааадзааранъ аказгаанагуу (вотъ этому дому ты поможь! окажи!) іее фоосынъ аша іее хоорынъ бичерааска (уми-номъ скотъ и хѣбба его)! ой! ай! тай-тай таитъ» (ну! ву!)! Другие-же непрерывно тянутъ, то повышая, то понижая голосъ, «аа-ааа....»

Хозяева, выходя къ молодежи, просятъ ее въ саклю. Входя въ нее, молодежь говоритъ: «миръ этому дому и милость Уастырджи». Хозяева отвѣчаютъ: «да поможетъ вамъ Георгій». Съ наступлениемъ утра, молодежь, очень довольная, что хвалила Уастырджи, расходится.

Кошудзанъ. Кошъ значитъ ротъ, уадзанъ — освобожде-
ніе,—буквально—освобожденіе рта; еще значитъ: разговляться.

Осетины-христіане имѣютъ смутное понятіе о постѣ и пас-
хѣ: дѣти думаютъ, что пасха похожа на лошадь съ бѣлыми пят-
нами на животѣ и на одной изъ переднихъ ляшекъ.

Взрослые и старики объясняютъ, что постятся потому, что,
говорятъ, на томъ свѣтѣ Чаристи (Христосъ) ласть мѣсто дѣ-
души того человѣка, который въ этомъ мірѣ постился.

Въ ночь пасхи все спятъ.

Вставъ засвѣтло и взявъ деревянное ведро, невѣстка то-
ровливо идетъ къ ручью и, молча почерпнувъ воду, съ такою-
же поспѣшностью возвращается.

Такая поспѣшность нужна для того, чтобы первой между аульными женщинами доставить въ домъ воду: ибо въ первой почерпнутой въ пасхальную ночь водѣ заключается особенная милость божія. Кроме того, семейство, которому удалось «первому почерпнуть воду», удостаивается въ Дзенетѣ первого лучшаго мѣста.

Крестообразно обливая водою просѣянную муку въ корыто, невѣстка шепчетъ: «о, водяные святые, чистыя водяныя дѣвы и св. пасха, наполните этотъ домъ всѣми благами міра, и кто почерпнулъ въ лучшій часъ воду, съ тѣмъ сравните и меня; о, св. пасха! чуреки да будутъ сладки и пріятны тебѣ; о, Чирести! всѣ люди надѣются на тебя, что ты въ Дзенетѣ дашь душамъ ихъ мѣста, и ты, молю, надѣли бѣдныхъ женщинъ частицами Дзенета».

Между-тѣмъ встаютъ и остальные члены.

Мальчикъ приводитъ къ очагу ягненка — ныонда пасхи; а старшій въ домѣ, взявъ лѣвомъ рукою ныонда за ухо, а правою съ очага польно, горѣлымъ концомъ его дѣлаетъ крестъ на лбу ныонда, съ молитвенными словами: «о, Куадзанъ! этотъ ныондъ да будетъ сладокъ для тебя и сдѣлай такую милость, чтобы каждый годъ мы — старъ и младъ — встрѣчали тебя благополучно съ живыми головами». Послѣ этихъ словъ мальчикъ ведетъ ягненка въ столу, стоящему среди савии, на который и кладеть его, держа за ноги. Хозяинъ-же, молча, перерѣзываетъ ему горло, изъ которого кровь льется въ тазъ. Обрядъ этотъ соблюдается при закалываніи и другихъ жертвенныхъ животныхъ.

По приготовленіи съѣстного запаса, хозяинъ обычнымъ порядкомъ молится: «о, Чирести! молимъ тебя, призри изъ своего Дзенета и пожалѣй насъ: говорять, что ты въ «необманчивомъ мірѣ» раздаешь мѣста душамъ тѣхъ людей, кои въ здѣшнемъ сблюдали ради тебя посты: ты-же вѣдаешь, что мое бѣдное семейство, не исключая и грудныхъ ребятъ, постилось въ угоденіе тебѣ и да будетъ сладокъ тебѣ нашъ постъ: устрой въ раю мѣста для настоящаго и послѣдующихъ поколѣній нашей фамиліи. О, Барастыръ! слышали мы, что ты начальникъ мертвыхъ, и если это справедливо, то да будетъ угодна и тебѣ настоящая наша жертва: моли Чирести, дабы онъ даровалъ наши мѣста въ раю хорошихъ мѣстъ и тѣмъ изъ насъ, которые перейдутъ въ иллюзорный міръ».

Кауы-зады күсдъ (жертва ангелу аула). Разговѣвшись такимъ образомъ, хозяева рѣжутъ телять по числу рожденныхъ втечениіи года мальчиковъ и совсѣмъ готовыми несутъ въ молелью Кауызада, гдѣ молятся: «о, Боже! слава тебѣ: ангелъ сего селенія, думаемъ, созданъ тоже Тобою и потому, какъ твоя, такъ и его милости да будутъ на насъ; о, Кауы-зады! принесенный этимъ селеніемъ жертвы да будутъ угодны тебѣ: въ этомъ году ты умножилъ число нашихъ мальчиковъ,—умножая, умножь-же ихъ и въ будущемъ такъ, чтобы твоя молельня ими была наполнена. *»).

Аларды баданта (сидѣнія ради Аларды). Подъ именемъ Аларды въ Осетіи разумѣютъ оспу. Аларды есть самый злѣйший изъ святыхъ. Имъ клянутся исключительно женщины, ибо онъ считается ихъ святымъ, хотя онъ не участвуютъ въ пирѣ, устраиваемомъ въ честь его.

«Да привадлежу я Алардѣ» (а принадлежать Алардѣ — дѣло неутѣшительное), или: «если въ моихъ словахъ нѣтъ истины, то да найдетъ душа моя гибель Аларды», или «если я обѣ этомъ дѣлѣ знаю что-нибудь и скрываю въ душѣ, то пусть Аларда приверетъ моихъ сладкихъ дѣтей, и, напротивъ: кто не вѣрить въ истину словъ моихъ, того пусть постигнетъ гибель Аларды».

Во времена повальной оспы, равно и при привитіи ея у дѣтей, осетины приносили Алардѣ въ жертву — ягненка или годовалаго барашка. Это для того, говорять, чтобы сколько-нибудь умилосердить кыккагъ Аларду (злого Аларду), оставляющаго послѣ каждого посѣщенія своего столько смертей и уродовъ.

Въ аулѣ Згитѣ, отстоящемъ неподалеку отъ Садонскаго рудника, поставлена въ честь оспы часовня, или лучше, четырехстѣнная безоконная сакля, которая ограждена отъ доступа животныхъ. Не всякий изъ жителей имѣеть право входить въ нее: самъ Аларда выбирается изъ среды ихъ достойнаго прислужника черезъ гадальщика, который сначала указывается на первого по жизни и добротѣ человѣка изъ каждой фамиліи. Указываемыя же имъ лица метаютъ жеребья и чай изъ нихъ выпадаетъ первымъ, тотъ принимаетъ на себя роль прислужника Аларды. Згитцы съ воскресенія недѣли Фоминой, соединяясь по два семейства въ одно, цѣлый мѣсяцъ пирують въ устроенныхъ около часовни

* Этотъ обрядъ на плоскости началъ ослабѣвать.

земляникахъ, воспѣвая хвалебныя пѣсни Алардѣ. Одна изъ нихъ поется такъ: «Ну, ну», начинаетъ запѣвало, «славимъ, славимъ, прославимъ св. Аларду».

Ай! ай! св. Аларда, подхватывають другіе *).

Онъ! онъ даетъ намъ милость свою.

Дружнѣе! дружнѣе, богомольцы!

Не допуститъ! не допустить къ намъ....

Злоказчественную болѣзнь.

Смѣясь, веселясь надъ головами нашими....

Онъ! онъ—возвеселить сердца наши.

Далеко! далеко

Уйдетъ, уйдетъ св. Алардъ.

Туда, туда....!

Будемъ ему, ему....

Молиться, молиться.

Оттуда, оттуда....

Правымъ своимъ окомъ....

Будеть охранять насть....

И головы нашего скота.

Слава св. Алардѣ.

Воздадимъ, воздадимъ еще разъ....

Св. Алардѣ славу, славу.

Ай! ай! св. Аларда!

Аларда строго воспрещаетъ пѣсть пѣсни недуховнаго содержанія.

Однажды пирующіе позволили себѣ пѣсть нескромныя пѣсни и за это осна изуродовала ихъ такъ, что скривились у нихъ рты и глаза и образовались на лицахъ ихъ большія глубокія ямочки, послѣ чего люди боялись встрѣтиться съ ними. Кроме того, Алардою воспрещено странникамъ и женщинамъ участвовать въ устраиваемыхъ въ честь его пирахъ,—первымъ, вслѣдствіе того, что они, по ходѣ «изъ-подъ него», смѣются надъ нимъ и надъ пирующими, забывая, что голодъ ихъ былъ утоленъ здѣсь, а послѣднимъ за то, что овѣ присутствиемъ своимъ вводятъ мужей своихъ въ соблазнъ.

Семейства, которымъ согласились выѣстѣ отпраздновать дни св. Аларды, готовятъ по бочкѣ пива и араки, которыхъ хватило бы имъ на цѣлый мѣсяцъ, равно по очереди рѣжутъ около

*) Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждого стиха.

часовни — одно семейство — быка, другое — несколько штукъ овецъ. Пиръ начинается съ восхода и оканчивается до захода солнца.

Богомольцы во время обѣда и ужина выдѣляютъ старикамъ и женщинамъ, не участвующимъ въ пирѣ, по порции варенаго мяса и напитковъ, которыхъ имъ въ ауль.

Молитва, обращаемая къ Алардѣ, читается такъ: «о, св. Аларда! молимъ тебя, зри на насъ издалека и ради твоего имени не подходи къ намъ близко (они боятся, чтобы Аларда, подходя близко къ селенію, не сталъ умерщвлять и уродовать ихъ ослою), но внимай оттуда молитвамъ нашимъ, которыхъ вмѣстѣ съ сими жертвами да будутъ сладки твоему сердцу; если же, противъ чаянія, посѣтишь насъ, женъ и дѣтей нашихъ, то оставляй всѣхъ съ веселыми сердцами; о, каратель Аларда (гневный Аларда)! избранные тобою для будущаго года нывонды (нывонды избираются за годъ до праздника) прими вмѣсто головъ нашихъ и нашего скота».

Пиরующіе за столомъ, подавая одни другимъ тосты, просятъ: «отъ имени св. Аларды — выпушать до дво». Приниматели тостовъ отвѣчаютъ: да будетъ на всѣхъ здѣшнихъ людей милость Аларды.

Отпразднованъ цѣлый мѣсяцъ, эгитцы думаютъ, что тѣмъ смигчили гневъ Аларды, который долго не посѣтилъ ихъ, или если и посѣтилъ, то, по-крайней-мѣрѣ, не оставить по себѣ страшныхъ послѣдствій.

Рекома ама Микалгабырта баданта (сидѣнія ради Рекома и Макалгабырта). Первый намъ неизвѣстенъ, а второй есть Николай Чудотворецъ. Обоихъ почитаютъ и призываютъ вмѣстѣ. Въ декабря въ каждомъ домѣ въ честь ихъ рѣжется баранъ — нывондъ. Жители Цайскаго селенія, находящагося въ Алагирскомъ ущельи, на правой сторонѣ р. Ардона, считая ихъ своими патронами, въ честь ихъ издавна учредили двухнедѣльное празднество начинающееся съ 9-го и оканчивающееся 23 мая, впродолженіи котораго пируютъ въ нарочно-устроенныхъ вблизи молельни, находящихся повыше аула, сакляхъ, изъ коихъ въ каждой помѣщается по четыре семейства, которыми сообща рѣжется откорилленный быкъ.

Цайцы поручаютъ покровительству Рекома и Микалгабырта себя, свой скотъ, сѣнокосные луга и проч., прося, чтобы они правыми руками подавали имъ урожай, а лѣвыми отгоняли отъ селенія чертей и разныя болѣзни.

Во время пира протяжно поется следующая пѣсня:

«Они! они! (гей, гей), Рекомъ и Микалгабырт! ваши боевины мы да съедимъ. Ой! ой! (гей). Здѣшніе хорошие люди, воспоеемъ Рекому и Микалгабырту и проч. Припѣвъ тотъ же самый, какой существуетъ для пѣсни Уастырджи.

Гудырты-комъ. Гудырь значить замокъ, а комъ — ротъ. Меню перевести — ротъ замка.

Гудырты-комъ имѣть свое пребываніе у подошвы Евой горы, въ Алакирскомъ-же ущельи, повыше деревни Ходъ.

Ходцы говорятъ, что верхніе зубы Гудырты-кома находятся на небѣ, а нижніе въ землѣ.

Знакомый вамъ Еля уступаетъ ему въ силѣ. Когда Еля, желая истребить на землѣ злыхъ духовъ, бьетъ ихъ ударами грома, тогда этотъ, если бываетъ не въ духѣ, хватаетъ ртомъ громовые удары и глотаетъ ихъ.

Разъ ходцы въ густомъ туманѣ видѣли своими очами, какъ Гудырты-комъ дыханиемъ своимъ, производившимъ большой гулъ, постепенно втягивалъ въ себя необыкновенной величины змѣя и потомъ при блескѣ молнии глотнулъ его. И если-бы, уверяютъ они, онъ этого не сдѣкалъ (слухъ объ этомъ шелъ во время моего дѣтства и онъ сохранился въ моей памяти), то тѣмъ змѣемъ были-бы сѣдены все люди и животныя и на землѣ не осталось бы ни одного живого существа.

Ходцы считаютъ Гудырты-кома своимъ патрономъ и карателемъ.

Разг҃яжавшись на жителей, онъ градомъ величиною съ куриное яйцо побиваетъ хлѣба ихъ; гибается-же онъ тогда, когда замѣтитъ, что ходцы не отъ чистаго сердца приносятъ ему жертвы въ подошвѣ помянутой горы. Жертвы состоятъ изъ лгненка и коровы; первый закалывается очереднымъ семействомъ въ началѣ лѣта, а послѣдняя по уборкѣ хлѣбовъ.

Вскори мѣсяцъ корову, очередное семейство наканунѣ дня Гудырты-кома печеть по числу дворовъ трехъ-угольные чуреки, а другія семейства по 49 круглыхъ чурековъ.

Такое количество чурековъ они пекутъ не для себя, а для насыщенія Гудырты-кома, полагая, что онъ, будучи съ огромнымъ ртомъ, не можетъ наѣсться малымъ количествомъ чурековъ. Впрочемъ, по словамъ гадальщика, означенное количество,

выйти съ цѣлою коровою и кувшинами браги, коихъ приносять тоже не малое число, достаточно для утоленія голода и жажды Гудырты-кома.

Понятно, что пирующие не пойдаются всего. Остатокъ оставляется на мѣстѣ, съ словами: « эти остатки да будутъ сладки и пріятны тебѣ, св. Гудырты-комъ ».

Въ молитвахъ своихъ ходцы просятъ этого святого обѣ избавлениія ихъ отъ града и другихъ несчастій, происходящихъ лишь отъ него *).

Сау-дзуаръ (черный святой). Онъ почитается патрономъ всѣхъ горскихъ аульныхъ рощей, которые составляютъ остатки отъ древнихъ густыхъ и дремучихъ лѣсовъ и носятъ название Саукадта (черные лѣса). Вѣроятно, и патронъ ихъ получилъ свое название отсюда.

По вѣрованію осетинъ, Сау-дзуаръ имѣетъ свое пребываніе въ тѣхъ рощахъ и охраняетъ ихъ отъ пожаровъ и самовольныхъ порубщиковъ.

Изъ нихъ позволительно брать лѣсъ только въ день праздника Сау-дзуара и то лишь для приготовленія жертвы изъ ягненка, а въ вѣкоторыхъ случаяхъ, где почитаются его своимъ патрономъ, и быка.

Ныонды рѣжутся лѣтомъ и пойдаются подъ рощею.

Сау-дзуаръ не особенно почитается горцами, какъ это видно изъ того, что его имя рѣдко слышится въ общей молитвѣ. Въ молитвахъ горцы молять его о томъ, чтобы онъ оберегалъ состоящие въ вѣдѣніи его лѣса отъ огня и самовольныхъ порубокъ и чтобы тѣхъ людей, которые подожгутъ ихъ или сдѣлаютъ въ нихъ самовольные порубки, онъ взялъ подъ свой гнѣвъ.

Уациллаи ныондъ-галъ (посвященный Уациллѣ быку). Съ этимъ святымъ мы достаточно ознакомились.

Общество, собравшись передъ тѣмъ временемъ, какъ выходить на пашню, въ выхась, приглашаетъ гадальщика и предлагаетъ ему погадать: « какого быка изъ стада Уацилла желаетъ взять себѣ въ ныонды ». Гадальщикъ, по соблюденіи извѣстного обряда гаданія, указываетъ на замѣтнаго по красотѣ быка, которого тотчасъ жители съ-обща покупаютъ и, сдѣлавъ на рогѣ

*) Въра въ Гудырты-кома въ послѣднее время сильно поколебалась.

его знакъ нывонда, отдаютъ аульному пастуху, который и пасеть его вмѣстѣ съ стадомъ. Когда-жъ наступаетъ время жатвы, тогда по два члена изъ каждого семейства (мужчина и мальчикъ, на обязанности послѣдняго лежитъ нести тарелку съ тремя трехугольными чуреками въ молельнѣ) ведутъ нывонда къ мѣсту, гдѣ въ честь Уациллы, или Еля, вбиты два шеста, и тамъ старикъ, по сдѣланіи на ябу его креста, перерѣзываетъ ему горло. Мясо его дѣлать на части по числу аульныхъ домовъ и разсылаются по принадлежности, оставивъ пирующимъ лишь голову, ноги, легкія и другія внутреннія части жертвенного животнаго; при чемъ говорятъ: «пусть мясо юдить домашніе, ибо Еля въ немъ не нуждается, довольствуйся только запахомъ отъ шашлыка». Они думаютъ, что Уацилла, какъ и другіе святые, въ то время, когда старикъ, держа вертель съ шашлыкомъ, произносить: «жертва наша да будетъ тебѣ, Еля, угодна», приходитъ июхаетъ шашлыкъ.

Если въ томъ году, въ которомъ празднуется день Еля, хлѣба уродятся хорошо, то молятся: «Уацилла! нынѣ ты послалъ намъ хороший урожай и за это отъ «бѣдныхъ» нашихъ сердецъ посыпаемъ тебѣ благодарность, которая съ настоящею нашою жертвою да будетъ сладка твоему сердцу». Въ случаѣ же неурожая, обращаются къ нему съ такимъ молитвенными словами: «Уацилла! Въ этомъ году хлѣба наши не удалось: таково было твое желаніе, противъ которого нѣтъ лѣкарства. О, Уацилла! Нынѣ мы глаза и сердца наши обращаемъ къ тебѣ и молимъ, не оставь въ будущую весну посѣять на нивахъ нашихъ хлѣбные зерна, коими ты засѣваешь свои нивы, и подай намъ такой урожай, чтобы житницы наши были наполнены хлѣбными и другими зернами. Призри-же, призри, Уацилла, на наши нивы и посмотри, какъ они «бѣдны», а черезъ нихъ и наши сердца».

Арвягдым-кувдъ (жертва Арвягду). Арвягдъ собственно есть башня, гдѣ пребываетъ Кауы-задъ, т. е., ангель аула. Иногда подъ именемъ Арвягда разумѣютъ невидимаго патрона аула.

Горцы ежегодно приносять ему въ жертву съ каждого дома по ягненку.

Въ знакомомъ намъ аулѣ Ходъ фамилія Даукаева день его празднуется ятомъ, передъ выходомъ на покосъ, съ пѣніемъ и пляскою.

Семейство, на которомъ лежитъ очередь, съ вечера готовить большие сырники, въ которые вливается по ложкѣ растопленного коровьяго масла, а, по наступлениі дня, созывается по одному человѣку изъ каждого дома своей фамиліи. По явкѣ всѣхъ гостей, хозяинъ передъ каждымъ пзъ нихъ ставить по одному сырнику. Между-тѣмъ, распорядителя потрошатъ нѣсколько штукъ барашковъ. Обѣдъ переносится въ сосѣднюю отъ башни саклю, куда приглашаются и всѣ жители.

Обратившись лицомъ къ башнѣ, молящійся восклицаетъ: «О, Арвягдъ! сей день мы посвящаемъ тебѣ и молимъ — охранай твою башню отъ нового небеснаго удара: ибо, если она разрушится, то гдѣ ты будешь имѣть свое пребываніе? О, Кауы-задъ! наши сердца говорятъ, что ты ведешь дружбу съ Елія,—моли его, чтобы онъ внутилъ съ тобою сюблю отъ своего и небеснаго удара твою башню и всю нашу страну».

Послѣ обѣда молодежь поетъ вижеприводимую пѣснь.

Ходцы вѣрятъ, что въ незапамятное время башня эта отъ громового удара наклонилась и верхомъ своимъ оперлась на съѣдную башню и три дня находилась въ этомъ положеніи. Тогда вся фамилія Даукаева, не исключая и женщинъ, образовавъ изъ себя круговую цѣпь, вружилась вокругъ башни впродолженіи трехъ дней,—день и ночь, воспѣвая жалобную пѣснь съ припѣвомъ, употребляемымъ въ пѣсни, которая составлена въ честь громового удара.

Запѣвало затягивается: «уа Елита (во множественномъ числѣ)! уа Арвягдта! подайте этому собранію милости ваши. Ой цоппай, ой алай (припѣвъ поется противнѣ), ой алай, ой алдары цоппай, бастанъ хорзы цоппай *).

Кто поднялъ эту башню, того болѣзни мы да съѣдимъ.

Ой цоппай, ой алай, ой алдары цоппай, бастанъ хорзы цоппай.

Въ ней живетъ Кауы-задъ и ему кланяемся головами.

Ой цоппай, ой алай, ой алдары цоппай, бастанъ хорзы цоппай.

Кауы-задъ, прими насъ подъ свои крылья.

Ой цоппай, ой алай, ой алдары цоппай, бастанъ хорзы цоппай.

*) Ой (охъ) цоппай—качаніе, алай—трдсніе, бастанъ—место, хоръ—хорошо, алдаръ—господинъ.

Арвягдъ спасетъ насть отъ всякихъ бѣдъ и напастей.
Ой цоппай, ой алай, ой алдары цоппай, бастанъ хорзы,
цоппай.

Наканунѣ четвертаго дня башня на виду всѣхъ постепен-
но поднялась и приняла прежнее свое положеніе.

Хуцауы нывондъ-зала (посвященный Богу быкъ). Одновре-
менно съ быкомъ Уациллы рѣжется въ честь Бога быкъ, въ
видѣ қалона, съ соблюдениемъ обряда, употребляемаго при зарѣ-
зывааніи первого.

Богъ строго наказываетъ, если не въ свое время и не по
гаданію гадальщика выбирается ему нывондъ; наказывается же
онъ стариковъ аула, которые обязаны хранить и исполнять обы-
чай и которые забываютъ свой долгъ по отношенію къ нему.

Если старикъ заболѣваетъ въ скорости послѣ времени при-
несенія жертвъ изъ быка, выбраннаго не по указанію гадаль-
щика, а самими стариками, то онъ призываетъ гадальщика и
проситъ его отгадать: «по чьей волѣ — Бога или кого изъ свя-
тыхъ — онъ болѣвъ».

Гадальщикъ объявляетъ, что болѣзнь ниспослана за то, что
больной не исполнилъ воли Бога по отношенію къ выбору жертвен-
наго быка, т. е. заранѣе не убѣдилъ жителей, чтобы они изби-
рали ему быка изъ стада въ свое время и черезъ гадальщика;
объявляетъ также, чтобы больной принесъ отъ себя въ жертву
быка, а въ случаѣ неизѣнїя его, барашка, и зарѣзаль-бы его
въ тотъ день, въ какой приносится и рѣжется общественный
быкъ, причемъ необходимо изготовить или пиво, или араку.

Слова гадальщика приводятся въ исполненіе.

О томъ, какое понятіе имѣютъ осетины о Богѣ, можно су-
дить изъ обращаемой къ Нему слѣдующей молитвы.

«Слава Тебѣ, Боже», восклицаетъ старикъ, «слава! О, Богъ
боговъ! Ты создалъ все: и ангеловъ, и святыхъ, и что видимъ
и не видимъ, и молимъ Тебя, подай намъ милость Твою и ми-
лость всѣхъ тѣхъ, которыхъ Ты создалъ, и отврати отъ насть
гнѣвъ Твой и гнѣвъ ангеловъ и святыхъ Твоихъ.

«О, Боже! Ты вѣдаешь тайны сердецъ людей, вѣдаешь так-
же, что мы выбрали и принесли Тебѣ этого нывонда отъ чи-
стыхъ сердецъ нашихъ, а потому, молимъ тебя, прими его точно
такъ, какъ примешь нынѣ жертвъ отъ людей, угодившихъ Тебѣ.

О, Боже! Ты создалъ времена, годы и дни, — и молимъ Тебя, пошли намъ хорошія времена, годы и дни; о, Боже! травою насыти Твоихъ животныхъ, а хлѣбами — Твоихъ людей; о, Боже! сдѣлай такъ, чтобы подъ Тобою не было бѣдныхъ и голодящихъ; о, Боже! если на томъ свѣтѣ есть что-нибудь, то имъ наѣди и насть. Даїе поручають ему свои нивы, поля и луга.

Подвижной хоръ пѣвчихъ, составлявшійся въ честь Рыны-бардуага.

Рынъ значитъ повальная болѣзнь, барь—воля, дуага—одна изъ высшихъ небесныхъ силъ; вообще же ангель, который имѣеть власть надъ смертю.

Нерѣдкое явленіе въ горахъ, эпидеміи и эпизоотіи, заставило горцевъ отличать Рыны-бардуага особыеннымъ почитаніемъ. Аулы всѣхъ ущелій вѣкогда положили при появлении означенныхъ болѣзней праздновать извѣстный день въ честь Рыны-бардуага, который и отправлялся ими по очереди, и, чтобы придать празднику особенное торжество, составлять такъ-называемый подвижной хоръ пѣвчихъ.

Узнавъ, что въ такомъ-то аулѣ появилась эпидемія, или падежъ скота, жители одного изъ сосѣднихъ къ нему ауловъ собирались на ныхасъ и тамъ, по предварительному совѣщанію, призывали свыше-вдохновенного старика и предлагали ему бросить жребій: «кому изъ молодыхъ людей быть въ хорѣ».

Жребій состоялъ изъ маленькихъ, коротенькихъ палочекъ, которыхъ надрѣзывались самими юношами, чтобы лучше отличить свою мѣтку, и которыхъ затѣмъ гадальщикомъ опускались въ его шапку. Встряхнувъ ее, онъ выбрасывалъ первую попавшуюся палочку и передавалъ ее хозяину. Получивъ жребій, юноши, образовавъ изъ себя кружокъ, отправлялись по ауламъ, верти важный файнагдзаходанта (въ родѣ русской трещетки), распѣвая пѣсни духовныя и свѣтскія.

Приближаясь къ аулу, они останавливались, становились въ кружокъ и, затѣмъ, протяжно пѣли пѣснь, составленную въ честь Рыны-бардуага:

Ооооии, оои Рыны-бардуагъ! Низдааарда аи ууу (гей, гей, болѣзнь отъ тебя), ааа на низдзи нааадтааръ дааи ууу (здравье тоже отъ тебя), аацыы ка ацу даа фы да аххай бакка-ккаа (этотъ аулъ отъ твоего гнѣва сохрани). Чинсылаа аза

стыраам деууаазаагъ стыы (старъ и младъ суть твои гости)! и проч.

Двинувшись въ аулъ, они хоромъ пѣли въ честь всѣхъ святыхъ, повторяя имена ихъ по два и по три раза и во множественномъ числѣ.

Уастырджита! Уастырджита! Уастырджита! Рекомта! Микалгабырта! Микалгабырта! Елята! Елята! Елята! и проч. Мана ацы кау бакака нутъ уаугъ визай (здѣшній аулъ соблюдите отъ повальной болѣзни).

Завидя приближающійся хоръ, молодежь выбѣгала къ нему для встречи, и, принявъ участіе въ пѣніи, приглашала его на большую аульную площадь, гдѣ встречали его старики и присоединялись къ нему и дѣвушки.

Изъ домовъ выносили пѣвчимъ кувшины съ пивомъ, аракою и брагою, столы съ жареными цѣлыми барашками, чуреки съ сырной начинкою.

Пѣвчие приглашали къ себѣ стариковъ раздѣлять трапезу, которые, посѣлъ закуски и выпивки, принимали участіе въ пѣніи и круговой медленной плясѣ.

Подвижной хоръ въ каждомъ аулѣ дѣялъ иочевку, не переставая пѣть дель и ночь. Жители смотрѣли на нихъ, какъ на богомольцевъ своихъ, Хуцауй курдзинадъ курджита (отъ Бога просящихъ милости) и какъ на Божихъ гостей; поэтому дарили имъ быками, коровами, баранами, козлами и проч.

Божи гости обходили весь окрестные аулы и съ собранными стадами возвращались въ свой аулъ, жители которого по гаданію гадальщика выбирали между тѣми стадами лучшихъ барановъ, быковъ и проч. и приносили въ жертву Рыны-бардуагу; остальная же животная дѣлилась подворно и затѣмъ каждый хозяинъ откармливавъ нылонда ко дню Рыны-бардуага.

Въ настоящее время хоръ пѣвчихъ болѣе не существуетъ.

Общая молитва. Общая молитва, будучи составлена изъ исчисленныхъ нами молитвъ, служить какъ-бы продолженiemъ каждой изъ нихъ. Она читается такъ: «Слава Тебѣ, Боже! О Боже! благослови собравшихся въ эту молельню людей (затѣмъ читается подробная молитва того святого, въ честь которого празднуется день). Уастырджи! Эту жертву мы принесли такому-то святому и да не будетъ ему обидно, что мы цопросимъ, что-

бы и ты принялъ въ ней участіе: она да будетъ сладка и тебѣ; кто изъ здѣшнихъ людей, отправляясь вдали, пойдетъ «подъ тобою», тому ты вы指引и путь, «споспѣшествуя» ему на немъ до прибытія его туда и обратно. О, Уацилла! подай намъ такие урожаи, чтобы животы наши всегда были сыты. О, Хуцауы-Дзуаръ! нынѣ и присно предстоишь ты передъ Богомъ: моли Его, дабы Онъ надѣлилъ насъ отъ изобилия своей благодати. О, Кауы-задъ! Этотъ аулъ есть твой гость и ты, молимъ тебя, охраняй его отъ всякаго искушенія и людскаго гнѣва. О, Рыны-бардуагъ! избавь насъ и скотъ нашъ отъ вскихъ болѣзней. О, Рекомъ и Микалгабрта! вы — сильные святые и подайте нашему аулу силу для одолѣнія враговъ. О, Тыхость! Мы живемъ подъ тобою и кто вздумаетъ насильно вторгнуться въ наши предѣлы, того ты сломи и истреби. О, Тутыръ! просимъ тебя, загради уста твоимъ волкамъ каменями такъ, чтобы они никогда не могли дѣлать изъяна нашему скоту. О, Фалвара! наши овцы въ твоей волѣ и, умоляя, умножь ихъ такъ, чтобы бѣднѣйше между нами могли въ дни Бога и святыхъ Его присоединять въ жертву ягненка. О, Сауы-Дзуаръ! наши лѣса состоять въ твоемъ вѣдѣніи, ты соблюди ихъ отъ хищниковъ и всегубительного огня. О, Аларда! Издали мы будемъ тебѣ молиться и потому ты близко не подходи къ намъ, а если подойдешь, то оставляй насъ съ веселыми сердцами. О, Хуратхуронъ (огонь, сотоварищъ солнца)! ты ходишь къ Богу и, просимъ тебя, моли Его, чтобы Онъ посыпалъ намъ свою милость и щедроты..

Цуанонъ (охотникъ). Предпринимая охоту на оленей и козловъ, осетивъ съ вечера велить своей женѣ спечь три маленькихъ, кругленькихъ сырника и, по наступленіи утра, съ этой дорожной провизією отправляется въ дорогу. По достижениіи предположенного мѣста, онъ, вынувъ изъ-за пазухи сырники, призываетъ Овсати (св. туровъ, оленей и козловъ). «О, Овсати! я, бѣдное созданіе Божіе, пришелъ къ подножію твоему въ той надеждѣ, что ты, услышавъ мою молитву, выдѣлишь мнѣ изъ твоего стада одного «бѣднаго» оленя или козла: молю тебя, призри на меня съ высоты своей и выпусти ва долю моей винтовки хотя старую козу, негодную для тебя. О, Овсати! прими мои сырники за жертву, самую лучшую, какую, когда-либо, принесъ тебѣ счастливѣйший изъ охотниковъ «мира». О, Овсати! Не отпусти

меня съ съеженнымъ сердцемъ и поникшою головою, но, напротивъ, сдѣлай тагъ, чтобы отъ тяжести твоего сырда (звѣря) гнулась моя спина и радовалось мое сердце, улыбались губы и сиялись глаза. О, Овсати! много есть у тебя сырдовъ и ты отъ избытка своего надѣляешь ими даже неблагодарныхъ звѣрей Тутыра,—неужели меня не пожалѣешь и не дашь мнѣ хотя хорошую козу».

Подкрѣпивъ желудокъ пищею, онъ начинаетъ охоту и, если ему удастся убить сырда, то, подбѣжавъ къ нему, перерѣзываетъ ему горло, съ словами: «о, Овсати! тебѣ я благодаренъ». Сканивъ изъ него шашлыки, довольный охотникъ возсылаетъ Овсати благодарственную молитву: «о, Овсати! ты сравнялъ меня съ лучшими охотниками міра и за это съ шашлыками изъ твоего сырда возношу тебѣ благодарность моего бѣднаго сердца. О, Овсати! подай, чтобы каждый разъ я былъ тагъ счастливъ, какъ теперь». Наѣвшись досыта, счастливый охотникъ остатки отъ шашлыковъ несетъ съ собою, прехтя и охая подъ тяжестью Овсат'ева сырда. Увида путника, или пастуха, онъ подзываетъ его къ себѣ, говоря: «отъ шашлыковъ Овсат'ева сырда насыти свой бѣдный желудокъ: да не раскаевается онъ, Овсати, что далъ своего сырда скрягѣ,—отъ чего да избавитъ насть Овсати! ъшь, хороший человѣкъ! благодари святого лучшихъ звѣрей и моли, чтобы онъ каждый разъ посыпалъ мнѣ по такому козлу и чтобы ты всякий разъ попадался мнѣ навстрѣчу». Встрѣчный повинуется.

По приходѣ же домой, охотникъ велитъ сварить шею, голову, ноги и однѣ заднюю лапку и потомъ ими угощаетъ приглашенныхъ сосѣдей, говоря: «по милости Овсати, отѣздайте мяса сырда». — «Дадасть тебѣ Овсати много изъ множества своихъ сырдовъ», отвѣчаютъ ему.

Если-бы, говорить повѣрье, охотникъ не угостилъ «бѣдныхъ» людей мясомъ сырда, дарованного ему Овсати, то послѣдній не только не далъ-бы ему убить, но даже видѣть издали сырда.

Рассматривая во время закуски рога козла, одинъ изъ молодыхъ гостей восклицаетъ: «о! о! о! вотъ какие рога у этого сырда». Другой: «воображаю, какъ этими рогами на томъ свѣтѣ козель боднетъ Хадаби (имя охотника), чай кишкى и сердце сразу оторвѣть ибросить на землю». — «Хадаби—что, вступается въ разговоръ третій, а вотъ горе будетъ Гусу (имя славнаго охотника): больше его никто не убивалъ звѣрей и птицъ; медвѣди, волки, туры, лисицы, орлы и проч. будутъ мстить ему: орелъ носомъ

пробить ему черепъ и вѣчно будетъ клевать мозгъ, велиъ зубами рвать тѣло, медвѣдь когтями раздирать на части, а туры и козлы—бодать».—«Медвѣдя-бы, вмѣшиается четвертый, и не слѣдовало убивать: онъ, говорятъ, когда-то былъ женщиной, которую Богъ за дурныхъ дѣлъ превратилъ въ медвѣдя, и поэтому онъ не опасенъ для женщинъ. Если-бы, противъ чаянія, медвѣдь вздумалъ напасть на женщину, то слѣдуетъ только остановиться и обнажить свою грудь и онъ, узнавъ, что это женщина, не тронетъ ее».

Скачка. Мы говорили о разорительныхъ поминкахъ; ихъ устраиваютъ и въ великой постѣ и вмѣстѣ съ ними и скачки.

Лишившись одного изъ своихъ членовъ, горское семейство, кроме устройства трапезы, на которую приглашается цѣлое селеніе, обязано дать еще скачку въ честь усопшаго, на которую имѣютъ право пускать своихъ лошадей исключительно ближайшие родственники покойника. Число лошадей, которыхъ должны составить скачку, нельзя опредѣлить, такъ-какъ назначеніе его зависитъ отъ состоянія хозяина, который устраиваетъ скачку, и отъ числа такихъ родственниковъ, которые имѣютъ на нее право.

Первая прискакавшая лошадь получаетъ черкеску и шапку (послѣдняя назначается для сѣдока), вторая—бешметъ; третья—поистъ и ноговцы и т. п. У зажиточного семейства нарядъ, назначенный на эти призы, обшивается золотомъ или сереброю тесьмою.

Получивъ за двѣ недѣли до дня скачки приглашеніе на нее, хозяева лошадей выѣзживаютъ ихъ. У кого-же явѣть своей, тѣтъ на этотъ случай берѣть у родственника или у кунака.

Каждое утро хозяинъ, сажая мальчика на лошадь, плюетъ на ея голову, спину, ноги, ляшки, хвостъ и уши и потомъ на всѣ четыре стороны, шептывая ей на правое ухо: «да сохранять тебя Богъ отъ вліяній дурныхъ глазъ лихихъ людей». Затѣмъ предупреждаетъ мальчика: «смотріи: мимо дома такого-то хозяина неѣзжай, а при встрѣчѣ съ нимъ; его жену, сыномъ и дочерью, свороти въ сторону, и, когда встрѣчный скроется съ глазъ, плюнь ему вслѣдъ, причемъ говори: «твой хинъ да ходить

за тобою». Остерегайся и другихъ людей: ибо много есть злыхъ и завистливыхъ людей, готовыхъ сдѣлать всякому хицъ».

Принимая отъ него обратно лошадь, онъ осматриваетъ ее съ ногъ до головы и, сплювавъ, ведеть въ конюшню, стѣны, двери и отверстія которой также сплевываетъ, и потомъ, привязавъ ее къ яслямъ, оставляетъ.

Наконецъ, наканунѣ дня скачки хозяева ведутъ своихъ лошадей во дворъ дома, устраивающаго скачку, старшій членъ котораго, въ сопровожденіи распорядителей предполагаемой на утро трапезы, выходитъ на встрѣчу лошадямъ, неся съ собою большую деревянную чашку съ пивомъ, и громко читаетъ молитву: «О, Боже! благослови! молимъ Тебя, дай душѣ Еліаса (имя усопшаго) мѣсто въ Дзенетѣ и да веселится она тамъ, какъ олень. О, Боже! кто пустилъ скачку въ лучшій день, съ тѣмъ сравни и меня. О, Чиристи! Мы слышимъ, что на томъ свѣтѣ Ты раздаешь мѣста: если это правда, то просимъ Тебя, уготовь мѣсто и нашему Еліасу, въ которомъ онъ пусть веселится такъ, какъ желаешь его сердце. Еще просимъ Тебя, дай, чтобы эту чашу съ пивомъ онъ вѣчно держалъ въ рукахъ, которое никогда да не умалится, чтобы эти лошади всегда стояли передъ нимъ таинственно, какъ теперь онъ стоять передъ нами, и чтобы безъ его согласія никто изъ мертвыхъ не дерзнулъ Ѣздить на нихъ; кто же позволитъ себѣ сдѣлать это, того Ты, о, Чиристи! лиши Дзенета, — да сдѣлается онъ долею Зындана. О, Барастыръ! тебя называютъ начальникомъ мертвыхъ, и если это истина, то просямъ тебя, прими Еліаса подъ свое покровительство, чтобы онъ не былъ никѣмъ обиженъ. О, Уастырджи! весь міръ въ нуждѣ прибѣгаєтъ къ твоей помощи и мы, «бѣдные люди», прибѣгаемъ къ тебѣ и молимъ — прими подъ свое покровительство и этихъ «бѣдныхъ» лошадей, соблюдая ихъ отъ всякихъ опасностей и, въ особенности, отъ вліянія лихихъ глазъ, и если кто изъ дурныхъ людей сглазить какую-либо изъ стоящихъ тутъ лошадей, то у того ты, Уастырджи, искупай правый глазъ и отними правую ногу, чтобы такимъ образомъ онъ, лихой человѣкъ, на вѣки валялся въ грязи, и чтобы не видѣть ему лучшихъ дней (стоя тутъ, или глядя со стороны на молящагося, и слыша слова послѣднаго, лихой человѣкъ тихо шепчетъ: «алло, алло (нѣтъ, нѣтъ)! я гость Уастырджи и онъ сохранилъ меня отъ твоего проклятія, которое да обрушится на твою голову»). О, Фандажи-дуарта (св. до-

роги! Эта лошади суть ваши гости и вы соблюдите ихъ отъ паденія. О, Еліасть! если на томъ свѣтѣ есть истина, то да послужить настоящая скачка тебѣ на радость. Рухсагу (да будешь свѣтель) и сиди въ Дзенетѣ!

Кончивъ чтеніе молитвы, онъ, выливъ изъ чашки на землю немного пива, подносить чашку во рту каждой лошади и потомъ предлагаетъ молодымъ сѣдокамъ выпить всю чашку. Отвѣдавъ пива и сказавъ: «умершій да будетъ въ Дзенете», сѣдоки возвращаютъ чашку хозяину, который напутствуетъ ихъ такими словами: «Богъ да выпрямитъ вашъ путь: поѣзжайте въ такой-то аулъ, ночуйте у такого-то, пусть никто изъ васъ не спить: ибо злые люди, воспользовавшись вашею оплошностью, могутъ или сглазить или увезти вашихъ лошадей. Пусть Уастырджи будетъ вашимъ путеводителемъ и хранителемъ отъ лихихъ людей. Въ юхавъ въ аулъ, поѣзжайте по такой-то улицѣ . . .»

Въ назначенный аулъ сѣдоки прїезжаютъ поздно, такъ, что хозяинъ, для встрѣчи ихъ, встаетъ съ постели; поздно-же прїезжаютъ они для того, чтобы лихіе люди не могли попасться имъ на встрѣчу.

Выходя къ нимъ и поплевавъ на ихъ лошадей, хозяинъ привѣтствуетъ ихъ: «въ хороше дни да ходите» (онъ ожидалъ ихъ прїезда). Усадивъ гостей въ кунацкай и предложивъ имъ заснуть и заснуть, отчего они отказываются, онъ совмѣстно съ ними караулить лошадей, чтобы кто-нибудь не увелъ ихъ или не сдѣлалъ имъ хињъ. «Кто знаетъ, думаетъ онъ, можетъ-быть, есть между самими сѣдовами такой, который умѣеть дѣлать хињъ». На разсвѣтѣ онъ садится на лошадь и провожаетъ ихъ рысью до того мѣста, откуда они должны скакать. Сказавъ: «да будетъ добръ вашъ путь», онъ возвращается. Для помощи къ каждому изъ нихъ выѣжаютъ кузата (помогающіе), въ числѣ пяти или шести всадниковъ, изъ коихъ одинъ ждетъ дугона (скакущей лошади) вблизи селенія, другой въ полверстѣ отъ него, первого всадника, третій еще дальше.

Первый кузонъ встрѣчаетъ дугона, еще не усталую, а потому ограничивается только крикомъ: айтъ! айтъ (ну! ну!)

Тоже самое повторяетъ и второй, если скакущая лошадь не начинаетъ слабѣть. Третій, взявъ дугона за узду, почему сѣдоку приходится держаться за переднюю луку сѣдла, или при затѣтномъ обезсиленіи ея слѣзаетъ съ нея и идетъ пѣшкомъ и, ска-

зывъ: «Уастырджи! аказъ бана (помощь окажи)! понукастъ: айтъ! айтъ!

Завидя первую скачущую лошадь, столпившися около вороть дома, справляющаго поминки, жители плюютъ по направлению къ приближающейся лошади. Хозяева лошадей ищутъ глазами въ толпѣ хинганджиты и если замѣтятъ ихъ, то наблюдаютъ за ними: «плюнуть они на лошадей или вѣтъ». Если, паче чаянія, случится, что кто-нибудь изъ извѣстныхъ въ аулѣ лиходѣевъ, вслѣдствіе разсѣянности, или по какой-либо другой причинѣ, забудетъ плюнуть, и въ это время скачущая лошадь, къ несчастью, споткнется и упадетъ, тысячи провлятій сыпятся на голову лиходѣя. Первую прискаравшую лошадь и ея хозяина толпа привѣтствуетъ, а родственникъ покойника первую встрѣчаетъ съ чашкою пива и молитвою. Впрочемъ, обычай не лишилъ привѣтствія и опоздавшихъ лошадей.

Поминки состоять изъ вѣсколькихъ бочекъ пива и араки, рыбныхъ кушаньевъ и прѣсныхъ чурековъ. Гости размѣщаются въ саѣгѣ и на дворѣ.

Добрые люди. Добрые люди въ такой словѣ, что народъ равняется имъ съ гадальщиками (они честны и кротки), и какъ безъ участія послѣднихъ не приступаетъ къ выбору въ честь Бога и святыхъ Его выводовъ — жертвенныхъ животныхъ, такъ-точно—безъ «добрыхъ людей», или точнѣе, безъ ихъ первого начинанія, не рѣшается начать свои весеннія, лѣтнія и проч. серьезные занятія.

Народъ отличилъ ихъ еще и другимъ названіемъ: «люди счастливаго выхода и начинанія».

Наступаетъ, напримѣръ, пора выходить на покосъ,—горецъ не рѣшается взять косу до тѣхъ-поръ, пока не увидитъ ее на плечѣ человѣка, первое начинаніе которого считается счастіемъ для всѣхъ.

Вставъ рано утромъ, осетинъ-горецъ сидитъ на завалинкѣ дома и ждетъ выхода «доброго человѣка»; но этотъ, въ свою очередь, медлитъ выходить: онъ боится встрѣчи съ лихимъ человѣкомъ, который, желая первый воспользоваться эгою встрѣчей, притается въ потаенномъ мѣстѣ, ждетъ и, завидѣвъ его, доброго человѣка, шепчетъ: «да перейдетъ твое счастье ко мнѣ и къ моимъ дѣтямъ и внукамъ, и пусть тѣ, которые удостоились вмѣ-

стѣ со мною въ этотъ моментъ видѣть тебя, будутъ скѣпы и ломаются косы ихъ такъ-точно, какъ въ рукахъ моихъ вить эта сухая палочка» (ломаетъ палочку). Затѣмъ, довольный своимъ подвигомъ, уходитъ.

Лишь только завидятъ «счастливаго человѣка» съ косою на плечѣ, осетины тотчасъ берутъ свои и идутъ на мѣста сѣнокосовъ. Но и послѣ того дѣло не начинается: на мѣстахъ все ждутъ времени, когда заблеститъ коса «доброго человѣка». Вотъ, наконецъ, онъ, снявъ шапку, прочитавъ молитву: «О, Боже! да будетъ наше начинаніе въ лобрый часъ и кто вышелъ косить въ лучшій день, съ тѣмъ, о Боже! сравни и жителей нашего аула, соблюдая ихъ отъ вліянія дурныхъ глазъ», и плюнувъ во все стороны, размахиваетъ косою, подвигаясь впередъ.

Пошли и всѣ косить.

Вотъ у одного косаря переломилась коса,—это значитъ дѣствіе глазъ лихого человѣка, который, если не попадалъ на встрѣчу, такъ, «провѣтленій отъ Бога и отъ людей», непремѣнно притаился гдѣ-нибудь и смотрѣлъ оттуда на всѣхъ. Такая-же церемонія соблюдается во время жатвы и пахоты.

Предварительно начатія одного изъ упомянутыхъ занятій—старь и младъ, собравшись на ныхасъ, разсуждаютъ между собою: «кто изъ счастливыхъ людей берется первый выходить: или на пашню, или на жатву, или на покосъ». Одинъ изъ стариковъ подаетъ голосъ, что слѣдовато-бы, по его мнѣнію, выйти Тотру (имя доброго человѣка),—другой—Бать, а третій указываетъ на Елмарза, говоря, что въ такомъ-то году рекомендуемый имъ первый вышелъ пахать и былъ въ аулѣ хороший урожай.

Счастливые старики, счастливые общими добрыми о себѣ мнѣніемъ, вступаютъ въ сужденіе, говоря: «Нѣтъ, мои дома (вмѣсто словъ: нѣтъ, мои друзья), наши начинанія не всегда оказывались счастливыми,—счастливѣе начинаній Тѣмрико никогда не было: жаль, что онъ сталъ старъ и не можетъ ходить за сохой, а было-бы очень хорошо, если бы онъ согласился хоть въ эту весну разъ пройти съ сохой, хотя бы при поддержкѣ брата». — «О, чтобы ты прошелъ», отвѣтчаетъ старикъ, «щегольскіе дни свои! Я съ большимъ усилиемъ и трудомъ, опираясь на «бѣдную» палку свою, выползаю на ныхасъ, а онъ (чтобы вошелъ прежде меня въ могилу)! хочетъ, чтобы я принялъ теперь на себя обязанность предводителя! Полно шутить надъ полумертвымъ стари-

домъ — не кстати: щдите себѣ съ Богомъ. Если Богъ захочетъ дать урожай, то дасть и безъ нашего первого начинанія.

Лихіе люди. (Мулла и Мисирби). Суевірія и предразсудки породили добрыхъ людей, они-же породили и лихихъ шарлатановъ, выдающихъ себя за людей, имѣющихъ непосредственное евошаніе съ Богомъ, святыми Его и злыми духами. Такими людьми являются въ Осетіи муллы и невѣжественные знахари изъ туземцевъ. Для примѣра, мы укажемъ на одного муллу (имя его забыто) и осетина Мисирби.

Въ 1871 году, между плоскостными жителями Сѣверной Осетіи появился мулла и, объявивъ себѣ за праведнаго человѣка, сталъ выдавать записки, въ которыхъ, уверялъ онъ, находятся средства, не только противъ душевной и тѣлесной болѣзни, но даже противъ бѣсовъ. Слухъ объ этихъ запискахъ, или, какъ называлъ ихъ народъ, «книжкахъ», произвелъ такое дѣйствіе, что жители окрестныхъ селеній (мужчины и женщины) дланью вереницей потянулись къ муллѣ, заявляя о своихъ нуждахъ и болѣзняхъ, причемъ одарили его высайнастами (горсть ваты и съ нею отъ 10 к. до 1 р. денегъ). Обстоятельство это перемолошило ближайшую администрацію и приходскихъ священниковъ, которые, отобравъ у муллы походную чернильницу, перо, захваченные записки и другія вещи, объявили ему, что если онъ не уберется въ свои предѣлы, то, арестовавъ его, о продѣлахъ его донесутъ вышешму начальству, для дальнѣйшаго распоряженія.

Выпросивъ свои вещи, онъ, подъ видомъ того, что возвращается въсвойсп, оставилъ кунацкую своего хозяина, скрылся изъ аула и затѣмъ окольными путами отправился въ горы, гдѣ вновь сталъ торговаться своими «книжками», причемъ покупательницамъ шепталъ о томъ, что у него имѣется такое лекарство, по принятіи котораго разрѣшаются невѣдомство, и такое, отъ котораго женщина перестаетъ рожать. Сильное движеніе народа, направленное къ врачу отъ всѣхъ болѣзней и чертей, заставило горскихъ священниковъ и сельскихъ старшинъ выжить его, врача, изъ горъ, что, впрочемъ, даромъ не обошлось: мулла былъ одного причетника, который обѣ этомъ залвилъ мѣстному начальству, для разбирательства и законнаго поступленія съ виновнымъ порядкомъ административнымъ.

Признаюсь, мулла просилъ меня помочь его горю, но, не

желал поддерживать шарлатана, я отказалъ ему въ просьбѣ, посовѣтовавъ ему оставить вредное ремесло.

Дальнѣйшая судьба его неизвѣстна.

Старикъ Мисирби своею предпримчивостію въ чародѣйствѣ превзошелъ иллу и за это, а также за другія дѣла былъ сосланъ въ ссылку, но, получивъ свободу, возвратился на родину и снова взялся за старое ремесло.

Никогда не забуду: я еще былъ мальчикомъ, какъ этотъ Мисирби ходилъ изъ аула въ аулъ и шарлатанствомъ выманывалъ у бѣдныхъ горцевъ деньги, дорогія вещи, барановъ, коровъ и даже быковъ, выгоняя будто-бы изъ домовъ чертей, хивдинадъ (чары), разрѣвшая неплодство женщинъ и проч.

Переступая черезъ порогъ сакли, Мисирби вѣжнымъ, тонкимъ и протяжнымъ голосомъ произносилъ: «Миръ этому дому и да изгонять изъ него Богъ чертей и чары, внесенные въ него проклятыми отъ Бога людьми».

Члены каждого семейства встречали его съ чувствомъ радости и страха: ибо его принимали за человѣка, обладающаго силой изгонять бѣсовъ и волшебство и въ тоже время вводить ихъ обратно въ домъ. Бѣдняки, разумѣется, старались угодить Мисирби, для чего рѣзали лучшій баранъ и гнались арака, и онъ, не торопясь, ёлъ и пилъ.

Разостлавъ на полу—среди сакли — бурку, а на бурку туфель, и положивъ у изголовья подушку, Мисирби ложился вверхъ лицомъ, держа въ обѣихъ рукахъ бубенчики.

Лежа такимъ образомъ, онъ сначала принималъ серьезный видъ, водилъ глазами по окружающему люду и потолку, а потомъ — то выпрямляя ноги, то подбирая ихъ къ себѣ, то кулаками разомъ ударяя о полъ (причемъ бубенчики производили звонъ), поворачивалъ голову — то на право, то на лѣво, быстро вскакивалъ и опять ложился, скрежеталъ зубами, моргалъ глазами и бился головою о полъ, — такъ дѣлалъ онъ до-тѣхъ-поръ, пока изо рта его не показывалась пѣна. Тогда Мисирби кричалъ: «ступайте! ступайте отсюда! Оставьте меня одного! Выходя изъ сакли, горцы запирали двери на замокъ и оставались въ дома до того времени, пока не раздавалось въ ушахъ ихъ пѣнѣ Мисирби.

Возвращаясь въ саклю, они находили Мисирба въ облегченномъ состояніи. Онъ пѣль составленную имъ самимъ пѣнію, съ знакомыемъ намъ прииѣвомъ, веря бубенчиками.

Слава, начиная сить, свѣтлому святому!

Ой цоппай, ой алай, припѣвали хозяева и посѣтители,
ой Алдары цоппай.

Слава господину сего мѣста!

Слава святому паутинѣ!

Слава тому, кто головою трисеть!

Слава пытающимся грязью (назшимиъ чертямиъ)!

Слава добру сего мѣста!

Слава дну воды!

Слава говорящему истину!

Слава святому дома сего!

Слава св. змѣй!

Слава св. жуковъ!

Слава св. червяковъ!

Слава св. цѣпи (говорится о той цѣпи, которая виситъ надъ очагомъ)!

Слава св. здѣшнихъ горъ!

Слава св. волосъ!

Слава св. ногтей!

Слава св. разныхъ травъ!

Слава св. вѣтровъ!

Далъе перечислять имена вышеупомянутыхъ святыхъ.

Переставъ пѣть, онъ устремлялъ глаза въ потолокъ и нѣсколько времени оставался въ такомъ положеніи,—затѣмъ вдругъ вскрикивалъ: «нашелъ! нашелъ! воинъ! воинъ!» (всѣ со страхомъ и ужасомъ смотрѣли туда, куда онъ устремлялъ свои глаза, вскрикивалъ и требовалъ лѣстницу, крича: «открыль и поймай хинъ: онъ теперь въ моей власти!» Ставъ на нижнюю ступень лѣстницы, онъ медленно подымался по ней и наконецъ останавливался, шарилъ рукою въ разсѣянѣ покрытаго сажею потолка, находилъ въ ней небольшой шарикъ, зашитый въ тряпичу (хины Мисирби находилъ, за немногими исключеніями, въ потолкахъ), съ нимъ спускался по лѣстницѣ, шелъ въ свѣту, въ присутствіи зрителей медленно разсматривалъ шарикъ, который онъ называлъ хиномъ, вертѣль его въ рукахъ, какъ-будто искалъ чего-то, понятнаго только для него одного, обтирая рукою сажу, какъ-видно, недавно приставшую къ шарику, распарывалъ, развертывалъ его края и что-же находиль?—человѣческие волосы, баранью шерсть, засохшую на ключкѣ тряпичы кровь, обрѣзки ногтей съ пальцевъ рукъ и ногъ, обрѣзки съ лошадиныхъ, коровьихъ, козьихъ, бараньихъ конѣтъ, комокъ паутины и засохшую мышь.

«Вотъ, вотъ, смотрите, обращая внимание зрителей Ми-
сириби, это дѣло рука человѣка, въ которомъ сидитъ злой духъ,—
пребываніе этого хина въ домѣ есть страшное зло, отъ кото-
рого происходить всякия несчастія. Я знаю этого чародѣя, его
жену и дѣтей, но выдавать его не долженъ, это мое правило;
ибо если-бы я выдавала всѣхъ колдуновъ, хины которыхъ я от-
крываю и умерщвляю, то люди передрались бы и цѣлыя селенія
истребили бы другъ друга: мое дѣло только отыскивать и сожи-
гать хинъ, чтобы отъ него бояще не вѣяло несчастіемъ, и из-
гонять чертей изъ домовъ бѣдныхъ людей, хотя, признаюсь, та-
кой трудъ мнѣ даромъ не обходится: всѣ вы были свидѣтелями
иуки, приватой мною отъ злыхъ духовъ и хинганджитай (колду-
новъ), бывшихъ для васъ невидимыми, а для меня ясными;—вы
видѣли, какъ я бился головою о полъ, какъ судорожно сжима-
лись у меня всѣ члены и какъ выступала изо рта пѣна — все
это происходило отъ того, что цывхорта (изъшіе черти, поѣдаю-
щіе грязь) и колдуны не хотѣли подчиниться моей власти и упор-
но отставали свою свободу и права на эту саклю, и я-бы не одолѣлъ ихъ, если-бы во время самого разгара борьбы мнѣ не
помогли тѣ святые, имена которыхъ вы слышали. Побѣжденные
теперь взяты на меня и грозятъ отмстить, но пить это не удастся,
потому, что за меня стоитъ Езя. И такъ, не бойтесь теперь: всѣ
будете живы и здоровы, будетъ здоровъ и невредимъ и скотъ
вашъ. Въ успокоеніе же ваше я довершу начатое дѣло».

Ведѣвъ развести костеръ, колдунъ Мисирби означенныи
вещи, по-одиночкѣ, бросалъ въ пламя и сакля наполнялась смрад-
нныи дымомъ, причемъ праговоривалъ: «такъ да горитъ злой
духъ и колдунъ, какъ горитъ въ виду нашемъ этотъ хинъ». Обра-
щаясь къ домашнимъ, онъ приказывалъ: «плоньте всѣ на догорам-
шій хинъ и на всѣ четыре стороны». Домашніе повиновались. «От-
нышь, объявилъ Мисирби, миръ этому дому: нечистая сила изг-
нана изъ него и хинъ лихого человѣка сожженъ,—чародѣй и злой
духъ рыдають, ибо лишены возможности входить въ эту саклю».

А чтобы навсегда избавить саклю отъ нового волшѣбства
и чертей, онъ произносилъ противъ нихъ проклятие. «Кто-же,
прокляналъ Мисирби, отважится,—или изъ зависти, или изъ нена-
висти—дѣлать и вводить въ эту саклю хинъ и чертей, тотъ пусть
сгоритъ, какъ сгорѣлъ несчастный хинъ, пусть трещитъ, какъ
трещали бросаемые нами составы хина, и пусть почернѣетъ кол-
дунъ, сдѣлавшій этой сакль хинъ, какъ почернѣлъ его хинъ!

Довольны ли вы, спрашивалъ онъ хозяевъ, моими дѣлами?—«Богъ да благословитъ тебя, Мисирби, за то, что принялъ на себя такой трудъ ради насъ, благословили хозяева, мы никогда не забудемъ твое имя и въ молитвахъ своихъ будемъ просить Бога о дарованиі тебѣ многихъ лѣтъ: ты наша доля отъ Бога и доля отъ нашего Ангела (вместо словъ: ты нашъ Богъ и нашъ Ангелъ). Мисирби! Да будетъ на насъ твоя милость—объяви намъ, какую плату можно тебѣ получить отъ насъ за очищеніе нашей сакли», спрашивали благодарные хозяева.

«Что пожалуете, то будетъ достаточно». Онъ говорилъ не правду, потому что за визитъ онъ бралъ корову; меньше-же стоимости коровы не принималъ, а больше бралъ, наль мы за-мѣтили выше.

Посѣщаю выхасы, Мисирби рассказывалъ о томъ, какъ Богъ отираетъ ему тайны сердцъ людей, о бесѣдѣ своей со святыми и чертами и о борьбѣ своей съ послѣдними. Онъ утверждалъ, что въ каждомъ домѣ есть по нѣсколько чертей и хинъ, запущенный волшебникомъ.

Чертей Мисирби дѣлилъ на два разряда, — на первому относились добрыхъ и благородныхъ, которые мало вредятъ человѣку и его сиоту и которые обѣдаются и ужинаютъ вмѣстѣ съ людьми, но отъ этого у послѣднихъ не осуждаются житницы; во второму — злыхъ и грязныхъ чертей, питающихся грязью и рѣдко человѣческою пищею, послѣднею именно тогда, когда скучная хозяйка, имѣя довольно хлѣба и сыру, жаждѣть дать страннику кусокъ хлѣба и сыру, извиняясь бѣдностью; тогда наизшѣ черти берутъ цѣлый хлѣбъ и сыръ и отрѣзываютъ отъ нихъ такие куски, которые щедрая хозяйка подала-бы рѣдкому гостю, и съ жадностью поѣдаются: оттого у многихъ скупыхъ хозяекъ нѣтъ изобилия.

Мисирби очаровывалъ въ особенности женщины, которыхъ, отправляясь на мельницы и по воду (въ Осетіи женщины ходятъ по воду и на мельницы гурьбою и одновременно), пересказывали все слышанное отъ него въ преувеличенномъ видѣ: одна, напримѣръ, восклицала: «уу! Боже мой! Боже мой! какой Мисирби выросъ между людьми». Другая: «да да дай мабонъ» (охъ, день мой)! если и въ нашемъ домѣ поселились черти и есть хинъ, то что будетъ съ нами? я боюсь по вечерамъ ходить одна въ хлѣбъ и доить коровъ, и когда приближаюсь къ нему, такъ отъ страха по кожѣ морозъ дереть, и думается мнѣ, что, наль

только стану доить, такъ садеть на меня одинъ изъ Мисирбіевъхъ чертей». Третья перебивала: «если-бы не сдѣлали мнѣ хинъ, то развѣ я не рожала-бы дѣтей: чѣмъ я хуже другихъ женщинъ!». Четвертая утверждала: «и по правдѣ сказать: оттого-то и я перестала рожать: вѣдь не хуже, есть-же женщины, гораздо старѣе меня, а рожаютъ, посмотри, какихъ еще здоровыхъ мальчиковъ и девочекъ; — гляди на нихъ, завидки берутъ: кто сдѣлалъ мнѣ хинъ, надѣ тѣмъ да будетъ Богъ судью». Пятая говорила не въ пользу Мисирби: «дододой (выраженіе ужаса)! страшенъ для меня этотъ Мисирби; рассказываютъ, что онъ нѣкоторымъ женщинамъ сдѣлалъ хины и оттого однѣ перестали рожать, другихъ перестали любить мужы, а у иныхъ умираютъ дѣти. Его Богъ да будетъ надѣ вимъ судью». Шестая прибавляла: «всѣ толкуютъ про Мисирби, что онъ изгоняетъ изъ домовъ чертей, сожигаетъ хины и исцѣляетъ отъ разныхъ болѣзней; но однако не видно, чтобы въ домахъ, где побывалъ Мисирби и сожигалъ хинъ, не умирали, скотъ не докъ и жены рожали: вотъ, напримѣръ, у Джержіевыхъ онъ недавно сжегъ хинъ и однако у нихъ издохла корова и умерло дитя».

Наконецъ, седьмая повыশала голосъ: «я вами скажу, здѣшнія женщины (у осетинъ принято обращаться къ собесѣдникамъ: тутопшніе и здѣшніе люди), что если Мисирби дѣйствительно одаренъ свыше силою, какую прописываютъ ему, то отчего не спасаетъ свой скотъ отъ падежа: вѣдь у него перевелась вся скотина, и сколько лѣтъ онъ ходитъ по ауламъ и обираетъ бѣдныхъ жителей, а у него ни кошки, ни собаки! Подъ гиѣвомъ Божіимъ собираетъ и потому вѣтъ и не будетъ у него ничего».

Не смотря на это разнорѣчіе и ропотъ противъ Мисирби, не смотря на то, что у него въ домѣ не было «ни кошки, ни собаки», ибо собираемыя имъ стада барановъ, коровъ и проч., или издыхали отъ падежа, или отъ дурного присмотра, или же просто уводились ночными промышленниками, которыхъ вѣдѣ не мало, не смотря на все это, Мисирби не бросалъ своего ремесла, а горцы не переставали звать его въ себѣ, заявляя свои требования помочь горю, которое, къ несчастію, было у всѣхъ.

Но бываетъ-же всему конецъ, пришелъ конецъ и славѣ и обаянію Мисирби: иѣстная администрація сжалась надѣ народа и Мисирби былъ отправленъ въ ссылку, гдѣ, какъ мы замѣтили, оставался недолго и, по возвращенію, снова было взято за старое ремесло, но духовенство, которое видѣло въ немъ

явнаго противника вѣры, постаралось проповѣдями и частыми бесѣдами ослабить въ нему вѣру народа,—и Мисирби замолкъ, но на долго ли? Впродолженіи 1871 и 1872 гг. въ Осетіи свирѣпствовали эпизоотія и эпидемія и Мисирби предложилъ своему обществу выбрать изъ стада бѣлого быка, котораго и принести въ жертву Рыныбардуагу, чтобы онъ, умилосердясь надъ народомъ, отвратилъ тѣ повальной болѣзни.

Меньшинство голосовъ уже стало было поговаривать, чтобы совѣтъ Мисирби быть приведенъ въ исполненіе, но приходскій священникъ разумными доводами отвергъ совѣтъ Мисирби и въ довершеніе своего торжества отслужилъ молебенъ.

Ахары-дуръ (всепотрясающій и пожирающій камень). *Захъмлачаачъ-зазъ* (поддерживающій землю быкъ). *Май-хорта* (пожиратели луны) и *Хур-хорта* (пожиратели солнца).

Собравшись зимою подъ вечеръ въ чью-либо кунацкую для препровожденія времени и потолковавъ о томъ и о семъ, а между тѣмъ до ужина еще далеко, осетины иногда пускаются въ сужденія и о страшномъ судѣ и о явлевіяхъ, которыхъ будутъ сопровождать кіаматы-бонъ (тяжелый день). «Живемъ», начинаетъ одинъ изъ стариковъ, «живемъ, а что будетъ съ нами на страшномъ судѣ, — вѣдѣтъ только одинъ Богъ: когда подумаешь о немъ, такъ по кожѣ морозъ деретъ и замираетъ сердце. Не легче чувствуешь себя и при мысли о страшномъ всепожирающемъ камнѣ, который, говорятъ, упадетъ кіаматы-бонъ (въ тяжелый день) съ неба, паденiemъ своимъ потрясеть землю, потомъ, будучи съ громаднымъ ртомъ, пожреть ее съ обитающими на ней существами и, наконецъ, пожреть солнце, луну и звѣзды.

«Говорятъ, что грѣшики первые будутъ осуждены въ все-пойдающей день — и имъ по дѣломъ! Но что будетъ съ нами, бѣдными стариками, беременными женщинами и грудными дѣтьми? — «Богъ знаетъ: у Него есть средство», рѣшаетъ другой старикъ. — «Когда умремъ, тогда дѣлай съ нами что хочешь», говорить третий. — «Нѣтъ, не успокаивай себя, тогда другое скажешь», возражаетъ четвертый. — «Желательно было бы знать», вмѣшиваетъся шутникъ, «будетъ-ли осужденъ въ день страшного суда эшакъ? — «Безъ сомнѣнія», отвѣчаютъ ему, «не только эшакъ, но даже мухи, пураски, червяки и прочія твари будутъ осуждены. Въ противномъ случаѣ, зачѣмъ-бы люди дѣлали эшакамъ фыдгандъ (смо-

три ниже), если-бы они не были предназначены для суда вмѣстѣ съ людьми». — «О, Богъ! восклицаетъ джигитъ, «я твой гость: не осуди меня вмѣстѣ съ эшаками, собаками и кошками: пусть лучше пожираетъ меня Ахары-дуръ и пошлетъ меня Богъ въ адъ и тамъ черти мною забавляются такъ, какъ забавляются тѣмъ старикомъ, котораго Барастыръ оставилъ въ Зындонѣ: ибо жить нескончаемо съ этими нечистыми животными тошаще и ужаснѣе всякихъ адскихъ мукъ». — «Полно нести вздоръ», окрикнетъ старикъ, «кому что написано еще въ утробѣ матери, то и будетъ съ нимъ; если предопределено, чтобы эшаки, кошки и собаки въ дѣйствительномъ мірѣ вѣчно стояли передъ людьми, то, желай того или не желай, такъ и будетъ». — «Пусть будетъ такъ», соглашается джигитъ, «но скажите мнѣ, избавится-ли отъ рта Ахары-дура быкъ, на рогахъ котораго держится земля?» — «Вѣдаешь это одинъ Богъ», отвѣтываетъ тотъ-же старикъ, «отцы ваши обѣ этомъ умолчали. Однако, быкъ тотъ долженъ быть очень величъ и силенъ, когда въ силахъ держать на рогахъ землю, съ горами и морями; велики-же должны быть и тѣ рога! Когда онъ имъ потряхиваетъ, тогда дрожитъ вся земля и во многихъ городахъ и деревняхъ валяются дома. И что если-бы онъ взбѣсился, вѣдь, тогда земля, отскочивъ отъ роговъ, провалилась бы въ тартаръ и вмѣстѣ съ ней всѣ люди и животныя». — «Что, тартаръ имѣть дно или вѣтъ», спрашивавший любопытный. — «Кто его знаетъ», отвѣтываетъ старикъ. «Но мнѣ любопытно знать, на чёмъ держится самъ быкъ? Вѣрою, онъ пьетъ крысы, которыми постоянно машетъ, — въ противномъ случаѣ, какъ могъ-бы онъ держаться и держать на своихъ рогахъ землю». — «Чѣмъ-же питается тотъ быкъ», докучаетъ тотъ-же любопытный, «вѣдь подъ землею есть только воздухъ, развѣ имъ питается? Держа-же на рогахъ землю, онъ не можетъ щипать траву, ибо если подыметь морду къ землѣ, то въ то-же время подыметь и землю, а потому нѣть ему возможности щипать траву». — «Да развѣ у Бога мало средствъ на то, чтобы быкъ всегда быть сытымъ», возражаетъ старикъ. «Наконецъ, около него, навѣрное, есть водопадъ, изъ котораго онъ можетъ пить, не подымая головы, и стогъ сѣна, закопченный и сложенный подземными людьми». — «Божье удивление! Неужели на исподней части земли живутъ люди и животныя? Какъ-же они держатся? Вѣдь у нихъ головы обращены внизу — тартару: бѣдные тамошніе люди и животныя! Они всегда въ опасности провалиться въ тартары! Боже! благодарю Тебя, что я родился

не тамъ и не вижу тартара, Зындана, гдѣ черти жестоко забавляются душами бѣдныхъ людей, вооклицасть джигитъ. — «Неужели Зындонъ находится подъ землею? въ такомъ случаѣ, какъ-же въ баѣфадисанѣ (смотри надгробную рѣч) говорится, что умершіе сначала должны подыматься вверхъ, побывать у наслѣдника луны — Хамедѣ-Хана и у сына солнца, Магомета», возражаетъ другой джигитъ. — «Да развѣ», возражаетъ въ свою очередь старикъ, «не видишь, что солнце и луна ходятъ вокругъ земли: съ востока подымаются и на западѣ заходятъ. Разумѣется, на исподней части земли есть люди, и у нихъ дома; ъдятъ-же они небесныя купанья, не похожія на наши. У нихъ, есть страшные враги, которые по временамъ нападаютъ на нихъ и ъдятъ ихъ, оставляя каждый разъ отъ нихъ только частицы, которыя выростаютъ и принимаютъ прежній видъ».

Во время лунного затмѣнія, осетины, вѣри, что луну пожираютъ какіе-то звѣри — май-хорта, стрѣляютъ изъ винтовокъ по направленію къ дунѣ и, по появлѣніи снова ея въ видѣ дуги, думаютъ, что остальную невидимую часть ея сожрали тѣ животныя и что видимая часть луны уцѣлѣла отъ тѣхъ звѣрей, потому только, что они, услышавъ выстрѣлы ружейные, отъ страха бросаются свою жертву и убѣгаютъ.

Такіе-же звѣри по временамъ нападаютъ и на солнце и поѣдаются его, почему на вѣкоторое время его совсѣмъ не бываетъ видно и оно появляется на небѣ потому, что отъ оставленной отъ него части снова выростаетъ и принимаетъ прежній видъ. Но удивляются тому, что солнце, будучи великий огонь, сразу не сожжетъ ихъ, и изъ того выводятъ заключеніе, что тѣ звѣри состоятъ тоже изъ огня, иначе-бы не только не пожирали солнца, но даже не подошли-бы къ нему близко.

На страшномъ судѣ, говорятъ горцы, май-хорта и хуръ-хорта нападутъ на Ахары-дуря за то, что онъ пожретъ луну и солнце, и начнутъ рвать его на куски. Во время этой борьбы Ахары-дуръ извергаетъ изъ себя солнце, луну и землю, причемъ раздавленные люди и животныя будутъ испускать изъ себя смрадъ, но восстанутъ по зову Чиристи (Христа), или Баастыра (начальника мертвыхъ). Увидя луну и солнце, звѣри, оставивъ Ахары-дуря, бросятся: май-хорта — на луну, а хуръ-хорта — на солнце, но напрасно: солнце будетъ ихъ жечь, а луна сдѣлается гладкою такъ, что никакіе зубы не возьмутъ ея. Оба скиталя будутъ стоять неподвижно до того времени, пока не на-

ступитъ ахары-бонъ (всепоѣдающій день), въ который они солются вмѣстѣ съ землею въ одну массу и примутъ видъ послѣдней. Тогда-то воскреснутъ всѣ люди и животныя, и Богъ распределить людей: однихъ къ страданію различными муками, причемъ передъ некоторыми грызунами вѣчно будуть стоять паршивыя собаки, кошки и эшаки,—другихъ къ наслажденію райскими удовольствіями.

Фыдгандъ (срѣмная клятва, заклинаніе кошкою, собакою и эшакомъ). **Ардъ** (присяга, проклятие). **Фалдисандзинадъ** (присяга, заклинаніе себя).

Изъ понятій о Богѣ и святыхъ Его, какъ о страшныхъ карателахъ, о вѣчной жизни и бессмертіи людей и животныхъ, народились и оформились у осетинъ фыдгандъ, ардъ и фалдисандзинадъ, которыми до введенія въ краѣ судебной реформы оканчивались дѣла тяжебын, воровскія, по убийству и проч.

Существовавшій въ Осетіи медіаторскій судъ, который выбирался самимъ народомъ изъ людей, пользующихся въ обществѣ довѣріемъ и уваженіемъ, предоставлялъ истцу право назначать обвиняемому или подозрѣваемому лицу, смотря по роду совершенного имъ преступленія, принимать одинъ изъ поманутыхъ родовъ присяги, какъ очистительное средство.

Впрочемъ, не всегда и не всякому обвиняемому лицу позволялось лично произносить клятву, а, по большей части, судъ требовалъ присяги отъ однофамильца его, притомъ лица, пользовавшагося, какъ въ своей фамиліи, такъ и въ народѣ, славою честнаго и правдиваго человѣка, ибо присяга, даваемая первымъ, со временемъ утратила въ глазахъ народа свое значеніе, который открыто протестовалъ противъ нея словами: «авзарганаганта цай әрдъ» (какая клятва у преступника!).

Клятва, которая произносилась родственникомъ подозрѣваемаго или обвиняемаго, не оставляла по себѣ никакихъ недоразумѣній, такъ, что истецъ и судъ ею вполнѣ удовлетворились. Фыдгандъ произносился самимъ истцомъ противъ обвиняемаго лица или симъ послѣднимъ въ оправданіе себя, по опредѣленію суда, а иногда безъ онаго, по взаинному соглашенію истца и обвиняемаго. Правившій этого рода присягу взваливалъ на плечи свои собаку, или кошку, и шелъ съ нею на кладбище, или на

навозъ, или къ воротамъ дома обвиняемаго, или на возвышенное мѣсто, находящееся повыше аула, или же выгонялъ ѿшака. Первые два животныхъ, если приносились на кладбище, или къ воротамъ обвиняемаго за совершение имъ крупнаго воровства, подвергались только ударомъ палки, а если за прелюбодѣяніе (обрядъ этотъ соблюдался въ этихъ двухъ случаяхъ), то убивались изъ ружья или пистолета. Послѣднее животное бывало толькобито и употреблялось въ орудіе клятвы исключительно въ случаяхъ мелкаго воровства.

Безависимъ собаку на плечи, или взявъ кошку на руки, воръ или прелюбодѣй, выходилъ на выхасъ и тамъ, подтвердивъ, что онъ невиненъ во взводимой на него кражѣ, или въ связи съ женою такого-то, просилъ объ освобожденіи его отъ обряда Фыдгандѣйнада, но, не получивъ свободы, шелъ на навозъ, и если обвиняемый былъ воръ, то онъ во всеуслышаніе произносилъ заклинаніе: «ооо! послушайте, здѣшніе люди! Объявляю вамъ, что я невиненъ въ кражѣ такихъ-то вещей, или животныхъ, принадлежащихъ такому-то лицу! Если-же я виновенъ въ кражѣ и ссыпаю краденныя вещи, или животныхъ; то эта собака на томъ свѣтѣ во вѣки вѣковъ да лежить на моихъ плечахъ и на плечахъ моихъ покойниковъ и покойница—стца, матери, братьевъ и сестеръ, и проч., такъ точно, какъ теперь лежитъ на моихъ плечахъ». Спустивъ собаку на землю, онъ три раза ударилъ ее палкою и затѣмъ ожидождалъ. Бѣдная собака съ взигромъ уѣгала домой.

Прелюбодѣй-же, держа собаку или кошку передъ склепомъ своихъ предковъ, восклицалъ: «если я имѣлъ и въ настоящее время имѣю преступную связь съ женою такого-то, тѣ да лежитъ, или стоять, въ дѣйствительномъ иirѣ эта кошка, или собака, передъ моими умершими, находящимися вотъ въ этомъ склепѣ, и да пьемъ (стрѣляя въ животное, которое тутъ-же издыхало) они и я текущую изъ чея кровь и да визжитъ она и издыхаетъ нескончаемо передо мною и передъ ними такъ-точно, какъ теперь визжитъ и издыхаетъ. Напротивъ,—Богъ да услышитъ мою невинность». Убитое животное уносилось за аулъ,—истецъ успокаивался.

Фыдгандѣй возлагался и на родственниковъ подозрѣваемыхъ лицъ.

Самъ истецъ произносилъ Фыдгандѣй тогда только, когда вызывалъ признаніе у неизвѣстнаго вора или доказчика противъ послѣдняго.

Погоня ѿшака на возвышенное мѣсто, откуда видѣть весь

зуль, онъ ворчалъ и проклиналъ воровъ: «кто подъ Богомъ занимается дурными дѣлами, у того да погибнетъ жизнь въ этомъ и будущемъ свѣтѣ, да пресечется родъ и сѣмя его. Таки увѣли «бѣднаго» моего быка, или корову, и сожрали: чтобы за такія дѣла постигъ ихъ гнѣвъ Тутыра, волки котораго да сокрутъ ихъ стада овецъ, коровъ и проч.; такъ-точно, какъ они, проклятые отъ Бога, сожрали «бѣдную» мою корову». Ударяя лѣниваго эшака палкою, онъ призиркалъ на него: «Уйшь (ну), чтобы ты издохъ, какъ собака! кто укралъ мою скотину, тотъ да єсть твой вонючій калъ и да не видѣть ему добра». Наконецъ, по достижениіи пред назначенаго мѣста, истецъ громко кричагъ: «О уи! кто слышитъ!! Ува! кто укралъ мою корову, или кто знаетъ вора, тотъ да откликается. А то вотъ этимъ эшакомъ сейчасъ дѣлаю фыдгандъ! О уи! да никто не скажеть, что не слышать! Если послѣ троєиратскаго крика не было отклика, то истецъ три раза палкою ударилъ по спинѣ эшака, съ громкими словами: «кто укралъ у менѣ такую-то скотину, или кто знаетъ вора и скрываетъ его, тотъ самъ и его мертвые на томъ свѣтѣ да єдятъ нескончаемо мясо этого нечистаго животнаго и да не видѣть нимъ никогда лучшаго кушанья».

Если воръ былъ извѣстенъ, то родственники его не допускали истца до фыдганды и возвращали его съдороги для расплаты съ нимъ.

Ардъ назначался медіаторскимъ судомъ. Родственникъ обвиняемаго, или подозрѣваемаго въ воровствѣ, или прелюбодѣйствїѣ, долженъ бытъ илястся гнѣвомъ извѣстнаго своею правдивою истинительностью святого, и притомъ передъ его молельнею, въ томъ, что въ одновѣдь изъ помянутыхъ родовъ преступленій однофамильецъ его такой-то невиненъ. Если такой родственникъ зналъ такие грѣши за подозрѣваемымъ однофамильцемъ, и если послѣдній не могъ увѣритъ его въ своей невинности въ данномъ случаѣ, то онъ подъ разными предлогами старался уклониться отъ арда, опасаясь, чтобы ложною клятвою не навлечь на себя и свой родъ гнѣвъ святого, который никогда не помилуетъ авантгардхардиты (буквально: пожирающихъ клятву), и вмѣстѣ съ тѣмъ не уронить себя во мнѣніи своего общества. Но видя, что судъ и истецъ не принимаютъ отъ него никакихъ резоновъ, кроме арда, въ оправданіе однофамильца, онъ созывалъ родственниковъ и требовалъ отъ нихъ вѣрныхъ свѣдѣній, виновенъ ли ихъ однофамильецъ такой-то, и если спрашиваемые оставались нѣмыми, то онъ

объявляя суду, что отказывается отъ арда, во независимъ отъ него обстоятельствамъ, причемъ просилъ судь, чтобы онъ привелъ къ присягѣ другого родственника обвиняемаго, такого-то, — уклоненіемъ этии онъ явно выдавалъ родственника—преступника.

Когда-же этотъ послѣдній въ днѣвомъ случаѣ казался правыи и вообще въ честности его родственники не сомнѣвались, тогда почтенный однофамилецъ бралъ смѣость принять ардъ въ кувандонѣ (молельнѣ) святого патрона своего селевія, при-ѣтно, Уастырдзи, или Рекома, или Микалгабырты и проч.

Явившись съ тремя и болѣе свидѣтелями въ молельнѣ своего патрона, онъ, снявъ шапку и ставъ лицомъ къ востоку, произносилъ: «О, творецъ неба и земли, великий Богъ! всѣ мы созады Тобою и живемъ подъ Тобою! О Уастырдзи! поверни ли-ко твое на насъ, ты вѣрный защитникъ праваго и страшный каратель виновнаго: съ этими людьми я пришелъ къ твоей молельнѣ, дабы подъ тобою вайти правду — открыть преступника и оправдать невинность; отъ тебя не скрыты тайны человѣческія; ты дѣла людѣй вѣшишь на вѣсахъ твоего правосудія: ты вѣ-даешь виновенъ-ли такой-то мой родственникъ въ такомъ-то преступленіи, или нѣтъ, а потому взываю къ тебѣ: о, мощный свѣтлый святой Уастырдзи! Если родственникъ мой такой-то сдѣлалъ такое-то преступленіе и онъ и я скрываемъ оное передъ прав-дивыми людьми и ложною клятвою именемъ твоимъ желаемъ ввес-ти этихъ людей (указываетъ на свидѣтелей) и выбранный Бо-гомъ судъ въ заблужденіе; то обрати на насъ гнѣвъ твой и оест-рѣемъ его истреби родъ и пресѣки сѣмѧ наше, посылая на насъ, на-женъ и дѣтей нашихъ злоказчественныя болѣзни и лютыя смерти». При этомъ дѣлалъ оговорку: «о, святой Уастырдзи! вѣдаешь ты, что я призываю имя твое, потому-что увѣренъ въ невинности этого родственника (указываетъ на него рукою, если онъ бытъ тутъ), но если онъ совершилъ преступленіе, скрываетъ его отъ меня и, показывая передо мною личину невинности и тѣмъ омрачивъ умъ и сердце мое, ввелъ въ настоящую ошибку; то ты, Уастырд-зи, пошли на донъ его гнѣвъ твой и да постигнетъ душу его произнесенное мною проклятие; крылья котораго да не коснутся моего бѣднаго крова. Если-же преступленіе такое-то совершилъ иной человѣкъ и онъ, оставаясь теперь въ сторонѣ, въ числѣ честныхъ людей, посѣживается надъ невѣдѣніемъ нашимъ; то да будетъ онъ злосчастенъ и да сгоритъ онъ въ гнѣвѣ твоемъ со-

весь родомъ своимъ такъ-точно, какъ сгорѣлъ Габулаевъ, родъ котораго пресълся и въ развалинахъ саки котораго растеть нынѣ крапива и гнѣздятся ящерицы».

Если-же судъ обвинялъ преступника на основаніи показанія доказчика (объ немъ рѣчь впереди), то клятвопроизноситель прибавлялъ: «О, Уастырджи! это преступленіе винено на насъ по злобѣ и зависти такимъ-то доказчикомъ, у котораго нѣть правды, нѣть вѣры въ Бога и нѣть умершихъ: ибо онъ, пребывая въ беззаконіи, омрачилъ умъ и потерялъ свою совѣсть, а потому обманываетъ и мутить бѣдныхъ людей: и да попадетъ онъ подъ гнѣвную твою волю и да постигнетъ его твой правдивый судъ».

За весьма рѣдкимъ исключеніемъ, въ судѣ разбиралось дѣло безъ наемнаго доказчика — свидѣтеля, который, взявъ деньги съ истца, явился съ нимъ въ судъ, ведя съ собою и обвиняемаго имъ въ такомъ или иномъ злодѣяніи, и затѣмъ излагалъ передъ судьями обстоятельства, сопровождавшія подсудное дѣло. По разсмотрѣніи-же дѣла, судъ назначалъ такъ-называемый «выборный ардъ», который и долженъ быть принять или старшій членъ въ фамиліи доказчика въ подтвержденіе доказательствъ, приведенныхъ послѣднимъ противъ отвѣтчика, или старшій въ родѣ этого послѣдняго въ опроверженіе тѣхъ доказательствъ и въ очищеніе совѣсти обвиняемаго лица.

Если старшій членъ въ фамиліи доказчика отказывался отъ суда, то этотъ долженъ былъ удовлетворить истца по оцѣнкѣ украденныхъ вещей и скотины и въ разбѣрѣ не свыше тройной стоимости каждой вещи или животнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ возвратить взятыхъ у него деньги. Клялся-же онъ такъ: «если однодомашецъ мой, такой-то, ради ворысти, или по злобѣ, или зависти, взвелъ на такого-то уголовное дѣло должно и я и моя фамилія объ этомъ вѣдаемъ, то ты, о, Уастырджи! сердцевѣдецъ, праведный гнѣвъ твой обрати на насъ и сокруши основный камень нашего рода такъ, чтобы въ непродолжительномъ времени вся наша фамилія была истреблена ниспосланною отъ тебя злоказчественною болѣзнью, чтобы женщины наши достались злѣйшимъ врагамъ нашимъ и чтобы родъ нашъ служилъ посмѣшищемъ для послѣдующихъ человѣческихъ поколѣній; въ противномъ-же случаѣ, ты, Уастырджи, отличи преступника, который не сознается въ своемъ преступленіи, пославши на него и домъ его габаръ и рымъ (первый — родъ сифилиса, а второй — чузы); о, Уастырджи! призи на нашу правдивость».

Фалдисандзинадъ употреблялся, по-большей-части, въ случаи убийства. Когда убийца запирался въ своеемъ, почти явномъ, злодѣяніи и родственники убитаго готовили месть; тогда медіаторы прибѣгали къ фалдисандзинаду, какъ — единственному средству къ примиренію враждующихъ партій: ибо ни кровная пла-та, ни даже вступленіе въ родство посредствомъ брака не могли остановить вровномщеніе, не щадившее даже племянниковъ, рожденныхъ родною сестрою, вышедшую замужъ за родного брата убитаго.

Обвиняемый въ убийствѣ долженъ быть съ лошадью явиться въ склепу убитаго. Странно и жалко было смотрѣть на него: дрожа всѣмъ тѣломъ, блѣдный, съ сверкающими глазами и опущенной головою, чуть живой, онъ стоялъ передъ склепомъ своей жертвы, для того, чтобы тутъ принять имя «фалдыста» — тавро, которое никогда ни съ него, ни съ его рода не изгладится, для того, чтобы всю фамилию и отдаленное свое потомство сдѣлать предметомъ вѣчныхъ унизительныхъ насмѣшекъ окружающей среды, которая со времени произнесенія убийцею фалдисандзинада считаетъ себя вправѣ явно упрекать его, несчастнаго, и его фамилию — «фалдыстомъ». Унизительнѣе и постыднѣе этого прозвища въ Осетіи нѣть и никогда не будетъ. Съ этимъ пропиленованіемъ убийца терялъ свое я, свое человѣческое достоинство и права, словомъ — въ глазахъ людей онъ не считался болѣе человѣкомъ и уже принадлежалъ ни себѣ, а убитому имъ человѣку, который въ «дѣйствительномъ мірѣ» нескончаемо будетъ помыкать имъ, какъ своимъ холопомъ! Ужасная картина будущей жизни!

Только такимъ самоуниженіемъ, самопожертвованіемъ и наложеніемъ на себя, на всю свою фамилию и поколѣніе неизгладимаго пятна, онъ могъ прекратить неумолимое ищеніе.

Держа правою рукою ножъ, а лѣвою ухо убийцы, а если его не было въ живыхъ, то его родного брата, старшій въ родѣ убитаго во-всеусыпаніе произносилъ: «ооо! послушайте, здѣшние люди! рукою этого человѣка была пролита кровь нашего родственника такого-то, который нынѣ лежитъ вотъ въ этомъ склепѣ, и въ отмщеніе за это мы беремъ его тѣло и душу на служеніе въ «дѣйствительномъ мірѣ» нашему убитому родственнику, а также и принадлежащее ему движимое и недвижимое имущество и поминки! Итакъ, отнынѣ и до вѣка, ты, убийца, принадлежи ему и да владѣеть онъ тобою такъ-точно, какъ ты до-сихъ-поръ владѣлъ приведеною тобою лошадью; отнынѣ твоя голова, твой

руки, твои ноги, твой умъ, твое сердце, твой душа — словомъ, ды инь фалдыстъ фау (ты всецѣло принадлежи ему); сверхъ сего, домъ, сѣновосныя поля, вивы, бараны, козлы, быки, коровы, лошади, кои ты считалъ и считаешь своею собственностью, отнынѣ да принадлежатъ убитому. Когда-же ты перейдешь въ «дѣйствительный міръ», то съ тобою вмѣстѣ да принадлежать ему и поминки, которые по тебѣ будутъ справляемы твоими родственниками».

Окончивъ заклинаніе, кровомститель остріемъ ножа касался (ужасная минута!) уха безмолвнаго убійцы, изъ котораго тотчасъ напала кровь.

Захвативъ рукою налету нѣсколько капель крови, онъ пыталъ смѣсть, съ словами: «чтѣ дѣлать, родственникъ нашъ! да не оскорбится твое сердце: лучшаго дѣла во славу твою — мы совершили не могли. Да будетъ оно угодно тебѣ! Тотъ, чья кровь эта, отнынѣ принадлежитъ тебѣ и ты владѣй инь, по своему усмотрѣнию. Отвынѣ по твоей и нашей волѣ, месть за твою смерть прекращается и водворяется миръ между тобою и умершими нашими враговъ и между нами и послѣдними, чemu ты особенно да способствуешь вмѣстѣ съ отошедшими прежде и посѣлъ тебя въ дѣйствительный міръ родственниками нашими.. Итакъ, да будешь свѣтлъ и свѣтло да будетъ иѣсто твоей души».

Выпусканіе крови изъ уха убійцы валагало на него и его родъ новое пятно — кусъ-аргавстъ (съ отрѣзаннымъ ухомъ).

Стоявшіе тутъ зрители почти вслухъ говорили: «лучше умереть, чѣмъ налагать на себя и свой родъ печать вѣчного стыда и униженія! Не всегда, впрочемъ, оканчивались подобныя сцены благополучно.

Не выдерживая ужаснаго униженія, убійца вырывалъ изъ рукъ кровомстителя вожъ и имъ убивалъ его. Тогда обѣ враждебныя фамиліи перерѣзывали другъ друга, если народъ не успѣвалъ вѣ-время пріостановить бѣду.

Въ предупрежденіе подобныхъ несчастій, съ каждой стороны брались поручители изъ вліятельныхъ фамилій, которые строго слѣдили за движениими кровниковъ.

Въ заключеніе замѣтимъ слѣдующее, не лишеннное интереса:

Осетинка-мать, носи дитя еще во чревѣ, беспокоится: «на кого оно будетъ похоже». Она думаетъ, что дитя будетъ походить на того, въ присутствіи которого оно во чревѣ сдѣлало первое движение. «Додой! набонъ (ахъ, день мой), если дитя мое, по рожденіи, будетъ походить на такого-то мужчину, изуродованного ослою, или на талую-то женщину, съ гнилыми зубами; что тогда я буду́ дѣлать? О, Мады Майрамъ! избѣгъ меня отъ встрѣчи съ такими людьми».

Послѣ ея родовъ, повивальная бабка спрашиваетъ ее: «скажи мнѣ, съ кемъ ты бесѣдовала, или встрѣтилась, въ то время, когда дитя сдѣлало первое движение? Родильница отвѣчаетъ, припѣрно, «съ невѣсткою такого-то сосѣда». «То-то, смотрю», говоритъ бабка, «ребёнокъ похожъ на нее. Радуйся, твоя дочка будетъ прехорошенька», такъ, что многія ровестницы ея будутъ ей завидовать, а многія матери—тебѣ». Когда-же дитя начнетъ улыбаться, иль увѣряетъ, что оно улыбается ангеламъ зайцевъ, которые забавляютъ его.

Вотъ мальчикъ вечеромъ загналъ въ конюшню вспотѣвшую и усталую лошадь и поутру находить, что у неї грива свита. Это, думаетъ хозяинъ, домовой ночью їздилъ на ней и, заплетши ея гриву, ушелъ къ себѣ въ подземелье.

Закричать ночью курица. Хозяева вѣрять, что она безвременнымъ, несвойственнымъ ей кривомъ предвѣщаетъ смерть одного изъ членовъ семейства; они ловятъ курицу и отрубаютъ ей голову, въ той надеждѣ, что смерть ея пойдетъ взамѣнъ смерти того, кому, по ея предвѣщанію, суждено умереть. На другой день хозяйка дома шопотомъ, подъ вліяніемъ непонятнаго страха, передаетъ обѣ этомъ сосѣдѣ, а та въ свою очередь сообщаетъ своей подругѣ и такимъ образомъ быстро распространяется по всей деревнѣ молва. Тамъ и здѣсь, старъ и младъ твердятъ: «быть бѣдѣ! Не на добро крикнула курица въ ночное время! Гагасевы, мужчины и женщины, ходятъ повѣсивъ свои головы. Да гранить Богъ отъ смерти семью ихъ! Если-же, напротивъ, она закричитъ на разсвѣтѣ дня, то предвѣщаетъ семье благополучіе.

Воетъ собака днемъ и роется подъ хозяйствій домъ, тоже предвѣщаетъ смерть одного изъ членовъ семейства.

Когда котъ правою переднею лапою обтираетъ голову, тогда онъ предвѣщаетъ зогоду, а когда лѣвою—непогоду.

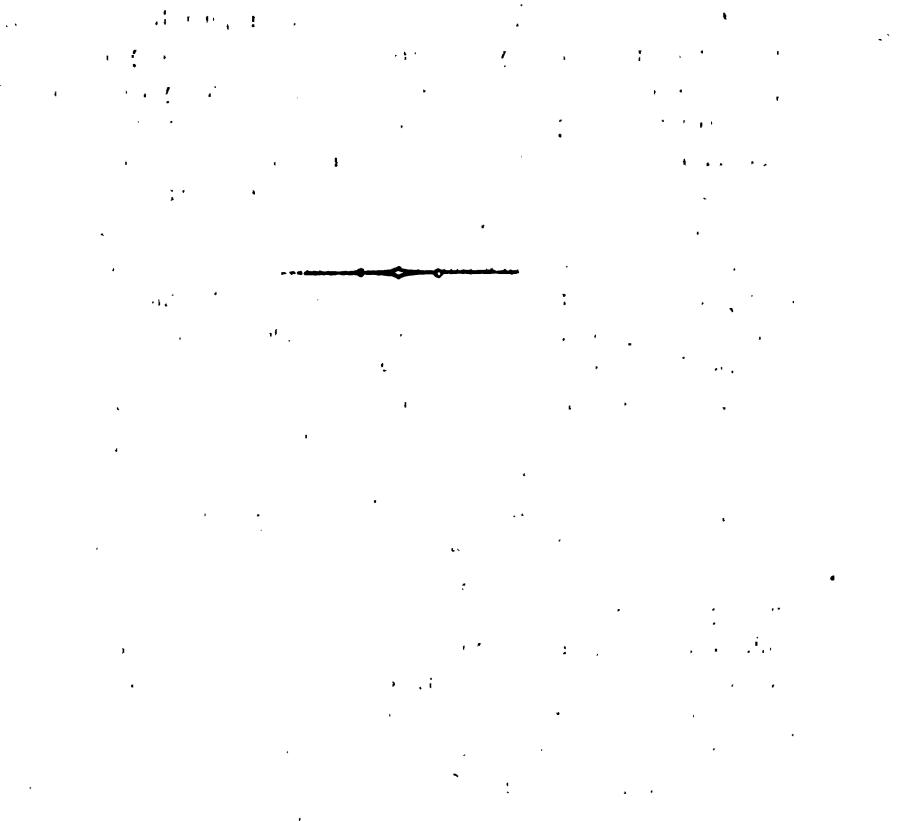
Вдуть верхами два веедника, и передъ ними лежить на дорогѣ осевая чека съ развилиною. Если они пройдутъ ее съ одной стороны — значитъ достигнутъ аула благополучно; если же по обѣимъ сторонамъ ея — непремѣнно или заблудятся, или случится съ ними, иди съ тѣмъ, къ кому они вдуть, несчастіе.

Во время предсмертной болѣзни кого-либо въ домѣ, горны, по указанию гадальщика, берутъ кваденка или барашка, и всколько времени держать его надъ головою больного, полагая, что болѣзнь отъ него, больного, перейдетъ къ животному и затѣмъ больной выздоровѣть.

И вся остальная жизнь осетинъ идетъ рука объ руку съ суевѣріями и предразсудками. Такъ, представится надобность осетину отправиться въ ближній или дальний аулъ, — его тревожитъ мысль, какъ-бы кто не попался ему навстрѣчу при выходѣ его изъ дома. Если попадется человѣкъ, подзывающійся уваженіемъ и довѣріемъ общества, такъ это ничего. Худо, если онъ встрѣтится съ лихимъ человѣкомъ. — Путешественникъ или вернется домой, или продолжаетъ путь, потерявъ совершенно всякую надежду на достижениѳ своей цѣли. Всю дорогу, до самого двора того, къ кому онъ отправляется, вдеть онъ съ повиншою головою. Вотъ предсталъ передъ пріятеля, поздоровался и спросилъ о его здоровье, если есть, жены, дѣтей и проч. Хозяинъ выходитъ встрѣтить гостя, вводить его въ домъ и сажаетъ на стулъ. Въ минуту готова завуска и когда гость подкѣпѣтъ свои силы, хозяинъ спрашиваетъ у него причину прибытія; тотъ печально разсказываетъ, ожидая рѣшительнаго отказа въ просьбѣ. Если выйдетъ иначе, путешественникъ возвращается домой съ веселымъ духомъ. Если-же дѣло не сладится — сыпнется проклятия на голову несчастнаго, попавшагося ему навстрѣчу. Суевѣріе такого рода заставило осетинъ выѣзжать изъ дома въ полночь, когда обыкновенно все спятъ крѣпкимъ сномъ. При этомъ замѣчательно еще вотъ что. Вздумавъ путешествовать вдали, осетинъ велитъ женѣ приготовить три маленькихъ, кругленькихъ, въ золѣ испеченныхъ, сырники, для дѣвъ живущихъ въ водѣ, содѣйствующихъ, или препятствующихъ людямъ въ достижениї ихъ цѣлей. Остановясь у извѣстной рѣки, путешественникъ, вынувъ изъ маленькой, нарочно для этого сдѣланной сумки, привязанной къ задней или передней лукѣ сѣдла, сырники, и, призвавъ съ теплою мольбою на помощь добрыхъ и чистыхъ дѣвъ, бросаетъ имъ въ воду одинъ изъ сырниковъ и затѣмъ весело продолжаетъ свой путь въ пол-

ной надеждѣ, что онъ получитъ желаемое. На пути сидить ворогъ. Хорошо, если онъ молча чистить свой носъ; если-же, обратясь къ путешественнику, каркнетъ — это несомнѣнное предвѣщеніе смерти родственника. Озлобленный этимъ, осетинъ стрѣляеть въ него и убиваетъ. Поднявъ мертвую птицу, онъ произноситъ: «чтобы ты бѣдае и бѣднѣ становился, проклятый предвѣстникъ несчастія! Бросивъ его далеко въ сторону и плонувъ на всѣ четыре стороны, онъ продолжаетъ свой, доселъ веселый, теперь уже грустный, путь *).

Б. Гаміевъ.

*) Нѣкоторая часть настоящей статьи помѣщена была въ «Терскихъ Вѣдомостяхъ». По просьбѣ редакціи «Сборника», авторъ дополнилъ свое описание сущѣтвій осетинъ и составилъ подробное изложеніе осетинскихъ предмѣтовъ.

Ред.

ГОРЦЫ-ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ.

Со взятием въ пленъ Шамиля, все горцы Кавказа почувствовали словно тѣсноту на родинѣ; теперь-то ясно увидѣли, что прежней свободѣ, которую отстаивали они такъ мужественно отъ непріятелей и покупали цѣною своей крови и жизни, пришелъ конецъ. Еще больше встревожились горцы, когда между ними прошелъ слухъ, что дѣтей ихъ будутъ брать въ солдаты: это-то послѣднее обстоятельство послужило особенно чувствительнымъ толчкомъ, заставившимъ ихъ разомъ оставить ту родину, за которую еще недавно проливали кровь, и искать убѣжища и безопасности въ Стамбулѣ, какъ они зовутъ Турцію вообще, предполагая, что въ Турціи къ нимъ вернется прежняя привольная жизнь и дѣти ихъ будутъ гарантированы отъ ненавистной имъ солдатчины. Итакъ, горцы рѣшились промѣнять послѣ катастрофы 59-го года Кавказъ на Турцію. «Тамъ живутъ наши единовѣрцы, тамъ и скоронимъ свои праведныя кости, а не здѣсь, среди гнуровъ, топчущихъ своими нечестивыми ногами землю, политую кровью нашихъ сыновей и отцовъ, когда они шли отстаивать священную свободу, данную намъ Аллахомъ, или бросались въ священный бой, «газаватъ». Нѣтъ, мы не хотимъ больше оставаться среди русскихъ, мы должны помнить ежечасно день «кіамата» (страшного суда), когда мы всѣ представимъ передъ душами нашихъ убитыхъ въ бояхъ родственниковъ, которые спросятъ насъ: вы, трусы, смѣшавшіеся съ гнурами, вы-то зачѣмъ оставались? Сказавъ это, благочестивые мусульмане, иѣвшіе въ виду день страшного суда, кіамата, этого шемпето могі, распродали свое движимое и недвижимое имѣніе и собрались въ Турцію.

И вотъ потянулась со скрипомъ длинная вереница арабъ, покрытыхъ сверху разноцвѣтными коврами, сказавъ послѣднее прости своей родинѣ и направляясь къ обѣтованному Стамбулу.

Но знаютъ ли они, куда они стремятся? Нѣтъ, не знаютъ. Они знаютъ только, что существуетъ гдѣ-то въ мірѣ страна, называемая Стамбуломъ, и что въ этомъ Стамбуль живутъ такие же мусульмане, какъ и они сами; они стремятся туда, такъ безотчетно, потому, что обольщены ложными слухами, что имъ тамъ будетъ хорошо и лучше даже, чѣмъ на старой родинѣ. Но, увы! такое разочарование постигло этихъ по-истинѣ несчастныхъ переселенцевъ и сколько разъ слышались слова промыслѣй на головы тѣхъ, которые ихъ увлекли, когда трудность дороги и действительность представали имъ воочію и раскрыли имъ глаза, — и тогда-то, забывъ недавнія розовые мечты, они поняли, что обмануты, что они сѣялись жертвами своего лековѣрія, поддавшись лживымъ словамъ тѣхъ глупцовъ, которые увѣрили ихъ, что имъ будетъ хорошо. И вотъ они, по милости этихъ глупцовъ-фанатиковъ, теперь гибнутъ.

Это переселеніе горцевъ въ Турцію пишущій эти строки можетъ тѣмъ увѣренѣе характеризовать, что онъ самъ былъ въ числѣ переселявшихся въ Стамбуль въ 1860 году и следовательно перечувствовалъ тѣ трудности, о которыхъ онъ здѣсь упоминаетъ. Всѣ отрывочные воспоминанія объ этомъ памятномъ переселеніи, оставшіяся въ моей памяти, я постараюсь здѣсь изложить.

Я родомъ осетинецъ, мусульманинъ. Фамилія моя, Кануковы, считалась и считается до сихъ-поръ одной изъ привилегированныхъ и родовитыхъ фамилій между осетинскимъ племенемъ. Отецъ мой, хотя не служилъ въ регулярныхъ войскахъ, но тѣмъ не менѣе участвовалъ въ разныхъ кампанияхъ противъ времденныхъ Россіи горцевъ и за это дошелъ до подпоручичьяго чина, считаясь по армейской канадеріи и управляемъ нашей же фамиліи, Кануковскими. Я уже упоминалъ выше, что, послѣ покоренія Шамили, между горскимъ населеніемъ появилось какое-то беспокойное состояніе и это беспокойство заразило даже настъ, вѣчно покорныхъ русскому правительству и невозмутимыхъ осетинцевъ-мирянъ. Всполошились и осетины, попали въ-тихомолку безмолойные толки между осетинами-мусульманами, и стали они тоже появлять о Стамбуль и притомъ съ такой мыслью, что будто оставшимся здѣсь предстоитъ гибель. Нашлись между ними и такие фанатики, которые вѣрили во всѣ эти толки, приниали все за чистую монету и рѣшились распрощаться съ родиной. Къ чис-

лу такихъ-то фанатиковъ присоединился и мой дядя, считавшійся тоже наiorонъ по армейской кавалеріи и следовательно имѣшій тѣмъ болѣе въсю среди своихъ земляковъ, что быть въ русской службѣ офицеромъ. Ему задумалось поднять охотниковъ къ переселенію въ Турію, и ему, какъ лицу влиятельному, действительно удалось завербовать многихъ, причемъ онъ побуждалъ ихъ, говоря: «намъ теперь нечего дѣлать здѣсь, будуть наѣсть притѣснить, а въ Стамбульѣ жить». Конечно, это высказываніе оѣ не свое собственное убѣжденіе, а общее настроеніе, характерное въ это время всѣхъ горцевъ-мусульманъ. И не имѣлося тогда ни одного порядочнаго горца, который бы постарался разубѣдить и представить предпринимаемое дѣло въ настоющемся его видѣ. И простодушные земляки, приемля дадыны слова за чистую монету, вѣрили и присоединились къ числу все боѣзне и болѣе увеличивавшихся переселенцевъ. Не нравилось однѣ ему: отецъ все что-то отѣснявалъ и не рѣшался покидать старую родину. «Что ты будешь дѣлать здѣсь, когда одинъ останешься среди русскихъ? шепталъ дядя ему: «что ты будешь дѣлать, когда лучшіе нашей фамиліи собираются въ Стамбульѣ,—а развѣ ты не изъ лучшихъ?»

И отецъ, ежедневно слыша все одно и тоже, не устоялъ противъ этого и рѣшился.

Меня только-что опредѣлили въ одну изъ кавказскихъ гимназій и я не успѣлъ пробыть еще тамъ и полугода, какъ получаю письмо черезъ директора гимназіи, съ деньгами, въ каковомъ письмѣ отецъ просилъ директора о немедленномъ отправлении меня въ родину. Меня снарядили въ путь и въ числѣ вѣсковыхъ товарищѣй, отправлявшихся на родину, я прїѣхалъ во Владикавказъ. Когда отсюда я подѣждалъ, съ своимъ молчаниемъ братомъ, въ аулѣ, въ которомъ мы жили и въ которомъ прошли первые дни моего дѣтства, у меня сердце сжалось невольно и слезы подступили къ горлу. Это было вызвано тѣмъ мрачнымъ и печальнымъ видомъ, который представился нашимъ взорамъ. Гдѣ прежде были сакли, теперь росъ лишь одинъ бурьянъ, да торчали среди этого бурьяна кое-гдѣ обломки старой заброшенной сакли, усугубившие еще больше и безъ того невеселый видъ аула, веселѣе котораго, по моему понятію, не было никогда... Изъ разспросовъ сопровождавшаго меня брата я узналъ, что вѣжители переселились въ другой аулъ, кромѣ яѣсколькихъ дворовъ — мусульманъ, которые должны на дняхъ отправиться въ Стамбульѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мы. Теперь для меня было ясно,

почему меня звали изъ синази таcъ посыпши и такъ разо. Сердце еще болѣе смаклось, когда вспомнилъ, что вовсе придется проститься съ родною, а тѣмъ болѣе что этотъ Стамбуль ~~не~~ именъ дѣтскому воображенію рисовался какою-то пустыней, гдѣ почва почти безъ всякой растительности. Вѣроятно, наслышавшись объ Аравии, родинѣ Магомета, я перенесъ понятіе объ этой странѣ и на Стамбуль.

Вотъ подъѣхалъ я къ роднemu жилищу. Я не узнаю въ этомъ жилищѣ прежнаго, съ которымъ соединялось отолько сла-
вныхъ дѣтскихъ воспоминаній; я не видѣлъ во дворѣ и кругомъ сакли той заботливой чистоты, которая всегда здѣсь царила, благодаря заботливости отца, а теперь дворъ поросъ бурья-
немъ и среди зелени бурьяна наша сакля выглядываетъ осо-
бенно печально; видна запущенность. Посреди двора раскинуты
две палатки, откуда ссыпается громкій говоръ; дающе стоять нѣ-
сколько новыхъ арабъ, покрытыхъ сверху персидскими коврами,
и я, какъ въ палаткахъ новыхъ, такъ и въ новыхъ арабахъ, равно
и въ запущеніи двора, угадалъ окончательно признаки приготов-
ленія, къ дальнему пути, всѣдѣствіе, чего покидается наша ста-
рая сакля.

Какъ только перешагнулъ я черезъ порогъ родной сакли, мать встрѣтила меня; держа въ своихъ объятіяхъ и обливаясь слезами, она шептала мнѣ: «Вдѣмъ въ Стамбуль, мой день! Твой отецъ не хочетъ оставаться здѣсь». Уныніе матери навело и на меня очень мрачное расположение духа и я весь день проплакалъ, тѣмъ болѣе, что молочная мать моя, сидя около меня и тоже сѣтуя о томъ, что мы на вѣкъ разстаемся съ неей, усугубляла это мрачное расположение. «Я не пойду въ Стамбуль», говорилъ я матери, всхлипывая отъ услышавшихъ едевъ: «я не хочу... — «Что ты? Богъ съ тобой! Что ты говоришь? Избави тебя Богъ, проговориться объ этомъ отцу», говорила между-тѣмъ мать, утѣшая меня.

При имени отца я мгновенно умолкъ, потому-что онъ воспі-
тывалъ меня въ строгой школѣ и особенно чувствительно напа-
зывалъ за неумѣстные выраженія, что отнюдь не терпимо отда-
ли отъ сыновей, а тѣмъ болѣе сыновей еще молодыхъ. Но на
этотъ разъ я могъ-бы быть спокойнымъ относительно того, чтобы
отецъ меня могъ услышать, потому-что онъ отправился куда-то
въ Кабарду по своимъ дѣламъ и вотъ уже почти двѣ недѣли, какъ
не возвращается оттуда.

Черезъ четыре или пять дней, хорошенъко не помню, послѣ

моего пріѣзда, мы должны были тронуться въ путь, такъ-какъ всѣ приготовленія къ пути, какъ-то: сѣтевой запасъ, арбы, проѣзжа имѣнія и т. д. были уже готовы, и отецъ, окончивъ свои дѣла въ Кабардѣ, наконецъ вернулся и захлопоталъ обѣ отправленія.

Наканунѣ выступленія, въ нашей сакѣ, проданной за безцѣновъ, какому-то жителю другого ауза, собралась толпа женщинъ изъ всѣхъ сосѣднихъ и дальнихъ ауловъ, съ цѣлью попрощаться съ нами.

Начали выносить вещи изъ саки къ арбамъ, — при этомъ старались особенно напи холопы. Начались прощанія, поднялся громкій плачъ: всѣ присутствовавшія плакали, обнимая въ послѣдній разъ мать, меня и сестеръ. Младшаго брата не было при этомъ всеобщемъ прощаніи: онъ куда-то спрятался. Долго его искали. Помню, какъ наконецъ его отыскали напи холопъ, вытащивъ изъ-подъ соломы. Въ объятіяхъ холопа онъ сильно барабанілся руками и ногами и все кричалъ, задыхаясь отъ обильно лившихся слезъ: «пустите меня, я не хочу! не хочу!» Но сильныя руки холопа уложили его наконецъ въ арбу и онъ еще долго сидѣлъ всхлипывая, пока не заснулъ. Да и кто изъ насъ хотѣлъ щать добровольно въ совѣтъ незнакомый Стамбуль, и если-бы отецъ отбиралъ у своей семьи голоса, то навѣрное всѣ-бы мы отказались; но отецъ считалъ это лишнимъ и даже обиднымъ для себѣ: довольно, что онъ рѣшилъ; во всѣхъ дѣлахъ его слово имѣло рѣшающій вѣсъ, а слова матери одинъ пустой звукъ, не имѣвшій ровно никакого значенія.

На дворѣ послышался легкій скрипъ аробъ — то запрягали воловъ. Наконецъ вошелъ холопъ въ сакю и сказалъ: пора, пора! волы уже запряжены и мы готовы въ путь. Стали выходить изъ своей саки. И теперь словно въ ушахъ раздается то рыданіе, которое невольно вырвалось изъ груди моей матери, когда она переступала въ послѣдній разъ черезъ порогъ своей саки — я, кажется, никогда не забуду это рыданіе. Однако, мы вышли. Арбы уже выѣхали со двора — мы пошли слѣдомъ, словно похоронная процессія. У дороги, черезъ которую намъ предстояло идти, стояла большая кавалькада вооруженныхъ съ ногъ до головы всадниковъ, которые, при видѣ приближившихся женщинъ, сѣвали съ своихъ коней и почтительно пропустили насъ *). Проходя мимо

*) Если всадникъ ѣдетъ на встрѣчу идущей женщинѣ, то онъ счита-

ихъ, женщины прервали свой плачъ и, потупивъ взоры, проходили молча. Всадники тѣ были наши родственники и знакомые, которые собирались наѣхать проводить на какое-то разстояніе. На разстояніи одной версты отъ аула, арбы наши остановились, поджидая наѣхъ... Разстались... Сѣли въ арбы... Арбы заскрипѣли и въ этомъ пронзительномъ ихъ скрипѣніи, будто слышалось послѣднее прощаніе. Плавалось наимъ. Я оглянулся еще разъ назадъ и видѣлъ, какъ женщины долго стояли на одномъ и томъ-же месте, провожая наѣхъ глазами; оттуда доносился отрыкачный плачъ. Всадники молча сопровождали наѣхъ по обѣимъ сторонамъ. Ихъ было около пятидесяти. Они наѣхъ провожали до самаго Ардона и тамъ разстались.

Наши арбы, въ количествѣ десяти, съ дядиными, продолжали отсюда путь на слѣдующій день къ сборному пункту, куда должна была собраться вся партия переселенцевъ изъ всей Осетіи. Отца и дяди не было съ нами: они отправились впередъ въ ханы. Въ Ардонѣ къ намъ присоединилось еще нескользко аробъ,ѣхавшихъ въ Стамбуль. Къ вечеру дорога уже пошла вдоль утесистыхъ скалъ: мы уже вѣхали въ предѣлы горъ. Сбоку шумѣть какая-то рѣчка, на горахъ по бокамъ лѣпятся тамъ и сямъ аулы, и стала барановъ, словно муравьи ползая, пасутся на вышинѣ. Обогнули какую-то горку, донесся до ушей какой-то иенянтый говоръ и замелькали огни въ вечерней мглѣ. «А вотъ и сборное мѣсто», говорить холопъ, погоняя воловъ. И действительно: мы подъѣзжали къ сборному пункту, куда по уговору должны были собраться все переселенцы. Но какъ уже наступала темнота, то нельзя было судить о количествѣ собравшихся и только видѣлъ я много огоньковъ, мелькавшихъ тамъ и сямъ. Мы распрягли воловъ и, закусивъ, расположились спать. Я легъ подъ арбою и слышалъ, какъ надо мною въ арбѣ еще вскипывала моя мать, и подъ тяжкимъ давленіемъ недавнихъ впечатлѣній я заснулъ крѣпкимъ сномъ....

Наутро я проснулся часовъ въ 9. Когда выглянувъ изъ подъ арбы, то увидѣлъ множество аробъ, покрывающихъ лощину, окруженную со всѣхъ сторонъ крутыми высокими горами. Пере-

еть долгомъ привычнѣ сѣять съ коня и, видѣ его въ поводу, пропустить мимо женщину и тогда уже садиться. Тоже самое, если-бы всадникъ стоялъ, а женщина проходила бы, и наоборотъ. Все это знакиуваженія къ прекрасному полу.

селенцы въ нарядныхъ платьяхъ сновали туда и сюда. Откуда-то слышались слова какой-то пѣсни. На мой вопросъ, гдѣ поють, братъ сказалъ, что Ахмедъ Цаликовъ сдѣлалъ прощальную пирушку (кувд), куда приглашены всѣ переселенцы, и что пѣсня раздается оттуда. Желая побывать на этой прощальной пирушкѣ, я одѣлся и умылся, потомъ направился къ мѣсту общаго веселья. На краю лощины, покрытой густой травой, расположилась толпа пирующихъ переселенцевъ. Старики сидѣтъ рядкомъ по старшинству. Посреди собравшейся толпы навалена огромная груда говядины отъ зарѣзаннаго Ахмедомъ быка; вокругъ этой груды суетилось вѣсколько парней, выполнившихъ роль прислужниковъ и дѣлившихъ мясо на кусочки, приблизительно соображаясь съ числомъ гостей. Позади пирующихъ образовалась кружокъ веселой молодежи и оттуда-то слышалась громкая пѣсня. Пѣвцы перебивали другъ друга и каждый вставлялъ въ пѣсню свою фразу, каждый замѣнялъ слово по-своему — видно было по всему, что они сочиняли. Толпа мальчишекъ съ увлеченіемъ слушала пѣвцовъ и умилъно переглядывалась при каждой ловкой фразѣ, выдуманной кѣмъ-либо изъ пѣвцовъ. Послѣ долгихъ усилий и напряженія поэтическихъ способностей, молодежь сложила пѣсню въ родѣ слѣдующаго:

Въ Стамбуль пойдемъ, въ Стамбуль, ребята!

Ой-та-рира, ой-рира!

Нашъ путь будетъ счастливъ и Богъ намъ поможетъ!

Ойтъ, говорите, ребята, ойтъ!

И такъ далѣе въ этомъ родѣ. Подошелъ Ахмедъ, виновникъ пирушки и главный зачинщикъ поѣздки въ Турцию, и обратясь къ пѣвцамъ, сказалъ: «да поможетъ вамъ Аллахъ за ваши труды, но не осрамитесь: сочините получше пѣсню, пѣсню, которую-бы мы оставили на родинѣ». Но пѣвцы и безъ того уже не жалѣли, ни цветистыхъ фразъ, ни заманчивыхъ красокъ, которыми обрисовывали предстоящей путь. И вполне вѣря всему этому, не основанному ни на чѣмъ положительномъ, переселенцы были въ веселомъ расположении духа. Пока еще они были со свѣжими силами, надежда на блестящее будущее ихъ не покидала; пока дѣятельности они не испытали, они были веселы и безмятежны. Помню я, какъ дѣвушки, на привалахъ, въ нарядныхъ платьяхъ собирались послѣ аробѣ чуть свѣтѣ и танцевали до изнеможенія, пѣли пѣсню, въ которой овѣ себѣ предрекали мужей — пашей и шелковые штаны; танцы длились до самой глубокой ночи

и въ ночномъ воздухѣ бывало долго, долго носились звуки гармоники, хлопанье въ ладоши и веселыхъ пѣснъ и говоръ, и такъ было пріятно и свѣтло на душѣ у всѣхъ переселенцевъ! Но надежды и розовыя картины — увы! — скоро разлетѣлись какъ дымъ, когда дѣйствительность дала себя почувствовать. Не весела была дорога и поэтому неоднократно слышались проклятия изъ устъ тѣхъ, которые прежде вѣрили въ розовыя мечты и не хотѣли вѣрить ни во что другое. И неоднократно они вспоминали оставленные аулы, гдѣ жилое такъ привольно, и неоднократно они задавали себѣ вопросы: куда идемъ? зачѣмъ бѣжимъ изъ дорожной родины и чего ищемъ? Да и дѣйствительно, обстоятельства этой трудной дороги были таковы, что невольно заставляли переселенцевъ оглядываться назадъ, и знаю, что многие вернулись, если-бы не боялись стыда и посрамленія, что они струсили.

Вотъ мы подымаемся по узкой дорогѣ, по которой можно ехать только арбами по одной, одна за другою. Нагруженныхъ аробъ пара воловъ не въ силахъ всташить на крутой подъемъ, отчего переселенцы принуждены впряженяться въ воламъ въ-уносъ и такимъ образомъ съ трудомъ встаскивать ихъ одну за другою. Вотъ встали на вершину крутизы искажено нагруженныхъ аробъ, но уже вечеръ, а половина аробъ еще остается внизу, у подошвы горы, и завтра до вечера нужно возиться также и съ ними. Съ такими-же усилиями, съ какими подымали переселенцы свои нагруженныя арбы на вершину скалы, съ такими-же усилиями и осторожностями должны они потомъ спускать ихъ съ крутизы, чтобы не разбить о скалы.

Картина другая. Подымаемся по крутой, извилистой дорогѣ, внизу далеко шумѣтъ какой-то потокъ, увлекая въ свое мѣсто бурное теченіе огромные камни; берега его скалисты и круты. Въ арбахъ никто не сидитъ, потому-что волы и лошади, впряженные въ арбы, подымаются послѣднія съ большімъ усилиемъ и безъ того: языки высунули и влага течетъ изо рта, поливая пыльную дорогу, нагрѣтую полуденнымъ зноемъ южного солнца. Впереди всѣхъ мѣрно и осторожно выступаетъ арба нашего муллы; по бокамъ арбы вдуть его сыновья, а самъ онъ идетъ сзади, боязливо поглядывая на шумящій внизу потокъ. Арба запряжена лошадью, она еще двигается усталыми ногами и лѣзетъ что называется изъ кожи. Но вдругъ, при одномъ поворотѣ, лошадь останавливается и увлекается за собою арбу со всѣми вещами, находящимися въ ней, и низвергается въ шумящій внизу горный потокъ.

«Спасите, спасите», кричать мулла и его сыновья, тревожно взглядываясь внизъ, гдѣ бѣдная лошадь, кряхтя, баражается и борится съ быстрымъ течениемъ рѣки.

Цѣпь аробъ переселенцевъ останавливается, и скрипъ, досежъ раздиравшій ухо, умолкаетъ ва время; общее смятеніе. Прежде всего сыновья муллы разрываютъ на себѣ платье и кидаются спасать свое добро, за ними слѣдуютъ другіе и вскорѣ вокругъ лошади и арбы появляются десятки полунагихъ мужчинъ, которые успѣваютъ отцепить лошадь и вынуть изъ арбы, уходящей все далѣе и далѣе. Но задача другого рода: какимъ образомъ вывестъ коня, когда берега круты, — и вотъ, чтобы устранить это трудное препятствіе, они виѣтъ съ лошадью и погищеннымъ у воды добромъ плывутъ внизъ по теченію до тѣхъ поръ, пока не находять достаточно отлогіе берега, по которымъ можно было бы взойти имъ и вывести коня; арма, оставленная на произволъ потока, крутясь и ворочаясь, то останавливается, то уплываетъ все далѣе и далѣе и наконецъ исчезаетъ, провожаемая печальнымъ взоромъ злосчастныхъ хозяевъ.

А вотъ еще непріятность. Вдругъ наши арбы опять останавливаются. Что такое? пролетаетъ вопросъ по рядамъ аробъ переселенцевъ. Оказывается, что впереди дорога подмыта рѣкою; единственный зыбкій мостъ, черезъ который переправлялись путешественники, и тотъ уничтоженъ съ корнемъ, — вонъ, только холодныя волны большой рѣки безпрестанно ляжутъ край высокой крутой черной скалы, которая стала намъ стѣнкою поперекъ дороги. Послѣ долгихъ усилий удается переселенцамъ перебинуть черезъ подмытое мѣсто подъ скалою небольшой мостики, по которому, конечно, не мыслимо переправляться нагруженной арбою, ибо опять не въ состояніи удержать такой тяжести, и переселенцы разбираютъ арбы и переносятъ ихъ рулами по частямъ черезъ этотъ мостъ; процессія переноски длится три-четыре дни. Буй онъ проkjать этотъ путь! слышится тамъ и сямъ. Сколько лишений, сколько трудовъ приходится терпѣть намъ теперь?

А вѣдь недавно они были еще полны надеждъ на счастливое будущее!

Преодолѣвъ неимовѣрныя препятствія, мы черезъ Кутаисъ достигаемъ Батума. Итакъ, мы уже въ предѣлахъ обѣтованнаго Стамбула, или Турціи. Здѣсь мы дѣлаемъ большой привалъ, послѣ утомительной дороги, и располагаемся лагеремъ. Намъ отъ турецкаго правительства выдаются по одной палаткѣ на семью.

Впереди насть раскидывается безбрежное Черное море (Сау деңгээз), къ которому мы такъ торопились, чтобы взглянуть, что такое за деңгээз и неужели въ самомъ дѣлѣ море такъ велико, какъ рассказываютъ про него, и что это за корабли плаваютъ по немъ. И вотъ теперь мы видимъ передъ собою во-очію это желанное море и оно раскидывается широко-широко передъ нашими изумленными, выражавшими суетный страхъ, взорами, и море это вздувается большими водяными массами и качаетъ какъ ни въ чемъ не бывало больши-больши корабли, которые виѣстятъ десятки нашихъ сакель. И неужели, думается намъ, придется намъ на этихъ корабляхъ (наута) юхать въ самый Стамбулъ, какъ говорятъ? Не можетъ быть, да это и страшно, очень легко погибнуть среди такого огромнаго моря... вѣтъ-нѣтъ... этого не можетъ быть, утѣшаютъ, самъ себя переселенцы.

Какое удовольствіе доставляло намъ глядѣть вечеромъ на море, когда оно спокойно и отражаетъ въ своихъ водахъ лучи заходящаго въ кровавомъ заревѣ солнца, съ какимъ страхомъ спрашивали мы, когда видали морскихъ свинокъ, игравшихъ вечеромъ: а что-бы это такое было? и каждый изъ насть давалъ свои объясненія, болѣе или менѣе правильныя.

Такъ-какъ въ Батумъ мы пробыли достаточно и уже успѣли вѣсколько отдохнуть и забыть недавнія путевые невзгоды, то наша молодежь позволила себѣ распотѣшить своей джигитовкой батумское общество и хвастнуть немного передъ нимъ своею ловкостью на конѣ и умѣнiemъ владѣть оружиемъ. И вотъ, въ одинъ прекрасный день, батумское общество, узнавъ о желаніи «черкесовъ» поджигтировать, собралось на одной площади, а для соблюденія общественнаго благочинія и порядка сюда-же была приведена чуть-ли не цѣлая рота здѣшней крѣпостной команды. Всѣ съ особымъ нетерпѣніемъ ожидали начатія джигитовки. Важные турки, вооруженные длинными своими чубуками, оживлеввѣ пе-ребрасывались фразами въ ожиданіи того, какъ черкесы будутъ выѣзжать передъ ними «всякія штуки».

Наконецъ появилась и наша молодежь въ числѣ 10 человѣкъ, вооруженная съ ногъ до головы, на прекрасныхъ лошадяхъ, которыми, кстати сказать, запаслись въ дорогу всѣ почти переселенцы. Турки загадили что-то по своему, пересмыкаясь между собой, вѣроюто на счетъ костюмовъ; блюстители благочинія и порядка дружами разгоняли болѣе любопытныхъ, которые подвигались на мѣсто, тѣлѣ должно было происходить ристалище.

Оно и началось. Вначалѣ джигитовка имѣла мало интереса, такъ-какъ она состояла изъ нехитрыхъ эволюцій, но когда кто-то изъ молодежи на скаку сталъ вверхъ ногами и потомъ опять сѣлъ, то по толпѣ пробѣжалъ гулъ одобренія и громъ рукооплесканій: вамчахъ чохъ яхши! чохъ яхши! говорили восторженные турки, одобрительно хлопая въ ладонши. Другой на скаку поды-малъ мелкія турецкія монеты и стрѣлялъ въ нихъ; третій стоялъ скакалъ и стрѣлялъ, мчась на своемъ скакунѣ,—словомъ, произве-ли пріятное впечатлѣніе на турокъ своимъ молодечествомъ. Ну за то-же и подружились съ нами, а въ особенности солдаты, ко-торые нашихъ приглашали къ себѣ обѣдать и наши, конечно, этимъ не брезгали, тѣмъ болѣе, что между солдатами находи-лись два-три «земляка», бѣглыхъ русскихъ солдата, которые си-живали во владикавказской тюрьмѣ и теперь вспоминали про Россію и пшеничную кашу со щами, заѣдали эти воспоминанія пло-воюсь съ баравиной.

Окрестности Батума изобиловали всячими фруктами, до ко-торыхъ наши были особенно падки, почему въ-продолженіи всего нашего пребыванія у Батума, мы питались почти исключительно одними фруктами, возили ихъ мѣшками, такъ-какъ запрету къ тому не видѣли; ну, да за то-же и побаливали, такъ-что пос-лѣ болѣе влиятельныхъ лица среди переселенцевъ, видя пагубное вліяніе фруктовъ, окончательно запретили ихъ возить изъ лѣсу, что сперва было подняло ропотъ между переселенцами.

Отсюда въ Константинополь по морю рѣшились поѣхать не-многія семейства, въ числѣ ихъ былъ и нашъ нулла. Осталь-ные всеѣ рѣшилисьѣхать на Карсъ. Путь на Карсъ хотя и пред-ставлялъ тѣхъ трудностей, какія представляла дорога отъ роди-вы до Батума, но тѣмъ не менѣе и онъ былъ сопряженъ съ боль-шими невзгодами, а можетъ быть намъ легче потому казалось, что уже привыкли отчасти къ трудамъ и лишеніямъ. Къ тому-же трудность пути облегчалась еще тѣмъ, что мѣстное прави-тельство давало подводы намъ для перевозки нашихъ вещей.

Наша дорога пересѣкается горною рѣкою. По бокамъ воз-вышаются громадныя черныя скалы, покрытыя елью и сосною. Отъ этой рѣчки уже нѣтъ арабной дороги. На склахъ лишь ма-ленькия тропиночки, словно черные нитки виднѣются, и по нимъ можно забираться лишь коню, да волу и то съ трудомъ. По этой причинѣ переселенцы разламываютъ свои арбы, и самыя необ-

ходимыя ихъ части, какъ, напримѣръ, колеса, принимаютъ на лодки, остальныи вѣтъ. Намъ должно было идти вверхъ по течению и потому лодочники изъ мѣстныхъ селеній, которые должны были обязательно везти наши вещи и наѣсть самихъ вверхъ по рѣкѣ, должны были тянуть линками, что было очень затруднительно. Такъ должны были тянуть на разстоянія верстъ 7. Въ лодки позволялось влѣсть всѣ домашнія вещи и изъ частей арбы—колеса. Оглобли же мы привязывали къ сѣду и таѣль таскались съ ними по горамъ, до новаго мѣста, гдѣ опять сколотимъ кое-какъ свои жалкія арбы.

И вотъ отецъ нашъ привязываетъ самъ къ своему сѣду двѣ оглобли одной арбы по обѣимъ бокамъ сѣда, а отъ другой арбы привязываетъ къ моему сѣду и мы взбираемся по тропинкѣ, погоняя впереди воловъ.

Лошади наши еле подымаются по этой тропиночкѣ, тѣмъ болѣе, что отягощены оглоблями и дорога скверная. При подъемѣ на гору оглобли своею тяжестью тянутъ лошадь назадъ и вслѣдствіе этого сѣдою черезъ нѣсколько минутъ спадаетъ на крупу лошади. Волы боязливо пробираются впередъ гуськомъ и тихо ступаютъ по тропинкѣ. Вдругъ два вола сталкиваются нечаянно и одинъ изъ нихъ низвергается со скалы.—«Ай-Алла-ай! воскликнѣаетъ отецъ: «самый лучшій нашъ волъ погибъ!» и онъглядѣтъ, остановившись, въ ту пропасть, куда упалъ волъ. Но тамъ внизу ничего не видать, лишь только рѣка серебряною лентою извивается между громадныхъ скалъ и по ней вверхъ по течению движется какая-то черная точка — то лодка, въ которой сидитъ наше семейство... Но вотъ узкая тропинка переходитъ все болѣе и болѣе въ широкую дорогу, а ночь между тѣмъ приближается. Отецъ молчитъ: онъ мраченъ, потому-что потеря хорошаго вола произвела въ немъ дурное расположеніе духа, отъ которого онъ не можетъ оторваться. Уже настаетъ ночь. Внизу, гдѣ-то мелькаютъ огонекъ, по направлѣнію котораго отецъ пригнѣтъ. Оттуда, какъ изъ могилы, доносится знакомый намъ отзывъ нашего холопа,—и по направлѣнію этого ярина, сопровождаемыхъ утомленныхъ воловъ, мы спускаемся, съ опасностю жизни, по крутой незнакомой скалѣ. У подошвы скалы расположилось наше семейство у огонька; малые братья и сестры плачутъ, прося юсть, но нечѣмъ ихъ накормить: весь запасъ вышелъ, а по близости нѣть селенія, откуда можно было бы достать иль хлѣба. Плачъ,—да и мы сами проголодались, ничего не євші

въ продолженіи всего утомительного дня, и убѣдительно хочется
быть. Нечего дѣлать, потерпимъ до слѣдующаго днѣ,—что-то будетъ?

Еще картина. Арбы мы давно уже покинули гдѣ-то, по не-
возможности долѣ съ ними возиться, и мы идемъ пѣшкомъ по
скалистымъ тропинкамъ. Жара несносная, во рту сохнетъ и
хочется пить, а тутъ еще гора за встрѣчу стала стѣною; по-
дымаемся на эту скалу. Мать моя идетъ впереди, и хотя ей помо-
гааетъ нашъ холопъ подыматься по крутой тропинкѣ, однако си-
лы ей измѣняютъ, и она въ изнеможеніи опускается на дорогѣ.
Къ ней присоединяются и остальные, утомленные ходьбою. Нѣтъ
нигдѣ тѣни отъ деревъ, полуденное солнце пронизываетъ до са-
мыхъ костей. Вдругъ до слуха моего доносится раздирающія ду-
шу вопли — то больная моя сестра просить пить: «воды, воды»,
кричитъ она, «умираю безъ воды!» Лежитъ она на буркѣ, кото-
рую ей постлали на голую скалу холопъ, связанный носить ее
всю дорогу на своихъ плечахъ. Мать садится у ея изголовья и
не знаетъ какъ помочь нуждѣ, и хотя сама жаждетъ — про-
ситъ, чтобы достали ей воды для больной. Но гдѣ искать воды?
Кругомъ голыя скалы, на которыхъ послѣдняя трава выжжена
солнцемъ, да ряды сосенъ, щетинящающихся кругомъ. Я уже
обѣжалъ всѣ окрестности, ища воды для умирающей сест-
ры, забывъ свою жажду, но нигдѣ не видаль признака воды
и вернулся ви съ чѣмъ. Но нѣтъ только конца адскімъ изучен-
іямъ, а всему остальному бываетъ: жара къ вечеру стала спадать
и жажда уменьшилась, благодаря этому обстоятельству. Ахъ, ве-
черъ такъ свѣтъ, такъ пріятель, а этотъ вѣтеръ такъ освѣже-
тельно дѣйствуетъ на тѣло! Вотъ на востокѣ замигала одна ка-
какъ-то звѣздочка, а тамъ еще, еще и еще и вскорѣ все голубое
необъятное небо усеялось тысячами яркихъ звѣздъ, весело пере-
мигивающихъ между собою. И какъ пріятно повѣвается этотъ
вечерній вѣтерокъ на усталые члены и какъ свободно дышется.
Вотъ такъ бы и заснулъ мертвѣцы на спинѣ, гляди въ глубину
ночного неба и любуясь на мириады яркихъ звѣздъ, но рыданія
больной сестры, раздающіяся такъ явственно въ почномъ воз-
духѣ, раздираютъ мнѣ душу и гонять сонъ прочь, наливая груст-
ное настроеніе души. У изголовья, при свѣтѣ поднявшейся пол-
ной луны, можно видѣть все ту же вѣрную мать, неподвижно и
печально глядящую на больную, и кажется мнѣ, что она плачетъ.
Бѣдная! Сама она измучена дневною дорогою, сама она умираетъ
отъ жажды, а приходится ей караулить свою возлюбленную дочь

и желала-бы она пособить ея мучениямъ, желала-бы она облегчить ей страданія въ ущербъ своему здоровью—видить Богъ—увы! ея желанія неисполнимы и ей остается только молча проливать слезы и въ-полголоса утѣшать больную: не бойся, не бойся, мое солнышко, все пройдетъ, успокойся! Но успокоенія нѣть и больная мечется всю ночь на буркѣ, и она, какъ статуя, неутомимо сторожитъ свое любимое дитя. На ея жаркия слезы никто не обращаетъ вниманія, никто особенного участія не принимаетъ въ ея материнской скорби! Да и какое дѣло тѣмъ холоднымъ, ирачнымъ скаламъ, которые безмолвно глядятъ на всякихъ людскихъ скорби и радости сотни лѣтъ, какое дѣло тѣмъ яркимъ звѣздамъ, что одинаково взираютъ такъ весело на всякое проявленіе человѣческой жизни, каково-бы оно ни было, какое дѣло той лунѣ, которая съ сотворенія міра идетъ все по той-же дорогѣ въ такъ-же?... Нѣть, видно приходится оставить надежду на все окружающее и плакать; самой можетъ-быть легче будетъ и можетъ-быть невидимый Господь увидить твои материнскія слезы и Своей всемогущей силой поможетъ бѣдѣ... Холопу нѣть до нея дѣла, онъ теперь заботится о томъ, чтобы развестъ костеръ, и пошелъ искать дровъ, а на что ему костеръ—не знаетъ никто изъ насть. Намъ теперь не до огня, а намъ хочется юсть, а съ собою ничего нѣть; избавились немного отъ жажды — явилось другое болѣе утомительное серьозное желаніе — голодъ. Холопъ спокойно сваливаетъ принесенные дрова въ кучу и разводить огонь и потомъ оглядывается молча кругомъ. Наконецъ его молчаніе прерывается такою фразою: тамъ, вѣроятно, почлегъ пастуховъ,—и онъ указываетъ пальцемъ по тому направлению, откуда мелькаетъ огонекъ и слышится лай собакъ,—и затѣмъ исчезаетъ. Черезъ нѣсколько времени онъ показывается и на спинѣ несетъ цѣлаго барана: «Богъ далъ», говоритъ онъ какъ-то таинственно. Призываетъ къ себѣ тихо другого холопа и отходить съ добычей въ сторону, гдѣ и рѣжутъ ее. Въ-мигъ сдираютъ съ него шкуру, потрошатъ и внутренности низвергаютъ съ кручи, а кровь закапываютъ. Отрѣзавъ нѣсколько кусочковъ баранины, они стали жарить шашлыкъ, который вскорѣ зашипѣлъ на горячихъ угольяхъ и пріятно запекоталъ намъ обоняніе. Немного утоливъ голодъ шашлыкомъ, мы расположились спать всѣ, кроме матери, которая безъ устали продолжала сидѣть у изголовья больной сестры и проливала слезы.

Наутро съ разсвѣтомъ мы продолжали нашъ невеселый

вуть. Вотъ на встречу намъ потянулся цѣлый караванъ воловъ. Впереди всѣхъ выступаетъ вожатый, сидя на жирию волѣ, разукрашенномъ разными бубенчиками и другими побрякушками. Вожатый съ флегматическимъ выражениемъ лица покуриваетъ свой длинный чубукъ и даетъ намъ знать однимъ мановенiemъ руки, чтобы мы сторонились съ узкой дороги; мы бояливо сторонимся и дико смотримъ, какъ проходитъ мимо караванъ воловъ, навьюченный огромными тюками.

Наконецъ, къ вечеру, по указанію нашего вожатаго тузаца, мы увидали вдали аулъ, расположенный на склонѣ,—туда-то намъ должно было идти и мы черезъ нѣсколько еще утомительныхъ часовъ достигли до него. Намъ здѣсь отвели квартиры, которыхъ мы нашли очень нечистыми и неудобными. Но, за неимѣніемъ лучшихъ, мы помѣстились въ нихъ. Вещи были свалены въ кучи среди комнатъ. Всѣ расположились отдыхать, кто какъ могъ, причемъ больную положили на единственной кроваткѣ, находившейся здѣсь въ квартирѣ. Какъ теперь вижу я печальную фигуру другой матери моей, которая сидитъ у постели больной сестры и безмолвно смотритъ, какъ больная въ корчахъ мечется на койкѣ, прося помочь ей. Слезы по блѣдному изможденному лицу падаютъ на грудь матери; я изъ угла, где помѣстился на буркѣ, тоже созерцаю эту трогательную картину и вотъ-вотъ слезы хлынутъ изъ моихъ глазъ и я зарыдаю. Но дневной путь, сопряженный съ такими трудностями, меня заставляетъ смыгнуть очи противъ моего желания—и я засыпаю. И вдругъ я слышу, будто во снѣ, вопль, раздирающій душу, и просыпаюсь тревожно. И вижу я уже на яву, что мать, закрывъ лицо руками, рыдаетъ у трупа скончавшейся сестры, которая при свѣтѣ сильного огара представляется такою страшною, что я отворачиваюсь невольно и у меня вырываются изъ груди рыданіе. Всѣ просыпаются и присоединяютъ свой плачъ. И такъ покончила свое существованіе моя меньшая сестра, неизвѣстно отъ какой болѣзни. Она мучительно боролась съ смертью и наконецъ должна была поддаться, чтобы не видеть дальнѣйшихъ страданій. О смерти сестры дали знать отцу, который находился на другой квартирѣ. Онъ сурово выслушалъ это извѣстіе и ничего не сказалъ. Въ полдень слѣдующаго дня тѣло усопшей уже выносили на плетнѣ, завернутое въ бѣлый саванъ. За тѣломъ слѣдовали двое мула, нѣсколько нашихъ родственниковъ; отца не было среди этой небольшой толпы, и меня также задержали. Утромъ слѣдующаго дня мы

уже покинули эту злосчастную квартиру, чтобы продолжать путь многотрудный. Я съѣхъ опять на лошадь и потому былъ въ качествѣ верховыхъ дяди, отца и двухъ двоюродныхъ братьевъ. Наше добро съ семействомъ отправилось впередъ на подводныхъ арбахъ, а мы, какъ верховые, щали позади. Когда мы выѣхали, то отецъ подѣхалъ къ-какой-то свѣжей насыпной могилѣ и, остановившись, читалъ въ-полголоса молитвы изъ корана; потомъ, сѣдавъ *дуа*, т. е. проведши три раза ладонями своихъ рукъ по лицу и проговоривъ *а-аминь*, онъ произнесъ и на своемъ языке: *рухсаг'у*, вѣчно въ родѣ древняго римскаго: *sit tibi terra lœvis!*

Вотъ, наконецъ, потянулись ровныя поля почти безъ растительности; попадаются курды, съ островерхими шапками и огромнѣйшими книжалами, смотрѣть особенно свирѣпо и все угрожаютъ книжалами... Вдали показались какія-то большія строенія,—то Карсъ, объяснилъ одинъ прохожій на нашъ вопросъ, что это за строенія. Слава Богу! Наконецъ-то добрались и до Карса. Пріѣхавъ въ Карсъ, мы размѣстились по квартирамъ дальніаго квартала города. Какъ помнится, намъ отвели квартиру на горѣ, въ домѣ одного муллы, у которого были, какъ частно обучавшіеся, два дигорскихъ мальчика. Эти послѣдніе не пускали насъ во дворъ, что, конечно, особенно возмущило отца, тѣмъ болѣе, что онъ зналъ ихъ на родинѣ и даже они приходились ему родственниками. «Вотъ испортились гдѣ, собаки! горячился онъ: забыли даже своихъ родственниковъ и не питаютъ ни малѣйшаго уваженія къ старшимъ». Однако, съ помощью хозяина, который жестоко поколотилъ ихъ, намъ удалось по праву отвода завладѣть ихъ квартирой.

Изъ Карса переселенцевъ разсылали по окрестнымъ селеніямъ, чтобы ихъ селить тамъ. Но такъ-какъ дробили переселенцевъ по два, по три двора отдельно, то это обстоятельство особенно не понравилось переселенцамъ. Отецъ мой во все двухъ-вѣдѣльное наше пребываніе въ Карсѣ отсутствовалъ, такъ-какъ былъ назначенъ повѣреннымъ отъ всѣхъ переселенцевъ осмотрѣть мѣсто, гдѣ приходилось имъ селиться, и узнать о доброкачественности и годности этихъ мѣстъ. Отецъ вернулся обратно и къ нему собрались переселенцы. «Мѣста скверныя», сказалъ онъ имъ: «народъ собачий. Мы стремились сюда изъ родины, гдѣ намъ было хорошо, сломя головы,—и вотъ мы, какъ видите, въ Стамбулѣ, у цѣли нашего многотрудного и несчастнаго пути, и что-же мы видимъ въ немъ? Намъ не приходится брататься съ тѣми людьми, которые, какъ вами самимъ известно, воруютъ у нашихъ

женъ башмаки *). Подумайте объ этомъ серьезнѣе, ради вашихъ дѣтей. Если мы вернемся обратно на родину, то это не признакъ нашего малодушія, какъ это думаютъ многие изъ насъ, а это значитъ, что желаемъ блага своему семейству, которое погибнетъ здѣсь среди такого народа; лучше вспомните про свое привольное и счастливое житѣе на родинѣ, которая насы опять радостно приметъ въ свои объятія, какъ блудныхъ сыновей, и мы опять заживемъ по-старому. Потеряли многое — что дѣлать — это все вслѣдствіе нашей-же глупости и довѣрчивости; теперь же опомнились и ошибку еще не трудно поправить. Но вспомните, что если здѣсь насы будуть селить отдельно по два, по три семейства, то мы забудемъ другъ друга и не будемъ знать, кто умираетъ изъ насъ и кто живеть, и уже изъ этого собачьяго отродья, что вѣсъ будетъ окружать, ни одна душа не прольетъ печальную слезу и не проводить вашъ прахъ до послѣдняго вашего жилища — могилы. Вспомните объ этомъ и знайте, что на родинѣ хотятъ кости наши лягутъ бокъ-о-бокъ съ костями нашихъ отцовъ и заплачетъ тамъ о насъ хотя одна душа». Призадумались старики, слушая отцовскія слова. Долго думали, молча, наконецъ послышались: «я первый изъ тѣхъ, кто хочетъ вѣхать обратно», и къ этому присоединилось еще нѣсколько голосовъ и образовались цѣлые десятки. Согласившіеся вернуться обратно на родину съ отцомъ, въ количествѣ около 90 дворовъ, рѣшились оставить Карсъ черезъ два дня и пуститься опять на родину. Наканунѣ выступленія, наши арбы собрались за Карсомъ. Остававшиеся, услыша о нашемъ окончательномъ намѣреніи пуститься въ обратный путь, нахлынули верхами со всѣхъ сторонъ, говорили отцу: «не срами насъ и себя и не ворочайся. Что скажетъ, подумай, народъ на родинѣ, когда увидятъ, что ты, одинъ изъ лучшихъ переселенцевъ, вернулся обратно? Но отецъ давно уже обѣ этомъ думалъ и рѣшеніе его уже было твердо и онъ во что-быто ни стало задумалъ вернуться обратно.

Обратная наша дорога была черезъ Александраполь, оттуда на Тифлисъ во Владикавказъ. Эта дорога уже не представляла тѣхъ трудностей, которыхъ мы испытали первоначально. Но взамѣнъ всѣхъ подобныхъ путевыхъ невзгодъ, насъ догнала эп-

*) Въ одномъ селеніи случилось такъ, что пролазъ башмакъ у моей матери, отчего отецъ поднялъ все селеніе на ноги и требовалъ настоятельно, чтобы башмакъ отыскался, а хозяину квартиры чуть голову не смѣсь своимъ кинжаломъ; однако, башмакъ отыскался-таки.

ма, между двумя границами — русскою и турецкою — на р. Арпачай. Такъ-какъ нась продержали здѣсь на границѣ около трехъ недѣль, то чтобы укрыться сколько-нибудь отъ зимнихъ холодовъ, мы вырыли на берегу Арпачая землянки, которыхъ сверху покрыли землею. Квартиръ казенныхъ намъ уже турецкое правительство не хотѣло давать, такъ-какъ мы отреклись отъ него самовольно, что вызвало неудовольствіе къ намъ правительства, выразившееся тѣмъ, что хотѣли насъ административнымъ порядкомъ задержать и не выпускать изъ Карса; но, видя положительное рѣшеніе наше оставить Турцію и серьезныя послѣдствія сопротивленія, предоставили намъ свободный проѣздъ. Итакъ, мы отъ морозовъ скрывались въ этихъ землянкахъ, вырытыхъ на берегу Арпачая. Землянки эти скрывали насъ до тѣхъ-поръ, пока снѣгъ не сталъ, но когда, къ нашему безпокойствію, солнечной теплотѣ угодно было пригрѣть снѣгъ, то этотъ послѣдній превращался въ жидкость, которая стекала въ наши землянки и потопила наше добро или выносила наружу тѣ предметы нашего обихода, которые по своему удѣльному вѣсу оказывались легкими. Но бывали времена, когда эти жалкія землянки не защищали насъ отъ зимней стужи, и тогда мы скрывались въ огромный сарай пограничной турецкой заставы. Въ сараѣ этомъ помѣщались и люди, и животные вупно, и владѣтель этого сарая, содржатель мелочной лавочки и дуихана, бралъ съ персоны по 5 копѣекъ за ночлегъ. Въ одинъ прекрасный день пронесся радостный слухъ по толпѣ измученныхъ переселенцевъ, что правительствомъ разрѣшено пропустить насъ въ предѣлы русской границы. И всѣ переселенцы въ-торопахъ стали запрягать своихъ воловъ, и арбы опять скрипѣли, какъ-бы прощаюсь на вѣки съ турецкой границей и привѣтствуя русскую границу, напоминавшую намъ близость нашей недавно покинутой родины. Скоро миновали гор. Александровъ съ его полувосточными и полузападными строеніями и передъ нашими взорами уже потянулся кряжъ горъ знакомой родины,

Какъ будто бѣлый караванъ
Залетныхъ птицъ изъ дальнихъ странъ.

Сердце забилось неизѣяснимо радостно при видѣ знакомыхъ горъ и оно рвалось нетерпѣливо впередъ къ роднымъ мѣстамъ, къ родному аулу, который въ моемъ воображеніи опять представился ясно. Достигли Тифлиса, гдѣ мы пробыли около двухъ недѣль, и пустились дальше. Близость родины чувствовалась и мы

рвались все впередъ и впередъ, забывъ усталость и лишения. Вотъ станція Казбекъ . . . а тамъ и знакомый Ларсъ, съ своими развалинами на склѣ. Да же Балта... Редантъ и—Аллахъ! — вонъ и Владикавказъ, наконецъ. «Алхамдуилльяхъ!» произносить благоговѣйно отецъ и проводить три раза по бородѣ ладонью; наконецъ-то кончены адovы мученія, слава Аллаху и его пророку Магомету.

Вотъ, въ сторонѣ, показалось мѣсто нашего аула, но тамъ теперь никто не живеть, и лишь деревья да характерный бурьянъ свидѣтельствуютъ о томъ, что когда-то тамъ жили. . . . Жители переселились въ другой аулъ—Гезель, куда и мы направились, чтобы тамъ на первое время пріютиться у бывшихъ нашихъ холоповъ. Отецъ, вѣроятно, теперь вспомнилъ то время, когда онъ считался въ аулѣ старшиной и главой, вспомнилъ то время, когда искали покровительства у него самого, а теперь: вотъ онъ, вернувшись изъ Турции, долженъ искать по необходимости такого же покровительства у бывшихъ своихъ холоповъ. И вѣроятно, особенно тревожила его эта мысль, потому-что по лицу его проѣзгали тучки, омрачившія его чело. Хотя къ намъ вышли на встрѣчу, хотя насть привѣтствовалъ весь аулъ неподѣльно радостно, но тѣмъ не менѣе, не какъ правыхъ своихъ членовъ, а какъ чуждыхъ странниковъ, какъ исключенныхъ изъ общей семьи и опять принимаемыхъ изъ снисхожденія, и это обстоятельство особенно не понравилось отцу. Мы остановились у бывшихъ холоповъ на первыхъ порахъ, но благодаря заботливости людей звавшихъ моего отца, намъ недолго пришлось жить тамъ: намъ общими силами, для постройки сакли, натаскали строевого лѣсу, понадарили все что нужно было для первоначального обзаведенія. Отецъ, понявъ свое безвыходное положеніе и то, что уже холоповъ, на которыхъ можно было бы возложить работу, не стало, принялъ самъ энергично работать день и ночь, забывъ то, что онъ когда-то зналъ лишь своего сѣраго коня, да свое оружіе, а черную работу презиралъ. И благодаря его энергіи и удивительному труду, благосостояніе наше стало-было поправляться, но Аллаху было угодно взять его душу къ себѣ — и все пошло вдругъ прахомъ! Остальные переселенцы, наученные тоже горькимъ урокомъ, стали поправляться, а были впрочемъ и такие, которые разорились окончательно, такъ-какъ безъ первоначальной помощи они не могли подняться на ноги.

Когда, бывало, собираются сосѣди къ отцу изъ всѣхъ окрест-

ковъ, то, слушая его рассказы про нашу дорогу въ Стамбуль, они участливо и угрюмо качали головами и удивлялись трудностямъ дороги, выражая сожалѣніе къ тѣмъ изъ своихъ земляковъ, которыхъ приходилось ихъ терпѣть. Затѣмъ прошелъ годъ—стали переселяться другіе, привозя также горестныя известія о судьбѣ переселенцевъ. А впрочемъ были между ними и такие, которые отзывались и съ хорошей стороны о новой ихъ жизни. Между-прочимъ, одинъ недавно пріѣхавшій оттуда разсказывалъ: «Не вѣрьте тому, что мы въ Турціи занимаемся воровствомъ. Правда, прежде, пока мы еще не обзавелись никакимъ домашнимъ добромъ, бывало, нечего грѣха таить, воровали. Былъ случай, когда я долженъ былъ взяться за это ремесло, но вынужденъ былъ къ тому бѣдственнымъ своимъ положеніемъ. Это было въ то время, когда мы уже достигали до Карса, гдѣ предполагали поселиться. Всѣ наши жизненные припасы, всѣ деньги, которыя были при насъ, истощились окончательно и насыбы постигла страшная голодная смерть, если-бы я въ одинъ прекрасный день не отправился въ опасный промыселъ. Вечеръ, въ который я вышелъ, былъ самый благоприятный. На небѣ разорванные тучки проходили по лунѣ и закрывали ее порою, отчего по временамъ дѣлалось темнѣе. Взявъ свою винтовку, шашку, пистолетъ и сѣвъ на своего вороного, котораго не продамъ теперь ни за какія деньги, я отправился искать добычи, предварительно помолившись всемогущему Аллаху, чтобы онъ ниспослалъ мнѣ щедрую добычу. Оставивъ семью свою у дороги, на охрану пятнадцатилѣтняго своего брата, я свернулъ на большую дорогу, гдѣ предполагалъ набрести на добычу. Вотъ до слуха моего донеслись звуки бубенчиковъ и колокольчиковъ. Я догадался, что то непремѣнно идетъ караванъ, и спрятавшись вмѣстѣ съ своимъ воронымъ за большимъ камнемъ, сталъ выжидать со введенной винтовкой приближенія каравана. Звуки дѣлались все явственнѣе и вотъ первый верблюдъ, мѣрно шагая, поравнялся уже съ тѣмъ камнемъ, за которымъ была моя засада. На верблюда, хозяина, покачивался вѣздъ и впередъ, напѣвалъ въ-полголоса какую-то жалобную пѣсню на турецкомъ языке.—*Кафыръ!* вдругъ воскликнулъ я, появляясь изъ-за камня съ винтовкой. Верблюдъ шарахнулся въ сторону, фыркая, и сѣдокъ сѣѣтъ съ него; я выстрѣлилъ по воздуху и турокъ бѣжалъ, сломя голову, крича о пощадѣ; другіе хозяева верблюдовъ, въ числѣ около десяти, тоже бѣжали, какъ подлые трусы-бабы, п караванъ верблюдовъ, навьюченный всяkimъ добромъ, остался на

мою долю. Своротивъ нѣсколько верблюдовъ съ большой дороги и вспоровъ тюки, я взялъ что нужно было и самъ продолжалъ далѣе свое странствіе... И съ-тѣхъ-поръ никогда мысль о воровствѣ не приходитъ мнѣ на умъ: зачѣмъ, думаю я, грабить чужое добро, когда своего достаточно. Съ турками къ тому-же живемъ мы мирно, но они настѣнко побаиваются, во избѣженіе какихъ-либо непріятностей, которыхъ мы можемъ имъ надѣлать, за какія-либо обиды. Они настѣнко зовутъ волками, потому-что видѣть въ насъ большое мужество и храбрость. Мы никогда обиду не оставляемъ безъ достойнаго возмездія и потому ввушаемъ имъ быть къ намъ уважительными. Они трусы въ высшей степени и способны легко сносить всякия обиды. Одинъ изъ нашихъ можетъ напугать десятокъ турокъ и обижать ихъ безъ особенной опасности для своей жизни».

Многіе прѣѣжаютъ теперь изъ Турціи провѣдать старую родину; одни изъ нихъ очень довольны новымъ отечествомъ и вѣтъ конца похваламъ ему, а другіе выражаютъ неудовольствіе и желаніе переселиться обратно, если-бы то было дозволено русскимъ правительствомъ. Но, однако, оставшіеся въ Осетіи мусульмане научены горькимъ опытомъ предшествовавшихъ переселенцевъ и не желаютъ переселенія; они съ болѣшимъ удовольствіемъ готовы встрѣтить перемѣну прежнаго порядка вещей, чѣмъ видѣться въ страну совершенно невѣдомую.

Тогда видались за свободою, за привольнымъ житьемъ, безъ всякаго труда и работы; хотя, впрочемъ, они сами не могли объяснить, чего хотѣли. Но должно по-крайней-мѣрѣ предполагать, что прежній характеръ не давалъ имъ покоя и тянулъ ихъ по-далѣше куда-то. Но другія времена, другіе и нравы. Прошло съ-тѣхъ-поръ не мало времени и всѣ стали смотрѣть на вещи совершенно иначе. Мало кто уже мечтаетъ о переселеніи въ Турцію: убѣдились, что тамъ хуже, чѣмъ въ родинѣ. Обстоятельства жизни заставили относиться холоднѣ и расчетливѣ ко всѣмъ перемѣнамъ прежнаго порядка и заставляютъ перениматъ новое. Да, это неизбѣжное слѣдствіе подворенія мира на Кавказѣ. Условія прежней жизни, вырабатывавшія въ горцѣ молодецкія качества, искореняются постепенно и идеалы прежнихъ джигитовъ-абрековъ становятся достояніемъ предавій.

Рядъ историческихъ фактовъ, совершившихся почти на нашихъ глазахъ, доказываетъ намъ, что народъ сохраняетъ духъ

воинственности, удальства, до-тѣхъ-поръ, пока обстоятельства окружающей его жизни тому благопріятствуютъ, когда есть, такъ спасти, арева для поддержанія и воспитанія этихъ качествъ, а арева эта можетъ лишь тогда существовать, когда народъ вынужденъ отъ кого-либо защищать оружіемъ свою свободу и неприкосновенность обычаевъ, освященныхъ предками. Но когда для развитія этихъ качествъ не благопріятствуютъ эти обстоятельства, на мѣсто храбреца и воина является трудолюбивый хлѣбопашецъ. Мы видимъ Донскихъ и Запорожскихъ казаковъ. Было время, когда они творили чудеса храбрости, вынужденные къ тому защитою своей любимой родины отъ нашествія крымскихъ татаръ. Тогда жизнь ихъ проходила въ безпрестанныхъ стычкахъ со врагами и изъ среды ихъ выходили такие отважные «лыцари», какъ Тарасъ, Остапъ, Наливайко... Но насталъ миръ и спокойствіе и идеалъ прежняго героя уступилъ мѣсто мирному семьянину и трудолюбивому пахарю. Объ Остапахъ, Тарасахъ и Наливайкахъ, какъ и другихъ герояхъ Запорожской Сѣчи, вспоминаютъ развѣ лишь угрюные бандуристы, въ кругу любопытной молодежи, да развѣ пахарь иногда, задумавшись, произнесетъ въ своей печальной пѣснѣ имена ихъ. Повторяю, вліяніе этого немѣнного могущественнаго исторического закона мы видимъ и на нашихъ горцахъ. Не вѣрить въ дѣйствіе этого закона, значитъ быть положительнымъ профаномъ. Да и профаниамъ-то въ настоящее время нельзя не вѣрить въ дѣйствіе этого закона, ибо фактъ совершается во-очію. Молодечество среди горскаго населения уже далеко не имѣть того могущественнаго вліянія на молодежь, какое имѣло еще въ недавнее прошлое; на молодечество теперь смотрятъ, какъ на праздность и полнѣйшее бездѣлье. Подражателей прежнихъ удальцовъ укоряютъ, а не хвалятъ теперь. Прежде, бывало, какой-нибудь молодецъ нацѣпить на себя цѣлый арсеналъ оружія, оправленного золотомъ и серебромъ, и разѣзжаетъ на своемъ шаулохскомъ конѣ. Этакою праздною жизнью особенно отличалось высшее сословіе, которое, обладая множествомъ крестьянъ, возвлгагало на послѣднихъ всѣ работы, а самое разѣзжало на балыѣ *) по соседнимъ кабардинскимъ князьямъ.

Такъ-какъ отецъ мой принадлежалъ къ числу людей, имѣвшихъ крестьянъ, то онъ тогда мало обращалъ вниманія на черную

*) Балыами назывались праздные разѣзды по соѣднѣмъ. Въ то время гостили по цѣлымъ мѣсяцамъ; женамъ не показывались довольно долго. Сидѣть дома считалось постыднымъ.

работу, считая ее для себя позорибою. Онъ только въ совершенствѣ владѣлъ оружиемъ своимъ и зналъ превосходно на своемъ сѣромъ конѣ, которого такъ старательно купалъ на рѣчкѣ. Для этого въ полдень, обыкновенно, онъ звалъ меня къ рѣчкѣ, куда позъ конюшни выводилъ самъ своего коня, и среди рѣчки, вооружившись чашкой, онъ мылъ старательно коня, а я держалъ послѣднаго за узду. Онъ обладалъ умѣньемъ выдѣлывать изъ ремня самыя необходимыя мелкія вещи для обруди конской; онъ мѣтко стрѣлялъ изъ винтовки, но однако рѣдко-рѣдко когда тратилъ напрасно зарядъ пороха, которымъ вообще дорожилъ.

Когда, бывало, собирался онъ въ балцъ, то мать и сестра просиживали цѣлые дни за шитьемъ для него платья, въ которое нарядившись, онъ уѣзжалъ надолго со двора—нуда?

Не знала ни одна душа.

Черезъ мѣсяцъ или два, обыкновенно, онъ возвращался, но въ сопровожденіи цѣлой кавалькады: тутъ были и кабардинские и кумыкскіе князья и все они въ свою очередь гостили у насъ болѣе или менѣе продолжительное время. Обыкновенно, я долженъ былъ выходить въ нихъ на встречу и помогать имъ сѣзать съ коней, которыхъ съ помощью своихъ товарищѣй-односульцовъ разѣдывалъ и, напоивши, вѣлъ имъ травы или гнѣзда въ полѣ. Въ кунацкой я разѣживалъ по стѣнамъ сѣда, ружы и шашки и потомъ молча становился у косяка дверей и выжидалъ зорко того момента, когда кто-нибудь изъ гостей пошелъ пить воды или попросить что-либо подобное, и подобныя желанія гостей, я, какъ благовоспитанный сынъ уздена, долженъ быть даже немедленно предупреждать, иначе въ устахъ ихъ заслужили бы недостойное реноме, что отцу было бы очень непріятно.

Отецъ также выходилъ въ гостямъ въ кунацкую, и тутъ, опершись на огромнѣйшую суковатую палку, которая составляла непремѣнную принадлежность кунацкой, заводилъ рѣчь съ гостями. Говорили важно, чинно, какъ-будто рѣшали важные государственные вопросы, а между-тѣмъ шла рѣчь о лошади какого-нибудь Бимбулата или о мѣткости Кайсиновской винтовки. Поговоривъ такимъ образомъ немного съ гостями, отецъ обыкновенно выходилъ изъ кунацкой и холопамъ давалъ приказанія, чтобы они гдѣ-нибудь раздобыли *кусартаковъ*^{*)}, безъ которыхъ не уѣзжалъ отъ насъ еще ни одинъ гость, сколько я помню.

^{*)} Гостю обыкновенно рѣжутъ всегда барана или быка, что называется *кусартаками*. Чемъ важнѣе гость, темъ цѣннѣе кусартакъ.

2107

Передъ обѣдомъ или ужиномъ для гостей, меня обыкновенно снабжали полотенцемъ черезъ плечо, давали въ руку тарелочку съ мыломъ и въ такомъ видѣ я следилъ за холопомъ, который въ свою очередь несъ въ одной руѣ тазъ, а въ другой рукомайникъ. Принесъ въ кунацкую, холопъ обыкновенно ставилъ тазъ передъ первымъ гостемъ, а я подавалъ мыло и начидалось по старшинству уиваніе рукъ, которымъ вытирались послѣ мытья полотенцемъ, висѣвшимъ на моемъ плечѣ. По окончаніи этого, обыкновенно подавался столъ, круглый, маленький, о трехъ или четырехъ ножахъ. На столѣ была баранина кусками, съ чурекомъ, бѣлымъ или просыпнымъ. Столъ становился ближе къ старшему изъ гостей. Были обыкновенно важно, медленно, будто размышиля о какомъ-нибудь важномъ дѣлѣ, — того требовалъ нашъ этикетъ, ибо честь скоро считалось постыднымъ. Чинованье слыпалось на всю кунацкую и раздражало сильно мой аппетитъ. Есть мало — тоже одно изъ достоинствъ благороднаго гостя, поэтому благородные гости часто оставляютъ весь столъ почти нетронутымъ, хотя бы у нихъ въ желудкахъ скребли голодныя кошки. Нужно замѣтить, что прежде вѣхъ перестаетъ старший изъ гостей есть, а за нимъ должны перестать и остальные, несмотря на то если-бы даже они оставались голодными. Когда перестанали гости работать челюстями, столъ убирался услужливыми парнями, которыхъ здѣсь бывало достаточное количество, съ цѣлью поживиться обѣдами со стола — и, конечно, оставшееся въ-мигъ уничтожалось. Послѣ ужина, сопровождавшагося подобныемъ же оловенiemъ рукъ, я приносилъ гостямъ постель; разостлавъ ихъ, снималъ съ гостей чевяки и не уходилъ изъ кунацкой до тѣхъ-поръ, пока кто-нибудь изъ гостей не произносилъ обычную фразу: *аму жур!* (ступай теперь). И я уходилъ, и тогда лѣшь я могъ спокойно поужинать. И вотъ точно въ такомъ воспитаніи, состоявшемъ въ прислуживаніи всякому гостю, заключалось домашнее воспитаніе и занятіе всякаго порядочнаго горскаго мальчика и кто преуспѣвалъ въ этомъ, тотъ заслуживалъ особенно лестную репутацію въ околотѣ и получалъ часто отъ гостей подарки, въ родѣ газзрей, пороху, шули и т. п. Изъ него воспитывался хороший наездникъ, танъ-качъ ежедневно онъ дигитовалъ на лошадяхъ прїезжавшихъ гостей и водилъ ихъ съ своими сверстниками на водопой.

Но теперь обстоятельства жизни, съ освобожденiemъ крестьянъ, этихъ даровыхъ рукъ, на которыхъ всѣ заботы семьи слага-

лись, перемѣнились,—перемѣнился и характеръ современаго горца. Какъ посмотришь теперь да сравнишь характеръ современаго горца и горца недавняго прошлаго времени, когда еще воевалъ Шамиль, то подумаешь, что съ-тѣхъ-поръ, какъ окончилась война, прошло стодѣтие. Температура горской крови значительно понизилась, его горячая натура сдѣлалась болѣе холедною, расчетливою, смотрящею на жизнь съ болѣе положительной точки зренія. Теперь, вмѣсто того, чтобы гордо разъезжать въ наѣгахъ вооруженными съ ногъ до головы въ свои десѣтки и пугать мирныхъ путешественниковъ, занялись сельскимъ трудомъ, понимая то, что въ противномъ случаѣ придется имъ голодать. Недавно одинъ молодой человѣкъ изъ лучшей фамилии, который прежде жилъ довольно ограниченно, говорилъ мнѣ: «Теперь, братъ, времена настали другіе; прежде, бывало, намъ доставалось все почти даромъ и мы могли, не опасаясь голода и холода, разъезжать ради душевной усклады, куда намъ угодно, или-же попадавать, не опасаясь быть наказану. Тогда наши предки, что называется, жили, какъ у Бога за пазухой. Теперь подумать некогда о праздныхъ разѣздахъ, иначе семья помретъ съ голоду; не для чего носить уже оружіе, потому-что кровная месть почти уже уничтожилась, теперь работа и работа. Позабыть ёздовское презрѣніе къ черному труду, я взялся за этотъ трудъ. Обзавелся нѣсколькоими парами воловъ и дошадей и доставляю баластъ на желѣзную дорогу, имѣю свой кирпичный заводъ и благопріобрѣтенный домъ, пока вкладываю въ банкъ, а тамъ обзаведусь табуномъ лошадей и баранами. Достроилъ я себѣ домъ на русский ладъ, какъ тебѣ известно, и обзавожусь самыми необходимыми вещами домашнаго обихода». И онъ говорилъ совершенно иѣтвно. У него есть европейскій столовый сервизъ, есть самоваръ съ довольно привличнымъ приборомъ и онъ пить чай регулярно, что находитъ очень удобнымъ и выгоднымъ. Чай мнѣ стоитъ дешевле, чѣмъ, напримѣръ, рѣзать барана и дѣлать изъ него бульонъ; кроме того, чай пить приятнѣе и всякаго гостя имъ можно попотчивать. Я такъ привыкъ теперь къ-хлопотамъ, что не могу усидѣть ни одного часа и предираю отъ души человѣка празднаго и бездѣльнаго. Но я работаю не для своей собственной пользы, приходится работать и на благо своихъ земляковъ, которые, скажу между-прочимъ, относятся къ моимъ начинаніямъ неособенно благодарно. Нынѣшнюю весною я предвидѣлъ, что покосное мѣсто соѣдняго аула, находящееся недалеко отсюда, будетъ затоплено разливомъ Тे-

река. Но обществу, которому принадлежало это покосное мѣсто, смотрѣло на такую несчастную возможность совершенно равнодушно. Я предложилъ аульному обществу условіе, чтобы они привезли хворосту къ этому мѣсту, а трудъ отдалъ плотинѣ я бралъ на себя. Аульные старшины увѣрили меня, что покосное мѣсто не затонется и поэтому считали лишнимъ распоряжаться о привозѣ материала для плотинѣ. Но аульные старшины жестоко ошибились, потому-что прошлый мѣсяцъ Терекъ разлился и затопилъ все покосное мѣсто. Слухъ о моемъ предположеніи аульному обществу дошелъ тогда до начальника округа и втотъ меняблагодарилъ. Я къ тому тебѣ говорю все это, что если будешь давать что-нибудь нашимъ для ихъ-же личной пользы, то со свойственномъ имъ подозрительностью они въ этомъ усмотрятъ заднюю цѣль. Въ данномъ случаѣ весь ауль предполагалъ, что въ этомъ предложеніи я ищу собственной выгоды, а потому онъ не согласился и за то поиздѣялся».

Говорившій эти слова принадлежалъ къ современному типу вашей заражающейся молодежи, и хотя онъ не заключаетъ въ себѣ всѣхъ типичныхъ чертъ, которыми будетъ, вѣроятно, отличаться вся наша молодежь въ близкомъ будущемъ, но тѣмъ не менѣе въ немъ есть заслуги характера, выработанные обстоятельствами современной жизни. Всѣдѣствіе этого я остановлюсь на его характеристикахъ нѣсколько больше. Упоминаемому молодому человѣку 26 лѣтъ. Вопреки традиціямъ своей знаменитой фамиліи, этотъ молодой человѣкъ имѣть сильное предубѣжденіе къ дигитовству, къ беззѣльнымъ разѣзданьямъ и даже къ вошевику книжала. Чувство предубѣжденія онъ выражалъ мнѣ неоднократно, «какъ помнившему человѣку». — «Пора, пора оставить дурачиться и разѣзжать по ауламъ беззѣльно; пора прянаться за работу, забывъ, что черная работа стыдна алдару или уздечко^{*}»). Если я еще попрошу при себѣ книжалъ, говорилъ онъ, то единствено съ цѣлью не обижать своихъ родственниковъ, а не уважай я ихъ репутацию, я не только скинуль-бы съ себя это лишнее украшеніе, потерявшее свое значеніе, но даже сняль-бы съ себя черкеску и надѣль-бы русское платье, которое нахожу теперь гораздо болѣе удобнымъ».

^{*}) Алдары и уздечки — высшее сословіе въ осетинскомъ народѣ. Эти сословія въ послѣднее время потеряли свое могущественное значеніе, которое имѣли еще въ недавнемъ прошломъ среди своихъ земляковъ, барсалахъ и каадасардовъ (холоповъ).

«Посмотришь теперь на своихъ знакомыхъ—такъ злость беретъ. Завидуютъ мнѣ, что я обставилъ совершенно иначе, чѣмъ они, между тѣмъ-какъ они физически столь-же состоятельны, а можетъ-быть даже больше, чѣмъ я. А что у меня еще недавно было? Я былъ почти бѣднякомъ среди своихъ односельцевъ, но когда строили желѣзную дорогу, мнѣ везучалось доставлять туда цементъ, камень, хворостъ для постройки плотинъ на Терекѣ, для чего на первыхъ порахъ сдѣлать долги, нушиль и всесолько арабъ съ лошадьми, снажъ подрядъ; такимъ образомъ мало-по-малу у меня открылся свой кирпичный заводъ, и я приготовлялъ кирпичъ для станцій. Такъ я иое-что зарабатывалъ и деньги заработанные не проматывалъ въ городѣ, а относилъ въ банкъ. А мои односельцы, въ то время, когда я возвился съ пескомъ, съ хворостомъ да съ кирпичами, посиживали себѣ въ *нихаси*^{*)} и, занимаясь строганіемъ палочекъ своими кинжалными ножами, говорили: «араби^{**}»), чтобы это значило, что Хасанъ разбогатѣлъ, что у него и русскій домъ теперь, когда онъ такъ недавно жилъ въ такой-же грѣшной сакѣ, какъ и мы, а теперь поглядите! И при этомъ щепки летѣли отъ палочекъ, которыми они обыкновенно строгаютъ. И то сказать: удивительное дѣло, право, какъ это мы тоже работаемъ весь день не хуже его, а между тѣмъ не отзываются нашъ заработка на нашемъ благосостояніи», говорилъ другой завсегдателъ холма, покуривая папироску, скрученную изъ писчей бумаги.—Да, да! подтверждали другіе голоса лѣниво. И такъ они болтаютъ и болтаютъ до-сихъ-поръ, удивляясь, какъ это они, работая, не богатѣютъ. — Да чѣмъ-же они живутъ? спросилъ я его однажды.—«Да развѣ ихъ собачью жизнь можно взвѣзвать жизню? Они сю вполнѣ довольны и, кажется, другой жизни не особенно-таки желаютъ, а вотъ небось ва воровство еще руки чешутся». — А развѣ еще занимаются воровствомъ? — «Соѣдѣнъ воруетъ у состѣда корову и даже иурицу. Нигдѣ такъ не распространено воровство, какъ въ нашемъ аулѣ, говорилъ онъ. Въ-продолженіи прошлаго мѣсяца было украдено 18 лошадей въ одномъ нашемъ аулѣ». — И почему это случается въ нашемъ аулѣ, а вѣ въ другомъ? — «А это потому, объяснялъ онъ мнѣ, съ накопившемся желчью, что мы люди негодные и неспособные къ общественной жизни, будучи не въ состояніи жить единодуш-

^{*)} Мѣсто, гдѣ собираются аульные беззѣльники и проводятъ время въ пустой балтовиѣ.

^{**) Араби}—говорится въ знакъ удивленія, въ смыслѣ: о боже!

но, въ согласіи. Вотъ, напримѣръ, общество нашего аула, не исключая даже самикъ старшинъ, знаетъ очень хорошо этихъ воровъ и конокрадовъ, но боится прямо на нихъ указать; для него-же хуже, если оно не докажетъ воровства, что конечно очень возможно, такъ какъ на мѣстѣ преступленія вора не слышали, но предположенія вѣрны. Если я одинъ укажу на одного изъ конокрадовъ и не подтвержду свое показаніе осозательнымъ фактомъ, то воръ вечеромъ придетъ и украдетъ у меня же въ отмѣстку моего коня или корову. Кому-же это желательно? Во избѣжаніе подобныхъ случаевъ, каждый изъ насъ молчитъ, а воры продолжаютъ свое ремесло безнаказанно; такъ, аульное начальство еще не забыло обуздывать всѣхъ жителей нести по-очередно сторожевую службу. И воры эти столь нахальны, что не краснѣютъ передъ тѣми, которыхъ только вчера обокрали. Такъ намъ и надо за наше равнодушное отношеніе къ безопасности собственного добра», закончилъ онъ злобно. «Накальство воровъ простирается до изумительныхъ размѣровъ. Недавно у меня почти среди бѣлага дня чуть не украли моихъ лошадей, но въ счастію моему я успѣлъ настичь воровъ и они, подмы, скрылись вотъ въ этомъ бурьянѣ и швыряютъ здѣсь, какъ куропатки, такъ-что приходится каждый часъ опасаться за безопасность своего добра».

Вообще говоря, воровство въ послѣднее время не только не уменьшилось, но, напротивъ, оно, по словамъ нашихъ-же горцевъ, разрастается. Гдѣ искать причины такого обстоятельства? Въ томъ-ли, что въ доказательство воровства требуютъ осозательныхъ фактовъ, чтобы воръ былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія, не принимая во вниманіе однихъ свидѣтельскихъ показаній, хотя бы они были подтверждены присягой? Воръ, зная это, мало опасается того, что его поймаютъ на мѣстѣ преступленія, и больше; вѣроятія, что онъ останется безнаказаннымъ.

Но въ скоромъ будущемъ должно искорениться и это зло. Склонность къ воровству есть еще остатокъ недавняго прошлаго времени, и эта склонность сама собою должна уничтожиться. Противъ могущественнаго напора цивилизациіи не устоить никакія традиціи старины. И слава Богу, что цивилизациія забросила къ намъ лучъ свой; наконецъ мы видимъ и желѣзную дорогу: свистъ локомотива оглушаетъ насть, мирныхъ гражданъ, и напоминаетъ намъ ежедневно, что и мы присоединились къ семьѣ цивилизованной Европы. Горцы сами содѣйствовали построению этой

дороги, которая должна въ ближномъ будущемъ замѣнить все наше прошлое. И тамъ, гдѣ скакалъ лишь горецъ вольный изъ своемъ шаулохскомъ скакунѣ *), обвѣшанный съ ногъ до голѣвъ своими воинскими доспѣхами, теперь раздается свистъ въ пытѣвіе локомотива, наводя суевѣрный страхъ на изумленныхъ горцевъ. И проходитъ этотъ локомотивъ мимо аулѣвъ, не боясь ни «косматыхъ дьяволовъ», ни абрековъ заклятыхъ. И если-бы бывшие обладатели тѣхъ человѣческихъ костей, костей джигитовъ, разбросанныхъ мѣстами по полотну дороги, воскресли вслѣдъ Аллаха и взглянули-бы на «изобрѣтеніе шайтана» и на житье современной горской молодежи и узнали-бы, что они, вмѣсто джигитовъ и молодецкихъ 'разъездовъ, предпочли работу и миръ съ гаурами, — они пожелали-бы снова умереть, чтобы не смотрѣть на сей свѣтъ...

И. Кануковъ.

Г. Владикавказъ.
Сентября 8 дня 1875 г.

*) Заведа Шаулохъ, славящагося и по настоящее время во всей Европѣ.

1/13

ГОРСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

1114

СТАТИСТИЧЕСКИЯ СВѢДѢНІЯ

о населенныхъ мѣстахъ Западнаго Дагестана.

Помѣщаемыя ниже статистические свѣдѣнія о населенныхъ мѣстахъ Западнаго Дагестана заслуживаютъ вниманія, какъ вполнѣ новый статистической матеріалъ для соображеній объ общественно-экономическомъ положеніи значительной части кавказско-горскаго населенія. Происхожденіе этого матеріала — чисто официальное. Значительная часть его, наѣтъ основаніе для вниманія податныхъ сборовъ, вполнѣ достовѣрна. Но и въ прочихъ своихъ частяхъ матеріалъ этотъ довольно близко опредѣляетъ действительное положеніе дѣла.

Еще болыше значение получаютъ приводимыя ниже данные въ виду тѣхъ трудностей добыванія точнаго статистического матеріала въ странѣ, подобной Дагестану, о которыхъ не разъ уже заявлялось на страницахъ нашего «Сборника». Остается пожелать, чтобы и о прочихъ частяхъ Дагестанской области мы могли располагать такими-же важными и интересными свѣдѣніями.

СТАТИСТИЧЕСКИЙ

о населенныхъ мѣстахъ Западнаго Дагестана, о числѣ и

	НАЗВАНИЕ СЕЛЕНИЙ.	Число дворовъ.	Число душъ.		Число дворовъ платившихъ по- дати.	Число душъ не пла- тившихъ подати.					
			Мужескаго пола.	Женскаго пола.		Оспопровъ, старшины, нафетъ, и слуки.	Вдовъ и сиротъ.	Калыгъ и не имущихъ.			
Андійскаго округа.											
<i>Андійское наим- ство.</i>											
1	Сел. Анди.....	633	1134	1265	587	16	15	15			
2	" Ашали.....	55	107	123	47	4	2	2			
3	" Гагатль.....	253	401	527	237	7	8	1			
4	" Гунхо.....	49	89	90	43	4	2	—			
5	" Зило.....	150	257	281	143	4	—	3			
6	" Рыкуами.....	152	300	305	140	4	3	5			
7	" Чанко.....	58	118	120	51	4	2	1			
	Итого....	1350	2406	2731	1248	43	32	27			
<i>Гумбетовское наимство.</i>											
8	Сел. Аргуани.....	226	387	447	213	9	—	4			
9	" Артухъ.....	82	174	193	78	4	—	1			
10	" Гадари.....	95	164	141	79	4	9	2			
11	" Данухъ.....	103	188	200	23	5	10	5			
12	" Верхнее-Ин- хо.....	129	198	206	113	4	9	3			
13	" Нижнее-Ин- хо.....	185	255	289	175	4	3	3			
14	" Ивгиши.....	116	169	202	100	5	7	4			
15	" Ичичали.....	119	205	214	105	4	6	4			
16	" Киятль.....	140	247	251	136	4	—	3			
17	" Кижави.....	83	129	142	77	3	—	—			

СВѢДЧНІЯ

тѣлъ и дворѣвъ и экономическомъ бытѣ населенія.

Старшинъ.	Кадеевъ.	Диван-бекъ.	Число мечетей.	Число учащихся при мечетяхъ.	Скотоводство.			Предметы хозяйственныхъ занятій.
					Лошадей.	Оваковъ.	Рогатого скота.	
1	1	6	4	30	603	66	2567	18500
1	1	2	1	2	47	3	80	900
1	1	5	2	11	300	25	1400	8800
1	1	2	1	5	50	5	570	2100
1	1	2	1	3	102	56	450	2300
1	1	2	1	3	150	26	600	4560
1	1	2	1	6	50	3	150	600
7	7	21	11	60	1302	184	5517	37760
								Исключительно овцеводство и выдѣлка бурокъ; хлѣбопашество развито мало; Адвайское общество даже при хорошемъ урожаѣ покупаетъ для себѣ хлѣбъ.
1	1	4	2	5	164	316	823	10125
1	1	2	1	6	70	118	620	5500
1	1	3	1	1	20	53	300	1000
1	1	3	1	4	64	141	600	4200
1	1	2	1	3	4	128	200	2000
—	1	3	2	2	15	243	500	1800
1	1	3	1	3	40	92	500	3000
1	1	2	1	2	62	92	393	2500
1	1	2	1	3	75	100	500	1000
1	1	1	1	3	65	31	220	1800

	НАЗВАНИЕ СЕЛЕНІЙ.	Число дворовъ.	Число душъ.		Число ав'ровъ пшащаихъ по- лости.	Число душъ не пла- щающихъ подати.		
			Мужескаго пола.	Женскаго пола.		Осперовъ, старшины, кареевъ и стадей.	Вдова и сторогъ.	Благъ и незупешъ.
18	Сел. Мехельта....	483	814	908	445	11	15	12
19	„ Сивухъ.	194	347	368	170	5	13	6
20	„ Тлараты....	81	135	140	65	2	6	8
21	„ Цалитль....	120	200	204	111	2	2	2
22	„ Цууди.	58	99	116	53	4	1	—
23	„ Чиркатъ....	151	255	284	140	5	5	1
24	„ Читль....	60	102	106	56	3	1	—
25	„ Шавдухъ....	58	99	116	54	3	—	1
	Итого...	2483	4167	4527	2253	85	87	58
	Дидойское наим- ство.							
26	Сел. Асахо....	101	220	215	92	6	2	1
27	„ Акиди....	17	42	42	13	2	1	1
28	„ Азильта....	14	41	35	13	1	—	—
29	„ Вицнатль....	24	57	51	20	3	—	1
30	„ Геніатль....	45	83	63	34	4	3	4
31	„ Зирко....	14	29	30	14	—	—	—
32	„ Зихиды....	28	62	62	26	2	—	—
33	„ Исаракъ....	15	32	38	14	1	—	—
34	„ Инухъ....	28	53	58	20	2	2	4
35	„ Катури....	51	201	110	42	4	3	2
36	„ Киміатль....	19	25	28	16	2	—	1
37	„ Китльраты...	6	14	16	5	1	—	—
38	„ Кутатль....	38	84	88	35	3	—	—
39	„ Кидери....	69	136	94	56	3	5	5
40	„ Мококъ....	65	153	132	55	5	3	2
41	„ Ритлухъ....	13	32	18	11	2	—	—
42	„ Сагады....	74	148	153	70	4	—	—
43	„ Тлисугта....	42	84	63	37	5	—	—
44	„ Уцихъ....	6	15	11	5	—	—	1
45	„ Цибиро....	30	81	63	26	3	1	—
46	„ Цицмакъ....	10	23	23	7	—	—	3
47	„ Хонтль....	22	58	46	18	4	—	—
48	„ Хотохъ....	14	37	22	12	1	1	—
49	„ Ханухъ....	8	19	23	8	—	—	—
50	„ Хамантляхъ.	31	60	52	28	3	—	—

Число должностныхъ лицъ сельского управления.			Свотоводство.					Предметы хозяйственныхъ занятій.	
Старшина.	Кадетъ.	Длян-бебовъ.	Число мечетей.	Число учащихся при мечетяхъ.	Лошадей.	Эшаковъ.	Порогато скота.	Овцы.	
1	1	6	8	6	330	350	2260	32500	{ Овцеводство и земледѣліе.
1	1	3	1	3	130	120	1040	9000	
1	1	—	1	—	40	50	200	2100	Земледѣліе.
1	1	3	1	2	64	74	607	4300	{ Овцеводство и земледѣліе.
1	1	2	1	—	29	70	230	2300	
1	1	3	3	3	100	140	808	7000	Овцеводство и садоводство.
1	1	1	1	4	6	74	130	500	
1	1	1	1	—	37	50	255	2000	Земледѣліе.
17	18	44	29	50	1315	2242	10186	92625	
1	—	—	—	—	—	—	—	—	
1	1	1	4	1	45	3	292	2400	
1	1	1	1	1	7	2	65	700	
1	1	1	1	2	1	3	70	240	
1	1	1	1	2	29	—	98	860	
1	1	2	1	9	8	10	156	800	
1	1	—	1	1	—	3	50	200	
1	1	1	1	1	17	1	76	800	
1	1	1	1	1	7	—	35	200	
1	1	1	1	5	14	1	124	800	
1	1	2	1	14	4	14	200	1900	
1	1	1	1	—	5	4	54	800	
1	1	—	1	—	3	—	23	100	Земледѣліе и овцеводство.
1	1	1	1	5	45	2	169	900	
1	1	2	2	8	43	2	270	280	
1	1	3	2	3	12	11	171	1600	
1	1	1	1	—	5	—	41	400	
1	1	1	2	2	—	20	200	1900	
1	1	1	3	1	—	15	140	1300	
1	1	1	1	1	2	—	16	200	
1	1	1	1	3	4	8	75	800	
1	1	2	1	3	2	8	119	900	
1	1	1	1	2	—	7	65	440	
1	1	1	1	2	1	4	60	460	
1	1	1	1	1	—	7	96	700	

	НАЗВАНИЕ СЕЛЕНИЙ.	Число дворовъ.	Число душъ.		Число дворовъ платящихъ по- дати.	Число душъ не ша- тавшихъ подати.	
			Мужескаго поля.	Женскаго поля.		Департоцъ, сторожъ, засѣлье и судей.	Бровь и спиртъ. Калагъ и не платящихъ.
51	Сел. Хабатъ....	35	80	67	25	4	2
52	„ Хитрако....	53	120	110	42	5	3
53	„ Халачъ....	9	23	15	9	—	—
54	„ Хупро	34	65	61	28	4	1
55	„ Хибиятъ....	14	33	43	11	1	1
56	„ Шентъ....	85	159	236	73	5	4
57	„ Шашакъ....	34	43	40	28	3	2
58	„ Шальяхъ...	10	18	19	8	—	1
59	„ Шаури....	13	24	25	10	1	1
60	„ Эльбоко....	18	43	36	14	3	1
		Итого ..	1089	2390	2188	925	87
							34
							43
<i>Каратинское наибство.</i>							
61	Сел. Аччикъ....	133	260	243	124	5	—
62	„ Аллачъ....	173	287	221	150	5	18
63	„ Арчъ....	63	138	117	58	5	—
64	„ Изаны....	104	196	187	100	4	—
65	„ Имерсу....	91	134	141	85	4	1
66	„ Карата....	248	428	423	231	7	4
67	„ Кудіябъ - Ро- сотъ-Ахвахъ	164	369	351	159	5	—
68	„ Конода....	241	357	396	226	5	1
69	„ Рацитъ....	72	140	152	68	4	—
70	„ Рачабалды...	21	26	47	16	2	3
71	„ Тадъ-Магитъ	155	303	310	144	5	3
72	„ Тлондода....	140	236	243	125	4	1
73	„ Тлибишу....	70	114	123	62	4	1
74	„ Тлиссы	22	42	45	18	4	—
75	„ Хуштада....	204	308	360	182	5	8
76	„ Хелетлури...	96	181	179	81	4	11
77	„ Верхнее Энхе- хи.....	95	161	173	77	5	13
78	„ Нижнее Энхе- хи.....	104	189	195	99	5	—
		Итого ...	2196	3869	3926	2005	82
							45
							64

Число должностныхъ лицъ сельского управления.		С к о т о в о д с т в о .						Предметы хозяйственныхъ занятій.	
Старшина.	Кадетъ.	Число мечетей.	Число учащихся при мечетяхъ.	Домашн.	Эшамовъ.	Рогатого скота.	Овцъ.		
1	1	2	1	2	6	10	140	810	Земледѣліе и овцеводство.
1	1	3	2	1	19	—	254	2000	
—	—	—	1	1	4	—	28	160	
1	1	2	1	1	21	—	105	900	
—	—	1	1	2	4	—	53	260	
1	1	3	1	15	23	15	300	200	
—	1	2	1	2	18	—	100	800	
1	—	—	1	—	3	—	23	100	
1	1	1	1	2	1	3	81	200	
1	1	1	1	1	15	—	79	700	
24	17	46	38	89	375	153	3942	27750	
1	1	3	3	3	50	120	500	5000	Земледѣліе и овцеводство.
1	1	3	2	4	17	110	700	5000	
1	1	2	1	1	10	25	150	1100	
1	1	2	1	—	46	41	300	2040	
1	1	2	1	1	14	104	400	3000	
1	1	3	2	7	40	300	700	6000	
1	1	3	2	—	43	37	720	3100	
1	1	3	1	1	67	200	1300	10000	
1	1	2	1	2	20	70	300	1000	
1	1	—	1	—	3	8	110	400	
1	1	3	3	1	90	68	700	4000	
1	1	2	2	3	33	80	700	7000	
1	1	2	1	—	30	100	360	2400	
1	1	2	1	1	15	40	100	1400	
1	1	3	2	6	40	180	900	10000	
1	1	2	1	4	11	100	400	4000	
1	1	3	3	3	15	80	220	1100	
1	1	3	1	—	5	76	130	2000	
18	18	45	29	37	549	1749	8730	68540	

	НАЗВАНИЕ СЕЛЕНИЙ.	Число дворовъ.		Число душъ. Мужескаго поля.	Число дворовъ платящихъ по- даты.	Число душъ не ша- тавшихъ податы.		
		Женскаго поля.	Офицеровъ, старшинъ, войскъ и супругъ.			Вдовъ и сиротъ.	Коллежъ и но- имуники.	
<i>Технучальское наибство.</i>								
79	Сел. Аңалты....	275	537	545	256	9	5	5
80	„ Боталихъ	267	440	506	247	8	7	5
81	„ Буты.....	47	105	119	44	3	—	—
82	„ Годобери....	211	388	414	185	6	8	12
83	„ Зибирхали....	56	100	127	46	4	3	3
84	„ Конхидатъ..	122	218	248	108	5	5	4
85	„ Муни.....	250	411	447	234	7	4	5
86	„ Миарсу.....	68	114	118	61	4	—	3
87	„ Тиндо.....	138	238	247	130	5	3	—
88	„ Тасута.....	59	100	104	53	4	—	2
89	„ Орто-коло....	41	66	71	33	4	2	2
90	„ Щодорода....	105	177	205	92	5	5	3
	Итого...	1639	2894	3151	1489	64	42	44
<i>Тиндальское наибство.</i>								
91	Сел. Аңыда	120	204	203	110	5	3	2
92	„ Акнада.....	110	200	209	99	4	3	4
93	„ Аша.....	64	100	90	50	4	3	7
94	„ Инхокори....	72	143	136	65	4	—	3
95	„ Контляда....	69	124	133	59	4	—	6
96	„ Сантияда....	44	89	71	32	4	—	8
97	„ Тинды.....	414	732	696	374	7	11	22
98	„ Тиссы	60	108	110	56	4	—	—
99	„ Хварпи....	140	244	255	124	6	—	10
100	„ Хойны.....	27	59	50	22	4	—	1
	Итого...	1120	1983	1953	991	46	20	63
<i>Ункратло-Чама- ляльское наибство.</i>								
101	Сел. Ақвари....							
	„ Верхнее Ак- вари.....	311	550	547	291	6	5	9
102	„ Нижнее Ак- вари.....							
103								

Число должностныхъ лицъ сельского управления.						Скотоводство.			Предметы хозяйственныхъ занятій.	
Старшина.	Кадетъ.	Диван-бенкъ.	Число мечетей.	Число учащихся при мечетяхъ.	Лошадей.	Эшаковъ.	Рогатого скота.	Опять.		
1	1	3	4	6	84	209	827	1900	Zемледѣліе и выдѣлка бурокъ.	
1	1	5	2	11	62	300	600	1200	Садоводство и выдѣлка бурокъ.	
1	1	1	1	—	31	2	340	2306	Овцеводство.	
1	1	3	3	4	77	121	710	4000	Zемледѣліе и овцеводство.	
1	1	3	1	2	22	33	183	1800		
1	1	3	2	4	11	79	168	100	Выварка соли.	
1	1	5	5	6	36	196	254	1009	Садоводство.	
1	1	2	1	2	20	53	110	100		
1	1	3	1	3	93	64	292	1260	Zемледѣліе.	
1	1	2	1	—	36	23	143	333		
1	1	2	1	—	10	35	116	27	Садоводство.	
1	1	3	1	3	43	43	262	940	Zемледѣліе.	
12	12	35	25	41	525	1158	3945	14975		
1	1	2	1	1	17	40	500	300		
1	1	2	1	5	9	41	500	4100		
1	1	2	1	3	17	52	200	1800		
1	1	2	1	1	3	35	430	1053	Zемледѣліе и овцеводство.	
1	1	2	1	4	3	26	100	800		
1	1	2	1	6	6	16	100	700		
1	1	3	3	10	60	215	1500	9900		
1	1	2	1	6	8	33	200	900		
1	1	3	2	10	15	76	504	2400		
1	1	2	1	1	2	17	57	478		
10	10	22	13	47	140	551	4091	23131		
1	1	3	1	3	42	292	1722	5530	Овцеводство и земледѣліе.	

НАЗВАНИЕ СЕЛЕНИЙ.	Число дворовъ.	Число душъ.		Число дворовъ платищихъ по- дати.	Число душъ не ша- тавшихъ подати.	
		Мужескаго пола.	Женскаго пола.		Офицеровъ, старшинъ, кадетъ и супруж.	Дворы и сыротъ.
104 Сел. Агвали	41	80	72	32	4	3
105 „ Гигатль	189	330	395	176	7	3
106 „ Гадыры	98	200	190	92	4	2
107 „ Гачитль	35	50	72	33	—	1
108 „ Киды	105	110	198	99	4	1
109 „ Конхи	98	224	202	83	5	5
110 „ Рычаганыкъ.	63	126	124	56	4	2
111 „ Сильды	95	143	205	90	4	—
112 „ Саситль	54	118	116	50	4	—
113 „ Хако	104	237	237	98	4	1
114 „ Цумада	70	125	136	64	4	2
115 „ Шихалъ-Бат- лухъ	24	40	49	23	1	—
116 „ Чадыри	58	126	140	47	4	5
117 „ Эчеда	43	79	62	38	3	1
Итого...		1388	2538	2745	1272	59
А всего въ Авдій- скомъ округѣ...		11265	20247	21221	10183	466
Аварского округа.						
Хунзахское наим- ство.						
1 Сел. Хунзахъ	339	1007	1029	283	27	28
2 „ Гоцатль	335	878	883	296	12	25
3 „ Могохъ	148	325	344	137	9	2
4 „ Гоцо	35	97	103	29	4	—
5 „ Шагада	62	125	137	60	2	2
6 „ Уркачи	66	191	200	59	5	2
7 „ Буцра	155	438	471	144	6	5
8 „ Геничутль	117	264	277	100	7	10
9 „ Ботлаичъ	170	411	421	155	8	7
10 „ Ития	33	90	91	29	2	2
11 „ Кахъ	40	132	146	37	2	1
12 „ Хориколо	65	164	171	57	4	—

Старшина.	Кадиевъ.	Джан-бе-беконъ.	Число должностныхъ лицъ сельского управления.	Число мечетей.	Число учащихся при мечетяхъ.	С в о т о в о д с т в о .			Предметы хозяйственныхъ занятій.
						Ломадей.	Эшаковъ.	Рогатаго скота.	
1	1	2	1	1	—	4	26	187	200 Садоводство.
1	1	3	1	1	2	105	210	1522	7500
1	1	2	1	1	1	15	60	300	3000
1	1	—	1	1	—	—	20	120	300
1	1	2	1	1	1	19	60	250	5600
1	1	3	1	1	1	50	30	330	3000
1	1	2	1	1	—	15	54	374	1160
1	1	2	1	1	—	5	50	550	3500
1	1	2	1	1	—	13	56	390	2770
1	1	2	1	1	—	15	90	700	6000
1	1	2	1	1	—	8	33	222	1300
1	—	—	1	—	—	3	12	212	2000
1	1	2	1	—	—	66	—	400	2300
1	1	1	1	—	—	3	22	199	1360
14	14	28	15	8	—	363	1015	7478	45520
102	96	239	158	326	—	4569	7052	43809	312301
1	1	7	4	7	—	112	55	695	6180 Земледѣліе и овцеводство.
1	1	3	2	6	—	49	169	475	2900 Земледѣліе и садоводство.
1	1	2	1	7	—	16	159	314	1067 Земледѣліе и овцеводство.
1	1	1	1	—	—	12	10	134	2600 Земледѣліе и овцеводство.
1	1	1	1	—	—	19	7	146	840 Земледѣліе.
1	1	3	1	—	—	9	9	131	945 Земледѣліе.
1	1	3	1	2	—	27	19	302	4520 Земледѣліе и овцеводство.
1	1	3	1	6	—	22	14	144	1850 Земледѣліе и овцеводство.
1	1	3	1	2	—	31	14	175	5000 Земледѣліе.
1	1	—	1	—	—	6	7	42	400 Земледѣліе.
1	1	—	1	1	—	22	6	143	770 Земледѣліе.
1	1	2	1	3	—	11	7	122	500 Земледѣліе.

	НАЗВАНИЕ СЕЛЕНІЙ.	Число дворовъ.	Число душъ.		Число дворовъ платящихъ по- дати.	Число дворовъ, старшинъ, кацавъ и стасъ.	Вдовъ и серогъ.	Калмыкъ и не- каинчихъ.
			Мужскаго пола.	Женскаго пола.				
13	Сел. Цада.....	40	107	149	85	3	2	—
14	„ Танусъ.....	119	301	314	115	4	—	—
15	„ Ахальчи....	235	649	674	222	7	6	—
16	„ Гапалухъ....	84	222	233	74	5	5	—
17	„ Эбуга.....	21	48	51	19	2	—	—
18	„ Цалкита....	24	58	60	20	2	2	—
19	„ Цельмесь....	40	112	117	38	2	—	—
20	„ Тлайлухъ....	35	81	87	30	3	2	—
21	„ Алишта....	28	65	71	25	2	1	—
22	„ Джалатлури...	40	123	119	36	2	2	—
23	„ Инкета или Текита.....	26	80	86	23	2	1	—
24	„ Сивухъ.....	175	485	491	152	10	13	—
25	„ Шопота....	54	119	121	47	3	4	—
26	„ Химякоро ..	42	96	101	37	2	3	—
27	„ Гозоло-Коло..	39	88	97	32	3	4	—
28	„ Гортло-Коло.	65	173	179	56	3	5	1
29	„ Обода.....	157	439	451	148	5	4	—
30	„ Гонухъ	41	114	126	38	2	1	—
31	„ Байтль.....	25	67	74	23	2	—	—
32	„ Чандатль....	39	106	111	37	2	—	—
33	„ Местерухъ...	102	287	291	94	5	3	—
34	„ Цолода.....	83	204	217	76	5	2	—
35	„ Тукита.....	150	399	421	133	7	10	—
36	„ Ингердахъ ..	82	201	217	76	5	1	—
	Итого...	3311	8746	9131	2972	176	159	4
	<i>Койсубулминское наибство.</i>							
37	Сел. Унсукулъ....	545	997	1041	522	15	7	1
38	„ Гимры.....	278	435	501	246	8	23	1
29	„ Ирганай....	164	246	217	158	5	1	—
40	„ Балакавы ...	269	461	497	255	5	7	2
41	„ Шулатль....	12	35	41	10	1	1	—
42	„ Зиряны.....	37	69	73	34	2	1	—

472

Старшина.	Кадетъ.	Джан-бе-въръ.	Число мечетей.	Число учащихся при мечетяхъ.	С в о т о в о д с т в о .			Предметы хозяйственныхъ занятій.
					Лошадей.	Эшаковъ.	Рогатого скота.	
1	1	1	1	1	5	6	91	700 Земледѣліе.
1	1	2	1	9	72	18	255	2000 Земледѣліе и овцеводство.
1	2	3	1	13	108	31	371	4500
1	1	3	1	1	47	9	133	1500
1	1	—	—	—	11	4	42	300
1	1	—	1	—	4	3	42	700
1	1	—	1	—	4	5	97	340
1	1	1	1	10	4	74	300	Земледѣліе и садоводство.
1	—	1	1	10	6	68	360	
1	—	1	1	19	8	91	400	Земледѣліе.
1	1	—	1	—	6	4	46	175
1	2	8	1	3	38	20	304	Земледѣліе и садоводство.
1	1	1	1	4	33	7	84	3800
1	—	1	1	1	22	5	70	1000
1	1	1	1	—	10	4	66	500
1	1	1	1	32	6	106	550	Земледѣліе.
1	1	3	1	7	69	14	297	700 Земледѣліе и овцеводство.
1	1	—	1	—	19	5	64	2200
1	—	—	1	—	13	3	54	340
1	—	1	1	—	18	4	79	600
1	1	3	1	4	13	10	183	Земледѣліе.
1	1	3	1	—	9	7	159	380
1	1	3	1	3	29	15	291	200
1	1	3	1	6	13	10	166	Земледѣліе и овцеводство.
36	33	63	40	85	950	684	6056	3500 57517 Земледѣліе, садоводство и производство различныхъ деревянныхъ работъ, начь-то: трубокъ и прочаго.
1	3	5	3	18	75	235	605	6300
1	1	3	1	3	82	196	257	4000 Земледѣліе и садоводство.
1	1	3	1	3	9	104	168	2110
1	1	3	1	29	12	185	176	3000
1	—	—	1	—	1	15	27	300
1	1	—	1	—	2	27	53	Земледѣліе и садоводство.

	НАЗВАНИЕ СЕЛЕНИЙ.	Число дворъевъ.	Число душъ.		Число дворъевъ платящихъ по- дати.	Однородъ, старшинъ, кофейца и сукей.	Число душъ не пла- тищихъ подати.	Вдоль и широкъ.	Калъбъ и не имущихъ.
			Мужескаго пола.	Женскаго пола.					
43	Сел. Араканы....	378	674	715	364	7	6	—	1
44	„ Харачи	95	175	188	91	4	—	—	—
45	„ Моксохъ....	66	145	173	59	3	2	—	—
46	„ Кудутль....	204	359	363	183	5	13	—	3
47	„ Бетль.....	71	135	168	63	5	3	—	—
48	„ Ашильта....	88	174	169	81	5	2	—	—
49	„ Инколито....	47	79	88	38	5	4	—	—
50	„ Игали.....	318	549	558	300	7	9	—	2
51	„ Кохабъ-росо.	97	168	175	90	5	2	—	—
	Итого...	2669	4701	4967	2494	84	81	10	
	<i>Цатаныхское наиство.</i>								
52	Сел. Цатаныхъ...	157	311	324	144	5	8	—	—
53	„ Мушули....	78	146	157	70	5	3	—	—
54	„ Тлохъ	270	603	676	252	6	11	—	—
55	„ Очло.....	41	138	140	37	3	1	—	—
56	„ Иштибури...	41	121	123	37	3	1	—	—
57	„ Иштубури- Коло	67	179	181	61	3	3	—	—
58	„ Верхній Ха- радырихъ....	61	140	152	55	3	3	—	—
59	„ Средній Ха- радырихъ ...	52	132	146	44	3	5	—	—
60	„ Нижній Ха- радырихъ....	30	61	67	27	2	1	—	—
61	„ Тадъ-Коло...	18	53	61	15	2	1	—	—
62	„ Хиндахъ....	62	152	167	54	5	3	—	—
63	„ Гоха-Коло...	59	136	134	52	5	2	—	—
64	„ Орота	192	401	415	167	7	18	—	—
65	„ Мочохъ....	113	246	273	97	5	11	—	—
66	„ Харахи	170	397	421	158	6	11	—	—

Число должностных лицъ сельского управления.			Скотоводство.			Предметы хозяйственныхъ занятій.		
Старшина.	Кадиевъ.	Джан-бекъ,	Число мечетей.	Число учащихся при мечетяхъ.	Лошадей.	Эшаковъ.	Погатаго скота.	Овцы.
1	1	5	1	3	45	167	420	7460
1	1	3	1	—	8	67	141	1187
1	1	3	1	2	27	45	104	3000
1	1	3	1	11	14	140	245	2300
1	1	3	1	—	16	52	82	2700
1	1	3	1	3	24	57	151	2100
1	1	3	1	—	12	33	91	1000
1	3	3	1	8	85	245	416	10000
1	1	3	1	—	15	67	123	220
15	18	43	17	80	427	1635	8066	26977
1	1	3	1	4	44	37	216	3985
1	1	3	1	6	6	40	94	640
1	2	3	1	10	49	142	142	1545
1	1	1	1	1	23	10	62	280
1	1	1	1	—	15	11	83	445
1	1	1	1	5	20	14	98	642
1	1	1	1	7	12	16	87	680
1	1	1	1	4	7	12	92	490
1	1	—	1	14	3	8	67	350
1	1	—	1	—	21	15	26	250
1	1	3	1	—	7	14	81	395
1	1	3	1	—	5	14	97	500
1	2	3	1	—	17	159	271	1800
1	1	3	1	5	52	25	171	925
1	2	3	1	14	20	88	220	1240

430

	НАЗВАНИЕ СЕЛЕНІЙ.	Число дворовъ.	Число душъ.		Число дворовъ платящихъ по- дати.	Число душъ не пла- тящихъ подати.		
			Мужескаго пола.	Женскаго пола.		Оеферовъ, старшины, зейцъ и суеты.	Вдовъ и сиротъ.	Калмыкъ и не имущихъ.
67	Сел. Большие Амуши.....	139	301	317	132	4	3	—
68	„ Малые Амуши.....	40	101	111	36	3	1	—
	Итого...	1590	3618	3865	1433	70	86	1
	<i>Бахлухское наим- ство.</i>							
69	Сел. Голотль.....	239	448	478	215	5	18	1
70	„ Датунъ	19	36	39	16	2	—	—
71	„ Накитль.....	24	62	69	21	3	—	—
72	„ Ната	40	87	95	34	3	3	—
73	„ Куани	76	174	179	69	5	2	—
74	„ Могохъ	78	144	158	66	5	7	—
75	„ Андыкъ	178	357	350	136	5	17	—
76	„ Ханата	68	129	130	61	5	2	—
77	„ Нижній Бах- лухъ.....	208	327	352	180	7	17	4
78	„ Верхній Бах- лухъ.....	70	137	135	62	5	3	—
	Итого...	1000	1901	1981	880	45	70	5
	А всего въ Авар- скомъ округѣ...	8570	18966	19944	7779	375	396	20

431

Число должностныхъ лицъ сельского управления.			Число мечетей.		Скотоводство.			Предметы хозяйственныхъ занятій.	
Старшинъ.	Кадиевъ.	Даваць-бекъ.	Число учащихся при мечетяхъ.	Лошадей.	Овчаровъ.	Рогатого скота.	Овцы.		
1	1	2	1	10	15	79	217	940	Земледѣліе и овцеводство.
1	1	1	1	2	1	39	43	280	Земледѣліе и садоводство.
17	20	32	17	82	317	723	2067	15387	
1	1	3	1	13	4	149	187	465	Земледѣліе и садоводство.
1	1	1	1	—	4	17	26	89	
1	1	1	1	—	3	26	31	179	
1	1	1	1	—	6	10	64	288	Земледѣліе.
1	1	3	1	2	8	19	120	415	
1	1	3	1	3	24	47	99	405	
1	1	3	1	5	2	114	197	990	
1	1	3	1	2	10	15	90	390	Земледѣліе и овцеводство.
1	1	3	1	10	12	160	307	1590	
1	1	3	1	4	13	49	98	470	
10	10	24	10	39	86	606	1219	5281	
78	81	162	84	286	1780	3648	12408	115162	

**СТАТИСТИЧЕСКИЙ
по Андийскому округу за 1873 и 1874 годы, и СРАВНИТЕЛЬНАЯ**

№ по порядку.	НАЗВАНИЕ СЕЛЕНИЙ.	Число дворовъ.	Число душъ обоего пола.	Отношение жителей къ числу дворовъ.			Подивший ся.	Число душъ.					
				Умершихъ	Бракомъ сочтавш.	Раведшихъ.							
Андийского округа.													
<i>Технуцальское наимство.</i>													
1	Сел. Ботлихъ.....	267	946	3, 54									
2	" Миарсъ.....	68	232	3, 26	35	56	29	16					
3	" Тасута.....	59	204	3, 44									
4	" Зибирхали.....	56	227	4, 05									
5	" Буты.....	47	224	4, 76	23	21	9	6					
6	" Конхидатль.....	122	466	3, 83	17	19	14	10					
7	" Годобери.....	211	802	3, 8	41	22	28	8					
8	" Муни.....	250	858	3, 43	40	14	24	16					
9	" Орто-коло.....	41	137	3, 36									
10	" Щодрода.....	105	382	3, 63	18	6	14	13					
11	" Тандо.....	138	485	3, 5	22	25	19	6					
12	" Ансалты.....	275	1082	4, 26	42	30	29	28					
	Итого...	1639	6045	3, 69	258	193	166	103					
<i>Андийское наимство.</i>													
13	Сел. Анди...	633	2419	3, 82									
14	" Зило	150	538	3, 58									
15	" Рыкуани.....	152	605	3, 98	88	50	41	16					
16	" Чанко.....	58	238	4, 1									
17	" Ашали.....	55	230	4, 18									
18	" Гагатль.....	253	928	3, 62	24	26	21	2					
19	" Гунхо	49	173	3, 65									
	Итого...	1350	5137	3, 8	112	76	62	18					

ВВДІНІЯ

аблица воєннихъ силъ края до и послѣ покоренія Дагестана.

Отношеніе родившихся, умершихъ, браномъ сочетавшихся и разведеніи- ся къ общему числу населенія.				Число жите- лей, выхо- дившихъ подъ ружье мюридизма.		Число жите- лей, выходив- шихъ подъ ружье въ пос- лѣднее время мюридизма и до покоренія Дагестана.		Число жите- лей, могу- щихъ стать подъ ружье- въ настоя- щее время.	
Родивши- ся.	Умрш.	Бракъ сочетав- шихся.	Разведені- ся.	Пѣхоты.	Кавалеріи.	Пѣхоты.	Кавалеріи.	Пѣхоты.	Кавалеріи.
1: 25, 12	1: 24, 67	1: 47, 65	1: 86, 37	300	30	60	60	220	60
				25	5	15	10	46	10
				48	2	35	10	30	25
1: 19, 65	1: 21, 52	1: 50, 22	1: 75, 33	40	4	16	2	16	20
				10	15	10	12	22	26
1: 27, 41	1: 24, 52	1: 33, 28	1: 46, 6	100	14	85	5	92	10
1: 19, 56	1: 36, 45	1: 28, 57	1: 100, 25	140	20	80	30	130	70
1: 24, 87	1: 71, 07	1: 41, 45	1: 62, 18	190	30	170	20	174	30
				20	3	25	5	36	8
1: 21, 22	1: 63, 66	1: 27, 28	1: 29, 38	43	81	50	40	63	43
1: 22, 04	1: 19, 4	1: 25, 52	1: 80, 83	130	10	110	40	72	52
1: 25, 76	1: 36, 06	1: 37, 31	1: 38, 64	200	40	140	60	265	73
1: 28, 81	1: 31, 32	1: 36, 41	1: 58, 67	1246	256	796	312	1166	427
				46	760	15	345	170	401
				47	120	30	50	47	82
1: 39, 09	1: 68, 8	1: 89, 9	1: 25, 5	29	130	40	60	19	111
				15	61	15	30	11	39
				18	60	12	18	18	30
1: 46, 12	1: 42, 51	1: 52, 71	1: 558, 5	17	260	9	116	10	220
				14	36	14	16	4	41
1: 45, 85	1: 67, 59	1: 82, 85	1: 285, 38	180	1427	135	635	274	924

№ по порядку.	НАЗВАНИЕ СЕЛЕНІЙ.	Число дворовъ.	Число душъ обоего пола.	Число душъ.			
				Отношение жителей въ числу дворовъ.	Родившихъ- ся.	Умершихъ.	Браковъ- сочетавш. Развед- шихъ.
<i>Каратинское наимство.</i>							
20	Сел. Карата.....	248	861	3, 47	35	20	16
21	„ Арчы.....	68	255	4, 04			8
22	„ Раҷбады.....	21	73	3, 47			
23	„ Конода.....	241	753	3, 12	37	23	36
24	„ Имерсу.....	91	275	3, 02			28
25	„ Хуштада.....	204	668	3, 22	33	19	21
26	„ Тюндода.....	140	479	3, 42			21
27	„ Верхнєе Энхели.....	95	334	3, 51	25	16	10
28	„ Рацитль.....	72	292	4, 05			2
29	„ Авчикъ.....	133	503	3, 7	24	13	1
30	„ Нижнее Энхели.....	104	384	3, 69	16	17	2
31	„ Кудябъ-Росотъ.....	164	720	4, 39	42	12	18
	„ Изаны.....	104	393	3, 77			27
32	„ Аллакъ.....	173	508	2, 93			
33	„ Хелетлури.....	96	360	3, 75	18	14	18
34	„ Тадъ-Магитль.....	155	613	3, 95			14
35	„ Тлибишу.....	70	237	3, 38	30	18	33
36	„ Тиссы.....	22	87	3, 95			31
37	Итого...	2196	7795	3, 55	260	152	165
<i>Гиндальское наимство.</i>							
38	Сел. Акнада.....	110	409	3, 71			
39	„ Тинды.....	414	1428	3, 69			
40	„ Аянгиды.....	120	407	3, 39	128	102	57
41	„ Тиссы.....	60	218	3, 63			
42	„ Аша.....	64	190	2, 96			
43	„ Хварши.....	140	499	3, 2			
44	„ Конталда.....	69	257	3, 77			
45	„ Сантляда.....	44	160	3, 63	73	37	55
46	„ Ихомори.....	72	279	3, 87			19
47	„ Хойны.....	27	109	3, 66			
	Итого...	1120	3956	3, 54	201	139	92

Отношение родившихся, умершихъ, браковъ сочетавшихся и разведеныхъ къ общему числу населения.				Число жителей, выходившихъ подъ ружье въ началѣ мюризма.		Число жителей, выходившихъ подъ ружье въ послѣднее время мюризма и до покоренія Дагестана.		Число жителей, могущихъ стать подъ ружье въ настѣнное время.	
Родивши- ся.	Умершіе.	Бракомъ сочтав- шіеся.	Разведеніе- ся.	Пѣхоты.	Кавалерія.	Пѣхоты.	Кавалерія.	Пѣхоты.	Кавалерія.
1: 33, 11	1: 59, 49	1: 74, 31	1: 148, 62	230	12	52	75	171	35
				66	2	25	35	41	8
				27	3	12	24	13	3
1: 27, 75	1: 44, 69	1: 24, 55	1: 36, 71	269	45	20	75	137	55
				102	15	15	20	73	12
1: 34, 45	1: 10, 36	1: 54, 61	1: 54, 61	213	25	20	85	111	34
				160	15	20	45	91	29
1: 25, 04	1: 39, 12	1: 62, 61	1: 313	92	5	30	35	72	11
1: 20, 95	1: 38, 69	1: 503	1: 167, 33	60	6	27	32	56	18
1: 24	1: 22, 59	1: 192	1: 128	140	4	43	55	72	42
				95	3	43	42	96	4
1: 26, 5	1: 92, 75	1: 61, 89	1: 41, 18	175	4	40	52	150	39
				98	5	28	92	80	39
1: 48, 22	1: 62	1: 48, 22	1: 62	190	8	42	58	141	14
				95	6	26	80	66	9
1: 31, 23	1: 52, 05	1: 28, 39	1: 30, 22	160	9	42	62	84	65
				69	2	15	23	41	22
				24	1	10	15	9	11
1: 29, 98	1: 31, 3	1: 47, 12	1: 56, 82	2256	170	510	790	1524	450
				106		80	10	98	5
				390		225	47	328	40
1: 20, 71	1: 26	1: 46, 52	1: 147, 53	116		80	10	98	10
				52		42	7	55	3
				70		35	11	54	11
				150		82	10	108	9
1: 11, 86	1: 35, 24	1: 38, 68	1: 68, 73	62		22	2	55	1
				43		15	5	37	2
				70		32	1	65	1
				25		12	2	22	1
1: 19, 64	1: 28, 4	1: 42, 82	1: 106, 7	1084		600	100	911	83

№ по порядку.	НАЗВАНИЕ СЕЛЕНИЙ.	Число дворовъ.	Число душъ обоего пола.	Отношение жителей к числу дворовъ.	Число душъ.			
					Родивших- ся.	Умершихъ	Бракомъ сочетавш. Развед- вшихъ.	
<i>Ункратьевское намѣстство.</i>								
48	Сел. Гигатъ	189	725	3, 83				
49	„ Агвали	41	152	3, 7	51	38	38	18
50	„ Гадыры	98	390	3, 97				
51	„ Генитль	35	122	3, 48				
52	„ Аиваръ	311	1097	3, 52	37	34	45	51
53	„ Хако	104	474	4, 55				
54	„ Сильды	95	348	3, 66	11	18	58	24
55	„ Шихаль-Батлухъ	24	89	3, 7				
56	„ Цумада	70	261	3, 72	6	4	4	10
57	„ Рычагавыкъ	63	250	3, 96				
58	„ Саситль	54	234	4, 33				
59	„ Киды	105	308	2, 93	17	21	16	17
60	„ Эчада	43	141	3, 27				
61	„ Конхи	98	426	4, 33	35	17	21	18
62	„ Чадыры	58	266	4, 58				
	<i>Итого...</i>	1388	5283	3, 8	157	132	182	138
<i>Гумбетовское намѣстство.</i>								
63	Сел. Мехельта	483	1722	3, 39	106	65	33	9
64	„ Тларатъ	81	275	3, 39				
65	„ Чиркатъ	151	539	3, 56	21	9	9	1
66	„ Киятль	140	498	3, 55	27	7	10	3
67	„ Верхнее-Цахо	129	404	3, 05	31	11	10	—
68	„ Кентль	60	208	3, 46				
69	„ Шавдухъ	58	215	3, 7	21	15	7	4
70	„ Цувди	58	215	3, 7				
71	„ Ичичали	119	419	3, 52	28	15	10	3
72	„ Кижави	83	271	3, 5				
73	„ Аргуани	226	834	3, 69	33	9	5	2
74	„ Артлухъ	82	367	4, 47	10	21	5	3
75	„ Давухъ	103	388	3, 76	15	2	8	—
76	„ Гадари	95	305	3, 21	12	4	1	—

Отношение родившихся, умершихъ, бракомъ сочетавшихся и разведеныхъ къ общему числу населения.				Число жителей, выходившихъ подъ ружье въ началѣ мюридизма.		Число жителей, выходившихъ подъ ружье въ послѣднее время мюридизма и до покоренія Дагестана.		Число жителей, могущихъ стать подъ ружье въ настоящее время.	
Родившиеся.	Умершие.	Бракомъ сочетавшись.	Разведенные.	Пѣхоты.	Кавалеріи.	Пѣхоты.	Кавалеріи.	Пѣхоты.	Кавалеріи.
1: 27, 23	1: 36, 55	1: 36, 55	1: 77, 16	150 10 57 15	20 — 3 —	20 6 35 17	80 6 15 3	158 32 62 28	82 2 7 —
1: 29, 65	1: 32, 26	1: 24, 37	1: 21, 5	395 86	— 5	240 40	60 30	258 39	35 9
1: 82, 81	1: 50, 61	1: 15, 7	1: 37, 96	150 6	— —	100 10	30 5	74 18	3 3
1: 85, 16	1: 125, 75	1: 125, 75	1: 51, 1	78 63 38	— — 2	31 32 10	9 8 20	57 58 47	6 10 8
1: 40, 18	1: 32, 52	1: 42, 69	1: 97, 57	85 33	15 —	30 27	20 3	90 35	12 2
1: 19, 77	1: 40, 7	1: 32, 95	1: 38, 44	50 30	10 12	20 7	40 40	81 43	37 42
1: 33, 64	1: 40, 02	1: 29, 02	1: 38, 28	1246	67	625	369	1074	258
1: 18, 84	1: 29, 18	1: 60, 51	1: 221, 88	300 15	400 5	40 15	160 15	220 32	215 29
1: 25, 66	1: 59, 88	1: 59, 88	1: 539	138	2	65	15	63	67
1: 18, 44	1: 41, 14	1: 49, 8	1: 166	90	10	60	30	57	49
1: 19, 74	1: 55, 63	1: 61, 2	—	90 45	10 5	40 20	20 11	87 30	4 4
1: 20, 47	1: 28, 66	1: 61, 42	1: 107, 5	26 25	5 15	19 18	12 12	15 20	28 18
1: 24, 64	1: 46	1: 69	1: 230	30 90	30 10	30 10	40 15	52 27	42 42
1: 25, 25	1: 92, 66	1: 166, 8	1: 417	240	60	80	60	105	125
1: 36, 7	1: 17, 47	1: 73, 4	1: 22, 33	58	2	20	30	34	42
1: 25, 86	1: 194, 94	1: 48, 51	—	60	20	25	35	63	35
1: 25, 41	1: 76, 25	1: 305	—	50	10	35	15	42	12

№ по порядку.	НАЗВАНИЕ СЕЛЕНИЙ.	Число дворовъ.	Число душъ обоего пола.	Отношение жителей къ числу дворовъ.			Число душъ.		
				Родивших-ся.	Умершихъ.	Бракомъ сочтавш.	Разведен-ныхъ.		
77	Сел. Нижнее-Инхъ.....	185	544	2, 94	16	14	6	7	1
78	„ Сивухъ.....	194	715	3, 68	25	10	7	8	1
79	„ Цилитль.....	120	404	3, 36	23	8	5	5	3
80	„ Ингиши.....	116	371	3, 19	11	16			
	Итого...	2483	8694	3, 58	379	206	124	36	
<i>Дидойское наимство.</i>									
81	Сел. Китури.....	69	230	3, 33					
82	„ Кутатль.....	38	132	3, 47	28	14	8	6	
83	„ Зихиды.....	28	124	4, 42					
84	„ Эльбоко.....	18	79	4, 38					
85	„ Асахо.....	101	435	4, 3					
86	„ Цибиро	30	144	4, 8					
87	„ Исрехъ.....	15	70	4, 66					
88	„ Акиды.....	17	84	4, 94	19	8	4	8	
89	„ Каліятль.....	19	51	2, 68					
90	„ Шальякхъ.....	10	37	3, 7					
91	„ Ритлухъ.....	13	50	3, 84					
92	„ Моковъ.....	65	285	4, 38	7	5	6	2	
93	„ Хабатль.....	35	147	4, 2					
94	„ Хитрахо.....	53	230	4, 33	12	2	4	—	
95	„ Шапіакхъ.....	34	83	2, 44					
96	„ Хурпо	34	126	3, 7					
97	„ Виціяльтъ.....	24	108	4, 5					
98	„ Хібіяльтъ.....	14	76	5, 42	14	10	12	8	
99	„ Уцихъ.....	6	26	4, 33					
100	„ Ціцмахъ.....	10	46	4, 6					
101	„ Китльрата.....	6	30	5					
102	„ Халакъ.....	9	38	4, 22					
103	„ Хоптль.....	22	99	4, 5					
104	„ Шаури.....	13	49	3, 77	6	2	1	2	
105	„ Азильта.....	14	76	5, 43					
106	„ Ханухъ.....	8	42	5, 25					
107	„ Хотонъ.....	14	59	4, 21					

Отношение родившихся, умершихъ, бракомъ сочетавшихся и разведеныхъ съ общему числу населенія.					Число жителей, выходившихъ подъ ружье въ началь моридизма.		Число жителей, выходившихъ подъ ружье въ послѣднее время моридизма и до покоренія Дагестана.		Число жителей, могущихъ стать подъ ружье въ настоящее время.	
Родивши- ся.	Умрш.	Бракомъ сочтав- шися.	Разведен- ся.	Пѣхоты.	Кавалеріи.	Пѣхоты.	Кавалеріи.	Пѣхоты.	Кавалеріи.	
1: 34,	1: 38, 85	1: 90, 66	1: 77, 71	290	10	60	40	93	10	
1: 28, 6	1: 71, 5	1: 102, 14	1: 715	70	40	20	60	110	75	
1: 17, 56	1: 50, 5	1: 50, 5	—	60	30	20	50	57	48	
1: 33, 72	1: 23, 18	1: 74, 2	1: 123, 66	50	20	26	26	63	28	
1: 22, 93	1: 42, 2	1: 70, 11	1: 241, 62	1727	684	603	646	1170	879	
						45	—	74	1	
1: 13, 43	1: 34, 71	1: 60, 75	1: 81			28	—	30	2	
						18	—	21	1	
						14	—	16	—	
						36	—	95	2	
						25	—	23		
						14	—	11		
1: 10, 78	1: 25, 62	1: 51, 25	1: 25, 62			12	—	13		
						15	—	15		
						19	—	27		
						50	—	58	1	
1: 61, 71	1: 86, 4	1: 72	1: 216			27	—	29		
						23	—	48	1	
1: 19, 16	1: 115	1: 17, 5	—			19	—	27		
						25	—	28	1	
						21	—	17	3	
						10	—	12		
, 1: 38, 07	1: 53, 3	1: 44, 41	1: 66, 62			4	—	5		
						8	—	8		
						7	—	3		
						7	—	8		
						20	—	18		
						9	—	11		
						14	—	8		
1: 64	1: 192	1: 384	1: 192			5	—	7		
						13	—	12		
						12	—	11		

№ по порядку.	НАЗВАНИЕ СЕЛЕНИЙ.	Число дворовъ.	Число душъ обоего пола.	Отношение жителей къ числу дворовъ.	Число душъ.			
					Родивших- ся.	Умершихъ.	Врачомъ сочетавш. ся.	Развед- шихся.
108	Сел. Зихоко.....	14	59	4, 21				
109	,, Шеитль.....	85	395	4, 64				
110	,, Китури.....	51	311	6, 09	6	8	1	4
111	,, Геніатль.....	45	146	3, 36				
112	,, Тласута.....	42	147	3, 45				
113	,, Сагады.....	74	301	4, 24	12	9	2	5
114	,, Инухъ.....	28	111	4				
115	,, Хамантлякъ.....	31	112	3, 58				
	Итого ..	1089	4538	4, 2	104	58	38	35
	А всего...	11265	41440	3, 78	1471	956	829	504

Примѣчаніе. Такъ-какъ показанныя въ этой таб-
тавшихся и разведеніи взяты за два года (1873 и
къ общему числу населенія за одинъ годъ слѣдуетъ

Отношение родившихся, умершихъ, бракомъ сочетавшихся и разведеныхъ къ общему числу населения.				Число жителей, выходившихъ подъ ружье въ началѣ мюризмата.		Число жителей, выходившихъ подъ ружье въ посѣднее время мюризма и до покоренія Дагестана.		Число жителей, могущихъ стать подъ ружье въ настоящее время.	
Родившие ся.	Умершie.	Бракомъ сочетавшися.	Разведеные ся.	Пѣхоты.	Кавалеріи.	Пѣхоты.	Кавалеріи.	Пѣхоты.	Кавалеріи.
1 142	1:106, 5	1: 85, 2	1:213	—	—	12	—	11	—
		•	•	—	—	35	—	69	—
1: 55, 91	1: 74, 55	1:335	1:134, 5	—	—	72	—	47	—
				—	—	25	—	32	—
				—	—	26	—	38	—
				—	—	45	—	59	—
				—	—	21	—	25	—
				—	—	25	—	22	—
1: 43, 63	1: 78, 24	1:119, 42	1:120, 65	—	—	750	—	920	15
1: 28, 17	1: 43, 55	1: 49, 98	1: 82, 24	7739	2602	4019	2852	7039	3036

лицъ числа родившихся, умершихъ, бракомъ сочес-
1874), то для опредѣленія отношенія этихъ чиселъ
числа эти дѣлить пополамъ.

ПОЕЗДКИ Г. БЕККЕРА ПО ЮЖНОМУ ДАГЕСТАНУ.

Вотъ уже нѣсколько лѣтъ сряду сарептскій житель, г. Александръ Беккеръ, членъ Императорскаго Московскаго Общества естествоиспытателей, совершаєтъ поездки по Кавказу и отчеты объ нихъ посыпаєтъ въ «Bulletin de la Soci  t   Imp  riale des naturalistes de Moscou». Обратимъ вниманіе на поездки, совершенныя г. Беккеромъ въ Южномъ Дагестанѣ и Кубинскомъ уѣзда, представляющемъ, какъ въ физическомъ, такъ и этнографическомъ отношеніи, много общаго съ Южнымъ Дагестаномъ (прежде этотъ уѣздъ входилъ, въ административномъ отношеніи, въ составъ Дагестана). Цѣль поездокъ г. Беккера—производство экскурсий ботаническихъ и энтомологическихъ, съ результатомъ которыхъ онъ и знакомить въ своихъ отчетахъ. При этомъ онъ сообщаетъ свѣдѣнія, не лишенныя интереса, о посѣщенныхъ мѣстностяхъ и ихъ жителяхъ. Слѣдуетъ извлечь изъ статей г. Беккера *) и пополнить ихъ кое-какими примѣчаніями. Предварительно же слѣдуетъ сообщить общее понятіе о Южномъ Дагестанѣ и его жителяхъ, для того чтобы предоставить болѣе массѣ читателей возможность лучше ориентироваться при чтеніи предлагаемой статьи.

Южный Дагестанъ, раздѣляющійся теперь въ административномъ отношеніи на 3 округа (Кайтаго-Табасаранскій, Кюринскій и Самурскій) и одно градоначальство (Дербентское), пови- жаясь вообще, какъ и Сѣверный Дагестанъ, все болѣе и болѣе къ Каспійскому морю, не представляетъ уже того недоступнаго

*) Статьи г. Беккера, касающіяся Южнаго Дагестана, слѣдующія: а) Reise nach Baku, Lenkoran, Derbent, Madschalis, Kasum-Kent, Achty (Bulletin, ann  e 1873, № 2), б) Reise nach den Schneebergen des s  dlichen Daghestan (Bull., 1874, № 2), в) Reise nach dem Magi-Dagh, Schalbus-Dagh und Basardjusi (Bull., 1875, № 2).

горного характера, какимъ отличается Нагорный Дагестанъ. Пограничный отдѣляется отъ двухъ названныхъ частей Дагестана хребтомъ, проходящимъ съ сѣвера на югъ и служащимъ водораздѣломъ и рѣчныхъ системъ. Рѣки Южнаго Дагестана, сохранивъ сперва, въ верхнемъ и среднемъ течениіи, характеръ горныхъ рѣкъ, теряютъ его болѣе и болѣе при приближеніи своемъ къ морю. Важнѣйшія изъ нихъ: Уллу-чай (впадающій въ Каспійское море въ сѣверу отъ Дербента), Рубасъ-чай (вливающійся въ это море въ югу отъ Дербента), Чирахъ-су и Курахъ-чай, образующіе, по сліяніи ихъ, Гургенъ чай. Система послѣдней рѣки гораздо обильнѣе водами двухъ предыдущихъ. Наконецъ, самая большая рѣка въ этой территории—Самуръ. Самуръ составляетъ, на значительномъ протяженіи, южную границу Дагестана. Эту границу, по направленію отъ запада къ востоку, составляютъ: Главный Кавказскій хребетъ до горы Базардюзи и Шахъ-дага, далѣе отрогъ, идущій отъ послѣднихъ въ сѣверу — къ Самуру и, наконецъ, р. Самуръ, отъ выхода ея на плоскость до впаденія въ море. Если же включить въ означенную территорію въ Кубинскій уѣздъ, то граница отъ Базардюзи и Шахъ-дага пойдетъ въ юго-восточномъ направлениі по Главному Кавказскому хребту. Упомянутая пограничная гора Шахъ-дагъ имѣть почти 14,000 фут. высоты (13,951'). Система Шахъ-дага состоитъ главнымъ образомъ изъ породъ мѣловой формациіи и представляетъ въ юго-восточной половинѣ Кавказа единственно орографическую форму, благопріятствующую образованію ледниковъ. Болѣе высоты достигаетъ лежащая къ ЮЗ. гора Базардюзи (14,722'). Вообще въ окрестностяхъ Шахъ-дага встрѣчается нѣсколько горъ, превышающихъ линію вѣчнаго снѣга (которая въ той части Главнаго Кавказскаго хребта находится на высотѣ слишкомъ 12,000'). Изъ этихъ горъ назовемъ: Шалбузъ-дагъ (наход. къ зап., недалеко отъ аула Ахты) и Кызылъ-каю (лем. къ востоку). Еще дальше къ востоку расположена Баба-дагъ, за нимъ высота Главнаго хребта уже значительно понижается. Въ юго-восточной части этого хребта находится нѣсколько переваловъ, имѣющихъ не маловажное значеніе въ экономическомъ быту горцевъ. Особенно важное значеніе имѣть Салаватскій перевалъ, находящійся на высотѣ 9,283' и составляющей самый удобный пунктъ для сообщенія жителей Самурскаго округа и ихъ ближайшихъ сосѣдей съ Нуходо.

Въ рассматриваемой территории болѣе возвышенныя мѣстности представляютъ то довольно разнообразную альпійскую рас-

тительность, то голыя, обнаженные скалы; предгорья же вообще богаты лѣсною растительностью, а болѣе низменная мѣста, при достаточной ихъ ирригациіи, удобны для разведенія культурныхъ растеній. Округъ Кайтаго-Табасаранскій, въ особенности же Кюринскій считаются житницей для значительной части Дагестана. Въ нихъ производится посѣвъ пшеницы, ячменя, пыльбы, чалтыка, проса, винограда. Важную отрасль народного хозяйства составляютъ разведеніе марены и сбыть орѣхового наплыва. Въ послѣднее время горцы обратили побольше вниманія на разведеніе тутовыхъ деревьевъ, съ цѣлью воспитанія шелковичныхъ червей. Садоводство можетъ процвѣтать въ Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ, въ которомъ, во многихъ мѣстахъ, дикорастущія фруктовыя деревья, черешневыя, яблочныя, грушевыя, орѣховые, образуютъ сплошные лѣса, переплетенные толстыми виноградными лозами. — Въ гористыхъ мѣстностяхъ развито скотоводство, въ особенности овцеводство. Лучшая порода овецъ водится въ верхней части бассейна Самура. Шерсть, получаемая съ этихъ овецъ, длинна и отличается необыкновенною мягкостью. Болѣе цѣнятся овцы, имѣющія черную лоснищуюся шерсть, или-же шерсть, отличающуюся необыкновенною близкою. Овцеводство наиболѣе развито въ Самурскомъ округѣ. На зиму и весну овцы этого округа перегоняются въ Нухинскій, Шемахинскій и Кубинскій уѣзды и въ Закатальскій округъ, где живутся пастбища и устраиваются зимовники. Для перевозки тяжестей употребляются, кроме эшаковъ, лошади въ болѣе гористыхъ мѣстахъ и буйволы въ болѣе низменныхъ. Замѣчательно, что верблюды, встрѣчаемые въ столь большомъ количествѣ въ Баку и въ разныхъ мѣстахъ Бакинской губерніи, не водятся даже въ Дербентѣ, — вѣсто ихъ употребляются буйволы. — Что касается минеральныхъ богатствъ, то нужно замѣтить, что неподалеку отъ Дербента, въ Кайтаго-Табасаранскомъ округѣ, добывается соль (изъ самосадочныхъ озеръ) и нефть. Имѣющіяся въ разныхъ мѣстахъ залежи каменного угля еще не разслѣдованы. Нѣтъ недостатка и въ минеральныхъ источникахъ. Нѣкоторые изъ нихъ изслѣдованы и приспособлены для употребленія.

Преобладающее численно населеніе означенной территории составляютъ такъ-называемые лезгины. Южный Дагестанъ не представляетъ уже того многоголосія, какимъ отличается Нагорный Дагестанъ. Три языка болѣе всего преобладаютъ въ рассматриваемой странѣ: кюринскій, табасаранскій и хайдакскій (при-

надлежащий къ группѣ даргинской). Послѣдній преобладаетъ въ сѣверной части Кайтаго-Табасаранскаго округа, табасаранскій языкъ — въ южной части послѣдняго и въ сѣверной Кюринскаго округа, вообще въ бассейнѣ Рубасъ-чая. Что-же касается кюринскаго языка, то онъ занимаетъ довольно широкую и удлиненную полосу по обоимъ берегамъ Самура. Съ этимъ языкомъ, по показаніямъ тувинцевъ, не провѣреными еще научными изслѣдованіями, сродны и языки небольшихъ горскихъ народцевъ: рутульцевъ и цахурцевъ, живущихъ въ верхней части бассейна Самура. Точно также не решенъ вопросъ и относительно языка небольшого народа — агуловъ, живущихъ къ западу отъ табасаранцевъ (по показанію однихъ, онъ сроденъ съ табасаранскимъ, а по показанію другихъ — съ кюринскимъ языкомъ). Что-же касается нарѣчія, употребляемаго кубачинцами (небольшимъ племенемъ, живущимъ на западной окраинѣ Кайтаго-Табасаранскаго и за границѣ Даргинскаго округа), нарѣчія, считаемаго обыкновенно особымъ, то оно, какъ я имѣлъ случай убѣдиться, состоить въ родствѣ съ даргинскимъ языкомъ.—При этомъ упомянемъ и о горскихъ народцахъ, названныхъ по имени ауловъ и столицъ ихъ около Баба-дага, Шахъ-дага и близлежащихъ горъ (въ Кубинскомъ уѣздѣ). Во-первыхъ, къ юго-востоку отъ Шахъ-дага живутъ крызы и джекцы, отдѣлены другъ отъ друга верхнимъ теченіемъ Куділль-чая (рѣки, протекающей черезъ г. Кубу), дальше—южнѣе—близъ истоковъ этой рѣки появляются хиналугцы. Къ сѣверу же отъ Баба-дага живутъ будугцы. Часть джекцевъ перекочевала уже давно по ту сторону Главнаго хребта, въ Шемахинскій уѣздѣ, где и поселилась въ области Гёкъ-чая. Эти переселенцы известны тамъ подъ именемъ гапутлиицевъ, такъ-какъ они вышли изъ дженискаго аула Гапута. Даље, джекцы, крызы и будугцы, по показаніямъ тувинцевъ, не проявлеными еще научными изслѣдованіями, говорятъ нарѣчіями кюринскаго языка. Что-же касается хиналугцевъ, то они, по отзывамъ кюринцевъ, говорятъ особымъ, непонятнымъ нарѣчіемъ. Если и принять на вѣру это показаніе, то все-таки нельзя еще утверждать, что хиналугцы не представляютъ по языку сродства вообще съ восточно-горскими народами, такъ-какъ горцы, конечно, плохіе судьи въ лингвистикѣ. Какъ-бы то ни было, но къ хиналугцамъ относятся враждебно ихъ сосѣди горцы, у которыхъ, по словамъ г. Беккера, они пріобрѣли известность, какъ народъ сварливый и неуживчивый. Главное занятіе всѣхъ перечисленныхъ горскихъ

общество составляет скотоводство. Крызцы и хинаулугцы грабили нередко въ былое время купеческие караваны, направлявшиеся изъ Шемахи въ Кубу по кратчайшимъ горнымъ дорогамъ. Крызцы и джеекцы устроили нѣсколько выселковъ, гдѣ занимаются хлѣбопашествомъ, а въ вѣкоторыхъ мѣстахъ они завели даже фруктовые и шелковичные сады; хинаулугцы-же не имѣютъ никакихъ выселковъ, все живутъ въ своемъ, расположенному на значительной высотѣ, аулѣ (въ числѣ до 2,500 душъ) и только на зиму и весну перегоняютъ свои стада на временные мѣста, въ уѣзды Кубинскій и Джеватскій (Бакинской губ.) — на Мугансскую степь.

Прибрежная полоса Южнаго Дагестана подвержена была съ отдаленныхъ поръ нападеніямъ пришлыхъ народовъ. Персидскимъ царямъ удалось-было подчинить своему вліянію значительную часть прибрежной полосы; они построили Дербентскія стѣны и укрѣпленія для защиты отъ нападеній со стороны сѣверныхъ народовъ и вывели въ отдаленное время въ окрестности Дербента населеніе, говорящее татскимъ языкомъ *). Въ позднѣйшее же время, въ болѣе значительномъ числѣ, хлынуло тутъ съ юга тюркское племя, говорящее адербейджанскимъ нарѣчиемъ. Тюрко-адербейджанское нарѣчіе вытѣсняетъ все болѣе и болѣе татское нарѣчіе; оно проникло въ горцы, которые охотно изучаютъ его, какъ необходимое для сношеній съ жителями Дербента и смежныхъ задавказскихъ мусульманскихъ провинцій; на этомъ же нарѣчиѣ объясняются между собою зачастую и горцы, говорящіе, хотя сродными, но непонятными имъ съ первого разу языками. Мало того, тюрко-адербейджанское нарѣчіе произведо ощущительное вліяніе на вѣкоторые горскіе языки, а табасаранцы, живущіе по-близости къ Дербенту, забываютъ все болѣе и болѣе родную рѣчъ. Вотъ, что по этому поводу сказалъ о табасаранцахъ, въ своемъ посмертномъ трудѣ, покойный Усларь: «Какъ ни страннымъ покажется это, но едва-ли въ цѣломъ свѣтѣ найдется народъ, который-бы не зналъ свой родной языкъ, какъ табасаранцы. На немъ говорятъ они, какъ-бы на языкѣ чужомъ и плохо выученномъ». Замѣтимъ наконецъ, что татары адербейджанские живутъ до Башлинской рѣчки (текущей къ сѣв.

*) Изъ Персіи въ отдаленныя времена переселились и евреи, говорящіе по-татски. Ихъ много въ Табасарани, и табасаранцы называютъ, по показанию покойнаго Услара, татскій языкъ еврейскимъ, несмотря на то, что имъ-же говорять и таты, которыхъ больше въ Табасарани.

447

отъ Уллу-чан), за которою встречаются кумыки — тюркский народъ, пришедший съ сѣвера.

Въ прежнія времена большая часть Южнаго Дагестана управлялась владѣтелями, носившими различныя наименования; такъ, напр., юриансые владѣтели титуловались ханами, владѣтели Южной Табасарани — маасумами, а Сѣверной — кадианы, владѣтель Кайтага носилъ титулъ уцмія. Въ болѣе гористыхъ мѣстностяхъ образовались союзы вольныхъ обществъ, въ которыхъ меньшинство селенія были подъ покровительствомъ сильныхъ ауловъ. Такіе союзы находились въ нынѣшнемъ Самурскомъ округѣ. Послѣ преобразованія управления Дагестанской области въ 1860 г., вводилось мало-по-нацу и въ Южномъ Дагестанѣ новое положеніе, а въ 1866 г. оно введено было окончательно. Съ-этіхъ-поръ Южный Дагестанъ раздѣляется на 3 округа, а каждый изъ нихъ подраздѣляется на наибства. Начальники округовъ подчиняются начальнику Южнаго Дагестана, управляющему и Дербентскимъ градоначальствомъ. При начальникахъ округовъ существуютъ окружные суды, рѣшающіе значительное число дѣлъ по азату. Нѣкоторыя гражданскія дѣла рѣшаются по шаріату, известныя уголовныя преступленія наказываются по уголовнымъ законамъ имперіи, или же административнымъ порядкомъ. — Со введеніемъ нового управления, бывшіе владѣтели и правители получили обезпечевіе, состоящее въ назначеніи имъ пенсій и отводѣ приличнаго количества земли.

Приступимъ теперь къ ознакомленію читателей съ поѣздка-
ми г. Беккера.

Въ концѣ послѣднихъ чиселъ мая 1872 года г. Беккеръ прибылъ въ Баку. Посѣтивъ окрестности этого города и Ленкорань, онъ отправился въ Дербентъ, откуда и совершилъ лѣтомъ поѣздку по Южному Дагестану.

Первую поѣздку совершилъ г. Б. въ Маджалисъ, главный административный центръ Кайтаго-Табасаранского округа, съ 1866 г.—Маджалисъ лежитъ къ сѣв.-западу отъ Дербента, на расстояніи приблизительно 44 верстъ. Почтовая дорога доходитъ только до сел. Ханъ-Мамедъ-кала, отстоящаго въ 18 верстахъ отъ Дербента. Ханъ-Мамедъ-кала была въ прежнія времена зимнюю резиденціею уцміевъ. Отъ этого селенія до самаго Маджали-

са идетъ уже колесная дорога. По колеснымъ дорогамъ въ Дагестанѣ ходить небольшія арбы, запряженныя обыкновенно быками или буйволами. Дороги эти съуживаются въ некоторыхъ мѣстахъ до того, что по нимъ съ трудомъ могутъ пройти рядомъ двѣ арбы. Отправляющіеся изъ Дербента въ Маджалисъ могутъ получать почтовыхъ лошадей въ Ханъ-Мамадъ-кала для проѣзда въ самый Маджалисъ. Дорога туда пролегаетъ по мѣстности, богатой лѣсною растительностью; прекрасная, большая буковая, орѣховая, черешневая, и др. деревья переплетаются постоянно дико-растущими виноградными лозами и разными вьющимися растеніями. Г. Б. собралъ дорогою порядочную коллекцію насѣкомыхъ, въ особенности же добылъ онъ на буковыхъ и орѣховыхъ деревьяхъ вѣсколько хорошихъ экземпляровъ жуковъ изъ семейства дровосѣковъ. — Переѣхавъ по каменному мосту на лѣвый берегъ бурнаго, во время разливія, Уллу-чая, г. Б. очутился въ Маджалисѣ, игравшемъ прежде важную роль въ Кайтагѣ: вблизи бывшаго уцміевскаго дома, въ которомъ помѣщается теперь окружное управление, собирались для решенія дѣлъ въ бывшія времена со всего Кайтага. Маджалисъ окружёнъ живописно горами, покрытыми лѣсами и кустарниками. Аулъ не многолюденъ, почти половину его населенія составляютъ горскіе евреи, разделенные улицею отъ кайтагскаго населенія.

По возвращеніи въ Дербентъ, г. Б. вскорѣ отправился въ Касумъ-кентъ, главный административный пунктъ Кюринского округа, лежащий въ 40 верстахъ къ юго-западу отъ Дербента. Касумъ-кентъ расположенъ у сліянія рѣкъ, образующихъ Гургень-чай. Селеніе это, окруженнное водами, отличается лихорадочностью: жители имѣютъ болѣзньный видъ, они крайне вялы и небрежно относятся къ своимъ полямъ и садамъ. Лѣсная растительность роскошная, черешневые деревья достигаютъ замѣтныхъ размѣровъ. Флора вообще имѣетъ много сходства съ флорою Дербентской и Маджалисской. — Г. Б. остановился въ домѣ окружного управления, въ которомъ помѣщается и судь. Тамъ, во время его бытности, решалось множество дѣлъ по дракамъ, поравненію, а въ особенности по кровомщенію. — Касумъ-кентъ лежитъ въ коренной кюринской землѣ, называемой Кюрою.

Затѣмъ г. Беккеръ предпринялъ поездку верхомъ въ ауль Ахты, лежащий отъ Касумъ-кента къ юго-западу, въ 75 верстахъ. Путь пролегалъ по Кюрѣ. До аула Кабира (входящаго въ ближнюю разстояніи отъ Касумъ-кента) мѣстность сохраняетъ

свой прежний характеръ. Этимъ она становится до того безъясною, что жители отапливаютъ свои дома изъякомъ. Но эту мѣстность никакъ нельзя назвать бесплодною: на ея поляхъ произрастаетъ отличная пшеница (бывшее Кюрикское ханство считалось житницей для значительной части Дагестана); луга покрыты въ изобилии травою, на нихъ пасутся быки, лошади, прекрасная баранка. Таковы окрестности аула Кураха, бывшей резиденціи кюринскихъ хановъ. Въ немъ и теперь живетъ послѣдній правитель Кюры, генералъ-майоръ Юсуфъ-ханъ, получающій отъ правительства значительную пенсию (ему же отведено и достаточное количество земли). Курахъ лежитъ живописно на скалахъ, довольно высоко (на высотѣ 4,282'). Въ немъ наиболѣе управление, но онъ многолюдныe ауловъ Касумъ-кента и Маджалиса, въ которыхъ находятся окружные управлѣнія. Въ Курахѣ выдѣлываются изрядные ковры. Внизу, отдаленно отъ аула, расположены домъ Юсуфъ-хана. По выѣзду изъ Кураха, пришлось подняться выше. Горная растительность предстала во всей своей красѣ: растенія достигали значительной высоты, покрыты были прекрасными цветами и росли густо; иные виды, какъ, напр., *Lilium monadelphum*, напомнили г. Беккеру флору Бештау. Но потомъ, по мѣрѣ приближенія къ Ахтамъ, растительность становилась все бѣднѣе и бѣднѣе; наконецъ, взорамъ открылись голые обнаженные склоны. Проѣхавъ ауль Кра, г. Б. прибылъ сюда въ Ахты, составившіе на этотъ разъ цѣль его поѣздки. Ближайшая окрестность представила мало интереса въ ботаническомъ и энтомологическомъ отношеніи, но въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ попадались интересные особенности.

Въ Ахтахъ г. Беккеръ остановился дольше, и въ своемъ описаніи онъ сообщаетъ немного болѣе подробностей. Пополнимъ ихъ добытыми нами свѣдѣніями *).

Аулъ Ахты (по-ахтински *Aхцакаръ*) **), занимавшій въ прежнія времена первенствующее мѣсто въ союзѣ кольныхъ обществъ, а теперь составляющій главный административный пунктъ Семурскаго округа, находится въ разстояніи, приблизительно, двух-

*) Свѣдѣнія эти сообщилъ намъ Латифогъ, ахтинскій уроженецъ, служащий при Горскомъ Управлѣніи.

**) Въ «Спискахъ населенныхъ мѣстъ Дагестанской области», составленныхъ г. Комаровымъ, на стр. 119 находимъ: «Сами себя ахтицы называютъ Ахсагарь». Ахтицы сами себя называютъ иначе; Ахцакаръ-же (а не Ахсагарь)—это туземное название аула Ахты.

дневного пути, съ одной стороны отъ Кубы, съ другой — отъ Нухи (расположенной за Салатавскимъ переваломъ), лежить на р. Самурѣ, по обоимъ ея берегамъ. Этотъ аулъ окружаетъ скалистыя горы, почти лишенныя растительности. Мѣстность, занимаемая Ахтами, вообще взволнованная. Болѣе возвышенная и какъ-бы господствующая по своему положенію — съверная часть аула, лежащая на лѣвомъ берегу Самура; она занимаетъ болѣе протяженія въ ширину; южная часть зато длиниѣ. Мѣстность, занимаемая послѣдней, несравненно ровнѣе. Обѣ части соединяются двумя деревянными мостами: одинъ изъ нихъ, болѣе старинный, туземной постройки, расположены въ западномъ концѣ аула и лежитъ на значительной высотѣ надъ поверхностью воды, которая въ этомъ мѣстѣ течетъ въ глубокомъ оврагѣ; другой, находящійся на противоположномъ концѣ, не слишкомъ возвышается надъ рѣкою; онъ гораздо шире, устроенъ русскимъ. Постройки въ аулѣ каменные. Саки по-большѣ-части тѣсно сплошены; на плоскихъ земляныхъ ихъ крышахъ сушатся обыкновенно сѣно, кизякъ. Улицы очень узкія и кривыя. Самая длинная улица въ южной части аула. Она идетъ въ вѣнаторомъ разстояніи отъ берега рѣки, почти ей параллельно. Достопримѣчательности аула: въ сѣв. части — на довольно высокомъ мѣстѣ — домъ Ахтинскаго наимбѣ; не очень далеко отъ него находится самая старинная мечеть съ минаретомъ, построенная изъ большихъ тесанныхъ камней. По преданію, она основана, въ первыя времена распространенія въ странѣ ислама, имамомъ Абу-Муселимомъ. Это джума-мечеть, — служеніе по пятницамъ въ ней только совершается (воѣхъ мечетей насчитывается въ Ахтахъ до 20). Въ южной части аула, въ восточной его оконечности, находится базарь, окруженный караванъ-сарайми и множествомъ лавокъ; затѣмъ, дальше къ западу, въ сторонѣ отъ главной улицы — вновь отстроенная мечеть и возлѣ нея кюлирунъ-кимъ — площадь, принадлежащая кюлирунской общинѣ (въ Ахтахъ иѣсколько общинъ). Она служила въ старину мѣстомъ для рѣшенія спорныхъ дѣлъ не только воѣхъ ахтинскихъ общинъ, но и аудовъ, находившихся подъ покровительствомъ ахтинцевъ. На этой народной площади дѣла рѣшались акаемалами (старѣйшинами). Еще далѣе къ западу, на берегу рѣки, находится сѣмья обширная площадь — вацинъ-керь (прирѣчное мѣсто) *). Площадь эта

*). Керь (собственно кер). Такъ называется ровное мѣсто, расположенное на берегу рѣки.

съ давнихъ порь служить мѣстомъ для молотьбы хлѣба. На этой площади больше всего собирается народъ, тутъ часто совершаются пляски, джигитовка. Въ послѣднее время появился караван-сарай, посреди котораго, среди зданий жителей, устроенъ фонтанъ. За эту площадью идетъ рядъ крошечныхъ мельницъ, куда привозятъ хлѣбъ даже жители съсѣднихъ ауловъ. Лучшія мельницы молятъ ежедневно 4 рупы или 8 журбъ (пудовъ). За мельницами одноэтажный домъ окружного начальника, построенный въ европейскомъ вкусѣ. — Жители — ахтинцы, говорящіе нарѣчіемъ киринскаго языка. Въ Ахтахъ повадается весьма мало армянъ, да и тѣ обыкновенно пріѣзжіе; они являются обыкновенно за получениемъ своихъ долговъ и процентовъ. Изъ Кубы заезжаютъ и евреи.

Жители въ аула разводятъ сады. Разведеніе садовъ требуетъ не малыхъ усилий, потому что прежде приходится очищать почву отъ камней. Въ садахъ не могутъ, по высотѣ положенія мѣстности, произрастать ни виноградъ, ни персики; растутъ очень хорошо черешни, вишни, произрастаютъ также сливы, яблони, груши, абрикосы. Въ послѣдніе годы ахтинцы принялись усердно за разведеніе тутовыхъ деревьевъ, съ цѣлью воспитанія шелковичныхъ червей. Пока жители собираютъ только яички шелковичныхъ бабочекъ и занимаются продажей ихъ. Эти яички цѣняются дороже другихъ (за фунтъ охотно платить до 30 руб.). — Ближайшія окрестности Ахтова не удобны для земледѣлія. Имъ занимаются по-дальше, внизъ по теченію рѣки. Землю орошаютъ канавами и унаваживаютъ. Подобнымъ образомъ удобренна земля пашется легкимъ плугомъ, въ который запрягаютъ пару быковъ. Сѣется ячмень, пшеница, пшѣба, просо, — кукуруза не воздѣлывается. Вообще хлѣба не хватаетъ на прокормленіе, и значительная его часть получается изъ Кирры и Кубы. Для ускоренія полевыхъ работъ, а также для кошения сѣва, устраивается, подобно тому какъ и въ другихъ мѣстахъ Дагестана, пѣмочъ, называемая въ Ахтахъ мелъ. Хозяинъ, затѣянный мелъ, приглашаетъ охотниковъ, которые не заставляютъ долго ожидать себя. Хозяинъ только ихъ угождаетъ. — Промышленность ахтинцевъ не представляетъ ничего рѣзко выдающагося: они выдѣлываютъ главнымъ образомъ издѣлія для домашняго обихода, канѣ, напр., тулуны, чевиши, паласы, ковры и т. д. Ковры отличаются прочностью волокна и красокъ, ихъ даже сбываются въ Кубѣ. Для выдѣлки болѣе тѣжкихъ шерстяныхъ издѣлій употребляютъ

Теперь скажемъ вѣсколько словъ о забавахъ ахтицевъ. Упомянемъ, во-первыхъ, о конскихъ скачкахъ, сопровождаемыхъ ружейною пальбою, и о пляскахъ. Танцуется чаще всего такъ-называемый *карсъ*. Карсъ—это, общеупотребительная между горцами и въ Закавказье, лезгинка. Она танцуется съ разными вариациими. Если танцуется шибко, то носить названіе *табасарани*; если танцуется медленно, то называется *перизадою*. Дѣвушки сами выбираютъ себѣ танцовъ, вызывая часто ихъ на состязаніе. Если молодой человѣкъ устаетъ, то онъ вручаетъ чаушу (крышуну) серебряную монѣту, которую послѣдній завязываетъ въ забрасываемый сзади уголъ длиннаго головнаго платка танцорки, — она тогда и прекращаетъ танецъ. Танцуютъ подъ звуки зурны и дадама (барабана), а иногда и огромнаго бубна (куса). — Ахтицы окотники до пѣнія, сопровождаемаго игрою на чунгурѣ (балалайкѣ о 4-хъ, 6-ти и 7-ми струнахъ) и на балабанѣ (дуಡѣ въ родѣ клариета). Пѣвцы (ашоки) устраиваютъ иногда состязанія, на которыхъ стекаются пѣвцы изъ Кубы (пользующіеся пѣвѣствостью), изъ Нухи, а иногда даже изъ Елисаветполя и Карабаха. Пѣсни поются на лезгинскомъ, а чаще на татарскомъ языке. Ашокъ, одержавшій побѣду надъ своимъ соперникомъ, отирается у него чунгурѣ и получаетъ условленный денежный штрафъ. Ашокъ, потерявшій чунгурѣ, покрываются стыдомъ и удаляется подальше, если пожелаетъ выступить опять въ роли пѣвца.

Вообще мужчины стараются всячески коротать свое время: оди
большую часть дня проводить на вакунъ-керъ, около мечети, въ
разныхъ играхъ, въ бесѣдахъ, въ передачѣ разного рода извѣс-
тий. Одна изъ любимыхъ забавъ—это игра въ шахматы и шаш-
ки. На большихъ камняхъ, находящихся возлѣ мечетей, на-
липевши шахматные поля. За этими шахматными досками и про-
водятъ значительную часть дня старини. Не прочь отъ этой
игры и молодежь. — Говоря о забавахъ, не слѣдуетъ забывать
о празднике чоптось (цикешеруиъ сушарь). Когда ближайшія,
находящіяся въ окрестностяхъ Ахтовъ горы, покрываются травою,
то въ это время происходитъ оживленное движение въ средѣ мѣст-
ного населения; тогда именно дѣлаются приготовленія къ празд-
неству, совершающему обыкновенно близъ соѣднаго аула Чеперсуа^{*)};
на лугѣ, покрытомъ густою травою, и называемомъ Чеперсую^{**}).
Наканунѣ, шахъ празднства, часто исполняющій иѣсколько лѣтъ
среду эту должность, посыпаетъ по аулу чауша, который, возвѣ-
щаетъ о предстоящемъ празднствѣ. Вечеромъ собирается огром-
ная толпа къ шаху, преподносятся ему подарки, затѣмъ насту-
паетъ вездѣ сго дома оживленная пляска. На другой день, съ раз-
свѣтомъ, за аумомъ, на извѣстной площади, собираются дѣвицы,
молодые женщины и, въ сопровожденіи своихъ родственниковъ,
съ сумками, въ которыхъ находится закуска, двигаются на Че-
персую, где и рвутъ цветы. Позже немного, выходятъ мужчины.
Въ серединѣ ихъ идетъ шахъ, сопровождаемый двумя своими по-
мощниками и предшествуемый знаменщикомъ, несущимъ значокъ.
Шествіе совершается при учаденной ружейной пальбѣ. По при-
бытии ихъ на Чеперсую, на встрѣчу къ нимъ выходятъ чепер-
цы, тоже съ своимъ шахомъ. Когда усидутся, причемъ, конечно,
женщины занимаются особенное мѣсто, то черезъ иѣсколько вре-
мени начинаются танцы. Чаушъ освѣдомляется у женщинъ, ка-
кой танецъ они желаютъ танцевать и громогласно приглашаетъ
къ нему охотниковъ. Танцы начинаетъ шахъ. Въ то время, когда
онъ поднимается съ мѣста, открывается пальба. Послѣ танцевъ
слѣдуетъ закуска, а затѣмъ и возвращеніе въ аулъ,— женщины
несутъ наряженные цветы. Близъ Ахтовъ выходятъ на встречу
возвращающимся женщинамъ и мужчинамъ съ зурначами. Женщины
несутъ на головѣ шѣдые подвесы съ различными яствами и фрук-

^{*)} Въ «Спискахъ населенныхъ мѣстъ Дагест. области» этотъ аулъ на-
зывается Чаше.

^{**) Собственно—Чеперсую (сумъ значить луг).}

тами и подходить въ цаку, который, отойдя въ немногого проподносимыхъ ему яствъ, благодарить женщинъ. Толпа собирается на площадь, откуда началось шествие, тамъ идутъ опять оживленные танцы. Затѣмъ наступаетъ возвращеніе въ ауль, сопровождаемое участіемъ ружейной пальбою.

Приступимъ теперь къ окрестностямъ Ахтова. Въ двухъ верстахъ съ небольшимъ въ востоку отъ Ахтова находится Ахтинское укрѣпленіе, занимаемое одной ротой 84 пехотнаго Ширванскаго полка. Укрѣпленіе находится въ небольшомъ разстояніи отъ Самура. Ниже укрѣпленія, на берегу реки находится слободка, заселенная отставными нижними чинами. — Дальше вѣнѣть по Самуру, болѣе чѣмъ въ 10-ти верстахъ отъ Ахтова, встречается многолюдный ауль *Мискинджа* (по-ахтински *Мискинкаръ*)^{*)}, занимающій весьма плодородную мѣстность. Этотъ ауль представляетъ ту особенность, что жители его шиты (всѣ прочие горцы сузаниты) и поэтому, вѣрою, мискиндженцы въ-старину жили особыномъ, не входя ни въ одинъ изъ союзовъ вольныхъ обществъ, существовавшихъ въ Самурской долинѣ. Ахтинцы и теперь считаютъ ихъ чуждымъ себѣ народомъ, называя ихъ кизиль-башами (персиками), хотя мискиндженцы и говорить по-кюриински. Въ-старину ахтинцы часто вели войны съ мискиндженцами, брали и разоряли не разъ ихъ ауль, на что указываютъ груды камней, разбросанныхъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ около нынѣшней Мискинджи. — Въ нѣсколькихъ верстахъ къ западу отъ Ахтова находятся горячіе сѣрнистые минеральные источники (температура ихъ доходитъ до 40° по Р.). Дорога къ нимъ идетъ вдоль Самура, переходя съ одного берега на другой. Источники расположены на лѣвомъ берегу Самура. Они изслѣдованы и приспособлены для пользованія. При нихъ устроено четыре каменныхъ бастиона, а для помѣщенія посѣтителей — нѣсколько флигелей.

Чрезъ два года (въ 1874 г.) г. Бенкертъ пробылъ опять въ Ахты, съ цѣлью производства экскурсій на близлежащихъ сажевыхъ горахъ. Тогда онъ пробылъ въ Ахтахъ цѣлый мѣсяцъ и

^{*)} Въ «Спискахъ населенныхъ мѣстъ Даг. обл.» этотъ аудъ названъ *Мискинъ*. Такъ-же онъ названъ на картахъ Кавказа.

въ течениі этого времеи совершилъ четыре поѣзки: одну на Маг-дагъ (расположенный драблидительно въ 70-ти верстахъ въ зап. отъ Ахты), двѣ — на Шалбузъ-дагъ (лежащій примѣрно въ 30-ти верстахъ въ югу) и одну — на Базардюзи (леж. въ 50-ти верстахъ, тоже къ югу).

Съ самаго начала г. Беккера рѣшился отправиться на Шалбузъ-дагъ, расположенный ближе всѣхъ названныхъ горъ въ Ахтѣ. Для того чтобы достичнуть этой горы, нужно было сперва подняться въ Мискинджу, куда г. Б. и отправился въ сопровождении студента Кацанскаго университета, Мухаммѣдъ-мирзы, сына Ахтингскаго наимба. Мы уже замѣтили, что Мискинджа составляетъ единственное мѣсто въ описываемой странѣ, населенное шитами. Впрочемъ, персіяне имѣли когда-то владініе на Самурскую долину, слѣды котораго сохранились по настоящее время. Мискинджа лежитъ въ ущельи, обильно орощенномъ водой. Отправившись вверхъ по этому ущелью, путники прибыли въ 5 часовъ въ домъ дяди Мухаммѣдъ-мирзы, составляющій единствено-обитаемое мѣсто по дорогѣ на Шалбузъ-дагъ. Вершина Шалбузъ-дага скрывалась въ туманахъ, которые къ вечеру разсѣялись, и тогда взорамъ открылась блестящая сѣжная вершина горы, имѣющая видъ вѣнца. Отправившись въ 9 ч. утра, путники прибыли на Шалбузъ-дагъ въ 2 ч. по-полудчи. На горѣ, довольно высоко, между скалами стоять два памятника, называемые «парслейманъ» (?); они состоятъ изъ рядовъ колоннъ, покрытыхъ куполами; тамъ покоятся, по传说ю туземцевъ, останки святыхъ царей. Возлѣ этихъ надгробныхъ памятниковъ находится молельня, впереди которой на столбѣ сдѣлано каменное изображеніе голубя. Спутники г. Беккера отправились въ молельню, а онъ въ это время сталъ собирать растенія, изъ которыхъ чногія пришлось добывать изъ-подъ снѣга и изъ-подъ льда. Въ числѣ прочихъ добыты имъ и довольно рѣдкія, какъ, напр., *Draba mollissima* (видъ Крупки), *Viola biflora* (Фіалка двуцвѣтная), *Arabis mollis* (видъ т.-наз. Рѣзухи), *Gentiana vernia* (Горечавка весенняя), *Potentilla fruticosa* (видъ т.-наз. Лапчатки), *Thalictrum alpinum* (Василисникъ альпійскій) и т. д. Выбираться на вершину Шалбузъ-дага, достигающую 13,679', не было задачею г. Б.—ра, и онъ, послѣ гербаризациіи, спустился съ Шалбузъ-дага. Прѣѣхавъ по лугамъ, на которыхъ паслись стада овецъ, буйволовъ и яшадей, онъ прибылъ въ Мискинджу, а оттуда, къ вечеру поспѣлъ и въ Ахты.

Черезъ день, въ сопровождении переводчика, г. Бенкера от-
правился на *Маги-дагъ*. Путь пролегалъ въ западномъ направ-
лении, вдоль Самура. Выѣхали путники въ 5 ч. утра, а въ 9 ч.
вечера прибыли въ Рутулъ, гдѣ остановились на ночлегъ у на-
иба. Рутулъ живописно обставленъ горами. Это довольно много-
людный аулъ: въ немъ 360 дымовъ *), что составляетъ почти двух-
тысячное населеніе. Рутулъ давно уже существуетъ. Мулла, со-
стоявшій письмоводителемъ при наибѣ, утверждалъ даже, что этотъ
аулъ основанъ за-долго до рожденія Мухаммеда и основанія Дер-
бента. О своемъ домѣ наибъ выразился, что онъ недавно суще-
ствуетъ,—всего накихъ-нибудь 370 лѣтъ. Домъ этотъ каменный,
построенъ безъ цемента, довольно, однако, прочевъ. Онъ распо-
ложенъ высоко надъ ауломъ. Пришлось къ нему забираться по
скалаамъ, потомъ пройти нѣсколько темныхъ комнатъ, за которыми
следовала длинная комната, похожая на балконъ и снабженная боль-
шими ставнями, запираемыми снаружи. Ставни составлены изъ до-
щечекъ, покрытыхъ автографами офицеровъ и др. лицъ, посѣтив-
шихъ домъ наиба. Изъ наибскаго дома открывался живописный видъ
на аулъ, на возвышающуюся справа и слева горы со снежными вер-
шинами, на Самуръ и на небо, устяянное звѣздами. Словоохотли-
вый письмоводитель наиба вступилъ съ г. Б.—ромъ въ бесѣду объ
астрономіи. Онъ утверждалъ, что огромное пространство, въ ко-
торомъ расположены звѣзды, находится въ постоянномъ движе-
ніи, что вмѣстѣ съ нимъ движутся и самы звѣзды. Бесѣда объ
астрономіи прервана была наибомъ, пригласившимъ гостей къ
ужину. Ужинъ былъ сервированъ на полу, устланномъ коврами. Онъ
состоялъ изъ бараньяго супа, изъ плову съ изюмомъ и сливами,
изъ баранины, меду, масла, сыру, араки и чурековъ. Послѣ ужина
разносили чай въ стаканахъ. Г. Б. хорошо уснулъ, но по утру
его разбудила своимъ блеяніемъ, сосѣдка по помѣщенію, молодая
лань, пойманная въ горахъ. Въ 8 ч. утра путники, попрощавшись
съ гостепріимнымъ наибомъ, двинулись дальше и проѣхали деревни
Калу и Аисарь. Въ Аисарѣ взяли они проводника, который про-
велъ ихъ по мосту на правый берегъ Самура, своротивъ потомъ
нальво въ длинное ущелье, простирающееся до самого *Маги-да-
га*. По этому ущелью течетъ стремительно бурная чистая рѣчка,
вливающаяся въ мутный Самуръ. Рѣчка беретъ начало изъ Ма-

*) Въ «Спискахъ населенныхъ мѣстъ Дагест. области», въ Рутулѣ по-
казано 313 дворовъ.

ги-дага, ниже съжжной линіи. Въ часъ по-полудни пастухи оставили юшадей у горныхъ пастуховъ, которыхъ переводчикъ заказалъ приготовить закуску; затѣмъ г. Б. съ проводникомъ поднялся выше и собралъ много интересныхъ растеній. Въ числѣ прочихъ имъ добыты: *Empetrum nigrum* (Накамникъ черный), *Antennaria dioica* (Горянка), *Gentiana pyrenaica* (Горечавка пиренейская), *Cardamine tenera* (Смолянка), *Saxifraga sibirica* (видъ Разрывь-травы v. Камнеломки), *Arenaria narcissiflora* (Анемонъ нарцислистный), *Geum rivale*. (Гравилютъ прирѣчный). Добыты г. Б.—ромъ, подъ камнами и въ цѣтахъ, нѣсколько интересныхъ насѣкомыхъ, какъ, напр., *Mylabris alpina* (Нарынникъ альпійский?), принадлежащій къ семейству щееносныхъ жуковъ, *Melitaea Didyma*, составляющая видъ Шашечница (принадлежащей къ семейству мотыльковыхъ). Маги-дагъ возвышается на 12,447' и состоитъ изъ множества съжжныхъ вершинъ. За вершинами, скрывавшимися отъ взоровъ, послышался шумъ, происходившій какъ-бы отъ ударенія камней о камни. Проводникъ пояснилъ, что это туры бодаются и удираются о склоны своихъ рогами. Подъемъ на Маги-дагъ представлялъ затрудненія: пришлось карабкаться и пробираться ползкомъ. Дошедши туда, гдѣ уже во многихъ местахъ лежалъ снѣгъ, г. Б.—ръ сталъ спускаться къ шалашу пастуховъ, и послѣ закуски, за которую пастухи, по существующему у горцевъ обычью, не хотѣли брать платы, онъ съ своими провожатыми двинулъся въ Рутаъ. Переочевавъ тамъ у знакомаго наiba, онъ въ часъ по-полудни былъ уже въ Ахтахъ.

Г. Беккеръ поспѣхъ къ 9 июля (по новому стилю) на праздника чечтоэ. Празднество было на этотъ разъ нарочно устроено, кажется, по случаю прибытія въ Ахты начальника Южнаго Дагестана, и совершалось оно съ болѣею торжественностью, чѣмъ въ обыкновенное время. Уже съ раннаго утра на горахъ стали показываться большія группы мужчинъ, оглашавшихъ воздухъ учащейной ружейной пальбой. Празднствомъ руководилъ, по обыкновенію, «шахъ». Въ полдень явилось передъ домомъ окружного начальника около 50, разряженныхъ по-праздничному, дѣвицъ и женщинъ съ большими мѣдными подносами на головѣ, на которыхъ находились вишни, медъ, яйца, орѣхи, изюмъ, финики, сыръ, масло, конфеты, чуреви, напитки и т. д. Подносы поставлены были на землю. Принесены были также двѣ сахарныхъ головы, сваренный баранъ и большой коверъ. Наконецъ приведенъ былъ для зажжанія быкъ, покрытый краснымъ сукномъ.

Оружной начальникъ не согласился на заявленія бмана, поверъ приказалъ отнести въ мечеть, а ахтищевы щедро наградилъ деньгами. За дѣвицами и женщиными стояли вооруженные мужчины, а впереди ихъ музыканты съ зурнами, барабанами, бубнами и барабалейками. Толпа образовала кругъ, въ середину которого выступили двое мужчинъ въ польчугахъ и пронандовали танецъ съ обнаженными шашками. Черезъ часъ толпа отправилась на большую площадь, куда былъ приглашенъ начальникъ округа съ своими подчиненными и гостями. Тамъ, на бойкошомъ столѣ были установлены различные кушанья; фрукты, было даже шампанское. Подавали и чай. Въ это время раздавалась усердная ружейная шальба.

Чрезъ нѣсколько времени г. Б. совершилъ поѣзdkу опять на Шалбузъ-дагъ, но по другой дорогѣ.

По возвращеніи изъ этой поѣздки, г. Беккера отправился на Базардюзи, чрезъ Мискинджу и Курушъ. Прибывъ въ Мискинджу, г. Б. послалъ за проводникомъ и лошадьми. Въ ожиданіи ихъ, хозяинъ дома, въ которомъ остановился г. Б., показывалъ послѣдователю свое домашнее пчеловодство. Въ стѣнѣ сакли были продѣланы небольшія отверстія для входа пчелъ въ комнату, въ которой стояло около двухъ дюжинъ горшковъ, служащихъ ульями для пчелъ. Наконецъ явился проводникъ съ лошадьми, и г. Б. двинулся въ путь. Вхалъ онъ по длинному ущелью, у подошвы Шалбузъ-дага. Затѣмъ пришлось поворотить въ сторону и взбираться вверхъ по тропинкѣ. Кругомъ разстижалася густой туманъ. Альпийская растительность поразила г. Беккера своимъ великолѣпіемъ и грандиозностью (растенія доходятъ до сажени высоты). Дорога становилась все болѣе и болѣе трудновато. Нужно было слѣдить съ лошадей, пробираться по крутымъ наклонамъ и тащить за собою лошадей. Г. Б. предполагаетъ, что онъ былъ на высотѣ 10,000 или 11,000 футовъ, такъ какъ потомъ онъ долго спускался въ Курушъ, который лежитъ на высотѣ 8,175'. Въ Курушъ прибылъ онъ въ 6 ч. вечера. Объ этой интересной деревнѣ, окруженнѣй высокими горами (Шалбузъ-дагомъ, Базардюзи, Шахъ-дагомъ), рѣчь впереди. Въ Курушѣ отыскался человѣкъ, знающій по-русски. Это былъ старикъ, почти уже сѣѧвшій и возвратившійся недавно передъ тѣмъ изъ Иркутска, гдѣ провелъ онъ въ ссылкѣ 17 лѣтъ. Онъ уверялъ, что смылся совершиенно съ Сибирию и что возвратился въ Курушъ единственно изъ желанія повидаться съ сыномъ! Старикъ сообщилъ г. Бек-

гору, что гора Базардюзи, лежащая противъ Куруша, называется собственно Гедикъ, и что название Базардюзи получила она въ воинское время, когда русскіе устроили-было базарь у этой горы. На другой день пришлось выбираться изъ егъ гору. Подъемъ очень крутой. Въ юстахъ, лежащихъ ниже, попадались лишь разнообразныя интересныя растенія; на болѣе высокихъ юстахъ растительность была довольно бѣдна и представляла мало разнообразія. Вотъ растенія, которыхъ г. Бенкнеръ нашелъ только на Базардюзи: *Gentiana cruciata* (Лихорадникъ), *Hedera helix* (Борщевникъ), *Juncus depressa* (видъ Порьзъ-травы), *Senecio aegyptiacus* (видъ травянистаго Крестовника); нѣсколько видовъ *Astragalus* (Астрахала) *). Базардюзи — это высочайшая гора между всѣми сопѣдями: высота ея 14,722'. — Возвратившись въ Ахты, г. Б.—ръ чрезъ нѣсколько дней пустился въ обратный путь, въ Дербентъ, а оттуда въ Саренту.

Г. Бенкнеръ посѣтилъ Шахъ-дагъ въ 1873 г.—Прибылъ въ Дербентъ въ первыхъ числахъ іюня и посвятилъ недѣлю ботанической и антропологической экспедиціи въ окрестностяхъ этого города, г. Б. отправился по почтовой дорогѣ въ Кубу, отстоявшую отъ Дербента на 80 верстъ. Оживленная Куба, раскинутая между праваго берега Кудіяль-чая **), съ мощевыми камнемъ улицами, окруженнага съ южной стороны горами, покрытыми богатою лѣсной растительностью, произвела приятное впечатлѣніе на путешественника. Въ Кубѣ видѣнъ въ ясную погоду и саваннаго Шахъ-дагъ, находящійся примѣрно въ 60-ти верстахъ къ западу отъ Кубы и бывшій цѣлью поездки г. Бенкера. Г. Б., по совѣту знакомыхъ, отирился въ ближайшую штабъ-квартиру Кусары, гдѣ взялъ переводчика, проводника и нанялъ верховыхъ лошадей. До аула Ласара, лежащаго въ близкому разстояніи, дорога шла по иѣстности, покрытой большими лѣсомъ. На пути г. Б. пріобрѣтено нѣсколько хорошихъ экземпляровъ жуковъ, какъ,

*) При обозначеніи русскихъ названій растеній, опредѣленныхъ г. Бенкнеромъ, мы придерживались по-преимуществу «Словаря растеній», изданного П. Алабиннымъ въ 1875 г.

**) На лѣвомъ берегу Кудіяль-чая находится большая еврейская слобода (Кугальть). Она соединена съ Кубою посредствомъ длиннаго моста.

цапр., *Lucanus tigrinus* (видъ Рогана), *Rhizotrogus boettgeri* (видъ Бергебда). За Легоремъ дорога шла по мѣстности, бѣлько оро-шенной рѣчками и покрытой роскошными лугами; узрѣніе составляли великолѣпные лотики (*Aconitum*). Во время до-роги г. Б. занялся гербаризацію. Въ аулѣ Аныхѣ (располо-женномъ при Кусаръ-чай), одинъ лезгинъ прінесъ г. Беккера иѣсколько кусковъ колчедана, который находился въ изобилії въ горахъ, недалеко отъ аула. Даѣще, мѣстность принаимѣсть у же-горный характеръ. Пришлось вѣдь вѣртными пропастями и цемо водопадовъ, потомъ забираться по прутамъ, заваленнымъ камнями; нужно было сѣзать съ лошадей и вести ихъ за по-воды. Сложно можно судить изъ описанія г. Б.—ра, онъ, остав-ивъ ущелье Кусаръ-чай, направился на югъ и выѣхалъ въ об-ласть рѣки Кудіялъ-чай, — Шахъ-дагъ остался къ западу. До-ѣхалъ онъ до деревни *Крызъ* (лежащей вѣво отъ Кудіялъ-чая). Крызъ лежитъ на высотѣ 6,681 ф. Поля около деревни засѣяны были пшеницею, которая часто не дозрѣваетъ. Подъ вечеръ де-ревня окружена была густою мглою. Въ Крызѣ г. Б. встрѣтилъ толстоногаго карлика. Вообще нужно замѣтить, что какъ крызы, такъ и жители др. горныхъ, близлежащихъ ауловъ отличают-ся большимъ ростомъ; но между ними попадаются карлики, къ некоторымъ изъ сокульники относятся съ превѣніемъ. — По выѣздѣ изъ Крыза, пришлось забираться еще выше и проѣхать черезъ долину, на которой ростъ дубнякъ, можжевельникъ и жимолость (*Lonicera*); затѣмъ г. Б. выѣхалъ на длинную, ровную поляну, засѣянную ячменемъ. Надъ нею живописно, на высокой горѣ, на высотѣ 7,165', возвышается Хиналугъ, деревня, въ которой на-считывается 338 домовъ. Въ Хиналугѣ пріняли г. Беккера за доктора и онъ долженъ былъ заняться леченіемъ. Тамъ, какъ и въ др. горныхъ аулахъ, спирѣствуетъ кровавый поносъ, реви-тизъ, чоръ, а также глазныя болѣнія и ракъ. Однѣй хиналу-гецъ пристрастился къ нему съ просьбою вырѣзать ракъ на губѣ и предлагалъ въ вознагражденіе большое пестрое шерстяное одѣ-ло; пациентка, за данный ей медицинскій советъ, хотѣла препод-нести, въ знакъ признателености, пару чулокъ. На другой день нужно былоѣхать дальше — къ Шахъ-дагу, который остался на ствѣре. Пришлось нанять проводника и лошадей, и здесь-то об-наружилъ вполовѣ щепетильный и сварливый характеръ хиналуг-цевъ; переводчику, напр., не хотѣли дать сѣда, пошли перебран-ва, переводчикъ обнажилъ кинжалъ и тѣмъ только уговорили не-

сговорчиваго хиналугца. Между сосѣдними горцами хиналугцы слы-
вутъ дурными народомъ. Наконецъ, удалось г. Беккеру выѣхать
изъ Хиналуга. Долина, по которойѣхали путники, до того обиль-
но орошена горными ручьями, что лошади часто вязли въ грязи.
Образованіе ручьевъ изъ паровъ, охлажденныхъ на горахъ,
обильно орошаютъ высокія мѣстности и дѣлаютъ ихъ пригодны-
ми для скотоводства. Вотъ причина, по которой на нихъ стол-
пилось горное, пастушеское населеніе. Вѣбираясь на Шахъ-дагъ,
г. Б. проѣхалъ по обширнымъ зеленымъ лугамъ, на которыхъ
насыпались многочисленныя стада овецъ, буйволовъ, лошадей, ословъ.
Вѣхалъ онъ наконецъ въ альпійскую область растеній и остановилъ
возлѣ шалаша, торчащаго одиноко на склонѣ Шахъ-дага.
Г. Б.—ръ принялъ собирать растенія и сдѣлалъ изъ нихъ бога-
тую коллекцію. Между прочими, имъ собраны: иѣсколько видовъ
Draba (*Draba nemorosa* var., *Draba incana* var., *Draba silicosa*),
Thymus serpyllum var. (Чабрецъ — видъ Тимьяна), *Campanula Steveni* (видъ Колокольчика), *Myosotis sylvatica* (Незабудка лѣс-
ная). Далѣе, г. Б. поймалъ иѣсколько красивыхъ бабочекъ, а въ
числѣ ихъ одну ночницу (*Agrotis Anachoreta*). Въ 4 ч. по-полудни
двинулся г. Б. въ обратный путь. Дорога шла,—сколько мож-
но заключить изъ описанія г. Беккера,—въ западномъ направлениі.
Она шла между горами, покрытыми вѣчнымъ снѣгомъ. Сдѣлалось
до того холодно, что приходилось иѣсколько разъ сѣзать съ ло-
шади для того, чтобы отогрѣть окостенѣлые отъ холода руки.
Въ 8 ч. вечера прїехалъ г. Б. въ селеніе Куруши, лежащее въ
Самурскомъ округѣ. И такъ, г. Б., объѣхавъ Шахъ-дагъ сперва
съ востока, потомъ съ юга, очутился къ западу отъ него. Изъ
Кубы доѣхалъ онъ до Шахъ-дага только на 5-й день.

Многолюдное селеніе Куруши, заключающее болѣе 500 ды-
мовъ, лежитъ на высотѣ 8,175 ф. надъ ур. м. и принадлежитъ
къ высочайшимъ обитаемымъ мѣстамъ на земномъ шарѣ. Распо-
ложено оно у подошвы Шалбуузъ-дага (13,679'), съ южной его сто-
роны; напротивъ него, къ югу, возвышается Базардюзи (14,722'),
къ востоку — Шахъ-дагъ (13,951'). Замкнутостью положенія Ку-
руша въ котловинѣ объясняется и меньшій въ немъ холода, чего
не сдѣдовало-бы ожидать, судя по высотѣ его положенія. Тѣмъ не
менѣе, тамъ очень холодно; жители носятъ войлочные шапки и
овечьи тулуны, длинные рукава которыхъ доходятъ до земли.

^{*)} Въ «Спискахъ населенныхъ мѣстъ Дагестанской области» въ Куру-
ши показано 480 дымовъ.

На окружающихъ его горахъ (Шалбузъ-дагъ и Базардюзи) водятся туры (Сарга caucasica), серны и косули. На меньшихъ высотахъ встречалъ г. Б. медведей, лисицъ. Въ Курушъ нашелъ онъ много интересныхъ жуковъ—жужелицъ (*Carabus Hollbergi*, *C. Stachlini*), изъ семейства жуковъ чернокрылыхъ—Медлява (*Blaps*), подъ камнемъ поймалъ мышь. Курушцы принесли г. Б.—ру въ сколько кусковъ свинцоваго блеска, который находится на Шалбузъ-дагъ и Базардюзи. Сельскій старшина показалъ г. Беккеру мѣстныя достопримѣчательности, въ числу которыхъ принадлежали два старика. Одинъ изъ нихъ насчитывалъ себѣ 150 лѣтъ, и когда г. Б. усомнился въ этомъ, то дѣти старика подтвердили его показаніе. Затѣмъ г. Б. посѣтилъ другого старика, который считалъ себя еще старше, хотя казался моложе; онъ говорилъ живо и обнаруживалъ полное присутствіе ума. На вопросъ, предложенный г. Б.—мъ, можетъ-ли онъ еще жевать, старикъ отвѣтилъ: «Давно я уже потерялъ всѣ зубы, но два года тому назадъ выросъ у меня передній зубъ». Этотъ старикъ рассказалъ, что примѣрно 140 лѣтъ тому назадъ забрели въ Курушъ три русскихъ солдата изъ отряда Петра В., что они остались, жили и умерли въ Курушѣ. «Вы, вѣроятно, дурно съ ними обращались? спросилъ г. Б. — Зачѣмъ-же дурно было обращаться съ этими добрыми людьми: прежде мы жали пшеницу у самыхъ колосьевъ, а они выучили насъ жать ее у самого корня. Развѣ съ такими людьми можно было дурно обращаться? заключилъ старикъ.—Долговѣчность жителей Куруша обусловливается здоровымъ горнымъ воздухомъ, регулярнымъ образомъ жизни, неупотребленіемъ спиртозныхъ напитковъ и чистотою нравовъ. Въ этой патріархальной горской общинѣ нѣть разврата: мужчина, соблазнившій девушку, былъ-бы убитъ; если-бы девушка, вышедшая за-мужъ, оказалась беременною и если-бы мужъ довелъ обѣ этомъ до свѣдѣнія жителей, то такой женщинѣ отрѣзали-бы губы, уши и прогнали-бы ее изъ аула. Эти горцы чтутъ свято и право собственности: одинъ курушецъ получилъ сильные побои за то, что загналъ свою лошадь на чужое пастбище. Жители упомянутыхъ горскихъ деревень ведутъ изолированный образъ жизни,—посреди ихъ нѣть другой народности. Въ Крызъ только заходить иногда разношкви евреи (вѣроятно, изъ близлежащей Кубы, въ которой ихъ много). Выѣхавши изъ Куруша, г. Б. оторвался къ сѣверу и, обогнувъ Шалбузъ-дагъ, прибылъ онъ въ Мискинджу. Жители ея укладывали въ огромные сосуды собранный бло-

хоморъ (*Rugetrum carneum*). 14 іюля (по нов. стилю) г. Б. прибылъ въ Ахты. Жара была нестерпима, хотя термометръ Р. показывалъ въ тѣни только 19°. Въ Ахтахъ, во время бытности г. Б—ра, разбиралась въ судѣ жалоба 40-лѣтняго карлика на его двухъ братьевъ, уменьшившихъ, при раздѣлѣ отцовскаго наслѣдства, его часть на томъ основаніи, что онъ карликъ.

Выѣхавши изъ Ахтовъ и проѣхавши черезъ красивый мостъ на другой берегъ Самура, г. Беккеръ отправился, черезъ Касумъ-кентъ, въ Дербентъ, а оттуда въ Астрахань, а потомъ и въ Сарепту.

Вообще статьи г. Беккера заключаютъ въ себѣ не мало свѣдѣній, касающихся Южнаго Дагестана и интересныхъ въ физическомъ и этнографическомъ отношеніи.

Л. З.

С В Ъ Д Ъ Н Й

о количествѣ народонаселенія въ г. Закаталахъ и Закатальскомъ
округѣ.

Название населенныхъ иѣст- ностей.	По камеральному описанію 1873 года.							
	Число дымовъ.		Привил- егиро- ванныхъ.		Податныхъ.		Вѣроис- повѣданій.	
	Привилегиро- ванныхъ.	Податныхъ.	Окладныхъ.	Мужск.	Женск.	Мужск.	Женск.	Христіанъ. Магоме- тани.
Гор. Закаталы..	—	299	248	—	—	604	475	618 461
<i>Селенія:</i>								
1 Агчай.....	9	42	39	14	10	110	83	— 217
2 Азгили	—	28	26	—	—	56	40	— 96
3 Алибекло.....	—	116	116	—	—	382	358	737 3
4 Алисултанло....	11	10	10	25	17	23	20	— 85
5 Аліабатъ.....	—	703	703	—	—	2109	1937	— 4046
6 Аліаскаръ.....	—	29	27	—	—	72	66	— 138
7 Алмало.....	7	350	350	14	13	816	683	— 1526
8 Аманло.....	—	18	18	—	—	53	37	— 90
9 Амбарчай.....	8	73	70	21	16	197	171	— 405
10 Амирджанло....	11	88	88	53	37	209	187	— 486
11 Ашага-Малахъ...	—	65	65	—	—	215	202	— 417
12 Бабало	—	15	15	—	—	36	24	— 60
13 Бай-Ахмедло....	—	10	10	—	—	23	23	— 46
14 Байдарло	4	47	47	11	13	119	96	— 239
15 Базаръ.....	—	97	97	—	—	195	158	— 353
16 Белоканъ.....	13	1065	1057	42	23	2962	2523	— 5550
17 Беюкъ-Лаичъ...	—	20	19	—	—	45	49	— 94
18 Верхіанъ	—	246	246	—	—	895	885	— 1780
19 Гогаиъ	9	183	170	23	23	439	403	— 888
20 Гозбараҳъ.....	—	28	92	—	—	215	178	— 393
21 Гюллюкъ.....	2	354	330	6	10	762	614	— 1392
22 Дагмедиагильды..	1	60	60	4	5	169	172	— 350
23 Дайкентъ	—	13	13	—	—	30	35	— 65
24 Дардохказъ	—	41	34	—	—	99	99	— 198
25 Джамаиръ.....	5	43	43	7	6	105	86	— 204

26	Джары.....	21	720	695	61	49	1832	1654	—	3596
27	Елисуй.....	6	383	383	17	16	1287	1133	—	2453
28	Ерганъ.....	—	79	79	—	—	211	189	3	397
29	Загамъ.....	—	97	97	—	—	380	323	20	683
30	Зарва.....	—	115	115	—	—	417	334	—	751
31	Ибахло.....	3	31	31	6	9	95	94	—	204
32	Ити-Тала	—	63	63	—	—	162	139	—	301
33	Казмаяръ.....	15	35	35	39	46	113	96	—	294
34	Кайсарло.....	—	18	18	—	—	70	56	—	126
35	Калалъ.....	—	94	88	—	—	191	137	—	328
36	Кандакъ.....	—	136	136	—	—	413	347	—	760
37	Капанахчи.....	—	61	60	—	—	150	153	—	303
38	Карабалдуруй.....	—	74	74	—	—	179	156	—	335
39	Карагаджило....	2	88	82	4	4	215	177	—	400
40	Кара-Тала.....	3	8	8	7	3	27	18	—	55
41	Каркай.....	—	59	57	—	—	190	143	—	333
42	Касъ.....	—	45	45	—	—	149	124	—	273
43	Каталъ-Парахъ.	—	5	4	—	—	15	8	—	23
44	Катехи.....	8	486	462	20	19	1262	1041	—	2342
45	Кахъ-ингилой....	—	268	268	—	—	1008	1050	2058	—
46	Кахъ-игугаль....	27	168	168	72	69	520	420	—	1081
47	Кашкачай.....	5	142	139	13	17	141	380	—	851
48	Кетукло-ингилой	—	32	32	—	—	97	87	184	—
49	Кипчакъ.....	8	74	72	14	20	211	172	—	417
50	Кичикъ-Лаичъ..	—	145	136	—	—	326	291	—	617
51	Ковахчоль.....	3	384	384	4	2	1117	995	—	2118
52	Кораганъ - инги- лой.....	—	58	57	—	—	174	151	325	—
53	Кораганъ му - сультманъ.....	—	59	59	—	—	184	218	—	402
54	Кумуръ.....	—	184	173	—	—	362	291	—	653
55	Кумъ.....	—	257	245	—	—	553	547	—	1100
56	Кюрдемуръ.....	1	33	33	5	7	66	58	—	136
57	Кандыргяло	—	24	23	—	—	49	43	—	92
58	Лякитъ.....	—	137	136	—	—	402	325	—	727
59	Лякитъ-Малахъ..	—	21	21	—	—	68	42	—	110
60	Лякитъ Кетувло.	—	41	41	—	—	127	84	—	211
61	Ляляло	—	106	104	—	—	210	230	—	440
62	Ляля-Паша.....	—	35	35	—	—	93	83	—	176
63	Мамрухъ.....	—	100	93	—	—	251	183	—	434
64	Марсалъ.....	—	69	69	—	—	171	168	—	339
65	Мацехи.....	2	181	177	5	1	469	392	—	1050
66	Мешабашъ.....	—	22	22	—	—	54	55	109	—
67	Мусулъ.....	—	244	239	—	—	649	575	—	1224
68	Муганло	1	237	228	1	2	563	474	—	1040
69	Мухахъ.....	1	741	709	1	—	1620	1400	—	3021
70	Овджало.....	1	34	34	1	2	89	69	—	161

71	Падаръ.....	1	28	28	1	3	49	54	—	107
72	Сапуначи.....	—	150	149	—	—	345	303	—	648
73	Сарубашъ.....	2	113	113	8	4	442	406	—	860
74	Сувагиль.....	—	255	255	—	—	707	601	—	1308
75	Сумайло.....	—	44	42	—	—	98	93	—	191
76	Сускентъ.....	—	27	26	—	—	86	68	—	154
77	Талы.....	27	1288	1257	69	79	3169	2616	—	5933
78	Тангитъ.....	—	20	18	—	—	58	65	—	123
79	Тасмало.....	—	93	93	—	—	304	276	11	569
70	Узунъ-Тала . .	—	10	9	—	—	26	21	—	47
81	Фальмарло.....	—	125	121	—	—	280	244	—	524
82	Фистыхло.....	—	46	44	—	—	96	69	—	165
83	Чардахло.....	—	470	451	—	—	1258	1187	—	2445
84	Чобанволь.....	—	157	157	—	—	382	335	—	717
85	Чудуло.....	—	78	77	—	—	208	160	—	368
86	Шамбулъ.....	—	33	33	—	—	74	66	—	140
87	Шихларъ.....	—	29	27	—	—	68	59	—	127
88	Шатоваръ.....	—	51	50	—	—	157	165	—	322
89	Юхари-Малахъ..	—	50	50	—	—	161	128	—	389
Итого ...		217	13204	12974	568	525	35535	31132	3436	64324

**Численность и племенной составъ горскаго населенія
Терской области въ 1875 году.**

	муж. пола.	женск. пола.	итого.
1. ЧЕЧЕНДЫ.			
Г. Владикавказъ.....	12	4	16
„ Грозный	39	40	79
Грозненскій округъ.....	43773	43855	87628
Аргунскій округъ.....	13909	14146	28055
Веденскій округъ.....	11843	11591	23434
Всего...	69576	69636	139212
2. ИНГУШИ.			
Г. Владикавказъ	59	15	74
Владикавказскій округъ.....	16978	16279	33257
Всего...	17037	16294	33331
3. ОСЕТИНЫ.			
Г. Владикавказъ.....	209	125	334
„ Пятигорскъ	15	—	15
„ Моздокъ.....	840	386	1226
Владикавказскій округъ.....	29239	26484	55823
Всего...	30403	26995	57398
4. КАБАРДИНЦЫ.			
Г. Владикавказъ.....	8	2	10
„ Пятигорскъ	12	—	12
„ Моздокъ.....	720	411	1133
Пятигорскій округъ.....	39696	37958	77654
Всего...	40436	38371	78807
5. КУМЫКИ.			
Г. Владикавказъ.....	55	17	72
„ Пятигорскъ	22	—	22
„ Грозный.....	15	—	15
Владикавказскій округъ.....	2097	1948	4045
Хасавъ-Юртовскій округъ.....	23232	20606	43838
Всего...	25421	22571	47992

6. НОГАЙЦЫ И КАРАНОГАЙЦЫ.				
Г. Моздокъ		359	214	603
,, Пятигорскъ		32	20	52
Пятигорский округъ		6	—	6
Хасавъ-Юртовский округъ		3748	3888	7606
Всего		4145	4122	8267
7. КАЛМЫКИ.				
Грозненский округъ		898	753	1651
Пятигорский округъ		6	4	10
Всего		904	757	1661
8. ГОРСКИЕ ЕВРЕИ.				
Хасавъ-Юртовский округъ		666	624	1290
Пятигорский округъ		286	313	599
Владикавказский округъ		10	4	14
Грозненский округъ		4	1	5
Всего		966	942	1908

Итого туземного (горского) населения въ Терской области считалось въ 1875 году: мужского пола 188,878, женского—179,648, а всего 368,526 душъ.

Примечание. Приведенные свѣдѣнія взяты нами изъ трудовъ Терского областнаго статистическаго Комитета, обнародованныхъ въ Терскихъ Вѣдомостяхъ (1876 г. № 41). Но приводя эти свѣдѣнія, какъ единственныя для определенія численности горскаго населения Терской области, не можемъ умолчать, что не считаемъ ихъ достаточно полными. Напр., нельзя не замѣтить, что въ числѣ горцевъ области не упомянуты салатаецы (аварское общество Салатау).

Ред.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

„Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“ издается по слѣдующей программѣ:

- I. Научные изслѣдованія, касающіяся кавказскихъ горцевъ.
- II. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ.
- III. Путешествія, мемуары и разсказы, характеризующіе бытъ горцевъ.
- IV. Горская лѣтопись (важнѣйшія распоряженія по горской администраціи; современныя статистическая свѣдѣнія о горцахъ; библіографія сочиненій, касающихся горскаго быта; разнаго рода текущіе вопросы и замѣтки, разъясняющія настоящее положеніе горцевъ; извлечения изъ дѣлъ Кавказскаго Горскаго Управленія и пр.).

„Сборникъ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“ выходитъ въ свѣтъ выпусками, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждый, въ неопределенные сроки, по мѣрѣ накопленія научно-литературнаго матеріала, удовлетворяющаго программѣ изданія.

За статьи, признанныя удобными къ помѣщенію въ „Сборникѣ“, назначается гонорарій, по договору съ авторомъ, полагая за капитальныя статьи по 50 и болѣе руб. отъ печатнаго листа.

Статьи, предназначаемыя для „Сборника“, равно и всѣ сношения по редакторской части изданія, просятъ адресовать въ Тифлисъ, въ Кавказское Горское Управление, на имя редактора „Сборника“, Н. И. Воронова.

Содержание вышедшихъ въ свѣтъ книгъ „Сборника свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“:

I-й выпускъ.

- I. Предисловіе.
- II. Адаты и судопроизводство по нимъ (съ приложеніями),
А. В. Комарова.
- III. Этнографические очерки Аргунского округа (съ 3-ми рисунками), *А. П. Ипполитова.*
- IV. Шамхалы Тарковскіе (съ родословною таблицею).
- V. Народные сказанія кавказскихъ горцевъ:
 - а) Кое-что о словесныхъ произведеніяхъ горцевъ, *П. У.*
 - б) Казикумухсія (лакскія) народная сказанія (Нѣсколько словъ о казикумухахъ; сказки, басни, анекдоты и пословицы).
- VI. Изъ путешествія по Дагестану, *Н. И. Воронова.*
- VII. Воспоминанія муталима, *Абдуллы Омарова.*
- VIII. Горская лѣтопись:
 - 1) Статистическая свѣдѣнія о кавказскихъ горцахъ, состоящихъ въ военно-народномъ управлении.
 - 2) Крѣпостные въ Кабардѣ и ихъ освобожденіе, *Е. С.—ев.*
 - 3) Освобожденіе зависимыхъ сословій во всѣхъ горскихъ округахъ Терской области.
 - 4) Освобожденіе безправныхъ рабовъ въ Дагестанѣ.
 - 5) Положеніе дѣла освобожденія зависимыхъ сословій въ горскихъ округахъ Кубанской области.
 - 6) Изъ горской криминалистики: I. Народная назнь женщины въ сел. Калаки. II. Убийство и казнь женщины въ сел. Оглы.
 - 7) Библиографическая замѣтка.

Приложениемъ къ I-му выпуску служить *Карта земель горского населения, состоящаго въ военно-народномъ управлении.*

II-й выпускъ.

- I. Начало христіанства въ Закавказье и на Кавказѣ, *П. У.*
- II. Ученіе „Зикръ“ и его послѣдователи въ Чечнѣ и Аргунскомъ округѣ, *А. П. Ипполитова.*
- III. Ученіе о тарикатѣ:
 - 1) Адабуль-Мараіа, соч. шейха Джемаледдина Казикумухскаго, перев. съ арабскаго: а) Отъ редакціи; б) Предисловіе къ рукописному сочиненію Джемаледдина о тарикатѣ, сенда Абдурахмана; в) Адабуль-Мараіа и г) Послѣдователіе отъ переписчика.
 - 2) Таринатскія легенды, поученія и письма (перев. съ арабскаго и татарскаго).
- IV. Материалы для истории Дагестана:
 - 1) Казикумускіе и Кюринскіе ханы (съ приложеніями и родословной таблицею), *А. К.*
 - 2) Мехтулинскіе ханы (съ родословной таблицею).
- V. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ (Аварскія народныя сказанія, а) Нѣсколько словъ объ аварцахъ, *Н. В.*; б) Сказки и басни, собранныя и переведенные съ аварскаго Айдемиромъ Чиркеевскимъ).
- VI. Этнографические очерки:
 - 1) Свадьба въ горскихъ обществахъ Кабардинского округа, *Н. Ф. Грабовскаго.*
 - 2) Воспоминанія иуталима (окончаніе), *Абдулла Омарова.*
- VII. Горская ятотопись:
 - 1) Устройство поземельного быта горскихъ племенъ Сѣвернаго Кавказа, *П. А. Гаврилова.*
 - 2) Научное извѣстіе (Грамматическая и филологическая изслѣдованія Хюркилиаскаго языка, П. К. Услара), *Н. В.*

III-й выпускъ.

I. Исследования и материалы:

- 1) Очеркъ устройства общественно-политического быта Абхазии и Самурзакани.
- 2) Низамъ Шамиля (материалъ для истории Дагестана).
- 3) Горские евреи, *I. Я. Чернаго*.
- 4) Привилегированные сословия Кабардинского округа.
- 5) Экономический и домашний бытъ жителей Горского участка Ингушевского округа, *Н. Ф. Грабовского* (съ приложениемъ: похороны и поминки у горцевъ, *Чаха Ахриева*).

II. Народные сказания кавказскихъ горцевъ:

Осетинскія народные сказания: а) Предисловие отъ собирателя; б) Сказки, басни и анекдоты; в) Легенды, предания и повѣрья, *Джантемира Шанаева*.

III. Этнографические очерки:

- 1) Домашняя и семейная жизнь дагестанскихъ горцевъ Аварского племени, *Н. Львова*.
- 2) Какъ живутъ лаки (изъ воспоминаний дѣтства), *Абдулла Омарова*.
- 3) Изъ путешествія по Дагестану (съ двумя рисунками). *Н. И. Воронова*.

IV. Горская лѣтопись:

- 1) О распространении грамотности между горцами, *П. У.*
- 2) Экономическое положеніе бывшихъ зависимыхъ сословий Кабардинского округа, *Н. Ф. Грабовского*.
- 3) Изъ горской криминалистики.

IV-й выпускъ.

I. Изслѣдованія и материалы:

- 1) Очеркъ суда и уголовныхъ преступлений въ Кабардинскомъ округѣ, *Н. Ф. Грабовскаго*.
- 2) Природа и люди Закатальского округа, *А. И. Фон-Плотто*.
- 3) Материалы для древней исторіи осетинъ, *П.*
- 4) Истинные и ложные послѣдователи тариката, *Мугеддина Магомедъ-Ханова* (переводъ съ арабскаго, съ предисловіемъ, *А. Омарова*).
- 5) Ичкерія (историко-топографический очеркъ), *И. М. Попова*.

II. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ:

Изъ чеченскихъ сказаний: а) Нѣсколько словъ о герояхъ въ ингушевскихъ сказаніяхъ, *Ч. Ахриева*; б) чеченскія сказки, басни и пословицы.

III. Этнографические очерки:

- 1) Какъ живутъ лаки, *Абдуллаи Омарова*.
- 2) Свадьба у сѣверныхъ осетинъ, *Джантемира Шанаева*.

IV. Горская гісторія:

- 1) Извлечение изъ отчета объ осмотрѣ казенныхъ свободныхъ земель нагорной полосы между рр. Тебердой и Лабой (съ картою).
- 2) Нѣсколько словъ о примѣненіи народныхъ обычаевъ къ судопроизводству Абхазіи.
- 3) Замѣтка о карачаевскихъ здатахъ по долговымъ обязательствамъ, *Н. Г. Петруевича*.
- 4) Изъ горской криминалистики (криминальные случаи: а) изъ дѣлъ Полеваго Аудиторіата и б) изъ дѣлъ Кавказскаго Горскаго Управленія).
- 5) Борьба съ леопардомъ, *Н. Г. Петруевича*.

V-й выпускъ.

I. Иаслѣдованія и материалы:

- 1) Дагестанская хѣтописи. I. Извлечење изъ исторіи Дагестана, составленное Мухаммедомъ-Рафи, съ предисловиемъ *П. У.*
- 2) Кавказско-горскія письмена (съ 4-ми таблицами), *Л. П. Загурскаго.*
- 3) Материалы для исторіи Осетинъ, гк. VI—XXXVI, *В. Б. Пфафа.*

II. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ:

- 1) Осетинскія народныя сказанія: а) Нѣсколько словъ отъ собирателя и б) Нартовскія сказанія, *Джантемира Ша-наева.*
- 2) Изъ Чеченскихъ сказаний, *Чаха Ахриева.*
- 3) Изъ Кабардинскихъ сказаний о Нартахъ, съ предисловіемъ отъ собирателя.

III. Этнографические очерки:

- 1) Религіозныя вѣрованія Абхазцевъ (съ рисункомъ), *А—а.*
- 2) Ингушевскіе праздники, *Чаха Ахриева.*

IV. Горская хѣтопись:

- 1) Полемика Дагестанскихъ ученыхъ по вопросу обѣ отчужденіи собственности по *мазру* (обѣту), съ предисловиемъ.
- 2) Освобожденіе зависимыхъ сословій въ Сухумскомъ Отдѣлѣ (Абхазіи и Семурзакані).
- 3) Статистическая свѣдѣнія о кавказскихъ горцахъ, состоящихъ въ военно-народномъ управлениі.

VI-й выпуск.

I. Исследования и материалы:

- 1) Абхазцы (Азега),—по поводу сочинения г. Дубровина:
„Очеркъ Кавказа и народовъ его населяющихъ“,—***.
- 2) Карта горскихъ народовъ, подвластныхъ Шамилю (съ приложениями), *И. П. Линеевичъ*.
- 3) Чеченское племя (съ примѣчаніями), *Умалата Лаудаева*.
- 4) Адаты жителей Кумыкской плоскости.

II. Народные сказания кавказскихъ горцевъ:

- 1) Кабардинская старина (і. Коварная жена.—іІ. Дохшуко Бгуншковъ.—іІІ. Отцовское завѣщаніе.—іV. Жанболать.—V. Айдемирканъ.—VI. Князь Амфоко Тосултановъ.—VІІ. Со-зырыхъ, сынъ Коала.—VІІІ. Гоаша-Махо.—IX. Абадзехъ-кровомститель.—X. Два друга).
- 2) Кабардинская сказки.

III. Горская лѣтопись:

- 1) Экономическое положеніе туземнаго населенія Сухумскаго отдѣла, *А—а*.
- 2) Научные извѣстія: і. По поводу изслѣдований П. К. Ус-лара о Юоринскомъ языке, *Н. В.*—іІ. Нѣсколько словъ о новомъ лингвистическомъ трудѣ академика Шифнера, *Л. П. Загурскаго*.
- 3) О самоубийствахъ въ Дагестанской области, *Н. В.*
- 4) Населеніе Закатальского округа по народной переписи 1871 года, *Н. В.*
- 5) Заимѣтка.

IV. Приложение:

Статистическія свѣдѣнія о Мангышлакѣ (съ картою), *И. П. Линеевича*.

147

VII-й выпускъ.

I. Изслѣдованія и материалы:

- 1) Сказание очевидца о Шамильѣ, *Гаджи-Али* (переводъ съ арабскаго).
- 2) Бывшее Елисуйское султанство (съ картою), *И. П. Линевича*.
- 3) Нѣсколько данныхъ для опредѣленія экономического быта жителей Елисуйского наибства, Занатальского округа, ***.
- 4) Присяга по обычному праву осетинъ, *Джантемира Шанаева*.
- 5) Адаты Даргинскихъ обществъ.

II. Народныя сказанія кавказскихъ горцевъ:

- 1) Изъ осетинскихъ народныхъ сказаний: а) Нартовскія сказанія (два варіанта о Сосырко — О томъ, какъ великанъ поймалъ Урызмага—Нарты и Сырдонъ—Гатагъ и его сыновья—Хатагъ-Барагъ), *Дж. Шанаевъ*; б) Сказаніе о св. Уастырджи, *Гуцмыра Шанаевъ*.

- 2) Даргинскія сказанія о Муллѣ Насрэддинѣ, *М. Амирѣвъ*.

III. Этнографические очерки:

Среди горцевъ Сѣвернаго Дагестана (изъ дневника гимназиста), *Гаджи-Мурада Амирѣва*.

IV. Приложенія:

- 1) Преданія Адаевцевъ о святыхъ, секты Ханафіе, жившихъ и умершихъ на Мангышлакѣ; 2) Воззваніе Мухаммеда-Сафы въ Адаевцамъ въ 1870 г.; 3) Рассказъ и стихи Тюркменскаго пѣвца Нури (съ острова Челекеня), 1870 г.; 4) О многочисленности и могуществѣ Уруса и 5) Киргизская пѣсня,—собр. и перев. *А. К.*

VIII-й випускъ.

I. Изслѣдованія и материалы:

- 1) Замѣтки о каринскомъ языке (въ связи съ изслѣдованными восточно-илюзийскими языками), *Л. П. Загурская*.
- 2) Имущество (изъ предания, вѣрованія и повѣрья), *Чаха Ахриевъ*.
- 3) Адаты южно-дагестанскихъ обществъ,
- 4) О послѣдствіяхъ убийствъ и пораненій между горцами восточного Кавказа, *Л.*

II. Этнографические очерки:

- 1) Две недѣли въ Даргинскомъ округѣ (путевые замѣтки), *Владимира Вильльеръ де Лиль-Адамъ*.
- 2) Горское паломничество, *Асламбека Базоркина*.
- 3) Въ осетинскомъ аулѣ, *Инала Канукова*.

III. Горская лѣтопись:

- 1) Изъ горской криминалистики, *В. В. Цвѣткова*.
- 2) Составъ населенія Дагестанской области, *Н. В.*
- 3) Библиографическая замѣтка, *Н. В.*

IV. Приложения:

- Сказки мангышлакскихъ туркменъ, *А. К.*

IX-й выпускъ.**I. Исследования и материалы:**

- 1) Характеристические особенности кавказскихъ языковъ.
Изъ посмертныхъ сочинений *П. К. Услара*.
- 2) Ингушки (ихъ жизнь и обычаи), *Н. Ф. Грабовского*.
- 3) Присоединение къ Россіи Кабарды и борьба ея за независимость, *его-же*.

II. Народная сказания кавказскихъ горцевъ:

Изъ осетинскихъ сказаний о Нартахъ: 1) Сказание о нартѣ Хамыцѣ, бѣломъ зайцѣ и сыне Хамыца — Батразѣ; 2) О нартѣ Урызмагѣ и Уарп-Алдарѣ; 3) О сыне знаменитаго богатыря—борца Аслана—Каурбекѣ,—Гацира *Шанаева*.

III. Этнографические очерки:

- 1) Суевѣрія и предразсудки у осетинъ, *Б. Гатиева*.
- 2) Горцы-переселенцы, *Иннала Канукова*.

IV. Горская лѣтопись:

- 1) Статистическая свѣдѣнія о населенныхъ мѣстахъ Западнаго Дагестана.
- 2) Поездки г. Беккера по Южному Дагестану, *Л. З.*
- 3) Свѣдѣнія о количествѣ народонаселенія въ Закатальскомъ овругѣ.
- 4) Численность и племенной составъ горского населения Терской области.

Желающіе пріобрѣсти вышедшія книги „Сборника
свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ“ благоволять об-
ращаться въ Кавказское Горское Управление или въ
книжные магазины гг. Беренштама и Вартанова, въ
Тифлісъ.

Цѣна каждого выпуска „Сборника“ *два* руб. Цѣ-
на Карты земель горскаго населенія *пятьдесятъ* коп.
За пересылку по почтѣ плата особо.

the following day. The author had been invited to speak at the meeting of the
Society of the Friends of the Poor, held at the Tabernacle, on the 11th inst., and
had accepted the invitation. He had also been invited to speak at the meeting of
the Anti-Slavery Society, held at the Tabernacle, on the 12th inst., and had
accepted the invitation. He had also been invited to speak at the meeting of the
Anti-Slavery Society, held at the Tabernacle, on the 13th inst., and had
accepted the invitation.